

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
«КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО»

**ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

**Материалы международной научной конференции,
15–17 марта 2018 г.**

Под общей редакцией проф. В.А. Веремко

Санкт-Петербург
«Культурно-просветительское товарищество»
2018

ББК 63.3 (2)6

Ч 24

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. В. А. Веремченко,

д.и.н., проф. Н.Д. Козлов,

к.и.н, доцент В.О. Левашко

С.В. Степанов (отв. ред)

Ч 24 Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.А. Веремченко, [отв. ред. С.В. Степанов]. — Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2018. — 618 с.

В сборнике представлены доклады международной научной конференции (15–17 марта 2018 г.), в работе которой приняли участие ученые из Российской Федерации и зарубежья. Среди авторов – ведущие ученые, специалисты и начинающие исследователи в области истории и социальных наук.

Материалы сборника могут представлять интерес для преподавателей вузов, учителей, организаторов образования, а также для научных работников, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами российской повседневности.

ISBN 978-5-9906144-1-10.

LENINGRAD STATE UNIVERSITY
A.S. PUSHKINA

THE PUBLIC ORGANIZATION OF THE LENINGRAD REGION
"CULTURAL AND EDUCATIONAL PARTNERSHIP"

PRIVATE AND PUBLIC IN DAILY LIFE OF THE POPULATION OF
RUSSIA: HISTORY AND PRESENT TIME
(REGIONAL ASPECT)

Materials of the international scientific conference,
March 15-17, 2018

Under the general editorship of prof. V.A. Veremenko

St. Petersburg
"Cultural and Educational Association"
2018

Editorial Board:

Valentina A. Veremenko, Full Professor, Doctor
of Historical Sciences,
Nikolai D. Kozlov, Full Professor, Doctor of
Historical Sciences,
Vadim O. Levashko, Associate Professor,
Candidate of Historical Sciences,
Stanislav V. Stepanov (editor-in-chief)

Private and public in daily life of the population of Russia: history and present time (regional aspect). Collection of materials of the international scientific conference / under the general editorship of prof. V.A. Veremenko, editor-in-chief S.V. Stepanov. — St. Petersburg, 2018. — 618 p.

The collection presents the reports of the international scientific conference (March 15-17, 2018), in which scientists from the Russian Federation and abroad took part. Among the authors there are leading scientists, specialists and beginning researchers in the field of history and social sciences.

The materials of the collection can be of interest for university teachers, teachers, educational providers, as well as for researchers, postgraduates, students and all those who are interested in the problems of Russian daily life.

ISBN 978-5-9906144-1-10.

© Authors of articles, 2018
© Pushkin Leningrad State
University, 2018
© «Cultural and Educational
Association», 2018

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

И.С. Томилов*

Повседневная жизнь горожан Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: социальный конструкт

Повседневность является важнейшей частью общественно-социального конструкта реальности. Вместе с тем, общественный быт имеет ряд особенностей, зависящих от региональной специфики и комплекса факторов: условия формирования, особенности развития, количество и наполняемость элементов. В данной работе охарактеризован общественный быт горожан Тобольской губернии на одном из переломных этапов истории России – во второй половине XIX – начале XX вв. В работе дифференцированы важные компоненты общественного быта в ходе исторического процесса на этапе модернизационных преобразований российского общества: политизация, общественность, культура.

Daily is the most important part of the social construct of reality. However, public life has a number of features that are dependent on regional specifics and the complex of factors: conditions of formation, peculiarities of development, the number and occupancy of the elements. In this paper the author described the social life of the townspeople of Tobolsk province in one of the crucial stages of Russian history in the second half of XIX – early XX centuries. The work is differentiated important components of social life in the course of historical process in the phase of modernization reforms of the Russian society: the politicization of the public culture.

Ключевые слова: общественный быт, город, Тобольская губерния, позднеимперский период, социальный конструкт

Key words: social life, the city, the Tobolsk province, late Imperial period, a social construct

В исторической динамике явление общественного быта неординарно. Кроме того, серьезный отпечаток на процесс развития накладывают географические и административные границы. И если уникальные и общие черты крупных социумов изучены довольно подробно, то небольшие малонаселенные регионы часто остаются без внимания со стороны исследователей.

При выполнении поставленных в исследовании задач были впервые использованы положения теории модернизации традиционного общества, «истории ментальностей» в рамках концепции социально-исторической урбанистики, локальный подход, а также конструкты «истории повседневности» применительно к городскому быту жителей Тобольской

***Томилов Игорь Сергеевич**, младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

губернии. Многие проблемы, затрагиваемые в работе, ранее практически не рассматривались: влияние локального аппарата управления на генезис общественного быта, работа добровольных объединений в области образования, трансформация праздничной культуры и сферы досуга в течение рассматриваемого периода, развитие и возникновение политических конгломератов, роль политизации в городской повседневности региона.

Самоуправление имело важное значение в процессе организации городского быта, регулируя его в границах установившейся на протяжении длительного времени традиции, а также соотнося его с действующим законодательством. В.И. Ленин отмечал две особенности местного самоуправления в России – сословный характер городского самоуправления и отсутствие самостоятельности по причине существенного влияния сильной правительственной власти. По его мнению, полномочное самоуправление возможно только в свободном обществе, «...а про русского обывателя или подданного можно сказать, что он, будучи беден гражданскими правами, особенно беден сознанием своего бесправия». При этом В.И. Ленин подчеркивал, что «местное самоуправление действительно сколько-нибудь демократическое, невозможно без полного свержения помещичьей власти». Таким образом, решение проблем городского самоуправления В.И. Лениным сводилось к необходимости коренного революционного преобразования общества [4, с. 311–316].

«Реакционная центральная власть, – писал В.И. Ленин – допускает существование демократических местных учреждений, земств, муниципальных правлений и т.п., потому что они занимаются безвредными для буржуазного государства лужением умывальников, водоснабжением, электрическими трамваями и т.п.» [3, с. 21–72]. В целом, взгляды современников на проводимые в конце XIX в. реформы не были однозначными. Отмечая улучшение упорядочивания выборов в думы и благоприятное воздействие на рост удельного веса избирателей малолюдных городов с упрощенным самоуправлением, специалисты в массе своей сходились во мнении, что «после реформы 1892 г. у нас не осталось самоуправления в общепринятом смысле слова» [2, с. 111; 6, с. 42]. С другой стороны, такие приверженцы монархического строя как С.М. Василевский, А.Г. Михайловский отмечали положительное влияние Положений, находя в качестве единственного серьезного недостатка несовершенный избирательный закон [1; 5].

Количество горожан Тобольской губернии, имевших право участия в выборах депутатов органов самоуправления, было невелико. На протяжении целых десятилетий в каждом из городов это число не превышало нескольких процентов. Стоит учитывать, что явка на выборах была еще ниже. Таким образом, в течение почти полувека (1870-е – 1910-е гг.) активное участие в выборах гласных принимало незначительное количество горожан Тобольской губернии. Это вызывает определенные сомнения в

легитимности дум, доверие которым выразило абсолютное меньшинство городского населения региона. Для сравнения, в соседнем Томске подобная тенденция практически не проявлялась, по крайней мере, вплоть до проведения реформы 1892 г.: в выборах депутатов первого состава городской думы (1871 г.) приняла участие почти четверть населения (ок. 250 чел.) от количества жителей, обладавших пассивным избирательным правом (944 чел.) [7, с. 167].

На рубеже XIX–XX вв. население городов Тобольской губернии получило систему органов общественного самоуправления в лице управ и дум, широкие полномочия в области ряда муниципальных хозяйственных вопросов, но в то же время оказалось под жестким контролем со стороны администрации губернии. Тем не менее, реформа местного общественного самоуправления стала одной из предпосылок формирования индивидуальной и коллективной самодеятельности горожан, а также неотъемлемой частью регламентации общественного быта.

В пореформенное время в губернии активизируются представители общественности, в профильном и территориальном отношениях расширяется гражданская инициатива. Несмотря на охранно-полицейскую деятельность самодержавия, интенсивно образуются добровольные организации в городах Тобольской губернии, которые способствовали складыванию нового вида городской культуры. По прошествии времени такие конгломераты начинали играть особую роль в истории повседневности, ширя поле своей деятельности и охватывая новые слои населения. Своей работой они выводили из цельного функционирующего механизма слабые элементы, эффективно направляя запросы социума в требуемое временем русло.

Начало XX столетия отмечено стартом процесса политизации городского социума. Для Европейской России это связывалось с появлением новых идеолого-политических движений и сменившейся общественно-политической обстановкой в период революционных событий 1905–1907 гг. В городских поселениях Тобольской губернии эти явления прошли гораздо спокойнее – в своем роде бурные события (кроме незначительного количества происшествий, которые остались в стороне от широкой общественности) не затронули провинциальный край. Более важную роль в политизации местного населения сыграли избирательные кампании в Государственную думу, проводимые на территории региона. Процесс создания политических союзов и выборов, характеристики депутатов свидетельствовали об абсентеизме населения, политической апатии, которая во многом была вызвана жесткостью цензового избирательного законодательства. Впоследствии эти выводы подтвердились падением интереса жителей и к выборам в городской «парламент». Политизация населения приобрела большое значение в стремительно меняющихся условиях и стала детерминантой, обусловившей направление развития

общественного быта горожан. Становление политической культуры, рост уровня вовлеченности жителей определил потенциал быта, чья реализация подразумевала появление новой ступени повседневной жизни.

Как и другие области жизнедеятельности, образование в Тобольской губернии на рубеже веков находилось на этапе интенсификации. Однако в отличие от прочих сфер просвещение приобрело значение приоритетного направления: значительно возросло количество учебных учреждений среднего и начального звеньев, расширяется внешкольное обучение, возникает система женского и профессионального образования, ширится сеть объектов социального и культурного типов (общества, библиотеки, склады и пр.). При этом в образовательной динамике одну из ролей продолжало играть сословное положение: ряд учебных заведений (а часто и освоение базовых программ) являлись доступными не каждому жителю края, будучи привилегией состоятельных горожан. Такой процесс стал особым двигателем для общественной жизни, без чего представляется сложным рассмотрение аспектов повседневности горожан.

Наиболее явные проблемы в образовании проявились в так называемых «малых» городах губернии. В среднем доля образованных жителей Березова, Сургута, Туринска, Тюкалинска и Ялуторовска не превышала 39,7 %. Управы в этих городах были ликвидированы, обязанности органов были переданы избранным старостам и их секретарям. Среди них в сословном отношении (1895–1914) подавляюще доминировали мещане (порядка 78%), доля купцов составляла не более 12%, остальные представляли чиновничество, крестьянство и военные круги.

Урбанизация и модернизация в губернии существенным образом отразились на сфере досуга. Трансформирован городской социокультурный облик, в общественном быте начинает доминировать светский образ жизни. Положение в промышленности и рост уровня грамотности привели к возрастанию культурных потребностей: расширялась инфраструктура социокультурных объектов, получила разнообразие культура праздника, возникали новые формы досуга. Все это говорит о новом витке в сфере общественных отношений. Показатели трансформации досугово-праздничной грани повседневности являются неявными катализаторами модернизации быта, выражая предпочтения городского человека в границах означенного социума.

Список литературы:

1. Васильевский С.М. Городское самоуправление и хозяйство. СПб.: Тип. С.М. Проппера, 1906.
2. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1996.
3. Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма / Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 5. М.: Политиздат, 1967.
4. Ленин В.И. Местное самоуправление как оплот против реакции / Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 16. М.: Политиздат, 1973.

5. Михайловский А.Г. Реформа городского самоуправления в России. М.: Польза, 1908.

6. Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление // Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем. Т. II, IV. СПб.: Изд-во М.И. Семенова, 1913.

7. Экономическое состояние городских поселений Сибири / сост. Л.Н. Майков, М.Н. Раевский. СПб.: Тип. МВД, 1882.

А.С. Борзых*

Направления деятельности Местного Отделения Российское Общество Красного Креста г. Вологда последней трети XIX - начале XX в.

В статье поднимается вопрос о направлениях деятельности Местного отделения РОКК. Автор на примере г. Вологда последней трети XIX – нач. XX века демонстрирует деятельность отделений РОКК в Российской глубинке. Рассматриваются ключевые этапы становления Местного отделения РОКК г. Вологда. Делается вывод о характере отношений между ними.

The article raises the question about the activities of the Local branch of the Russian Red Cross Society. The author demonstrates the activities of the Russian Red Cross Society in the Russian backwoods on the example of Vologda last third of the 19th-early 20th century. It observes the key stages of the Local branch formation of the Russian Red Cross Society of Vologda. Based on this material concludes the nature of the relationship between them.

Ключевые слова: благотворительность, Российское Общество Красного Креста (РОКК), сестры милосердия, оказание помощи нуждающимся.

Keywords: charity, Russian red cross Society (ROKKO), sisters of mercy, assisting those in need.

В мае 1867 г. император Александр II утвердил Устав «Общества попечения о раненых и больных воинах», что стало датой основания Общества, которое в 1879 г. было переименовано в Российское Общество Красного Креста (РОКК). Оно находилось под покровительством Императрицы Марии Александровны.

Структура РОКК сформировалась к концу XIX в. и состояла из подразделений. Каждое подразделение могло существовать автономно, при этом представляло собой сеть учреждений: окружное управление, местное управление, местный комитет, община сестер милосердия. В сферу контроля управлений была включена работа местных комитетов в городах и иных населенных пунктах [6]. Российское Общество Красного Креста имело одну

---

* **Борзых Анастасия Сергеевна**, аспирантка, Череповецкий государственный университет

из самых разветвленных сетей и распространяло свое влияние почти во все регионы Российской империи. Не стала исключением и Вологодская губерния.

Накануне русско-турецкой войны, в 1876 г. в Вологде было создано Местное Управление общества о попечении больных и раненых воинах. Для оказания помощи раненым, в период войны, было принято решение об организации передвижного госпиталя на 100 кроватей в местечке Лысая Гора. За военное время с 29 июля 1877 по 1 января 1878 гг. госпиталь принял и оказал помощь 282 солдатам (офицеров не было) [12, с. 45].

После окончания войны экстренная надобность в Вологодском местном отделении общества попечения о раненых и больных отпала, и оно было закрыто. Остатки денежных средств перевели в Главное Управление на особый счёт. В декабре 1890 г. от председателя Российского Общества Красного Креста было получено предложение о восстановлении Вологодского отделения Красного Креста и расширении его полномочий в мирное время. Таким образом, с 1891 г. Вологодское отделение Красного Креста возобновило свою работу [3, с. 9].

Проанализировав вышеизложенные факты, не могут не возникнуть вопросы о том какие цели преследовало Главное Управление РОКК, открывая свои отделения по всей стране? Какие основные направления деятельности выбирали для себя Местные Отделения РОКК? Чем они были полезны жителям периферии, какую помощь оказывали Главному Управлению? В данной статье на базе деятельности Вологодского Местного Отделения РОКК будет предпринята попытка ответить на эти вопросы.

Возобновив деятельность в 1891 г., Вологодское отделение РОКК больше не прекращало свою работу и постоянно расширяло сферы деятельности. Так в апреле 1896 г. состоялось торжественное открытие Вологодской Общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста. Целью Общины была подготовка сестер милосердия для безвозмездного служения больным и раненым в военное время и для ухода в мирное время за больными в госпиталях и частных домах города и уезда, а также для командирования сестер в помощь земскому врачебному персоналу, во время эпидемических болезней [2, с. 5].

Время показало, что сестры милосердия в своей работе строго придерживались цели своего служения. Так 1903 г. Вологодская Община сестер милосердия насчитывала 21 сестру милосердия и 8 испытуемых. В этом году сестры находились на практике у частных лиц, в Губернской земской больнице, приюте «Ясли», интернате Мариинской женской гимназии и кроме того в уездах: Вологодском, Кадниковском, Тотемском, где они работали в больницах земства. Сестры выполняли свою работу хорошо, что подтверждают отзывы в их личных книжках [8, с. 23].

Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война внесла коррективы в работу Общины. Большая часть сестер милосердия Вологодской Общины

была отправлена на театр военных действий. 27 апреля 1904 г. последовала отправка на войну Вологодского плавучего лазарета, в состав которого вошли 10 сестер милосердия, из которых 9 из Вологодской Общины. Согласно распоряжению Исполнительной Комиссии Главного Управления РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам, 19 мая 1904 г. в Самаре был отправлен отряд из 12 сестер милосердия для дальнейшей переброски их в госпитали Красного Креста в театре военных действий [9, с. 35].

В честь дня рождения Императрицы Марии Федоровны, 14 ноября 1900 г., была открыта Хирургическая лечебница при Общине сестер милосердия Вологодского Местного отделения РОКК. Клиника состояла из стационара на 8 коек и амбулатории [4, л. 23]. Согласно выписке из журнала заседаний Главного Управления Общества Красного Креста от 11 мая 1901 г., в лечебнице можно было разместить до 15 больных. Штат состоял из главного врача, трех старших и трех младших ординаторов, аптекаря [4, л. 49]. Также, было принято решение пригласить на работу опытного фельдшера с жалованием в 10 руб. в год [4, л. 12].

Практика открытия лечебниц при Общинах сестер милосердия была повсеместной. Однако, для провинциальной Вологды начала XX в., такая форма помощи была в новинку. Община не ставила первостепенной задачей оказание медицинских услуг населению, считая более важным аспектом качественную подготовку сестер милосердия для дальнейшей работы на фронте в случае наступления войны. Возможно этот факт, а также отсутствие на первых порах возможности приема пациентов, привело к тому, что поначалу популярной у населения больница не была. В первый год услугами стационара воспользовались только 10 чел., амбулаторией – 27 человек [4, л. 79]. Вопрос необходимости данной лечебницы для населения г. Вологды был весьма спорен, ведь на начало XX века в городе уже функционировало 8 лечебных заведений [5, с. 84]. Лишь с началом Первой Мировой войны, когда лечебница стала лазаретом для раненых на 25 коек, её деятельность можно считать значимой. Кроме того, под госпиталь отдали помещения в амбулатории, а также часть комнат сестер милосердия [11, с. 35]. В итоге лазарет разместился в двух зданиях: в двухэтажном доме и надворном флигеле. В последнем находились тяжело раненые. В этом помещении функционировал операционный зал и вспомогательная к нему палата. Здесь же располагался кабинет для рентгена, врачебный кабинет [7]. В итоге, в обоих зданиях удалось развернуть госпиталь на 50 коек.

Местное отделение РОКК в г. Вологде, согласно своему Уставу, имело широкий спектр деятельности, в основе которого лежала идея безвозмездной помощи нуждающимся. Ежегодно Местное отделение выплачивало пособие увечным воинам. Самая большая сумма была выплачена в 1897 г. и составила 145 руб. 17 коп., ею воспользовались три лица из воинских чинов (1 офицер и 2 нижних чина). Размер пособия

определялся сообразно степени беспомощности обращающегося. Преимущество при назначении пособия получали лица, не имевшие трехрублевого пособия от казны, а также в силу преклонных лет, упадка сил или болезненного состояния нетрудоспособные и не имевшие родных, которые могли бы их содержать [1, с. 8]. Оказание помощи такому небольшому количеству воинов ничтожно мало, даже для небольшого г. Вологды.

Ежегодно Местное отделение РОКК г. Вологды отсылало различные денежные суммы в Главное Управление. С началом военных действий суммы, которые переправляло Местное отделение, сильно возрасли. Так в 1904 г., на собранные пожертвования в размере 6 000 руб., был сформирован и отправлен на Дальний Восток плавучий лазарет на 100 кроватей [9, с. 7]. С началом Первой Мировой войны, в Главное Управление было отослано пожертвований почти на 13 000 руб., также около 24 000 руб. поступило на открытие лазаретов для раненых воинов в г. Вологда [10].

Исходя из вышеизложенного видно, что нельзя дать однозначной оценки причины создания Местных отделений РОКК, как исключительно для увеличения числа пожертвований, за счет провинциального населения. Появление данного Общества в г. Вологда способствовало улучшению медицинского обслуживания. В первую очередь, благодаря сестрам милосердия, которые взяли на себя забот о сиротах, тяжелобольных и находящихся на стационарном лечении пациентах. Открывшаяся хирургическая лечебница, хоть и ставила своей целью подготовку сестер милосердия для работы на фронте, при этом постоянно оказывала различную медицинскую помощь населению. Её появление повысило доступность медицинского обслуживания в городе. Несмотря на то, что установленные в учреждении цены можно считать достаточно высокими, за помощью в клинику имели возможность обращаться горожане и низкого социального статуса. Также, именно, Общество Красного Креста в полной мере взялось за организацию помощи раненым во время Первой Мировой войны.

В период военных столкновений деятельность РОКК в целом и Местного отделения в частности резко изменялась. Основной задачей военного времени становилась всесторонняя поддержка армии. Для этого повсеместно появлялись центры сбора пожертвований как денежных, так и материальных. Вологодская губерния не осталась в стороне от таких событий и активно принимала участие в создании лазаретов и сборе пожертвований. Сбор средств для поддержки армии в годы войны позволял вологжанам ощутить свою причастность к защите России. Все вырученные средства отправлялись в Главное Управление.

Таким образом, можно сделать вывод о тесном взаимодействии, возникшем в процессе деятельности Главного Управления РОКК и Местного отделения г. Вологды. Направления деятельности Местного

Управления РОКК г. Вологда соответствовали принятому Уставу РОКК, а также удовлетворяли потребности жителей провинциального города.

Список литературы:

1. Вологодские губернские ведомости. 1898. №18. С. 8.
2. Вологодские губернские ведомости. 1896. №15. С. 5.
3. Вологодские губернские ведомости. 1891. №49. С. 9.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 732. Оп. 1. Д. 4.
5. Ежегодник Вологодской губернии на 1911 год. Вологда: изд-во И. Семенова, 1911. 212 с.
6. Олешкова А. М. Институционализация красно-крестного движения на Урале // История и археология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014. С. 65–68. URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/117/5619/> (Дата обращения: 04.12.2017).
7. Освящение лазарета общины Красного Креста // Вологодский листок. 1914. 24 августа. С. 2.
8. Отчет Вологодского Местного Управления РОКК за 1903 год. Вологда: Тип. Губернского Правления, 1904. 60 с.
9. Отчет Вологодского Местного Управления РОКК за 1904 год. Вологда: Тип. Губернского Правления, 1905. 138 с.
10. Отчет о деятельности Вологодской Общины Сестер Милосердия РОКК со времени объявления войны России Германией в июле 1914 и по 1е апреля 1915. Вологда: Тип. Губернского правления, 1915. 122 с.
11. Отчеты по Вологодскому Местному Управлению РОКК за 1914 год и по Вологодской Общине сестер милосердия за время с 1 января по 22 августа, а также по открытым в Вологодской губернии, на время войны, Комитетам и их отделам для сбора пожертвований на больных и раненых воинов за время с начала войны по 1 января 1915 года. Вологда: Тип. Губернского правления, 1916. 126 с.
12. Российское общество Красного креста. Обзор деятельности и отчет Вологодского местного управления общества попечения о раненых и больных воинах, а равно и Никольского комитета за 1877 год. Вологда: Тип. В. А. Гудкова-Белякова, 1878. 69 с.

**Роль полицейского надзора в повседневной жизни лиц,
административно высланных в Тверскую губернию в конце XIX –
начале XX вв.**

В статье рассматривается специфика повседневной жизни лиц, административно высланных в Тверскую губернию за «политическую неблагонадежность», обусловленная их подчинением полицейскому надзору. Делается вывод, что повседневная жизнь административно высланных лиц отличалась от быта остальной части жителей провинциального города. Это проявлялось в целом ряде ограничений. «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» 1882 г. жестко регламентировало жизнь поднадзорных, ограничивало их в свободе передвижения и в выборе занятий.

The article describes the specifics of everyday life of the people who were administratively banished into the Tver province as “politically unreliable” in the late XIX – early XX centuries, because they were being supervised. The paper concludes that the everyday life of the people who were administratively banished different from the life of residents a provincial town. This was manifested in a number of limitations. The document “Regulations about the police supervision performed under the orders of administrative authorities” 1882 regulated the life of the people who were under supervision, limited their freedom to move and in choice of a big number of trades.

Ключевые слова: административная политическая высылка, Тверская губерния, конец XIX – начало XX вв., полицейский надзор, поднадзорные, повседневная жизнь.

Keywords: administrative political banishment, the Tver province, the late XIX – early XX centuries, police surveillance, the people who were under supervision, everyday life.

Высылка в административном порядке в губернии центральной России не была однородна и различалась по своим видам: высылка в избранное местожительство, на родину или в место приписки с лишением права отлучек из места жительства и подчинением гласному надзору полиции; высылка с разрешением жить на территории всей империи за исключением определенных городов и местностей и запрещением въезда в эти местности без разрешения властей с установлением, как правило, негласного надзора полиции. В правовом отношении эти категории высылаемых лиц имели вполне определенные различия.

Условия отбывания административной высылки лицами, подчиненными гласному надзору полиции определяло «Положение о

---

* **Ванюшина Олеся Викторовна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического отдела Тверского государственного объединенного музея

полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей», изданном 12 марта 1882 г. [3]. Данный документ состоял из 40 пунктов. В первом пункте Положения отмечалось, что «полицейский надзор, есть мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка». Полиция должна была вести самое пристальное наблюдение даже за личной жизнью поднадзорных, не допустить влияния поднадзорных на местное население. В соответствии с Положением, поднадзорный, прибыв к месту высылки, обязан был передать полиции все документы, касающиеся его личности, звания, а также вид на жительство [3]. Документы хранились в полицейском участке, под надзором которого находился высылаемый. Лица, состоящие под надзором полиции, должны были являться в полицейский участок по первому требованию местных правоохранительных органов. Положение допускало проведение полицией обысков и вторжение в жилище поднадзорного лица в любое время. Министром внутренних дел могло быть вынесено постановление о перлюстрации всей его переписки.

Административно высланные, состоящим под гласным надзором полиции, не имели права покидать населенный пункт, предназначенный для высылки. В случае переезда из одной квартиры в другую в городе поднадзорный должен был в течение суток сообщить об этом местным правоохранительным органам. Временные отлучки дозволялись только по уважительным причинам и в случаях удовлетворительного поведения высланного лица. По российскому законодательству отлучка поднадзорным предоставлялась в случае тяжелой или смертельной болезни родителей, жены или детей, а также в обстоятельствах, которые грозят разорением его семье и не могут быть улажены без его личного присутствия [1, л. 38].

В пределах уезда передвижение допускалось и при других обстоятельствах. Отлучки в другие губернии предоставлялись Министром Внутренних Дел с согласия губернатора. Временные отлучки поднадзорных в пределах уезда допускались с разрешения местного начальника полиции, в пределах губернии – местного губернатора [3]. В большинстве случаев власти относились к таким просьбам лояльно и разрешали вопрос в пользу поднадзорного. Административно высланные получали проходное свидетельство и обязаны были следовать маршруту, указанному в нем. Причем в маршруте описывался точно и подробно тот путь, по которому обязан следовать поднадзорный от места своего жительства до того места, в которое ему разрешена отлучка. В проходном свидетельстве также указывались особые приметы ссыльного, срок на который разрешена отлучка. После прибытия поднадзорного на место, в которое ему была разрешена отлучка, он обязан был в течение суток явиться в местное полицейское управление и предъявить проходное свидетельство.

Власти очень серьезно подходили к вопросу о предоставлении отлучек поднадзорным и тщательно «взвешивали» каждое свое решение.

При этом местная администрация и полицейские чины старались действовать исключительно в рамках закона. В большинстве случаев просьбы поднадзорных о предоставлении временных отлучек по причине болезни близких родственников или для лечения у врачей-специалистов, подлежали удовлетворению. В тоже время просьбы поднадзорных о предоставлении отлучек с целью продолжения образования, свидания с семьей, поездок на праздники или на летний отдых в большинстве своем удовлетворены не были.

Не все поднадзорные были законопослушны и совершали самовольные отлучки из места водворения, например, в Москву или Петербург. Учитывая особое расположение Тверской губернии между столиц и наличие железной дороги, административно высланным Тверской губернии нередко удавалось быстро уехать из города и вернуться обратно незамеченными полицией.

«В самом деле, – пишет В.И. Дмитриева о высланных по политическим обвинениям в Тверскую губернию лицах, – уследить за такой ордой было трудно: несмотря на слежку и подписку о невыезде, беспрестанно отлучались и в Москву и в Питер, а однажды под носом у городских наняли несколько саней и целой гурьбой ездил за шестнадцать верст от Твери в Бурашево к доктору Яковенко, который заведовал больницей для умалишенных. Переполох был страшный, всех вызывали к полицмейстеру для внушения» [2, л. 238].

«Положение» конкретизировало порядок назначения пособия от казны и занятия поднадзорных в месте водворения. Так, высланным запрещалось вести педагогическую работу, состоять на государственной и общественной службе, содержать типографии, литографии, фотоателье, библиотеки для чтения и работать в них [3]. Медицинская практика дозволялась не иначе, как с разрешения Министра Внутренних Дел [3]. Такое разрешение выдавалось крайне редко, так как подобная работа предусматривала тесный контакт «неблагонадежного» лица с местным населением, посему она признавалась опасной и запрещалась.

Таким образом, «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г, жестко регламентировало жизнь поднадзорных, ограничивало их в свободе передвижения и в выборе занятий.

В отличии от гласного надзора негласный (секретный) полицейский надзор принудительного характера не имел. Административно высланные, состоящие под негласным надзором, не могли ограничиваться в свободе передвижения или выборе занятий, как это было при гласном полицейском надзоре. На практике же в Тверской губернии получалось так, что административно высланные, состоящие под негласным надзором, как и гласноподнадзорные были подвергнуты ряду ограничений. Поднадзорным данной категории воспрещалось жительство в указанных в решении о

высылке местностях, они давали подписку о невыезде и могли быть привлечены к ответственности за отлучку, обязаны были дважды в неделю приходить в полицию на предмет удостоверения личности и как лица «неблагонадежные», испытывали на себе целый ряд ограничений при выборе занятий.

Таким образом, повседневная жизнь административно высланных лиц отличалась от быта остальной части жителей провинциального города. Регулярный надзор со стороны полиции, обязанность несколько раз в неделю отмечаться в полицейском участке, запрет на выезд из места водворения без разрешения властей, законодательные ограничения в праве избрания занятия составили основу всех изменений в повседневной жизни административно высланных лиц.

Список литературы:

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 927. Оп. Д. 23. Л. 38.
2. Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). М.-Л.: Молодая гвардия, 1930.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр.3-е. Т. II. № 730.

А.А. Кальсина*

Общество, власть и школа в условиях Гражданской войны в Урало-Сибирском регионе (1918–1919 гг.)

В статье раскрываются проблемы реформирования школьного образования в Урало-Сибирском регионе в условиях Гражданской войны

The article reveals the problems of reforming school education in the Ural-Siberian region in the conditions of the Civil War

Ключевые слова: гражданская война, школа, реформирование образования, единая трудовая школа

Keywords: civil war, school, education reform, unified labor school

В Октябре 1917 г. школа вместе с обществом вошла в полосу радикальных реформ. Школьный вопрос, все еще не решенный в предшествующий период, переместился в плоскость политической борьбы. Школьная система, являясь важным социальным институтом общества, в период Гражданской войны стала сферой практических интересов различных политических сил. На территориях, где существовала Советская власть, были приняты государственные акты и

---

* **Кальсина Алла Алексеевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Пермь)

декреты, которые привели к кардинальному преобразованию системы просвещения и утверждению в качестве доминирующей – парадигмы трудовой школы. Вопросы управления школьной системой были сосредоточены в руках Наркомата просвещения РСФСР.

На территориях небольшевицких правительств восстанавливались либо правила дореволюционного времени, либо порядок, существовавший после Февральской революции. Под контролем этих сил находились Урал, Сибирь и Дальний Восток. Несмотря на военное время, небольшевицкими правительствами на подконтрольных территориях проводилась собственная школьная политика и была предложена другая модель государственной школы.

В условиях противостояния каждая сторона понимала значимость системы образования как теоретического и практического инструмента воздействия на социум, вела борьбу за учителя как основного проводника политики и предлагала обществу свою модель новой школы.

В рассматриваемый период Пермская губерния пережила чередование различных политических режимов. В Октябре 1917 г. власть Временного правительства сменилась победой большевиков, осуществление новой школьной политики началось в январе 1918 г., но процесс становления новой трудовой школы был прерван. Летом 1918 г. часть территории Пермской губернии оказалась под контролем областных коалиционных правительств: Временного Сибирского правительства (с центром в г. Омске) и Временного областного правительства Урала (г. Екатеринбург).

Под контролем Временного Сибирского правительства находились следующие уезды: Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Златоустовский, Челябинский, Троицкий, Верхне-Уфалейский, Кустанайский, Кыштымский. Временное областное правительство Урала ведало территориями, оставленными большевиками и не подпадавшими под юрисдикцию Временного Сибирского правительства. С последним велись территориальные тяжбы по поводу Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов [8, с. 253].

По партийной принадлежности это были правительства эсеро-меньшевицского толка, а по социальному составу представлены интеллигенцией. Создание таких правительств в годы Гражданской войны было попыткой российской интеллигенции учредить демократические структуры власти, основываясь на идее «третьего пути». Эта идея воплотилась в стремлении правительств занять промежуточную позицию между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии и на практике осуществить внеклассовое «народовластие». Временное областное правительство Урала просуществовало недолго. Не имея достаточных финансовых средств, оно фактически было в подчинении Временного Сибирского правительства с центром в г. Омске.

В ноябре 1918 г. власть в Омске захватил адмирал А.В. Колчак, установив диктатуру. 24 декабря 1918 г. в результате военной кампании Сибирская армия адмирала А.В. Колчака вытеснила отряды Красной армии с территории Пермской губернии, установив на полгода свою власть, в том числе и в губернском центре –

г. Перми. Часть Оханского и Осинского уездов оставались под властью большевиков. Эти уезды оказались в прифронтовой полосе [1, л. 3].

Вопросы школьной политики и образования контролировало Министерство народного просвещения правительства А.В. Колчака, став преемником МНП Временного Сибирского правительства и продолжателем традиций Министерства народного просвещения императорской эпохи. Влияние министерства распространялось на Пермскую губернию до июля 1919 г.

В условиях классового противостояния российского общества обе государственные структуры (Наркомпрос РСФСР и МНП) выработали определенные позиции в области школьной политики и осуществляли конкретные практические меры по ее реализации.

Состояние школьной системы в Пермской губернии в 1918–1919 гг. отражало общую тенденцию военного времени. Материальная и организационная база народного образования была подорвана, существенно снизилось качество образовательного процесса, школьные здания становились объектом реквизиции для нужд армии.

Школьная политика Наркомпроса РСФСР на территории Пермской губернии осуществлялась в соответствии с Положением «Об Единой трудовой школе» [7, с. 13–15]. Пермский Губернский отдел народного образования приступил к осуществлению реформирования школы с января 1918 г. Была поставлена задача: в корне изменить старую «школу учебы». Дело народного образования было изъято из рук земств и городского самоуправления. Ликвидирован Оренбургский учебный округ. Созданы новые структуры управления народным образованием. Мероприятия советской власти в области просвещения в Пермской губернии были также направлены на ликвидацию неграмотности населения и подготовку педагогических кадров [2, л. 3].

Образовательная политика большевиков на начальном этапе формировалась в условиях противодействия со стороны педагогической общественности, активно выступавшей против вооруженного захвата власти.

Несмотря на то, что провозглашенные принципы трудовой школы носили демократичный характер, уже в первых декретах о школе были заложены зачатки нетерпимости, партийности и классового подхода к учителю. Жесткий классовый подход проявился в политике выборности учителей. Способы, которыми проводилась в жизнь эта политика, были грубы и насильственны, что вызывало в учительской среде недовольство и сопротивление.

Процесс демократизации школы вылился в крайние формы. Создание школьных советов и участие в управлении школой общественности и властных структур, перевыборы педагогов были расценены учителями как нарушение принципа автономии школы. Учителя Перми, Екатеринбурга, Чердыни в массовом порядке отказывались от сотрудничества с советской властью [3, л. 1].

Антибольшевистские выступления учительства в первые месяцы после Октябрьского переворота 1917 г. привели к формированию настороженного отношения власти к учительской массе. Вместе с тем большевики понимали, что

без учительства решить многие социальные проблемы и обеспечить подъем культурного уровня населения невозможно.

В рассматриваемый период были осуществлены лишь первые шаги советской власти в деле становления единой трудовой государственной школы в Пермской губернии. В то же время нельзя преуменьшать значение этого периода, так как были приняты кардинальные решения, придавшие школе мощный идеологический импульс и положивший начало ее советизации. Однако процесс становления новой школы в Пермской губернии вскоре был прерван военными событиями Гражданской войны.

Школьная политика небольшевистских правительств на территории Пермской губернии осуществлялась с лета 1918 г. и первую половину 1919 г. Часть территории Пермской губернии оказалась под контролем областных коалиционных правительств: Временного Сибирского правительства (с центром в Омске) и Временного областного правительства Урала (г. Екатеринбург).

В области школьной политики данные правительства действовали в соответствии демократическими устремлениями периода Февральской революции. Временное областное правительство Урала (ВОПУ) собиралось принять все возможные меры по осуществлению всеобщего и обязательного обучения, предоставляя школе автономию в вопросах внутренней жизни. Управлением народного просвещения ВОПУ были разработаны новые ставки оплаты учительского труда, были подготовлены законопроекты о переиздании школьных учебников. Все вопросы школьной жизни ВОПУ собиралось решать, опираясь на общественность и местные органы самоуправления [4, л. 5]. Однако реализовать многие проекты так и не удалось. ВОПУ просуществовало слишком недолго (с августа по ноябрь 1918 г.). Не имея достаточных финансовых средств, оно фактически было в подчинении Временного Сибирского правительства.

МНП Временного Сибирского правительства, образованное 1 июля 1918 г. в г. Омске, на подконтрольных ему территориях издало ряд постановлений, регулирующих школьную жизнь, в частности, о перевыборах учительства и об управлении учебными заведениями. Педагогическим советам учебных заведений была дана большая свобода действия. В их компетенции были вопросы не только внутренней школьной жизни, но и выборности учителей, а также руководящих лиц учебных заведений. В ведении МНП оставались вопросы реорганизации школ, введения дополнительных предметов, размер платы за обучение [9, с. 15].

Следует отметить, что в МНП Временного Сибирского правительства вопросы материального обеспечения учительства и школы решались более последовательно, чем ВОПУ. Многие педагогические коллективы в Пермской губернии на территориях, подконтрольных ВОПУ, по экономическим причинам желали перейти в ведомство МНП Временного Сибирского правительства [5, л. 406].

С января 1919 г. после переворота в Омске (18 ноября 1918 г.) вопросы школьной жизни в Пермской губернии контролировало Министерство народного просвещения Российского правительства А.В. Колчака (далее МНППК).

МНП правительства А.В. Колчака выступило преемником МНП Временного Сибирского правительства, а также продолжало некоторые традиции МНП императорской России. В области школьной политики оно руководствовалось принципом децентрализации школьной системы. Контроль за школьной системой министерство осуществляло через своих уполномоченных. На местах вопросы школьной жизни решали восстановленные органы местного самоуправления – земства. С января 1919 г. МНППК приступило к работе над проектом реформы школы [6, с. 1].

Несмотря на военное время и чередование политических режимов, система народного образования Пермской губернии не была разрушена в 1918–1919 гг., наблюдалась небольшая тенденция к росту учебных заведений и числа учащихся. Объясняется это восстановлением деятельности земств, которые имели большие достижения в области школьного образования, опыт работы и сохранили прежние кадры. Земства были готовы к демократическим преобразованиям школы. По мере укрепления своих позиций они готовы были использовать свои структуры для давления на правительство, которое постепенно эволюционировало вправо от идей «народоправства». Власть в лице МНППК претендовала на роль «старшего брата» во взаимодействиях с органами местного самоуправления, жестко контролируя деятельность земств со стороны своих уполномоченных. Правительство прилагало определенные усилия по «встраиванию» органов местного самоуправления в структуру местной власти. Тем не менее, в этот короткий период земские органы имели возможность функционировать и доказали свою жизнеспособность и необходимость для населения.

Вместе с тем не стоит идеализировать значения земств в деле поддержки и сохранения системы образования в Пермской губернии. Было немало и недостатков. В частности, иногда с большим трудом собранные средства расходовались неэффективно. Открываемые школы не были обеспечены учебниками, помещениями, кадрами преподавателей. Субсидии правительства оставались зачастую главным источником формирования бюджета земства.

Наряду с земствами в Пермской губернии возрождаются профессиональные учительские организации, но их деятельность была сосредоточена в основном на решении материальных проблем.

В 1918–1919 гг. в Пермской губернии действовала группа активных педагогов во главе с профессором Н.Е. Румянцевым, которая развернула большую и серьезную работу по популяризации единой трудовой школы в России. Деятельность группы имела большой общественный резонанс. О ней знали обе противоборствующие стороны. Та и другая власть активно поддерживала все начинания группы. Специалисты-теоретики трудовой школы были востребованы «по обе стороны баррикад», что еще раз доказывает понимание значимости образования в деле воспитания человека новой России как для той, так и для другой противоборствующей стороны.

Практические наработки профессора Н.Е. Румянцева в области трудовой школы легли в основу проекта реформы государственной школы,

разрабатываемого деятелями МНППК. Работа над проектом реформы школы была завершена к лету 1919 г. МНППК была предложена собственная модель государственной школы, которая должна была действовать на территориях, подконтрольных правительству А.В. Колчака [6, с. 35].

Однако этому проекту не суждено было осуществиться. Для правительства А.В. Колчака приоритетным фактором была военная победа, а вопросы, связанные с образованием, оказались в числе второстепенных. В январе 1920 г. МНППК прекратило свое существование по политическим причинам.

Таким образом, в условиях Гражданской войны каждая противоборствующая сторона предложила обществу свою модель государственной школы и по-своему проводила школьную политику. Альтернативность новых государственных структур Наркомпроса РСФСР и МНП правительства А.В. Колчака обусловила появление двух реально состоявшихся и длительно существовавших российских образовательных и культурных пространств. Одно связано с Советской Россией, другое – с Русским Зарубежьем.

Список литературы:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-359. Оп. 1. Д. 89.
2. ГАПК. Ф Р-23. Оп. 1. Д. 56.
3. ГАПК. Ф. Р-484. Оп. 2. Д. 347.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 35.
5. ГАСО. Р-829. Оп. 1 Д. 44.
6. Журнал Министерства Народного Просвещения. Омск. 1919. №1.
7. Положение об Единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики утверждено ВЦИК 30 сентября 1918 г. // Народное просвещение. Журнал Наркомпроса РСФСР. 1918. №18.
8. Селянинова Г.Д. Интеллигенция и «третий путь» в Гражданской войне на Урале // Гражданская война на Востоке России: материалы всерос. науч. конф. / Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008.
9. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. № 5. Отдел первый. Омск, 1918. 9 августа.

А.В. Долгова*

Из истории антибольшевистского движения в Чердынском уезде в 1919–1920 гг.

Статья «Из истории антибольшевистского движения в Чердынском уезде в 1919–1920 гг.» посвящена истории антибольшевистского движения в Чердынском уезде Пермской губернии. Путем сопоставления уже известных фактов и недавно

---

* Долгова Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, учитель истории, «Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение "Школа № 37"», Москва

обнаруженных материалов пермских архивов удалось выяснить факты, которые вызвали немало новых вопросов в истории уезда периода Гражданской войны.

The article «From the history of the anti-bolshevist movement in Cherdynsky district in 1919-1920» is devoted to the anti-Bolshevik movement in Cherdynsky district of Perm region. By comparing the already well-known facts and recently discovered materials of the Perm archives, it was possible to find out the facts that caused many new questions in the history of the county of the Civil War period.

Ключевые слова: дезертирство, Гражданская война, Пермская губерния, крестьяне, Советская власть, антибольшевистское движение, Чердынский уезд.

Key words: desertion, the Civil War, Perm region, peasants, the Soviet regime, the anti-Bolshevik movement, Cherdynsky district.

До революции город Чердынь был купеческим, население – зажиточным. Первые большевики появились здесь в октябре 1917 г. В период власти Верховного правителя свирепствовал белый террор. Сторонников Советской власти практически не было, чем и объясняется затяжное восстановление региона в 1920-х гг.

Уезд отличался тем, что в силу отдаленности от центра, социального состава населения, влияния небольшевистских партий, а также границ с другими губерниями, события в нем разворачивались по специфическому сценарию и с большим запозданием, чем в других уездах.

В Чердынском уезде численность и влияние антибольшевистских сил вызвали крестьянские восстания. В опубликованных источниках о них почти не говорится, либо упоминается вскользь и с большими неточностями.

К концу 1919 г. сложившаяся политическая обстановка препятствовала установлению Советской власти и, как следствие, тормозила борьбу с распространившимся дезертирством и бандитизмом. В это время банды промышляли на большей части территории Пермской губернии. Большевики не были популярны, и после отступления Колчака летом 1919 г. их встречали отнюдь не «с радостью». Вместе с тем, антибольшевистские силы были разрозненны и составляли многочисленным группировкам. Однако источники свидетельствуют, что они могли представлять серьезную угрозу большевизму. Участники этих формирований были хорошо вооружены, имели обмундирование, теплую одежду, продовольственные запасы, чего так не хватало красноармейцам.

Если обратиться к опубликованным страницам истории установления Советской власти в Чердынском уезде, то создается впечатление, что Красная армия с легкостью уничтожила противника с минимальными для себя потерями, а Советская власть установилась осенью 1920 г.

Как указано в источниках Государственного архива Пермского края, в сентябре 1919 г. в деревне Якши была замечена английская разведка из 12 чел., вооруженных винтовками и одетых в английское обмундирование.

Кроме того, в уезд стекались белые, и постепенно там образовывался фронт. 16 сентября северные волости уезда были объявлены на военном положении.

Силы, которыми располагал Чердынский революционный комитет на тот момент – 120 чел. при 30 пулеметах.

В районе реки Печоры находился отряд из белых частей и крестьян около 700 чел. Стоявший на пристани отряд красных из Якши в 50 чел., был окружен противником в 250 чел. Бой длился 35 минут, и отряд был наголову разбит. Причина – «отсутствие обмундирования у частей, стоявших в Чердыни» [2, л. 31]. О случившемся было немедленно доложено в Москву, откуда в Пермь командиру 33-й бригады ВОХР Петрову был отдан приказ выяснить положение и принять срочные меры по уничтожению противника [1].

О том, что же на самом деле произошло, рассказали «ранее арестованные белыми» крестьяне, которые подтвердили, что среди восставших были английские полки, и что отряд был расстрелян разрывными пулями и забросан гранатами. Также выяснилось, что войска противника принадлежали Северному русскому правительству Миллера. Его армия перешла в наступление от Уральских гор на востоке до Белозера на западе, на территории трех губерний: Пермской, Вологодской и Архангельской. Чердынский уезд являлся восточной частью фронта в бассейне реки Колвы, Вычегды, Печоры. В октябре здесь образовался Кай-Чердынский фронт.

30 ноября комбриг Петров 33-й бригады с двумя ротами ВОХР дал противнику бой под Искором, где разбил его наголову, уничтожив более 300 солдат и 36 офицеров. Затем началось наступление до Якши. Восставшие отступили, но благодаря проведенной мобилизации населения в возрасте от 17 до 45 лет, они получили свежие силы до 1000 солдат. Имея отличное снаряжение и оружие, белогвардейские формирования оттеснили красных к 1 января 1920 г. на 100 верст от Чердыни. В конце декабря на фронт был отправлен 184-й батальон с комиссаром Веревкиным из Перми. Общая численность красноармейцев была 653 чел. плюс 32 командира. Половину батальона составляли молодые коммунисты [2, л. 87 об.].

В декабре фронт находился в 150 верстах от Чердыни. Противника удалось оттеснить до Троицко-Печорска, где он начал собирать новые силы и вновь группироваться. Силы красных насчитывали при 2000 бойцов до 900 штыков. Но из-за сильных морозов – более 40 градусов наступление прекратилось. Не имея теплой обуви, красноармейцы обмораживались. Командиры срочно требовали выслать «2000 пар валенок и столько же комплектов теплого обмундирования» [2, л. 95].

В 1979 г. в газете «Северная Звезда» были впервые опубликованы материалы о событиях тех лет. Авторы очерка «Кай-Чердынский фронт» А. Астафьев и В. Шмыров на основе имеющихся архивных документов попытались восстановить картину событий в Чердынском уезде. Однако,

если сопоставить разные источники, многое до сих пор остается спорным и не совсем ясным. Во-первых, Кай-Чердынский фронт официально перестал существовать 6 марта 1920 г.: «противник был разгромлен...». Однако это вызывает сомнения: красноармейцы не имели возможности вести дальнейшее наступление. Их успехи были, скорее всего, кратковременные. В информационных сводках указано, что уже в конце ноября 1919 г. в руках белых находилось 4 волости Чердынского уезда [2, л. 74]. Во-вторых, опубликовано, что среди восставших не было дезертиров, как таковых, а в основном белогвардейцы и насильно ими мобилизованные крестьяне. В документах же говорится, что социальную базу восстания составляли офицеры, зажиточное крестьянство и дезертиры. В-третьих, сколько в реальности было задействовано человек на фронте и за кого они воевали? В архивных документах называется цифра 5 145 чел. Это рабочие и крестьяне в возрасте до 35 лет. По причине того, что все они были на фронте, мобилизации в Красную армию практически не проводились в это время или давали низкий процент явки. В-четвертых, явно умалчиваются или приводятся более чем скромные цифры (20–25 чел. из 2 000) о потерях, которые понесли бойцы Красной армии, и это при том, что численность вооруженного до зубов противника достигала 1 000 чел., и при морозе свыше 40° в глухой тайге красноармейцы не имели в достаточном количестве оружия и обмундирования. И, в-пятых, остается не понятным, с какой целью в районе реки Печоры красноармейцы оставили населению запасы оружия и продовольствия, которыми, как выяснится позже, после их ухода воспользовался противник. Официально же было опубликовано следующее: «Чрезвычайно смелым было решение командиров в условиях отступления оставить резервы для окружения и разгрома превосходящих сил противника. И только непоколебимая вера командиров в своих бойцов и местное население дала возможность решиться на этот шаг. В случае неудачи окружения каждая из рот батальона могла быть сама окружена поодиночке и уничтожена» [4].

Что же на самом деле произошло? Есть несколько версий. Возможно, красноармейцы несли серьезные потери убитыми, ранеными и обмороженными или отступили под натиском превосходящих сил противника. Можно, конечно, придерживаться и официальной версии о том, что резервы были оставлены для «разгрома» белых. В таком случае кому конкретно они предназначались? Не исключается и то, что молодые бойцы были попросту введены в заблуждение противником.

Архивные документы выдают информацию, отличную от опубликованной. В информационных сводках за сентябрь 1920 г. читаем: «Дезертирство проявляется в бандитской форме во всех уездах, а в Чердынском – благодаря контрреволюционности населения и неналаженности советского аппарата угрожает восстанием, а именно: соединением дезертиров с контрреволюцией» [2, л. 139]. Население

Печорского края относилось к Советской власти враждебно и постоянно скрывало дезертиров. «Находится примерно 50 дезертиров, а вверху по Уралу на Ляпино у них находится около 200 человек, причем все дезертиры на Печоре вооружены... Печорская экспедиция сделала большую ошибку: она выдавала огнестрельные припасы гражданам, записавшихся в охотничью артель, у которых сыновья дезертиры. В настоящее время по всей Печоре наблюдается кулацкое течение об организации Автономной Зырянской республики, и даже были явные выступления о захвате всего печорского флота в руки зырян» [3, л. 142, 142 об.].

Следует признать, что полностью ликвидировать антибольшевистские силы в Чердынском уезде не удалось. Информационные сводки за ноябрь 1920 г. свидетельствовали: «В Чердынском уезде дезертирство проявляется в довольно сильных размерах. В Закамском крае продолжают убийства советских работников и милиционеров, причем борьба с дезертирством затрудняется ввиду отсутствия на местах честных и умелых работников, оказывающих дезертирам разного рода помощь. Когда дезертиров нажимали отряды уездной комиссии по борьбе с дезертирством и ВОХР, все дезертиры уходили в Вятскую губернию и в Усольский уезд, но с уходом из Закамского края этих отрядов дезертиры вернулись обратно, где им лучше.... Население снабжает их, чем может и помогает им во всем. В Печорском крае дезертиры избрали себе резиденцию в верховьях Урала, где запаслись хлебом, порохом, которые население получило от Троицко-Печорской экспедиции и в свою очередь отдало или променяло дезертирам. Пробраться к этим дезертирам очень трудно ввиду непроходимых лесов. Дезертирство в Чердынском уезде носит злостный характер ввиду того, что дезертирство здесь не только здешнее, но и из других уездов Пермской губернии, а также из Вятской. Причем вполне возможно, что бегущие дезертиры направляются из эшелонов по железным дорогам в Соликамский край. Поэтому дезертирство это является самым опасным в отношении мирного хода жизни» [3, л. 89].

Таким образом, история антибольшевистского движения в Чердынском уезде остается неизученной. В частности, до сих пор неизвестны такие страницы, как период окончательного установления Советской власти, особенности борьбы с дезертирством и бандитизмом, степень участия крестьян в антибольшевистском движении и крестьянские восстания.

Список литературы:

1. 33 отдельная стрелковая бригада ВОХР входила в состав восточного сектора ВОХР, образованного приказом начальника войск Волобуева 14 июля 1919 года на территории Пермской, Екатеринбургской, Уфимской, Оренбургской губерний // Северная Звезда. 1979. 18 сентября).
2. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф. 557. Оп.1. Д.10.
3. ПГАСПИ. Ф. 557. Оп.1. Д.197.
4. Северная Звезда. 1979. 22 сентября.

Из истории формирования рабоче-крестьянской инспекции в Туркестане (1919–1923 гг.)

В статье на основе архивных данных исследована формирования и деятельность рабоче-крестьянской инспекции в Туркестане (1919-1923гг) и ее роль в укреплении советской власти в регионе.

The article investigated the formation of worker-peasant inspection in Turkestan (1919–1923) based on archival documents.

Ключевые слова: государства, управление, орган, политика, инспекция, право, населения, Туркестан, сотрудник, постановление.

Key words: state, management, authority, policy, inspection, law, population, Turkestan, employee, ordinance.

После октябрьского переворота в Туркестане советская власть начала организовывать свои органы контроля. В 5 декабря 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов принял предложение о создании рабоче-крестьянской инспекции и поручил дальнейшую разработку вопроса ВЦИКу. Президиум ВЦИК образовал специальную комиссию для разработки Положения о РКИ [9, с. 21].

Вскоре было разработано три проекта Положения о РКИ [6, с. 24–25]. Наиболее приемлемым оказался проект, представленный Народным Комиссариатом Государственного контроля. Этим проектом предусматривалось создание единого «социалистического» контроля и объединение всех контрольных органов.

В феврале 1920 г. по указанию В.И. Ленина, Народный Комиссариат Государственного контроля был реорганизован в рабоче-крестьянскую инспекцию [10, с. 80]. В тот же день ВЦИК принял декрет «О рабоче-крестьянской инспекции (положение)» [13, л. 13].

В апреле 1920 г. вышло «Положение о рабоче-крестьянской инспекции Туркестанской республики» [17, л. 73], определившее основные направления деятельности РКИ: вовлечение трудящихся в управление государством; надзор за соблюдением законности в деятельности подконтрольных учреждений; совершенствование государственного аппарата.

В соответствии с «Положением о рабоче-крестьянской инспекции Туркестанской Республики» Государственный контроль был преобразован в

---

* **Ерметов Аваз Абдуллаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана», Национальный Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

РКИ, Центральный контроль был переименован в Комиссариат РКИ, а отделения Государственного контроля на местах стали отделениями РКИ.

Вскоре вышло постановление ТуркЦИК, в котором указывалось: реорганизовать Государственный контроль, как в центре, так и на местах в единый орган «социалистического контроля», на основе привлечения в органы бывшего государственного контроля рабочих и крестьян и присвоить ему наименование РКИ.

Перед рабоче-крестьянской инспекцией были поставлены следующие основные задачи: немедленно приступить к реорганизации всех органов бывшего Государственного контроля на основе привлечения широких масс трудящихся; усилить фактический контроль, организацию летучих ревизий и обследование всех органов советской власти, хозяйственных и общественных организаций; осуществлять наблюдение за исполнением всех декретов и постановлений советской власти, как в центре, так и на местах [11, л. 17; 17, л. 16–19].

Рабоче-крестьянская инспекция должна была вести наблюдения за организацией во всех учреждениях приема жалоб и заявлений, за правильностью их движения, а также за деятельностью особого бюро при РКИ для приема заявлений о неправильных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях должностных лиц [5, с. 29].

Представители рабоче-крестьянской инспекции имели право участвовать во всех совещаниях и заседаниях органов советской власти и общественных организаций, а также командировать своих представителей для участия в повседневной работе всех советских учреждений.

Под руководством партийных органов началась реорганизация Госконтроля на местах. Так, Джизакский и Ферганский отделы Государственного контроля были реорганизованы в РКИ 18 мая 1920 г. [19, л. 86]. Бывший Госконтроль в Андижане был реорганизован в РКИ в середине, а в Намангане в конце мая 1920 г. В Самаркандской области реорганизация Государственного контроля была проведена в августе 1920 г. [15, л. 61].

В ноябре 1920 г. в целях дальнейшей реализации указаний ЦК РКП(б) ТуркЦИК утвердил «Положение о Народном Комиссариате и местных органах рабоче-крестьянской инспекции Туркестанской Республики» [8]. Согласно «Положению» все существовавшие ведомственные контрольные органы объединились в единый аппарат рабоче-крестьянской инспекции, который начал распространять свою деятельность на все отрасли народного хозяйства и управления.

Выступая на V Туркестанской краевой конференции РКП(б) (январь 1920 г.), член Турккомиссии Я.Э. Рудзутак говорил: «... Чтобы теснее связать судьбы беднейших мусульманских масс судьбами революции, вовлечь их в революционную борьбу, привлечь их к советскому строительству, заинтересовать их в этом и возложить на них ответственность за «успешное»

завершение этого строительства, необходимо в самых широких размерах привлечь их к советской работе» [7].

На заседании фракции РКП(б) краевого Совета профсоюзов было принято решение просить краевой комитет профсоюзов выделить 10 опытных работников для руководящей работы в органах РКИ. Кроме того, дать от производственных союзов 17 чел., а всем союзам нового и старого города Ташкента произвести выделение 1% в порядке мобилизации (5.VI. 1920 г.) [1, л. 22].

В июне 1920 г. состоялись первые выборы РКИ по г. Ташкенту. За короткий срок от разных профсоюзов было направлено более 100 членов, половину которых составляли мусульмане [18, л. 62]. Но большинство из них оказались совершенно неграмотными и Наркомат РКИ не смог их использовать на ревизионной работе.

Функции инспекции осуществлялись не только кадрами РКИ, но и специально избираемыми лицами из рабочих и крестьян. Декретом ВЦИК от 7 февраля 1920 г. были намечены три основные формы участия рабочих и дехкан в деятельности РКИ: 1) непосредственное делегирование коллективами трудящихся своих представителей в качестве членов РКИ; 2) организация ячеек содействия РКИ на фабриках, заводах, в воинских частях, в волостях и уездах, по указанию РКИ и профсоюзов; 3) привлечение представителей трудового населения к участию в массовых и прочих ревизионных обследованиях, производимых по инициативе органов РКИ [17, л. 73–74].

В качестве делегированных членов РКИ избирались рабочие и крестьяне, которые посылались для постоянной и временной работы, как в центральный аппарат, так и в местные органы НК РКИ. Среди них были постоянные сотрудники, фактические контролеры и практиканты. К первой категории относились лица, имевшие стаж работы и положительно проявившие себя в инспектировании. Наиболее подготовленные к самостоятельной инспекционной деятельности и опытные члены РКИ работали фактическими контролерами, менее подготовленные считались практикантами. Делегированные члены РКИ отчитывались перед своими избирателями по отдельным заданиям и за работу в целом по истечении срока своих полномочий. Выборы в члены РКИ проводились на предприятиях, в волостях и поселках – на сельских и волостных собраниях, а также на беспартийных рабоче-крестьянских, профсоюзных конференциях.

В июле 1920 г. профсоюзы делегировали в техника-промышленный отдел НК РКИ 35 чел., которые были распределены следующим образом: по текстильной промышленности – 10 чел., химической – 3 чел., табачной – 3 чел., кожевенной – 2 чел., по транспортному делу – 3 чел., полиграфической промышленности – 2 чел., строительным работам – 9 чел. [12, л. 9].

Контингент сотрудников инспекции по их образованности распределялся следующим образом: с высшим образованием – 7%, с

средним и ниже среднего – 37%, с низшим – 36%, малограмотных – 10%, неграмотных – 10%, а национальный состав сотрудников организации был следующим: мусульмане – 13,3%, русские – 73%, поляки – 5,2%, евреи – 5,0%, другие нации – 3,2% [14, л. 110].

Контингент сотрудников по их квалификации распределялся следующим образом: инженеров – 0,25%, техников – 0,5%, юристов – 3,25%, из постоянных кадров бывшего Госконтроля – 30%, квалифицированных рабочих и крестьян – 18%, лиц других профессий (бывшие служащие частных предприятий и государственных учреждений, конторщики, счетоводы и др.) – 45% [15, л. 11].

В рассматриваемый период большое внимание инспекция уделяла работе Наркомзема [3, л. 8]. Для полной и всесторонней ревизии Наркомзема и его местных отделений Наркоматом РКИ была разработана специальная инструкция. В ней указывалось, что целью обследования является выяснение степени подготовленности Наркомзема и его органов к выполнению функций, связанных с работой по «восстановлению» сельского хозяйства в Туркестанской Республике. Говоря о деятельности инспекции необходимо отметить, что РКИ при осуществлении плановых ревизий и обследований учреждений и предприятий не достигала значительного результата, по целому ряду причин к которым главным образом относятся, общая неустойчивость структуры аппарата РКИ, отсутствие грамотных кадров [4, л. 30] и материальная необеспеченность сотрудников, из-за которой назначаемые группы на каждое плановое обследование не редко меняли свой личный состав по одной ревизии или несколько раз оставались без руководителей. Например, группа для планового обследования Наркомзема переменялась 4 р., и на ревизии побывало: 3 руководителя и 14 инспекторов. И так за период одной полной и всесторонней ревизии выбыло 89% ревизующих, из них по собственному желанию 70%. Уволившиеся по собственному желанию и уволенные по несоответствию в среднем работали в НКРКИ не более одного месяца [3, л. 36].

Таким образом, органы рабоче-крестьянской инспекции вели свою деятельность под непосредственным руководством и влиянием Коммунистической партии, они осуществляли проверку работы государственных и хозяйственных органов, вели борьбу со взяточничеством, разрабатывали меры по рационализации техники управления, делопроизводства, счетоводства и отчетности, наблюдали за осуществлением постановлений и решений партийных и советских органов.

Список литературы:

1. Архив Президентского Аппарата Республики Узбекистан. Ф. 60. Оп. 1. Д. 747.
2. Архив Президентского Аппарата Республики Узбекистан. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3125.

3. Архив Президентского Аппарата Республики Узбекистан. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3126.
4. Архив Президентского Аппарата Республики Узбекистан. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1423.
5. Атаджанов А.Р. Организация и деятельность РКИ в Туркестане. Ташкент: Фан, 1972.
6. Дорохова Г.А. Рабоче-Крестьянская Инспекция, 1920–1923 гг. М.: Госполитиздат, 1959.
7. Известия ТуркЦИК. 1920. 25 января
8. Известия ТуркЦИК. 1920. 20 апреля
9. Иконников С.Н. Организация и деятельность РКИ в 1920–1925 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. Козлитин И.П. Организация государственного контроля в годы гражданской войны (1918–1920). Исторические записки. Т. 26.
11. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1394.
12. ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 369.
13. ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 370.
14. ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 685.
15. ЦГА РУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1048.
16. ЦГА РУз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1022.
17. ЦГА РУз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1032.
18. ЦГА РУз. Ф. 41, Оп. 1. Д. 1054.
19. ЦГА РУз. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1223.

Н.Р. Караканова*

Антирелигиозные кампании как способ влияния на религиозное сознание населения Оренбургской области в 1920-е гг.

В статье рассматривается проведение антирелигиозных кампаний на территории Оренбургской области. Основное внимание обращается на использование различных форм массовой пропаганды, влияющей на религиозное сознание, как городских жителей, так и деревенского населения. Показаны особенности проведения антирелигиозных кампаний в городах и в деревнях Оренбургской области, национальный состав участников.

The article considers the conduct of anti-religious campaigns in the territory of the Orenburg region. The main attention is drawn to the use of various forms of mass propaganda, affecting religious consciousness, both urban residents and rural populations. Features of carrying out of anti-religious campaigns in cities and in villages of the Orenburg area, national structure of participants are shown.

---

* **Караканова Надежда Раисовна**, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет.

Ключевые слова: антирелигиозные кампании, антирелигиозная пропаганда, Комсомольское Рождество, Комсомольская Пасха, Комсомольский «Гайд–Курбан», Союз воинствующих безбожников, комсомольцы.

Key words: anti-religious campaigns, anti-religious propaganda, Komsomol Christmas, Komsomol Easter, Komsomol "Hyde-Kurban", Union of militant atheists, Komsomols.

Антирелигиозная политика Советского государства долгое время отечественными исследователями рассматривались через призму взаимоотношений Русской Православной церкви и власти. Так, в конце 1990-х годов выходили монографии, историографические статьи, возникали новые подходы к изучению темы, выделялись основные этапы государственно-церковных отношений. Предметом пристального внимания ученых был патриотизм Церкви в годы войны. Значительный вклад в этом направлении внесли труды О.Ю. Васильевой, В.Н. Якунина [1; 12; 13]. Деятельность Союза воинствующих безбожников и его роль в проведении антирелигиозных кампаний на региональном уровне практически не рассматривалась. Можно отметить работы Р.Р. Хисамутдиновой и А.Н. Потаповой, посвященные рассмотрению антирелигиозной агитации среди населения в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны [8; 11]. Однако 1920-е гг. по-прежнему остались неизученными.

Основным направлением деятельности Оренбургского Союза безбожников стали антирелигиозная пропаганда и проведение антирелигиозных кампаний. При областных советах СВБ создавались комиссии, курирующие лекционную и индивидуальную работу среди верующих, в школах, в печати, на радио. Деятельность ячеек координировалась отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП (б). Для большого охвата населения в Оренбургской области использовали такие формы антирелигиозной пропаганды, как беседы и читки. Устраивали антирелигиозные вечера, читали лекции активистам-стахановцам и привлекали их для проведения массовой антирелигиозной работы, использовали радиоузлы, выпускали стенгазеты. В практической деятельности совет СВБ настоятельно рекомендовал опираться на силы интеллигенции: врачей, учителей, агрономов. В ряде районов Оренбургской области создали «консультационные пункты» центральных заочных антирелигиозных курсов. При домах партийного просвещения действовали методические кабинеты, кружки «Безбожник», практиковались выезды бригад из числа «беседчиков и работников искусства», антирелигиозные постановки [8, с. 179].

Формы массовой пропаганды, которые применялись в антирелигиозной деятельности ячеек СВБ, были разнообразные. Это беседы на атеистические темы, устные атеистические журналы, кинолектории, воскресные чтения, специальные лектории для женщин, молодежи,

антирелигиозные кампании и другие [9, с. 49]. В городе антирелигиозная пропаганда давала больший эффект. Такое положение обусловлено тем, что город создает более благоприятные для быстрого вытеснения религиозных пережитков экономические, культурные, психологические условия, чем деревня.

В деревне среди верующих, как правило, преобладали крестьяне старше 50 лет, причем чаще всего женщины, мало связанные с общественным производством, трудовым коллективом, домохозяйки, пенсионеры и инвалиды. В атеистическом воспитании на селе участвовали учителя, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства, работники культурно-просветительских учреждений [9, с. 70].

Начиная с 1925 г., антирелигиозная пропаганда стала широко распространенной, охватившей многочисленные кадры рабочих и крестьян. Между тем, наряду с имеющимися достижениями обнаруживались и существенные недостатки. Заведующий политическим просветительским отделом ГК Тамбовцев в обращении к райкомам РЛКСМ отмечал, что работа Союза воинствующих безбожников носила поверхностный характер. Устройство различных демонстраций с факелами, носящих резкий, оскорбительный характер, часто превращалось участниками в балаган, организация вечеров с сатирическим содержанием оскорбляло религиозные чувства верующих. Такие уродливые формы антирелигиозной пропаганды, в конце концов, приводили к тому, что обостряли, восстанавливали против себя крестьян в деревне и еще связанных с религией рабочих в городе [6, л. 2].

На практике антирелигиозная пропаганда, как правило, приурочивалась к крупнейшим церковным праздникам – Рождество, Пасха, Курбан-Байрам, когда членами Союза безбожников устраивались массовые акции, направленные на привлечение в ряды безбожников новых людей. Подобные мероприятия являлись составной частью антирелигиозной пропаганды. Интересной особенностью является то, что антирелигиозные кампании в Оренбургской области начали проводиться раньше, чем произошло оформление Союза воинствующих безбожников, при непосредственном участии комсомольской организации. Уже с 1923 г. начали проводиться кампании, охватывающие почти всю Оренбургскую область. Особое внимание Центральным советом СВБ уделялось антирелигиозным мероприятиям в деревне. В одной из инструкций предлагалось для организации широкой сети ячеек создавать их при сельских политпросветучреждениях: избах-читальнях, красных уголках, народных домах, школах, клубах. Ячейка на селе могла быть создана при наличии трех человек, имеющих право и желающих стать членами СВБ. Агитация усиливалась во время подготовки и проведения весенних сельскохозяйственных кампаний. На местах для качественного ведения антирелигиозной работы рекомендовалось учитывать психологию

крестьянина [10, с. 133]. С рождественским праздником стали бороться с первых лет советской власти. Рождественской елке предписывалось стать новогодней. Исчезла рождественская открытка. На организуемые в школах, клубах и театрах елочные праздники стали приглашать детей рабочих, городской и деревенской бедноты. Вместо песенок о рождестве у елки исполняли революционные песни. На елки водружали красные пятиконечные звезды, гирлянды из красных флажков.

Но все же в 1920–е гг. елку воспринимали больше в связи с Рождеством, а не с Новым годом [10, с. 133]. Рождественские праздники (24, 25, 26 декабря и 6, 7, 8 января) являлись основным временем для проведения антирелигиозной кампании. Комсомольское Рождество, проходившее в 1923 г., охватило большие массы комсомольцев и беспартийной молодежи. Подготовительная работа по проведению этой антирелигиозной кампании началась еще в декабре, когда были получены из ЦК инструкции.

Характерно, что Комсомольское Рождество проводилось только в городе Оренбурге по политическим соображениям (во избежание возможных недоразумений с верующим крестьянским населением) [2, л. 6]. В деревне было предложено особым циркулярным письмом усилить антирелигиозную пропаганду в дни рождественских праздников путем чтения лекций, докладов, проведения бесед и прочих мероприятий среди крестьянской молодежи на антирелигиозные темы, не допуская устройство различных карнавалов, ряжений и т.д. В результате центром празднования стал г. Оренбург. Целью кампании являлась популяризация идей Комсомольского Рождества, выразившаяся в обсуждении докладов на собраниях, совещаниях, в районах, среди активистов, в частях Красной Армии. Одновременно велась усиленная работа по организации практической части праздника, а именно устройство карнавала-шествия с группой ряженных по г. Оренбургу в ночь под Рождество, а также организация бал-маскарадов с антирелигиозным содержанием в последние дни рождественских святок. Предварительная агитация как устная, так и печатная заранее подготовила интерес и среди молодежи, и взрослого населения, и даже интеллигентных кругов [2, л. 7].

Сам карнавал прошел 6-го января, в ночь под Рождество. К 4-м часам вечера у клуба имени Энгельса начали собираться комсомольцы и беспартийная молодежь, решившая принять участие в шествии. К 7-ми часам вечера основная масса участников (около 10 тыс. чел.) уже была в условленном месте. Участники кампании с оркестром прошли по улицам города, где располагались несколько церквей, в том числе и Кафедральный собор. Затем в цирке был организован спектакль «Рождество попа Сергия». В общем, цель – отвлечь людей от службы в церквях была выполнена.

Антирелигиозная кампания в деревне ограничилась лекциями, докладами перед спектаклями, устроенными в эти дни и организацией бесед с молодежью и взрослыми крестьянами на антирелигиозные темы [2, л. 8]. В

общегубернском масштабе были устроены 40 беспартийных собраний молодежи, 1 беспартийная конференция, специально созванная по вопросу о Комсомольском Рождестве, проведены 217 докладов, из которых 14 лекций, бал-маскарадов антирелигиозного содержания и 1 карнавал-шествие, в местной печати помещены 6 специальных статей о Комсомольском Рождестве [2, л. 8 об.].

В докладе Оренбургского уездного комитета РЛКСМ о проведении Комсомольского Рождества в 1924 г. отмечалось, что его проведение было использовано как антирелигиозная кампания. Перед самим Рождеством были организованы клубные вечера с целью отвлечения молодежи от посещения заутрени. Результаты были признаны удовлетворительными, так как большинство молодежи присутствовало на этих вечерах. В проведении кампании были привлечены пионеры, среди которых проводились беседы на естественнонаучные темы. Они также были задействованы в устройстве концертов и пьесах и посещали лекции и беседы, проводимые комсомольцами [4, л. 1].

Следующая рождественская кампания проходила с 21 декабря 1925 г. по 9 января 1926 г. Можно выделить два основных момента этой кампании:

1) Создание и вовлечение комсомольцев и рабочей молодежи в общества безбожников. Районный комитет рекомендовал не использовать лозунг «все в общество безбожников», «каждый комсомолец должен быть членом общества безбожников» и т.п. Также предлагалось отказаться от комплексного вступления в общество, вербуя в него тех, кто хочет серьезно заняться изучением вопросов, связанных с безбожием, помогать обществу, хотя бы распространением антирелигиозной литературы газет «Безбожник», «Антирелигиозник» и т.д.;

2) Использование этих праздничных дней для организации широкой массовой культурной и политическо-просветительской работы, с целью отвлечения молодежи от обычных форм праздничного времяпрепровождения [2, л. 3–3 об.].

Для успешного проведения вечера вопросов и ответов привлекались по возможности опытные антирелигиозники, которые могли бы дать действительно толковые и правильные ответы на вопросы, интересующие население. На доклады подбирались темы, наиболее отвечающие характеру кампании. Кроме того, Совет Оренбургского общества безбожников в праздничные дни проводил несколько религиозных диспутов.

В деревне проведение подобного рода кампании требовало особого осторожного подхода, так как обычно деревенские организации в этом отношении брались за непосильную работу или применяли метод, не дававший ничего, кроме отрицательных результатов, с другой стороны, ячейка тоже должна была активно реагировать и на повышение в эти дни интереса к вопросам религии [4, л. 4].

Ставилась задача отвлечь молодежь от церкви и пьянства, разъяснить, почему религия мешает восстановлению сельского хозяйства. Пример: замена истинных причин неурожая, карой Бога за грехи.

Другой важнейшей задачей, стоящей перед деревенской комсомольской ячейкой, являлась организация с помощью избы-читальни борьбы за праздничный досуг крестьянской молодежи. В избе-читальне предлагалось проводить вечера и спектакли, широко привлекая на них молодежь. Для этих вечеров и спектаклей рекомендовалось воспользоваться материалами из журнала «Деревенский театр», из журнала крестьянской молодежи и других изданий «Молодая Гвардия» [4, л. 5].

В устройстве Комсомольского Рождества в период 1923–1925 гг. можно обнаружить некоторые отличия. Так, антирелигиозный карнавал больше не проводился, что можно объяснить негативной реакцией верующих на антирелигиозное шествие. Местные власти ограничились лекциями и беседами. Кампании в деревне проходили далеко не лучшим образом из-за нехватки подготовленных кадров и неспособности местных комсомольских ячеек организовать антирелигиозные мероприятия.

К антирелигиозным кампаниям привлекались и представители других национальностей и религий. Например, татары, казахи, башкиры, как исповедующие ислам. В 1923 г. уездам было предложено провести Комсомольский «Курбан-Байрам» в соответствии с местными условиями, так как не существовало отдельных татаро-башкирских районов и поселений. 17 мая в 5 ч. утра прошел утренник «Комсомольский Гайд» в клубе имени К. Маркса г. Оренбурга со следующими номерами: 1) приветственное собрание и призыв на борьбу с религией, в частности с исламом; 2) доклад «Наука и религия»; 3) концерт с антирелигиозной пропагандой и танцы. Утренник закончился в 10 ч. утра, в то время когда закончилось богослужение в мечети. Вечером в клубе имени К. Маркса состоялись концерт и чтение докладов антирелигиозного содержания. По имеющимся сведениям у комиссии при татаро-башкирском бюро губкома, антирелигиозная кампания прошла только в двух районах Оренбургского уезда: в Каргале и Илецке, то есть прошла почти незаметно в губернии, но все же имела большое значение и дала опыт в проведении последующих мероприятий по борьбе с религией среди мусульман [4, л. 70].

В сентябре 1924 г. прошло собрание при коллегии политотдела национальных меньшинств губкома, на котором было решено провести Комсомольский «Гайд-Курбан» и подготовить всех комсомольцев, чтобы они могли ясно и толково объяснять, почему Союз безбожников ведет борьбу с религией. Для этого проводились доклады на темы: «Происхождение религиозных празднеств «Курбан», «Старый и новый быт», «Происхождение земли и жизни на ней». Перед праздником выпускались антирелигиозные статьи, оформлялись стенгазеты. Вечером планировалось провести концерт в день праздника.

Антирелигиозная кампания проводилась с 1-го июля по 15-е июля 1924 г. под лозунгами: «Долой неграмотность», «Да здравствует наука и новый быт». Устраивались спектакли, концерты, доклады и утренники. К постановкам привлекались учащиеся и ячейки РКСМ. Комсомольский Гайд планировалось проводить в г. Орске, Каргале, с. Мустафино, д. Илецкая, с. Бурты, а также там, где имелись ячейки РКП (б) [5, л. 28].

Празднование «Комсомольской Уразы» сопровождалось в основном чтением антирелигиозных докладов на темы «Происхождение Уразы», «Происхождение религии», «Сущность ислама», «Религия и быт женщин» и др. [7, л. 24].

Проведение особо значимого для мусульман праздника «Рождение Магомета» – «Мавлут-Байрама» – заменялось в антирелигиозной кампании на вечер «Науки» [3, л. 9].

Активность в проведении мероприятий антирелигиозного содержания проявлялась главным образом в городах губернии. В деревне эта кампания представляла собой вялотекущий процесс или вовсе не проводилась. Имеются данные о том, что в деревне среди татарского населения систематической антирелигиозной пропаганды не велось. Например, во всем Каширском уезде на 1929 г. не было ни одной антирелигиозной ячейки. В Каргале лишь формально существовала организованная ячейка, в которую вступили члены РКП (б), комсомольцы и учителя. Деятельность этой ячейки была крайне пассивной: не привлекались в организацию неверующие крестьяне, не распространялась антирелигиозная литература, не создавались кружки и не проводились семинары среди жителей села [3, л. 34].

В качестве помощников в проведении антирелигиозных кампаний выступали пионеры. В отчетах отмечалось, что пионеры не посещают церковные службы, не крестятся, не носят крестов, ведут агитацию среди остальных детей против религиозных обрядов, основываясь на газете «Безбожник» [4, л. 13].

Можно отметить, что подобные кампании в некоторых районах не проводились и не имели особого успеха, особенно в деревенской местности, где не было условий для осуществления антирелигиозной пропаганды.

Таким образом, антирелигиозная пропаганда как одно из основных направлений деятельности СВБ занимала важное место в антирелигиозной работе, к которой привлекались комсомол, профсоюзные и общественные организации, учащиеся школ и высших учебных заведений, преподаватели. Однако недостатком антирелигиозной пропаганды в 1920-е гг. являлась нехватка квалифицированных агитаторов-антирелигиозников, особо в сельской местности, где деятельность безбожников носила поверхностный характер.

Список литературы:

1. Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность РПЦ в период Великой Отечественной войны: Дис...канд. ист. наук. М., 1990.

2. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179.
3. ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 263.
4. ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 420.
5. ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 436.
6. ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 593.
7. ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 609.
8. Потапова А.Н. Деятельность Союза воинствующих безбожников на Южном Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 2005. С. 178–184.
9. Партийная организация и атеистическое воспитание / Под ред. А. Ф. Окулова. М., 1975. 254 с.
10. Слезин А.А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920–х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129–135.
11. Хисамутдинова Р.Р. Антирелигиозная пропаганда среди населения Чкаловской области накануне Великой Отечественной войны // Христианство и ислам на рубеже веков. Оренбург, 1998. 312 с.
12. Якунин В.Н. Патриотическая деятельность РПЦ в годы Великой Отечественной войны: источники и литература // Россия в 41–45 гг.: проблемы истории и историографии. Самара, 1995.
13. Якунин В.Н. За веру и отечество. Самара, 1995. 169 с.

И.В. Рочева*

Библиотеки Коми АО (Коми АССР) как инструмент вовлечения населения в общественную жизнь в 1920-1930-е гг.

В статье рассматривается деятельность библиотек Коми автономии в 1920–1930-е гг., способствующая приобщению жителей региона к общественной жизни, включению их в политический и культурный контекст. Проанализированы формы и методы работы библиотек с населением, степень вовлеченности в их деятельность различных социальных групп. Культурно-просветительные учреждения включались в повседневную жизнь людей, внедряя книжную культуру, осуществляя мероприятия по пропаганде политики советской власти. Наиболее активной аудиторией библиотек были дети и подростки, количество взрослых читателей также постоянно возрастало.

The article considers the libraries activity and their contribution to inclusion of people into public life and political and cultural context in the Komi autonomous region in the 1920-1930s. Forms and methods of libraries work with people are analyzed, along with involvement of various social groups into their activity. The cultural and educational institutions participated in the everyday life of people through the book culture, political propaganda of the Soviet regime. While children and young people were the most active library audience, amount of adult readers had also constantly increased.

---

* **Рочева Ирина Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Ключевые слова: библиотеки, избы-читальни, Коми автономная область, Коми АССР, читатели, политико-просветительная работа.

Keywords: library, village reading room, Komi autonomous region, the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic, readership, political and educational work.

Культурные преобразования советского руководства в области библиотечного дела включали курс на обновление методов работы библиотек: от обслуживания «культурных одиночек» (по выражению Н.К. Крупской) – к широкому привлечению народных масс в библиотеки, полному охвату населения книгой. Библиотеки и избы-читальни должны были прочно войти в повседневную жизнь советского гражданина в городе и на селе.

В первые советские десятилетия выполнять поставленную задачу мешал большой процент неграмотности, однако по мере возможностей библиотеки начали активную работу с читателями. Этот процесс был многоплановым: с одной стороны, он, безусловно, способствовал просвещению населения, приобщению его к культурным ценностям, с другой – выполнял агитационно-пропагандистскую задачу, так как работа библиотек с читателями носила в эти годы весьма политизированный характер.

Двадцатые годы стали периодом становления политической и пропагандистской работы библиотек. Коми областная библиотека ежегодно проводила не менее десяти книжных выставок, посвященных различным революционным годовщинам и другим памятным датам – дням памяти В.И. Ленина, годовщинам Октябрьской революции, Парижской коммуны, Первомаю, Международному женскому дню и т.д. К выставкам библиотекари составляли рекомендательные списки литературы. В читальном зале областной библиотеки постоянно работал «Ленинский уголок» [4, л. 3].

В сельской местности в избах-читальнях проводились громкие читки газет, доклады и беседы на общественно-политические темы. В 1926 г. члены коллегии Областного политико-просветительного подотдела признавали, что чтение книг и газет не особенно интересует крестьян, так как это не связано с их повседневными заботами. Поэтому работников волостных библиотек призывали использовать разнообразные методы, чтобы привлечь крестьян в читальни, активнее вести справочную работу: «Крестьянин заинтересуется и потянется к книге и газете» [3, л. 84].

Согласно указаниям Наркомпроса, библиотеки должны были активно вести массовую политико-просветительную работу по различным направлениям: антирелигиозную, справочную, по самообразованию населения, вести работу в период посевной, обеспечивать углубленную проработку решений съездов ВКП(б), решений партии и правительства.

К концу 1930-х гг. значительно улучшилась массовая работа сельских библиотек, особенно в центральных районах Коми АССР. По-прежнему в этой работе превалировала политико-просветительная направленность, нацеленность на выполнение таких задач, как пропаганда мероприятий государства и партии, активизация населения на выполнение пятилетних планов, пропаганда марксистско-ленинской литературы. Так в библиотеке села Богородск в 1938 г. состоялось 14 громких чтот с охватом 232 чел., в том числе по художественной литературе (читали произведения «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Челкаш» М. Горького), 16 бесед с охватом 539 чел. (о международном положении, о постановлениях партии и правительства) [10, л. 26]. В Прилузской районной библиотеке в 1939 г. было проведено 33 громкие читки и 94 беседы на общественно-политические темы, семь книжных выставок, посвященных международному положению, весенней посевной кампании, 70-летию Н.К. Крупской, изучению «Краткого курса истории ВКП (б)» и т.д. [11, л. 31]. Центральная библиотека Усть-Куломского района отчиталась за 1938 г. в проведении бесед и чтот, посвященных выборам в Верховный Совет, в колхозах района [11, л. 36].

Библиотекарям настоятельно рекомендовали привлекать к массовой работе читателей, организовывать читательский актив. Такая работа библиотеками Коми области проводилась, хотя и в небольших масштабах. Областная библиотека планировала в 1929–1930 гг. создать два кружка «Друзей книги»: для взрослых читателей и для учащихся, но создан был только один – в детском отделении. В районных библиотеках в 1930-е гг. также появились активы и кружки «Друзей книги», в основном из пионеров и комсомольцев.

В 1920-е гг. охват населения библиотеками в Коми автономной области, образованной в 1921 году, был невелик. В мае 1925 г. по данным Облполитпросвета, среднее количество читателей на сельскую библиотеку (все они были в те годы прикреплены к избам-читальням) составило примерно 80 чел. [2, л. 43]. Однако в 1927 г. это число возросло уже до 150. В уездных библиотеках среднее количество читателей возросло к 1928 г. до 529 чел. [6, л. 99]. Областная библиотека насчитывала 2 098 читателей в 1926 г. [5, л. 48].

Постепенно количество читателей в библиотеках региона увеличивалось, чему способствовала работа по ликвидации неграмотности, а также постепенная стабилизация и улучшение положения библиотечных учреждений. На IX съезде Советов Коми автономии в 1931 г. было объявлено, что грамотность в области за 10 лет возросла от 27 до 38% [7, л. 9]. В 1940 г. уже 85,6% жителей Коми АССР в возрасте от 8 до 60 лет были грамотными [13, с. 77]. Библиотечное управление Народного комиссариата просвещения рекомендовало библиотекам, участвуя в работе по ликвидации неграмотности, обратить особое внимание на обслуживание учащихся школ

взрослых [9, л. 154]. Областная библиотека вела работу в этом направлении: брала на учет малограмотных и только что прошедших пункты ликвидации неграмотности, привлекала их в библиотеку [8, л. 83].

Центральная библиотека (после преобразования в 1936 г. Коми автономной области в Коми АССР получившая статус республиканской) насчитывала в 1940 г. уже более 10 тыс. читателей, районные – в пределах от четырехсот до тысячи. Соответственно возросло количество выдач, однако, общий показатель читаемости оставался примерно на одном уровне с 1920-х гг. – чуть более одной книги на одного читателя в месяц.

Состав читателей в основном соответствовал социальной структуре населения города и деревни. В 1926 г. областная библиотека представила следующие данные о занятиях читателей: 1 447 чел. – учащиеся (в том числе 753 мальчика), 337 чел. – служащие (из них 129 мужчин), 226 – прочие (88 мужчин), 47 – рабочие (44 мужчины), 29 – крестьяне (28 мужчин), 18 – красноармейцы [1, л. 46–47]. В сельской местности среди читателей преобладали крестьяне. Большинство читателей имели среднее или начальное образование.

По социальному составу взрослых читателей на первое место во всех библиотеках (в том числе и в сельских, где ранее большинство составляли крестьяне) вышла категория «служащие». Очевидно, это было связано с ростом численности данной социальной группы в сельской местности. В областной библиотеке доля служащих не изменилась с 1920-х гг., но значительно возрос процент читателей-крестьян.

Наибольшей популярностью среди всех категорий читателей пользовалась художественная литература, а также газеты и журналы. В отчетах областной библиотеки в 1920-е гг. отмечалось, что наиболее читаемая литература – «беллетристика» (больше половины всей книговыдачи), обществоведение, история и география. Из беллетристики наибольшим спросом пользовались романы Джека Лондона, «Целина» Ф. Гладкова, «Спартак» Р. Джованьоли, произведения А. Серафимовича, Д. Фурманова, Максима Горького и вся русская классика, а также юмористические произведения и морские рассказы. Из научных отделов больше брали учебники и литературу по экономической географии. Из общественно-политического отдела популярностью пользовалась литература по политэкономии. Большой спрос был на коми литературу, которой катастрофически не хватало. Наибольшая читаемость отмечалась в зимние месяцы, наименьшая – в летние [4, л. 4].

В центральной библиотеке Усть-Усинского района в 1940 г. были отмечены лучшие читатели: И.И. Соларев, полевод «Олень-совхоза» – за полгода прочитал 30 книг, К.В. Канова, уборщица (с начальным образованием) – 18 книг, в том числе произведения А.П. Чехова, И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, В. Гюго и детскую литературу. Отмечены и не лучшие читатели, которые «только числятся»:

заведующий военным отделом Я.Т. Хозяинов (брал всего одну книгу за полгода), заведующий отделом кадров райкома ВКП(б) С.Т. Канов (две книги за полгода) [11, л. 16].

Большое внимание в 1920–1930-е гг. уделялось вовлечению в общественную жизнь, в том числе привлечению в культпросветучреждения, женщин. В этот период среди взрослых читателей библиотек Коми области женщины составляли примерно третью часть. Что касается детей и подростков, то здесь доля мальчиков и девочек менялась, но в среднем их было примерно поровну. Существенное изменение можно увидеть в статистике посетителей читального зала областной библиотеки: если в 1933 г. среди посетителей читальни женщин было всего 7,6%, то в 1940 г. они составили 24,4% посетителей [8, л. 83; 12, л. 14]. Среди читателей библиотек в категориях «служащие» и «прочие» женщин было даже больше, чем мужчин, среди рабочих и крестьян – очень мало.

В областной библиотеке в 1927 г. работникам удалось выделить группу читателей «домашние хозяйки» в количестве 50 чел. для изучения их читательских интересов. В основном это были молодые женщины (20–30 лет), со средним (26 чел.) или начальным (14 чел.) образованием, 35 – русские, 15 – коми. В их читательском спросе присутствовали сочинения русских и зарубежных писателей: Джека Лондона, Максима Горького, Мопассана, Л. Толстого, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка, Э. Синклера, журналы «Русская Мысль», «Красная Новь», «Русское Богатство», книги об охране здоровья детей и женщин, о воспитании детей [4, л. 8].

Категорией населения, которая легко и охотно вовлекалась в деятельность библиотек, были дети и подростки. Они были самыми активными читателями. В Коми областной библиотеке в 1926 г. из 2 098 читателей больше половины составляли дети, причем большинство – 12-летние подростки: в возрастной категории до 11 лет было 374 читателей (в том числе 196 мальчиков), 12 лет – 421 читателей (206 мальчиков), 13–17 лет – 410 читателей (192 мальчика). Интересно, что девочек в подростковых группах было больше, чем мальчиков [5, л. 48]. В 1927 г. большинство читателей областной библиотеки по-прежнему составляли подростки от 14 до 19 лет, однако, мальчиков уже было больше, чем девочек [4, л. 69–72].

Коми областная библиотека в 1920-е гг. изучала читательские интересы детей. Было замечено, что мальчики больше любят приключения, путешествия, книги о гражданской войне, техническую литературу, спрашивают произведения Жюль Верна, Майн Рида (которых в библиотеке нет), зачитываются книгой Л. Остроумова «Макар-следопыт», повестью П. Бляхина «Красные дьяволята». Девочки читают в основном бытовую литературу, спрашивают классику, преимущественно произведения А.С. Пушкина, сказки и «что-нибудь жалобное и интересное». Дети дошкольного возраста и первых классов любят рассказы В. Бианки, Н. Агнивцева, и книжки издания «Радуга». Читали дети и взрослые книги –

А. Серафимовича, Д. Фурманова. Был большой спрос на детскую национальную литературу. Библиотекари обращали внимание, что «книг на коми языке для детского возраста недостаточно» [4, л. 5].

Дети читали много. В библиотеке с. Бугаево Усть-Цилемского района среди лучших читателей были названы учащийся Н. Чупров, который прочел за полгода 23 книги, а также второклассники Т. Кислякова (прочла 32 книги), Е. Филиппов (36 книг) [11, л. 21]. Следует отметить, что преимущественно из детей и подростков формировались библиотечные активы и кружки «Друзей книги».

Таким образом, библиотеки и избы-читальни Коми автономии в 1920–1930-е гг. приобщали население региона к общественной жизни путем пропаганды, информирования и разъяснения политики государства, привлечением к участию в мероприятиях, включением в культурный контекст советского общества через чтение литературы и периодики. Наряду с другими институтами советского общества культурно-просветительные учреждения постепенно трансформировали повседневную жизнь населения.

Список литературы:

1. Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф. р-148. Оп. 1. Д. 126.
2. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 239.
3. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 242.
4. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 357.
5. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 374.
6. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 501.
7. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 530.
8. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 678.
9. НА РК. Ф р-148. Оп. 1. Д. 736.
10. НА РК. Ф р-241. Оп. 1. Д. 137.
11. НА РК. Ф р-241. Оп. 1. Д. 252.
12. НА РК. Ф р-241. Оп. 1. Д. 316.
13. Республика Коми: энциклопедия. Т.1. Сыктывкар, 1997.

А.В. Похилюк*

Социальная защита семей военнослужащих в годы Блокады Ленинграда

В статье анализируются мероприятия Советского государства по поддержанию духовного состояния защитников блокадного города и в первую очередь, вопрос о социальной защищенности семей военнослужащих.

---

* **Похилюк Анатолий Викторович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

The article discusses the concern of the Soviet state in the maintenance of the spiritual condition of the defenders of the besieged city in the first place is to take care of social security of military families.

Ключевые слова: социальная защита, морально-боевой дух, забота о семьях военнослужащих, организация эвакуации населения, оказание помощи детям-сиротам.

Key words: social protection, morale and fighting spirit, care for military families, the organization of evacuation of population, provision of comprehensive assistance to orphans.

В боевой обстановке важное значение имеет состояние духа воинов. Именно душевное состояние является источником боевой стойкости людей, ведущих изнурительную вооруженную борьбу с коварным и сильным противником.

Поддержание духовных сил воинов-защитников Ленинграда было предметом постоянной заботы Советского государства, партийных органов, командиров и политработников. Это было особенно важно в экстремальных условиях блокированного города, в котором воины 900 долгих дней и ночей, по существу, находились в условиях переднего края, под постоянным огнем воздействием противника.

Среди воинов Ленфронта и КБФ значительную прослойку составляли ленинградцы, семьи которых, после того как было замкнуто кольцо блокады, остались в городе. Только через Ленинградскую армию народного ополчения в течение первых 3 месяцев войны было отправлено на защиту города 135 400 бойцов и командиров [1, с. 31], а всего в период битвы за Ленинград город направил на фронт 238 тыс. воинов-ополченцев. Из них было сформировано 10 дивизий народного ополчения, которые впоследствии составили костяк 7 стрелковых дивизий, защищавших город в течение всего периода блокады, участвовавших в ее прорыве и снятии.

На Балтийский флот впервые месяцы войны было мобилизовано 20 тыс. ленинградцев. На флоте были подразделения, на 90% состоявшие из ленинградцев [9, л. 55]. Таким образом, население осажденного города, воины фронта и флота были связаны кровными узами. Защитники города и их семьи оказались в едином кольце блокады, вместе переносили невероятные лишения в условиях осажденного города. Поэтому от степени социальной защищенности населения Ленинграда напрямую зависели успехи в его обороне.

Партийные и советские органы города, Военные советы Ленфронта и КБФ постоянно уделяли внимание оказанию всей возможной в условиях блокады помощи населению. В этой работе выделялись следующие основные направления: организация эвакуации части населения из

осажденного города; оказание всесторонней помощи семьям военнослужащих, оставшимся в городе.

В эвакуации населения из Ленинграда можно выделить два периода. Первый период – до блокады города с 29 июня по 27 августа 1941 г. В этот период из Ленинграда было эвакуировано около 400 тыс. детей [2, с. 22] Большая часть из них была вывезена в районы области с целью вывода их из-под авиационных ударов по городу. При этом была допущена серьезная ошибка. Не была предусмотрена возможность оккупации этих районов противником. В скором времени пришлось вернуть 175 400 детей в Ленинград [6, л. 189]. Тем не менее, несмотря на трудности, было эвакуировано около 270 тыс. ленинградцев, в том числе более 164 тыс. рабочих и служащих вместе со своими предприятиями [3, с. 301].

Второй период эвакуации – это эвакуация во время блокады. Он характеризуется, с одной стороны, большей масштабностью, с другой – тем, что эвакуация проходила в условиях начавшегося голода, болезней, вызванных истощением, сильных морозов. Поэтому она требовала колоссальных усилий со стороны партийных и советских органов города, Военного совета Ленфронта.

Вопросами эвакуации населения из Ленинграда постоянно занимался заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин. В городе была создана эвакуационная комиссия во главе с П.С. Попковым.

6 декабря 1941 г. Военный совет фронта принял специальное постановление «Об эвакуации людей из Ленинграда» [3, с. 277]. В этом постановлении ставилась задача с 20 декабря 1941 г. довести число вывозимых до 5 тыс. в сутки. В постановлении был предусмотрен ряд важных мер по обеспечению организованности в процессе эвакуации людей, поддержания их здоровья. Это выделение крытого автотранспорта, создание оборотного фонда теплых вещей – одеял, валенок, шапок, варежек в расчете на 1 тыс. чел., установление перевалочных и питательных пунктов и т.д. В постановлении были установлены нормы продуктов на питательных пунктах: хлеба – по 400 г, а детям до 14 лет – 2 раза в сутки горячее блюдо. Эвакуация должна была производиться по маршруту до ст. Ваганово железнодорожным транспортом, от ст. Ваганово – автотранспортом по ледовой дороге и далее до ст. Заборье.

Развернутая программа по эвакуации населения из Ленинграда была изложена в постановлении Военного совета Ленфронта от 21 января 1942 г. В нем предусматривалась эвакуация по маршруту Финляндский вокзал – ст. Ваганово железнодорожным транспортом, ст. Ваганово – ст. Жихарево – автотранспортом и от ст. Жихарево на Вологду, Ярославль – железнодорожным транспортом. Постановление предусматривало выделить 50 автобусов, создать не только питательные, но и медицинские пункты по трассе. Оно устанавливало четкий график движения железнодорожного и автомобильного транспорта. Кроме того, вводилась штатная должность

заместителя начальника фронтной дороги по эвакуации населения из Ленинграда. Им был назначен А.П. Петров.

Увеличивались нормы питания для эвакуированных. Предусматривалось выдавать на станции Жихарево на 2 дня по 800 г хлеба и 200 г мясных продуктов на человека, на детей до 16 лет – по плитке шоколада. В Волхове, Тихвине, Бабаеве или Череповце (на одной из станций) выдавали горячий обед из двух блюд с раскладкой: мяса – 75 г, жиров – 40, круп – 50, сухих овощей – 20, хлеба – 150, муки – 20 г. Кроме того, в дороге выдавалось 350 г хлеба на человека [3, с. 286]. Этим постановлением для обеспечения организованности в эвакуации населения Военный совет Ленфронта обязал Ленинградский горисполком составлять трехдневные планы эвакуации населения из Ленинграда.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что вопросы эвакуации населения были постоянно в поле зрения партийных и советских органов Ленинграда.

Всего за период с 22 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. из Ленинграда было эвакуировано 1 295 100 чел., в том числе 970 718 ленинградцев и 324 382 ранее эвакуированных в Ленинград и раненых красноармейцев.

Таким образом, несмотря на огромные трудности первой блокадной зимы, важнейшая социальная задача – эвакуация населения из блокированного города – решалась в больших масштабах. Из города было эвакуировано более миллиона человек. В результате были спасены жизни сотен тысяч ленинградцев и в значительной мере облегчено продовольственное положение осажденного города.

Тем не менее, к началу июля 1942 г. в Ленинграде еще осталось 1 млн. 40,5 тыс. жителей [2, с. 129].

С мая по ноябрь 1942 г. через Ладогу было эвакуировано 448 694 чел.; в 1943 г. эвакуировано 15 000 чел. [5, с. 535]. На 25 августа 1942 г. в городе осталось 790 024 чел., в том числе в Колпине – 4 877, в Кронштадте – 9 149 [3, с. 313].

Формы помощи населению осажденного Ленинграда, в том числе семьям военнослужащих, были самыми разнообразными. Характерным являлось то, что все они находили полную поддержку партийных и советских органов и проводились в жизнь в условиях широкого привлечения общественности.

9 января 1942 г. бюро ГК ВКП(б) специально обсудило вопрос «Об организации помощи особо ослабевшим гражданам». 12 января по этому вопросу было принято совместное решение горисполкома и горкома ВКП(б) [7, л. 35–37]. Было принято решение, создать в городе лечебные стационары для истощенных людей: городской, районные и при промышленных предприятиях. Ослабевшие люди направлялись в эти учреждения на 8–10 дней, получали медицинскую помощь и трехразовое питание. Всего за период зимы и весны 1942 г. в городе работало 109 таких стационаров. В

них поправили свое здоровье 63 740 ленинградцев, главным образом рабочие фабрик и заводов [4, с. 108].

В Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. начало быстро увеличиваться число детей, оставшихся без родителей. Многие из них были детьми военнослужащих действующей армии. 4 января 1942 г. в информационной сводке оргинструкторского отдела горкома ВКП(б) А.А. Жданову отмечалось, что в городе увеличилось количество детей-сирот, органы народного образования и общественные организации не проявляют должной заботы о них и они находятся в очень тяжелом положении [8, л. 2].

С целью предупреждения безнадзорности и беспризорности детей были проведены следующие мероприятия. При исполкомах районных Советов были созданы комиссии по борьбе с детской беспризорностью. Была развернута сеть детских приемников НКВД. Жилищным органам были даны указания о немедленном оповещении райотделов народного образования о каждом случае беспризорности или безнадзорности ребенка. Была развернута сеть детских домов для школьного и дошкольного возрастов. Подростков, оставшихся без родителей, в первую очередь принимали в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Образованная при исполкоме общегородская комиссия провела с участием комсомола, работников школ и других учреждений несколько сплошных проверок по домам для выявления беспризорных и безнадзорных детей [3, с. 344].

В декабре 1941 г. исполком Ленгорсовета принял решение о расширении контингента в детдомах и открытии двух новых детских домов; в январе были открыты 23 новых детских дома. А всего за 5 месяцев 1942 г. в Ленинграде было вновь открыто 85 детских домов, приютивших 30 тыс. детей [1, с. 118]. Уже к 10 марта 1942 г. в городе было 98 детских домов. С помощью общественных и хозяйственных организаций они были обеспечены необходимым инвентарем и посудой. Дети принимались в детские дома круглосуточно. Через детприемники НКВД с момента их открытия (февраль 1942 г.) до конца 1942 г. прошло 26 250 детей; 38 080 детей, находящихся в детдомах в течение весны и лета 1942 г., были эвакуированы из Ленинграда. Борьба с беспризорностью шла также по линии попечительства и опеки. С 1 января 1942 по 1 января 1943 г. подопечным детям за счет местного бюджета были выданы пособия на обувь и одежду в сумме 405 тыс. руб. [3, с. 344, 345]. К 1 января 1943 г. под опекой и попечительством состояло 3 086 детей.

Забота о семьях военнослужащих, меры по оказанию им разносторонней помощи в суровых условиях блокадного города способствовали повышению их социальной защищенности и являлись мощным фактором укрепления морального духа воинов, защищавших Ленинград.

Список литературы:

1. Дзенискевич А.Р. Непокоренный Ленинград. Л., 1985.
2. Ленинград в борьбе: Месяц за месяцем (1941–1945). СПб., 1994.
3. Ленинград в осаде. СПб., 1995.
4. Манаков Н.А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л., 1961.
5. Солсбери Г. 900 дней: Пер. с англ. М.-СПб., 1994.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50.
7. ЦГА СПб. Оп. 36. Д. 56.
8. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 5760.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 12. Д. 13.

К.С. Федина*

Деятельность местных органов государственной власти по восстановлению и организации обучения в период с 1945 по 1953 гг (по материалам Астраханской области)

В рассматриваемый период деятельность государства была направлена на восстановление народного образования. В данной статье рассмотрены основные меры местных органов государственной власти Астраханской области по организации обучения в послевоенный период. Основным источником являются данные местной периодической печати.

During the period under review, the activities of the state were aimed at restoring public education. In this article, the main measures of local government bodies of the Astrakhan region on the organization of training in the post-war period are considered. The main source is the data of the local periodical press.

Ключевые слова: школа, шефство, КОГИЗ, соревнование, обучение, образовательные учреждения.

Key words: school, patronage, KOGIZ, competition, training, educational institutions.

Переход к мирной жизни потребовал от государства и людей значительных усилий для восстановления социально-культурной сферы СССР. Фашистские захватчики разрушили 84 тыс. школ, стони вузов и научно-исследовательских учреждений. Особое внимание уделялось восстановлению и дальнейшему развитию народного образования [4].

---

* **Федина Ксения Сергеевна**, аспирант исторического факультета, Астраханский государственный университет.

К новому 1946–1947 уч. г. по области планировалось восстановить 6 средних школ. На восстановление средних школ в Оранжерейном и в с. Николаевском было отпущено 150 тыс. руб. Уже весной 1946 г. велись ремонтные работы в средней школе № 58 Трусовского района, на что было выделено 300 тыс. руб., проводились восстановительные работы в школах города № 54, 47 и 4. Всего на капитальный и текущий ремонт в школах области, который должен был происходить в летний период 1946 г., было ассигновано 1 200 тыс. руб. [2, л. 2].

28 мая 1947 г. состоялась 37 сессия Астраханского городского Совета депутатов трудящихся, на которой обсуждался городской бюджет на 1947 г. и исполнение бюджета за 1946 г. В целом рост расходов на просвещение и культпросветработы в 1947 г. по отношению к 1946 г. составил 26,8% [9, л. 3].

13–14 июня 1947 г. состоялся очередной II пленум Астраханского областного комитета ВЛКСМ одним из вопросов которого, было участие комсомольских организаций в подготовке школ к новому учебному году. С докладом по этому вопросу выступила секретарь обкома ВЛКСМ по школам Чернецова. Она напомнила членам пленума о плохой работе школ в 1946 г. В Камызякском, Икрянинском, Никольском районах из-за отсутствия топлива в школах не проводились занятия. Свыше тысячи детей не училось, и такое же количество перестало заниматься в ходе учебы, около 2 тыс. учащихся начальных школ осталось на второй год. На пленуме было объявлено, что в области в новом учебном году должна функционировать 561 школа, с охватом 95 300 учащихся. На восстановление и ремонт школ, интернатов, внешкольных учреждений, приобретение инвентаря, учебно-наглядных пособий было ассигновано 6 593 200 руб. Запланировано восстановить и построить вновь шесть школьных зданий, произвести ремонт в 555 школах, 18 внешкольных учреждениях, 71 интернате.

Многие комсомольские организации помогали школам в подготовке к новому учебному году. Комсомольские организации завода имени III Интернационала, бондарного завода имени Дзержинского, лесозавода № 4 создали специальные бригады слесарей, электриков, столяров, токарей по ремонту школ и оборудованию физических кабинетов. Но в целом по области подготовка школ проходила неудовлетворительно в таких районах как Сасыкольский, Камызякский, Степановский. Зав. отделом пионеров Капустиноярского райкома комсомола Реснянская рассказала на пленуме о возмутительном отношении районных организаций к ремонту средней школы. «Внешний вид здания школы крайне непригляден, внутри не оборудовано, парт недостает. Зимой в школе занимаются в пальто и шапках». В январе 1947 г. после зимних каникул не смогли посещать занятия 2 600 учащихся городских школ так как здания школ имени Пушкина, имени Халтурина и № 58 на Трусово не отапливались из-за неисправности отопительных систем. В прениях выступил заведующий

областным отделом народного образования Чашкин, который заявил, что на 10 июня отремонтировано только 10% общего количества школ подлежащих ремонту. Причина, по мнению Чашкина, состояла в том, что многие руководители районных комсомольских организаций самоустраились от подготовки школ.

К новому учебному году 1947–1948 гг. в торговую сеть КОГИЗа (Книготорговое объединение государственных издательств) для школ области поступило более 200 тыс. учебников, в четыре раза больше, чем в предыдущем году. 80 тыс. экземпляров учебников было предназначено для городских школ. Магазины располагали достаточным количеством письменных принадлежностей – карандашами, ручками, перьями и чернилами. К 1 сентября 1947 г. в магазины поступило более полумиллиона ученических тетрадей [5, л. 4].

Ежегодная подготовка школ к новому учебному году осуществлялась в период летних каникул и проводилась с участием шефов. В мужской средней школе № 46 шефами являлись Волго-Каспийский госрыбтрест, городская электростанция, рыболовпотребсоюз и трест «Волго-Ахтубстрой», они выделили строительные материалы на 50 тыс. рублей и все работы провели своими силами. В результате в школе к новому 1949–1950 уч. г. была полностью восстановлена отопительная система, классные комнаты побелены, отремонтированы парты, застеклены окна [11, л. 3].

Шефами Мумринской средней школы являлись поселковый совет, мумринский рыбозавод, судоремонтная база. В 1948 г. шефы помогли провести в школе ремонт, провели электричество. Летом 1949 г. после окончания занятий в школе поселковый Совет приступил к ремонту школьного здания. Строительные материалы были приобретены в городе. Лес, мел, краски предоставили шефы. Вопрос о расширении школы в связи с увеличением числа учащихся был решен, учителя из помещения, находящегося на территории школы были переселены в квартиры переданные шефами и поселковым Советом. Освобожденное помещение, после капитального ремонта, в ходе которого была проведена перепланировка здания, сложены печи, было передано под классы. Для оборудования новых классов бригадой столяров Мумринского рыбозавода было изготовлено сорок парт из пиломатериалов, предоставленных судоремонтной базой. Судоремонтная база обеспечила школу топливом, поселковый совет предоставил средства на приобретение наглядных пособий. Так при поддержке местных органов Мумринская школа была своевременно подготовлена к новому учебному году.

В Зеленгинском районе (ныне Володарский район) в 1949 г. работало 25 школ. Благодаря помощи общественности и предприятий местной промышленности к началу учебного года они были полностью отремонтированы. В семилетнюю школу села Макова Зеленгинского района члены колхоза имени XVII партсъезда выделили около 5 тыс. руб. для

приобретения оборудования и учебных пособий. Дирекция рыбозавода имени Куйбышева направила плотников, маляров, они обновили крышу, утеплили классы. Мастера Тумакского рыбозавода отремонтировали потолок, оштукатурили все классы, окрасили стены масляной краской [3, л. 3].

В 1950 г. общественность Ленинского района проявила инициативу по своевременной и образцовой подготовке школ к новому учебному году. Партийные, советские, хозяйственные организации и работники народного образования других районов одобрили и поддержали эту инициативу, беря на себя определенные обязательства. Так общественность Сталинского района в ответ на вызов Микояновского района включиться в социалистическое соревнование взяла на себя следующие обязательства: отремонтировать все школьные здания района к 15 августа 1950 г., а так же доставить топливо школам в размере годовой потребности до 1 сентября; привлечь к этой работе шефствующие предприятия и общественность района; организовать летние занятия со всеми учащимися, которым предстояли экзамены на осень, организовать летний отдых учащихся остающихся в городе, создать пионерские лагеря при пяти школах и пяти домоуправлениях, привлечь к работе с детьми в летний период учителей, пионервожатых, родителей; оборудовать учебные кабинеты в 18-й средней школе, а так же в 24-й и 52-й семилетних школах, создать спортивные площадки при пяти школах, открыть физкультурные залы в трех школах Сталинского района; провести ремонт квартир учителей; построить восемь жилых домов (на двадцать квартир) для учителей в селах Харабали, Селитренное., Хошеутово, Вольное, Речное и Заволжье; заготовить топливо и подвести его к школам и интернатам на весь учебный год до 1 сентября 1950 г.; оградить школьные дворы, посадить декоративные и фруктовые деревья, озеленить все школьные усадьбы; обеспечить все школы наглядными пособиями, тетрадями и ученическими принадлежностями [8, л. 3].

Соревнование за образцовую подготовку школ к новому учебного году стало в стране и в Астраханской области традиционным. «Мы решили помочь школам, – писали красноярцы в ответ на призыв общественности Ленинского района, – своевременно отремонтировать школьные здания и интернаты, квартиры учителей и инвентарь, заблаговременно и в достатке завести топливо, охватить всех детей школьного возраста учебой». Партийные, советские, комсомольские организации и отделы народного образования должны были добиться, что бы соревнование стало массовым, чтобы коллективы предприятий, колхозов и совхозов оказали бы ощутимую помощь школам. Ни чего не сделали в этом направлении Кировский, Зеленгинский, Степановский, Наримановский райкомы партии и райисполкомы, подготовка школ к учебному году в этих районах началась с опозданием. И причина этого была связана не только с безинициативностью

местных органов, но и стем, что областной финансовый отдел и районные финансовые отделы срывали сроки финансирования школ на нужды подготовки к учебному году [1, л. 3].

Выступая на IV сессии Астраханского областного Совета депутатов трудящихся, депутат Меренков отметил, что областной финансовый отдел и его местные органы не своевременно финансировали школы области. На 1 октября 1951 г. на ремонт школьных зданий было отпущено лишь 84,3% средств, выделенных для этой цели. Что стало серьезной помехой в подготовке школ к учебному году.

Приволжский райком ВКП(б), исполком районного Совета депутатов трудящихся, райком ВЛКСМ, райком профсоюза работников начальных школ включились в социалистическое соревнование за образцовую подготовку школ к новому 1952–1953 уч. г., начатое общественностью Камызякского района и приняли, ряд обязательств. Образцово провести в августе 1952 г. учет детей и обеспечить с 1 сентября 1952 г. обучение в школах всех детей и подростков в возрасте от 7 до 15 лет, выполнить народнохозяйственный план по контингентам учащихся, для чего открыть новую начальную школу в с. Хол-Хута. На базе начальных школ с 1 сентября дополнительно открыть одну семилетнюю школу, шестые классы при семилетних школах совхоза «Астраханский» и Янго-Аскерской школах. Открыть седьмые классы в Волжской и Верхне-Лебяженской семилетних школах, девятый класс – в Разночиновской средней школе. Для расширения семилетнего образования, построить к 10 августа 1952 г.: школьное здание на две классные комнаты для Верхне-Лебяженской семилетней школы; построить здание для семилетней школы при совхозе «Каспийский»; перевести в одну смену работу Солянской семилетней школы; дополнительно выделить помещение под интернат Разночиновской средней школы на 50 человек и капитально его отремонтировать к 15 августа 1952 г. [6, л. 3].

До 1 августа 1952 г. закончить ремонт всех школьных зданий и произвести государственную приемку готовности школ к новому учебному году. Закончить подвоз дров школам в размере годовой потребности до 15 июля, а камыша и кизяка – до 20 ноября 1952 г. До 25 августа отремонтировать 25 квартир учителей и полностью обеспечить школы учебниками, тетрадами, школьными принадлежностями. При каждой средней и семилетней школе оборудовать спортивную площадку, создать учебно-опытные мичуринские участки.

Приняв вышеназванные обязательства общественность приволжского района вызвала на социалистическое соревнование соседний Наримановский район.

Публикация в газете обязательств, принятых общественностью того или иного района делала их легитимными, информация становилась доступной для всех жителей области, каждый астраханец испытывал чувство

ответственности за подготовку школ, тем более что почти в каждой семье были дети – школьники. Страницы газеты использовались и для того что бы привлечь внимание общественности к тем, кто отказывался помочь школам.

Директор семилетней школы с. Краса Икрянинского района Скворцова в статье «В стороне от нужд школы» писала о том, что председатель рыболовецкой артели «Красная звезда» Гуськов безразличен к нуждам школы и учителей, в 1951–1952 уч. г. не помог школе подвезти топливо, в 1952 г. отказался помочь огородить пришкольный участок, а местный сельсовет не проявил настойчивости в этом деле, несмотря на решение правления колхоза. После такой критики на страницах областной газеты, руководители организаций внимательней относились к проблеме подготовки школ к учебному году [10, л. 3].

Партийные и советские органы должны были вникать во все звенья подготовки школ к занятиям – интересоваться комплектованием учительских кадров и их бытовым устройством.

В сложившейся ситуации, недофинансирования, отсутствия необходимого количества строительных организаций и строительных материалов руководство школ самостоятельно не могло подготовить школы к новому учебному году и поэтому добровольная мобилизация и производственных предприятий и простых граждан посредством соц.соревнований на помощь школам – это решение задачи, авторами которого были работники партийных и советских органов [7, л. 1].

Список литературы:

1. XIII сессия Астраханского городского совета депутатов трудящихся // Волга. 1950. 26 июля. №150.
2. Вечерние школы молодежи // Волга. 1946. 12 апреля. №73.
3. Друзья школы // Волга. 1949. 28 августа. №169.
4. Евсева Е.Н., Красовицкая Т.Ю. СССР в 1945–1953 гг.: Духовная жизнь // Новый исторический вестник., 2002
5. К новому учебному году // Волга. 1947. 15 августа. № 162.
6. Кобызев Я. Хорошая забота о школе // Волга. 1952. 29 июня. №128.
7. Образцово подготовить школу к учебному году // Волга. 1952. 1 июня. №108.
8. Поддерживаем почин общественности Ленинского района // Волга. 1959. 7 июня. №114.
9. Сессия Астраханского городского совета депутатов трудящихся // Волга 1947. 30 мая. № 106.
10. Скворцова Д. В стороне от нужд школы // Волга. 1952. 29 июня. №128.
11. Шефы отремонтировали школу // Волга. 1949. 21 августа. № 164.

Далекое близкое: проблемы историографии в исследовании повседневности послевоенного Казахстана

Повседневность позволяет исследователю увидеть длинные промежутки истории и одновременно разобраться в «мелочах» жизни. Рассмотрены ключевые проблемы казахстанской историографии истории повседневности послевоенного Казахстана. Изучение воспоминаний современников является способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах.

Everyday life allows the researcher to see long periods of history and at the same time to understand the "little things" of life. The key problems of Kazakhstani historiography of the history of the daily life of postwar Kazakhstan are considered. Studying memories of contemporaries is a way of collecting, processing and analyzing information about specific individuals and their personal senses.

Ключевые слова: повседневность, история повседневности, послевоенный Казахстан, дихотомия, воспоминания.

Key words: everyday life, history of everyday life, post-war Kazakhstan, dichotomy, memories.

Современная методология науки отдает приоритет в исследованиях человеческому фактору. Наука теперь не смотрит на историческое прошлое сверху вниз, а видит параллельное изменение в политической, экономической, социальной системах на основе изучения истории жизней людей, живших в этот период, в том числе и через биографии отдельных личностей.

Долгое время идут споры над определением понятий «повседневность», «история повседневности»: еще в начале прошлого десятилетия историк М.М. Кром отмечал отсутствие в науке «универсального, на все случаи пригодного понятия “повседневность”» [8]. После выхода на свет книг И.Б. Орлова об исторических и социологических аспектах советской повседневности [12] и обзорной статьи О.В. Бригадиной изменения в данной сфере познания до сих пор нет [3]. Но в большинстве случаев исследователи особое внимание обращают на определение, предложенное Н.Л. Пушкаревой. Она отмечает, что "история повседневности" (everyday life history; Alltagsgeschichte; histoire de la vie quotidienne) – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных

---

* Султанова Аягыз Канатовна, магистрант 2 курса специальности «История» исторического факультета, Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, [sadikov ts@enu.kz](mailto:sadikov_ts@enu.kz)

историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события [13, с. 3].

Но выявление термина «повседневность» – это еще не последнее, с чем сталкиваются исследователи. Малочисленность или отсутствие работ, созданных на базе истории повседневности по конкретному периоду, также являются большой угрозой для «повседневедов». С таким я столкнулась, когда начала изучать ситуацию, сложившуюся в послевоенный период в Казахстане.

В изучении истории повседневности послевоенного времени особое место занимают работы Н. Лебиной [9, 10]. В ее книгах, посвященных советской повседневности в 1920–1950-е гг., используется дихотомия «норма/аномалия». Такой подход демонстрирует на материалах этого времени трансформацию политики большевиков в сфере питания и жилья, моды и досуга, религиозности и сексуальности, а также смену отношения к традиционным девиациям – пьянству, самоубийствам, проституции. Основным предметом интереса исследователя является эпоха сталинского большого стиля, когда обыденная жизнь не только утрачивает черты «чрезвычайности» военного коммунизма и первых пятилеток, но и лишается достижений демократических преобразований 1920-х гг., превращаясь в повседневность тоталитарного типа с жесткой системой предписаний и запретов. Ее работы позволяют выстроить картину мира этого времени, благодаря чему можно сопоставить жизнь одного народа в разных регионах СССР с использованием новых источников и применением новой методологии.

Какая же ситуация складывается в казахстанской исторической науке? Здесь все просто: изучение повседневности не осуществлялось. Рассекречивание архивных документов, возможность без политической конъюнктуры изучать данную проблему дает дополнительные импульсы к обращению исследователей к истории повседневности. До середины 1980-х гг. история советского периода рассматривалась исключительно с идеологизированных позиций. К тому же доступ ко многим архивным источникам, как отмечалось, был закрыт, что не давало возможности воспроизвести и объективно анализировать весь спектр проблем повседневной жизни советских людей. В настоящее время, когда сняты идеологические ограничения, отменена партийная цензура, произошли коренные изменения в социальной, экономической, политической структуре общества, актуальными задачами являются изучение новых архивных материалов и введение их в научный оборот [1, с. 4–5].

Уже в первом десятилетии XXI века свет увидели работы З.Г. Сактагановой [14], К.К. Абдрахмановой [2], а уже позже – В.В. Козиной,

С.В. Елеухановой [5]. Следует обратить внимание на совместную работу З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой, так как именно они по праву считаются первыми в казахстанской историографии, кто начал рассматривать историю послевоенного Казахстана с такого ракурса. Они ввели в научный оборот делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическую печать, источники личного происхождения, фотодокументы, тем самым расширяя область познания, исследуя детали и мелочи. Их объектом изучения стало население городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг. В советский период Центральный Казахстан являлся одним из ведущих регионов как республиканского, так и общесоюзного значения. Здесь располагались крупные промышленные предприятия союзного подчинения: Карагандинский угольный бассейн, Карагандинский и Балхашский металлургические комбинаты и др. Высокие темпы урбанизации оказали огромное влияние на формирование городской инфраструктуры и развитие различных сфер жизнедеятельности городского населения. Все это требует специального исследования городской повседневности Центрального Казахстана послевоенного периода: как происходило взаимовлияние жизнедеятельности горожан и развития промышленных центров в данном регионе, какие изменения происходили в жизни после окончания Великой Отечественной войны.

Нельзя не согласиться с Н.Л. Пушкаревой, что с авторами текстов, которые служат для исследователя источником, необходимо вести диалог, чтобы быть «вровень» с ними. Современники событий, происходивших в различный период, могут передать свои переживания, ощущения, чувства, мысли, а также делать прогнозы на будущее [13, с. 13]. Такая группа источников дополнит сухой текст яркими красками. Но мы столкнемся с субъективностью мнений. Пушкарева считает, что «повседневная жизнь интерсубъективна», она «представляет собой мир, в котором человека живет и взаимодействует с себе подобными» [13, с. 12]. И эти люди – конкретные участники исторического процесса. На основе их воспоминаний, мемуаров, записей в дневниках, интервью возможно приоткрыть завесу тайн конкретного исторического периода.

На основе изучения этих работ я попыталась сама воссоздать небольшие отрывки жизни людей послевоенного Казахстана через воспоминания современников о первом секретаре Коммунистической партии Казахстана Жумабае Шаяхметове, изданных в 2002 г. в небольшом сборнике в честь 100-летнего юбилея этого человека. Данные воспоминания не просто передают субъективное отношение к одной личности, но и представляют нашему взору переживания этих людей по отношению к различным вопросам. Прежде всего, после окончания войны в Советском союзе стал проявляться синдром переживания социумом внутренней психоэмоциональной «революции» растущих, но неоправдываемых ожиданий [15, с. 552]. Но в то же время сохранялся сталинский контроль над

всеми сферами общества и жизни, в особенности Первого секретаря КПК. Так в воспоминаниях дочери Алмы, Жумабай Шаяхметов, – или просто Жумеке, остался в «полувоенном костюме – китель, галифе и высокая фуражка, все защитного цвета, черные кожаные сапоги». Но кроме этого она помнит его «темно-синий костюм в белую полоску и серый костюм» [7, с. 196]. Строгий контроль прослеживается и в его расписании, когда рабочий день длился 13–15 часов: «к 9 часам он уезжал на работу и возвращался домой к 6 часам вечера. После обеда он ложился спать, а в половине 11 ночи ... он снова ехал на работу до 3-х, 4-х часов ночи. И так в течение 6 дней». Вместе с этим инкогнито он также следил за благополучием своего народа, предотвращая теневую экономику. Этот момент в жизни как яркое воспоминание осталось у супруги его сына Равиля: «однажды, он прослышал, что в магазинах нет оберточной бумаги. Он пошел в магазинчик на «Пугасов мост» и попросил отпустить ему 300 граммов самых дешевых конфет, без фантиков, которые в народе называли «Дунькина радость». Продавец... ответил, что бумаги нет... На шум вышел директор магазина,... «сплавил» нерадивую сотрудницу в подсобку. На следующий день бумага – таки появилась во всех магазинах» [7, с. 204].

Даже эти короткие воспоминания дают нам огромный потенциал для дальнейшего изучения повседневной жизни. Привлекая другие материалы, я могу рассмотреть, кто был участником этой «системы», как влияла теневая экономика на развитие Казахстана и СССР в целом. На основе воспоминания молодой девушки был представлен результат визита Первого секретаря КПК, после чего «бумага-таки появилась во всех магазинах».

Военная форма и строгое расписание рабочего времени свидетельствует о напряженной ситуации в СССР после окончания войны, на основе чего можно рассмотреть следующие вопросы: какие опасности угрожали местному населению, какие вопросы решали руководители в ночную смену, каково настроение общества в конкретный исторический отрезок времени.

Таким образом, история повседневности – это еще одна попытка понять историю как многослойный процесс, воспроизводящийся и трансформирующийся теми, кто является объектом и субъектом истории одновременно. Историк повседневности старается более внимательно вчитаться в текст для того, чтобы поразмышлять об обстоятельствах высказывания в нем идей. Такая методологическая установка дает возможность проникнуть в смысл высказанного, а также учесть скрытый смысл, случайно прорвавшийся из глубин сознания. Историк повседневности изучает не просто быт, но и повседневное сознание и поведение людей, а также использует психологический прием вчувствования, позволяющий ему интерпретировать чужие мысли и слова, давая им свой «перевод». При изучении повседневности важно сочетание

методов, используемых как на микро-, так и на макроуровне исторического исследования.

Список литературы:

1. Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг.: Автореф. .... к.и.н. Караганда, 2009.
2. Абдрахманова К.К. Советский потребитель: повседневность общепита в послевоенное время в городах Центрального Казахстана // Уроки истории. 2014. № 2 (2). С. 21–26.
3. Бригадина О.В. Парадигма повседневности в ранней советской истории (1917–начало 1920-х гг.): Проблемное поле исследований // Российские и славянские исследования: научный сб. Вып. 6. Минск, 2011. С. 212–222.
4. Досова Б.А., Байгожина Г.М., Баймуканова М.Т. Методологический потенциал истории повседневности по оценкам представителей российской историографии. Караганда: Вестник КарГУ, 2016.
5. Козина В.В., Елеуханова С.В. К вопросу о пространстве повседневности в городской агломерации Центрального Казахстана в послевоенный период (1946–1952 гг.) // «Жуасовские чтения – 19»: Материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы. Караганда: Гласир, 2015.
6. Козлова Н.Н. Повседневность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001.
7. Күрделі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер. Астана: Аударма, 2002. 216 бет + б.т. жапсырма.
8. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сб. науч. работ / Отв. ред. М.М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7–14.
9. Лебина Н. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е годы. СПб: Крига; Победа, 2015. 484 с.
10. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 488 с.
11. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни Урала в 1917–1922 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 632 с.
12. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 317, [3] с. + 8 с. ил.
13. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
14. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг. Караганда: Болашак-Баспа, 2010. 252 с.
15. Хазиев Р.А. Постсталинская рефлексия на бедность: пионеры консьюмеризма, доморощенные коммивояжеры и тенивики на Уральской периферии в 1953–1964 гг. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2016.

Пограничный конфликт между СССР и Китайской Народной Республикой в районе острова Даманский глазами населения Свердловской области

В статье рассматриваются настроения трудящихся Свердловской области в связи с советско-китайским пограничным конфликтом в районе острова Даманский. Уральцы были искренне возмущены провокациями маоистов на советско-китайской границе, выражали твердую уверенность в силе Советского государства и его армии. Многие из них изъявляли желание с оружием в руках защищать неприкосновенность советских границ и требовали принятия советским политическим и военным руководством самых решительных мер по пресечению дальнейших провокаций со стороны Китая.

The article examines the mood of the population of the Sverdlovsk region in connection with the Soviet-Chinese border conflict in the Damansky Island region. The Urals were genuinely indignant at the provocations of the Maoists on the Soviet-Chinese border and expressed strong confidence in the strength of the Soviet state and its army. The working people of the Middle Urals expressed their desire to protect the inviolability of Soviet borders with weapons in their hands. They demanded that Soviet political and military leaders take the most decisive measures to stop further provocations by China.

Ключевые слова: Китай, маоисты, остров Даманский, пограничный конфликт, Свердловская область.

Key words: China, maoists, Domansky Island, border conflict, Sverdlovsk Region.

В 2019 г. исполнится 50 лет одной из самых трагических страниц в истории взаимоотношений Советского Союза и Китайской Народной Республики. В марте 1969 г. на реке Уссури в районе острова Даманский между КНР и СССР произошел вооруженный конфликт, едва не переросший в крупномасштабные военные действия, в котором кроме советских и китайских пограничников участвовали также части Советской Армии и Народно-освободительной армии Китая.

Среди основных причин возникновения Даманского инцидента можно назвать взятие КНР курса на самостоятельное политическое и экономическое развитие, основанного на желании Пекина уйти из-под ставшей ему обременительной опеки СССР, а также претензии председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна на лидерство в международном коммунистическом движении [1, с. 23, 24].

---

* **Слостнев Сергей Борисович**, главный архивист отдела научно-справочного аппарата и учета архивных документов, Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Пользуясь тем, что ряд вопросов по границе между Советским Союзом и Китаем оставался неурегулированным, пекинское руководство начало выдвигать претензии на значительную часть территории СССР. Данные претензии явились поводом для регулярных инцидентов, начавшихся по инициативе КНР уже с лета 1960 г. на всем протяжении советско-китайской границы. Только в 1964–1967 гг. китайцы предприняли более 13 000 провокаций с участием в них более 50 000 чел. [4, с. 200]. Намеренно создавая и нагнетая напряженность на границе, маоисты рассчитывали на то, что советская сторона, рано или поздно будет вынуждена применить оружие. Тогда СССР предстал бы перед мировой общественностью агрессором, напавшим на Китай без всякого повода. Убедившись, что, несмотря на все усилия, спровоцировать Советский Союз на решительные действия не удастся, политическое и военное руководство КНР подготовило широкомасштабную вооруженную провокацию, получившую кодовое наименование «Возмездие».

2 марта 1969 г. около 300 военнослужащих НОАК нарушили границу в районе острова Даманский и, внезапно открыв огонь, расстреляли практически в упор командира 2-й пограничной заставы 57-го погранотряда старшего лейтенанта И.И. Стрельникова и его подчиненных, выдвинувшихся навстречу нарушителям, для того, чтобы выдворить их с советской территории. Через 10–15 минут после начала трагических событий к острову Даманский подоспели пограничники 1-й заставы 57-го погранотряда в количестве 23 чел., под командованием старшего лейтенанта В.Д. Бубенина и завязали с нарушителями бой, продолжавшийся около двух часов. Всего, согласно официальным данным, было уничтожено 248 военнослужащих НОАК. С советской стороны в бою 2 марта погиб 31 пограничник и 14 получили ранения [1, с. 169; 4, с. 212]. Пограничник П.А. Акулов был захвачен маоистами в плен и позднее зверски замучен [4, с. 212].

В связи с событиями в районе острова Даманский советское руководство санкционировало проведение на всей территории СССР (в том числе и на Среднем Урале) массовых акций протеста против провокационных действий маоистов. С 7 по 13 марта 1969 г. в 28 городах и районах Свердловской области состоялось более 12 500 партийных собраний, бесед и политинформаций, собраний и митингов трудящихся, в которых участвовало не менее 287 тыс. чел. Только в г. Свердловске 8–13 марта 1969 г. было проведено свыше 600 партийных собраний, на которых присутствовало более 38 000 членов КПСС и кандидатов в члены партии, а также 120 митингов в которых участвовало около 50 000 чел. [10, л. 4–125; 11, л. 1–71].

Все выступающие на митингах и собраниях выразили протест по поводу провокации на советско-китайской границе, а также полную поддержку внешней политики, проводимой ЦК КПСС и Советским

правительством, призывали трудящихся своим трудом неуклонно крепить могущество своей Родины [10, л. 6, 52; 11, л. 19, 24, 30].

Уральцы были искренне возмущены вероломством пекинского руководства. Ведь на протяжении десятилетий Советский Союз бескорыстно оказывал экономическую, политическую, военную помощь китайским коммунистам, когда те вели партизанскую войну против своих и японских милитаристов и позже, в период строительства в Китае социалистического государства. Теперь же, за это было отплачено кровью советских пограничников, слезами их родных и близких. Так, например, в своем выступлении заместитель секретаря партийного комитета Качканарского горно-обогатительного комбината П.Н. Алексеев сказал следующее: «В 1945 году мы...пришли на помощь китайскому народу...в борьбе с японскими оккупантами. Эта помощь стоила нам жизни многих и многих тысяч советских воинов. Мы оказывали китайскому народу большую материальную помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства. И это мы делали не потому, что у нас было что-то лишнее. Нет, мы отрывали от себя, но знали – иначе нельзя. Мы не требовали для себя за это каких-то особых почестей, но мы никогда не думали, что китайские руководители способны прибегнуть к такой кровавой провокации. Даже руководители капиталистических государств, граничащих с нами, сейчас не позволяют таких выходов» [10, л. 73]. В резолюции собрания рабочих одного из цехов Северского трубного завода (г. Полевской) было написано: «Пекинские руководители докатились до вооруженной провокации, бандитских налетов на советских людей, забыв о той братской бескорыстной помощи, которую оказывала наша страна КНР. Мы не смешиваем китайский народ с зарвавшейся кликой, но мы клеймим позором бандитские выходы пекинских властей...» [10, л. 7].

На митингах и собраниях бывшие пограничники, еще недавно служившие на советско-китайской границе, рассказывали уральцам о сложившейся там напряженной обстановке. Свердловчанин, фрезеровщик Жюзяев, выступая перед своими товарищами, взволнованно говорил: «Три месяца назад я демобилизовался...Служил в пограничных войсках на советско-китайской границе...Какая стойкость и выдержка требуется от нашего солдата, когда перед ним беснуются толпы хунвэйбинов и цзаофаней с цитатниками Мао, когда идут в ход ломы и палки, когда китайские танки подходят прямо к границе и разворачиваются орудиями в нашу сторону! Я служил радистом и был свидетелем того, как китайские провокаторы засоряют эфир антисоветской пропагандой». Рабочий Новолялинского бумажного комбината Хандорин вспоминал: «Будучи в рядах пограничных войск на Дальнем Востоке в 1967–1968 годах, я был свидетелем массовых провокаций китайских пограничников и хунвэйбинов...Мы, советские пограничники...становились цепью и, взявшись за руки, вытесняли

китайских военнослужащих с наших советских рубежей» [10, л. 123; 11, л. 25].

Среди уральцев, присутствовавших на митингах и собраниях, были те, кто лично знал участников событий в районе острова Даманский. Машинист электровоза шахты «Буланаш-4» Г.Н. Селиванов вспоминал: «...я служил на границе вместе со старшим лейтенантом Стрельниковым...это был большой души человек, отличный советский командир. Я горжусь тем, что мне довелось служить с ним» [10, л. 8]. Слесарь Монетного трактороремонтного завода В.М. Мыльников, служивший старшиной на 1-й заставе 57-го погранотряда, рассказывал о своем командире В.Д. Бубенине: «Он во всем был для меня и для всех пограничников примером. В свободное время...любит рисовать, петь песни, играть на гитаре. К живописи приобщил всех, кто хоть немного владел кистью...И в прошлом и в позапрошлом году мы старались мирно решать конфликты на границе. Однажды один из китайцев больно ударил Виталия Дмитриевича палкой по голове. Командир поморщился, но не прибег к оружию...Но когда маоисты с боем лезут на нашу территорию, тут единственный выход – дать достойный отпор» [9].

Трудящиеся Свердловской области были всерьез обеспокоены развернувшимся советско-китайским конфликтом. Впервые после Великой Отечественной войны территория Советского Союза подверглась нападению армии иностранного государства, поэтому многих советских людей волновал вопрос: «Не повторится ли 1941 год, когда политическое и военное руководство СССР боялось спровоцировать войну и в итоге страна оказалась неподготовленной к обороне своей западной границы?» [11, л. 34]. В то же время, партийными органами отмечалось отсутствие каких-либо волнений, растерянности или паники в городах и районах Свердловской области. Большинство уральцев выражали твердую уверенность в силе Советского государства и его армии. Многие из них, рабочие, служащие, студенты и даже пенсионеры изъявляли желание с оружием в руках защищать неприкосновенность советских границ [10, л. 9, 25; 11, л. 11].

На собраниях, беседах, политинформациях уральцами были заданы сотни различных вопросов, среди которых были, например, такие: «Было ли известно советской стороне о готовящейся провокации и какова ее цель?», «Сколько китайских военнослужащих и советских пограничников участвовало в боевых действиях и сколько из них погибло в бою?», «Есть ли среди погибших советских пограничников уральцы?», «Почему допущены такие большие потери с советской стороны?», «Какие меры принимает ЦК КПСС и Советское правительство по защите границ СССР?», «Может ли возникнуть война между СССР и КНР?» [10, л. 10–111; 11, л. 2–62].

Всеми выступающими на собраниях и митингах подчеркивалась необходимость принятия советским политическим и военным руководством самых решительных мер по пресечению дальнейших провокаций со стороны Китая. Так, рабочий Н.Е. Первов на собрании трудящихся г. Первоуральска

заявил: «Мы слишком либеральничаем с нарушителями советской границы. Надо...вооруженных бандитов уничтожать или пленить...Прекратить гуманность к разбойникам ! Границу – на замок !». Главный энергетик шахты «Буланаш-3» З. Татаринов считал необходимым просить ЦК КПСС и Советское правительство дать указание пограничникам на любую провокацию со стороны китайцев отвечать огнем. Коммунисты Сухоложского района высказались за то, чтобы прекратить любую помощь Китаю и разорвать с ним торговые отношения [10, л. 9, 21; 11, л. 1, 63].

На некоторых митингах было также внесено предложение о необходимости мер по усилению границы с Китаем войсками Советской Армии [11, л. 26]. Но уральцы, как и большинство остальных советских людей, еще не знали, что в преддверии возможного нового нападения маоистов на территорию СССР подобные меры уже начали предприниматься. В ночь на 12 марта 1969 г. в район острова Даманский прибыли части 135-й мотострелковой дивизии: мотострелковый и артиллерийский полки, отдельный танковый батальон и реактивный дивизион БМ-21 «Град».

Между тем, китайцы, сосредоточив на границе для вооруженного вторжения на советскую территорию армейскую группировку, соответствующую примерно дивизии, 15 марта 1969 г. возобновили военные действия и на короткое время смогли захватить остров Даманский. В ответ с советской стороны по позициям и живой силе противника, расположенным на острове и противоположном берегу реки Уссури реактивным дивизионом «Град» и полком 122-мм гаубиц был произведен мощный артиллерийский налет, после которого, в бой был введен 2-й батальон 199-го полка 135-й мотострелковой дивизии, который совместно с пограничниками в течение нескольких часов полностью очистил остров Даманский от китайцев.

Среди тех, кто мужественно сражался 15 марта 1969 г. на Уссури были и военнослужащие, призванные на службу с территории Среднего Урала: И. Образцов из г. Волчанска, свердловчане В. Говорухин, С. Еременко, С. Чураков, В. Алтунин, Е. Перевалов (двое последних в бою с маоистами получили ранения) [2; 8; 12].

В ходе боевых действий 15 марта погибли 21 пограничник (в том числе, командир 57-го погранотряда полковник Д.В. Леонов) и 7 военнослужащих Советской Армии. Безвозвратные потери китайцев согласно данным советской стороны составили около 600 чел. [4, с. 215–218].

В течение второй половины марта 1969 г. на всей территории СССР вновь прошли митинги и собрания трудящихся, на которых осуждалась очередная провокация маоистов. Согласно информации, содержащейся в периодической печати Свердловской области, подобные массовые мероприятия были проведены на Уральском заводе тяжелого машиностроения, Свердловском заводе медицинских препаратов,

Нижнетагильском металлургическом комбинате, Первоуральском новотрубном заводе [3; 5; 7].

После завершения инцидента в районе острова Даманский обстановка на данном участке границы продолжала оставаться сложной. Еще на протяжении полугода советские пограничники регулярно пресекали огнем попытки противника проникнуть на советскую территорию. Затем было приказано огонь прекратить, после чего остров фактически оказался в руках китайцев. В последующие годы переговоры между СССР и КНР были продолжены и в начале 1990-х гг. спорный остров официально была передан Китаю [6].

Несмотря на то, что остров Даманский теперь является частью территории другого государства, он остается символом мужества советских людей (в том числе уральцев), их верности Родине и воинскому долгу.

Список литературы:

1. Бубенин В.Д. Кровавый снег Даманского. М., Жуковский. Граница; Кучково поле. 2004.
2. Жарков Е., Зарецкий Р., Курашова Т., Машкова В. Уральский рубеж на Даманском // Уральский рабочий. 1969. № 92. 19 апреля.
3. Крепить могущество Родины // Уральский рабочий. 1969. № 67. 20 марта.
4. Окоороков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., Вече. 2013.
5. Позор провокаторам ! // Уральский рабочий. 1969. № 64. 16 марта.
6. Попов В., Почтарев А. Остров раздора // Красная Звезда. 1999. №№ 56-57. 13 марта.
7. Прочь от советской границы // Уральский рабочий. 1969. № 65. 18 марта
8. Тимофеев Б. Он сражался на Даманском // На смену! 1969. № 165. 21 августа.
9. Тюменцев И. Встанем в строй по зову Родины // Уральский рабочий. 1969. № 71. 25 марта.
10. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 73. Д. 103.
11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 73. Д. 104.
12. Шаров П. Парни были на Даманском // Вечерний Свердловск. 1969. № 92. 19 апреля.

Альтернативные выборы в органы городского самоуправления Южного Урала как антикризисная модель конца 1980-х – начала 1990-х гг. (о некоторых аспектах социального восприятия)

Система государственного управления в стране оказалась неспособной к саморегулированию. Власть структурировалась КПСС. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. исчез механизм контроля партии за депутатами. В этих условиях органам городского самоуправления не удалось реализовать возможности удовлетворения нужд широких слоев населения. Перестройка усугубила кризис, поскольку оказалась не поддержанной в массовом сознании

The system of government in the country was incapable of self-regulation. The power structured of the Communist party. In the late 1980s and early 1990s, disappeared by the control mechanism of the party members. In these conditions, the local government failed to implement the ability to meet the needs of the wider population. The restructuring has exacerbated the crisis, because it was not supported in the mass consciousness.

Ключевые слова: городское самоуправление, Южный Урал, выборы, номенклатура, кризис.

Keywords: city government, South Ural, elections, nomenclature, crisis.

В советский период российской истории государством была предложена модель органов городского самоуправления – городские советы. Их повседневная работа охватывала различные аспекты жизни общества, напрямую была связана с реализацией социальных программ государства в городах. Недостаток финансирования покрывался энтузиазмом депутатов органов самоуправления, а также сотрудников исполкомов советов. Однако в 1970-е гг. и особенно в 1980-е гг. органы городского самоуправления оказались в кризисе, который стал частью системного кризиса в СССР.

Попытки преодоления кризиса городского самоуправления предпринимались самими городскими советами и их исполкомами.

Во-первых, организационные отделы горисполкомов отслеживали сменяемость депутатского корпуса городских советов, при этом сохраняя за собой управленческие позиции не только на годы, но и зачастую на десятилетия. Таким образом, процедуре выборов, начиная с выдвижения кандидатов в депутаты и заканчивая голосованием избирателей, уделялось самое пристальное внимание. Сотрудниками орготделов горисполкомов отслеживалась явка избирателей на выборы, общая численность

---

*Шаяхметова Ирина Зуфаровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент института истории и государственного управления, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

проголосовавших, причины неявки, результаты голосования и т.п. Например, на выборах депутатов в городской совет Магнитогорска Челябинской области в 1987 г. всего отказались голосовать 204 избирателя. Причинами этого стали неудовлетворительные жилищные условия (119 чел.), отсутствие должного уровня предоставления коммунальных услуг (51 случай), недовольство депутатами (9 чел.) [8, л. 6]. Анализ причин неявки на выборы местного совета в г. Златоуст Челябинской области свидетельствует о 258 отказавшихся голосовать, среди мотивов на первом месте стоит неудовлетворительная работа коммунальных служб города (154 чел.), на втором месте – нерешенный жилищный вопрос (84 чел.) [8, л. 43]. Показательно, что среди отказников больше всего было рабочих, значительно меньше пенсионеров и не указавших род своих занятий [7, л. 34]. До введения альтернативных выборов деятельность орготделов горисполкомов была сугубо технической.

Во-вторых, заметным антикризисным шагом стало введение альтернативных выборов в советы всех уровней, в том числе и в городах. Едва ли не впервые, с момента постреволюционных событий 1917 года, избиратели получили право самостоятельного выдвижения кандидатов в депутаты из собственной среды. Законодательно это изменение было закреплено в январе 1987 г. [2, с. 48]. На фоне обрυσенной цензуры, гласности и плюрализма мнений появление депутатов из «гущи народа» сулило всеобщее благоденствие. Официально провозглашенный в 1988 г. на XIX партконференции курс на создание правового государства, на разделение властей, на передачу власти советам привел к тому, что роль советских лидеров стала стремительно возрастать. Их выступления были более независимыми [5, с. 100]. Решительный поворот в сторону усиления роли советов произошел.

Однако «чуда» не случилось. Новые народные избранники либо очень быстро «исчезали» с политического олимпа, либо становились частью номенклатуры, попадая на административно-управленческие должности в горисполкомах или на предприятиях. Почему это произошло? Сама система государственного управления в стране, а органы городского самоуправления рассматривались в советский период как ее часть, оказалась неспособной к саморегулированию. Она в течение 70 лет превращалась в замкнутый клуб, состоящий из разных по социальному, национальному, гендерному происхождению лиц, объединенных номенклатурным единством [1, с. 7]. Из этого клуба никто не хотел выходить, посторонних принимали неохотно. И эти «случайные люди» очень быстро превращались в номенклатурщиков [5, с. 8]. Они пополнили ряды так называемой выборной номенклатуры, а также частично штатной номенклатуры [1, с. 142]. Длительное время существовала учетно-контрольная номенклатура – это номенклатура вышестоящего органа, с которым согласовывали назначения на ответственные должности. В октябре 1989 г. учетно-контрольная номенклатура была упразднена.

Номенклатура сопротивлялась реформам, объявленным в середине 1980-х гг., но неизбежность этих реформ вынудила ее приспособиться к ним [3, с. 31]. «Борьба с привилегиями» в РСФСР конца 1980-х – начала 1990-х гг. вынесла в первые ряды политиков, сделавших на этом лозунге не просто имя, но и получивших власть. Например, первый Президент Российской Федерации – Борис Николаевич Ельцин. По сути, борьба с привилегиями – это возвращение гражданам равных возможностей, гарантия действия «социальных лифтов».

В рамках советской модели самоуправления функция контроля за исполнением должным образом своих обязанностей депутатами осуществляли партийные органы. Парткомы всех уровней в случае необходимости разбирали личные дела депутатов, проводили собрания с трудовыми коллективами, выносили общественные порицания. Конечно, при этом нередко была «лакировка действительности», но вместе с тем это был действенный механизм общественного контроля. КПСС структурировала властные отношения, по сути «распределяла» власть между организациями и структурами общества [6, с. 36]. Механизм структурирования власти и государственного управления осуществляли посредством института номенклатуры, при посредничестве которого организовывается социум, формы деятельности людей, образ жизни населения и т.д.

В период перестройки авторитет КПСС не просто оказался поколеблен, но и рухнул, вместе с тем исчез механизм контроля со стороны партии за народными избранниками. Казалось бы, отсутствие посредника в лице партийных органов открывало массу возможностей для реализации депутатами нужд населения, но этого не произошло. Хотя одним из несомненных достижений этого периода является продвижение процессов демократизации и высвобождения независимых общественных сил [12, с. 17]. Это стало возможным благодаря реформистскому курсу М.С. Горбачева и его сторонников с опорой на партийные механизмы. Так, в Челябинске в 1987 г. в аппарат горисполкома были избраны и утверждены на должности 7 чел. Эти кандидатуры были представлены жителям города на страницах газеты «Вечерний Челябинск» для определения статуса общественного доверия кандидатурам чиновников [9, л. 7]. Еще более показательным является анализ надписей избирателей на бюллетенях для голосования на выборах депутатов в городские советы. В 1987 г. на выборах в органы самоуправления в городах Челябинской области напротив фамилий кандидатов в депутаты появились надписи: «Вор! Недостоин!», «Недостоин! Не любит людей!», «Взятки берет, обнаглел!» [11, л. 36], «С удовольствием отдаю свой голос за достойного кандидата», «Хотелось бы, чтобы выбирали более достойных и добросовестных. Не считаю этого товарища лучшим из лучших...», «Работайте на благо народа!», «Старый состав горисполкома лишил население города кваса, лимонада, яиц, колбасы по кооперативной

цене», «Не подают водки, а во время войны наливали боевые 100 грамм» [10, л. 36]. Эти примеры являются одними из множества свидетельств проявления демократии и плюрализма мнений в стране.

Вместе с тем перестройка в целом усугубила кризис, поскольку оказалась не поддержанной за пределами столиц и в массовом сознании. Она завершила собой советский период российской истории, не создала предпосылок к постепенным переменам, привела к обвалу «...похоронившему» благие намерения и самих субъектов скоротечной перестройки...» [4, с. 12].

Список литературы:

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: изд-во «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь», 1991. 624 с.
2. Дементьев Б.П. Советские и партийные элиты: реализация власти в обществе // КПСС и номенклатура в советском обществе. Материалы интернет-конференции (декабрь 2005 – февраль 2006). Пермь: ПГТУ, 2007. С. 45–58.
3. Крутов А.В. Можно ли рассматривать номенклатуру как политический класс? (по материалам книги М.С. Восленского «Номенклатура») // Номенклатура и номенклатурные практики в России. Материалы интернет-конференции «Номенклатура и номенклатурные практики в России» (февраль – апрель 2007 г.). Пермь: ПГТУ, 2007. С. 29–36.
4. Левада Ю.А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 2. С. 9–15.
5. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. 240 с.
6. Мохов В.П. Эволюция институциональных форм КПСС в российском обществе XX // КПСС и номенклатура в советском обществе. Материалы интернет-конференции (декабрь 2005 – февраль 2006). Пермь: ПГТУ, 2007. С. 33–44.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 200. Д. 261.
8. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 200. Д. 262.
9. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 200. Д. 263.
10. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 200. Д. 264.
11. ОГАЧО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 67.
12. Шейнис В.Л. XX съезд КПСС: взгляд сквозь годы // КПСС и номенклатура в советском обществе. Материалы интернет-конференции (декабрь 2005 – февраль 2006). Пермь: ПГТУ, 2007. С. 15–21.

**Евразийский экономический союз –
субъект внешнеэкономического сотрудничества
и повышения качества повседневной жизни населения стран СНГ**

В статье внимание сосредоточено на организационных и нормативных основах функционирования Евразийского экономического союза как субъекта внешнеэкономического сотрудничества, эффективность деятельности которого оказывает воздействие на повседневную жизнь граждан России и стран – участниц ЕАЭС.

In article the problems resulting from the simplified barter within the Customs union of member countries of EEU are considered. On examples their influence on economic security, and also everyday life of the population of the Russian Federation is considered. The main directions of the solution of the specified problems for minimization of criminal manifestations are proposed.

Ключевые слова: глобализация, внешнеэкономическое сотрудничество, экономическая безопасность, Евразийский экономический союз, Таможенный союз Евразийского экономического союза, контрабанда.

Keywords: EEU, Customs union, globalization, external economic cooperation, economic security, barter, smuggling.

Глобализация в XXI в. затронула все сферы общественной жизни большинства государств мира. Включенными в этот процесс оказались не только государственные органы и хозяйствующие субъекты, но и граждане всех государств, в повседневную жизнь которых глобализация внесла свои коррективы.

Глобализация способствовала правовой аккультурации [6, с. 41–43], усилению международного экономического сотрудничества и интеграции стран-участниц глобальных экономических процессов [4, с. 111–120.], созданию интеграционных объединений различного масштаба и значимости, работающих над гармонизацией своего законодательства и борющихся за свободу движения товаров и услуг, капитала [3, с. 83–90].

Упрощение системы внешнеторговых отношений и предоставление преимуществ отдельным государствам в рамках экономической интеграции позволяет увеличить объемы внешнеторгового оборота и наиболее эффективно трансформировать структуру экспорта и импорта страны. Конструктивные перемены в этой области находят выражение, в первую

---

* **Геворкян Анна Игоревна**, адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Н. С. Нижник).

очередь, в улучшении благосостояния населения, в появлении широкого круга товаров и услуг, используемых гражданами в повседневной жизни.

Важное значение для жителей стран СНГ имеет Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – представляющий единую таможенную территорию в рамках стран-участниц, в числе которых Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия. Между странами – участницами Таможенного союза таможенные границы как таковые отсутствуют, территория разделена только лишь контрольным постом, и существует одна общая таможенная граница с третьими странами. Проблемы таможенного регулирования в рамках Таможенного союза стали общими. Одна из них – контрабанда – незаконное перемещение товаров, ценностей и иных предметов, сопровождающееся нарушением требований таможенного законодательства, отток капитала за рубеж посредством фиктивных внешнеэкономических сделок в рамках Таможенного союза. Отсутствие у стран-участниц опыта совместной борьбы с контрабандой обуславливает необходимость выработки адекватных мер реагирования.

С учетом того, что таможенная безопасность – часть экономической безопасности страны, борьба с контрабандой – выступает как важный элемент обеспечения национальной безопасности [5, с. 28–29]. Таможенная безопасность – надежность экономических границ как составной части государственной границы [1]; состояние защищенности таможенных интересов государства [2, с. 45].

Незаконное перемещение товаров через таможенную границу Таможенного союза создает угрозу экономической безопасности не только Российской Федерации, но и всех стран участниц. По данным Федеральной таможенной службы за 11 месяцев 2016 г. сумма доходов федерального бюджета, администрируемых таможенными органами, составила 4 360,5 млрд руб. при прогнозном задании 4 357,3 млрд руб., а за 11 месяцев 2017 г. сумма доходов федерального бюджета, администрируемых таможенными органами, составила 4 048,05 млрд руб. [7]. Очевидно резкое (8 %) понижение доходов (и это без учета латентных преступлений, совершаемых на границе).

За 9 месяцев 2017 г. на основании оперативных материалов таможенных органов возбуждено 1 606 уголовных дел. В том числе: 561 уголовное дело – за контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, вооружения и военной техники, стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей, особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов; 369 уголовных дел – за уклонение от уплаты таможенных платежей; 191 уголовное дело – по фактам контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов; 165 уголовных дел – за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. По результатам таможенных

проверок, проведенных по материалам оперативных подразделений таможенных органов, с начала 2017 г. доначислено денежных средств на сумму более 3,8 млрд руб., взыскано в федеральный бюджет более 1,9 млрд руб. [1].

Примеры преступлений в данной сфере разнообразны. В 2017 г. Санкт-Петербургской транспортной прокуратурой утверждено обвинительное заключение в отношении жителя Москвы, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (контрабанда культурных ценностей): при въезде на территорию Российской Федерации из Швеции гражданин не задекларировал 440 старинных монет, являющихся культурными ценностями, на общую сумму более 237 тыс. руб. [9]. В 2017 г. в порту Санкт-Петербурга при проведении карантинного фитосанитарного контроля 22,5 тонн продовольственных семян фенхеля, прибывших из Египта, специалисты подведомственного Россельхознадзору ФГБУ «Ленинградская межобластная ветеринарная лаборатория» определили наличие семян карантинного растения-паразита – повилики. В целях недопущения возможного распространения карантинного объекта на территории Евразийского экономического союза продовольственные семена фенхеля были возвращены отправителю [8].

Противодействие незаконному перемещению товаров через таможенную границу Таможенного союза – совместная задача всех стран-участниц Союза, которая нашла закрепление в Таможенном кодексе Таможенного союза. Но одного нормативного закрепления мало, необходимо определение основных направлений деятельности по разрешению проблемных вопросов в данной сфере, ежегодное обновление плана в связи с разрешением одних проблем и появлением других.

Одна из актуальных проблем – привлечение к ответственности за незаконное перемещение товаров через таможенную границу Таможенного союза. Нормы национальных законодательств в этой сфере – разрозненные, противоречивые, часто не достигающие ожидаемого результата. Целесообразным является принятие Уголовного кодекса Таможенного союза и Административного кодекса Таможенного союза; принятие нормативного правового акта, регулирующего сферу репатриации денежных средств, полученных в результате внешнеэкономических сделок; изменение санкций, предусмотренных ст.193 Уголовного кодекса (применение такого вида уголовной ответственности как лишение свободы нецелесообразно, так как отбывшие лица в местах лишения свободы денежные средства на территорию Российской Федерации не вернет, а увеличение размера штрафов, а также уменьшение суммы крупного и особо крупного размера ущерба обеспечит полноту возвращенных средств).

На таможенных постах необходимо усиление контроля за ввозимыми и вывозимыми товарами за счет использования материально-технического

оснащения таможенных постов современного уровня, а также посредством нормативного установления такого пропускного режима, при котором незаконный провоз товаров через таможенные посты Таможенного союза будет невозможен.

Таким образом, глобализация в экономической сфере прямым образом воздействует на повседневную жизнь граждан Российской Федерации, а именно проблема незаконного перемещения товаров через таможенную границу затрагивает интересы не только юридических, но и физических лиц.

Список литературы:

1. Итоги правоохранительной деятельности ФТС России в 2017 году. – http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21812:-----9--2015-&catid=54:2011-01-24-16-31-26 (дата обращения: 11.12.2017).

2. Камчатная О. Таможенные интересы и таможенная безопасность как факторы обеспечения национальной безопасности Украины // Международный научно-практический правовой журнал. Кишинев, 2014. С. 44–47.

3. Небольсина Е.В. Влияние глобализации на развитие интеграции на страховых рынках стран – участниц ЕвразЭС // Проблемы современной экономики. Новосибирск, 2011. № 3-1. С. 83–90.

4. Нижник Н.С. Взаимовлияние национальных правовых культур – атрибутивная характеристика постсовременности // Правовая система России: традиции и инновации: Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2013 г. / Под общ. ред. Н. С. Нижник: В 5 ч. Ч. III. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. С. 111–120.

5. Нижник Н.С. Национальная безопасность как социюридический феномен. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. 136 с.

6. Нижник Н.С. Правовая аккультурация в контексте коэволюции политико-правовых систем современности // Международное и национальное право: теория, история, современность: Сборник научных статей / Сост. А.А. Дорская, Н.Ю. Иванова. СПб.: «Астерион», 2009. С. 41–43.

7. О перечислении средств в федеральный бюджет. – http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22212:2015-12-04-07-22-18&catid=185:2011-05-15-14-11-59&Itemid=1830&Itemid=2099 (дата обращения: 11.12.2017).

8. Продовольственные семена фенхеля вернулись в Египет. – <http://www.tks.ru/crime/2017/12/14/06> (дата обращения: 11.12.2017).

9. Санкт-Петербургской транспортной прокуратурой в суд направлено уголовное дело по контрабанде культурных ценностей. – <http://www.tks.ru/crime/2017/12/13/07> (дата обращения: 11.12.2017).

ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А. Б. Мокеев*

Из истории Всероссийского Учредительного собрания: чем запомнились выборы в Петрограде

Статья посвящена вопросу из истории подготовки созыва Всероссийского Учредительного собрания, а именно ходу выборного процесса в Петрограде осенью 1917 года. Особое внимание уделено аспектам влияния избирательной кампании и самих выборов на повседневную жизнь горожан, их восприятию данного события.

The article is devoted to the question of the history of the preparation of the convocation of the All-Russian Constituent Assembly, namely, the course of the electoral process in Petrograd in the autumn of 1917. Particular attention is paid to the aspects of the influence of the election campaign and the elections themselves on the everyday life of citizens, their perception of this event.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Петроград, выборы, голосование, избирательная кампания, политические партии.

Keywords: Constituent Assembly, Petrograd, elections, voting, election campaign, political parties.

В 1917 г. в революционной России развернулась острая борьба политических партий за места во Всероссийском Учредительном собрании. В «Несвоевременных мыслях» Максим Горький писал, что «лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания, политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян» [1, с. 110]. Естественно все эти люди боролись не просто за отвлеченный образ, а за конкретное улучшение условий своего существования. Учредительное собрание виделось многим необходимым решением существовавших в России проблем, своего рода «альфой и омегой демократической революции» [3, с. 3].

Сегодня мы знаем итог этой борьбы – разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г., дальнейший раскол общества и погружение в Гражданскую войну. Но осенью 1917 г. страна еще жила этими выборами. Естественно, такое яркое событие отразилось и на

---

* **Мокеев Антон Борисович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета

повседневной жизни граждан. Рассмотрим, как проходили, и чем запомнились эти знаменитые выборы, на примере, главного города страны – Петрограда.

В Петрограде двери всех 197 (из них 25 воинских) избирательных участков открылись ровно в 9 часов утра 12 ноября 1917 г. Прием бюллетеней закончился в 2 часа дня 14 ноября, после чего начался подсчет голосов. Благодаря данным различных источников, таких как периодическая печать того времени, воспоминания, архивные документы, мы можем восстановить картину выборов.

Газетные репортеры отмечали: « в это хмурое воскресное утро на улицах тихо и пустынно, особенно в центральных кварталах. Но постепенно в помещениях участков стали появляться первые избиратели» [8]. По единодушному признанию газет различных направлений, очевидные признаки оживления рождались, прежде всего, в рабочих районах. Очень много сделало для популяризации выборов Петроградское городское самоуправление. По заказу столичной комиссии по выборам были использованы художественные плакаты с надписями – «Да здравствует Учредительное собрание!», «Граждане идите к урнам!», «Спасите Родину, спасите Россию!». Такие воззвания были вывешены на Невском проспекте и на Дворцовом мосту. Также такие воззвания и огромные флаги были вывешены у здания Думы, на углу Морской, Литейного проспекта, на Николаевском мосту и в других местах. Воззвание Городского главы с призывом идти к урне и номера «Вестника городского самоуправления» распространялись по городу тысячами экземпляров [6].

В избирательных участках города не замечалось суетолики. По закону порядок голосования был таков: избиратель, предъявив одному из членов участковой комиссии именную удостоверительную карточку и отметившись в списке, получал конверт с печатью комиссии. Затем он входил в закрытую кабинку и там вкладывал в конверт список-бюллетень партии, в соответствии со своими политическими симпатиями. Конверт клеивался и передавался самим избирателем председателю комиссии, который на глазах у голосовавшего, совершал заключительную манипуляцию – опускал конверт в урну. Это новшество вызвало некоторое недоразумение. Избиратели из простонародья не совсем разобрались в том, что им надо делать в кабинках. Одна избирательница, провозившись довольно долго в кабинке, в результате и свои списки и конверт бросила тут же в мусорную корзину, уверенная, что этим исполнила свой гражданский долг [4].

Главный вывод, сделанный всеми после первого дня голосования, сводился к следующему: абсентеистские настроения, вопреки ожиданию, в основном удалось преодолеть. 12 ноября в Петрограде к избирательным урнам явилось не менее 30% всех избирателей, причем наибольшую активность проявили рабочие и солдаты. Например, в Выборгском районе 12 ноября проголосовало 45% избирателей. В понедельник на многих

избирательных участках стало свободнее, но в центральных районах было заметно, что интеллигенция, чиновничество, буржуазия стараются преодолеть «отставание». В первый день выборов многие из них опасались идти на избирательные участки, так как в печати и просто на улицах часто распространялись тревожные слухи о возможных столкновениях с большевиками, которые избивали тех, кто подавал не их список. Как показали выборы, это оказались лишь слухи и никаких серьезных столкновений не наблюдалось. Последняя большая волна желающих исполнить гражданский долг прокатилась утром 14 ноября [2].

В дни выборов энергично повела избирательную кампанию в Петрограде партия эсеров. У нее было много расклеенных агитационных плакатов. Сильное впечатление производил плакат с изображением чаши, наполненной до краев кровью борцов за свободу, за Учредительное собрание, за землю и волю!

Много агитационных материалов было и у партии народной свободы. Ее плакатами с цифрой №2 (номер их списка) были заклеены все дома, витрины и заборы. Также на галереях Александровского, Сенного и других рынках висели афиши с извещением, что средняя и мелкая буржуазия голосует за список №2 (партии народной свободы). В это же время многочисленные автомобили разбрасывали по городу кадетские листовки.

Большевики использовали с агитационной целью трамвайные вагоны. Вместо номера маршрута, рисовали плакат с цифрой 4 (номер их списка), который сильно пугал пассажиров. Бедность избирательной агитации большевики заменили борьбой с чужими плакатами, срывая их и уничтожая.

Почти не было уличных митингов. Не скрывалась боязнь натолкнуться на кулак нетерпимого противника – большевика. Каждый завязавшийся разговор на тему дня быстро обрывался, и публика расходилась, боязливо озираясь по сторонам. На Гончарной улице имел место арест за предвыборную агитацию.

Много агитационных митингов происходило в закрытых помещениях. В театрах и кинематографах во время антрактов артисты выступали с призывом к народу. Предвыборная агитация с театральных подмостков имела особый успех. В одном из театров известный актер «Л.» (его фамилию газеты предпочли не раскрывать), обратившись к публике с призывом не уклоняться от исполнения своего гражданского долга. Он заявил, что не решается агитировать за какой-либо определенный список. Он приглашал голосовать за любой номер трамвайного маршрута, предостерегая только лишь от маршрута №4, ведущего прямым путем от Смольного института. Вместе с тем артист не скрывал своей симпатии к маршруту №2 – от Новой Деревни в центр Невской перспективы.

Некоторое скопление наблюдалось лишь у плакатов, расклеенных партиями на видных местах. Было много оригинальных плакатов, таких, как

плакат Торгово-промышленного союза. Он изображал ярко-красную маску, из-за которой выглядывала фигура городского [5].

В первый день выборов, который пришелся на воскресенье 12 ноября, избирательные участки были переполнены в основном рабочими, которые дружно и дисциплинированно голосовали. Также голосовали и солдаты, для которых были отведены специальные урны. Среди солдат оказалось много голосовавших за эсеров и партию народной свободы.

Уже к концу первого дня подсчета выяснилось, что в центральных районах города первое место оспаривают большевики и партия народной свободы. В некоторых районах, как, например в Казанском и Московском, партия народной свободы собрала почти вдвое больше голосов, чем большевики, а в Литейном районе даже в 2,5 раза больше.

Пригороды относились равнодушнее, чем центр к выборам. Пресса писала по этому поводу, что все блага жизни они ожидали от большевиков, а не от Учредительного собрания, которое, по их словам, «являлось лишь ловушкой буржуазии» [7].

Голосование происходило по районам. Литейный район, как отмечала «Петроградская газета», издавна считался средоточием наиболее интеллигентной части столичных обывателей. Здесь жили, по преимуществу, представители свободных профессий: адвокаты, врачи, учащаяся молодежь, литераторы. В первый же день выборов началось паломничество местных жителей к избирательным участкам. Густою толпой шли избиратели к зданию №3 гимназии на Гагаринской улице, где располагалась Центральная избирательная комиссия Литейного района.

В этот район большевики направили большое количество агитаторов, которые активно работали словом и делом. С утра на Литейной и Гагаринской улицах наблюдались летучие митинги, на которых раздавались призывы побросать все списки, и класть в избирательную урну только список №4. Но эксцессов не было, люди слушали агитаторов и расходились. Только близ здания №3 гимназии, на улице, были слышны такие реплики как – «Вы обязаны голосовать за список №4!».

Литейный район насчитывал около 65 тысяч всех проголосовавших. В результате выборов партия народной свободы заняла здесь первое место, набрав чуть более 23 тысяч голосов, большевики оказались на втором месте, третье место заняла партия эсеров.

В Адмиралтейском районе первый день выборов прошел без особого подъема, всего проголосовало чуть более 10 тысяч человек. Для этого района был характерен успех эсеров, кадетов и меньшевиков оборонцев. У большевиков был успех лишь в избирательном пункте на Конногвардейском переулке, где голосовали солдаты и матросы.

«Петроградская газета» писала по поводу Адмиралтейского района: «необходимо сказать, что нигде избирательные пункты не выглядят так нищенски жалко как в Адмиралтейском районе. У входов нет ни плакатов,

ни стягов, ни других отличительных знаков, а пункт в Адмиралтейском манеже, благодаря отсутствию украшений, даже трудно отыскать».

В итоге наибольшее количество голосов в Адмиралтейском районе получила партия кадетов, далее шли большевики, эсеры получили третье место.

В Василеостровском районе подавляющее большинство избирателей представляли рабочую массу, и поэтому в этой части города основная борьба развернулась между большевиками, эсерами и меньшевиками оборонцами. Кадетская партия приложила все усилия для агитации в этом районе, но не смогла рассчитывать даже, на сколько-нибудь скромный успех. Избирательные пункты данного района были устроены не только в свободных частных зданиях, но и в помещениях учебных заведений и в ученых учреждениях. Урны были поставлены в гардемариных классах, где избиратели прежде, чем осуществить свое право, подолгу осматривали роскошные модели судов и механизмов. Высшие женские курсы, Горный институт, Геологический комитет, Василеостровский театр и Академия художеств тоже отвели часть своих помещений для избирательных пунктов. Академия художеств, по давней традиции, украсила вход в избирательное помещение, занявшее главный вестибюль, художественными плакатами и стягами. На второй день выборов (в понедельник) подача голосов снизилась, так как наблюдался отлив избирателей на фабрично-заводские работы. В результате выборов большевики заняли в этом районе первое место, получив 45 тысяч голосов, партия народной свободы получила – 23 тысячи голосов, а за эсеров проголосовало 14 тысяч избирателей.

В Московском районе за два дня выборов никаких крупных событий не наблюдалось. Пресса сообщала о ряде любопытных событий. Так в Технологическом институте голосовала А.М. Коллонтай. Один из студентов шутливо спросил ее: «Вы, Александра Михайловна, голосуете за кадетов?» Коллонтай ответила: «Нет, за №19 – казачий список. Ведь мы с Калединым большие друзья».

В Петроградском районе первый день выборов прошел очень активно. Наибольшее количество воззваний распространяли большевики и партия кадетов. На улицах было большое количество автомобилей с плакатами партий. Всего в этот район входило 17 избирательных участков. Самый большой избирательный участок для гражданского населения насчитывал 16 тысяч избирателей и располагался в Народном доме, а наибольший воинский участок в Петропавловской крепости. 70% всех избирателей этого района составляли рабочие.

Все заключенные в Трубецком бастионе Петропавловской крепости также принимали участие в выборах в Учредительное собрание. В Петропавловскую крепость была доставлена урна для голосования из Петропавловского избирательного участка. Каждого министра приводили к урне под конвоем двух солдат. Всего в голосовании участвовало 35

заклученных. Голосование происходило при соблюдении всех условий свободного голосования, причем заключенные были предварительно осведомлены о том, что они будут голосовать [7].

В итоге на выборах в Петрограде первое место заняли большевики, вторыми стали кадеты, третьи заняли эсеры. Для жителей Петрограда прошедшие выборы стали ярким событием, для многих – надеждой на будущее успокоение революционной ситуации, верой в возможность политического консенсуса. Но этой альтернативе развития нашей страны не суждено было сбыться. В январе 1918 г. в Петрограде пройдут многочисленные митинги в поддержку Учредительного собрания, а затем вооруженные столкновения с большевиками. Собрание народных депутатов просуществует только день, но путь к нему, как и сами выборы запомнятся в нашей истории надолго.

Список литературы:

1. Горький М. Несвоевременные мысли. – М, 1990.
2. День. 1917. 14-17 ноября
3. Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. – 1992, №1.
4. Наша речь. 1917. 16 ноября.
5. Новая жизнь. 1917. 14 ноября.
6. Новая речь. 1917. 28 ноября.
7. Петроградская газета. 1917. 14-15 ноября.
8. Свободная речь. 1917. 18 ноября.

С.В. Бородина*

Лазарет на станции Прохоровка (Помощь больным и раненым воинам Первой мировой войны в Курской губернии)

В статье представлена история оказания медицинской помощи раненым и больным воинам периода Первой мировой войны на примере организации лазарета на станции Прохоровка Курской губернии. Освещена деятельность органов государственного, губернского управления, общественных организаций и частных лиц, общественная инициатива и благотворительность.

In this article presents the history of medical helps to the wounded and sick soldiers over the period of the First world war, for example, the organization of the hospital at the station of Prohorovka, Kursk province. Highlights the activities of organs of state, provincial administration, public organizations and individuals person, public initiative and charity.

---

* **Бородина Светлана Васильевна**, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», член Российского военно-исторического общества

Ключевые слова: Первая мировая война, раненые и больные воины, Курская губерния, Прохоровка, лазарет.

Keywords: First world war, wounded and sick soldiers, Kursk province, Prohorovka, hospital.

Первая мировая война – это первое военное столкновение мирового масштаба, в которое были вовлечены 38 из существовавших в то время 59 независимых государств, ок. 73,5 млн чел. Начавшаяся война с Германией и Австро-Венгрией потребовала от России огромного напряжения всех сил и вызвала необходимость призвать на военную службу запасных нижних чинов и ратников ополчения. Мобилизация вооруженных сил России прошла с небывалым успехом и патриотическим подъемом. Только в течение 1914 г. на военную службу было призвано более 18 тыс. жителей Курской губернии.

Корочанский уезд, наравне со всеми другими уездами губернии принимал активное участие в этой исполинской борьбе – «борьбе славянства с обнаглевшими полчищами тевтонов»: по мобилизации, проходившей 17 и 18 июля 1914 г., более 6 тыс. чел. запасных и ратников были призваны на военную службу [3, с. 7].

Общее число раненых за время Первой мировой войны, по данным русского санитарного ведомства, составило 2 844 500 чел., т.е. 1/5 часть всех мобилизованных. Количество больных солдат и офицеров Русской армии составило 2,3 млн чел. Гигантский масштаб санитарных потерь вынуждал правительство привлекать для оказания помощи раненым и больным воинам общественную инициативу и благотворительность.

Согласно действовавшему положению об эвакуации от 1890 г., мобилизационному расписанию 1910 г. и эвакуационным планам, разработанным в Главном управлении Генерального штаба, за эвакуацию и лечение больных и раненых воинов отвечало Военное ведомство. На фронте предполагалось развернуть, помимо полковых и дивизионных перевязочных пунктов, 251 лазарет на 210 коек каждый, являвшихся главным образом местами сортировки больных и раненых перед их отправкой во внутренние районы или оставлением для лечения в прифронтовом районе. В Военном ведомстве были полностью уверены в способности своими силами обслужить раненых и отказались от услуг Российского Общества Красного Креста по расширению его деятельности в этой области. Но действительность первых же месяцев войны выявила несостоятельность намеченных планов. Количество раненых воинов ежемесячно исчислялось не несколькими десятками, как предполагалось, а сотнями тысяч. В результате, большинство госпиталей, предназначенных для лечения раненых во фронтовой зоне, превратилось в перевалочные пункты для раненых, эвакуируемых во внутренние районы России. В тылу же эвакуационные госпитали оказались неподготовленными. 10 августа 1914 г. начальник

эвакуационного управления Главного управления Генштаба докладывал: «Учреждения внутренней эвакуационной организации совершенно не готовы к приему и размещению раненых и больных: распределительные и окружные пункты не устроены; предназначенные для их организации госпитали не отправлены; личный состав для госпиталей, медицинского и хозяйственного разряда не распределен и не командирован по местам; больничных мест для постоянного лечения больных и раненых в распоряжении Военного ведомства не имеется и для открытия их мобилизационным планом не предусмотрено ни необходимых для этого госпиталей, ни личного состава. Очевидно, что при таком условии органы внутренней организации не имеют возможности ни принимать раненых, ни размещать их для лечения» [5].

Оказанию помощи фронту призван был служить Всероссийский союз городов (ВСГ), учрежденный на Всероссийском съезде городских голов 8–9 августа 1914 г. На основании постановления Городской Думы от 27 августа 1914 г. город Курск вступил в эту общественную организацию. Председателем Курского Комитета ВСГ был избран гласный Городской Думы Николай Николаевич Лоскутов, заместителем председателя – врач Константин Дмитриевич Попов.

В Курск направляли раненых и заболевших на Юго-Западном театре военных действий. Наибольшую нагрузку по приему пациентов в городе несли 8 штатных военных госпиталей. Но они, как и лазареты губернского земства, зачастую были перегружены из-за того, что дальнейшая эвакуация пациентов была возможна только в Воронеж, который часто отказывался их принимать из-за отсутствия койко-мест. Курское земство, докладывая об этом в Министерство внутренних дел, сообщало, что нередки случаи переполнения госпиталей, например, в лечебнице на 200 кроватей приходилось помещать 267 раненых. Министерство своеобразно отреагировало на это сообщение, оставив на его полях карандашную заметку «это еще немного» [8].

В телеграмме, направленной Курским губернатором Николаем Павловичем Муратовым в Генеральный штаб 8 августа 1914 г., сообщалось об острой нехватке кроватей и постельных принадлежностей, однако отмечалось что в уездах попечением земства, общественными учреждениями и частными лицами спешно приготавливаются койки.

Повсеместно делались воззвания к соотечественникам с просьбой о благотворительности, например, от Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям: «Все мы братья во Христу. У всех нас одна общая родина – мать-святая Русь. Если горе каждого брата должно быть близко нашему сердцу, если вздох и слезы каждой скорбящей души должны доходить до нас, то какое сочувствие, какой живой отклик сострадания должны вызвать в нас нужды и скорби наших родных героев, которые проливают кровь свою за веру, Царя и Отечество, за наши святыни

заветные и за каждого из нас в отдельности. Под охраной доблестной рати. Мы здесь спокойно творим свое дело. А наши братья, оторванные от своих жен и детей, бьются с врагом и часто своими телами, как колосья, подрезанные серпом, устилают ниву смерти – поля сражения ... Нерадостная встреча ждет дома тех, кого смерть пощадила, но на кого война наложила неизгладимую печать увечья. Кто без ноги, кто без глаза, кто с оторванными руками, кто с грудью простреленной – возвратятся они, – наши родные герои, – к своим семьям. Неспособные к труду, они лягут тяжелым бременем на свои семьи ... Подайте же в протянутую к вам руку Господа, кто и что может: это будет не только жертва милосердия, но и жертва долга» [2, л. 8].

Благотворительные акции охватили широкие слои населения Курской губернии от крестьянства до дворянства. Люди помогали в приобретении холстов, теплой одежды для раненых, добровольно и бесплатно работали санитарями, предоставляли транспорт, собирали пожертвования, которые направлялись, в основном, в военные госпитали, располагавшиеся на территории губернии. Не оставались в стороне от помощи армии даже дети. В селах в годы войны обычной была картина, когда священник, собрав учащихся церковной школы, шел с ними на огороды солдатских семей, где дети копали картофель или рубили дрова. В женских церковно-приходских школах девочки наравне со взрослыми шили белье для солдат, вязали чулки и перчатки.

Не остались в стороне работники железной дороги. Так, на станциях были организованы однодневные продажи фиалок, флагов союзных государств и других подобных знаков, вырученные средства шли на нужды раненых воинов [1, л. 185]. Из доклада начальника Южных железных дорог от 16 декабря 1914 г. узнаем, что: «Осуществлялся сбор средств между служащими. Мастеровыми и рабочими на нужды войны. Организованы питательные пункты на 15 станциях, в т.ч. в Белгороде. Эти пункты питают эвакуируемых раненых и больных воинов горячей и холодной пищей, снабжают их табаком, чаем, сахаром, теплым бельем. "Комитетом по облегчению пути следования раненых и больных воинов" было открыто 11 лазаретов, из которых один в бараке при ст. Белгород на 30 кроватей с 12 октября 1914 г. При комитете действовал кружок по заготовке теплого и холодного белья и теплых вещей для воинов, которым было изготовлено более 40 тыс. штук белья для надобностей всех открытых Комитетом лазаретов. Отправляли подарки: комплекты белья, табак, чай, сахар, мыло, почтовые открытки, иголки, нитки и прочее, не считая 2-х вагонов сухарей. Отправлено 2 200 комплектов белья, составленных из пожертвований, собранных при помощи курсировавших по линии Южных дорог специальных вагонов-сборщиков» [2, л. 22–24].

С началом военных действий поезда, прибывшие в Курск с ранеными, разгружались на открытой платформе городского вокзала. Пока было тепло, подобная практика не представляла угрозы для прибывающих, но с

наступлением холодов положение больных и раненых военнослужащих становилось критическим.

После доклада о состоянии дел по эвакуации больных и раненых в г. Курске, сделанном врачом А.В. Нейманом на заседании Общества курских врачей, было решено обратиться в Городскую Управу с предложением о ходатайстве перед ВСГ об упорядочении постановки дела эвакуации военнослужащих. Главный Комитет ВСГ разрешил устройство в Курске разборочного госпиталя, как изоляционного пункта, на 500 коек, который был открыт уже 12 ноября 1914 г. [подробнее о работе разборочного госпиталя см. статью «Госпитали и лазареты в Курской губернии» – 7].

Огромный размах военных действий привел к колоссальному количеству пострадавших солдат и офицеров Русской армии. С 22 августа 1914 г. по 1 января 1915 г. через Курский распределительный пункт прошло 37 605 больных и раненых воинов. В среднем, в месяц, в губернию поступало примерно 8 550 чел. [7].

В Корочанском уезде предположено было, согласно мобилизационному расписанию, предоставить в военное время в земских лечебницах 47 мест для больных и раненых воинских чинов, требующих госпитального лечения. В виду большой нужды в кроватях для лечения раненых воинов, уездная управа признала возможным увеличить для этой цели число мест в своих лечебных заведениях на 19, доведя их, таким образом, до 66. Места эти распределялись по следующим пунктам: г. Короча (больница) – 10 кроватей; слобода Алексеевка (больница) – 10 кроватей; с. Шахово (больница) – 21 кровать, в т.ч. 15 – для выздоравливающих, 6 – для инфекционных больных; с. Подольхи (больница) – 10 кроватей; слобода Радковка (больница) – 15 кроватей. Все перечисленные пункты находились вдали от железнодорожных станций, эвакуация туда больных и раненых воинов сопрягалась с большими неудобствами, а в осенне-зимний период была даже едва ли возможна.

В целях наиболее целесообразной организации помощи раненым, уездная управа сочла своим долгом предложить земскому собранию устроить в поселке Александровском при станции «Прохоровка» лазарет для выздоравливающих раненых воинов на 20 кроватей. Отмечалось, что подходящее помещение для лазарета можно найти в этом поселке немедленно. Само население весьма сочувственно относится к этому делу, предлагая безвозмездно для раненых и свои помещения, и свой уход. Для лазарета можно было временно приспособить земское школьное здание при ст. Прохоровка, а школу перевести в наемное здание. Кровати временно можно использовать из земских больниц. Имелся необходимый для лазарета медицинский персонал, медикаменты и перевязочные средства.

Необходимые же расходы на оборудование и содержание проектируемого Прохоровского лазарета могли быть покрыты, по мнению управы, из следующего источника. Курская губернская земская управа по

вопросу о порядке расходования чрезвычайного кредита в 1 млн руб. на организацию помощи больным и раненым воинам, по журнальному постановлению своему от 25 августа 1914 г., постановила: допустить ассигнование из указанного кредита единовременных пособий не свыше 5 тыс. руб. на уезд в тех случаях, когда местные земства приступят к увеличению числа коек, назначенных по мобилизационному расписанию 1910 г. для раненных и больных воинов. Уездная управа, «увеличение числа коек в своих больницах уже сделала, а, следовательно, по смыслу приведенного постановления губернской управы, имела неоспоримое право на получение единовременного ассигнования в размере 5000 рублей». Эти-то деньги и планировалось использовать на устройство Прохоровского лазарета, которых, как полагала управа, было достаточно и на оборудование его и на содержание [3, с. 10, 11].

После того, как был представлен данный доклад, состоялось его обсуждение с последующими продолжительными дебатами между гласными Д.И. Пруцким и Г.А. Тремель, главным образом по вопросу о необходимости, «в виду остроты момента», сосредоточить возможно большее количество кроватей для раненых воинов при ст. Прохоровка.

В результате собрание постановило: 1. Доклад управы принять, причем просить управу, если представится возможность подыскать соответствующие помещения, устроить при станции Прохоровка лазарет для раненых воинов более чем на 20 кроватей.

2. Поручить управе представить к предстоящему очередному земскому собранию подробный расчет оборудования и годового содержания одной кровати в лазарете при станции Прохоровка [3, с. 4].

По постановлению экстренного земского собрания 30 августа 1914 г. управе поручено было устроить при ст. Прохоровка лазарет для раненых воинов на 20 кроватей с возможностью его дальнейшего расширения.

1 сентября членом управы В.И. Лавриновым, при участии врача Радьковского участка М.В. Берченко, был осмотрен в Прохоровке верхний этаж дома купцов Модлинского¹ и Дьяконова, изъявивших свое согласие уступить его бесплатно под лазарет. В результате осмотра было признано возможным в этом доме, состоящем из 8 комнат, поместить лазарет на 20 кроватей. Затем, с помощью врачей С.М. Шаталова и М.В. Берченко, была составлена подробная смета на оборудование лазарета всеми необходимыми принадлежностями: кроватями, бельем, мебелью, столовой и чайной посудой и проч.; причем решено было, «в целях ускорения дела», 12 оборудованных кроватей, хирургические инструменты и другие необходимые вещи взять из Стреличанской больницы, а все остальное –

---

¹ В посёлке жили отец и сын Модлинские, чьи дома стоят до нынешнего времени. Александр Андреевич Модлинский жил в доме по адресу ул. Советская, 101, а Николай Александрович – ул. Советская, 139 [6, с. 69].

закупить. К 16 сентября лазарет был готов, о чем и сообщено было курскому губернатору по телеграфу. Более месяца Прохоровский лазарет бездействовал: раненых воинов не присылали. Наконец, 19 октября, в 5 ч. утра прибыло в Прохоровку из Курского распределительного эвакуационного пункта 14 чел. раненых нижних воинских чинов, которые и были помещены в земский лазарет. Лазаретом заведовал врач Радьковского участка М.В. Берченко, живя там постоянно; в помощь ему были даны две фельдшерицы-акушерки и сиделка. По сведениям Берченко, ежедневное содержание больного в лазарете обходилось 27 копеек в сутки.

1 сентября одновременно с осмотром дома Модлинского и Дьяконова были осмотрены в Прохоровке следующие помещения: земская школа, амбулатория и дом Донского, который согласился предоставить его под лазарет бесплатно. Тогда было сделано предложение в этих зданиях оборудовать 30 кроватей: 7 – в доме Донского, 16 – в школе, и 7 – в амбулатории.

Член управы И.И. Мещерский совместно с врачом Берченко рассмотрели «дело организации новых 30 кроватей» в указанных помещениях.

Здание земской школы состояло из двух помещений, изолированных глухой стеной. Это стало отрицательным фактором при выборе здания школы под лазарет, так как в одной половине было всего две комнаты, из которых одна – передняя. Нужно же было оборудовать по крайней мере три комнаты: палату, перевязочную и столовую, из них перевязочная не должна была быть проходной. Так как третьей комнаты не было, столовую можно было бы не оборудовать и в этом случае пришлось подносить пищу каждому больному, к его кровати. Если же в первой проходной комнате оборудовать палату, то, кроме того, что не будет столовой и сиделочной, весь холод из сеней попал бы в палату, что было бы не желательно, так как, кроме возможных простудных заболеваний, большинство раненных, возвращающихся с позиций, страдали ревматизмом. Чтобы выполнить все требования, в школьном здании нужно было бы объединить оба помещения – прорубив стену из первой проходной комнаты в кухню квартиры учителя, а из сеней сделать клозет.

Дом же Донского имел только три небольших, очень низких комнаты, в которых могло поместиться всего лишь 7 коек, особых недостатков к занятию его лазаретом не было, за исключением отсутствия клозета. Из доклада по осмотру дома г. Донского: «Препятствие, вызываемое отсутствием перевязочных, возможно на первый взгляд устранить тем, чтобы наиболее тяжело раненые и раненые в ногу помещались в лазарете, находящемся в доме Модлинского и Дьяконова, а остальные ходили бы на перевязку; но эта мера, кроме отступления от дисциплины, принесет за собой в помещение грязь: больные будут приносить ее с улицы и их придется держать не в больничной одежде, а в собственной. Надлежащий

надзор за ранеными возможен только в том случае, если поручить этот надзор кому-либо из медицинского персонала и при том помещающегося в том же здании, где находятся раненые. Амбулатория и здание земской школы этому требованию удовлетворяют, дом же г. Донского – нет» [3, с. 491].

Докладывая выводы из обследования помещений земскому собранию, управа разрешила об устройстве в Прохоровке дополнительно к существующему лазарету на 20 кроватей еще 30 кроватей в доме Донского, земской школе и амбулатории представляла «на благоусмотрение собрания» [4, с. 489–491]. Однако, вероятно, этого сделано не было, так как в более поздних документах указывался только один лазарет Корочанского уездного земства на 20 кроватей на ст. Прохоровка [1, л. 551].

Помощь населения и органов городского самоуправления Курской губернии пострадавшим воинам в Первой мировой войне – славная и практически неизвестная страница нашей не такой уж далекой истории. К таким страницам относится и история создания лазарета на ст. Прохоровка. Конечно, остается еще ряд вопросов о деятельности лазарета, о том сколько раненых находились на лечении в поселке Александровский, дальнейшие их судьбы, неизвестно как сложился и жизненный путь медперсонала, что стало с тем домом, где размещался лазарет.

Список литературы:

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708.
2. ГАКО. Ф. 46. Оп. 49. Д. 17.
3. Журнал заседаний экстренного Корочанского уездного земского собрания за 30 августа 1914 года. Курск: Типография Курского губернского земства, 1914.
4. Журнал заседаний I очередного Корочанского уездного земского собрания за 1914 год. Курск: Типография Курского губернского земства, 1915.
5. Курская губерния в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Архивная служба Курской области. Электронный ресурс: <http://archive.rkursk.ru/node/123> (дата обращения: 13.11.2017).
6. Овчарова Н.И. Прохоровка: след в истории. Белгород, 2013.
7. Степанов В. Ярый Черносотенец // Курская правда. 4 августа 2004 г. Электронный ресурс: <http://old-kursk.ru/people/muratov.html> (дата обращения: 13.11.2017).
8. Чубаров А.И. Благотворительная помощь раненым и больным на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. Электронный ресурс: <http://old-kursk.ru/book/korovin/1914-p075.html#sd269s> (дата обращения: 13.11.2017).

Проблемы повседневной жизни и общественные настроения населения Вологодской губернии в годы Первой Мировой войны

В статье проанализировано влияние повседневных трудностей жизни на общественные настроения населения Вологодской губернии в годы Первой мировой войны. Показано, что с осени 1915 г. патриотический подъем стал сменяться психологической и физической усталостью от тягот войны и нарушения привычного уклада хозяйственной жизни. Рост дороговизны и дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости в совокупности с неспособностью центральной и местной властей решить эту проблему приводили население к мысли о том, что виновником всех бед и неудач является царский режим. Данные настроения послужили важнейшим фактором назревания революционного кризиса.

The article analyzes the influence of the daily challenges of life on the public mood of the population of the Vologda province in the years of the First world war. It is shown that in the autumn of 1915 Patriotic enthusiasm was replaced by psychological and physical fatigue from the hardships of war and violation of habitual way of economic life. The rising cost of living and shortages of food and commodities in conjunction with the inability of the Central and local authorities to solve this problem have led people to believe that the cause of all ills and misfortunes is the tsarist regime. Sentiment data was a critical factor in the maturing of a revolutionary crisis.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневная жизнь, общественные настроения, Вологодская губерния, жандармы

Key words: The first world war, daily life, public attitudes, Vologda province, gendarmes

Первая мировая война существенным образом изменила привычный уклад жизни людей, что в свою очередь не могло не повлиять на изменение общественных настроений. Вологодская губерния в силу своего географического положения находилась далеко от линии фронта, на ее территории не было крупных военных производств, но влияние войны и здесь сказывалось довольно сильно. В нашем распоряжении имеются подробные донесения жандармских чинов и полиции о положении на местах, которые позволяют проследить влияние проблем военного времени на общественные настроения населения губернии.

В начале войны в Вологодской губернии, как и по всей стране, наблюдался патриотический подъем, отразившийся в документах политической полиции. Так, унтер-офицер Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ) осенью 1914 г. докладывал, что,

---

* **Егоров Андрей Николаевич**, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии, Череповецкого государственного университета

несмотря на тяжелое материальное положение крестьянства, «настроение такового патриотично и не может иметь сравнение с тем, каковое было в этих волостях в 1905 и 1906 гг.» [4, л. 13 об.]. Во многих документах того времени настроение местного населения жандармские чины характеризуют как «повышенно-патриотическое».

Однако со временем положение стало меняться. С осени 1915 г. слова «патриотические настроения» меняются в жандармских документах на выражение «спокойное отношение населения к войне». Постепенно проявлялась усталость от войны, что не исключало стремление населения к победоносному для России миру. Кадниковский уездный исправник писал, что хотя отношение крестьянских и рабочих масс к войне за прошедший год «как будто, нисколько не изменилось... поворота к миру не замечается, но, видимо, желательно всем скорое окончание войны» [5, л. 24]. С весны 1916 г. в документах жандармского наблюдения отмечалось, что крестьяне и рабочие ждут мира с нетерпением.

Какие же факторы повседневной жизни влияли на общественные настроения? Для крестьянской среды важнейшим был уход на фронт мужчин – кормильцев. В воспоминаниях вологодского крестьянина Д.М. Силинского, работавшего в годы войны писцом волостного правления, показаны настроения в сельской глубинке. По его наблюдениям, открытое недовольство войной стало проявляться в женской среде с 1916 г. Жены призванных на фронт солдат получали пособие на нетрудоспособных членов семьи, но в условиях постоянно растущих цен оно «совершенно теряло свое значение». Возникали ситуации, когда «солдатки и старики, лишенные кормильцев, приходили к волостному старшине с требованиями принять меры к возврату их мужей и сыновей с фронта». В довершение к этому, в деревню массово приходили с фронта искалеченные солдаты, которые «не по-газетному» рассказывали о положении и настроениях на фронте и в госпиталях. В итоге «уже не боялись солдатки говорить открыто, что война мужикам не нужна» [8, с. 85–86].

В то же время документы показывают неоднозначное отношение разных групп населения к войне. Массовые мобилизации лишили провинцию рабочих рук, что не могло не сказаться на трудовых отношениях. Так, осенью 1915 г. помощник начальника ВГЖУ докладывал, что часть крестьянского населения находится на заработках в городах, где «в виду недостатка работников, им представляется возможность назначать заработную плату по своему желанию, а работодателям только соглашаться с ними; благодаря этому обстоятельству, многие из крестьян сделали денежные сбережения... они, поэтому сознают, что причиной увеличения их благосостояния является война, на длительность которой они не рошут» [5, л. 6].

В начале войны в России был введен сухой закон, поддержанный, по наблюдениям исследователей, подавляющим большинством россиян [1, с.

154]. Не являлась исключением и Вологодская губерния. Как сказано в одном из жандармских донесений: «со времени прекращения винной торговли всякого рода преступления значительно уменьшились и этим как видно очень довольно все население» [4, л. 25]. Но, постепенно введение сухого закона стало давать и негативные плоды, важнейшим из которых стало повсеместное самогонование, отмеченное полицией уже с ноября 1914 г. Затем сухой закон стал давать и другие, опасные для властей, результаты. В документах политического наблюдения неоднократно отмечались случаи недовольства населения появлением в пьяном виде представителей властей, причем дело заключалось не в том, что кто-то из них выпил лишнего, а в самом принципе – «они пьют, а нам нельзя».

Великое отступление русской армии 1915 г. привело к эвакуации значительного числа евреев из черты оседлости в различные регионы страны, что способствовало появлению антисемитских настроений. До войны в Вологодской губернии проблема антисемитизма не стояла, поскольку евреев был очень мало, а в ряде уездов их просто не было. К появлению в 1915 г. евреев-беженцев большинство населения губернии отнеслось без каких-либо предрассудков. По словам начальника ВГЖУ отношение к евреям-беженцам было таким же, как и к христианам [5, л. 17]. Но в тех городах, где евреев стало заметно больше (это располагавшиеся на железной дороге Вологда и Грязовец), отчетливо проявились антисемитские настроения. В докладе Грязовецкого уездного исправника говорилось: «Общее настроение населения к евреям не благожелательное, при собрании сведений на предмет размещения беженцев в уезде, приходилось выслушивать просьбы «не присылайте к нам только евреев» [5, л. 32 об.]. По мнению жандармов, причины антисемитизма заключались в массовом, по мнению населения, уклонении евреев от службы в армии, необоснованном повышении цен на товары первой необходимости еврейскими торговцами и укреплении влияния евреев в крупных городах. Так, жандармы докладывали о жалобах населения Вологды на «еврейское засилье вообще, и в частности на скупку в последнее время евреями домов» [6, л. 28]. Такое недовольство имело под собой определенные основания – в годы войны Петроградский еврейский комитет помощи беженцам проводил политику заселения евреями всех доступных местностей, включая Вологду.

Важнейшая проблема повседневной жизни военных лет – ухудшение материального положения всех слоев населения. Это привело к естественной активизации наиболее сплоченных кругов рабочего класса. В мае 1915 г. рабочие Вологодских железнодорожных мастерских обратились в городскую думу с требованием включить их представителей в городскую продовольственную комиссию. Они писали: «Уже много месяцев растут цены... наша городская дума можно сказать ничего не сделала... удовлетворяет не нужды потребителей, а интересы торговцев... Заработки остались прежними, а жизнь подорожала и дорожает. Жить рабочему

населению становится невозможно. Необходимо немедленно, сейчас же принять решительные меры» [3]. Заявление подписало 683 чел. Гласные городской думы увидели в этом не только экономические требования, но и политический контекст – некоторые члены думы опасались усиления влияния рабочих и, соответственно, ослабления роли «цензовых» слоев. Тем не менее, дума согласилась включить представителей рабочих в городскую продовольственную комиссию, что, впрочем, никак не повлияло на решение продовольственных проблем.

В марте 1916 г. рабочие вологодских железнодорожных мастерских избрали делегацию к губернатору для вручения заявления «об устранении от продовольственных вопросов уполномоченного по г. Вологде городского головы Волкова и об осмотре чинами полиции, в присутствии представителей от рабочих, складов местных купцов-торговцев, придерживающих, будто бы, муку ради наживы на ней» [6, л. 12]. Подобные факты показывают, как трудности повседневной жизни приводили рабочих к зачаткам самоорганизации, что вылилось в 1917 г. в систему Советов.

Огромнейшее влияние на общественные настроения населения оказывал рост цен на все продукты и товары первой необходимости. Тема недовольства населением дороговизной является центральной в донесениях жандармов и полиции своему руководству, а очевидная неспособность властей остановить рост цен вызвала вполне очевидные антиправительственные настроения. В конце 1915 г. помощник начальника ВГЖУ докладывал: «Ввиду возрастающей дороговизны жизни на продукты первой необходимости, население к каким-либо мерам правительства против дороговизны стало относиться с недоверием, а к торговцам, повышающим цены на эти продукты, – с озлоблением» [5, л. 53]. Осенью 1916 г. он констатировал: «дороговизна растет непомерно, иногда она ничем, кроме алчности торговцев, не вызвана и цены на некоторые продукты стоят выше столичных. Среди бедноты, даже чиновной, особенно служащих в почтово-телеграфных конторах, раздаются голоса, что лучше идти на преступление, чем видеть голодающую семью» [5, л. 17 об.]. Начальник ВГЖУ сообщал в Департамент полиции о повсеместном «ропоте населения, что правительство не принимает мер против дороговизны» [5, л. 7].

Массовые настроения населения отражались в грустных частушках:

«Нет ни сахару, ни чаю,

Нет ни пива, ни вина.

Я тепере понимаю,

Што с Германией война» [2, с. 135].

Недовольство дороговизной вызвало резкий взлет ненависти к купцам и предпринимателям. По сообщениям Вельского уездного исправника, крестьяне винили в росте цен «местных купцов, которые, пользуясь случаем, на все товары набавляют цены» [5, л. 35 об.]. Обобщая информацию по всей губернии, начальник ВГЖУ констатировал: «Среди крестьян есть слухи, что

когда кончится война, то они будут воевать с купцами, так как одной из причин возрастающей дороговизны они считают их» [5, л. 139]. Совершенно очевидно, что данные настроения широко использовала большевистская пропаганда в 1917 г., обвиняя во всех бедах страны буржуазию, купцов и помещиков.

К началу 1917 г. на первый план в Вологодской губернии вышла продовольственная проблема. В докладе Вологодской городской думы по продовольственному вопросу от 19 января 1917 г. сказано: «Положение с каждым днем ухудшается и в ближайшем будущем, когда будут исчерпаны окончательно прежние запасы, грозит голодом со всеми его ужасными последствиями. Если не Вологда, то другие, менее счастливые местности, уже близки к этому тяжелому положению». Депутаты думы уже не верили в способность властей справиться с ситуацией, полагая, что «предотвратить надвигающиеся бедствие при существовании той правительственной регламентации продовольственного дела, какая действует в настоящее время, представляется невозможным» [7, л. 20].

Губернские власти хорошо понимали остроту ситуации. Осенью 1916 г. в донесениях жандармов появляются по-настоящему тревожные нотки. Так, начальник ВГЖУ писал, что среди населения «замечается некоторое утомление, выражающееся в ропоте отдельных лиц на призыв последних дороговизну – ратников старших возрастов, на ежедневно растущую дороговизну», а ропот на дороговизну «переходит в ненависть к торговцам, беззастенчиво грабящим покупателей». Городской обыватель «пока бессильно опускает руки, но терпение его не беспредельно». В итоге «неурегулированность продовольственного вопроса, кажущаяся обывателю несправедливость в деле снабжения продуктами и пристрастность к купцам и землевладельцам не могут укрепить нарождавшегося с начала войны доверия к начальству; в виду сказанного, бесцеремонной критики газет и частой смены представителей высшей власти, население относится к правительству пессимистически, а к членам его, носящим немецкие фамилии, – прямо враждебно». Главную опасность в дестабилизации положения начальник ВГЖУ видел в приезжающих с фронта воинских чинах и частных лицах, распускавших слухи о том, что войска недовольны правительством, и по окончании войны с врагом, начнут войну с тылом. «Вопросы земельный и продовольственный, – заключал он, – настолько близки обывателю, что всякая сплетня на этот счет ловится на лету и идея революции обсуждается, как нечто неизбежное, если не будут приняты экстренные меры к устранению продовольственного кризиса» [5, л. 272 об.].

Таким образом, повседневные трудности военного времени оказали существенное воздействие на общественные настроения населения Вологодской губернии. Патриотический подъем начала войны уже с осени 1915 г. стал сменяться психологической и физической усталостью от тягот войны и нарушения привычного уклада хозяйственной жизни. Рост

дороговизны и дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости в совокупности с неспособностью центральной и местной властей решить эту проблему толкали население на путь самоорганизации и борьбы. В широких народных массах росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является царский режим. Эти настроения явились важнейшим фактором революции 1917 г., во многом вызванной неспособностью власти решить важнейшие проблемы жизни страны.

Список литературы:

1. Артур М.К. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloквиума / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 147–159.
2. Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2006. 240 с.
3. Вологодский листок. 1915. 31 мая.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 5745.
5. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864.
6. ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 130.
7. ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 594.
8. Силинский Д.М. Сквозь времени туман. Воспоминания о далекой юности // У Спаса на погосте. История северной деревни / Сост. А.В. Быков. Вологда, 2002. С. 41–138.

А.А. Воробьев*

Повседневная жизнь белорусских крестьян в период немецкой оккупации (1915–1918 гг.)

Публикация посвящена повседневной жизни белорусского крестьянства в условиях немецкой оккупации в 1915–1918 гг. Автором отмечен тот факт, что крестьяне западной части Беларуси пострадали от немецкой оккупации значительно больше, ибо раньше попали под немецкий гнет. В заключение сделан вывод о том, что в период Первой мировой войны немецкие оккупанты вели себя очень жестоко по отношению к белорусскому крестьянству.

The publication is devoted to everyday life of Belarusian peasantry in the period of German occupation in 1915–1918. The author mentions the fact that the peasants of the Western part of Belarus suffered from the German occupation much more because they were previously under German oppression. In conclusion it is noted that during World War I, the German occupiers behaved very cruelly towards the Belarusian peasantry.

---

* **Воробьев Александр Александрович**, начальник центра дополнительного образования и профессиональной ориентации учащейся и студенческой молодежи Института повышения квалификации и переподготовки, кандидат исторических наук, доцент, Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова

Ключевые слова: белорусские крестьяне, немецкая оккупация, Первая мировая война.

Keywords: Belarusian peasants, the German occupation, World War I.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., затронула белорусские губернии России (Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую) не сразу. Территория Беларуси стала ареной боевых действий только в 1915 г. Именно в этом году, в период так называемого «великого отступления» русская армия была вынуждена оставить западную часть Беларуси. Немцы оккупировали полностью Гродненскую губернию, почти всю Виленскую губернию (за исключением Вилейского, Дисненского и Ошмянского уездов) и большую часть Новогрудского и часть Пинского и Слуцкого уездов Минской губернии, что составляло почти четверть современной территории Беларуси [1, с. 5]. Оккупированные территории, по планам немецкого военного командования, должны были полностью обеспечивать продовольствием оккупационные войска и стать сырьевой базой для самой Германии. Для этого, в первую очередь, у местного крестьянского населения проводились многочисленные реквизиции: продовольствия, табачных изделий, кож, меховых изделий, лошадей и других домашних животных, овечьей шерсти, металлов и прочего. Только в образованном немецкими оккупационными властями округе Белосток–Гродно в июле–сентябре 1916 г. немцы реквизировали 1,4 тыс. лошадей, а зимой 1916–1917 г. – еще 9,1 тыс. Все население оккупированных белорусских земель в возрасте от 15 до 60 лет должно было платить оккупантам подушную подать.

Самым ценным объектом эксплуатации для Германии, являвшейся в довоенное время одним из основных экспортеров белорусской древесины, стали леса Беларуси. Особенно привлекала немецкие оккупационные власти Беловежская пуца, запасы древесины которой немцы оценили в 700–800 млн марок [2, с. 449]. За два года оккупации в одной только Беловежской пуце немцы построили семь лесопильных и шпалопропиточных заводов, множество смолокурных и скипидарных предприятий. Только до начала осени 1916 г. немцы заготовили в Беловежской пуце 68,6 тыс. кубометров древесины хвойных пород и березовой. В октябре 1916 – марте 1917 гг. немцы заготовили в пуце древесины на сумму в 12,2 млн марок [2, с. 450]. Причем, как на строительство, так и на работе на этих промышленных предприятиях немецкими оккупационными властями использовался либо крайне дешевый, либо вовсе бесплатный труд белорусских крестьян.

Кроме реквизиций и других форм эксплуатации населения оккупированных белорусских земель немцы использовали и откровенный грабеж, который особенно широко был распространен в период занятия ими какой-либо местности, на что указывала в своих материалах чрезвычайная следственная комиссия Российской империи, собиравшая информацию о

зверствах и грабежах, проводившихся на оккупированных территориях войсками Германии и ее союзников по Первой мировой войне. Так, в сентябре 1915 г. немецкие войска, заняв деревню Речки Вилейского уезда Минской губернии, отобрали у местных крестьян лошадей, скот и все съестные припасы. Не довольствуясь этим, германцы снимали с крестьян одежду и обувь и принуждали их к бесплатным работам [3, с. 795]. И подобных случаев в оккупированной немцами западной части Беларуси было немало.

Масштабы ограбления белорусских земель резко возросли после прихода к власти в России большевистской партии. Это было обусловлено отказом делегации, во главе с Л.Д. Троцким, подписать на немецких условиях мирный договор между новой, советской, Россией, с одной стороны, и Германией и ее союзниками по Четверному блоку (Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией), с другой. Этот отказ привел к возобновлению наступательных действий вооруженных сил Четверного блока на всем протяжении Восточного фронта Первой мировой войны. Белорусские губернии оказались на пути наступающих немецких войск. Сдерживать наступление германских войск на территории Беларуси, как, впрочем, и в других местностях, было некому, так как старая русская армия уже практически прекратила свое существование, а новую армию захватившие власть в России большевики еще не успели создать. Продвижение немцев по территории белорусских губерний вполне можно охарактеризовать как триумфальное шествие. Немецкое наступление началось 18 февраля 1918 г. и за короткий период времени наступающие немцы заняли почти всю Беларусь. Неоккупированными немцами остались только несколько восточных уездов Витебской и Могилевской губерний. Из губернских центров незанятым немцами остался один Витебск. Губернский центр Могилевской губернии временно был перенесен из занятого немцами Могилева в восточный уездный центр – город Мстиславль.

На оккупированной территории немцы сразу же приступили к захвату и вывозу в Германию продовольствия и материальных ценностей, фактически применяя политику массового ограбления жителей оккупированных ими белорусских губерний. В первых приказах, объявленных оккупационными властями, буквально во всех населенных пунктах, куда бы ни вступали захватчики, центральное место занимали параграфы о немедленном возвращении помещикам всей земли, лугов, лесов, угодий, скота и инвентаря, т.е. всего того, что было передано крестьянам Советской властью. В апреле 1918 г. командующий немецкими войсками в своем приказе по Минской губернии первым делом объявил: «Все бесправно забранное из имений и фольварков: скот, посевное зерно, продовольственный корм, сельхозорудия, машины, дерево и т.д. должно быть немедленно возвращено прежним владельцам» [5, с. 98]. В Витебской губернии командующий немецкой армией приказал всем крестьянам

возвратить имущество помещикам. «В противном случае, – указывалось в приказе, – виновные будут расстреляны» [5, с. 98]. В приказе генерала Кравцлера вопрос о возвращении земли помещикам ставился еще жестче: «Крестьяне обязаны в течение 24 часов вернуть помещикам отнятые у них земли, земледельческие машины и орудия. За неисполнение – будут расстреливаться» [5, с. 98].

В сводке оперативного отдела Высшего Совета генерального штаба русской армии оккупационный режим на занятой германскими захватчиками территории характеризовался следующим образом: «Приказ Гинденбурга о полном исчерпывании всех средств занятых областей, по-видимому, в полной мере проводится в жизнь. По деревням расклеены объявления, воспрещающие жителям без разрешения германских властей приступать к покосам, сбору овощей и картофеля. Реквизиция продуктов продолжается. Так, в Могилевском уезде отдан приказ, чтобы каждая волость доставила в месяц 800 пудов мяса, в окрестностях Минска по деревням производится усиленная реквизиция продуктов и скота, в Могилевском же уезде воспрещен вывоз из пределов уезда лошадей и скота. Во многих уездах Белоруссии объявлена мобилизация лошадей. Весь реквизированный запас продуктов, скота и других материалов немцами усиленно вывозится в Германию. 10 июля 1918 г. со станции Шклов немцами было вывезено 32 вагона льна, 22 вагона тряпья, 38 вагонов бумаги со шкловской бумажной фабрики, 40 вагонов лошадей и, начиная с 10 июля, ежедневно вывозится 2-3 вагона домашних животных». Аналогичные донесения поступали и из других уездов Белоруссии. Подписал эту сводку помощник по разведывательной части генерального штаба Б.М. Шапошников (будущий советский маршал) [4, с. 171].

Население Быховского уезда Могилевской губернии должно было выполнять в пользу немецких оккупантов следующую продуктово-натуральную повинность: каждая волость обязана была внести, в течение трех дней, под страхом избиения, и штрафа в сумме 5 тыс. руб., 5 тыс. пудов ржи, 3 тыс. пудов овса, 1 тыс. пудов ячменя, 4 тыс. пудов гречихи, 5 тыс. пудов картофеля, 1 тыс. пудов сена, 4 тыс. штук яиц, предоставить 7 лошадей, 40 коров и 3 гусей. Свиное сало совершенно отнималось. Кроме того, были установлены налоги на окна, двери, кур, собак, кошек и прочий домашний скот. Введена была барщина: крестьяне в восстановленных помещичьих имениях должны были бесплатно два дня в неделю выполнять хозяйственные работы [4, с. 193].

Председатель III чрезвычайного съезда Советов Сенненского уезда Могилевской губернии сообщал телеграммой в Совнарком РСФСР: «Немецкие оккупанты производят жестокие расправы над мирными невинными жителями. Расстреливают мужчин, женщин, несколько селений сожгли. Все имущество конфисковали. Жители бедствуют, скитаются по лесам, умирают с голоду. Съезд Советов протестует против таких насилий и

ходатайствует о принятии срочных мер к защите и восстановлению прав, безнаказанного возвращения на Родину бежавших и о возвращении куда-то вывезенных 17 граждан деревни Рудницы» [5, с. 100].

Немцы постоянно проводили облавы на жителей белорусских земель, чтобы потом отправлять захваченных силой людей на принудительные работы в Германию. Оккупанты систематически отправляли в Германию работоспособное население, главным образом, молодежь. В одном из документов сообщалось, как обращались с увозимыми в Германию людьми: «Везут, по-видимому, на работу, кормят скверно, заставляют впрягаться в телеги вместо лошадей, вообще обращаются, как со скотом» [5, с. 103].

В мае 1918 г. была арестована и посажена в минскую тюрьму группа крестьян Новогрудского, Слуцкого и других уездов Минской губернии. Им вменялось в вину то, что они оказали сопротивление оккупационным властям при реквизиции у них земли, скота и хлеба [5, с. 101]. Российское телеграфное агентство (РОСТА) сообщало: «В Могилевской и Минской губерниях немцы спешно вырубает леса и вывозят в Германию. Работать заставляют местных крестьян» [4, с. 242].

Рабочие и крестьяне Беларуси всячески стремились не позволить оккупантам вывезти награбленные ценности. Так, железнодорожные рабочие и партизаны Барановичей не дали немецким властям вывезти со станции 40 тыс. пудов хлеба, около 40 тыс. пудов железных изделий, большое количество сельскохозяйственного инвентаря. Железнодорожники Молодечно и Осиповичей не позволили немцам угнать в Германию 60 паровозов, более 200 вагонов и 100 платформ с различным имуществом [5, с. 139–140].

Вывод немецких войск с оккупированных территорий белорусских губерний сопровождался массовыми конфискациями у местного населения различного движимого и недвижимого имущества. Немцы стремились тем самым максимально нажиться за счет массового ограбления белорусских земель. Немецкие военнослужащие, покидая территорию Рогачевского уезда Могилевской губернии, отобрали у населения лошадей, скот, значительное количество продовольствия [5, с. 136]. О действиях оккупантов в захваченных уездах Могилевской губернии губернский комиссар Ткачев писал: «Немцы увозят все, что имеет какую-нибудь ценность. Увозят кабели, металл, вплоть до жестянок от консервов, снимаются медные ручки с дверей. Уже увезено 60% урожая фруктов» [5, с. 114]. Особенно широкий масштаб приняли рубка и вывоз в Германию из Беларуси древесины. На ввозимом из белорусских губерний лесном сырье только в Восточной Пруссии работало около 100 лесопильных заводов [5, с. 108].

Основываясь на вышеизложенных фактах, можно сделать следующие выводы: 1. повседневная жизнь белорусского крестьянства в период немецкой оккупации в 1915–1918 гг. была крайне тяжелой из-за проводившейся оккупационными властями экономической политики; 2.

экономическая политика немецких оккупационных властей на оккупированной территории Беларуси, вплоть до окончания оккупации и вывода оккупационных войск, была откровенно грабительской, направленной на максимальное истощение финансовых, материальных и человеческих ресурсов белорусских земель; 3. все попытки местного населения, состоявшего главным образом из крестьян, каким-либо образом воспрепятствовать ее проведению жестоко пресекались немецкими оккупационными войсками; 4. к такой ситуации привело нежелание большевиков подписывать мирный договор на условиях, предложенных немцами ранее (в случае их согласия в зоне германской оккупации остались бы только те территории, которые немцы заняли в ходе Первой мировой войны – Польша, Литва, часть Латвии, часть Эстонии и западная часть Беларуси); 5. Брестский мирный договор очень дорого стоил жителям белорусских земель, ибо он привел к тотальному ограблению немецкими оккупантами занятых ими в 1918 г. земель; 6. общий экономический ущерб, нанесенный немецкими оккупационными войсками белорусским землям в период Первой мировой войны, так и не был определен; 7. большевики, подписав в 1922 г. Рапальский договор, сделали шикарный «подарок» послевоенной Германии, так как пошли с ней на взаимное списание всех долгов и претензий, как царской, так и советской России, ибо баланс их явно был не в пользу Германии; 8. в наше время определение хотя бы приблизительных данных материального ущерба, который был нанесен Германией Беларуси за период Первой мировой войны, является одной из главных задач историков и экономистов.

Список литературы:

1. Бабков А.М. Установление германского оккупационного режима в Западной Беларуси во время Первой мировой войны // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2014. №1. С. 5–10
2. Гісторыя Беларусі ў шасці тамах / авт.-сост. Біч М., Яноўская В., Рудовіч С. і інш., Мінск: УП “Экаперспектыва”, 2005. Т. 4. 520 с.
3. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / под ред. В.Н.Перцева, Минск: изд.-во АН БССР. 1953. Т. III. 1020 с.
4. Борьба за Советскую власть в Белоруссии / сб. документов и материалов в 2-х томах. Т. 1 (февраль 1918 г. – февраль 1919 г.). Минск: Беларусь, 1968. 602 с.
5. Иностранная военная интервенция в Белоруссии (1917–1920 гг.) / отв. ред. И.И. Минц. Минск: Наука і тэхніка, 1990. 343 с.

Частные объявления в газетах как источник повседневной жизни ставропольчан в 1917 г.

Статья посвящена частным объявлениям в газетах 1917 г. Эти объявления являются источником повседневной жизни ставропольчан в изучаемый период. Объявления условно разделены на несколько категорий: поиск работы; поиск нянь, воспитателей, учителей; купля-продажа недвижимости; объявления о продаже самых различных предметов для быта и хозяйства; продажа медицинских препаратов. В статье указана специфика газеты как исторического источника.

The article is devoted to private announcements in newspapers in 1917. These ads are a source of everyday life for Stavropol citizens in the period of Great Russian revolution. Ads are conditionally divided into several categories: job search; search nannies, educators, teachers; purchase and sale of real estate; ads for the sale of a variety of items for domestic life and household; sale of medical products. The article specifies the specifics of the newspaper as a historical source.

Ключевые слова: повседневность, частные объявления, газета «Северокавказский край», Ставропольская губерния.

Key words: everyday life, private ads, the newspaper "the North Caucasus region", Stavropol province.

Существенно дополняя архивные документы, периодическая печать является одним из важных исторических источников в изучении социально-экономической, общественно-политической, культурной жизни города Ставрополя с середины XIX в. до наших дней [1, с. 109].

Специфика газеты как исторического источника заключается в нескольких моментах. Во-первых, нужно обратить внимание, на какие группы населения была направлена газетная информация и как она на них действовала. Во-вторых, репутация газеты тоже имела значение. В исторической литературе советского периода «Северокавказский край» безоговорочно считается кадетской газетой. Редакция же постоянно подчёркивала внепартийность «Северокавказского края» [2, с. 238]. В-третьих, нужно изучить личность издателя или редактора, какие цели они преследовали, а также как происходила эволюция газеты при сменяющемся руководстве.

Одной из сторон повседневной жизни ставропольчан в 1917 г. являются частные объявления в газете «Северокавказский край».

---

* **Колобова Ангелина Алексеевна**, студентка, Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) Научный руководитель: кан. ист. наук, доцент кафедры истории России, Оборский Евгений Юрьевич.

Очень часто на страницах газеты появляются объявления о поиске работы. Давали эти объявления, как молодые люди, так и девушки. Они являются выпускниками высших и средних учебных заведений. Видимо в силу сложившейся ситуации, выпускники не могли найти себе оплачиваемую деятельность, что толкало их на подачу объявлений в газете. Причём многие соглашались на переезд, из этого можно сделать вывод, что экономическое состояние вынуждало соглашаться даже на перемену привычного местожительства.

Свои знания бывшие студенты предлагали реализовать в различных областях. Кто-то хотел поступить конторщиком, табельщиком, кто-то искал конторской или канцелярской работы, некоторые были согласны на вечерние занятия. Многие выпускники предпочитали заниматься преподавательской деятельностью. Причём некоторые предпочитали в одиночку заниматься с учениками, а особо предприимчивые образовывали преподавательский коллектив и открывали целые классы подготовки, возможно, понимая преимущества коллективного преподавания. Преподаваемые предметы были различными. Так, предлагалось обучение по всем предметам средних учебных заведений, отдельно занимались репетиторством по английскому, французскому и немецкому языкам, а также давали уроки пения и музыки. Такое количество объявлений педагогического характера свидетельствует о достаточно высоком уровне образования в губернии. Но вместе с тем, можно заметить, что некоторые объявления повторяются в последующих номерах, это может говорить как о конкуренции, так и о трудностях поиска работы даже при помощи обращения к периодической печати. В газете «Северокавказский край» размещено около 9 объявлений подобного характера, которые повторяются от 2 до 5 раз за 1917 г.

Похожие тексты встречаются и в столичных изданиях. Так, только в одном номере, издававшихся в Москве «Русских ведомостей», 5 объявлений от девушек, закончивших Московские высшие женские курсы. МВЖК стали одним из крупнейших вузов Российской империи и просуществовали с 1872 по 1918 год. Девушки, окончившие эти курсы, предлагали свои услуги по преподаванию всех предметов средне-учебных заведений. Также размещено около 10 объявлений с предложением обучить английскому, французскому и немецкому языкам [5, с. 7].

Нужно отметить, что преподаватели также были востребованы в Ставрополе. В газете помещены объявления о поиске учительницы-профессионалки [12, с. 1], учителя для занятий со взрослой [16, с. 4].

Можно также отметить востребованность услуг няни. Мы можем выделить около 4–5 объявлений данного типа, повторяющихся от 2 до 7 раз. Многочисленность объявлений такого характера свидетельствует об актуальности преподавательской и воспитательной деятельности. Услуги нянь и воспитателей могли себе позволить люди со средним уровнем

заработной платы. Многочисленность таких объявлений говорит о неплохом положении среднего класса в губернии.

На страницах газеты было много объявлений, которые могли бы заинтересовать представителей образованной части общества г. Ставрополя. Так, были в продаже фортепьяно, рояль и 2 пианино. Соответственно, эти объявления размещали в газете представители интеллигенции города. Еще одним товаром, актуальным в образованной городской среде были книги.

Таким образом, можно сделать вывод, что население города Ставрополя отличалось довольно высоким уровнем грамотности, а также стремлением к обучению. В изучаемый нами период в Ставропольской губернии насчитывалось около 3 000 человек – представителей интеллигенции. Удельный вес интеллигенции составлял 1,5–2% среди самостоятельного населения региона. Наличие этой части общества считается важным фактором воздействия на общественное сознание населения города и губернии.

Огромное количество объявлений в «Северокавказском крае» было посвящено продаже недвижимости, сдачи ее в аренду, причем в одном номере до 5 таких объявлений. Так, было размещено 19 объявлений о поиске съемных комнат, 5 о поиске съемных квартир и домов. Под съем сдавались дачи (7 повторов), дома (3 повтора), квартиры (9 повторов), комнаты (3 повтора). Также активно велась продажа домов и квартир – 22 раза повторов подобных объявлений. Это можно объяснить миграционной ситуацией. Война и революционные события в России и как следствие – экономический кризис, отразились на бытовой жизни людей, многие люди переселялись в другие регионы в поисках более высокооплачиваемой занятости, или же активнее начинали сдавать жилье чтобы подзаработать.

Интересно одно из объявлений «Ищу три, четыре комнаты с кухней. Обращаться в редакцию “Север. Кр.”» [8, с. 4]. Человек, разместивший это объявление, явно снимает комнаты для своей семьи, у него определенно хороший доход, раз он может себе это позволить. Просьба обращаться в редакцию газеты Северокавказский край наталкивает на мысль, что либо это семья приезжих, либо глава семейства работает в этой газете, поэтому и не размещает свой адрес.

Также достаточно много встречается объявлений о продаже средств передвижения: 2 велосипеда, машина марки «Форд», экипаж, сани, тачанка. Продаются также детали: сбруя, каретка. Продаются лошади с пролеткой, жеребец, пара белых лошадей. Возможно продажа этих товаров – ответ на спрос на средства передвижения от беженцев, приезжих. Продавцы некоторых транспортных средств вполне могли сами быть беженцами, осевшими на территории губернии и продающими за ненадобностью этот товар.

Объявления в газете были направлены и на другие слои общества. Так, домовладелец, зажиточный крестьянин мог приобрести для хозяйства

различные химические вещества, древесину, дрань, рушку для крупы, сортировку-веялку, паровую молотилку, мельницу, паровую машину и многое другое. Объявления о продажи самых различных предметов для быта и хозяйства говорят нам о направленности газеты на многие слои общества.

Еще одним интересным объявлением является предложение товара, который якобы может излечить от различного рода заболеваний: «Мазь «Радикаль» рекомендуется от ревматизма, золотухи, чесотки, экземы, геммороя и пр. кожных болезней» [6, с. 4]. В столичной газете мы можем найти похожее чудодейственное средство под названием «Спермин-Пель», излечивающее такие заболевания как старческая дряхлость, атеросклероз, последствия алкоголизма, нервные заболевания, половое бессилие, сердечные заболевания, истощения и другие [4, с. 6]. В общем-то на страницах газет столицы предлагаются различные медицинские услуги, от лечения венерических заболеваний до стоматологических процедур. Таких объявлений по количеству могло быть около 15 в одном номере [3, с. 6]. Это объясняется большим количеством населения в г. Москве, чем в г. Ставрополе, а также большим количеством медицинских учебных заведений.

Еще одним ярким выражением повседневной жизни в источнике являются объявления, касающиеся швейных услуг: «Первые профессиональные общедоступные курсы «Кройки, шитья и изящных работ В. С. Алаевой» [7, с. 4], при курсах был салон дамских нарядов, верхних платьев и костюмов. В 10–20-е гг. XX в. в провинции появляются школы, дающие профессиональное прикладное образование за короткий срок. Интересно, что подобного рода спрос среди представительниц среднего и низшего слоев населения удовлетворялся так же услугами женщин, как это было на курсах В.С. Алаевой. По окончании курсов выдавалось свидетельство на право открытия самостоятельных мастерских, также велась подготовка к экзаменам на звание учительницы рукоделия. Объявление об этих курсах появляется на первой странице газеты на протяжении всего 1917 г., поэтому мы можем сделать вывод о том, что этот бизнес был прибыльным и долго держался на плаву, несмотря на то, что существовала конкуренция. Еще одна портниха в г. Ставрополе Е.И. Нестерова занималась шитьем дамских нарядов [9, с. 1]. Встречались объявления и от приезжих портних [10, с. 4] и модисток [13, с. 4]. Но это скорее всего были единичные явления, чем постоянные. Услугами портних пользовались скорее всего представительницы среднего класса.

Были на страницах газеты и нетипичные объявления: «Для организации выгодного дела ищу компаньонку одинокую, самостоятельную и обеспеченную особу» [14, с. 4], и «Нужен компаньон для предприятия по изготовлению продукта, необходимого во всех слоях населения и во всех учреждениях, как в тылу, так и на фронте» [15, с. 4], «Проездом остановился на несколько дней знаменитый оккультист, угадывает по линиям рук,

фотографическим карточкам, почерку, прошедшее и настоящее и предсказывает будущее! Избавляет от всех семейных ссор, дурных привычек и наклонностей, дает всевозможные советы по всем жизненным вопросам. Указывает всем путь и средство как добиться исполнения заветного желания, указывает каждому счастливые дни, числа, месяца и т.п.» [11, с. 4]. Эти объявления явно размещены людьми, склонными к авантюрам. Возможно, это такой своеобразный ответ времени, новой эпохе, когда у людей были надежды на светлое будущее после крушения царского режима. В новой обстановке, меняющейся стране эти авантюристы пытались заработать и даже разбогатеть с помощью таких нестандартных способов.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что частные объявления в газете «Северокавказский край» могут дать нам обширную базу информации по истории повседневности в Ставропольской губернии. Так, эти объявления условно можно разделить на несколько категорий: объявления о поиске работы, на основании которых мы можем сделать вывод о достаточно высоком уровне образования, в частности педагогического; поиск работников, в этой категории значительную часть занимают вакансии педагогов и воспитателей; широко распространены всевозможные швейные услуги; существенная часть рекламного места в газете отдана вопросу о недвижимости: купля-продажа, сдача в аренду и поиск ее, причем различаются площадь и типы недвижимости. Это может быть комната, несколько комнат, квартира, дача, дом, усадьбное место и т.д. Еще несколько категорий: объявления о продаже самых различных предметов для быта и хозяйства; продажа медицинских препаратов.

Итак, мы можем придти к выводу, что частные объявления, размещенные в газете «Северокавказский край» рисуют нам яркую и информативную картину повседневной жизни в Ставропольской губернии в 1917 году.

Список литературы:

- 1.Белоконь В.В. История города Ставрополя в газетных публикациях (к вопросу о ставропольской исторической журналистике) // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы Региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 109–114.
- 2.Лепилкина О.И., Магулаева Ф.А. «Северокавказский край» – прогрессивная газета своего времени // Актуальные вопросы социальной теории и практики: Сборник научных статей. Ставрополь, 2001. С. 238–253.
- 3.Русские ведомости.1917. 7 марта (№ 52)
- 4.Русские ведомости. 1917. 8 марта (№ 53)
- 5.Русские ведомости. 1917. 12 марта (№57)
- 6.Северокавказский край. 1917. 23 апреля (№86).
- 7.Северокавказский край. 1917. 24 мая (№109).
- 8.Северокавказский край. 1917. 9 июня (№124).
- 9.Северокавказский край. 1917. 16 июня (№130).

10. Северокавказский край. 1917. 17 июня (№131)
11. Северокавказский край. 1917. 25 июня (№138).
12. Северокавказский край. 1917. 5 июля (№145).
13. Северокавказский край. 1917. 6 июля (№146).
14. Северокавказский край. 1917. 8 июля (№148).
15. Северокавказский край. 1917. 16 июля (№155).
16. Северокавказский край. 1917. 18 июля (№156).
17. Северокавказский край. 1917. 20 июля (№158).
18. Северокавказский край. 1917. 23 июля (№161).
19. Северокавказский край. 1917. 25 июля (№162).

М.Ф. Прохоров*

Повседневная жизнь жителей подмосковных Филей в годы Гражданской войны

В статье анализируется положение населения в западном предместье Москвы – Филех в период Гражданской войны. Обращается внимание на экономическую разруху, безработицу, голод, которые испытывали люди. Рассматриваются основные способы борьбы людей за выживание в условиях «военного коммунизма».

The article analyses condition of the population in the westerner suburb Moscow Fili in the time civil war. Particular attention is economic dislocation, unemployed, hunger, which trial the people. Analysis main ways struggle people for survive in the condition of war communism.

Ключевые слова: Безработица, быт, голод, досуг, национализация, Фили, экономическая разруха.

Keywords: unemployed, mode of life, hunger, leisure, nationalization, Fili, economic dislocation.

В территорию Филей, расположенной в западном предместье Москвы, в первой четверти XX в. входило несколько поселений – село Фили-Покровское, деревня Фили и Кутузовская слобода. В начале XX в. местность выделялась развитой инфраструктурой: в области промышленности – красивым производством, вагоностроением и металлообработкой, а в сельском хозяйстве – овощеводством, картофелеводством и выращиванием плодово-ягодных культур.

Особое место в жизни жителей Филей занимает эпоха гражданской войны. К сожалению, это время в истории Филей не нашло отражения в научной литературе. В значительной степени это объясняется слабой сохранностью архивных документов в условиях военного лихолетья. Выявленные в архивах источники представлены перепиской советских

---

* **Прохоров Михаил Федорович**, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет туризма и сервиса; e-mail - 2210. mfp@mail.ru

учреждений и органов власти, протоколами, отчетами, описями имущества, статистическими обзорами, судебными постановлениями, заявлениями граждан и т.п.

В повседневной жизни селян того времени важным был вопрос о реализации Декрета о земле, принятого 11 съездом Советов. В Филевской местности (входила в состав Козловской волости Московского уезда) аграрная реформа 1917 г. началась с конфискации помещичьей земли. В этих мерах активное участие принимали местные крестьяне. Экспроприации подвергались земельные угодья, жилые и хозяйственные постройки, внутренняя обстановка, сельскохозяйственный инвентарь, гужевой транспорт, рабочий и молочный скот, птица и т.п.

В общей сложности на Филях в декабре 1917 г. было конфисковано не менее 17 владений, в состав которых входило 39 домов и 450 дес. земельных угодий. В освободившихся домах были заселены рабочие и служащие завода Руссо-Балт [2, с. 17–19; 11, л. 4–5, 12; 12, л. 3–13].

Весной 1918 г. начался передел конфискованной земли. По неполным данным за 1918–1919 гг. в пользование крестьян дер. Филя было передано 141 дес. угодий из бывших владений Гурьевых и завода Руссо-Балт.

Однако в условиях гражданской войны и разрухи, отсутствия во многих хозяйствах семян, лошадей и сельхозорудий, крестьяне были не в состоянии в полную силу обрабатывать земельные наделы. Селяне вынуждены были или забрасывать угодья, или прибегать к нелегальной сдаче их в аренду. В подобных случаях филевская община и отдельные крестьянские дворы подвергались денежным штрафным санкциям или изъятию земельных угодий. Советская власть осуществляла лозунг: «Земля тем, кто ее обрабатывает». Так, сохранилось дело за 1919 г. о предъявлении иска крестьянки деревни Филя А. Елуниной к жителю Кутузовской слободы И. Борисовым. Истец требовал возвращения арендованной земли, заявляя, что ответчик ее не обрабатывает. Данный мотив стал основанием для решения суда в пользу истца [13, л. 1–2; 15, л. 134].

При реализации аграрной реформы 1917 г. открытым оставался вопрос о том, какие земли должны составлять общий земельный фонд. В Декрете о земле предполагалось, что в общий фонд войдут как крестьянские, так и конфискованные земли, затем из этого объединенного фонда должны распределяться наделы. Но в решении вопроса о переделе земли Филевский сельский совет и крестьянская община столкнулись с противодействием многих крестьян. Эта группа жителей не была удовлетворена ранее проведенными переделами в ходе Столыпинской аграрной реформы, требуя нового пересмотра сельских приговоров по земельному вопросу. Мотивы таких заявлений были связаны с изменением состава крестьянских семей, возвращением из плена и с фронта солдат, смертью селян, ликвидацией отдельных хозяйств. Однако на практике все эти спорные вопросы решали местные органы власти через сельские советы. На Филях переделу

подверглась, прежде всего, конфискованная земля, которая передавалась жителям на уравнильной основе по едокам [15, л. 18, 48].

Несмотря на проведение аграрной реформы 1917 г., проблема малоземелья филевских крестьян по-прежнему сохранялась. По данным начала 1920-х гг. по Козловской волости на едока приходилось 0,34 дес. Более худшая ситуация с землей складывалась в Фелевской общине. На острый земельный недостаток указывал сельский совет Филей: «земли мало, ...чувствуется острое безземелье». Здесь на одного едока размер наделной земли колебался от 200 до 700 кв. саж. Особенно остро ощущался дефицит в сенокосных угодьях: на одну душу приходилось 0,07 дес. сенокосов [10, л. 10; 16, л. 1–11].

По мере разрастания в стране продовольственного голода в окрестностях Филей широкий размах приобретала аренда земли, как способ выживания. Оформление съемок угодий осуществлялось под контролем местных властей. Преимущественно сдавали земли под картофель, овощи и плодово-ягодные культуры. Ежегодно в аренде земли в целях обеспечения рабочих и служащих сельхозпродукцией участвовал коллектив Руссо-Балта. В октябре 1920 г. завком отмечал, что «рабочим нашего завода выдавались участки земли, на которых рабочие сажали для своих надобностей картошку, капусту и другие земляные плоды» [16, л. 88; 19, л. 37].

При аренде земли преимущественное положение имели советские организации, воинские части, коллективные хозяйства (коммуны, артели) и предприятия. Так, в условиях малоземелья жители Кутузовской слободы пытались ее арендовать из государственного земельного фонда. В 1920 г. от имени группы граждан слободы И. Каменев просил местные власти передать в коллективное пользование 11 дес. земли. Но его заявление было отклонено, так как участок земли передавался под засев рабочим фабрики Сытина [16, л. 217].

В условиях всеобщего социально-экономического кризиса в филевской местности заметно снизили промышленный потенциал. С большими перебоями работал Руссо-Балт, росло число безработных и не имеющих средств существования. Строительство завода то прекращалось, то вновь возобновлялось. В 1920 г. на предприятии работал 391 чел., занимавшиеся ремонтом бронетехники, поступающей с фронта.

В связи с отсутствием сырья прекратила работу красильно-набивная фабрика бывшего владельца Эфроса, расположенная вблизи железнодорожной станции Филя. Но в Кутузовской слободе продолжало функционировать небольшое частное гвоздильно-проволочное предприятие братьев Черняевых [12, л. 1–2; 14, л. 1].

Опасение у властей вызывал также постоянный рост обременительных для населения повинностей. На заседании Козловского ВИК от 21 июня 1920 г. выступавшие подчеркивали: «При возросшей дороговизне всего имущества, налоги выражаются в громадной сумме, что при

невероятной дороговизне всех продуктов и имущества, ляжет тяжелым бременем на все население» [5, л. 1, 94].

В соответствии с законодательством в случае выполнения плана продрозверстки сельская община получала квитанции, дающие право на приобретение промышленных товаров. Но в условиях экономического кризиса обмен между городом и селом не получился. Крестьяне остро нуждались в заводских изделиях сельскохозяйственного назначения. В протоколе заседания Козловского ВИК от 4 мая 1920 г. указывалось, что у населения «острый недостаток /вызывает/ продовольствие, фураж, земледельческие орудия, упряжи и т.п.».

Оценивая общее экономическое состояние крестьян в Козловской волости, местное партийное руководство в мае 1921 г. докладывало Московскому уездному исполнительному комитету РКП (б): «Со стороны крестьян ощущается большая потребность в отпуске земледельческих орудий, хозяйственных принадлежностей, кроме того местные крестьяне нуждаются в земле» [4, л. 11; 5, л. 105, 112; 6, л. 35, 89].

Введение государственной монополии на внутреннюю торговлю и нормированного снабжения сельхозпродуктами и товарами сопровождалось национализацией частной торговли. Разрешалась продажа только ненормированными продуктами (фрукты, плодово-ягодная продукция, отдельные виды овощей и т.п.). Низкие государственные закупочные цены вынуждали производителей и спекулянтов поставлять продукты на «черный» рынок. Для борьбы с нелегальным перевозом продовольствия создавались заградительные отряды (заградотряды), формировавшиеся из чекистов и красноармейцев. Такие отряды имели право реквизировать продукты у тех пассажиров, которые нарушали установленные нормы перевозок. Но деятельность заградотрядов не всегда была эффективна, среди бойцов имели место злоупотребления и незаконное изъятие у граждан продуктов. В октябре 1920 г. было проведено расследование по факту мародерства среди бойцов заградотряда при Дорогомиловской заставе вблизи Филей. Выяснилось, что бойцы незаконно изъяли 15 фунтов (6 кг) соли у рабочего завода Руссо-Балт. Дело имело большой резонанс в административных кругах. Данный вопрос рассматривался председателем коллегии ВСНХ и начальником милиции г. Москвы. Начальник Дорогомиловского заградотряда был переведен на новое место работы, а сотрудники милиции получили строгий выговор [1, с. 221; 18, л.17, 51; 19, л. 33, 39–40].

Особенно остро голод и бытовые лишения испытывали рабочие, беднейшие слои крестьянства и работники культурно-просветительских учреждений. Летом 1919 г. месячная норма пайка для рабочих колебалась от 4 до 8 ф. хлеба. Власти Московского уезда отмечали: «Многие рабочие и даже крестьяне вынуждены теперь варить крапиву и другие травы и питаться не только без хлеба, но и без соли. Положение довольно

критическое». Для помощи голодающим в Козловскую волость срочно были доставлены вагоны с продовольствием. Напряженная продовольственная ситуация сохранялась и в 1921 г. Дирекция Руссо-Балта указывала, что рабочие «живут почти что на одном картофеле и то в недостаточном количестве, которого хватает только до февраля месяца каждого года». Положение усугублялось и антисанитарным состоянием Козловской волости. В январе 1921 г. местные власти официально констатировали факт распространения среди населения тифа и дизентерии [3, л. 67; 5, л. 230; 7, л. 52; 8, л. 27; 9, л. 26].

Советская власть большое внимание уделяла состоянию культурно-просветительской работе – ликвидации неграмотности, школьному образованию и клубной работе. Эта политика наиболее четко проявлялась на местах. По данным на 1921 г. в Филях действовали две школы на 188 мест. Но уровень материального обеспечения школ был крайне низким. Оценивая общее состояние школ, член Козловского ВИК Натолитчев в 1920 г. отмечал, что «школьные работники, благодаря плохому снабжению продовольствием, одеждой и прочим, бегут, частью уже разбежались; ремонт школ не производится; снабжение школ дровами тоже производится довольно вяло» [6, л. 50; 7, л. 53; 8, л. 41].

Недостаточно активно в Козловской волости реализовывался в жизнь Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 29 декабря 1919 г. В частности, на Руссо-Балте пункт ликбеза работал «слабо, т.к. освобождающиеся к вечеру рабочие заняты своими огородами» [4, л. 37, 40–42].

В Козловской волости центрами политико-просветительской и культурной работы в годы гражданской войны среди сельского населения становились избы-читальни, а также клубы при фабриках и заводах. При них открывались библиотеки, читальни, курсы ликбеза, ставились спектакли, читались лекции. Филевские крестьяне активно посещали клуб «Заря», созданный при Руссо-Балте.

В годы «военного коммунизма» до минимума была сведена сфера быта и услуг. Медицинское обслуживание населения осуществляли две больницы – сетунская и филевская, основанные еще до революции.

В условиях революции и гражданской войны повседневная жизнь простого человека, наполненная лишениями и страданиями, была направлена только на выживание. Один из жителей дер. Фили А.В. Французов вспоминал: «В 1920 году лошадь купить было не на что. И я продал последнюю одежду, ... лишь бы быть крестьянином, иметь лошадь. Я работал изо всех сил, обкрадывая себя в куске». Его односельчанин М.Н. Блохин указывал, что во время нахождения его в немецком плену с 1914 по 1919 гг. его многодетная семья «терпела голод и холод, жена оставляла малолетних детей на произвол, уезжая за несколько сот верст за хлебом, дабы прокормить семью» [17, л. 290–291, 304].

Итак, положение крестьян и рабочих в Филевской местности, как в зеркале, отражало ситуацию, которая складывалась в России в период гражданской войны. В условиях «военного коммунизма» материальные и бытовые условия жизни людей были сведены до минимума, среди населения шла суровая борьба за выживание и существование. Выход из системного кризисного положения можно было найти только путем проведения Советской властью решительных и радикальных реформ.

Список литературы:

1. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. Мешочники. М., 2001.
2. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.
3. Центрального государственного архива города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (ЦГА Москвы. ОХДОПИМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 62.
4. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 29.
5. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 680. Оп. 2. Д. 7.
6. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 29.
7. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 75.
8. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 82.
9. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 98.
10. ЦГАМО. Ф. 804. Оп. 1. Д. 26.
11. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 8.
12. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 52.
13. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 63.
14. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102.
15. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 139.
16. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 174.
17. ЦГАМО. Ф. 2213. Оп. 1. Д. 31.
18. ЦГАМО. Ф. 7124. Оп. 1. Д. 4.
19. ЦГАМО. Ф. 7124. Оп. 1. Д. 12.

Т.Н. Минникова*

Театр за колючей проволокой (на территории Коми края)

В данной работе автор указывает на причину возникновения театров в системе ГУЛАГ. Особое внимание уделяется обыденной стороне жизни актёров. Отмечается, что лагерный театр органично восходил к театру крепостному. При этом театры ГУЛАГа являлись реальными очагами просвещения на данных территориях. Самим же заключённым такие театры помогали духовно не сломаться в тяжёлых условиях лагерной жизни.

---

* **Минникова Татьяна Николаевна**, историк, член Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева. Сотрудник Госненского историко-краеведческого музея.

In this paper the author points out the reason for the emergence of theaters in the Gulag system. Particular attention he pays to the everyday side of life actors. At the same time, the theaters of the Gulag were real centers of education in these territories. The prisoners themselves, such theaters helped spiritually not to break down under the harsh conditions of camp life.

Ключевые слова: ГУЛАГ, производительность труда, артисты, конвой, начальство, крепостной театр.

Key words: Gulag, labor productivity, artists, convoy, superiors, serf theater.

Революция – это не только изменение политической, экономической и социальной структуры общества. Это и изменения в сфере культуры. Обычной задачей искусства в данных условиях является формирование в новых (революционно созданных) условиях нового человека. Так было во Франции во время Великой французской революции, так было и в России в 1917 году. Искусство в советской стране, в этом смысле, носило утилитарный характер. И данное обстоятельство касалось абсолютно всех сторон жизни советского общества. Особенно же ярко указанный момент проявился в лагерной системе принудительного труда.

С самого начала планы создания подобных лагерей строились на идее перевоспитания («перековывания») человека и одним из важнейших инструментов в этой работе должно было стать искусство. С первых лет существования советской лагерной системы культурно-воспитательная работа с заключёнными была встроена в пропагандистскую систему страны. В исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. говорилось, что обязательный труд заключённых должен сочетаться с культурно-просветительной работой. И позже, когда система ГУЛАГ превратилась в важнейшую экономическую силу, данный момент также был отражён в соответствующих документах. В исправительно-трудовом кодексе 1933 г., заменившем кодекс 1924 года, говорилось, что «перевоспитание личности» по-прежнему является важнейшей целью системы исполнения наказаний. Но, кроме того, культурно-воспитательная работа в лагерях должна служить также и «целям повышения производительности труда» [7].

История возникновения художественной жизни в разных уголках «ГУЛАГ-овского материка» почти одинакова. Рассмотрим её на примере лагерей, расположенных на территории Коми края. Схема была проста: при каждом отдельном лагерном пункте (ОЛП) существовала культурно-воспитательная часть (КВЧ), которая должна была заниматься повышением культурного и интеллектуального уровня заключённых. КВЧ, как правило, располагала набором музыкальных инструментов, здесь имелись шахматы и хорошие библиотеки (из конфискованных у «врагов народа» книг).

Одним из важнейших моментов деятельности КВЧ была организация художественной самодеятельности среди осуждённых. Последние должны были участвовать в подобных мероприятиях только после трудового дня (от общих работ они не освобождались). Играть приходилось в столовых, где часть помещения отгораживалась для сцены. Однако начальству всё же было понятно, что чисто самодеятельными формами искусства в решении поставленных задач не обойтись. Так в крупных подсистемах ГУЛАГа на территории Коми АССР начинают возникать профессиональные и полупрофессиональные театры, а также концертные коллективы. Например, существовали театры, состоявшие из заключённых (а частично и из вольнонаёмных) в Ухте, Печоре, Инте, Абези и Воркуте. По всей Печорской магистрали разъезжал передвижной театрально-эстрадный коллектив (ТЭК), базировавшийся в Княж-Погосте.

Ещё раз повторим, что официально сценическое искусство должно было являться «мобилизующей силой», способствовавшей росту производительности труда на шахтах Заполярья. Но все, конечно, понимали, что как бы ни позиционировалась необходимость создания подобных театров в системе ГУЛАГ, основным мотивом, побуждавшим лагерное начальство организовывать театрально-музыкальную жизнь, было, прежде всего, развлечение лагерного персонала.

В чём же проявлялись особенности работы подобных театров?

Каждый начальник ОЛПа, где имелся театр, гордился им и стремился всячески «перещеголять» своих «коллег» по части организации театрального процесса, качества актёрского состава, устройства сцены, оформления театрального здания и т.п. Из воспоминаний Г.М. Литинского: «Странная смесь вольнонаёмных и заключённых здесь никого не удивляет. Привыкли. В зале странная публика. Администратор не рискует пускать в продажу «бронированные» места, покамест не обзвонит их владельцев. Начальник любит свой театр, как отец любит своего первенца и не прощает равнодушия к нему. Когда в театре дела плохи, администратор пускает слух, будто «сам» собирается сегодня в театр, и тогда зал бывает полон. Впрочем, к этому сильнодействующему средству редко приходится прибегать. Здесь привыкли ходить в театр, как в кафе – каждый вечер. Послушают любимую арию и возвращаются в буфет, где утоляют жажду шампанским. Начальство покрупнее оккупировало кабинет администратора. Им туда носят выпивку и закуску ...» [4, с. 233].

Театр, безусловно, являлся объектом престижа. Например, чтобы удовлетворить своё самолюбие начальник Управления Воркутстроя НКВД СССР М.М. Мальцев приказал «на спор» построить новое здание Воркутинского музыкально-драматического театра за 1 месяц (!). Опять же, по воспоминаниям Г.М. Литинского: «Строительство вели каторжники в три смены ... 15 сентября здание театра было готово, и вернувшиеся накануне

(из гастролей по ОЛПам) артисты сыграли, как было обещано, приготовленную в поездке оперетту Кальмана «Марица»...» [4, с. 230].

Искренне любя театр, многие представители лагерного руководства старались всеми правдами и неправдами – с этапов и пересыльных пунктов «доставать» лучших артистов для «своих» театров. Для самих же артистов попасть сюда считалось большой удачей. Работать в театре означало – работать в тепле, в «человеческих условиях», в культурном окружении единомышленников. Это был реальный шанс выжить.

И, действительно, условия существования артистов отличались от условий жизни других заключённых. Но надо помнить, что актёры и актрисы, находясь в лагерной зоне, отнюдь не были защищены ни от своеволия охранников и надзирателей, ни от произвола блатных, любивших подчеркнуть, что они, воры и бандиты – «честные советские люди», а заключённые по 58-й статье – «враги народа». Редкий день в лагерной зоне обходился без убийств. Блатные по ночам не успокаивались, доставали спирт, напивались, дрались, шумели, лишая сна и отдыха и без того измученных людей.

Кроме того, «служители Мельпомены» голодали так же, как и прочие заключённые лагеря. Единственная надежда получить улучшенное питание – это гастрольные поездки по ОЛПам, где каждый начальник, стремясь похвастаться перед своими коллегами, оказывал артистам всевозможное внимание. Но когда занавес закрывался, их пересчитывали и отводили в зону, за колючую проволоку.

Какими бы талантливыми они ни были, они оставались людьми подневольными, целиком зависевшими от прихоти начальства. По словам В.К. Ясного: «Лагерный театр органично восходил к крепостному. А дальше кому как выпадало: или к Салтычихам или к Шереметевым» [8, с. 305].

Из воспоминаний Л.И. Богораз: «Борис Дейнека (*невец*) попал в лагерь в 46-м году, и был взят на общие работы. Но пресловутый Мальцев, искавший везде таланты, перевёл его в свой театр. Помню его худым, измождённо-зелёным, напуганным человеком. А рядом на сцене – цветущая, пышная, чисто вымытая, невероятно активная Виолетта-Мальцева, которая, как известно, умирает от туберкулёза. Довольно странная получилась картина, не правда ли: представитель золотой молодёжи Альфред, выглядел не только истощённым туберкулёзником, но всё время буквально трясся от страха? Когда же Виолетта надвигалась на него, чтобы зажать в своих объятьях, Дейнека неизменно отступал и косился в зал (*в зале находился её муж – всеильный Мальцев*). Не могу, конечно, точно сказать, о чём Мальцев тогда напряжённо думал, но его лысина покрывалась красными пятнами» [1, с. 62–63].

И опасения актёра были отнюдь не напрасными. Известен следующий случай: «Ревнивому мужу – высокопоставленному чиновнику из Управления лагеря – сообщили, что артист Г. ухаживает за его женой, артисткой театра.

Взъяренный начальник немедленно позвонил в театр и потребовал, чтобы артиста тотчас же заперли в зону и исключили из состава труппы. Шёл как раз спектакль «Весёлая вдова». Никакие попытки уговорить разъярённого самодура не помогли. Присутствовавший всегда в театре конвой получил приказ немедленно доставить Г. в зону. И вот сразу после первого акта не разгримированный «граф» под конвоем с собаками был водворён – и надолго, до окончания срока – за проволоку. Публика немало изумилась, увидя во втором акте весёлой оперетты весьма заметно «постаревшего» графа Данилу в исполнении другого, срочно вызванного актёра. Понятно, что такие казусы возможны только в крепостном да в лагерном театре» [4, с. 248].

Далеко не всегда учитывалось и состояние здоровья артистов. Иногда они вынуждены были выходить на сцену больными, с высокой температурой, не имея возможности восстановить свои силы в нормальных условиях.

Из воспоминаний Э.И. Котляра: «Ночью после очередного спектакля конвой ведёт заключённых актёров в зону. Конвоиры торопят – поздно. Метёт пурга. Лыдистая дорога запорошена снегом. Дейнека упал, сломал руку. В зоне разбудили врачей – наложили гипс. А завтра петь Мефистофеля. Отложить нельзя: приехала какая-то московская комиссия – увеличивать отгрузку угля. Но ей нужно показать и театр. На загипсованную руку накладывают яркую косынку, в тон алому костюму Мефистофеля. С повисшей тяжёлой левой рукой Дейнека поёт. И только несколько человек в зале знали, чего это стоило заключённому Дейнеке» [5, с. 49–50].

И всё же, находясь на сцене, артисты подневольного театра забывали о своём бесправии, о постоянном чувстве голода, о конвое, поджидавшем их с овчарками у служебного входа. По мнению Т. В. Петкевич, театр в ГУЛАГе – это «уродство в уродстве», но именно он заставлял помнить актёров, что они – люди. Кроме того, артисты получали ни с чем не сравнимое моральное удовлетворение от своей работы, ведь лагерные театры являлись мощными очагами культуры в тех регионах, где они создавались. Театры представляли собой настоящие центры просвещения, пользовавшиеся любовью и поддержкой зрителей. Интересен следующий факт: особую заботу о заключённых артистах проявляли женщины, часто – жёны крупных начальников из системы ГУЛАГ. Не взирая на запреты, поклонницы талантов передавали им тайком от мужей и охраны продукты питания, лекарства, папиросы, конфеты, а также парфюмерию: туалетное мыло, духи и пудру [2, с. 203].

Театр дисциплинировал зрителей, приучал их к культуре: «Пришедшие с лесоповала работяги, узнав о нашем приезде, спешили отмыться, быстрее поужинать и заполнить клуб или преображённую в него столовую. В первые ряды усаживалась вохра. За ними ээки. Начинался

концерт. Все смолкали. Слушали, затаив дыхание...» (Т.В. Петкевич) [6, с.133].

Выступления проводились не только на русском языке, но и на немецком, а также на языках народов Прибалтики. При этом репертуар концертов подвергался строгой проверке. Запрещались такие произведения, в которых упоминались даже в хвалебной форме имена Ленина, Сталина и других вождей мирового пролетариата; запрещалась критика вольнонаёмных инженеров и рабочих, какого-либо начальства, включая самого рядового охранника. Запрещалось упоминание о тюрьме, как, например, у Пушкина – «Сижу за решёткой в темнице сырой...»; запрещались лихие застольные песни, вроде «Ирландской» Бетховена и так далее. Из режимных соображений не допускалось исполнение произведений, где речь шла о побегах и ещё многое другое [3, с. 280].

Угасание театральной жизни в лагерях Заполярья началось с началом ужесточения лагерного режима по всей стране. Последнее привело к тому, что в 1949 г. многие театры лишились ряда ведущих артистов: их загнали за колючую проволоку на общие работы. В виду полной безнадёжности и бесперспективности будущего несколько человек покончили жизнь самоубийством. После смерти Сталина Воркуту и другие центры театральной жизни Коми края начали покидать ведущие артисты и музыканты, хотя часть из них после освобождения осталась и составила в последствие основу труппы Воркутинского драматического театра.

Безусловно, при всей противоречивости положения театров в системе ГУЛАГ, большинство бывших актёров, а также простых заключённых всю жизнь с благодарностью вспоминали эти островки культуры в тёмном мареве тогдашней жизни: «Театр учил не поддаваться. И, может быть, здесь он был нужнее, чем агитбригады на фронте. Там кругом свои. В руках оружие. Враг впереди. Здесь в руках была тачка и лопата. И отверженность от своих. *Театр помогал выстоять*» (В.К. Ясный) [8, с. 305].

Список литературы:

1. Богораз Л. На каникулы в Воркуту // Театр ГУЛАГа / Сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М.: «Мемориал», 1995. 168 с.
2. Клейн А. Улыбки неволи. (Невыдуманная жизнь. События. Судьбы. Случаи). Из-во «Пролог», 1998. 318 с.
3. Клейн А.С. Музы за колючей проволокой // Покаяние. Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. 1008 с.
4. Клейн А.С., Попов А.А. Заполярная драма ...// Покаяние: Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. 1008 с.
5. Котляр Э.И. «Фауст» в ИТЛ // Театр ГУЛАГа / сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М.: Мемориал, 1995. 168 с.
6. Петкевич Т. Нечаянная профессия // Театр ГУЛАГа / Сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М.: «Мемориал», 1995. 168 с.
7. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР Об утверждении исправительно-трудового кодекса РСФСР, в ГУЛАГ.

8. Ясный В.К. Крепостной театр // Покаяние. Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. 1008 с.

Д.К. Кукаева*

Эвакуация Ленинградского ордена Ленина академического Малого оперного театра в город Чкалов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с размещением МАЛЕГОТа и солистов театра с членами их семей в Чкалове в сентябре 1941 г. Широко представлен материал, повествующий «из первых уст» о том, как проходила эвакуация из Ленинграда в Чкалов. Затрагивается репертуарная политика театра. Статья подготовлена на основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот.

The article deals with the problems associated with the placement of MALEGOT and the soloists of the theater with members of their families in Chkalov in September 1941. Widely presented material, narrating "from the first mouth" about how evacuation took place from Leningrad to Chkalov. The repertoire policy of the theater is affected. The article was prepared on the basis of archival sources, first introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: театр, война, МАЛЕГОТ, эвакуация, Чкалов, репертуар.

Key words: theater, war, Malegoth, evacuation, Chkalov, repertoire.

В годы Великой Отечественной войны эвакуация художественной интеллигенции, её размещение в тыловых районах страны рассматривалась, наряду с перемещением на Восток промышленных и сельскохозяйственных предприятий в качестве главной задачи военного времени. Чтобы сохранить один из крупнейших оперных коллективов и предоставить ему возможность работы в тылу, советским правительством в первые же месяцы Великой Отечественной войны было принято решение эвакуировать из Ленинграда Академический Малый оперный театр в город Чкалов (Оренбург) [5, с. 131].

По воспоминаниям художественного руководителя Ленинградского академического Малого оперного театра и главного дирижера Бориса Эммануиловича Хайкина, «эвакуировались всем составом, с семьями. Оставались только те работники, кто был необходим “на объекте” – для поддержания порядка в театре, для обеспечения сохранности имущества» [6, с. 192].

Артистка МАЛЕГОТа (так называли Малый оперный), Нина Рубеновна Мириманова, позже вспоминала: «Война ворвалась в нашу страну, в наши дома лучезарным, безоблачным утром 22 июня 1941 г. Рано приехав домой с

---

* **Кукаева Диана Кайровна**, аспирантка III курса, Оренбургский государственный педагогический университет.

репетиции на телевидении, войдя в комнату, я услышала о начинавшейся войне. Голос Сталина звучал трагично. В эту минуту я поняла, что кончился целый этап моей жизни, кончилась юность. Но я ещё не могла себе представить, какие потрясения, трагедии и утраты нас ждут впереди» [2, с. 43].

Мириманова пишет о том, что с первых же дней войны театр начал помогать фронту: «Молодёжь, комсомольцев включали в бригады, выезжающие на работы по сооружению противотанковых рвов. Организовывались творческие бригады артистов, выезжающие на фронт с концертами. Выезжали мы ненадолго, на два-четыре дня, в сторону Выборга, Луги, но по мере того, как немецкие войска захватывали наши территории, маршруты становились всё более короткими. В бригады входили не только артисты нашего театра, но и артисты филармонии, Ленинградской эстрады, Музкомедии. Некоторое время наш театр продолжал давать спектакли. Но положение на фронтах становилось всё сложнее и сложнее, стало ясно, что театр будет эвакуирован. Мы прекратили давать спектакли. Театр стал готовиться к эвакуации на Урал, в город Оренбург (тогда город Чкалов). 22 августа мы попрощались с нашим любимым городом. Это был последний эшелон, который вышел из Ленинграда. Под Мгой нас бомбили, но мы проскочили без потерь. Состав был сформирован из теплушек с наскоро сделанными нарами. Эвакуировалась я с моими бабушкой, мамой и приятельницей мамы» [2, с. 43].

По словам артистки, путь до Оренбурга был очень долгим и трудным: «По три дня мы стояли на запасных путях разных городов. Вперёд пропускали эшелоны с военной техникой и войсками» [2, с. 43].

Вместе с труппой МАЛЕГОТа на Урал эвакуировались ленинградские композиторы И.И. Держинский, В.В. Волошинов, В.П. Соловьев-Седой, Д.Г. Френкель, М.И. Чулаки. И.И. Держинского многое связывало с Оренбургом: в свое время он учился в местном музыкальном училище, здесь у него были знакомые и близкие ему люди. И.И. Держинский вскоре возглавил созданное в Оренбурге отделение Союза советских композиторов. Дети композиторов в начале войны были эвакуированы вместе с детским лагерем в Кострому. 17 сентября 1941 г. Д.Д. Шостакович обратился в Ленинградский горисполком с просьбой разрешить переезд детей композиторов из Костромы в Оренбург.

По воспоминаниям Б.Э. Хайкина, они «везли с собой из Ленинграда декорации, костюмы, бутафорию, музыкальные инструменты. Все это необходимо было во что-то упаковать, доставить на вокзал, погрузить в вагоны... Но к тому времени все мужчины – работники постановочной части (машинисты, монтировщики декораций, костюмеры, бутафоры, гримеры, осветители) – ушли на фронт. Оставшиеся в театре женщины героически выполняли их работу – демонтировали, упаковывали. 22 августа эшелон с артистами театра отошел от перрона Московского вокзала, а через несколько

дней «кольцо» вокруг Ленинграда почти сомкнулось. Ехали они пятнадцать суток – линии, связывающие запад с востоком, были загружены до предела» [6, с. 192].

5 сентября 1941 г. Оренбург принял Ленинградский государственный академический Малый театр оперы и балета. «Наше путешествие по стране продолжалось три недели, – вспоминал композитор И.И. Держинский. – Длинные-предлинные составы, наполненные людьми, заводским оборудованием, блеющим и мычащим скотом, шедшим непрерывной вереницей на восток, создавали грандиозную панораму народного бедствия. Но в ней не было печальной безнадежности. Серые, запыленные, усталые лица, суровый взгляд исподлобья, крепко сжатые губы говорили о непоколебимой решимости победить во что бы то ни стало».

Как правило, прибывшие в эвакуацию театры вытесняли с местных сценических площадок работавшие до войны труппы, что вело или к полной ликвидации последних, или к их перебазированию из областных центров в города более «низкого ранга». В Чкаловской области были временно закрыты Бугурусланский и Орский драматические театры, а их помещения заняли Харьковский областной драматический театр им. Щепкина и Чкаловский театр музыкальной комедии, отдавший свою сценическую площадку эвакуированному из Ленинграда Малому оперному.

Художественный руководитель и главный дирижер театра Б.Э. Хайкин передал 15 сентября 1941 г. начальнику отдела по делам искусств при Чкаловском (Оренбургском) облисполкоме Г.И. Незнамову докладную о репертуаре театра на предстоящий сезон 1941–1942 г. В ней он подразделял репертуар по степени готовности к постановке: текущий репертуар (13 спектаклей); спектакли текущего репертуара, не обеспеченные полностью материальной частью (Римский-Корсаков «Снегурочка», Мусоргский «Борис Годунов», Моцарт «Свадьба Фигаро», Держинский «Тихий Дон»; по этим спектаклям декорации и костюмы привезены в город Чкалов только частично); текущий репертуар балетной труппы (Делиб «Коппелия», «Фадетта», Асафьев «Кавказский пленник», Чулаки «Сказка о попе и его работнике Балде»). Он также представил проект плана новых постановок по Ленинградскому театру на сезон 1941–1942 г. и при этом в примечании указал, что план новых постановок ранее проведения его в жизнь подлежит обсуждению на художественном совете и утверждению председателем Комитета по делам искусств. Возобновлению подлежали 5 спектаклей (Милликер «Нищий студент», спектакль снят с репертуара в 1936 г.; Чайковский «Пиковая дама», снят с репертуара в 1937 г.; Пуччини «Богема», снят с репертуара в 1938 г.; Легар «Там, где жаворонок поет», снят с репертуара в 1936 г.; Планкетт «Корневильские колокола», снят с репертуара в 1935 г.). Планировались 6 новых постановок (Направник «Дубровский», Верди «Аида», Чайковский «Мазепа», Держинский «Гроза», Чулаки и Волошинов – опера на тему Отечественной войны (начата в Ленинграде в

августе с.г.), Лекок «Тайна Канарских островов» (оперетта); 3 новых балетных постановки (Чайковский «Щелкунчик», Минкус «Дон Кихот», Чулаки «Мнимый жених»). При рассмотрении плана новых постановок Хайкин просил учесть, что театр необходимо обеспечить производственными мастерскими (декорационными, костюмерными, бутафорскими), так как все подсобные предприятия не были эвакуированы из Ленинграда. В этом отношении, писал он, потребуется существенная помощь также и по текущему репертуару (в особенности по бутафории). Необходимо урегулировать с ВКИ и вопрос о снабжении театра материалами для декораций и костюмов. Как учреждение всесоюзного подчинения, театр до сего времени получал все фонды непосредственно из Москвы с центральной базы ВКИ [7, с. 105].

Руководство Ленинградского горисполкома просило оренбургские городские власти о содействии Малому оперному театру. Несмотря на трудности с жильем и с административными помещениями, коллектив театра разместили в Чкалове. Незадолго до прибытия театра и его солистов состоялось заседание бюро Чкаловского обкома ВКП(б) о размещении Ленинградского ордена Ленина государственного Малого оперного театра, эвакуированного в Чкалов. Начальник отдела по делам искусств при Чкаловском (Оренбургском) облисполкоме Г.И. Незнамов 3 сентября 1941 г. издал приказ: «В связи с направлением на работу в город Чкалов Ленинградского оперного ордена Ленина театра и предоставлением ему для работы здания театра музкомедии приказываю: ...областной театр оперетты с 1 сентября 1941 года перевести на стационарную работу в город Орск...» [5, с. 131].

По поводу прибытия МАЛЕГОТа был издан ряд распоряжений для обеспечения размещения театра и его солистов в городе. В связи с направлением на работу в город Чкалов Ленинградского ордена Ленина государственного Малого оперного театра бюро обкома ВКП(б) постановило:

1. Для работы театра передать здание театра музкомедии. Ассигновать горисполкому на расширение и оборудование сцены театра 150 тыс. руб. Обязать горисполком – товарища Быстрова – обеспечить строительные работы по расширению оборудования сцены в срок к 1 октября 1941 г.

2. Обязать горисполком – товарища Быстрова – обеспечить размещение на квартирах работников театра.

3. Обязать отдел искусств – товарища Батяева – перевести областной театр оперетты в город Орск. Предложить Орскому горкому ВКП(б) – товарищу Кутыреву – и горисполкому – товарищу Милованову – обеспечить производственные условия работы театра оперетты в городе Орске и размещение работников на квартирах. [1, с. 223]

В воспоминаниях Кирилла Петровича Кондрашина, знаменитого советского дирижера, о приезде театра в Чкалов и жизни в эвакуации рассказывается об этом времени так: «...приказ сейчас же всех вывозить. Завтра театр эвакуируется из Ленинграда... Поехали мы в Оренбург. Но

тронутись не сразу. Сели-то мы в 11 утра, а уехали в 4 часа дня на следующий день, потому что шли сведения, что идут бои за Мгу и проехать нельзя. Стояло три эшелона. Вот Малый оперный театр с женами военнослужащих с острова Ханка, консерваторский эшелон и эшелон Кировского театра – рядышком все стояли. На следующий день совершенно неожиданно тронутись все эшелоны. Впереди шел Кировский театр, потом мы, за нами консерватория. После этого был выброшен десант на Мгу, и началась блокада Ленинграда. Это было в последних числах августа. Началась двухнедельная дорога в Оренбург...» [3, с. 60]

Он писал, что «все пути, конечно, были забиты страшно. Достать по дороге что-то трудно. Правда, питание какое-то эвакуированным давали. Но очень нерегулярно, и все время нужно было по прибытии на станцию бегать, организовывать, пробивать, так как всюду были очереди... Когда мы приехали в Чкалов (так в то время назывался Оренбург), то оказалось, что нам приготовили театр. Это был театр оперетты, крохотное помещение мест, наверное, на 300. Причем, театр был совершенно разорен. Выяснилось, что оперетта была эвакуирована в Орск – это за 200 километров, районный город, а так как все начальство имело в оперетте фаворитов, наш театр встретили не очень приветливо. Оперетта вывезла все, вплоть до выключателей. Да, проводка оборвана – не было света. И никаких квартир, конечно, ничего нет.

Приехали после двухнедельной дороги – жить негде, только в театре. А там дикая грязь, каменные полы всюду. Одна женщина уже на сносях была, – как только приехали, у нее роды начались, нужно было все устраивать. Тарасенко в полной растерянности бросается туда-сюда. Мобилизовали партийную организацию выискивать квартирный фонд. Чкалов наводнен эвакуированными. В общем, как-то расселили. Так и началась чкаловская эпопея...» [3, с. 61]

Коллектив театра прибыл в Чкалов 5 сентября 1941 г. и сразу же приступил к работе. Как сообщала газета «Чкаловская Коммуна», первое выступление Ленинградского ордена Ленина оперного театра состоялось в субботу, 20 сентября, в помещении летнего театра. В этот день была дана опера П.И. Чайковского «Черевички» [1, с. 223].

На совещании представителей театральных предприятий города 28 октября 1941 г. дирижёр МАЛЕГОТа Тарасенко в качестве основных моментов организационной работы театра в условиях эвакуации указывал на сокращение сроков подготовки спектаклей и повышения их качества. В военных условиях в Чкалове театру необходимо было выпускать значительно большее количество спектаклей, но не допускать выпуска «сырых» спектаклей.

Город Чкалов в военное время принял тысячи эвакуированных граждан из самых разных районов Советского Союза. Первые эвакуированные приехали в область 9 июля 1941 г. Их было 5 806 чел. Их разместили в Соль-Илецком, Бузулукском, Бугурусланском, Абдулинском и Саракташском

районах. К 16 июля в область из прифронтовой полосы прибыло уже 28 463 чел., к 18 июля – 30 915, к 22 июля – 58 141, а к 28 июля – 72 704 чел. Из Ленинграда (данные на 14 сентября 1941 г.) было эвакуировано 6 820 чел. На 15 октября в Чкаловской области находилось 95 829 эвакуированных [4, с. 7] Перед оренбургским облисполкомом встал острая проблема обеспечения населения продовольствием и жильем. Конечно же, эта проблема затронула и Ленинградский театр.

Список литературы:

1. Место эвакуации – Чкаловская область. Сборник материалов. Оренбург. 2006. 312 с.
2. Мириманова Н.Р. Музы на фронте // Terra amata. 2002. №2. С. 43.
3. Ражников А.Г. Кирилл Кондрашин рассказывает о музыке и жизни. М., 1989. 236 с.
4. Северная звезда. 2014. 28 января. С. 7.
5. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. 214 с.
6. Хайкин Б.Э. Беседы о дирижерском ремесле. М., 1984. 264 с.
7. Хисамутдинова Р.Р., Исманова Д.К. Ленинградский государственный орден Ленина академический Малый оперный театр в годы эвакуации на Чкаловской (Оренбургской) земле // Вестника Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. №4.
8. Чкаловская коммуна. 1941. 23 сентября. С. 4.

Е.В. Нефедьева*

Ленинградцы в блокаде: трудности быта первой зимы

Оказавшись отрезанным от Большой земли, Ленинград не был готов к блокаде. Самым тяжелым периодом блокады стала зима 1941–1942 гг. Ленинградцы страдали от голода, холода. Все системы жизнеобеспечения (электричество, водопровод, канализация, общественный транспорт) перестали функционировать. Но ленинградцы старались жить.

Once cut off from the big land, Leningrad blockade was not ready. The most difficult period of the embargo has become a winter 1941-1942 Gg. Leningrad suffered from hunger, cold. All life-support systems (electricity, pipings, sewerage, public transport) stopped functioning. But Leningrad citizens tried to live.

Ключевые слова: Блокада, голод, жизнь, смерть, холод.

Key words: Siege, hunger, life, death, cold.

---

* **Нефедьева Елена Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия, политология и социология», Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I.

К началу блокады в городе оставалось около 2,5 млн чел. коренного населения и несколько сотен тысяч беженцев из Прибалтики. Среди оставшихся в блокадном кольце оказалось более 400 тыс. детей. С того момента как 8 сентября замкнулось кольцо блокады, для ленинградцев с каждым днем все труднее становилось выполнять прежде самые простые, будничные дела.

Проблема, с которой многие жители города столкнулись буквально в первые же дни блокады – недостаток продуктов, и очень скоро наступил голод. Несмотря на жесткую экономию продовольствия, его запасы катастрофически таяли. В ноябре нормы выдачи были сокращены до минимума: рабочим по 250 г хлеба, все остальные получали по 125 г. Причем эти граммы, а ленинградцы их называли «граммики», зачастую являлись единственным в течение дня питанием, так как других продуктов просто не было. Из записи в блокадном дневнике от 9 декабря 1941 г.: «Вот уже два дня, как мы с Михаилом ничего не едим, кроме хлеба. Делим наш суточный паек в 125 г на три части на завтрак, обед и ужин. Утром и вечером поджариваем его на сковороде без масла – едим гренки. А на обед едим тюрю: крошим хлеб в кипяток и едим как суп. Завтра Михаил понесет на рынок последнее, что осталось из вещей – менять на хлеб или крупу» [4, с. 110].

Голодная блокадная зима 1941–1942 стала самой страшной страницей истории жителей Ленинграда. Открытие автомобильного движения по льду Ладожского озера позволило с 25 декабря увеличить хлебные нормы на 100 граммов по рабочим карточкам и по 75 – на все остальные. Однако это увеличение имело скорее эмоциональное значение, чем практическое.

Все мысли голодных людей были сосредоточены на еде. Тот минимум хлеба, который был положен по карточкам, еще нужно было получить. Хлеб выдавали по мере завоза, а когда он будет, никто не знал. Очереди занимали с вечера. Бывали случаи, когда люди простаивали в очередях за хлебом по 12 часов. Порой на лютном морозе. Чтобы не оконечеть, попеременно заходили в ближайший подъезд погреться. Были и такие дни, когда не удавалось получить даже хлеб по карточкам. В январе 1942 г. из-за отсутствия электроэнергии три дня не работали все хлебозаводы. В дневнике блокадника читаем: «27 января хлеба не было ни в одной булочной. На следующий день мама стояла с пяти часов утра до двенадцати ночи и не достала. 29 января встал в пять часов утра и пошел за хлебом. В одиннадцать меня сменила мама, в полдень она получила хлеб» [4, с. 140].

Полученный хлеб бережно несли домой, при этом нельзя было потерять ни одной крошки. Иногда происходили страшные случаи, когда обезумевшие от голода люди вырывали хлеб у ослабевших земляков, отстоявших в очереди, и тут же его съедали. Одна из блокадниц вспоминала: «Мама встала в длинную очередь, и когда она подошла к продавщице, та взвесила на весах положенные маме и мне граммы хлеба

одним кусочком. В это время крупный мужчина, стоявший у окна, прислонясь к стене, внезапно кинулся к прилавку, и с силой оттолкнув маму в сторону, схватил с весов хлеб и попытался сразу целиком запихать его в рот. ...Сомнений в том, что наша суточная норма хлеба исчезла навсегда, у нас уже не было» [3, с. 139].

В еду употребляли все, что в принципе можно было использовать для пополнения калорий и то, что раньше никогда бы не подумали даже попробовать. Дома вываривали кожаные ремни, столярный клей; из залитых водой, забродивших опилок готовили дрожжевой суп. На хлеб намазывали техническое пушсало, которым обычно смазывались танковые пушки; на олифе поджаривали кусочки хлеба. Повезло тем, кому удалось набрать земли с территории сгоревших Бадаевских складов. «Бадаевскую (или Сладкую) землю» кипятили и пили полученную сладкую воду. На столах ленинградцев появлялись блины, приготовленные из вымоченной горчицы, а также лепешки из шротов и дуранды – отходов-отжимок от производства соевого или подсолнечного масла. Варили щи из хряпы – самых верхних, темных, прежде в пищу непригодных листьев капусты, жарили лепешки из картофельной шелухи. В городе были съедены все кошки и собаки, даже вороны и домашние птицы. Ели павших лошадей. В музее «Обороны и блокады Ленинграда» представлены странички дневника 10-летнего ленинградского мальчика, на которых можно прочитать о том, как в декабрьские дни 1941 г. они с друзьями поймали и с удовольствием съели кошку, предварительно ее поджарив.

Непреодолимое чувство голода заставляло ленинградцев забывать о брезгливости, что рождало самые невероятные бытовые ситуации: «Сегодня (5 декабря 1941 г.) я наблюдал ужасную картину. Выходя из столовой, споткнулся о ноги сидящего старика. Он бессильно полулежал у стены, выбирая из помойного бачка грязные конские кости, и с волчьей жадностью грыз их дряблыми зубами. Это ужасно, но это продлит его жизнь еще на несколько дней» [4, с. 107].

В эту страшную зиму голодная смерть – смерть от дистрофии (истощения организма) – стала обычным повседневным явлением. Об этом еще одно декабрьское 1941 г. воспоминание очевидца: «Попадавшие нам навстречу еле брели, многие опирались на палки. Те, кто падал, больше уже не вставали. Бредет мужчина таким нетвердым шагом, приостанавливается и опять шагает. И вдруг садится на снег, ложится и вытягивается во весь рост. Иной еще намеревается встать, пытается что-то сказать, когда к нему наклоняются, а другой сразу замирает, закрыв глаза и сомкнув губы в седой щетине» [5, с. 88]. Люди умирали на улицах, у себя в квартирах, на рабочих местах. В ноябре от голода умерло 11 тысяч ленинградцев, в декабре – 53 тысячи. В начале 1942 г. дважды увеличивали нормы выдачи хлеба (25 января на 50 г, 11 февраля работающим на 100 г, иждивенцам на 50 г). Однако эти прибавки не смогли остановить вымирания горожан от голода. В

январе – феврале 1942 г. умерло еще около 200 тыс., за всю первую половину 1942 г. – свыше 600 тыс. [6, с. 52].

В зимних условиях большой проблемой стало захоронение умерших. Современник записал в своем дневнике 9 января 1942 г.: «Когда человек умирает, делается так: берутся детские легкие саночки... Снимается спинка, вдоль саночек кладется доска длиннее, чем саночки, и привязывается к ним веревочкой. На доску кладут завернутое в какой-нибудь кусок материи тело своего ребенка. Похудевшее, оно становится нечеловечески тонким и длинным. Тело обвязывается веревкой, привязывается к доске – и вот одинокая мать тянет санки на кладбище, чтобы сбросить тело в снег» [4, с. 126]. Детские саночки вообще стали самым распространенным видом грузового транспорта в зимний период блокады. Кто-то из современников высказал мысль о том, что рядом с танками и орудиями, водруженными на пьедесталы, когда-нибудь поставят обыкновенные детские саночки. На них возили воду, дрова, умерших. Но далеко не всегда и не у всех хватало сил вывезти трупы, и часто на рабочих местах, в квартирах живые продолжительное время работали и жили рядом с мертвыми. 9 января 1942 г. в дневнике одного из блокадников записано: «Шестого умер К-в. Вот уже трое суток мы не можем отвести его даже к заводууправлению в сарай. Ему крысы выели глаза, съели нос, труп разлагается, но это никого не беспокоит. Чувства у всех настолько притуплены, что только собственная жизнь занимает мозг» [4, с. 126]. Очевидцы вспоминали о горах трупов около больниц и аптек, просто на улицах, в прачечных, подвалах; о том, что в качестве морга могла служить одна из комнат населенной квартиры.

Повседневная жизнь ленинградцев была тем труднее, что уже в конце осени вышли из строя практически все системы жизнеобеспечения. 17 ноября было отключено электричество. Сохранялось оно, да и то не в полную силу, только на самых важных объектах.

Страдания ленинградцев в значительной степени усиливались наступившими уже осенью сильными холодами. Первый настоящий снег выпал в эту осень 17 октября, после 20 октября температура воздуха не поднималась выше 0 градусов. В зимние месяцы мороз достигал порой 35° и ниже. Центральное отопление не работало. В «Записках блокадной девчонки» читаем: «Холод! Холод! Печурку топили только раз в день – берегли топливо. Свет – «фитюльку» тоже берегли. «Фитюлька» – это в блюдце наливали какую-то (не помню) жидкость, крутили фитиль из ваты и клали в блюдце. Свечек не было» [8, с. 4]. В квартирах появились печки-буржуйки, производство которых быстро было налажено в районах города. Дымоходы «буржук» выводили в окна. В качестве топлива использовали все, что могло гореть: мебель, паркет, перила с лестниц, книги, старые газеты и журналы, матрацы, тряпье, старая обувь. Топливо было так же дорого, как и хлеб. Использовали его очень экономно: чуть-чуть обогреться, вскипятить воду, подсушить хлеб. В городе на дрова были разобраны

заборы, старые деревянные дома. При этом важно отметить, что не сгорели в печах замерзающих ленинградцев ценные деревья из центральных парков, садов и скверов.

Из-за холода в домах ленинградцы не раздевались ни днем, ни ночью. Спали, надевая на себя теплую зимнюю одежду, сооружая на кровати из подушек, одеял, матрасов подобие норки. Родители согревали детей, пряча их у себя на груди. В целях экономии тепла большие семьи, а иногда даже и соседи занимали одну комнату в квартире или даже кухню, где только и топили печь или согревали помещение своим дыханием.

Порой, совсем обессиленные замерзшие люди просто ложились на кровать, не имея ни сил, ни воли для того, чтобы двигаться. И постепенно тихо умирали. Несколько тысяч умирающих таким образом блокадников спасли ленинградские девушки-комсомолки – члены специально созданных в январе 1942 года бытовых отрядов. Слабые сами, они ходили по квартирам с фонариками в руках, помогали принести воду или дрова, отоварить карточки, определить в детские дома осиротевших детей, вызывали врачей. В бытовых отрядах работали около тысячи девушек. Им удалось обследовать около 30 тысяч квартир. Восемь с половиной тысяч больных получили медицинскую помощь, тысячи детей были направлены в детские дома, ежедневный уход был установлен за 10 350 жителями города [7, с. 64].

Вслед за электричеством и теплом из быта ленинградцев исчезли водопровод и канализация. За водой приходилось отправляться на Неву и другие реки и каналы. Воду брали даже из Обводного канала, который прежде считался самым загрязненным водоемом города. Особенно трудно доставать воду было зимой, когда реки замерзли, а крутые склоны набережных обледенели. Обессиленные люди очень медленно спускались к проруби с чайниками, ведерками, детскими ванночками, поставленными на саночки. Еще труднее было поднять ношу с водой по обледенелому склону. В некоторых районах города были специально открыты люки, из которых также можно было вычерпывать воду. Едва хватало сил довести воду до дома, и потому использовали ее также очень экономно. Академик Д.С. Лихачев рассказывал, что на умывание тратили стакана два воды, но и ее не выливали, а мыли в ней руки до тех пор, пока вода не становилась черной [1, с. 84]. Иногда источником воды служил снег, набранный во дворах и растопленный на печке.

Большой проблемой для ленинградцев стало то, что из строя вышла канализация. В уборные иногда превращали пустующие комнаты, подвалы, жители верхних этажей использовали под уборные чердаки. Порой нечистоты выбрасывали прямо на лестницы, во дворы, на улицы.

Отсутствие водопровода и электричества привело к закрытию бань. Те редкие бани, которые не закрывались, работали очень нерегулярно, и собирались большие очереди, на несколько часов. Очень радовались ленинградцы, если удавалось все же попасть в баню и хоть как-то помыться.

Из дневниковой записи за 30 декабря 1941 г.: «...в коридоре было очень холодно. В предбаннике немногим теплее. Вода не кипятит, но вполне удовлетворительная: обливая себя, можно согреться. Так как мы последние, то шаек очень много. Удобно устраиваюсь с двумя шайками, одна для ног заменяет грелку, в другой мою голову. Вода течет из крана тоненькой слабой струей. Успеваю только раз намылить голову, как подача воды совсем прекращается. Банщица заявляет, что воды больше не будет. Всеобщее негодование. Ставлю обе шайки на скамейке и домываюсь в воде из-под ног. Все же удовлетворена, что помылась. Голову мужественно полощу почти холодной водой» [4, с. 122].

Те, у кого оставалось хотя бы немного сил и было много воли, в холодных квартирах нагревали на буржуйке с трудом принесенную воду, так и мылись. Мыло, кстати, так же распределялось по карточкам, причем получить его удавалось не всегда. Особенно важным было, как можно чаще мыть голову, чтобы не заводились вши. И все равно педикулез был очень распространенным заболеванием блокадников.

Ослабленные жители встретились еще и с проблемой передвижения по городу. Осенью встал весь общественный транспорт. С началом снегопадов все улицы были занесены снегом, его не убирали. В снегу протаптывали узенькие тропинки, по которым шли редкие прохожие. Ходили очень медленно, тяжело переставляя ноги, наклонившись всем корпусом вперед, как против ветра.

Удивительно, но даже в самую суровую блокадную зиму 1941–1942 г. не прекращались занятия в некоторых ленинградских школах. Не было бумаги – писали на обрывках газет и обоев. Замерзали чернила – пользовались карандашами. В классах не топили – и дети, и учителя не снимали верхнюю одежду. Порой уроки, прерванные воздушной тревогой, продолжались в бомбоубежище. Это было очень важно – отвлечь уроками голодных детей от постоянных изнуряющих мыслей о еде, заставить двигаться, не дать залеживаться. Работал для детей в блокадном городе и Дворец пионеров им. А.А. Жданова (ныне Дом творчества юных).

А еще дети – в основном подростки 12–14 лет – учились работать. Работать по-настоящему, по-взрослому. На оборонных заводах. Им пришлось заменить ушедших на фронт квалифицированных рабочих. Порой эти мальчишки и девчонки не доставали до станка – им подставляли ящики под ноги. Порой едва держались на ногах от голода – привязывали себя к станку веревкой, чтобы не упасть. Так учились и выполняли взрослые задания. А позже вспоминали: «Я (четырнадцатилетняя) устроилась на заводе и перешла на казарменное положение. Завод стал оборонным... Я пришла, ничего не зная. Стала ученицей токаря, так как надо было очень быстро что-то осваивать. Я делала такие маленькие эксцентрики... Работа была по микрометру, очень хлопотливая и точная работа. У меня не было сменщицы, и я одна над этими эксцентриками работала» [1, с. 107].

В первый период блокады проходили занятия и в некоторых ленинградских вузах: в Университете, Политехническом и Горном институтах, Институте железнодорожного транспорта. Весной 1943 г. возобновили свою работу уже 13 институтов. Занятия проходили по вечерам, так как днем студенты работали.

Несмотря на невозможные условия жизни ленинградцы жили. Ольга Берггольц позже, но еще из блокадного города, писала об этом: «...Мы всеми мерами – и сознательно и бессознательно – стремились и стремимся сберечь, сохранить нормальную, обычную человеческую жизнь – и добились все-таки этого. Тема Ленинграда – это тема победы жизни, когда не было условий для нее, а не тема бесстрашного стояния под снарядами – ведь это решительно на всех фронтах так было и есть» [2, с. 485].

Список литературы:

1. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1989.
2. Берггольц О. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы. Азбука-классика, 2010.
3. Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга третья / сост. С.Е. Глезеров. СПб.: Издательский центр «Остров», 2016.
4. Будни подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. Сост. Давид В.М. СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2007.
5. Глинка В.М. Воспоминания о блокаде. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К.Тублина», 2010.
6. Дмитриева Е.В. Санкт-Петербург. Век XX. СПб.: КОРОНА принт, 2004.
7. Островский В.П. 27 января 1944. М.: Мол. Гвардия, 1984.
8. Торопова З.Н. Записки блокадной девчонки // Петербург. Классика. 2005.

№ 4.

Организация продовольственного снабжения населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена вопросам организации продовольственного снабжения населения в годы войны. Авторы определяют способы решения продовольственного кризиса, основные трудности и контингент населения.

The article is devoted to the organization of food supply to the population during the war. The authors determine how to solve the food crisis, the main difficulties and the contingent of the population.

Ключевые слова: карточная система, отделы рабочего снабжения, население, Кировская область, Великая Отечественная война.

Keywords: card system of food, departments working supply, population, Kirov Region, Great Patriotic War.

Резкое сокращение числа гражданской продукции определило необходимость регулирования продовольственного снабжения. Осуществление карточной системы основывалось на принципах последовательности введения и дифференциации норм снабжения. С июля по октябрь 1941 г. был осуществлен переход к карточной системе снабжения, которая в годы войны практиковалась во многих странах. В сельской местности карточки не вводились, но было установлено снабжение хлебом населения, не связанного с сельскохозяйственным производством.

В начале карточки выдавались на самые необходимые продукты питания. С 1 сентября 1941 г. в городах Киров, Слободской, Котельнич, Омутнинск, а также рабочих поселках Кирс, Песковка, Черная Холуница, Вахруши, Первомайский вводилось снабжение населения хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями по карточкам [21, с. 84].

Уже на пятый день войны секретарь Кировского обкома партии В.В. Лукьянов и председатель Областного исполнительного комитета И.Л. Иволгин информировали ЦК ВКП(б) и СНК СССР о следующем: «В магазинах наблюдаются большие очереди... В качестве практического мероприятия по ликвидации очередей за хлебом ввести закрытую форму торговли хлебом, что, во-первых, сократит расход хлеба в городах и гарантирует снабжение им каждой семьи и сократит рабочим и служащим

---

* **Чернышева Наталья Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет.

** **Чернышев Константин Анатольевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет.

большое количество времени, бесполезно растрачиваемого сейчас ими на пребывание в очередях» [20, с. 18].

С первых месяцев во многих районах области были зафиксированы случаи хищения, подделки и несвоевременной выдачи карточек [5, л. 11]. Для регулирования продовольственных вопросов 5 сентября 1941 г. было организовано Кировское областное Бюро продовольственных карточек [6, л. 11]. На основании его решения с 31 октября 1941 г. карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия вводились во всех оставшихся городах и рабочих поселках области [6, л. 15].

Различия норм продовольственного снабжения населения по группам определялись в зависимости от характера выполняемой работы, возраста и других факторов. На этой основе были выделены 4 категории населения: рабочие и приравненные к ним; служащие и приравненные к ним; иждивенцы и приравненные к ним; дети (в возрасте до 12 лет). Нормы снабжения хлебом в зависимости от группы колебались от 400 до 1200 г в день [22, с. 99].

Осенью 1943 г., когда из-за засухи не уродились зерновые и одновременно требовалось выделить ресурсы для населения освобожденных районов, нормы на хлеб были несколько снижены, но затем в стране снова перешли к нормам, установленным в 1941 г. Нормы снабжения мясом, рыбой, жирами, сахаром, крупой и макаронами также дифференцировались. Например, промышленным рабочим обычно полагалось в месяц 1,8–2,0 кг мяса или рыбы, 400–600 г жиров, 600–800 г сахара и 600 г крупы и макарон. Иждивенцы получали в месяц всего 500 г мяса, 200 г жиров и 600 г крупы и макарон [1, с. 100].

Контингент населения, снабжаемого по карточкам, постоянно увеличивался. В сентябре 1941 г. карточки получали 243 749 чел., а в декабре 1941 г. уже 464 777 чел. [13, л. 157 об.]. Карточки выдавались хаотично, часто подделывались, не редкими были случаи их получения на умерших [8, л. 76]. Для улучшения контроля осенью 1942 г. население в зависимости от места работы было прикреплено к магазинам для получения нормирующихся продуктов [2, л. 208].

Однако даже этот минимум товаров могли получить не все. Многочисленные задержки продуктов возникали из-за нерегулярных поставок зерна и перебоев с подачей электричества на пекарни. Часто населению вместо хлеба выдавали муку. В г. Кирове регулярно работали всего 5 магазинов и 2 ларька [14, л. 464].

Зимой 1942 г. во всех городах и рабочих поселках были введены карточки на промышленные товары. В число нормированных товаров вошли все виды тканей, кожаная, валяная, резиновая обувь, швейные изделия, трикотаж, часы, мыло и некоторые другие предметы повседневного спроса.

Несмотря на принятие 22 января 1943 г. ГКО постановления «Об усилении борьбы с разбазариванием и расхищением продовольственных и

промышленных товаров» к концу войны в Кировской области работало 29 карточных бюро (22 районных и 7 городских). Результаты проверки подтверждают описываемую ситуацию. В 7 учреждениях был обнаружен неправильный учет людей, получавших карточки, в 5 выявлены крупные недостатки и хищения. Было принято решение о привлечении 11 служащих к административным взысканиям, 38 – к уголовному наказанию, 16 сотрудников были уволены [9, л. 9].

Некоторые категории населения подлежали снабжению продовольственными и промышленными товарами в особом порядке. В октябре 1942 г. вышло постановление СНК СССР «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий», предоставившее директорам промышленных предприятий право определять особый порядок снабжения отличившихся работников (первоочередность снабжения, выдача дополнительного питания и отпуск товаров сверх нормы) [3, л. 8].

В городах действовали торговые точки закрытого типа, обслуживающие научных работников, «старых большевиков» [16, л. 124]. Для беременных и кормящих женщин в июле 1942 г. были увеличены продовольственные нормы, снабжение осуществлялось через молочные кухни.

Эвакуированное население получало хлеб по общим правилам (в зависимости от принадлежности к продовольственной категории). Эвакуированным рабочим и служащим учреждений, предприятий выдавались карточки по соответствующим нормам, нигде не работающим – по нормам иждивенцев, трудящимся в колхозах – по месту работы. Однако в случае отсутствия хлеба в колхозах, минимальную продовольственную норму (400 г в день) эвакуированные могли получить через сельскую торговую сеть [4, л. 184].

В особом порядке товарами снабжались семьи военнослужащих, погибших, без вести пропавших и инвалиды Великой Отечественной войны. Первая группа получала карточки по месту работы мобилизованного на фронт. Часть особо нуждающихся семей обслуживалась через систему общественного питания [4, л. 266].

В соответствии с приказом Наркомата торговли от 9 августа 1943 г. «Об упорядочении снабжения инвалидов Отечественной войны» в крупных городах, где проживало более 400 инвалидов, создавались специальные магазины и столовые закрытого типа. В местностях с числом инвалидов менее четырехсот снабжение осуществлялось через торговые сети и учреждения общественного питания закрытого типа. В местах, где они отсутствовали, в магазинах открытого типа создавались специальные секции, а в столовых специальные залы для инвалидов войны. Трудящиеся инвалиды обслуживались также в особом порядке через отделы рабочего снабжения предприятий и учреждений [7, л. 304].

Система нормирования позволила наиболее целесообразно использовать ограниченные в годы войны продовольственные ресурсы, обеспечить население хлебом, а также организовать снабжение отдельных категорий граждан (беременные женщины и кормящие матери, дети, инвалиды, военнослужащие и т. д.) [25, с. 71].

Решение продовольственной проблемы также осуществлялось через сеть общественного питания. В г. Котельниче имелась только одна столовая общественного питания, которая обслуживала учащихся ФЗО, солдат воинских частей, эвакуированное население. В столовой ежедневно питались 8–10 тыс. чел. при вместимости 120–140 чел. За получением обеда люди стояли в очереди несколько часов. Из-за большого потока обслуживаемых обедали прямо в одежде, стоя. Та посуда, которая поступала в столовые, моментально растаскивалась. Приходилось есть руками. Грязь и антисанитарные условия наблюдались повсеместно [13, л. 134]. Невысоким являлось качество питания, поэтому частыми были случаи массовых отравлений после употребления приготовленной пищи.

19 февраля 1942 г. в целях развития новых источников производства продуктов питания, увеличения местных ресурсов снабжения было принято решение СНК СССР «Об образовании на предприятиях отделов рабочего снабжения» [1, с. 103]. Они распоряжались значительной частью товаров по государственному плану снабжения. За 1942 г. в г. Кирове было образовано 20 отделов рабочего снабжения. В задачу отделов рабочего снабжения входило также создание собственной продовольственной базы. В первой половине 1945 г. отделы составляли около 56% городских рыночных фондов промышленных товаров [17, с. 140].

Еще одним способом решения продовольственной проблемы стало развитие огородничества и системы подсобного хозяйства, выполняющих две главные задачи: получение продуктов питания для личного пользования населением и предоставление части из них в фонды общественного питания. На основании ряда постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) большинство учреждений в городах и рабочих поселках получили отведенные сроком на 5–7 лет земельные участки, а отдельная категория граждан (колхозники, семьи рабочих и эвакуированное население) получала право пользоваться приусадебными наделами в размере до 0,15 га.

Уже в 1942 г. Кировской области насчитывалось 1065 подсобных хозяйств. Осенью они отправили в столовые своих учреждений 8 330 тонн картофеля, 4 258 тонн других овощей, вырастили 2 552 голов крупного рогатого скота и 9 000 свиней [23, с. 92]. С каждым годом росло количество подсобных хозяйств и площади обрабатываемой ими земли. В 1943 г. подсобные хозяйства заводов и фабрик возделывали 33,6 тыс. га, а в 1944 г. уже 51 тыс. га земли. Индивидуальные огороды занимали овраги, нередко площади и скверы городов [18, с. 400].

Ситуация на селе с продовольствием была еще сложнее. Все заботы крестьян были связаны с тем, чтобы прокормить себя и свою семью. Работающие в колхозе получали в день примерно 200 г зерна и 100 г картофеля. Размеры приусадебных участков крестьян за войну незначительно выросли (с 0,24 до 0,28 га). Однако колхозникам, работающим сутками на полях, некогда было заниматься выращиванием собственного урожая. Уход за посаженными овощами и зерном был минимальным.

По подсчетам Г.Г. Загвоздкина, хлеба вятский крестьянин ел не более 300 г в день, или в 1,5–2 раза меньше, чем в довоенное время. Колбаса, сахар, кондитерские изделия вообще исчезли с прилавков [19, с. 153]. Отоваривание фондов в 1942 г. в Кировской области по ряду продуктов и промтоваров резко сократилось по сравнению с запланированным: рыба – 26,0%, масло – 55,0%, кондитерские изделия – 50,1%, соль – 46,9%, туалетное мыло – 6,2%, керосин – 18,6%, швейные изделия – 15,3%. [12, л. 22].

О сложном положении населения писал в своих дневниках Б.В. Талантов: «На станции Юрья голод. Люди едят падаль, колхозники разбежались... Женщины с детьми собирают. Вереницей проходят нищие и голодные с севера Кировской области, но им почти совсем не подают и даже не пускают ночевать...» [24].

Одним из источников дополнительного снабжения были колхозные рынки. На колхозных рынках можно было купить или обменять товар [11, л. 22 об.]. Как правило, колхозники меняли сельскохозяйственные продукты (зерно, яйца, молоко) на промышленные товары (обувь, одежду, мыло).

С 15 апреля 1944 г. в крупных городах была разрешена свободная продажа продовольственных и промышленных товаров по более высоким ценам (коммерческая торговля). Цены на товары за годы войны выросли в десятки раз и были недоступными для основной части населения. Например, ржаная мука подорожала в 20 раз и стоила в 1943 г. в среднем 1 400 руб. за пуд [24; 10, л. 2].

Таким образом, на протяжении всей войны продовольственная проблема в тылу оставалась одной из острых. Несмотря на попытки контроля продовольственного снабжения (главным образом путем нормирования) и определения доступных форм решения продовольственных проблем (создание ОРСов, распространение огородничества, введение подсобных хозяйств и открытие колхозных рынков), население тыла испытывало крайнюю нужду в продуктах и постоянно недоедало (истощение организма и голод).

Список литературы:

1. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Народ и война. Кн. 4. М., 1999.

2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-897. Оп. 8. Д. 10.
3. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 13.
8. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 3. Д. 6.
10. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2980.
11. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 318.
12. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 39.
13. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 15.
15. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 18.
16. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 20.
17. Дробижев В.З. Социальная политика советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М., 1985.
18. Загвоздкин Г.Г. В битве за Отечество: 1941–1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской. Откуда мы родом? История. Т. 4. Киров, 1995.
19. Загвоздкин Г.Г. Цена победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990.
20. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 гг. Вып. 1. М., 1994.
21. Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. П.А. Березин, А.С. Быстрова, П.И. Корепанов. Киров, 1961.
22. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968.
23. Перчиков Ю. А. Советы Волго-Вятского региона РСФСР. 1941–1945 гг. Самара, 1992.
24. Талантов Б. В. Записная книжка-календарь на 1943–1945 годы (рукопись). 11 мая 1943 г. / Личный архив Е. С. Останина (копия).
25. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне. М., 1964.

Е.Л. Головина*, *О.А. Гоманенко***

Отделы рабочего снабжения на Средней и Нижней Волге в годы Великой Отечественной войны

Продовольственное обеспечение населения являлось одной из важных задач советского руководства в годы Великой Отечественной войны. В целях организации централизованного снабжения населения использовались отделы рабочего снабжения (ОРС). Работники речного транспорта являлись категорией населения, снабжавшихся

---

* **Головина Евгения Леонидовна**, главный специалист, магистр, Центр документации новейшей истории Волгоградской области

** **Гоманенко Олеся Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный университет

через ОРСы. Деятельность данных предприятий была сопряжена со множеством трудностей.

Food supply of the population was one of the important tasks of Soviet leadership in the Great Patriotic War. Departments of working supply (DWS) were organized for the centralized supply of the population. River transport workers were a category of population supplied through DWS. Their activities had a lot of difficulties.

Ключевые слова: Средневожское речное пароходство, Нижневожское речное пароходство, отделы рабочего снабжения, продовольственное снабжение, Волга, Великая Отечественная война.

Keywords: Middle Volga steamship line, Lower Volga steamship line, departments of working supply, food supply, Volga, Great Patriotic War.

Великая Отечественная война потребовала серьезной реорганизации продовольственного снабжения действующей армии и флота, мирного населения. Изменения в службе продовольственного снабжения в годы войны производились постоянно. Так, только по продовольственному и фуражному снабжению войск в военные годы было издано около 100 приказов Народного комиссариата обороны. Более половины приказов пришлось на 1942 г., когда и сложилась системы обеспечения фронта и тыла продовольствием. Карточная система была введена в 113 городах. Там, где карточки не вводились, осуществлялось гарантированное снабжение продуктами работников оборонных предприятий и транспорта. Другие группы населения снабжались из централизованных фондов, исходя из расчетных норм (не превышавших норм карточных) на соответствующую категорию населения, определявшихся в зависимости от состояния ресурсов. Для работников железнодорожного, речного транспорта и связи выпускались специальные транспортные карточки, по которым продажа продукции производилась в любом населенном пункте страны [2, с. 406–407].

В целях обеспечения, в первую очередь, действующей армии, кардинально изменилась существовавшая система организации продовольственного снабжения населения страны. Свободная торговля заменялась нормированным снабжением городского населения товарами. На основные продукты питания и непродовольственные товары вводились специальные карточки. Впервые они были введены постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. в Москве, Ленинграде и пригородных зонах Московской и Ленинградской областей. В регионах карточная система на хлеб, сахар, кондитерские изделия вводилась с сентября 1941 г., с ноября 1941 г. – на другие продукты питания [5, л. 73].

Стоит отметить, что количество населения, находившегося на нормированном снабжении хлебом, с каждым годом росло. С

перебазированием промышленности и увеличением населения городов в восточных районах СССР в 1942 г. на государственном нормированном снабжении хлебом находились 61,7 млн чел., в 1945 г. – 80,6 млн чел. Сами нормы снабжения зависели от количества ресурсов, характера выполняемой работы, возраста людей. Различались четыре группы норм, учитывавших значение выполняемой работы для обороны страны: первая группа – рабочие и приравненные к ним лица (в том числе работники транспорта), вторая – служащие и приравненные к ним; третья – иждивенцы и приравненные к ним; четвертая – дети до 12 лет [4, л. 102].

Значительную роль в обеспечении продовольствием работников Нижневолжского и Средневолжского речных пароходств сыграли отделы рабочего снабжения (ОРС) – предприятия государственной розничной торговли, функционировавшие на правах производственного предприятия. Впервые подобные предприятия были организованы в 1932 г. (по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 г. «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы»). Специфика ОРСов, заключавшаяся в торгово-бытовом обслуживании рабочих и служащих предприятий с учетом организации их производства (отдаленность, разбросанность производственных участков) в местах отсутствия развитой торговой сети министерства торговли СССР. ОРСы организовывались непосредственно в составе соответствующего производственного предприятия как отдел, возглавляемый заместителем руководителя предприятия по рабочему снабжению [1, с. 606–607]. Подобные особенности отделов рабочего снабжения позволяли решать с их помощью вопросы обеспечения необходимыми продуктами речников.

Постановлением СНК СССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР с 7 апреля 1942 г. началась организация ОРСов на речном транспорте [3, с. 113]. Через них осуществлялось централизованное продовольственное обеспечение рабочих. Все продукты, согласно условиям военного времени, отпускались по карточкам, по строго фиксированным ценам и нормам. Отделы рабочего снабжения обеспечивали работников продовольствием через сеть магазинов, ларьков и столовых. Для этих целей перестраивалась работа Торгречтранса, которая шла весьма медленно (и юридическое оформление передачи материальных ценностей, и комплектация кадров, и передача совхозов) [7, л. 1].

Реализация постановления по организации ОРСов началась со второй половины апреля 1942 г. Так, на базе Средневолжской конторы Торгречтранса было организовано несколько отделов рабочего снабжения. ОРС завода им. Куйбышева обслуживал сам завод и пристань Тетюни. Отдел рабочего снабжения пристани Ульяновск обеспечивал данную пристань, а также пристани Майна и Ундоры, отпускал хлеб для команд плотокараванов. ОРС Кришинских мастерских обслуживал мастерские, предприятия и учреждения Наркомата речного флота (НКРФ), расквартированные в Белом

Яру и Сенгилее). ОРС пристани Куйбышев обеспечивал эту пристань, Судоремонтный завод, все организации речного флота и технический участок в полном объеме, а также пристани Сызрань, Батраки и мелкие пристани от Новодевичья до Приволжья (включая весь плавсостав проходящих судов). Также база данного ОРСа отпускала продукты для пассажиров на все пароходы. ОРС Алексеевских мастерских обслуживал только данные мастерские. Отдел рабочего снабжения пристани Вольск обслуживал помимо пристани Вольск, Балаково, Широкий буерак, детский санаторий и техникум в Балаково). ОРС пристани Саратов обеспечивал свою пристань, мелкие пристани от Воскресенска до Нижней Добринки. Также через эту базу отпускались продукты для пассажиров пароходов и транзитного флота (на трех пароходах были столовые). Кроме того, отдел народных ресторанов и буфетов имел столовые на 15 транзитных и двух местных пароходах, буфеты на трех местных пароходах [7, л. 36–36 об.].

Для выполнения своих функций ОРСы занимались огородничеством, разведением свиней, крупного рогатого скота, овцеводством, рыбной ловлей. На строительство свинарников, коровников для хозяйств отделов рабочего снабжения выдавались специальные кредиты. Но на практике все ОРСы испытывали большие сложности в своей производственной деятельности. Начиная от недостатка земельных участков под огороды, нехватки семенного фонда овощей и хлеба и поголовья скота, до отсутствия рабочей силы, необходимой для возведения хозяйственных построек. Испытывали недостаток кормов для имевшихся животных. К примеру, в виду отсутствия кормовых фондов, свиней предлагалось кормить столовскими отходами, которых также не хватало. Подножный корм не мог компенсировать необходимое питание скота [7, л. 38–39]. Не у всех баз ОРСа Средневолжского речного пароходства даже в 1943 г. имелось собственное подсобное хозяйство. Так, поиском земельных угодий занимались и в 1944 г. [6, 12 об.].

Это были не единственные сложности в деятельности ОРС. На местах не всегда велся строгий контроль и учет распределения товаров. Случались хищения и перераспределение продовольственных ресурсов. Так, в мае 1942 г. ОРС пристани Куйбышева СВРП столкнулся с фактом хищения продуктов работниками магазина №4, в котором, помимо самих работников, был замечен и начальник магазина Голицын. Продукты выносились работниками в кошелках, корзинках, молоко в бидонах. В то же время работникам пристани говорилось, что продуктов в магазине для реализации нет [7, л. 34 об.]. ОРС Сталинградского порта НВРП в мае 1943 г. получил 750 кг сливочного масла, 950 кг колбасы, 200 кг сухого молока, около 1 т свежей рыбы. Однако в течение месяца в меню рабочих входили только соленая рыба и каша. Рабочие выражали недовольство питанием в столовых, в которых к тому же не хватало посуды и кухонного инвентаря. Не всегда отоваривались продовольственные карточки, случались перебои в

снабжении хлебом в течение нескольких дней [8, л. 141]. Все это влияло на дезертирство. Так, из бригады Сталинградского порта восемь человек ушло с работы из-за того, что трое суток не получали хлеб.

Предприятия ОРС также испытывали недостаток в кадрах. Отделы рабочего снабжения НВРП были укомплектованы на 85% (1 583 чел.) [3, с. 118]. Подобная ситуация была и в ОРСах СВРП. Кроме того, отмечалось, что в системе ОРС находились на работе в торговой сети и других звеньях люди, имевшие судимость за хищения, растраты, халатность, прогулы и другие виды преступлений [7, л. 34].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны через ОРСы осуществлялось централизованное продовольственное обеспечение речников Волги. Отделы рабочего снабжения, функционировавшие как вспомогательная система в деле снабжения населения, испытывали большие сложности при выполнении своих задач. Продукты питания отпускались по карточкам через сеть магазинов и столовых. Однако из-за недостаточного контроля случались хищения и, соответственно, перебои в снабжении продовольствием. Для пресечений подобных нарушений действовали специальные комиссии, проводившие периодические проверки отделов рабочего снабжения. Кроме того предприятия ОРС испытывали недостаток в кадрах. Однако, отделы рабочего снабжения являлись важным звеном в обеспечении речников необходимыми продуктами питания.

Список литературы:

1. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). 3-е изд. Т. 18. Никко – Отолиты. Москва: Советская энциклопедия, 1974. 632 с.
2. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В. 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. Москва: Кучково поле, 2015. 864 с.
3. Гоманенко О. Нижневолжское речное пароходство в Великой Отечественной войне. 1940-1945 гг. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 256 с.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7971. Оп. 1. Д. 892.
5. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 893.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 907. Оп. 1. Д. 91.
7. СОГАСПИ. Ф. 1659. Оп. 7. Д. 823.
8. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 2. Д. 125.

Повседневная жизнь населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Дагестана)

В статье рассмотрены вопросы обыденности населения Дагестана в условиях Великой Отечественной войны, нормированного снабжения их продовольственными и промышленными товарами. Нашли освещение дифференцированный принцип снабжения различных категорий населения. Выделены дети как самые незащищённые в условиях военного времени и особенно дети-сироты. Приводится материал об общественном питании как основной формы обеспечения рабочих и служащих продовольствием, о преобладании в торговой сети предприятий закрытого типа – ОРСов.

The article considers the questions of everyday life of the people in Dagestan in the period of the Great Patriotic War, fixed supplies of food and industrial goods. It also enlightens the individual principle of supplying the different categories of the people. The special attention was paid to children as the most unprotected ones in the war period, especially to orphans. The article gives the information about public catering as the basic form of providing the workers and office workers with food-stuffs, and also about the prevailing number in the trade of enterprises of closed type like WPOS.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Дагестан; карточная система снабжения; продовольствие; промышленные товары; торговля.

Key words: The Great Patriotic War, Dagestan, the card system of provision, food-stuffs, industrial goods, trade.

В современный период одно из перспективных и важных направлений в исторической науке является исследование истории повседневности. Данное направление в новейшей российской историографии является приоритетным, поскольку позволяет расширить исследовательское поле и рассматривать исторический процесс в более полном представлении. Как считает исследователь Н. Пушкарёва, предметом «истории повседневности» является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [5, с. 3].

Изучение событий Великой Отечественной войны в рамках направления «истории повседневности» даёт исследователю возможность представить события тех лет на микроисторическом уровне, представить жизнь простых людей в их каждодневном труде и вне его, выявить их

---

* Эфендиева Джамиля Абдулкеримовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный университет

интересы, проблемы, а, следовательно, их обыденность в условиях военного времени.

Победа Советского Союза над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны явилась событием огромного исторического значения. Она была завоёвана советским народом не только ценой пролитой крови, но и в результате большого материального и морального напряжения. Оккупация гитлеровцами огромных экономически развитых районов СССР привела к сокращению источников сырья для пищевой, легкой и перерабатывающей промышленности. Масштабы критического состояния экономики страны в годы Великой Отечественной войны представлены в книге первого заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», в которой отмечено, что на оккупированной фашистами к ноябрю 1941 г. территории СССР производилось 38% всей довоенной валовой продукции зерна, 84% всего довоенного производства сахара, находилось 38% всей численности крупного рогатого скота и 60% всего поголовья свиней [1, с. 504–505].

Сокращение сельскохозяйственного сырья вело к продовольственным проблемам, сложностям с удовлетворением естественных потребностей населения страны, которая усугублялась и притоком эвакуированного населения из фронтовых и прифронтовых областей в тыловые. Поскольку производство и заготовка сельскохозяйственных продуктов были рассчитаны в основном на местное население, возникла необходимость введения государственного нормированного снабжения населения продовольствием и основными предметами широкого потребления.

Карточная система была сначала введена в Москве, Ленинграде и их пригородах постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. [3, с. 111]. В Дагестане нормированное снабжение вводилось постановлением СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 22 августа 1941 г. в городах Махачкала, Дербенте, Буйнакске, рабочих поселках городского типа – Махачкала-1, Двигательстрой, Избербаш, Дагестанские Огни – с 1 сентября 1941 г., Хасавюрте – с 1 ноября 1941 г. [16, с. 21].

Выработка дифференцированного принципа снабжения преследовала ряд целей. Это – удовлетворение потребительских запросов различных категорий населения, поощрение, стимулирование, поддержание необходимой дисциплины на производстве, социальная защита особо нуждающихся категорий населения. Распределение товаров по группам населения придавало нормированной системе определённую гибкость. В результате принцип дифференцированного снабжения получил широкое распространение и выступал как характерная черта карточной системы 1941–1945 гг.

Анализируя дифференцированное распределение товаров, можно особо выделить снабжение хлебом, которое имело свои особенности. Это

охват почти всех категорий населения и необходимость ежедневного снабжения этим продуктом. С учётом трудностей природно-климатического характера в сельском хозяйстве и суровых условий военного времени число снабжавшихся пайковым хлебом в городах Дагестана за период с 1942 г. по 1945 г. сокращалось. В 1942 г. количество работающих, иждивенцев, детей, больных людей, беременных женщин и других, получающих по карточкам хлеб, составляло 2 661 641 чел., в 1945 г. – 1 949 628 чел. [16, с. 161].

Принятые правительством меры, в том числе вытекавшие из постановлений СНК ДАССР и обкома ВКП(б) от 16 октября 1942 г. «О строжайшей экономии хлебных фондов в республике», от 27 ноября 1943 г. «О мероприятиях по экономному расходованию хлебопродуктов», постановления СНК ДАССР от 19 ноября 1943 г. «Об экономии в расходовании хлеба», в определённой степени помогли преодолеть трудности обеспечения населения горного края хлебом.

Среди категорий населения, нуждающихся в дифференцированном снабжении, особое место занимали дети как самые незащищенные в условиях военного времени. В детских садах и яслях круглосуточного содержания детей кормили по карточкам, сдаваемым родителями. В школах Дагестана хлеб, хлебобулочные изделия, сахар и кондитерские изделия отпускались без карточек в пределах средней нормы – на одного школьника в объеме 50 г хлеба и 10 г сахара [12, л. 251 об.].

В годы войны немало детей осталось сиротами. Правительство ставило проблему снабжения детских домов в разряд важных. В соответствии в постановлением СНК ДАССР от 23 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов» наркомторг ДАССР по просьбе Дагестанского наркомпроса выделил и отоварил колхозным детским домам следующие продукты питания из расчета на одного ребенка в месяц: сахар и кондитерские изделия – 500 г, чай – 25 г, соль – 200 г, кофе – 60 г, какао – 60 г, мыло хозяйственное – 400 г, керосин на каждые 15 коек – 4 литра, спички – 5 коробков [10, л. 68].

Народным комиссариатом торговли ДАССР специально определялись нормы снабжения продуктами питания детей домов ребенка до одного года и прочих, а также нормы снабжения продуктами питания молочных кухонь на одного ребенка в день. Также разрешалось довести норму питания в месяц детям фронтовиков в столовых до норм рабочих промышленности и связи: мясо-рыба – 1800 г, крупа – 1200 г, жиры – 400 г, сахар – 400 г, мука для подболтки – 150 г. Начиная с первого квартала 1945 г. устанавливались новые нормы снабжения детей в яслях, домах ребенка, молочных кухнях, детских садах и женщин в родильных домах. Хлеб в сутки, например, определялся в 500 г в родильном доме, 300 г в детских садах и 250 г в яслях, мясопродукты соответственно – 2 500 г, 1 200 г, 750 г и т.д. При этом запрещалось при снабжении детских учреждений использовать заменители сахара, животных жиров [16, с. 29–30].

Особенности военной обстановки в стране обусловили выделение в качестве основной формы обеспечения рабочих и служащих продовольствием общественное питание, которое в условиях военного времени являлось для них основной формой питания. Общий объём товарооборота общественного питания государственной и кооперативной торговли Дагестана за период с 1940 г. по 1945 г. оставался на одном уровне, составляя 7,6 млн руб. [4, с. 161].

Особенно широко общественное питание развивалось в системе ОРСов на промышленных предприятиях. За годы войны возросло не только их количество, но и розничный товарооборот, который в 1945 г. составил 49 600 тыс. руб. против 28 062 тыс. руб. в 1942 г. [9, л. 28; 14, л. 1]. Однако качество обслуживания было низким. Из-за недоброкачества пищи имели место желудочно-кишечные заболевания в сельскохозяйственном и медицинском институтах, а также многочисленные факты выбраковки и уничтожения продуктов. Только в Махачкале с 1 мая по 20 июня 1944 г. было уничтожено 1 664 кг рыбы. [11, л. 345].

Преобладающим типом предприятия общественного питания и нормированного снабжения в годы войны была столовая. В Дагестане в 1944 г. насчитывалось 179 столовых, лучшими из которых являлись столовые Кумухского, Унцукульского, Акушинского районных потребительских обществ. [14, л. 22; 8, л. 184]. Очень лестные отзывы люди высказывали в 1942 г. в адрес работы столовой № 1 поселка городского типа Избербаша. Вкусные и сытные обеды в этой столовой являлись результатом добросовестной работы директора избербашского торга Подколзина и директора предприятий общественного питания Избербаша Беляева. Благодаря четкой организации работы предприятий общественного питания Избербаша активно изыскивались различные продукты в колхозах и подсобных хозяйствах торгов общественного питания. Например, за две недели 1942 г. избербашские предприятия общественного питания получили от охотников, с которыми были заключены договоры 180 кг дудаков, 420 кг уток, 223 кг свинины [2].

Снабжение населения непродовольственными товарами осуществлялось также нормировано. На промышленные товары карточки были введены в 1942 г. В Дагестане карточки на промышленные товары в городах, рабочих поселках и в сельской местности вводились приказом наркомата торговли ДАССР от 10 апреля 1942 г. По системе потребительской кооперации торговля промышленными товарами осуществлялась по коммерческим ценам [13, л. 80]. В отличие от порядка снабжения продуктами питания, обеспечение непродовольственными товарами не гарантировалось выдачей карточек на строго фиксированное количество тех или иных товаров. Обеспечение населения Дагестана промышленными товарами до 1944 г. протекало хуже, чем продовольственными. Такое положение было связано со

слабой работой поставщиков, низким уровнем производства первой необходимости, трудностями с транспортом.

За годы войны заметно сократилось количество реализуемых товаров первой необходимости (хлопчатобумажная ткань, дорогие сорта и виды швейных изделий и трикотажа, мыло, табачные изделия, керосин и другие) за счёт увеличения удельного веса галантереи, парфюмерии, прочих товаров [15, л. 10]. Ассортимент завезенных в республику промышленных товаров мало удовлетворял потребности покупателей. В магазине не находили спроса дорогие игрушки, дорогие швейные изделия плохого качества, некоторые виды трикотажа, галантереи и прочие товары. Из хлопчатобумажных тканей с 1942 по 1945 гг. доставлялась в основном суровая бязь. Из шерстяных тканей завозились дешевые сукна, трико, шевиот и т.д. Совершенно в эти годы не завозилась фарфоровая и фаянсовая посуды, рабочие инструменты, ходовые сорта галантереи и др. [15, л. 2 об.].

Но снабжение населения промышленными товарами имело и недостатки. Сказывалось крайне слабое поступление промышленных товаров в результате неудовлетворительной работы поставщиков по отовариванию выделенных фондов. Например, сложно шло обеспечение людей керосином, особенно на селе [7, л. 163]. Нередко в районах совершенно отсутствовали предметы первой необходимости, такие, как зубной порошок, зубные щетки, мыло [6, л. 75]. Плохо обстояло снабжение жителей сел культтоварами, особенно в Ахтынском, Докузпаринском районах, в ряде районов Нагорного Дагестана [6, л. 90].

В целом, жизнеспособность тыла в годы Великой Отечественной войны явилась материальной и моральной основой силы духа и боевитости армии. К числу мероприятий, обеспечивших создание прочного тыла, относилась и организация строго налаженной нормированной системы снабжения населения страны. Карточная система снабжения имела как положительные, так и отрицательные стороны, но бесспорно было то, что такая система была необходима в сложных военных условиях. Поэтому снабжение населения по карточкам представляло собой одну из реальных возможностей правильного распределения имеющихся продовольственных и промышленных товаров. Сложность и важность данных задач ставили их на государственный уровень. Однако введение в годы войны карточной системы распределения продовольственных и промышленных товаров естественно сдерживало развитие торговли. Об этом свидетельствуют данные о снижении товарооборота в Дагестане в 1941–1944 гг. В 1941 г. выполнение плана по розничному товарообороту равнялось 443 935 тыс. руб., в 1944 г. – 275 537 тыс. руб. Такое снижение товарооборота было следствием недополучения товаров по централизованным фондам, от местной промышленности, слабая работа организаций государственной торговли и другие. Такое положение обусловило изыскание дополнительных ресурсов в подсобных хозяйствах, промысловой кооперации, огородничества и др.

Список литературы:

1. Вознесенский Н.А. Избранные произведения. 1931–1947. М., 1979.
2. Дагестанская правда. 1942. 5 марта.
3. История СССР с древнейших времен и до наших дней. М., 1973. Т.10.
4. Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. Махачкала, 1981.
5. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5.
6. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4891.
7. ЦГА РД. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4906.
8. ЦГА РД. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 5806.
9. ЦГА РД. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 6144.
10. ЦГА РД. Ф. р-32. Оп. 42. Д. 36.
11. ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 29. Д. 34.
12. ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 34. Д. 59.
13. ЦГА РД. Ф. р-491. Оп. 8. Д. 142.
14. ЦГА РД. Ф. р-491. Оп. 8. Д. 231.
15. ЦГА РД. Ф. р-491. Оп. 8. Д. 254.
16. Эфендиева Д.А. Организация торговли и снабжения населения Дагестана продовольственными и промышленными товарами в годы Великой Отечественной войны. Дис...канд. ист. наук. Махачкала, 1995.

А.А. Дукин*

Повседневность жителей Донбасса в период оккупации, на примере промышленного горда Енакиево, Сталинской области (1941–1943 гг.)

В данной статье рассматривается повседневная жизнь жителей промышленного города Енакиево, Сталинской области, в период оккупации. Приводится информация о том, как мирное население приспособилось к жизни в условиях террора, на примере архивных документов и воспоминаний очевидцев.

This article describes the everyday life of residents of the industrial city of Yenakiyev, the Stalin region, during the occupation. It describes how the civilian population adapted to life in conditions of terror. Memories of eyewitnesses are given.

Ключевые слова: Енакиево, Донбасс, оккупация, террор, воспоминания, Великая Отечественная война.

Keywords: Enakievo, Donbass, occupation, terror, memories, the Great Patriotic War.

---

* Дукин Алексей Александрович, студент 3 курса, специальности «история», Донецкий национальный университет. Научный руководитель: к.и.н., доцент Удалова Татьяна Михайловна

Город Енакиево является одним из крупнейших угольно-металлургических городов Донецкой области. До войны на территории города были построены заводы: металлургический, коксохимический, цементный и металлоконструкций, хлебозавод, молокозавод и мясокомбинат. Важнейшее значение в экономике города, имеет Енакиевский металлургический завод.

Параллельно с тяжелой промышленностью на данной территории была развита пищевая промышленность. Хлебозавод обеспечивал продукцией большое количество городов и посёлков в окрестностях Енакиево. В дальнейшем он не дал умереть голодной смертью многим жителям Донецкого региона, так как не останавливал производство даже во время немецко-фашистской оккупации.

Рассматриваемый населенный пункт имел важное стратегическое значение для Донецкого региона.

Актуальность данной темы заключается в том, что раскрытие новых фактов, касательно социальной сферы и повседневной жизни в период оккупации, на примере малых, но значимых промышленных городов, позволяет в очередной раз доказать, какая была политика немецко-фашистских оккупантов в период оккупации СССР. Данная тема частично затрагивалась в научных публикациях общего характера, такие как «История городов и сел Украинской ССР» [5] и «Донбасс в Великой Отечественной войне (1941–1945)» под ред. П.В. Доброва [3].

Хронологические рамки исследуемой проблематики охватывают период с 31 октября 1941 г. по 8 сентября 1943 г, что объясняется началом и окончанием оккупации г. Енакиево. Источниковой базой послужили документы, которые хранятся в Государственном архиве Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР).

По описанию жительницы г. Енакиево П.П. Ивановой политика оккупантов по отношению к мирному населению была следующей: «Захватчики сразу же после вхождения в город, потребовали у жителей хлеб, кур, молоко и другие продукты. На центральной усадьбе расположились отборные части СС, ими был занят аэродром. Немцы начали наводить свой «новый порядок», расклеивая по стенам домов объявления на русском и немецком языках, где говорилось, что почти за каждое нарушение полагался расстрел. Каратели заняли под жильё контору, магазин, школу, клуб, столовую, детсад. Оборудовали бойню и колбасные цеха. Причем скот на мясо и колбасу отбирали у горожан. Однако зимой немцы давали паёк: булка хлеба, немного сахара и еще кое-что на неделю» [3, с. 113].

Как и во многих городах Донбасса, в Енакиево началась политика эксплуатации гражданского населения. Все взрослые граждане привлекали к работам. Школы работали непродолжительное время суток, так как молодёжь занималась общественно-полезным трудом. Даже старики не

являлись исключением. Когда была заснеженная погода, людей гнали на очистку дороги вдоль железнодорожного полотна. Денег, разумеется, никто не платил. В больницах делали только перевязки или давали дешевые, малоэффективные лекарства. Летом жителям раздали участки земли и заставили её обрабатывать вручную. Урожай доставался мизерный – почти всё зерно надо было сдавать в комендатуру. Что же ело гражданское население? На первом месте стоял хлеб. Вареный буряк, как лакомство, давали только детям. Морковь терли, сушили и пили потом морковный чай. Картофель распределялся по штукам на каждого члена семьи. Две картофелины в день считалось излишеством. Готовили лепешки из кукурузной муки – маторжники. Картофельные очистки из немецких столовых гражданские разбирали по домам, мыли, варили или жарили [3, с. 150].

Для регулирования общественной жизни, претворения в жизнь приказов и предписаний оккупационных властей создавались органы местного самоуправления – городские и районные, сельские управы. Безусловно, осуществление контроля немецкими карателями за населением на оккупированной территории было бы невозможным без широкого привлечения представителей местного населения в органы местного самоуправления, на промышленные, торговые предприятия, в полицейские формирования. Для большинства из них сотрудничество с врагом стало проявлением личной стратегии выживания, приспособления к сложившимся условиям [3, с. 152].

К главным функциям полиции из числа местных жителей относилась «охрана спокойствия и порядка», а вот «умиротворением» оккупированной территории, борьбой с политическими противниками Третьего рейха, всеми «неблагонадежными элементами» занимались чисто немецкие структуры – прежде всего гестапо и зондеркомандо [2, л. 3].

Оккупационные военные власти повсеместно установили порядок по которому хождение по улицам города и близлежащих поселков разрешалось с полного рассвета до вечерних сумерков. Лица нарушающие этот порядок подвергались репрессиям [2, л. 4].

Всё гражданское население обязано было зарегистрироваться в городских управах. Регистрация производилась путем сдачи паспортов и наложения на последних гор.управой отметки. В случае отсутствия паспорта, производилась выдача справок служащих документом на право жительства, для чего необходимо было иметь справку жилуправления, которая выдавалась на основании сохранившихся домовых книжек. Там, где домовые книги не сохранялись, справки выдавались на основании подтверждения свидетелей о том, что данное лицо является местным жителем [2, л. 4].

В конце 1942 г. стали появляться газетно-журнальные киоски, в которых ежедневно продавались газеты, журналы, брошюры, а также

художественная литература. Распространение нацистской печатной продукции, включавшей в себя издание региональных и местных газет, листовок, обращений и плакатов, являлось одной из основных задач, стоящих перед структурами фашистских пропагандистских служб. Наибольшее влияние на население оккупированных территорий они оказывали на начальном этапе войны, когда успехи вермахта на фронте и отсутствие реального противодействия немецкой армии со стороны сил сопротивления, популистские обещания фашистской прессы дезориентировали значительную часть мирных жителей. В 1942 г, после срыва плана молниеносной войны, сотрудники оккупационной печати делали все, чтобы закрепить свои первоначальные успехи, изолировать усиливающееся сопротивление [1, л. 86].

Общий контроль за осуществлением пропагандистских функций на местах, «взвод пропаганды на Востоке», осуществлял через сеть домов просветителей, которые являлись центрами идеологической работы в районах. В его задачи входили контроль за работой школ и за штатными пропагандистами, организация киносеансов, пропаганда посредством громкоговорителей и радиопередач. В августе 1941 г. оккупантами было заявлено, что, кроме выполнения административных функций, старосты обязаны доводить до населения все распоряжения нацистской администрации, способствовать активному распространению среди односельчан идей «Великой Германии и национал-социалистического учения» [1, л. 87].

В течение 1942 г. оккупанты изменили свое отношение к православной церкви. От политики заигрывания они перешли к политике неприкрытого ограбления и осквернения храмов. В начале 1942 г. по городу распространилось распоряжение полиции и комендатуры, которое попирало чувство верующих, и говорило о следующем: «В церковь ходить разрешается только по пропускам, которые даются на несколько человек». Это наглядно показывает отношение немцев к православной вере и их отношение к уважению религиозных чувств [1, л. 88].

Также фашистские власти пытались посеять национальную рознь между населением оккупированных районов. Отношение немцев к мирным жителям г. Енакиево и других городов разделялось на несколько категорий, в зависимости от их национальной принадлежности.

Самыми большими правами пользовались немцы, которые носили белые нашивки с немецким гербом и надписью на немецком языке. Им разрешалось грабить местное население, носить оружие, как и солдатам. Украинскому населению была дана возможность занимать ответственные должности, свободного передвижения с города в село на постоянное жительство, чего остальным национальностям не разрешалось.

К еврейскому населению со стороны немцев проявлялось самое варварское отношение; оно подвергалось всякого рода издевательствам.

Евреи были на законодательном уровне лишены всяких прав и если кто-то их нанимал на работу, то евреи сначала были обязаны произвести её, а работодатель мог оплатить её по личному усмотрению, чем конечно же он и пользовался, не выплачивая никаких денег [1, л. 91].

Рабочие и их семьи с недовольством и ненавистью относились к немецким оккупантам. Эта ненависть с каждым днем росла, так как материальное положение населения становилось чрезвычайно тяжелым, в городе царил голод. Фашистские власти не могли обеспечить минимальных жизненных условий, наряду с чем ввели драконовский режим, по которому за малейшее несоблюдение приказов военного командования применялись строгие меры вплоть до расстрела.

От молчаливого повиновения фашистским оккупантам, население в отдельных местах перешло к выступлению против творимых ими грабежей и насилием. Так на хуторе Широкая колона, Енакиевского р-на два итальянских солдата пытались забрать корову у одной жительницы этого хутора, за что один из них поплатился своей жизнью, был убит её сыном. Когда итальянцы пришли грабить жительницу снова, им помешали соседи. Со стороны последних раздавались возгласы недовольства. Они называя итальянцев грабителями, разбойниками и другими словами [2, л. 5].

В начале сентября 1943 г. основные силы 87-й дивизии начали наступление через Снежное на г. Енакиево. Позднее городом овладели 40-я, 34-я и 320-я дивизии. Фашисты не хотели сдавать позиции, поэтому вели плотный артиллерийский огонь по наступающим частям Красной Армии, а так же по городу. Вследствие этого, был нанесен огромный ущерб заводу. Нацисты при отступлении подорвали оборудование, доменные печи, цеха. Ими были ликвидированы многие шахты.

3 сентября 1943 г. Енакиево был освобождён от немецко-фашистских захватчиков войсками 5-й ударной армии Южного фронта в ходе Донбасской операции [4, с. 432].

Изучение архивных документов позволило объективно оценить социальную обстановку в этот районе Сталинской области в период оккупации немецко-фашистскими войсками, и проанализировать, какова же была повседневная жизнь мирного населения и адаптация к сложившимся условиям. Проведенный анализ, позволяет сделать следующие выводы: г. Енакиево, как и другие города Сталинской (Донецкой) области и всего СССР, находился в тяжелом положении из-за террора, проводимого немецко-фашистскими оккупантами, в особенности по отношению к еврейскому населению. Не уделялось должного внимания вопросам продовольствия и восстановления производства металлургических и угольных предприятий. Проводилось массовое запугивание населения, параллельно с пропагандой о лучшей жизни в Великой Германии. Это говорит о том, что фашистская оккупация несла за собой голод, насилие, массовую гибели мирного населения, и в конечном итоге, геноцид.

Список литературы:

1. Государственный архив Донецкой народной республики (ГА ДНР). Ф. Р1838. Оп. 1. Д. 4.
2. ГА ДНР. Ф. Р4249 Оп. 2. Д. 177.
3. Добров П. В. Донбасс в Великой Отечественной войне (1941–1945): Известные и неизвестные факты и события. Д.: Промінь, 2014. 420 с.
4. Дударенко. Л. и др. Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1985. 598 с.
5. История городов и сел Украинской ССР: Киев. Ин.-т истории АН УССР-К.: Глав.ред. Украинской Сов. Энциклопедии, 1982.
6. Семёнов. В. Донбасс под кованым сапогом оккупантов [Электронный ресурс] 2010. Режим доступа: http://enakiyets.info/publ/donbass_ehto_my/istorija_donbassa/donbass_pod_kovanyum_sapogom_okkupantov/19-1-0-260

Н.Ю. Степанова*

Передачи удмуртского радио как источник по изучению повседневной жизни людей в годы Великой Отечественной войны (на примере Удмуртской АССР)

В статье на архивных материалах через анализ радиопередач раскрывается повседневная жизнь населения Удмуртской АССР на фронте и в тылу в период Великой Отечественной войны. Делается вывод об особой роли радио как главного информатора советского народа в военные годы. В числе центральных тем радиовещания Удмуртии в период Великой Отечественной войны были освещение боевых действий Красной Армии, героизм и мужество советских людей на фронте и в тылу, единство фронта и тыла.

In article on archival materials through the analysis of broadcasts everyday life of the population Udmurt the ASSR at the front and in the back in the period of the Great Patriotic War reveals. The conclusion about a special role of radio as main informant of the Soviet people in military years is drawn. Among the central themes of broadcasting of Udmurtia in the period of the Great Patriotic War there were a publicizing of fighting of the Red Army, heroism and courage of the Soviet people at the front and in the back, unity of the front and back.

Ключевые слова: радио, радиовещание, радиопередача, повседневная жизнь в условиях войны, Удмуртская АССР, Великая Отечественная война, средства массовой информации и пропаганды.

---

* **Степанова Наталья Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова.

Keywords: radio, broadcasting, broadcast, everyday life in the conditions of war, Udmurt ASSR, Great Patriotic War, mass media and promotion.

В годы Великой Отечественной войны возрастает роль средств массовой информации и пропаганды. В условиях нехватки бумаги особое место в системе средств массовой информации занимало радио, выполняя, прежде всего, информационную и пропагандистскую функции. В передачах удмуртского радио периода Великой Отечественной войны отражается повседневная жизнь советского народа как на фронте, так и в тылу.

Уже в первые месяцы войны принимались меры, обеспечивавшие бесперебойную работу радиовещания, хорошую слышимость передач на всей территории страны. Филиалы Центрального радио были созданы в Куйбышеве (сейчас Самара), Свердловске (сейчас Екатеринбург), Комсомольске-на-Амуре. И хотя вместо трех программ, передававшихся до войны, теперь транслировалась одна, информация звучала по всем радиостанциям на коротких волнах или по проводным сетям [3, с. 224].

Еще в ноябре 1932 г. в Ижевске была открыта радиовещательная станция «Им. 10 лет УАО», мощностью в 4 киловатт, радиусом действия 2 000 км для обслуживания населения и организаций области. В 1940 г. в республике действовало 36, а в 1945 г. – 38 радиоузлов, радиотрансляционных точек, соответственно 27 500 и 36 506, в том числе в сельской местности – 7 300 и 8 126 [4, с. 111].

В выпуске «Последних известий» от 1 августа 1941 г. прозвучало: «В великие дни Отечественной войны советский народ един, сплочен и монолитен как никогда. Миллионы трудящихся в тылу – на фабриках, заводах, в учреждениях, колхозах, МТС и совхозах куют победу над врагом. Советские люди и в тылу проявляют такую же стойкость и самоотверженность, какую проявляют бойцы нашей славной героической Красной армии на фронте. Везде и всюду трудящиеся ведут стойкую мужественную, созидательную работу, выполняя и перевыполняя производственные планы» [7, л. 1].

Программа передачи по станции РВ-78 на 08.06.1944 г. выглядела следующим образом:

1. 7.20 – 7.27 – Сообщение Совинформбюро на удмуртском языке.
2. 7.28 – 7.39 – Последние известия на удмуртском языке.
3. 7.40 – 7.59 – Материалы из «Советской Удмуртия».
4. 19.00 – 19.07 – Сообщение Совинформбюро на удмуртском языке.
5. 19.08 – 19.15 – Последние известия на русском языке.
6. 19.15 – 19.24 – Выступление Болонкина.
7. 19.25 – 19.45 – Литературная передача. Выступление поэтов Лужанина, Шахпарунова.
8. 19.45 – 19.59 – аудиовыпуск «Удмуртской правды» 21.
9. 19.59 – 20.15 – Ретрансляция Москвы.

10. 20.15 – 20.30 – Продолжение радиовыпуска «Удмуртской правды».

11. 20.30 – 20.59 – Концерт-самодеятельность РУ № 9 [31, л. 78].

Так, в условиях военного времени была изменена программа радиопередач. По утрам передавались сообщения Совинформбюро, материалы из газеты «Советской Удмуртия», «Последние известия» на удмуртском языке. Надо отметить, что сводки «Совинформбюро» на русском языке по местному радио не передавались [2, с. 41].

В вечернее время основными программами были «Последние известия» на русском языке, сообщения из-за границы, обзор республиканских газет, концерт хора Радиокomiteта, сельскохозяйственные, литературные и молодежные передачи, ретрансляции из Москвы [26, л. 166; 27, л. 88; 30, л. 17; 31, л. 27, 46, 66, 78; 32, л. 128]. В числе центральных тем советского радиовещания в период Великой Отечественной войны были освещение боевых действий Советской Армии, героизм и мужество советских людей на фронте и в тылу, единство фронта и тыла.

В выпусках «Последних известий» затрагивалась повседневная жизнь народа Удмуртской АССР: сообщалось о работе удмуртского народа в интересах фронта, об увеличении производительности труда, стремлении к досрочному выполнению государственных обязательств, о социалистическом соревновании за оказание помощи фронту, о своевременной уборке урожая [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. У микрофона выступали партийные работники, знатные люди промышленности и сельского хозяйства, участники Великой Отечественной войны.

В.И. Бахина вспоминала (с апреля 1941 г. – диктор удмуртского радио, в 1944–1952 гг. – диктор и редактор «Последних известий»): «Как работали люди в войну! Ежедневно в «Последних известиях» я читала, что рабочие не уходят из цехов, не перевыполнив нормы, ночуют там же. К станкам встали подростки, старики, немолодые женщины» [2, с. 42].

Особое место в радиопередачах и общественно-политической жизни республики занимали произведения поэтов и писателей Удмуртии, их выступления на радио. Их творчество отражало ежедневные подвиги советских солдат на фронте. Г.С. Сабитов (в 1940–1975 гг. – диктор, редактор литературно-драматических передач удмуртского радио) вспоминал: «Свои новые произведения читал писатель Н. Ляшко, живший тогда в Ижевске. Писатель А. Карцев знакомил радиослушателей с отрывками из новой книги «Народ на трассе» о строителях железной дороги Ижевск – Балезино» [2, с. 37]. Систематически звучали на радио стихи и фельетоны эвакуированного в 1941 г. в Ижевск Якова Година.

В годы войны радио выполняло канал повседневной связи, который связывал людей на расстоянии, передавал письма с фронта и на фронт. За время войны было подготовлено около 9 000 таких радиопередач. Над ними работал специальный отдел, получивший более двух миллионов писем (в

том числе 700 000 из действующей армии) [1]. В письмах на радио раскрылась душа советского народа, его надежды и вера в победу.

В письмах, приходящих на удмуртское радио, бойцы Красной Армии обращались к своим родным и друзьям, учителям, ко всем землякам, передавали им привет, сообщали о боевых успехах и полученных медалях, просили отдавать все силы на помощь фронту для ускорения разгрома немецких оккупантов [14, л. 26, 29; 15, л. 67–69, 81–83; 16, л. 83–86; 17, л. 101–104; 18, л. 2–4; 19, л. 116–117; 20, л. 6, 8; 21, л. 18–19; 22, л. 89–91, 99–101; 28, л. 68–69; 29, л. 28 об.–29 об., 80, 148, 150, 153 об.–154; 31, л. 7–12; 34, л. 61, 62, 83 об.]. Так, в «Последних известиях» от 17 июня 1942 г. было зачитано письмо от бойца Красной Армии Корепанова, бывшего колхозника Зуринского района, в котором он писал о своей службе артиллеристом, лечении в госпитале и надежде на скорейшее возвращение на фронт для разгрома врага [14, л. 26, 29]. Он говорил о важности усиленной работы в тылу, отмечая, что для того, чтобы отомстить за причиненные захватчиками бедствия и страдания «работайте, не жалея сил, отдай те все для фронта» [14, л. 29]. В ответных письмах на фронт трудящиеся Удмуртии писали о самоотверженном и напряженном труде в тылу, приближающем победу [22, л. 90–91; 28, л. 69–71].

Помимо писем от бойцов приходили с фронта сообщения и от командиров подразделений. Так, в выпуске «Последних известий» от 6 июня 1942 г. прозвучало письмо, адресованное работнику железнодорожной станции «Сюгинская» П.А. Смирнову. В нем командир подразделения товарищ Булыга, в котором служил Иван Смирнов, сын П.А. Смирнова, поздравлял родителей бойца с награждением их сына медалью «За отвагу». Он отмечал, что сержант И. Смирнов «в боях с гитлеровскими захватчиками показывает себя отважным, смелым бойцом, умелым командиром» [13, л. 89].

В эфире удмуртского радио была популярна рубрика «На фронтах Отечественной войны». Это был обзор военных действий за неделю. В нем передавались важные события, сообщалось об ежедневных подвигах советских бойцов [22, л. 62–64, 116–117; 23, л. 30–32, 66–67; 24, л. 54–55; 25, л. 40–41, 72–74; 26, л. 17–18, 83–85, 113–115, 133–135, 177–179; 27, л. 67–69; 30, л. 10–11, 88–89; 31, л. 21–22, 33–34; 32, л. 11–13, 106–108, 110–112; 33, л. 1–2.]. Например, сообщалось о подвиге красноармейца Романа Семеновича Смищука, который 4 июня 1944 г. в боях в районе севернее Яссы подбил 6 танков [31, л. 34].

В передачах удмуртского радио рассказывалось о воспитанниках дошкольных интернатов, родители которых находились на фронте. Так, в радиопередаче от 16 июня 1942 г. сообщалось о Мише и Севе Перцович, которые жили в Вавожском дошкольном интернате. Помимо их повседневных занятий было отмечено о полученном ребятами письме от своего папы, бойца Красной Армии [14, л. 8–10]. В своем письме он писал о

подвигах летчика Алексея Хлобыстова, завершая письмо наказом от имени героя: «Он шлет вам привет, ребята, и желает вам вырасти смелыми, бесстрашными людьми, которые ничего не боятся» [14, л. 10].

Годы войны – особый период в работе нашего радио. Это был период апофеоза радио, его «золотой век», надолго определивший основную функцию – сплачивать людей и помогать им выстоять в дни бед и потрясений. Впоследствии, добиваясь всеобщего внимания, радио выработало формулу, закрепленную «государственным» голосом Юрия Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза!..». Это обращение стало аналогом и продолжением формулы «Всем! Всем!», характерной для первых лет существования радио.

7 мая 1945 г. в СССР впервые отмечался День радио. Он был учрежден Постановлением СНК СССР от 2 мая 1945 г. в связи с 50-летием изобретения радио А.С. Поповым. Введение этого праздника совпало с окончанием Великой Отечественной войны, и это не случайно. Заслуги советского радиовещания в поддержании уверенности народа в победе и обеспечении населения всесторонней оперативной информацией огромны [3, с. 227].

Таким образом, радио являлось важным средством информации и пропаганды, рассказчиком о повседневной жизни советского народа на фронте и в тылу в годы войны. Оно способствовало объединению советского народа в борьбе с врагом, напряженному повседневному труду, уверенности в победе ипомогло выстоять в те тяжелые дни.

Список литературы:

- 1.Очерк по истории советского радиовещания и телевидения. URL: <http://www.tvmuseum.ru/> (дата обращения: 26.11.2017).
- 2.Радиовещание в Удмуртии. Страницы истории и современность. Ижевск: Удмуртия, 1997. 288 с.
- 3.Телерадиоэфир: история и современность / под ред. Я.И. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2005. 239 с.
- 4.Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 308 с.
- 5.Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 77.
6. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 78.
7. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 79.
8. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 80.
9. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 81.
10. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 82.
11. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 85.
12. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 86.
13. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 151.
14. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 152.

15. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 155.
16. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 156.
17. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 192.
18. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 198.
19. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 208.
20. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 216.
21. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 218.
22. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 228.
23. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 229.
24. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 230.
25. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 231.
26. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 232.
27. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 233.
28. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 249.
29. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 252.
30. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 264.
31. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 265.
32. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 273.
33. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 283.
34. ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 300.

А.В. Рыков*

Проблемы семей военнослужащих сельской местности Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: по материалам военной цензуры

Данная статья посвящена рассмотрению повседневных проблем семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Особенностью данной статьи является использование материалов военной цензуры. Автор приходит к выводам, что основными проблемами для семей военнослужащих Алтайского края являлись отсутствие продовольствие и взаимоотношения с местными органами власти.

This article is devoted to the consideration of everyday problems of military families during the Great Patriotic War. The feature of this article is the use of materials of military censorship. The author comes to the conclusion that the main problems for the military families of the Altai region were the lack of food and relationships with local authorities.

Ключевые слова: семьи военнослужащих, военная цензура, повседневные проблемы, Алтайский край

Key words: military families, military censorship, everyday problems, Altai region

---

* **Рыков Алексей Викторович**, аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет.

Одной из важных проблем изучения различных аспектов повседневности советского периода в целом и во время Великой Отечественной войны в частности является недостаток источников. Особенности государственного делопроизводства и ситуация в общественно-политической жизни общества в отдельные периоды истории России значительно повлияли на отложение исторических источников освещающих вопросы повседневности в архивах.

Одним из немногочисленных источников, которые позволяют исследователям рассмотреть отдельные аспекты повседневности, являются данные органов НКВД и НКГБ. Они только относительно недавно стали открытыми для исследователей, и их изучение представляет значительный интерес.

В числе данных материалов следует особо выделить те, которые предоставлялись органами военной цензуры. Изучение данных материалов позволяет выявить основные социально-экономические проблемы тыла, с которыми сталкивалось семьи военнослужащих и которыми они делились со своими родными и близкими на фронте. Если статистика дает возможность рассматривать местные проблемы глазами органов местного управления, то данные цензуры позволяют (хоть и не полностью непосредственно из-за наличия переработки данных материалами органами безопасности) взглянуть на повседневные проблемы глазами человека, непосредственно проживавшего в то время. Также эти материалы позволяют сделать определенное ранжирование проблем населения, а также провести выявление особенностей социальных проблем у различных групп населения.

В целом нужды сельского населения в целом и семей военнослужащих в частности в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии разного уровня изучены достаточно подробно. Среди работ общероссийского уровня следует выделить труды В.Т. Анискова [1], Ю.В. Арутюняна [2], М.С. Зинич [5] и др. Что касается сибирских историков, то данной проблемы в своих исследованиях касались А.В. Шалак [7], В.А. Исупов [6]. Все эти работы преимущественно построены на использовании статистических источников. Отдельно следует выделить работы Т.К. Щегловой [8–9], которая рассматривает данную тему на основе устных источников в контексте культуры жизнеобеспечения.

Источниками для данной статьи стали материалы спецсообщений управления НКВД по Алтайскому краю 1942–1943 гг., которые содержат ежемесячные отчеты органов военной цензуры края. Часть использованных в статье автором источников была опубликована в 5 томе сборника «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае», подготовленного управлением архивного дела администрации Алтайского края в 2002 г. [4]. Другая часть источников статьи – неопубликованные архивные материалы.

Отчеты военной цензуры, представленные в спецсообщениях Управления НКВД по Алтайскому краю, содержат в себе как статистические

данные о тематике «отрицательных настроений» в письмах, так и примеры самих этих «настроений», которые брались из писем на фронт.

В целом, в данных отчетах отмечалось, что процент писем с отрицательными настроениями составлял всего 5–7% от общего числа писем. Так, за сентябрь 1942 г. из 1 248 778 писем, обработанных пунктами военной цензуры Алтайского края, имелось 69 104 письма с отрицательным содержанием, что составило 5,6% от общего числа писем [3, л. 308–309]. Эти цифры можно трактовать двояко. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в целом негативные настроения в обществе было мало распространены. Но на взгляд автора, необходимо учитывать то, что авторы писем могли устанавливать для себя самоцензуру. Дело в том, что общество уже учитывало опыт предыдущих репрессий и старалось минимально сокращать способы выражения негативных настроений, которые впоследствии могли быть использованы против них. К этому их подталкивало наличие на каждом письме штампа «Просмотрено военной цензурой», что свидетельствовало о том, что их письмо было проверено соответствующими уполномоченными органами.

Иногда люди в своих письмах, прекрасно зная, что они будут прочитаны, даже напрямую обращались к военной цензуре с просьбой пропустить их. В частности, в письме Ливановой из с. Солонька Волчихинского района – Николаю Константиновичу Ливанову содержится следующее: «... Обратись к комиссару части надо-же в конце концов уничтожить эту бюрократическую власть. Живут люди голодные, на одной картошке. Военная цензура должна пропустить это письмо, иначе жизнь нетерпимая...» [3, л. 532 об. –533].

Из тех писем, которые содержали «отрицательные настроения» можно выделить основные типы, которые позволяют провести ранжирование социально-экономических проблем в повседневной жизни семей военнослужащих в годы войны.

Самыми частыми, по данным военной цензуры, являлись жалобы населения на продовольственные трудности. Фактический объем данных жалоб в письмах, имевших отрицательные настроения, достигал 30–50% от общего числа. Так, согласно данным отчета военной цензуры среди обработанных с 16 по 30 ноября 1942 г. писем из 16 308 «документов с отрицательными содержаниями» жалобы на продовольственные трудности имелись в 8 290 письмах, что составляло 50,8% [3, л. 530].

Вот лишь некоторые примеры отрывков из писем, характеризующие продовольственные трудности различных слоев населения. В письме из колхоза им. Жданова, Угловского с/с, Пospelихинского района Н.Д. Рябцева пишет Павлу Федоровичу Рябцеву: «... Сижу со своими малыми детьми голодом, хлеба нет с тех пор, как тебя проводили, едим одну картошку, не знаем как будем жить без хлеба, наверно придется погибнуть с голоду, дети встают утром и просят хлеба...» [3, л. 530 об.]. М.Ф. Сливаина из

Новичихинского района своему мужу сообщала: «...Ваня, ты бы хотя постарайся для своего сыночка Коли, чтобы его не морить голодом: без хлеба и без молока, только на одной картошке, хлеба в колхозе не дают и взять больше нигде. Я не хожу сейчас на работу потому, что яслей нет и хлеба не дают. Я ходила на работу потому, что не с кем его оставить дома, ни хлеба, ни молока. Новичихина подала в суд потому, что я не хожу на работу, ну хлеба у нее не спрашивай, а на работу иди. Вот так делается у нас...» [3, л. 310].

Через рассмотрение данных отрывков писем можно проследить и возможные способы решения продовольственной проблемы в годы войны. Среди них наиболее популярными являлись, использование в пищу падали и попрошайничество. В письме из с. Аба, Чарышского района, Иларион Ев. Фортов сообщал Фортову Федору: «В колхозах свирепствует голод, колхозники питаются пропастинной, так что наша яма скотомогильника глубиной в 10 метров была наполнена падалью, но ее вычистили и съели. Даже из Сентелека приезжали на 12 подводах за падалью» [4, с. 307]. Из письма Х.Ф. Спиглазовой из Тигирекского сельсовета Чарышского района – Григорию Николаевичу Спиглазову: «Хлеба в колхозе нет, не давали ни грамма. Колхозники едят пропастину, скот здесь сильно падает» [4, с. 305]. Из Ельцовского района, с. Поповичи, к-з «Ударник» Елена Антоновна Багаева писала Якову Антоновичу Падро: «... Двенадцатый день сидим голодом, ходили собирали [просили подаяние], очень жаль ребят. Я прошу тебя и всех твоих товарищей, помогите нам, спасите детей, не дайте нам погибнуть с голоду» [4, с. 304].

Нередко в письмах описывалась крайне тяжелая ситуация с продовольствием. В отдельных письмах имелись намеки на возможный суицид из-за нехватки питания. Ник. Павлович Исупов из с. Полковниково Косихинского района писал Александре Никифоровне Исуповой: «... Хлеба нет, картошки нет, с голоду помирать будем, очень трудно нам, лучше бы помереть обоим, чем так мучится» [4, с. 304].

Отдельно следует выделить отрывки из писем эвакуированных, касающиеся продовольственных затруднений. Часто в своих письмах они сравнивали текущую ситуацию с положением в регионах, откуда они были эвакуированы. При этом сравнение делается не в пользу проживания в тылу. Из письма Е.Кальменс из с. Алтайское Алтайского района – И.А. Кальмену: «... Сегодня послали телеграммы на Калинина в Москву, отказали в хлебе, ничего не дают, мне дали на 3 чел. 300 гр., что я должна делать. Похлопочите ради всех детей, все эвакуированные в таком положении, хуже чем в Ленинграде. Зачем послали сюда, председатель исполкома и разговаривать не хочет. Куда жаловаться...» [3, л. 532 об.]. Проживающая в с. Поспелиха, Левина писала своему мужу, служащему в войсках НКВД: «...Лучше погибать от немца, чем здесь погибнуть голодной и холодной смертью. Там будем знать, что гибнешь от врага, а здесь у своих помощи

никакой не отказывают. Мы в тысячу раз лучше себя чувствовали находясь под бомбежкой, чем здесь в тылу. Здесь живут только местная власть, а остальные просто существуют...» [3, л. 311].

Следующей одной из крупнейших категорий проблем освещенных в письмах семей военнослужащих из тыла на фронт являлось отношение со стороны представителей органов местной власти. Чаще всего в письмах отражалось недовольство в связи с отсутствием или созданием проблем с нормированным снабжением для семей военнослужащих. В письме из с. Иня Старо – Об. с/совета, Павловского района, Ольга Федоровна Кузьмина, сообщала Михаилу Павловичу Кузьмину: «... Хлеба нам красноармейкам с детьми отказали. Я Миша работала, но теперь у меня сил не хватает, потому, что я на одной картошке. Праздник 7 ноября с картошками и со слезами встречали. Пропиши все – же, в праве или нет – отказали паек. Председатель сказал, что красноармейкам хлеба нет ...» [3, л. 533 об.]. Из колхоза «Жизнь» села Н. Озерное, Усть – Пристанского района, В.Т. Жуков писал комиссару части: «... Я пришел раненный в левую руку, признан негодным 1 категории. Мне отказывают от хлеба, называют лодырем, пред. колхоза говорит: надо работать и есть. Пред. к – за бойцов Красной Армии называет симулянтами, а сам откупился колхозным добром, задарил весь район нашим трудом. У меня имеется два иждивенца: дочь 1927 г. рожд. и дочь 1940 г. рожд., когда я приехал, то и детям не давали хлеба...» [3, л. 532–532 об.].

Часто в письмах описывалось имевшееся значительное социальное расслоение между местным чиновничеством и всем остальным народом. Одним из символов этого, являлось наличие закрытой системы снабжения и распределения для местной партийной и управленческой элиты. В письме из с. Усть – Пристань, Усть – Пристанского района Надежда Андреевна Прибыткова сообщала Григорию Андреевичу Екимову: «...Заморили нас совсем с голоду на сегодняшний день дали только по 50 гр. на человека, наши управители себе открыли закрытый магазин, у них все и хлеб, и масло, сахар, спички, мыло. Ребята опухают без хлеба, нигде не достанешь, живем на картошке» [3, л. 532]. Кукушкина из с. Пospelиха, писала мужу в Москву: «...И вот в такой-то грозный час небольшая головка властелинов района занимается взяточничеством, самоснабжением и форменным издевательством над теми, кто посмеет открыть рот. Если заболит семья командира, врачи за одно посещение берут 100 руб., мало того, требуют продуктами, если нет такой возможности, помощи не оказывают. Самокритика зажата. Головка спекулирует своим положением, недовольство ужасное...» [3, л. 313].

Также в письмах иногда выражалось недовольство в соблюдении трудовых прав работников. В письме со ст. Шипуново Наумова – Дмитрию Федоровичу Наумову: «... Я была на комиссии, мне дали справку, на легкую работу. Сапожников не смотрит на болезнь и посылает косить хлеб руками.

С квартиры гонят, сейчас мучают нас, без хлеба сидим на картошке. Сыну не дают я плачу, ни где правды не найдешь. Издеваются над нами я уже не получаю 8 дней на себя и на сына, сын у меня без хлеба. Отец защищает родину, а мы здесь плачем. Я сейчас прямо обезумела, наверно не переживу...» [3, л. 531 об.].

Также в статистических данных отчетов проверок писем военной цензуры указываются такие «отрицательные содержания» в письмах как панические и пораженческие настроения, жалобы на отсутствие промтоваров, недовольство в связи с обложением налогами и некоторые другие. Но в целом они количественно значительно реже упоминались в письмах, чем основания, рассмотренные выше.

Таким образом, подводя итог можно отметить, что в годы войны для семей военнослужащих главной повседневной проблемой являлось отсутствие продовольствия. При этом, наиболее чувствительной данная проблема была для эвакуированных. Также большое значение для повседневной жизни семей военнослужащих играли проблемы взаимоотношений с местными органами власти. Главными сложностями для семей военнослужащих являлись проблемы распределения продовольствия и трудовых взаимоотношений. Остальные вопросы также находили отражение в письмах, но их количество было значительно меньше, чем оснований рассмотренных выше.

Список литературы:

1. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / РАН. Сибирское отделение. Институт истории. Новосибирск, 1993. 245 с.
2. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Издание 2-е, доп. М., 1970. 465 с.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 156.
4. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае / Управление архивного дела администрации Алтайского края; Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 1998. Т. 5: Июнь 1941 – май 1945. 2002. 375 с.
5. Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М., 1994
6. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. 378 с.
7. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 354 с.
8. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 527 с.
9. Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул, 2015. 132 с.

Собирательство яиц дикой птицы как один из видов добывающих промыслов сибиряков в годы Великой Отечественной войны (по устным историческим источникам)

Экстремальные условия, в которых оказалась деревня Алтай в годы Великой Отечественной войны повлияли на организацию питания жителей. В борьбе с голодом и поиском белковой пищи стало использоваться собирательство яиц диких птиц. Данная статья посвящена обобщению опыта собирательства яиц на основе устных исторических источников.

Extreme conditions in the village of Altai during the Great Patriotic War influenced the catering of the residents of the rear village. In the fight against hunger and the search for protein foods the gathering of eggs of wild birds has become. This article is devoted to generalization of experience of gathering eggs on the basis of oral historical sources.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, добывающие промысла, Великая Отечественная война, дети, питание, собирательство яиц.

Keywords: life support culture, extractive industries, The Great Patriotic War, children, food, egg-gathering.

Антропологический переворот в исторической науке поставил в центр изучения человека. Важнейшими вопросами антропологических исследований являются адаптационные механизмы культуры жизнеобеспечения земледельческого населения Сибири в периоды ухудшения условий жизнедеятельности и хозяйствования. В XX столетии к таким периодам относились годы войн, репрессий и многочисленные кардинальные переустройства сельского общества. Проблемы адаптации населения тыловой деревни и повседневности в последние годы нашли отражение в работах Т.К. Щегловой. В них автор опирается на теорию культуры жизнеобеспечения, которая поддерживала жизнедеятельность сельского общества в экстремальных условиях военного времени [8–10].

В годы Великой Отечественной войны крестьянская семья Сибири оказалась в трудных условиях. Одной из главных проблем в сложившейся ситуации стала проблема питания. Она была вызвана ухудшением социально-экономического положения крестьянской семьи, проведением и незавершенностью социалистической модернизации сельского общества, коллективизацией и раскулачиванием. Вопрос организации питания сельского населения выпал из государственной политики [10, с. 381]. Сократились традиционные источники питания вследствие уменьшения оплаты труда и повышения уровня налогообложения. Поэтому крестьянство

---

* **Мазырина Анастасия Александровна**, аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет.

вынуждено было обратиться к альтернативным способам обеспечения продовольствием. Это выразилось в расширении добывающих промыслов, что является одним из адаптационных механизмов культуры жизнеобеспечения. Одним из специфических промыслов стало собирательство яиц дикой птицы. Вопросы питания, обеспечение жилищем, одеждой мало отражены в фондах государственных архивов, эту информацию можно почерпнуть из коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военного времени.

Автор настоящей статьи делает попытку обобщения опыта собирательства яиц дикой птицы в годы Великой Отечественной войны по устным историческим источникам.

Основной источниковой базой данной работы стали устные интервью, проведенные автором в ходе историко-этнографических экспедиций Алтайского государственного педагогического университета в 2015, 2016 гг. в Крутихинском, Усть-Пристанском, Ельцовском и Благовещенском районах Алтайского края.

В военные годы адаптивные изменения в системе питания проявились в развитии собирательства продуктов биологической пищи и промыслов по заготовке белкового и жирового продукта. Война вернула человека к «кормящему ландшафту» и присваивающему хозяйству [8, с. 41]. Промысел по сбору яиц дикой птицы был одним из источников белка.

Промыслы по составу участников делились на три группы: с участием только взрослых; только детей; совместным, как правило, детей под присмотром родителей [9, с. 75]. Собирательство яиц было детским промыслом. «Собирали, собирали, это уже нехватишь. Этим дети только и жили, этим только и жили. Дети. Уже те, которые работают, они не видели, а вот дети сидят голодные, и сидят....» [1].

Химический состав яйца богат не только белками, жирами, но и различными минералами веществами, такими как фосфор, магний, калием, натрием, хлором, кальцием, серой и железом [7]. Т.е. можно говорить о том, что детский растущий организм пополнялся витаминами и минералами.

«Зарили» [А.А. раззоряли] гнезда птиц, как мальчики, так и девочки. «У нас там тополя были. На тополях гнёзда воробьи вили. Я лазила, гнёзда зарила. Тот яички воробьиные» – вспоминает Раиса Ивановна Супрун [6]. Николай Иванович Ларионов так же зарил гнезда воробьев: «Ну, вот скотный сарай, на этих скотных сараях велись все воробьи, воробьи и там они выпаривали, а мы эти гнезда воровали и собирали себе и домой приносили» [2]. Федор Андреевич Гольм рассказывал: «Да ходили с пацанами все, да и девчонки когда с нами, ну че теперь сделать. По логам они везде тогда были гнезда, везде гнезда были» [4].

Воробьиные яйца в основном выпивали на месте. Домой носили редко, если и проносили, то тоже употребляли в сыром виде. «Мы не то что собирали, а лестницу подставляешь, в гнездо залез, яиц набрал и тут же

бьешь их и пьешь» [3]. Яйца крупных птиц варили: «Варили, яйца дрозд, дроздиные яйца, большие ели дроздинные» [5].

Дети обладали знаниями о количестве яиц в гнездах птиц. По словам респондентов, в гнезде совы было 4 яйца, у чибиса 4 яйца, у журавля – 2, у утки – 10–15. Кроме названных птиц, собирали яйца у сорок, ворон, перепелок. Количество яиц в гнездах этих птиц респонденты не называют, но говорят, что их было много: «Ну, собирали мы с воробьиных яйца, собирали, затем значит сороки и вороны, потому что там их много было и значит перепелки. А перепелку трудно найти, она быстро убегает, но находили мы перепелиные» [2]. Важно было также, знать как определять свежесть яиц, не засиженность. Как правило, называют один способ: опускали яйцо в холодную воду, и если оно не тонет, то испорченное, а если свежее, то оно начинало тонуть [4].

По воспоминаниям респондентов, существовали запретные виды птиц, гнезда, которых нельзя было разорять. «Только нам не разрешали наши бабушки и мамы, скворца не надо трогать, синичку не надо и этого ласточку, не в коем случае. А ласточка это божественная, и скворец божественная птица, вот» [2].

Таким образом, с помощью устных исторических источников удалось выявить особенности сбора яиц диких птиц и обобщить некоторый опыт по данному промыслу. Подводя итог можно говорить о том, что яйца диких птиц были одним из источников белка и минеральных веществ для организма человека. Несмотря на трудности и лишения военного времени жители тыловой деревни сумели разнообразить с помощью добывающих промыслов свой рацион.

Список литературы:

1. Архив Центр устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ). Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка, Овчарова А.Ф. 1924 г.р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1 Материалы ИЭЭ 2016 г.: Усть-Пристанский район, с. Усть-Пристань, Ларионов Н.И., 1930 г.р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка. Шинкевич Н.А., 1925 г.р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Усть-Пристанский район, с. Коробейниково, Гольм Ф.А. 1935 г.р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Ельцовский район, с. Ельцовка, Старкина Н.Л., 1933 г.р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Крутихинский район, с. Буян, Супрун Р.И., 1930 г.р.
7. Морфологический и химический состав яйца [Электронный ресурс] // Биология. – Режим доступа: <http://biofile.ru/bio/33937.html>, (свободный, 10.12.2017).
8. Щеглова Т.К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура

жизнеобеспечения сельского русского населения юга. Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9).

9.Щеглова Т.К. Мобилизационная экономика крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны: ловчие промыслы на сусликов и собирательство яиц дикой птицы в системе жизнеобеспечения тылового сельского общества Сибири // Сибирь в Великой Отечественной войне: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27–28 апреля 2015 г.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, Параллель, 2015.

10. Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

А.С. Свидовская*, А.В. Ковзель**

Кукуруза в питании жителей Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по полевым материалам 2017 г.)

В годы Великой Отечественной войны обострилась проблема питания, и сельские жители стали искать выход из сложившейся ситуации. Кукуруза стала вторым по значимости продуктом огородничества, после картофеля в Красногорском (Старобардинском) районе Алтайского края. В статье предпринята попытка описать использование кукурузы в повседневной жизни сельским населением Алатйского края на основе полевых материалов.

In the years of the great Patriotic war has exacerbated the problem of food and rural residents began to seek a way out of the situation. Maize has become the second most important product in gardening, after potatoes in Krasnogorsk (Starobrnenska) district of the Altai territory. The article attempts to describe the use of corn in everyday life of the rural population Altai region on the basis of field materials.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, заместительные технологии, питание в годы ВОВ, кукуруза, Алтайский край

Keywords: culture of life support, substitution technology, food during the great Patriotic war, corn, Altai region.

В годы Великой Отечественной войны в Алтайском крае обострилась проблема питания в среде сельских жителей. Причиной послужил тот факт, что все силы были брошены на нужды фронта. В связи с этим население

---

* **Свидовская Анастасия Сергеевна**, магистрант, Алтайский государственный педагогический университет.

** **Ковзель Анна Викторовна**, студент, Алтайский государственный педагогический университет.

выплачивало высокие налоги, которые принимали, в том числе, и продуктами питания, а так же произошло уменьшением числа рабочих рук, способных обрабатывать приусадебные участки. В это время изменяется роль продуктов питания: происходит замена основных до войны продуктов, на те, которые были ранее второстепенными.

Исследователь Т.К. Щеглова, изучая проблемы повседневности Великой Отечественной войны, вводит термин заместительные технологии, под которым принято понимать «замену традиционных продуктов жизнедеятельности, которые в военных условиях становятся недоступными» [21, с. 46]. Рассматривая особенности заместительных технологий, автор считает, что они проявляются в ряде инноваций. Во-первых, происходит «изменение статуса продуктов питания», например, хлеб превращается в праздничную пищу, а основой питания становится картофель и другие огородные культуры. Это является следствием замены единоличного хозяйствования колхозно-кооперативным. Во-вторых, происходит замена традиционных компонентов питания суррогатами, например, травами-дикоросами, жмыхом или макухой [21, с. 47].

Использование злаковых культур в годы войны сводится к минимуму, из-за того, что колхозы, за которыми была закреплена функция снабжения крупными населения, были обложены налогами и имели сравнительно невысокую урожайность на полях. В связи с этим на первый план в питании среди злаков выходит кукуруза, которую сажали на приусадебных участках. Об этом свидетельствуют полевые материалы, собранные в Ельцовском, Усть-Пристанском, Благовещенском, Красногорском районах Алтайского края.

В статьях Т.К. Щегловой [21], А.В. Рыкова [19], А.А. Мазыриной [20], Д.В. Алекса [19], где описаны особенности питания в годы войны в Алтайском крае, подробно не освещены особенности использования кукурузы.

В ходе экспедиции в Красногорском районе (до 1960 года имел название Старобардинский), прошедшей в июле 2017 г. под руководством Т.К. Щегловой, сотрудниками Лаборатории исторического краеведения и студентами собран богатый материал о повседневной жизни тылового населения алтайской деревни. Для района, расположенного на юго-западе Алтайского края в предгорной местности, характерен дефицит в питании. На первый план среди продуктов огородничества наряду с картофелем выходит кукуруза.

Целью данной статьи является изучение особенностей использования кукурузы, как одного из базовых продуктов питания в годы Великой Отечественной войны по полевым материалам, собранным в Красногорском районе.

Внезапно начавшаяся война подорвала сложившуюся систему ведения хозяйства. В частности стало необходимо сажать большие по размеру

огороды, чем в довоенное время, поскольку собранный на них урожай являлся основным источником продуктов [19, с. 306].

По воспоминаниям информантов кукуруза являлась вторым по значимости продуктом огородничества, после картошки, а среди злаков – первым. «Вот кукуруза в войну всю. Выручила всех людей» [10]. «За палочки работали... А на эту палочку, если че получится – получится урожай, значит что-то дадут на эту палочку, а если не получится урожай – все, надейся на свою кукурузку» [13]. «Первый хлеб – кукуруза» [9].

Кукурузу в Старобардинском районе начали выращивать не одновременно. Большая часть информантов утверждает, что эту культуру в огородах садили всегда, и им неизвестно время и причина ее появления. А.С. Долгова описывает момент из жизни в с. Никольское Старобардинского района, когда она впервые увидела этот злак: «Появилась [кукуруза], даже я уже большая была, у нас кукурузы не было..... А у нас отец там, на гору зайдешь, ... и посеяна была кукуруза. И он ходил и нам три кукурузины или четыре ли принес – красна, да желта то кукуруза. Принес, а мы – вместо игрушек [использовали]. А у меня старший то брат, мы, говорит, шас в кукурузу пойдем. Идем и договариваемся, если, говорит, я на лесину то на эту залезу, ты говорит, вот так пригнешься, я на тебя встану и достану, может, сучек кукурузы то этой. Мы даже не знали, как она еще растет. ... Это игрушек никаких не было, так мы играли ... Утром встали, а у нас две кукурузины осталось – те съели» [4].

З.С. Шемонаева вспоминает, что в с. Карагуж Старобардинского района, откуда она родом, кукурузу их научили садить «хохлы», приехавшие с Украины в 1939 г. [10]. По словам Н.М. Суртаева, проживавшего в войну в г. Горно-Алтайске, кукуруза появилась в войну: «Ну вот война началась, приехали эвакуированные, они привезли фасоль, привезли кукурузу, до этого здесь этого не было: кукурузы не было, фасоли не было, соя появилась тоже. ... Ну я сейчас не помню [кто привез], но по-моему были в основном с Прибалтики, мне запомнилось: латыши, литовцы были там, насколько я помню» [16].

В полевых материалах, собранных в Красногорском районе, прослеживается следующее: кукуруза, даже если ее сажали в военные годы, ассоциируется с именем Н.С. Хрущева, который предпринимал попытку в 1950-х гг. массово внедрить кукурузу в сельское хозяйство [2; 8]. Информанты, утверждая, что эту культуру сажали в войну, называют ее «хрущевской»: «Что придется садили [в войну]. Кукурузу, хрущевская кукурузу называют» [1].

Площадь огорода, отведенная под посадку кукурузы в Старобардинском районе, в годы войны увеличилась и составляла по воспоминаниям в среднем от 2 до 4 соток: «Кукурузы стали больше садить» [5]. Зачастую посадки кукурузы занимали второе место по территории, уступая картофелю. В населенных пунктах района (колхоз Культурный

животновод, с. Лебяжье) зафиксировано иное соотношение в посадках: «Большие огороды были, половину картошкой засаживали, половину кукурузой» [17].

В Красногорском районе жители используют различные наименования кукурузы. Самым распространенным названием соцветия с утолщенной осью, на которой расположены семена, является «початок», реже встречается «байка» [7], «пичаток» [4], «пачки» [18]. Под термином «балька» могли иметь в виду часть соцветия без семян, которое в пищу не используют [14].

Выспевшую кукурузу использовали в пищу в измельченном виде. В первую очередь необходимо было тщательно просушить ее, затем отделить зерна от соцветия. Этот процесс, при условии, что он производился вручную без использования дополнительных инструментов, занимал продолжительное время [14; 15]. В.В. Королева, проживавшая в войну в с. Макарьевка, так описывают этот процесс: «Шелушили. Сидели по всей зиме. Руками, а как?... Осень как придет, в комнатушке – вся завалена, нигде не пройдешь. Не успевали же. ... Шелушили ее вечерами, ночами» [15]. Использовали так же самодельные терки – на небольшом куске железа пробивали отверстия с помощью молотка и гвоздя – и «шоркали» початок об эту поверхность, отделяя зерна [7, 10, 12]. «Высохнет, потом теркой и вот так вот, чтобы эти зернышки отшелушивались от этой. Это, конечно, в печку ненужное, а это зерно набирают и на мельницу» [7].

Перемалывали зерна на мельницах, которые по воспоминаниям находились в крупных населенных пунктах, таких как Макарьевка, Новиково, Фрунзе, Усть-Кажа, Усть-Иша, Пильно: «Была мельница [в с. Новиково] саморучная какая-то, и там очередь занимали за неделю: приезжали, мешок кукурузы привезет или два и сидит ночует. Седне ночует, завтра ночует, на третий может че привезет, на четвертый, может, приедет» [13]. Такой способ был затратный по времени, но удобен в случае необходимости измельчения больших объемов зерна: «Прям по центнеру намолачивали этой кукурузы» [10].

Перемолоть кукурузу можно было и в домашних условиях, для этого применялись ручные мельницы (рушилки), которые были не в каждой семье, а так же железные ступки. Этими способами пользовались, когда не было возможности отвезти сырье на мельницу или при необходимости измельчения зерновых в небольших количествах. К тому же такие приспособления не позволяли перемолоть большие объемы, поскольку этот процесс занимал много времени: «Братья у меня сделали вот такую мельницу. Они маленькие еще были, вот крутим, крутим – видим, уже спит [брат] на крутилке на этой. Мама этого уносит, второго приносит, садит, тот начинает» [5]. При необходимости просеивали муку: из более крупных частей варили кашу, мелкую использовали для приготовления хлеба, блинов и др.

В пищу употребляли цельные зерна кукурузы, приготовив их разными способами, самый популярный из которых – варка молодого початка с добавлением соли. Менее распространенный вариант приготовления зерен кукурузы – это их нагревание в закрытой сверху емкости, в процессе которого они начинают лопаться [7, 15] «Нашелушутто зернами, то на сковородку и тоже на плиту ее ставят. Она поджаривается, знаете, так треснет, развернется как цветочек зернышко то. Ели, вкусно прям» [7].

С использованием кукурузной муки жители могли приготовить различные блюда, в первую очередь хлеб. В годы войны в Старобардинском районе в его состав входили следующие ингредиенты: вода, тертый картофель, кукурузная мука, соль, так же добавляли хмелевые дрожжи или закваску. По воспоминаниям жительниц с. Красногорское и с. Макарьевка хлеб из кукурузной муки имел грубую и рассыпчатую структуру [6; 15]. Чтобы этого избежать, в основном в хлеб добавляли картофель, реже бобовую муку [3; 15]. «Но во время войны [кукурузу] то ее мололи, да хлеб стряпали. Кукуруза она сама-то рассыпается мука кукурузная. Жесткая, ее не соберешь, а вот картошки потрешь туда в эту, или фасолевую муку или бобы. Бобы лучше, они пышность дают» [15].

Информанты вспоминали, что с добавлением кукурузной муки в войну пекли в печи лепешки, в с. Березовка их называли ландориками [11]. Тесто для лепешек состояло из тертого картофеля, кукурузной муки, соли. Затем полученную массу делили на части и выпекали в печи. Еще с добавлением кукурузной муки пекли блины. Распространенным блюдом была кукурузная каша на молоке или воде. З.В. Неверова из с. Лебяжье вспоминает, что с измельченной кукурузы варили жидкие блюда – похлебку: «Свеклу – ботву, только свекла начнет, вот кака картошка будет, так ботвы нарежем туда, в эту похлебку, а потом ... намелют эту кукурузу мукой, и туда маленько бросишь, и вот эт похлебка» [12].

Таким образом, кукуруза в Старобардинском районе стала одним из самых доступных злаков в питании жителей алтайской деревни, и играла роль базового продукта наравне с картофелем, поскольку неприхотлива в выращивании и калорийна.

Список литературы:

1. Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Березовка. Князева Е. И., 1927 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Ивановка. Меновщиков П. С. 1938 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Горелов А. И., 1933 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Долгова А. С., 1923 г. р.

5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Евсеева З. В., 1925 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Крапчатова Т. Г., 1930 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Попова Н. И., 1934 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Толкачева В. Т., 1925 г. р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское. Шемонаева З. С., 1925 г. р.
10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Лебяжье. Лещев А. Ф., 1926 г. р.
11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Лебяжье. Неворова З. В., 1934 г. р.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Лебяжье. Пантыгина В. В., 1939 г. р.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Лебяжье. Попова М. И., 1930 г. р.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Сосновка. Королева В. В., 1931 г. р.
15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Усть-Иша. Сургаев Н. М., 1936 г. р.
16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Усть-Кажа. Петрушина З. А., 1937 г. р.
17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Красногорский район, с. Усть-Кажа. Ульянова Е. П., 1936 г. р.
18. Алекса Д.В., Рыков А.В. Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2015. Вып. 9. С. 306–311.
19. Мазырина А.А. Хлеб в системе питания сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны (на материалах устных исторических источников) // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). 2016. С. 225–230
20. Щеглова Т.К. Культура славянских сообществ в Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3 (9).

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Г.Т. Мусабалина*

Батыры Казахского общества в XVIII–XIX вв.

Автором изучены повседневные функции батыров казахского общества: военная, дипломатическая, социальная. Определено снижение роли батыров в середине XIX века. В статье выдвинута идея о батырах разных уровней: родового подразделения, рода, нескольких близкородственных родов, племени, конфедерации племен и всего народа в казахском обществе.

The author has studied the functions in everyday life of the Batyrs of the Kazakh society: military, diplomatic, social. The decrease in the role of batyrs in the middle of the 19th century was determined. The article put forward the idea of batyrs of different levels: clan division, clan, several closely related clans, tribe, confederation of tribes and all the people in the Kazakh society.

Ключевые слова: хан, совет, батыр, военно-потестарная организация, джунгары, ойраты, дипломатия, аул, кодекс чести.

Key words: khan, council, batyr, military-pothar organization, jungars, Oirats, diplomacy, village.

Военная повседневность подразделяется на различные фрагменты – служба, участие в боевых действиях, труд, быт. Изменение социально-экономических, политических, духовных условий жизни общества и другие имеют целый ряд выходов на проблемы повседневности. В данной статье была сделана попытка анализа повседневной жизни батыров казахского традиционного общества.

Одним из признаков любой государственности является наличие вооруженной силы – армии, которая защищала власть и население государства от внешних нападений. Армия необходима была также для подавления выступлений народных масс и при отказе выплаты налогов. В период внешней агрессии хан выступал в роли верховного военачальника. В этом заключалась его этноконсолидационная роль. Вокруг хана создавалась военно-потестарная организация. Примером деятельности в качестве военачальника служит деятельность ханов Абулхаира и Аблая, которые остановили нашествие ойратов на казахские земли. Их подвиги воспеваются во многих произведениях устного народного творчества.

---

* **Мусабалина Гульнара Толевгазиевна**, доктор исторических наук, профессор кафедр истории Казахстана, Евразийский Национальный университет им. Л.Н.Гумилева (Казахстан)

Основное ядро военно-потестарной организации составляли батыры со своими дружинами. В любое время, по первому призыву ханов, султаны, батыры, бии должны были выставить военную силу. Это было одной из вассальных обязанностей султанов, батыров, старшин. Хан Касым «мог выставить в поле до 300 000 всадников и был страшен для таких могущественных среднеазиатских правителей, каким был Шейбани-хан» [5, с. 199, 426–427]. Осаждая Бухару, Тевеккель-хан имел под своим началом 70 000 воинов [1]. В 1738 г. по приказу хана Абулхаира для наступления на улусы хана Дондука Жанибек представил войско в количестве 10 400 чел., батыр Есенбай – 100 чел., батыры Есет, Богенбай и Алтай – 2000 чел. [2, с. 100]. Одним из титулов иерархии в кочевой степи, со времени монгольского господства, был бахадур, батыр. Многочисленных батыров, бахадуров в ханстве Абулхаира упоминают многие авторы [10, с. 96–97, 146, 199].

Институт батырства сохранился в казахском обществе XVIII в. Батыр – это не только титул храбреца, но и обозначение категории лиц из числа профессиональных военных. Всегда титулованные военные люди находились при ханах. Они участвовали только в военных действиях при внешней агрессии, во внутренние дела ханства не вмешивались. Батыры были служителями интересов хана. Но в позднем кочевом обществе (XVIII–XIX вв.) титул батыров стали присваивать и тем, кто выиграл в межродовой вражде, барымте. Так, Албан Хангельды-батыр вернул табун лошадей, угнанный киргизами у бая Сырымбета [10]. В этот период происходят изменения в положении батыров. Усиливается их роль в политической жизни казахов. Это связано с дальнейшим имущественным расслоением в обществе и появлением нового военного фактора в истории казахского народа.

В кочевом обществе, в особенности на уровне племени и рода, не было специального регулярного войска как в развитых классовых обществах с классическими формами государственности. Но среди общинников были батыры, которые по существу выполняли роль военачальников, организаторов защиты интересов общины. На наш взгляд, батыры, как и сама община, были разных уровней: были батыры родового подразделения (ауыл батыры), рода (рудың батыры), нескольких близкородственных родов (руластарішіндегі батыр), племени (тайпа ел батыры), конфедерации племен (ел-жер батыры), и, наконец, батыры всего казахского народа (халықалаш батыры). Батырами всего казахского народа являются батыры, защищавшие казахские степи от джунгарского нашествия. Их имена помнят и знают все. Это Кабанбай-батыр, Богембай-батыр. Батыры родового подразделения – дулат Жаксыгул-батыр, Жанатас-батыр, сыбан Еспенбет-батыр. Батыры рода – Жалантас-батыр, Капал-батыр, Шокпар-батыр, Караш-батыр и др. Батыры близкородственных родов – дулат Жаксыгул-батыр, канглы Сарбука-батыр, шапырашты Наурызбай-батыр и др. Батыры одного племени – найман Бодес-батыр, аргын Жанибек-батыр, найман Коксерек-батыр и др.

Общественно-политическая и социальная значимость различных уровней батыров также была неодинаковой. Если батыры родоплеменного подразделения, в основном, активно участвовали в решении вопросов межродовых, межплеменных распрей, то батыры племенных объединений, жузов участвовали в решении конфликтов между племенами, жузами.

Первая половина XVIII в. – эта была эпоха рыцарства, батырства. Этот период был одним из сложных и критических в истории казахской государственности. Об этом времени Ч.Ч. Валиханов писал: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем и в жизни казахского народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон уводили в плен киргизов целым семейством. Зимы, гололедица и голод, как небесные испытания, увеличили их бедствия...» [5, с. 427]. Необходимость отстаивать суверенитет и достоинство своего народа в условиях военной конфронтации с соседними оседло-земледельческими государствами и народами изменило положение батыров в обществе. Независимо от своего происхождения, даже если они выходили из простонародья, постепенно батыры начинали играть равную роль с родоначальниками в общественно-политической жизни кочевого общества.

Внешнеполитическая деятельность батыров освещена во многих произведениях устного народного творчества: эпосах, пословицах, легендах, поговорках. Примером могут служить эпосы, прославляющие героизм батыров казахского народа. Многие акыны, жырау (певцы-импровизаторы) были свидетелями смелости, храбрости батыров в войнах с джунгарами, калмыками и др. Среди них Актанберды-жырау, Бухар-жырау, Таттикара-жырау и Умбетей-жырау [13, с. 419]. Ни одного события не проходило мимо них не замеченным. Они все исторические факты старались отразить в своих импровизациях [4, с. 92]. Благодаря мужеству и героизму батыров всего казахского народа была одержана победа в войне с ойратами. Судя по дошедшим до нас сведениям, батыры были щедро одаренные природой людьми, на редкость бесстрашные. Неотразимая логика их убеждений: умение довести до сознания людей идею свободы, единства, хорошее знание политической обстановки и способность правильно ориентироваться в ней, красноречие. Все эти качества отличали их от других.

Другими источниками, свидетельствующими о подвигах батыров являются полевые исследования различных лет, которые хранятся в редком фонде библиотеки Академии наук Республики Казахстан. Информаторами этих экспедиций были, в основном, старожилы-аксакалы, которые из уст в уста передавали исторические песни о тех или иных батырах [12].

О физической силе батыров можно судить по тому, что батыр мог одним ударом палицы вогнать в землю одного человека. Батыры имели необыкновенный рост, богатырское телосложение. Руки у них были мощные, длинные, напоминавшие железные ветви столетней горной арчи. Чудовищны были размеры сапог с расширяющимися кверху голенищами.

Маленькими, почти игрушечными казались болтающиеся где-то у пояса кривой ятаган и черный кинжал из вороненной стали. Только постоянно висящий за плечами громадный щит представлялся настоящим. Они были великанами... [6]. Так, Наурызбай-батыр на скаку, схватив лошадь за хвост, мог остановить ее [8].

Казахские батыры по приказанию ханов выполняли различные поручения. Поручения могли быть внутреннего порядка или внешнего. Батыры участвовали в ханских советах. Участие батыров в ханских советах ярко описывает К. Жумадилов в романе «Дарабоз» и А. Кекильбаев в романе «Уркер». Эти произведения позволяют сказать, что в первую очередь на ханских советах слово предоставляли батырам (Кабанбай и Богенбай батырам). С мнением батыров считались. Выбор руководителей ополчения (Богенбай, Кабанбай-батыров) свидетельствует о сохранении традиционной роли ханов. В 1710 г. в Каракумах состоялся совет представителей трех жузов, где главным был вопрос об отношениях с Джунгарским ханством. Предводителем ополчения был выбран Богенбай-батыр. Богембай-батыр заявил: «Отомстим врагам нашим, умрем с оружием, не будем слабыми зрителями разграбленных кочевков и плененных детей наших. Робели мы, когда воины равнин кипчакских? Сия брада еще не украшалась сединою, как я багрил руки свои в крови неприятелей! Теперь могу ль равнодушно снести тиранство от варваров? Еще нет у нас недостатка в добрых конях! Еще не опустели колчаны со стрелами острыми» [11, с. 66]. Пламенная речь Богенбая достигла цели. Был совершен молебен, принесены жертвы, организовано ополчение, которое возглавил старшина Богенбай.

Архивные документы содержат словесное заявление послов Большого жуза Аралбая и Аразгельды-батыром (Оразгельды) с ходатайством о принятии казахов этого жуза в российское подданство (1733), речь батыра С. Бекбашева на приеме у императрицы Елизаветы (1743), а также письма Джанибека (Жанибека) и батыра Букенбая (Богенбая) оренбургскому губернатору Неплюеву о гарантии безопасности передвижения торговых караванов через Средний жуз (1747); письмо биев и батыров Малого и Среднего жузов императрице Елизавете с просьбой об утверждении султана Нуралы ханом Младшего и Среднего казахских жузов (1748) [9, с. 101, 275, 349, 355, 409, 413]. Кроме решения военных вопросов, батыры участвовали в хозяйственных делах. В частности, батыр Жанибек отправлял прошение в Оренбургскую комиссию В. Урусова о разрешении казахам Среднего жуза перекочевать к р. Яик для меховой торговли. Богенбай-батыр отправлял письмо оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву о посылке казахских купцов [9, с. 130, 355]. Эти письма свидетельствуют о том, что батыры являлись представителями своего рода. В начальный период имперской политики Российской империи в Казахстане большинство батыров были на стороне ханов и султанов. Батыры прекрасно понимали, что межродовая, межплеменная вражда, а также внутренняя борьба среди чингизидов за

ханский престол мешали объединиться для большого отпора ойратским завоевателям. Так, Богенбай и Жанибек батыры поставили свои тамги на лист подданства России. Но существовала другая группа батыров, которые были противниками присоединения казахских земель к России.

После исчезновения ойратского фактора роль батыров стала падать. Дружины батыров были заменены казачьими войсками. При различных угрозах казахской степи извне на помощь казахским ханам и султанам приходили русские войска. Традиционная функция батыров – защита от внешних нападений – была постепенно ликвидирована. Батыры, в большей степени, стали выполнять административные и дипломатические функции. Дальнейшие исторические события середины XVIII в. позволяют сказать, что батыры занимали двойственную позицию. Батыры участвовали в восстаниях Срыма Датова, Кенесары Касымова. Так, в национально-освободительном движении Кенесары Касымова участвовали Наурызбай-батыр, Агыбай-батыр (Средний жуз); Жанайдар-батыр из рода Суяндук (Средний жуз – Баян-Аул), Ангал-батыр из рода Атыгай (Средний жуз – Кокчетау), Бугубай-батыр из рода Дулат (Старший жуз – Джетысу), Басыгара-батыр из рода Кипчак (Средний жуз – Акмолинск), Жеке-батыр из рода Аргын (Средний жуз), Байсеит-батыр из рода Дулат (Старший жуз), Таук и Сыпатай батыры (Старший жуз). Эти восстания носили национально-освободительный характер. Они были направлены как против имперской политики, так и против гнета чингизидовой и родоплеменной аристократии. Общественное положение батыров во второй половине XVIII – начале XIX в. усиливается. Это связано с укреплением имущественного положения. Так, батыр Жоламан Тленчиев «имел 800 лошадей, 2000 баранов, 50 верблюдов. Да и каждый брат, сын, племянник, внук имеет отдельно взятую скотину [3, с. 100].

Титул батыров стали носить султаны. Например, султан Тезек был Тезек-батыром. Сфера влияния батыров на общественную жизнь рода, племени расширялась. Если в эпоху классической первобытности они выполняли только роль военных полководцев, то теперь батыры выполняли соционормативную функцию. Регулировали различные внутри- и межродовые, межплеменные столкновения. Батыры стали превращаться в крупных владельцев скота. Они стали избавляться от своих султанов, являясь самостоятельными родоправителями. Такими батырами в XVIII в. были Богенбай, Кабанбай батыры, Есет-батыр, Суюнкара и Арслан батыры (Младший жуз), Сураншы-батыр (Старший жуз). Батыры имели до 3 500 хозяйств [14]. Только в период военной агрессии извне батыры собирались по зову ханов и султанов. В мирное время батыры руководили своим родом, занимались общественной и хозяйственной деятельностью.

Список литературы:

1. Абусеитова М.Х. Из истории казахско-среднеазиатских отношений: события 1598–1599 // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, Наука КазССР, 1981. 133 с.
2. Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, АН КазССР, 1948.
3. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. Алма-Ата, Разагуниверситетс, 1992.
4. Батырларжыры. М. Габдуллин, Т. Сыдыков. Казахский героический эпос. Алма-Ата, Наука, 1972. – 338 б. (на каз. языке); Бесғасырларжырлайды. Алматы, Жазушы, 1989. Т. 1.
5. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. Алма-Ата, Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985.
6. Есенберлин И. Хан Кене. М., Дружба народов, 1993.
7. Жумадилов К. Дарабоз. Тарихи роман. Алматы, Шабьтбаспасы, 1994. Біріншікітап.
8. Қазакбатырлары. 1998. №5.
9. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, Наука, 196.
10. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII в. Алма-Ата, Наука, 1969.
11. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. (XVII–XVIII вв.). – Алма-Ата, Ғылым, 1991.
12. Рукописный фонд Центральной научной библиотеки АН РК. Рукописи. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, Наука, 1961.
13. XVIII–XIX ғасырлардағы қазақ ақындарының жинағы Алма-Ата, АН КССР, 1962. 421 с. (на каз. языке).
14. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община: вопросы образования, эволюции и разложения. Алма-Ата, Наука КазССР, 1964.

И.Н. Лобачева*

Отношения между супругами в купеческой семье во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Тульской губернии)

В статье на основе неопубликованных архивных материалов, а также источников личного происхождения анализируются особенности отношений между супругами в купеческой семье Тульской губернии. Автор затрагивает такие аспекты проблемы как возможность самостоятельного выбора супруга; влияние семейного бизнеса на отношения супругов; существовавшие в купеческой среде стереотипы роли «мужа» и «жены». Отмечено, что к началу XX в. купеческие жены в ряде случаев отходят от идеала «безропотного послушания», а в случае распада семьи бывшие супруги склонны искать компромисс, рационально подходя к ситуации.

In the article, on the base of the unpublished archive materials and also, personal sources the peculiarities of the relation between husband and wife in a merchant family of

---

* **Лобачева Ирина Николаевна**, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Tula province are analyzed. The author touches upon such aspects of the problem as the possibility of an independent choice of a spouse; the influence of the family business on the relations of the spouse; the existence of the stereotypes of the part of «husband» and «wife». It is pointed out, that by the beginning of the XXth century sometimes merchant wives depart from the ideal of «submissive obedience», and in the case of a family break-up ex-spouse are inclined to look for a compromise, approaching the situation in a rational way.

Ключевые слова: купечество, Тульская губерния, внутрисемейные отношения, брак.

Key words: merchants, Tula region, family relationships, marriage.

Немалый интерес для исследователя купеческой повседневности представляет такая достаточно «закрытая» тема, как отношения между супругами. Во-первых, информация по этому вопросу крайне скудна, являя собой наиболее интимный компонент частной жизни, традиционно скрываемый от посторонних глаз. Во-вторых, затруднительным представляется выделение типичных черт в явлении, сугубо индивидуальном по своей природе.

Традиционно браки купеческих отпрысков свершались по воле родителей. Даже в отношении совершеннолетних сыновей звучала формулировка их отцов: «Решил я женить своего сына» на невесте «избранной мной» [3, л. 16]. Переговоры вели родители будущих мужа и жены. Самостоятельный выбор супруга допускался, но ставился под контроль родителей. Так, невеста не могла «дать слова» посватавшемуся к ней мужчине без согласия отца и матери, а жених предварительно обговаривал свой выбор с семьей. Без согласия родителей на брак священник не имел права венчать жениха и невесту. Заключение брака без разрешения отца и матери грозило детям по иску родителей тюремным заключением. Однако, родители, в случае отказа в согласии на брак, должны были «объявить законные и достаточные причины для этого».

Анализ данных о социальном происхождении жен представителей купечества Тульской губернии позволяет утверждать, что браки заключались преимущественно, но отнюдь не исключительно, в рамках своей социальной группы (в 120 брачных парах из 168 за период 1858–1916 гг. жены имели купеческое происхождение). Женитьба на невесте не из своего социального круга, вероятно, во многих случаях была проявлением личного выбора мужчины. Так, браки с мещанками и крестьянками, обстоятельства которых в какой-то мере известны, были заключены либо зрелыми мужчинами (главами капитала или их братьями), нередко вступавшими уже во второе-третье супружество, либо стали предметом конфликта жениха с его семейством. Отношение тульских купеческих семей к бракам с дворянками сложно оценить на имеющемся материале. Такие союзы заключались в большинстве своем опять же зрелыми,

самостоятельными мужчинами, уже возглавлявшими семейное дело, а их избранницами становились зачастую сироты, вероятно, ограниченные в средствах (В.Ф. Вознесенская в замужестве Соколова, С.А. Безваль в замужестве Кузовлева, П.М. Дмитриенко в замужестве Пряничкова). Купеческому сыну Н.С. Мозжечкову удалось в 1863 г. обвенчаться с дочерью штабс-капитана К. Еремеева вопреки воле родителей девушки, в то время как отец жениха дал согласие на брак сына. Похожая история произошла в 1901 г. и с ефремовским купеческим сыном М.М. Мясичевым, совершившим побег с дворянской дочерью Н.Е. Дудкевич. Родители Мясичева изъявили «полное согласие» на брак сына и оформили ему необходимые документы. Родители же невесты организовали настоящую погоню за беглецами и, не сумев вовремя вернуть дочь, прокляли ее. Невеста отмечала, что родители противятся браку «потому только, что он купец, а я дворянка» [1, л. 17, 49]. Однако впоследствии ее женихом и его родителями была выдвинута версия о «польском фанатизме и религиозной нетерпимости» отца и матери невесты. Возможно, такое объяснение было призвано помочь купеческому семейству заручиться поддержкой православного духовенства.

Купеческие девушки, экономически зависящие от родителей, были куда более ограничены в своем брачном поведении. Однако, к примеру, хорошие внешние данные открывали перед девушкой из купеческой семьи возможность выбора жениха из ряда кандидатов, а ее родители в такой ситуации были более склонны прислушиваться к мнению дочери. По воспоминаниям потомков, крапивенская купеческая дочь М.Н. Пряничкова, будучи признанной красавицей, долго выбирала подходящего жениха. В претендентах ее не устраивали такие качества, как «отсутствие ума», алкоголизм и «несостоятельность для семейной жизни». В последнем случае речь шла, видимо, об имущественном положении жениха. Младшие сестры выказывали недовольство такой разборчивостью, считая, что старшая сестра «заслоняет» им путь к замужеству. В итоге Пряничкова приняла предложение по ее выражению «первого же приличного человека, который посватался». Им оказался епифанский купеческий сын А.П. Оводов, вдовец, который был старше Пряничковой на более чем двадцать лет. Жених пообещал родителям невесты обеспечить ей благополучную жизнь.

Отдельные сведения относительно отношений супругов друг к другу содержат тексты некоторых купеческих завещаний. Купцы, имевшие несовершеннолетних детей, дабы избежать установления опеки Сиротского Суда над своим имением, как правило, завещали свое благоприобретенное имущество жене (родовое имение подлежало разделу по закону [18, л. 217]). Обосновывая свое решение, одни купцы ограничивались лаконичными указаниями, что все имущество должно стать собственностью жены, другие же давали развернутые пояснения. Тульский купец В.Ф. Иванов прагматично указывал: «Чтобы устранить опеку над моим имением,

могущую остановить круг торгового оборота, доставляющего моему семейству пропитание и, будучи уверен в хорошей нравственности жены моей, все имение завещаю поэтому ей в полное владение» [11, л. 322]. Под «нравственностью» здесь, очевидно, подразумевается добросовестность, рачительность и забота об интересах несовершеннолетних детей. Действительно, существовало немало примеров успешного руководства женщиной-купчихой торговым делом, тем более что соответствующие навыки она могла получить в годы замужества, заменяя в лавке уехавшего мужа (так поступали епифанская и крапивенская купеческие жены Е.М. Оводова и А.М. Юдина), или же еще ранее, помогая своему отцу в пору девичества (дочь тульского кондитера И.А. Скворцова Анна помогала отцу в летнем павильоне в Кремлевском саду) [16, л. 137]. В семьях, где жены принимали участие в делах своего мужа, между супругами складывались отношения делового партнерства, что не могло не способствовать их сближению. Ефремовский купец В.Я. Потудин заявил, что в точности исполнения своих инструкций полностью полагается на «любимую жену» [12, л. 101], а новосильский купец И. А. Бабков поручил «любящей супруге» на завещанные ей средства самостоятельно производить закупки товара для продолжения торговли в лавке [11, л. 288]. Купчиха А. И. Белобородова, по ее словам, дала покойному мужу устное обещание приучить сыновей к торговле [8, л. 2]. С другой стороны, расхождение финансовых интересов могло стать причиной супружеской размолвки. Так, жена крапивенского купеческого сына Е.С. Кондратьева, отказав мужу в выдаче наличных денег, выгнала его из дома с помощью «посторонних людей». Сам Кондратьев признавал, что вел торговлю на деньги, полученные женой в приданое и жил в унаследованном ею доме. Женщина, видимо, была недовольна тем, как муж использовал ее деньги. В частности, ее могло беспокоить то, что он больше пекся об успехе дел своего отца, нежели своей собственной семьи. Поводом к конфликту стало желание Кондратьева, забрав наличность, отправиться к отцу по его торговым делам [7, л. 1].

Некоторые купцы приводили в своих завещаниях формулировки, указывающие на привязанность между супругами: «за ее ко мне расположение и любовь к детям моим» [10, л. 89], «принимая во внимание супружескую верность и любовь жены моей, равно попечения и услуги, оказанные мне во время болезни моей» [12, л. 25] и т.п. Все завещание каширского купца Ф.Ф. Муравлева было проникнуто заботой о благополучии жены второго брака, которая «во всех пунктах меня успокаивала», но у которой не сложились отношения с детьми первого брака купца [9, л. 219]. Епифанский купеческий сын И.К. Расторгуев, скорбя о смерти молодой жены, приказал выбить на восточной стороне ее надгробного памятника стихотворную эпитафию (занимает всю площадь плиты) [15, л. 135]. Само решение оставить на памятнике эпитафию, а также длина стихотворения, косвенно свидетельствуют, что выражение чувств

супруга было отнюдь не формальным. Жена тульского купца, Ф.С. Кузовлева в своем завещании писала о своей «супружеской любви и связи» с мужем [9, л. 179]. То, что родители жили «хорошо, согласно» и жена «ничего от мужа не скрывала», подтверждал впоследствии и сын четы Кузовлевых [13, л. 1]. Ксения Еремеева указывала, что дала купеческому сыну Николаю Мозжечкову полное согласие на брак, руководствуясь «истинной любовью к нему» [2, л. 40].

Наряду с верностью, заботой и супружеской любовью некоторые купцы упоминали и такие достоинства своих жен, как «безупречное почтение и уважение» [11, л. 120]. Выдвижение подобных требований к жене подтверждает зависимое и подчиненное положение женщины в купеческой семье, выделяемое исследователями как одну из ярких особенностей этой социальной среды [14, л. 49]. Однако к концу XIX – началу XX вв. отдельные представительницы купечества стали выражать протест против таких практик семейной жизни, не желая терпеть запоев и побоев со стороны супруга. Вступая в брак с купеческим сыном А.П. Оводовым в 1906 г., М.Н. Пряничкова взяла с жениха два обещания: не пить и не «учить» ее рукоприкладством. Жена белевского купца П.М. Федосеева, будучи моложе мужа на 21 год, после пятнадцати лет супружества в 1888 г. ушла от него к ровеснику – белевскому почетному гражданину Н.П. Сорокину. В качестве оправдания своего поступка женщину обвинила супруга в «пьянстве и деспотическом обращении». Однако обманутый муж отгел предъявленные обвинения, заявив что «...водку я пью, но не пьянствую», и что он «всегда с женой обращался ласково; ...никогда ни драк, ни ссор у меня с ней не было» [4, л. 45]. Это подтверждал и купеческий сын П.Ф. Мигунов, дававший свидетельские показания по делу о разводе четы Федосеевых: «Бывая у них в доме, деспотического отношения к ней не замечал. Жена...пользовалась от всех семейным уважением». То, что обвинения Федосеевой, возможно, были не вполне обоснованы, тем не менее, подтверждает расхожесть в купеческой среде стереотипа мужа как пьющего и подвергающего жену семейному насилию. С этим выводом согласуются и показания некоторых других участников рассматриваемого процесса. Пожилой белевский купец А.Н. Богданов (1828 г.р.) именно в «уважительном» отношении П.М. Федосеева к жене увидел причину его семейной драмы: «жена уехала потому, что муж держал ее очень свободно». Ему вторил и купеческий сын Н.В. Киселев (1854 г.р.), отметивший, что «...жена ушла от мужа потому, что плохо была воспитана и не приготовлена к семейной жизни» [4, л. 91].

Сохранение подобных взглядов на положение женщины, как и распространенная в купеческой среде достаточно большая разница в возрасте супругов, несомненно, влияли на характер взаимоотношений во многих семьях. Так, по воспоминаниям потомков некоторых купеческих родов, отношение женщин к мужьям в этих семьях характеризовалось

подчеркнутым уважением, но не более сильным чувством привязанности. Выйдя замуж, М.Н. Пряничкова до конца своих дней именовала мужа по имени-отчеству. Белевская купеческая дочь М.И. Игнатова, просватанная по «предварительному сговору, ... по старинке, а не по любви» за елецкого купеческого сына М.Д. Пришвина (в будущем мать писателя М.М. Пришвина), после двадцати лет брака, когда умер ее супруг «...вела себя так, как будто мужа она никогда не знала» [17, л. 10].

Решение супругов жить отдельно было в условиях дореволюционной России доступной альтернативой церковному разводу и, по-видимому, не всегда встречало осуждение близких разошедшейся пары. Так, родители ранее упомянутой П.М. Федосеевой, в недавнем прошлом также состоявшие в купечестве, не отказали от дома дочери, ушедшей от мужа и практически открыто жившей с другим мужчиной. В конце изучаемого периода встречаем уже юридическое оформление прав и обязанностей сторон в такой ситуации. В 1916 г. тульский купец В.М. Быков заключил нотариально заверенный договор со своей женой, согласно которому обязался содержать жену с дочерьми, в то время как его супруга, выехав из дома, обязалась избрать себе место жительства в пределах Московского учебного округа и не мешать свиданиям супруга с детьми [6, л. 1–4].

Справедливости ради нужно отметить, что заключение брака по любви также не гарантировало его от распада. Ранее упомянутые М.М. Мясищев и Н.Е. Дудкевич развелись после 15 лет брака в 1916 г. Обстоятельства развода позволяют предполагать сговор супругов, нацеленный на скорейшее получение согласия от Синода. Вину за измену взяла на себя жена, предоставив следствию необходимое количество свидетелей «прелюбодеяния» – трех человек (все из ее окружения). Каждый из свидетелей дал нужные показания, отказываясь назвать имя возлюбленного женщины. Не указал имени своего соперника и купец, что встречено в делах такого рода впервые. Сама Мясищева в процессе развода вернулась в католичество, что позволило ей не опасаться санкций со стороны православной церкви [5, л. 1–10]. Таким образом, к концу изучаемого периода распад купеческой семьи, хотя и оставался исключительным явлением, встречал в ряде случаев уже более рациональное отношение со стороны участников семейной драмы.

Реалии XIX – начала XX в. диктовали желательность как для мужчины-владельца семейного бизнеса, так и, в особенности, для женщины наличие брачного партнера и детей, гарантирующих обеспечение в старости. Купечество, устраивая браки своих детей, руководствовалось как социальным положением и уровнем благосостояния семьи предполагаемого супруга, так и его репутацией. Залогом прочности купеческих браков были многочисленные семейные обязанности, требовавшие взаимной поддержки и нередко участия в семейном предприятии обоих супругов. Однако результатом устроенных родителями браков и распространенности в

купеческой среде патриархальных стереотипов было достаточно сдержанное отношение купеческих жен к своим мужьям в некоторых семьях.

Список литературы:

- 1.ГАТО (Государственный архив Тульской области). Оп. 11. Д. 3194.
- 2.ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2246.
- 3.ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2432.
- 4.ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 448.
- 5.ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1575.
- 6.ГАТО. Ф. 202. Оп. 6. Д. 30.
- 7.ГАТО. Ф. 464. Оп. 1. Д. 829.
- 8.ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 5. Д. 12720.
- 9.ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 573.
10. ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 574.
11. ГАТО Ф. 819. Оп. 1. Д. 582.
12. ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 584.
13. ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 757.
14. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980.
15. Кусакин С.В. Храмы Куликова поля. Книга первая: Епифань, Монастырщина, Красный холм, Себино. Тула : АСТРА, 2010.
16. Майоров М.В. Последние кондитеры: Иван Скворцов и Петр Козлов // Тени старинного кладбища – Тульские некрополи. Тула : ООО «Борус-Принт», 2015.
17. Пришвина В. Д. Путь к слову. М : Молодая гвардия, 1984.
18. Свод законов Российской империи. Т. XV. Ч. I. Законы гражданские. Ст. 1110.

О.В. Полоцкая*

Коллективный портрет провинциального купечества на рубеже XIX – начала XX вв. (на примере города Тотьмы Вологодской губернии)

В данной статье приведена попытка воссоздать портрет провинциального купечества, основываясь на архивных документах, в частности на документах Тотемской городской управы: алфавитных списках предпринимателей и списках лиц, вступивших в сословие.

This article is an attempt to recreate a portrait the provincial merchant class, based on archival documents, in particular documents Totemskoj City Council: alphabetical lists of entrepreneurs and lists persons bar .

Ключевые слова: просопография, предпринимательство, гильдейское купечество, благотворительность.

Keywords: Prosopography, entrepreneurship, a Guild merchant, charity.

---

* **Полоцкая Ольга Владимировна**, научный сотрудник отдела фондов МБУК «Тотемское музейное объединение»

В современных социокультурных исследованиях особое внимание уделяется вопросам изучения целых групп людей, объединённых по общему признаку и их роли и моделей поведения в историческом процессе. Для этого используется так называемый просопографический метод – то есть составление коллективных биографий.

Составление подобных портретов позволяет выявить не только ряд характерных черт, присущих той или иной группе населения, но и воссоздать картину повседневной жизни определённого региона.

Объектом для данного исследования было выбрано провинциальное купечество XIX – начала XX в. на примере города Тотьмы Вологодской губернии.

Самое понятие «купечество» довольно сложное с юридической и с социальной точек зрения. В обыденном сознании, к данному сословию относят всех лиц, которые занимались торговлей, будь то мелкий лавочник или же владелец огромного числа торговых заведений. Тем не менее, обращаясь к законодательству Российской Империи, можно говорить, о том, что это отнюдь не так. Пребывание в купеческом сословии необходимо было подтверждать каждый год, приобретая специальный документ – гильдейский билет или как оно ещё называлось сословное свидетельство. Кроме того, купеческое звание не передавалось по наследству, хотя в источниках XIX – начала XX вв. встречаются такие понятия как: купеческий сын, купеческая жена, купеческая дочь, но опять же данные наименования указывались при наличии у семьи выкупленного сословного свидетельства. В том случае, если оно не продлевалось, все члены фамилии автоматически переводились в мещанское сословие [11, с. 65–76].

Манифест Екатерины II от 1775 г., который объявил о реформе городского управления, закрепил деление городских жителей на мещан и купцов, последние в свою очередь, делились по имущественному принципу на три гильдии. В 1863 г., в результате экономических реформ, третья была упразднена. К ней относились мелкие лавочники, содержатели постоянных дворов и трактиров.

В 1898 г. вышло Положение о государственном промысловом налоге, которое фактически дало свободу предпринимательской деятельности в Российской Империи. Гильдейский билет по-прежнему подтверждал принадлежность гражданина к купеческому сословию, но утратил свою значимость в предпринимательской деятельности. Сословные свидетельства больше выкупались из соображений престижа и сохранения традиций [12, с. 1180].

С введением промыслового налога начинается уменьшение численности купеческого сословия в государстве. В 1897 г. купцов с семьями на территории Российской Империи насчитывалось 281, 2 тыс. чел., что составляло 0,2% от всего населения. Основная часть купечества была сосредоточена в Москве, Петербурге, Херсонской и Киевской губерниях, а

также в Одессе. В 1899 г. численность купечества сократилась почти в два раза. В Москве насчитывалось 2,5 тысячи купцов, а двумя годами ранее это число составляло 19,5 тыс. чел. В 1912 г. – 2 тыс., а к началу Первой Мировой Войны – 1, 7 тыс. [12, с. 1172].

В 1897 г. Тотемская городская управа дала разрешение на содержание постоянного двора мещанке А.И. Баландиной [5, л. 5], на открытие буфета при Общественном собрании города статскому советнику Д.И. Ракову [5, л. 9]. Было одобрено прошение крестьянина С.Е. Самодурова об открытии постоянного двора [5, л. 10]. Такое же разрешение получила унтер-офицерская вдова Феона Шабанова [5, л. 13]. То есть, как мы видим, с введением промыслового налога, количество предпринимателей по городу наоборот возросло.

Обращаясь к спискам лиц, записавшимся в купечество по городу Тотеме за 1892, 1896, 1897, 1899 и 1917 гг., можно наблюдать уменьшение лиц купеческого сословия. Так, если в 1892 г. гильдейский билет получили на своё имя 24 чел. [6], то в 1899 уже 18 [5]. В 1917 г. в документах Тотемской городской управы зафиксировано всего лишь 8 купеческих фамилий [4].

При этом в источниках личного происхождения за эти годы имён купцов, как правило, перечисляется больше, что связано с наличием в обывательском сознании устоявшегося представления о том, что им является любой, кто занимается торговлей. Так, например, в документах часто упоминаются торговцы Каплины, которые юридически купцами не являлись, то есть не выкупали гильдейский билет, однако в воспоминаниях, а также краеведческой литературе, причисляются к данному сословию.

Большинство тотемских купцов имели благоприобретённый капитал, то есть заработанный самостоятельно. Из 18 купеческих фамилий в 1899 г. наследственный капитал имелся у купца II гильдии К.И. Замяткина, получившего его от матери и у солепромышленника А.М. Кокорева.

Среди лиц с благоприобретённым капиталом большой процент составляли выходцы из крестьянского сословия. Так, например, городской голова, купец I гильдии В.В. Карпов, упоминался в приходо-расходных книгах местного Спасо-Суморина монастыря, как «крестьянин Архангельской губернии», поставлявший в обитель стройматериалы. Там же встречалось упоминание о купце Михаиле Кондакове, владельце речных судов, который, как и Карпов происходил из архангельских крестьян [3, л. 20].

При этом среди купечества не имели продолжения старые тотемские династии предпринимателей, чья деятельность бурно развивалась в XVIII в.: Лебзиновы, Холодиловы, Нератовы, Черепановы, Пановы. Последние в начале XIX в. получили дворянство, но довольно быстро разорились. Одна из представительниц их рода – Мария Алексеевна Панова в 1870-х гг. вышла замуж за купца Замяткина. В приданое она получила довольно большое

количество земли в Тотемском уезде, а также усадьбу Внуково в Костромской губернии.

Новые купеческие династии в Тотьме начали складываться в 50-е, 60-е и 70-е гг. XIX в. То есть, это так называемое поколение «отцов», которые в это время вступили в гильдию и вплоть до начала XX в. ежегодно выкупали сословное свидетельство. Следующее поколение – это их сыновья, чей капитал уже фиксируется в документах как «наследственный», либо же они и вовсе вышли из состава купеческого сословия, при этом продолжая заниматься предпринимательством.

Старшее и младшее поколение купечества отличалось уровнем образования. Отцы, выросшие, как правило, в сельской среде, в лучшем случае могли совершать простые арифметические действия, а чаще всего просто не владели грамотой. Детям же они стремились дать образование. Девочки обучались в местной Мариинской гимназии, где упор был сделан на то, чтобы из них выросли хорошие хозяйки. Мальчики обучались в Реальном училище, где предпочтение отдавалось точным наукам, либо же в начальном училище.

Обязательным было обучение детей музыке. Иметь дома музыкальный инструмент или граммофон считалось в купеческой среде хорошим тоном. Купец А.М. Кокорев содержал в своём доме целый оркестр. Сам он умел играть на контрабасе, и выступал в составе городского оркестра, вместе с купцом А.М. Киренковым, инструментом которого была виолончель.

В купеческих семьях проживало, в среднем, от 3 до 15 чел.: сам купец, его супруга, их дети, внуки. Для сравнения, в некоторых регионах Сибири в одной купеческой семье могло проживать до 30 чел. Обычная мещанская семья в европейской части России насчитывала 5–6 чел.

Словных ограничений в выборе жениха или невесты не было. Так, например, дочь купца Киренкова Елизавета вышла замуж за учителя местной учительской семинарии Богословского, а сын купца Арсения Ефимовича Арсакова – Ермолай, женился на дочери кузнеца. Разница в возрасте у жениха и невесты могла составлять от года до 30 лет.

Семья тотемского купца второй гильдии М.Д. Рябкова в 1917 г. состояла из его супруги Ольги Васильевны, их детей – Геннадия и Александра с жёнами, младших Николая, Дмитрия и Сергея, двух дочерей – Екатерины и Веры 17 и 13 лет, внуков: Ольги, Татьяны и Марии. Ещё одна дочь Михаила Рябкова Елена, очевидно, к этому моменту времени вышла замуж и в документах, подтверждающих принадлежность семьи к купеческому сословию, не числилась [4, л. 3].

Семья купца М.М. Белова насчитывала одиннадцать человек. Самое многочисленное семейство было у купца второй гильдии П.И. Мишурина – сам купец, его супруга Таисия Васильевна, двое сыновей со своими жёнами, пятеро внуков и младший сын Александр.

В семье последнего городского головы А.М. Киренкова перед революцией проживало три человека – Александр Михайлович, его брат Павел 24 лет, и их мать купеческая вдова Любовь Осиповна. В своих воспоминаниях дочь купца Арсакова Ф.Е. Глазычева характеризует А.М. Киренкова, как «одинокого». В 1917 г. ему исполнилось 41 год, однако, ни женой, ни детьми он так и не обзавёлся, хотя он мог считаться завидным женихом, так как являлся самым богатым человеком в городе. Возможно, это являлось следствием изменения демографического менталитета населения, которое стало снисходительнее относиться к безбрачию, разводам и откладыванию браков.

Обладателей большого капитала среди тотемских купцов не было. Как правило, они содержали небольшие торговые заведения по продаже бакалейных товаров. Самые дорогие товары продавались в торговом доме Киренковых, которые выстроили в центре города двухэтажное здание. В нём помимо магазина существовала ещё гостиница, контора страхового общества «Россия», рейнский погреб, чайная и бильярдная. В магазине Киренковых продавали фотоаппараты, плёнки, канцелярские товары, музыкальные инструменты, а так же продукты питания: консервы, вино разных сортов, дорогие конфеты.

Часть выручки от торговли шла на благотворительные цели: содержание местных учебных заведений, помощь заключённым, сиротам, а также в случае необходимости, на нужды армии. К сбору средств подключались купеческие жёны и дети, участвуя в организации благотворительных спектаклей, а также кружечных сборах. Наибольшую помощь купечество оказывало образовательным учреждениям города. На средства предпринимателей оборудовали классы, закупали книги для библиотек, учреждали стипендии для малоимущих учащихся. Купец П гильдии К.И. Замяткин с 1893 по 1912 гг. избирался на должность попечителя Тотемской мужской учительской семинарии. За 10 лет попечительства он пожертвовал на нужды семинарии около 1 800 руб., за что был отмечен благодарностью Министерства народного просвещения. Также Замяткин помог организовать при семинарии музыкальный зал, кабинет физики и библиотеку [2].

Ещё одна черта, присущая провинциальному купечеству – активное участие в политической жизни города и уезда. В 1870 г. было издано Городовое положение, по которому вводилось всесословное выборное самоуправление. Основными его органами являлись городское избирательное собрание, городская дума и городская управа под руководством городского головы. Выбирать и быть избранными имели права лица, состоявшие в русском подданстве и достигшие 25 лет, любого сословия, владевшие в городе недвижимым имуществом, торговым предприятием, либо выплачивающего налог с промыслового или купеческого свидетельства [10].

В 1892 г. было принято новое Городовое положение, вследствие которого существовавший до этого имущественный ценз увеличился, и часть городских жителей – мелкие торговцы, интеллигенция, лишились избирательных прав [1, с. 107–112]. Для того чтобы ими владеть, необходимо было иметь в городе недвижимое имущество не менее чем на одну тысячу рублей. Таким капиталом в пределах Тотьмы владело только купечество, чем и объясняется их широкое представительство среди учреждений местного самоуправления.

Таким образом, объединяя черты, характерные для тотемского купечества, мы получаем целостный портрет. Купец в начале XX века – это выходец из другого сословия, чаще всего из крестьянства. Эта прослойка населения была малообразованной или вовсе не владеющая грамотой. Основная сфера их деятельности – торговля бакалейными товарами или содержание питейных заведений. Следует отметить высокую социальную активность предпринимателей: участие в местном самоуправлении и благотворительности.

На рубеже веков на смену старшему поколению купечества пришли их дети. Они уже существенно отличались от своих отцов. Это выражалось в уровне образования, мировоззрении и даже в моде, что отлично прослеживается по фотографиям начала XX века. Но следует отметить, что формирование нового типа предпринимателей в провинциальной Тотьме, в отличие от крупных городов, в обозначенный период времени только начиналось. При этом следовал процесс уменьшения численности сословия, связанный с тем, что молодое поколение постепенно отказывалось от приобретения гильдейских билетов.

Список литературы:

1. Бойко Н.А. Реформирование местного самоуправления в России в последней четверти XIX века // Современное право. 2006. № 9.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 852. Оп. 1. Д. 101.
3. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 97.
4. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 389.
5. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 294.
6. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 218.
7. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 287.
8. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 294.
9. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 296.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. II. Т. 45. (1870). № 48498. Городовое положение.
11. Свод законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. IX: Законы о состояниях. (Ст. 530–547).

12. Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 года). М.: РОССПЭН, 2008. Т. 1.

Н.К. Тарасов*

**Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции:
повседневность первого учебного заведения МВД Российской империи**

Статья посвящена повседневной деятельности Резерва Санкт-Петербургской столичной полиции – первого ведомственного учебного заведения Министерства внутренних дел Российской империи, созданного в 1867 г. При Резерве был создан Музей столичной полиции и градоначальства, экспонаты и фонды которого активно использовались при формировании у обучающихся профессионально значимых компетенций.

Article is devoted to daily activity of the Reserve of the St. Petersburg capital police – the first departmental educational institution Ministries of Internal Affairs of the Russian Empire created in 1867. At the Reserve the Museum of capital police and gradonachalstvo which exhibits and funds were actively used when forming at the studying professionally significant competences has been created.

Ключевые слова: Российская империя, полиция, Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции, профессиональная подготовка полицейских, Музей столичной полиции и градоначальства.

Keywords: Russian Empire, police, Reserve of the St. Petersburg capital police, vocational training of police officers, Museum of capital police and gradonachalstvo.

Официальный отчет истории российской полиции был начат в первой четверти XVIII в. [4, с. 20]. Вопросы профессионального полицейского образования долгое время оставались открытыми, и только в конце XIX в. были сделаны первые шаги для его решения: 17 июня 1867 г. был основан Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции [6, с. 1], ставший первым ведомственным учебным заведением Министерства внутренних дел Российской империи.

В Резерве Санкт-Петербургской столичной полиции проходили обучение будущие полицейские чины. Начальный этап становления Резерва системностью в обучении не отличался. Для обучения набирали 40–50 кандидатов, хотя плановый прием обучающихся составлял 150 чел. [6, с. 3]. Резерв имел слабую материальную базу, не укомплектованной была библиотека Резерва.

---

* **Тарасов Никита Константинович**, адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Н. С. Нижник)

После назначения градоначальником Санкт-Петербурга Н.В. Клейгельса, а руководителем Резерва – В.Ф. Галле [7, с. 90–92] началось реформирование центра профессиональной подготовки полицейских. Были созданы классы для теоретических и практических занятий городских, околоточных надзирателей, офицеров наружной полиции, городских речной полиции. Классы – новые просторные помещения, снабженные наглядным материалом, необходимым для обучения: моделями, образцами, значительным количеством руководств, пособий, инструкций. Для организации должного быта обучающихся были открыты молельная комната, спальни, кухня, пекарня, столовая, буфет и бильярдная.

Требования к лицам, поступающим в Резерв, были достаточно высокими: руководством Резерва собирались справки о кандидате со всех мест службы, из деревни, где он родился и вырос, которые должны были свидетельствовать о наличии у кандидата необходимых моральных и нравственных качеств и беспорочного поведения в прошлом [2]; важное значение имело физическое состояние кандидата. Требовалось, чтоб кандидат имел опрятную и располагающую внешность, крепкое телосложение, хорошее здоровье, острое зрение, чистую речь, рост не ниже 2 аршин 6,5 вершков (более 170 см). Кандидатами могли стать лица, достигшие 25-летнего возраста, имевшие сообразительность и расторопность [1, с. 16]. В Резерв принимали тех, кто имел оконченный курс сельской школы, звание унтер-офицера и находился в запасе после окончания службы в армии [2]. К кандидатам на конкретную должность могли предъявляться и дополнительные требования. Лица, зачисленные в Резерв, определялись в казармы и приступали к занятиям.

Курс обучения продолжался от двух недель до одного–двух месяцев в зависимости от перспективной должности: городские обучались в течение двух недель, околоточные надзиратели – свыше месяца. Обучение состояло из теоретической и практической части. В 1895 г. учебные программы были изменены, увеличен срок обучения низших чинов, введен обязательный выпускной экзамен. Не сдавшие выпускной экзамен, либо отчислялись из школы без права поступления на службу в полицию, либо направлялись на повторное обучение [3].

Теоретическая часть курса для нижних чинов включала в себя изучение приказов, циркуляров, специальных инструкций, порядка составления различного рода записок. Обязательным было заучивание сведений о членах императорского дома, о государственных служащих, занимавших высокие государственные посты, а также должностных лицах управления градоначальника и столичной полиции [2].

Для получения классного чина кандидаты проходили обучение по усложненной программе, предусматривавшей изучение уголовного законодательства, нормативных правовых актов, регламентировавших

полицейскую службу, а также получение ряда практических навыков. Обучающиеся по программе классных чинов полиции должны были изучить: «Устав о предупреждении и пресечении преступлений»; «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»; «Устав уголовного судопроизводства»; «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»; уставы казенного управления, уставы благоустройства и благочиния; обязательные постановления, изданные градоначальником, городской Думой, земскими собраниями, присутствиями по фабричным делам; участковое делопроизводство [3]. А также приобрести навыки использования различных приемов по обнаружению преступлений и нарушений, навыки осуществления антропометрии и дактилоскопии [3].

В учебном процессе при подготовке нижних и классных чинов активно использовались учебные пособия, разработанные под руководством начальника Резерва и при непосредственном участии Санкт-Петербургского градоначальника: пособие для подготовки на должности классных и околоточных надзирателей; инструкция околоточным надзирателям; инструкция чинам конно-полицейской стражи; руководство для подготовки на должность городского, инструкция для самообороны чинам полиции (с рисунками) и др. [6, с. 4]. Особого внимания заслуживает брошюра, изданная по распоряжению Санкт-Петербургского градоначальника генерал-лейтенанта Н.В. Клейгельса, в которой в сжатом виде излагались суть отношений полиции к обществу и к своим обязанностям [6]. В ней отмечалось, что «в основе всех полицейских действий должна лежать гуманность и защита слабых. Полиция является на помощь страждущему человечеству везде, где не достаточны силы одного человека и близких ему людей и общества» [6, с. 10]. Нравственно-мировоззренческие основы подготовки полицейского служащего в Резерве могли быть выражены в установке: «Любите ближнего своего как самого себя» [6, с. 10]. Впервые образовательный процесс в Резерве закладывал в обучающихся иной, отличный от дореформенного «тащить и не пущать», принцип работы, предполагающий, что в основе полицейской деятельности лежит «...предупреждение беспорядков и ... примирение враждующих сторон» [5, с. 303].

Важным являлось получение обучающимися навыков работы в различных бытовых условиях с представителями различных социальных слоев. Поэтому не случайным было изучение устройства выгребной ямы, дровяного двора, конюшни, других хозяйственных и бытовых построек; знакомство с образцами фальшивых монет, оружия; изучение и запоминание портретов преступников и фотографий мест происшествий [5, с. 302; 7, с. 91; 8, с. 108]. Многочисленные и разнообразные экспонаты, способствующие приобретению подобных навыков, были сосредоточены в Музее столичной полиции и градоначальства, фонды и залы которого активно использовались для проведения занятий, в том числе по истории Санкт-Петербургской

полицейской и по истории расследований наиболее громких дел [5, с. 302; 7, с. 91; 8, с. 108].

Курс обучения в Резерве заканчивался испытанием, которое проводила экзаменационная комиссия под председательством помощника градоначальника, в составе которой обязательно состояли полицмейстер, начальник Резерва и приставы [1, с. 17]. После экзаменационного испытания и получения положительного заключения комиссии кандидаты по представлению градоначальника пополняли полицейские подразделения.

Традиции профессиональной подготовки полицейских, заложенные в Резерве Санкт-Петербургской столичной полиции, сегодня востребованы и выступают надежным фундаментом для развития системы профессионального образования сотрудников российской полиции.

Список литературы:

1. Байкеева С.Е. Профессиональная подготовка служащих для правоохранительной системы Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2. С. 15–19.

2. Кузьмин А.А. Кадровый резерв Санкт-Петербургской полиции (1880–1905 гг.) // https://elibrary.ru/download/elibrary_21779112_44796121.pdf (дата обращения: 08.12.2017).

3. Невский С.А., Сычев Е.А., Аганесов Д.Е. Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX в // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. – <http://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-kadrovoy-raboty-v-politsii-v-grossiyskoj-imperii-v-kontse-xix-nachale-hh-v> (дата обращения: 10.12.2017).

4. Нижник Н. С. Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 10–22.

5. Нижник Н.С., Стоцкий А.П. Полицейский архив как фактор эффективной профессиональной деятельности полицейских Российской империи // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 301–304.

6. Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции. Специальная школа и музей столичной полиции. СПб., 1901. 33 с.

7. Стоцкий А.П. Владислав Францевич Галле: во главе полиции имперской столицы в годы революционных потрясений России // В сборнике: Юридическая наука и практика Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2017. С. 90–92.

8. Стоцкий А.П., Нижник Н.С. 300-летняя история полиции России в артефактах: полицейский архив в Санкт-Петербурге // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Саратов, 2016. С. 107–109.

Предыстория событий рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж» из переписки писателя и архивных документов.

Сюжет рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж» опирается на собственный жизненный опыт писателя и любовную историю его друга барона А.Е. Врангеля. Соперником барона оказался маркиз Н. А. де Траверсе, о роли которого на основании переписки писателя и архивных документов рассказывается в статье.

The story of F. M. Dostoyevsky «The Eternal Husband» is built on own life experience of the writer and a love story of his friend baron A. E. Wrangel. Marquis N.A. de Traversay was a rival of Wrangel. Article describes his role in love story on the basis of correspondence of the writer and archival documents.

Ключевые слова: Достоевский, Врангель, Траверсе, прототип, переписка, вечный муж.

Key words: Dostoevsky, Wrangel, Traverse, prototype, correspondence, eternal husband.

Один из литературных замыслов Ф. М. Достоевского 1850-х годов явился непосредственным отражением его жизни после каторги во время ссылки в Семипалатинске. Об этом не раз упоминал в своих письмах к Достоевскому Александр Егорович Врангель (1833–1915 гг.), областной прокурор в Семипалатинске в 1854–1855 гг. Юрист по образованию А. Е. Врангель по окончании лицея и службы в министерстве юстиции в возрасте двадцати одного года был назначен прокурором во вновь созданную Семипалатинскую область.

По приезде в ноябре 1854 г. он познакомился с Достоевским. Несмотря на разницу в 12 лет, между ними в Семипалатинске установились искренние дружеские отношения. По возвращении в Петербург Врангель хлопотал за ссыльного писателя. Из столицы он писал Достоевскому 25 октября 1859 г.: «Жду с нетерпением появления Вашего романа, не узнаю ли в нем знакомые личности, помните, как в Сибири Вы собирались все описать, и себя, и Х., и меня – да, жду наших портретов». [1]

А. Е. Врангель, по-видимому, должен был стать прототипом героя задуманного Достоевским романа. А сюжет – опираться на две развивавшиеся любовные истории: одну Ф. М. Достоевского и М.Д. Исаевой, завершившуюся женитьбой писателя, и другую, связанную с напряженными и мучительными отношениями Врангеля с женщиной,

---

* **Сычев Виталий Иванович**, профессор кафедры океанологии, канд. физ.-мат. наук, доцент, Российский государственный гидрометеорологический университет.

которую он и Достоевский в переписке, стремясь избежать огласки и ее компрометации, называли «Х». Дальнейшие исследования указали, что «Х» – это Екатерина Иосифовна Гернгросс, жена главного начальника Алтайского округа генерала А. Р. Гернгросса.

Роман не был написан Достоевским. В дальнейшем отношения, главным образом, со стороны писателя становились более прохладными, и он ограничился рассказом «Вечный муж», в основу сюжета которого легли воспоминания о романе А. Е. Врангеля, а также собственные жизненные впечатления автора семипалатинского периода.

Сохранившиеся подготовительные материалы к «Вечному мужу» содержали первоначальный план рассказа, по которому его действие происходило «8 лет назад в Твери». В окончательном тексте название города (Тверь) было заменено начальной буквой «Т», а Анна Ивановна стала Натальей Васильевной. Была также сохранена хронология событий жизни автора в Твери в 1859 г. Перенос событий, составивших предысторию взаимоотношений мужа и любовника, к этому городу, очевидно, был вызван желанием Достоевского сделать менее явной фактическую «сибирскую» ее основу – историю А. Е. Врангеля и Е. И. Гернгросс.

Роман Вельчанинова и Натальи Васильевны как предыстория изображаемых в рассказе событий описывается чрезвычайно кратко. Внешность, интеллект и манеры Натальи Васильевны не являлись совершенно исключительными. «А между тем, казалось бы, она и средств не имела, чтобы привлекать и поработать: «собой была даже и не так чтобы хороша; а может быть, и просто нехороша». Вельчанинов застал ее уже двадцати восьми лет [в действительности Е. И. Гернгросс в 1854 году было 36 лет – авт.]. Не совсем красивое ее лицо могло иногда приятно оживляться, но глаза были нехороши: какая-то излишняя твердость была в ее взгляде. Она была очень худа. Умственное образование ее было слабое; ум был бесспорный и проницательный, но почти всегда односторонний. Манеры светской провинциальной дамы и при этом, правда, много такту; изящный вкус, но преимущественно в одном только уменье одеться» [4, с. 31]. Привлекательность Натальи Васильевны близка к «животному магнетизму» и «колдовскому очарованию». В неверности Натальи Васильевны ее судьба и природа. «Это одна из тех женщин, – думал он [Вельчанинов], – которые как будто для того и рождаются, чтобы быть неверными женами. Эти женщины никогда не падают в девицах; закон природы их – непременно быть для этого замужем. Муж – первый любовник, но не иначе, как после венца. Никто ловче и легче их не выходит замуж. В первом любовнике всегда муж виноват. И всё происходит в высшей степени искренно; они до конца чувствуют себя в высшей степени справедливыми и, конечно, совершенно невинными». [4, с. 32]. Таким образом, Наталья Васильевна и Павел Павлович являются своего рода «идеальной парой»: он – вечно обманутый, ничего не подозревающий муж, а она – вечно неверная жена.

Подчеркивается, что в этих героях нет ничего исключительного, напротив, Достоевский, как будто стремится сделать их заурядными и обыкновенными [7].

После Вельчанинова так же был «погублен» и некто молодой Багаутов, пожертвовавший своей карьерой в Петербурге и проживший в любовниках пять лет в глуши. И снова и муж, и любовник – были в рабстве у «этой женщины», служили ее необходимым дополнением, и их обоих она обманывала. [8]

Реальная история отношений в Барнауле и переписка Достоевского с Врангелем содержит еще одного участника – маркиза Н. А. де Траверсе (1829–1864 гг.). Детство Николай де Траверсе провел в Ревеле в доме своего деда Л.В. Спафарьева, с восьмилетнего возраста чаще жил в Гельсингфорсе по месту службы отца. Благодаря хлопотам родственников был устроен в Царскосельский лицей, который в 1843 г. был переведен в Санкт-Петербург и стал именоваться Императорским Александровским.

А.Е. Врангель позже писал, что «в мае месяце [1850 г.], состоялся выпуск на службу лицейстов XVII курса. В Западную Сибирь первых охотников дал наш выпускной класс... туда отправились «облагораживать край», как мы тогда выражались, мои однокашники: маркиз Н. де-Траверсе, Ф. А. Анненков, барон Александр Штакельберг и Гиоббенет...» [3].

По-видимому, в связи с де Траверсе в рассказе вскользь упоминается Багаутов. Как и маркиз де Траверсе, Багаутов в «Вечном муже» не дожил до финала истории.

Маркиз был назначен в Томск в 1850 г. сначала в штат Томского Общего Губернского Управления, а в 1852 г. был избран в директоры Комитета по управлению тюрем и арестантов. В эти годы Н.А. де Траверсе помогал отцу генерал-майору маркизу Александру Ивановичу де Траверсе, который управлял Егорьевским золотым прииском, дарованным его старшей дочери Марии и ее мужу А. В. Паткулю императором Александром II.

Во время поездок по Сибири де Траверсе встречался со ссыльными декабристами и их родственниками. О нем упоминали в 1854 г. в письмах декабристы барон В.И. Штейнгель, Г.С. Батеньков и И.И. Пущин.

Н.А. де Траверсе пользовался расположением Е. И. Гернгросс, но отбыл в Санкт-Петербург в конце 1854 г. В ноябре того же года в Семипалатинск прибыл Врангель и был представлен Е.И. Гернгросс.

В дальнейшем Н.А. де Траверсе часто наезжал в Томск и бывал там как чиновник Государственного контроля. Ф. М. Достоевский неоднократно встречался с ним и упоминал маркиза в письме к старшему брату от 13–18 января 1856 г. из Семипалатинска: «Не показывай виду Врангелю, что знаешь про это*», но будь ему как брат родной, как я был ему, займи мою

---

*Речь идет о Екатерине Иосифовне Гернгросс» [6].

должность, наблюдай за ним, потому что он способен сделать... ужаснейшие дурачества, то есть трагические, а я бы этого не хотел. Есть некто маркиз де Траверсе (сын ревельского), и хоть они росли вместе и друзья, но мой барон имеет повод считать его своим соперником, поэтому они могут вдвоем наделать больших глупостей.

Достоевский понимал серьезность отношений А.Е. Врангеля к Е.И. Гернгросс и писал ему 14 июля 1856 г.: «Ведь Вы мне друг, брат, не правда ли? Чем это всё кончится, не знаю. Хоть бы сердце вырвать да похоронить, а с ним всё! Ради Бога, пишите как можно скорее о своей судьбе: приедете или нет? Я ничего Вам не, смею советовать; сами знаете. Но, ради Бога, уведомляйте меня скорее. Вы пишете про Маркиза и спрашиваете советов. Что сказать, не знаю! Вы пишете, что она его ненавидит, дурной признак! Лучше была бы равнодушна! *

Отвечая писателю, А.Е. Врангель писал 9 октября 1856 г. из своего имения Терпилицы: «Х... хотя и желала очень моего возвращения, но Маркиз что-то очень часто бывал у нее, и она нисколько не старалась его удалить, он даже едет скоро в Барнаул. Странная, непонятная это женщина, я уверен, что она любит меня, а между тем как-то стыдилась в этом признаться; уверяла, что равнодушна к Маркизу и принимала от него сотенные подарки и делала его своим factotum. Много я перестрадал за нее, много испортил крови и благодарю бога, что судьба нас разъединила, а между тем грустно вспомнить, что ее уже нет; в мучениях любви есть какое-то непонятное блаженство. Ваши опасения насчет Ма<ркиза> сбылись, мы разорвали бы друг друга если бы не умное вмешательство Х... Уезжая, она подарила мне свой портрет, и я обещал, что буду через 1 1/2 года в Барнауле, возвращаясь с Амура в Россию; она должна уже быть в Барнауле; я жил все лето в Петергофе и проводил дни с утра до вечера с нею, когда же 4 сентября она уехала, то я отправился в деревню и остаюсь здесь до конца октября...» [2]

Но Врангель не выдержал и последовал за Е.И. Гернгросс в Сибирь. Имелись свидетельства, что уже в конце ноября 1856 г. Достоевский встречался с ним и обедал у него в Барнауле.

Во многом благодаря заботам А.Е. Врангеля 6 февраля 1857 г. в Кузнецке состоялось бракосочетание Марии Дмитриевны Исаевой и Достоевского. Спустя некоторое время Достоевский встречался и с Н. А. де Траверсе, который также приезжал в Барнаул, о чем есть намек в письме писателя к А.Е. Врангелю от 9 марта 1857 г. В этом письме Достоевский

---

* Он безумно влюблен в одну здешнюю даму, даму в высшей степени порядочную, очень богатую и из почтенной семьи. (франц.)» [5]

писал: «...у Вас болезненно развилась чувствительность. Берегите и спасайте себя от этого; сильные перевороты в жизни помогают всегда; я был ипохондриком в высшей степени, но излечился вполне крутым переверотом, случившимся в судьбе моей» [1].

Здесь Достоевский имеет в виду свою женитьбу на М. Д. Исаевой и намекает, что Врангель не решился сделать такой же переворот в своей судьбе, когда влюбился в Екатерину Иосифовну Гернгросс.

Далее Достоевский рассказывает о первых днях своей супружеской жизни. Особое место в письме занимал его совет А.Е. Врангелю, который тот в дальнейшем принял: «...мне кажется, она не стоит Вашей любви; забудьте ее и не вините очень. Сойтись же Вам с ней опять очень трудно, ибо *le mari* [муж] раздражен против Вас. Забудьте же ее, и если не исчезла еще в Вас идея о браке с К., то женитесь...» [1].

Впоследствии судьба забросила маркиза Н. А. де Траверсе в Европу. [9] В январе 1862 г. он посетил в Лондоне А. И. Герцена, привез ему письма декабристов и другую корреспонденцию из России. Общался с ним и с М. А. Бакуниным, который бежал из Иркутска в Соединенные Штаты и прибыл в Лондон за несколько дней до приезда де Траверсе. Эта встреча состоялась между визитами к А. И. Герцену в Лондон Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. За связь с Бакуниным и Герценом маркиз де Траверсе был арестован в начале августа 1862 г. в Петербурге. После ареста его состояние было близко к критическому. Он понимал, что арест серьезно повредил всем многочисленным родственникам, в первую очередь обер-полицеймейстеру Петербурга А.В. Паткулю – мужу его сестры Марии, и отцу, на котором остались долги после неудачи с золотыми приисками в Сибири.

В декабре 1862 г. Н.А. де Траверсе обнаружил признаки психического расстройства, 26 августа 1864 г. был освобожден из Петропавловской крепости и отдан на поруки жены с учреждением на квартире полицейского караула. Спустя 10 дней, 5 сентября 1864 г. он умер в Санкт-Петербурге, и дело о нем прекращено за смертью.

Что касается дальнейших контактов Достоевского и Врангеля, после возвращения писателя из Семипалатинска в Тверь, а затем и в Петербург, его переписка с Врангелем была нерегулярной, а их встречи были редкими.

В 1865 г. писатель приезжал в Копенгаген к Врангелю, а в последний раз они встретились через семь с лишним лет, в 1873 г. в Петербурге, когда Достоевский зашел вернуть барону долг. Врангель не обиделся на прохладную встречу – культ Достоевского он пронес через всю свою долгую жизнь. Достигнув преклонного возраста и подводя итоги жизненного пути, он понял, что лучшей страницей в книге его жизни была дружба с великим писателем.

Список литературы:

1. Врангель А.Е. Письма. Достоевскому Ф. М. 9 ноября 1859 г. Петербург. Электронная публикация: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskomu/vrangel-dostoevskomu-9-noyabrya-1859.htm> (дата обращения: 25.02.2018). Печатается по подлинникам: Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 212. Оп. 1. № 63.
2. Врангель А.Е. Письма. Достоевскому Ф. М. 9 октября 1856 г. Мыза Терпилицы. Электронная публикация: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskomu/vrangel-dostoevskomu-9-oktyabrya-1856.htm> (дата обращения: 25.02.2018). Печатается по подлинникам: ЦГАЛИ. Ф.212. Оп.1. №63.
3. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854–56. СПб.: Тип. А.С. Суворина.1912. С. 9–10.
4. Достоевский Ф.М. Вечный муж // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отд. 1990. Т.8. С. 5–138.
5. Достоевский Ф.М. Письма. 45. М. М. Достоевскому. 13–18 января 1856. Семипалатинск // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука. 1996. Т. 15. С. 116–117.
6. Достоевский Ф.М. Письма. 52. А. Е. Врангелю. 14 июля 1856. Семипалатинск // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука. 1996. Т. 15. С. 152.
7. Зимина Н. Ю. Образ падшей женщины в повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» // Молодой ученый. 2015. №6. С. 809–811. – URL <https://moluch.ru/archive/86/16065/> (дата обращения: 25.02.2018).
8. Криницын А. Б. Сюжетно-мотивная структура повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» // Электронная публикация: http://www.portal-slovo.ru/philology/45122.php?sphrase_id=66505/ (дата обращения: 25.02.2018).
9. Сычев В.И. «Маркизова лужа»: Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. Санкт–Петербург: Премиум–пресс, 2014. С. 69.

Л.И. Новикова*

Повседневная жизнь Кронштадта на страницах «Кронштадтского вестника»

Рассматривается газета «Кронштадтский вестник» как источник сведений о повседневной жизни Кронштадта и Санкт-Петербурга в первой половине XIX. Показана деятельность редакции по сбору и публикации материалов по истории Кронштадта.

The newspaper "Kronstadt Herald" is considered as a source of information about the daily life of Kronstadt and St. Petersburg in the first half of the XIX century. The work of the editorial board on the collection and publication of materials on the history of Kronstadt is shown.

---

*Новикова Лидия Игоревна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки

Ключевые слова: Балтийский флот; «Кронштадтский вестник»; Периодическая печать; Кронштадт

Keywords: Baltic Fleet; "The Kronstadt Herald"; Periodic printing; Kronstadt

Периодические издания всегда рассматривались как интереснейшие источники краеведческих сведений, ведь они досконально воспроизводят картину повседневного быта, раскрывают различные нюансы общественной жизни, характерные именно для своей адресной группы, определяемой территориальной или ведомственной принадлежностью издания.

В этом плане периодические издания Морского министерства, выходявшие в XIX-XX вв. могут рассматриваться как малоизученные с краеведческой точки зрения, но крайне интересные источники. В научный оборот уже давно введены краеведческие материалы, опубликованные на страницах журнала Морского министерства «Морской сборник» и более раннего – «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности» (первая книга вышла в 1807 г). Характерный стиль корреспондентов журнала – морских офицеров, отличался четкостью и подробностью изложения – привычка, выработанная жесткой нормой ведения вахтенного журнала, где от моряка требовалось умение ясно и связно описать увиденное на чужих берегах.

Намного труднее выявить краеведческий материал, размещенный в газете. Как еще одну составную часть комплекса краеведческой информации, рассеянной в военно-морской периодике, мы можем рассматривать материалы, публиковавшиеся газетой «Кронштадтский вестник».

Первый номер газеты увидел свет летом 1861 г. Основателями газеты была небольшая группа офицеров флота и преподаватели кронштадтских учебных заведений. Все они были участниками неформального кружка, любившего собираться за чашкой чая в квартире лейтенанта Н.А.Рыкачева. Он и стал инициатором создания и первым главным редактором "Кронштадтского вестника. Блестяще образованный офицер, участник нескольких сражений, командир винтового корвета "Новик", Рыкачев, тем не менее, всегда тяготел к литературной работе. Первые его публикации — путевые заметки "Три месяца во Флиссингене", опубликованные в журнале «Морской сборник» в 1856 г., были затем переизданы отдельным изданием, и с тех пор статьи Рыкачева регулярно печатались на страницах морской прессы.

Свою задачу издатели видели так: первое — «следить за успехами морского дела и заниматься интересами морского сословия. Второе, — сообщать городские известия, известия внутренние и внешние, одним

словом – служить городским органом» [1]. На третьем году существования газета получила право печатать приказы Морского министерства, что раньше было исключительным правом «Морского сборника». Таким образом, газета стала военно-морским полуофициозом, и Морское министерство назначило ей пособие в 3 тысячи рублей в год. «Кронштадтский вестник» быстро приобрел популярность. Умело дозируя местную информацию с новостями флота, серьезные статьи по морским вопросам с фельетонами, он сумел завоевать сердца читателей не только в Кронштадте и Санкт-Петербурге, но и в отдаленных морских портах. Так же как и его «старший брат» «Морской сборник», газета предоставляла свои страницы корреспондентам из Архангельска, Свеаборга, Севастополя, Ревеля и других мест базирования российского флота. Не смотря на то, что на ее страницах могли поделиться новостями и обсудить острые вопросы читатели из Астрахани, прибалтийских портов, Севастополя и Николаева, и даже из далекого Николаевска-на-Амуре, большая часть краеведческого материала все же отражала жизнь Кронштадта и Архангельска, уже тогда славившимся своими краеведческими традициями, в газете присутствовала рубрика «Корреспонденция "Кронштадтского вестника"», где добровольные корреспонденты из портов делились своими наблюдениями.

Обсуждение городских новостей рождало на страницах газеты оживленную полемику: «Кронштадт вел чисто патриархальную жизнь, почему те или иные отрицательные черты города оставались как бы в своей семье и не выходили за порог дома. С появлением же печатного органа и вместе с ним обличительных статей, ... выводящих на суд общества того или другого аборигена..., вполне понятно враждебное чувство публики, считавшей эти статьи, по меньшей мере, «вынесением сора из избы» [2].

Газета практически сразу же стала площадкой для обсуждения насущных городских проблем. Заметки, новости и даже жалобы кронштадтских обывателей, появляясь на страницах газеты, переплетаются в картину городской жизни, донося до нас бытовые подробности более чем 150-летней давности, оказывающиеся такими близкими и понятными и для наших современников. Редакторы в начале работы изумлялись количеству и напору обращений: «Вчера, говорит один Г. я упал на скользком тротуаре, расскажите об этом в вашем Вестнике и попросите дворников, что бы они посыпали песком тротуары. Другой рассказывает о ледяных горах, образовавшихся около фонтанов, исчисляет целый ряд несчастий, которые могут произойти от этого. Третий просит описать случай с одною женщиной, которую чуть не задавили рысаки, гоняющие на наших улицах по воскресеньям. Там жалуются на ломовых извозчиков; говорят, что они ездят неосторожно; советуют принять меры, завести нумера и т.д.» [3]. «Кронштадтский вестник» быстро приобрел популярность. Умело дозируя местную информацию с новостями флота, серьезные статьи по морским вопросам с фельетонами, он сумел завоевать сердца читателей не только в

Кронштадте и Санкт-Петербурге, но и в отдаленных морских портах. Мы с полным правом можем рассматривать это издание как не только ведущую газету Кронштадта конца XIX, но и морского дела России в целом [4].

Одновременно, с первых же номеров газеты, прослеживается ярко выраженная краеведческая направленность издания – черта, перекочевавшая со страниц «Морского сборника», который с 1855 г. не ограничивая себя жесткими цензурными рамками, начал рассматривать вопросы не только военно-морского, но и гуманитарного характера, стремительно вырвавшись в число наиболее читаемых в Российской Империи журналов. Надо отметить, что интерес к изучению места, куда закинула служба, составление путевых записок об увиденном в дальних странах — было присуще русскому морскому офицерству еще со времен первых отечественных кругосветок. Отчасти этой традиции способствовало разностороннее образование, полученное в стенах Морского корпуса с его прекрасно поставленными библиотеками. «Изучение местной старины всегда казалось нам предметом, входящим в круг деятельности местного органа печати и потому «Кронштадтский Вестник» никогда не отказывался давать место статьям, посвященным истории какого-нибудь городского или портового учреждения или описанию события, относящегося к истории нашего города» писал Н.А. Рыкачев в предисловии к приложению к газете, носящем истинно краеведческое название «Кронштадтская старина» [5].

Рубрика «Кронштадтская летопись» следовала из номера в номер, описывая повседневную жизнь города-крепости: погода, нравы, открытия театра, вернисажи, описание собраний различных клубов и, разумеется, состояние гордости Кронштадта и всего Балтийского флота – Морской библиотеки. Именно в ней располагалась редакция газеты, а один из редакторов – С.И. Неделькович являлся одновременно и библиотекарем. Подробно обсуждаются вопросы выборов в совет библиотеки, систему каталогов и расстановки книг. Автор фельетона, напечатанного в 1862 г. описывает, какой популярностью пользовался среди читателей роман «Отцы и дети» И.С. Тургенева, опубликованный в «Русском вестнике». «Список кандидатов был до того длинен, что последним приходилось ждать месяца два или три, а поэтому многие выразили желание чтобы эту книжку не выпускать из библиотеки, а оставить на столе вместе с новыми журналами, чтобы доставить случай по возможности большему числу читателей ею воспользоваться .... многие берут эту книжку почитать в 10 часов вечера, когда запирается библиотека, до 9 часов утра следующего дня». Популярный роман, наконец, привлек в библиотеку и жительниц Кронштадта: «Дамы, которые имеют полное право посещать библиотеку, прежде очень редко пользовались этим правом, а теперь приходят сюда, чтобы прочесть «Отцов и детей». Если бы роман этот не имел бы даже особенных литературных достоинств, которыми так богаты все произведения Тургенева, то уже за одно то, что из за него наши дамы начали посещать библиотеку, он в наших

глазах получил бы большее значение. Я этим отнюдь не хочу сказать, что дамы наши не любили чтения – Боже избави! ... а все таки скажем, что в прежнее время очень, очень редко случалось встретить в библиотеке даму, что-нибудь читающую. "Как то неловко придти читать" говорили многие, "Обратишь на себя внимание"». Автор удивлен: «обычно женщины чего только не делают, с целью обратить на себя внимание!» [6].

Обсуждение наиболее актуальных тем, волнующих горожан, переключивается из номера в номер, газета дает слов представителям разных точек зрения, позволяя современному исследователю увидеть различные срезы того или иного вопроса. На страницах газет продолжают жить забытые мелкие штрихи, передающие атмосферу провинциальной жизни маленького города-острова, расположенного на орбите огромной столицы. Например, гуляющие в начале 60-х годов XIX века кронштадтцы, входя в Летний сад, видели табличку «служащую предостережением для гуляющих, как должно вести себя во время прогулки». Текст гласил: «В саду гулять, Но цветов не рвать, Травы не мять, Деревья не ломать, Собак с собою не водить, Детей в тележках не возить» [7]. Автор фельетона едко пошутил по поводу нескладных стихов, особенно отметив «что дети, не успевшие еще приобрести ноги, которыми могли бы сами прогуливаться, не умеют читать». К следующему выпуску фельетона администрация сада, учтя критику, привела работу и автор констатирует, что в табличке «последняя строфа уничтожена, но часовой, стоящий у входа в сад по старой памяти нянюшку с ребенком в коляске не пустил» [7]. Другой корреспондент, скрывающийся под псевдонимом «истинный театрал», описывает массовую панику в Кронштадтском театре, причиной которой послужила драка мальчишки буфетчика и его брата. Зрители же, напуганные слухами о недавних пожарах в Санкт-Петербурге, в ужасе бежали, но вскоре вернулись. Артисты же продолжали играть [8].

Но все же редакция видела свою миссию не только в фиксации повседневных новостей, уделяя большое внимание публикации исторических очерков. Собираение материалов, посвященных истории острова и города было одной из программных задач газеты. Рыкачев мечтал о подготовке серьезного научного труда, охватывающего всю кронштадтскую историю. «В слишком 20-летнее существование «Вестника» в нём найдётся немало статей, могущих служить материалом для будущего историка города Кронштадта и кронштадтских портовых сооружений, ... Не теряя надежды на возможность составления такого очерка в будущем, редакция "Кронштадтского Вестника" решила продолжать собирание материалов, которые могли бы облегчить работу будущего историка Кронштадта и его портовых сооружений» [5].

К работе старались привлечь настоящих знатоков дела. По просьбе редакции, историограф российского флота С.И. Елагин в 1866 году опубликовал целый ряд очерков (фельетонов), посвящённых краткому

очерку начала Кронштадта и его развитию в петровское время. Ранее ряд статей опубликовал на страницах газеты первый кронштадтский краевед, начальник Кронштадтского портового архива И.И. Стренцель, известный своими публикациями по истории флота. Написанные им специально для «Кронштадтского вестника» исторические очерки и фельетоны затем были переизданы отдельным изданием «Кронштадт 50 лет назад» (Санкт-Петербург, 1874). Когда же газета напечатала исторический очерк, принадлежащий перу некоего Александра Трескина [9], Стренцель ответил разгромной статьей, обличающий исторические ошибки, допущенные незадачливым автором [10].

В 1885 г. Н.А. Рыкачев, видимо отчаявшись дожидаться достойного исторического труда по кронштадтской истории, составляет собственный труд «Кронштадтская старина : Материалы для истории укреплений и портовых сооружений Кронштадта» (Кронштадт, 1885.), донесший до нас много любопытных исторических деталей, в частности, описание двух кронштадтских пирамид. Украшенные двуглавыми орлами, держащими корабли вместо державы, деревянные пирамиды стояли поставленными в устье canale Петра Великого, чтобы «передать благодарному потомству вечную память о гигантском сооружении, предначертанном и начатом Петром Великим и законченным при Императрице Елизавете Петровне», но были разобраны в первой половине XIX столетия.

Подводя итог, мы можем утверждать, что «Кронштадтский вестник» является ценнейшим источником краеведческих сведений о жизни города-крепости более полутора веков назад. Этот массив материалов, представляющий ценные знания не только по истории Кронштадта и Санкт-Петербурга, но и других портовых городов, откуда в редакцию присылали свои краеведческие заметки добровольные корреспонденты, еще ждет своих библиографов, способных систематизировать и описать эту информацию для введения ее в научный оборот.

Список литературы:

1. От редакции Кронштадтского вестника // Кронштадтский вестник. 1862. № 51. С.1.
2. Макарова А. «Кронштадтский вестник» есть шканечный журнал Морского ведомства : к 165-летию газеты // Кронштадтский вестник: [сайт]. URL: <https://kronvestnik.ru/history/22306> (дата обращения: 07.11.2017).
3. Кронштадтский вестник. 1861. № 42. С.4.
4. Степанов С.В. Городская пресса морского города российской империи // Вестник СПбГУКИ. 2015. №1 (22). С.120-122
5. Рыкачев Н. А. Кронштадтская старина : Материалы для истории укреплений и портовых сооружений Кронштадта. Кронштадт, 1885. С.1.
6. Кронштадтский вестник. 1862. № 25. С. 135-136
7. Летняя физиономия Кронштадта : фельетон // Кронштадтский вестник. 1862. № 50.

8. Вспышка панического страха в театре / Истинный театрал // Кронштадтский вестник. 1862. № 46.

9. Исторический очерк Кронштадта / Александр Трескин // Кронштадтский вестник. 1862. № 66.

10. По поводу статьи «Исторический очерк Кронштадта / И. Стренцель. // Кронштадтский вестник. 1862. № 79.

И.В. Максимова *

Царицынские трущобы и их обитатели на страницах газеты «Волжско-Донской листок» (Очерки с натуры)

В статье впервые проведен источниковедческий анализ цикла очерков «Царицынские трущобы (Очерки с натуры)», опубликованного на страницах местной газеты «Волжско-Донской листок» за 1900 г. Раскрывается информационный потенциал и возможности использования введенных в научный оборот материалов для реконструкции повседневности обитателей трущоб в уездном городе Саратовской губернии – Царицыне.

This article was first conducted source analysis of the cycle of essays «The Tsaritsynskiye slums (Sketches from nature)», which was published in the local newspaper «Volzhsko-Donskoi listok», 1900. The author discloses the information potential and the possibilities of using the materials introduced into the scientific circulation for the reconstruction of the daily life of slum dwellers in the provincial city of Saratov province, Tsaritsyn.

Ключевые слова: история повседневности, газета «Волжско-Донской листок», Царицын, трущобы, городская беднота.

Keywords: the history of everyday life, the newspaper «Volzhsko-Donskoi listok», Tsaritsyn, slums, urban poor.

Со второй половины XX в. в неклассической исторической науке все большую популярность завоевывает такое направление в изучении исторической реальности как «история повседневности». Введение новых и переоценка традиционных источников, активное использование метода вчитывания в текст значительно расширяют проблемное поле, источниковую базу и в целом исследовательские возможности для историка повседневности. В виду ограниченного количества дошедших до нас источников по истории Царицына, включая материалы, проливающие свет на «жизнь незамечательных людей», обращение к местной газете «Волжско-Донской листок», выходившей с 1885 по 1901 г., приобретает особую актуальность. Следует отметить, что современные авторы (А.В. Луночкин,

---

* **Максимова Ирина Васильевна**, кандидат исторических наук, преподаватель первой категории, специалист по УМР, Волгоградский государственный медицинский университет.

Д.И. Тушканов, Р.В. Шкода и др.) прежде всего интересуются историей становления и развития первой царицынской газеты. При этом огромный пласт газетных материалов, порою уникальных, по-прежнему выпадает из поля зрения исследователей. Работа в отделе газет Российской национальной библиотеки позволила частично прикоснуться к «terra incognita» местной прессы.

На создание статьи нас вдохновил цикл очерков «Царицынские трущобы (Очерки с натуры)», опубликованный в отдельных номерах газеты за 1900 г. Автор – некто Бинокль, предпочитавший, как и многие его «собратья по перу», писавшие на злободневные проблемы, использовать псевдоним. К сожалению, его подлинное имя установить не удалось. Можно лишь догадываться, что это был человек образованный, и если не уроженец города, то не один год проживший в Царицыне, успевший изучить местные нравы изнутри. Пока мы располагаем применительно к исследуемому периоду лишь общей информацией: начиная с 28 ноября 1897 г. и до конца издания, 28 ноября 1901 г., фактическим редактором газеты являлся врач Владикавказской железной дороги и владелец книжного магазина Н.С. Шешминцев. При новой редакции, по мнению А.В. Луночкина, общий уровень газеты «Волжско-Донской листок» и ее информативность существенно понизились. Неспособность полноценно конкурировать с большой ежедневной газетой «Царицынский вестник», основанной в 1897 г. Е.Д. Жигмановским, выразилась на страницах издания в оскорблениях и нападках в адрес соперника [13, с. 120].

Как и в предыдущие годы, газета выходила под предварительной цензурой местного полицмейстера. В силу ограниченности программы редакция не имела права помещать политические и литературные материалы. Однако Н.С. Шешминцев, также как и его предшественник Е.Д. Жигмановский, шел на нарушения программы, размещая на страницах издания очерки и рассказы, за что привлекался к судебной ответственности. В данных условиях стоит ли удивляться, что Бинокль предпочел не раскрывать свое инкогнито?..

Написанные в лучших традициях дореволюционной журналистики, рассматриваемые «очерки с натуры» открывают целую галерею обитателей царицынских трущоб. Подзаголовки, объединенные единым циклом, весьма показательны: «“Кильдим”» (№ 86); «“Харчевня”» (№ 88); «Квартира для рабочих артелей» (№ 96); «“Красные кушаки”» (№ 97); «Притоны Бахуса и Венеры», «“Тришкин кафтан”», «Картежники» (№ 99); «“Чародейка”», «Старый кот на покое» (№ 101); «“Оберши”» (№ 102); «Картежники и шулера» (№ 107); «“Паровоз”» (№ 112); «Самоуправцы и баши-бузуки» (№ 116); «На то и щука в море...», «Чужие капиталы», «Двоеженец» (№ 137); «В “модной мастерской”» (№ 145) [1-12]. Прежде чем приступить непосредственно к анализу содержания очерков выясним, какой смысл вкладывали современники, включая Бинокля, в термин «трущоба».

Подробный разбор этимологии понятия содержится в работе «История слов» известного советского лингвиста В.В. Виноградова [15]. Любопытно, что именно во второй половине XIX в. в литературе утверждается трактовка термина в третьем значении, близком к наиболее распространенному ныне пониманию. В этом несомненная заслуга популярного писателя той эпохи Вс. Крестовского и его романа «Петербургские трущобы», увидевшего свет в 1860-е гг. В слове трущоба развивается значение «притон преступных элементов, находящийся в бедной, грязной, тесно застроенной части города», а в дальнейшем «сама эта грязная, окраинная, бедная часть города и даже шире – страны» [цит. по: 15]. Уже к концу века обитатели «городского дна» все чаще попадали в поле зрения писателей и журналистов. Вл. Гиляровский, до написания «Москва и москвичи» еще далеко, но произведение «Трущобные люди» уже принесло ему славу; М. Горький со своими жизненными рассказами о «босяках» и «бывших людей»; А. Бахтиаров, создатель очерков «Брюхо Петербурга», «Чрево Москвы», «Босяки. Очерки с натуры»; А. Свирский с серией очерков «Ростовские трущобы», «По тюрьмам и вертепам», «Погибшие люди»... Список авторов и их произведений может быть продолжен. Мы склоняемся к мнению, что публикация в местной газете крупного города цикла очерков «Царицынские трущобы» – это скорее следование общей тенденции, чем исключение, а в чем-то даже дань столичной моде. Не стоит также забывать настойчивое желание Н.С. Шешминцева составить конкуренцию Е.Д. Жигмановскому и его изданию в борьбе за читательскую аудиторию.

Что же собой представляли царицынские трущобы? Открывая цикл очерков, Бинокль отмечал: «Во всех больших городах, где скопляются массы рабочего народа, темных личностей и пр. и пр., имеются притоны и трущобы, в которых этот приезжий и местный люд ютится временно или постоянно, находит себе ночлег, особенно зимою, перебивается во время безработицы или потери места». Во вводной части автор указал на свой основной метод сбора информации: «Изучить быт этих трущоб нелегко: требуется окунуться в эту грязь на неделю – на две, чтобы составить себе некоторое понятие об этих по истине ужасных притонах». Главными задачами написания предлагаемых очерков, по сути, являлось «...ознакомить читателей с некоторыми из этих притонов, чтобы показать, что имеется в нашем городе в этом отношении», а также посредством описания отдельных типов обитателей притонов выяснить, «что приводило этих людей к такому ужасному существованию...» [1, с. 3].

Уже с первых строк вырисовывается субъективность авторской манеры повествования, его явное сочувствие к несчастным, опустившимся на социальное дно общества людям. Также становится очевидным, что Бинокль, как и большинство его современников, жестко не разводил понятия «притон» и «трущоба». Данное обстоятельство вполне объяснимо, ведь притон – это некое ядро, неприглядное «лицо» любой трущобы, рассадник

преступности. Об остроте криминальной ситуации в Царицыне, особенно на печально известных окраинах «Кавказ», «Балканы», «Бутырки», «Вор-гора», свидетельствуют многочисленные, в том числе архивные материалы [см.: 14, с. 271–275].

Ну а теперь давайте вслед за Биноклем войдем в один из царицынских притонов, с которого читателям и было предложено начать осмотр. Перед нами «Кильдим», оригинально прозванный так самими ночлежниками. «Почти в центре города на А-ской улице, на одном из дворов стоит флигель с нижним этажом, который скорее можно назвать сырым и темным подвалом, чем жилищем, предназначенным для обитания человеческого». Для спуска в подвал требовалось, сгибаясь, пройти по избитой кирпичной лестнице. Открыв тяжелую дверь с оборванной рогожей, вы бы попали «...в темное, закопченное и покрытое паутиной помещение, где набито было людей обоего пола от 14 – 15-ти-летнего до 70 – 80-ти-летнего возраста так много, что спали всегда вповалку». Ниже читаем: «Это был притон разврата, сводничества, попрошайства, беззаботных кутежей и оргий» [1, с. 3].

К еще одной разновидности притонов Бинокль отнес квартиру для рабочих артелей. «Один из аферистов, одержимый бесом наживы, задумал выстроить квартиры для рабочих артелей...». Такова завязка, а вот и результат его начинаний: «Курьезное жилище вскоре набилось квартирантами, вместе с которыми поселились также клопы, блохи и прочие паразиты, и в «ковчеге», таким образом, оказалось “всякой твари по паре”, а грязь, копоть и прочая гадость дополняли собою все остальное». Кто же являлся жильцами сего «антисанитарного» и «ужасного» жилища, наподобие «авгиевой конюшни»? «Летом обитали здесь артели грузчиков на пароходных пристанях, а зимою набивались то песенники из трактиров, то разные жулики и мазурики... нищие и т. д. и пр.» [3, с. 2].

Говоря о драматизме жизни местных обитателей, автор за подтверждением обращался к конкретным случаям, примерам «...людовой скорби, нужды и безвыходного положения». Потрясает судьба истощенной и напуганной девочки, не старше 14 лет, которую родная мать в чужом городе отвела и оставила в одном из притонов разврата. 3 рубля, полученные от хозяйки борделя и потраченные главным образом на водку – такова цена материнской любви и пьяного благополучия! Самое страшное, что «такие “грустные повести” бывали здесь нередко; они не возмущали уже ничего нравственного чувства, ибо сделались заурядными...» [3, с. 2].

Особой популярностью в Царицыне пользовались трактирные и кухмистерские заведения, являвшиеся основными местами отдыха и развлечений для обитателей городских трущоб. Вот одно из описаний местной харчевни, владельцем которой был кузнец: «На базарной площади, под одним из грязных трактиров внизу был грязный подвал, в котором подавались обеды, чай и ужины для простонародья, по ночам собиралась беднота для ночевки». Харчевня притягивала пришлых и местных жителей

как магнит: «...публика не переводилась ни днем, ни ночью. Проигравшиеся шулера, оставшиеся без мест приказчики, пришедшие сюда для приискания работы крестьяне и пр. и пр. жило здесь...» [2, с. 2].

Среди посетителей харчевни выделялся седой, но бодрый и сухожилистый «странник» 70 лет, который, будучи под хмельком, с готовностью делился с «ночлежниками» подробностями своей жизни. Пройдя пешком чуть ли не всю Русь, «странник» не занимался ничем, кроме попрошайничества и нелепых рассказней [2, с. 2]. Другой, не менее оригинальный тип – купеческий сынок Трубкин. К 26 годам зарекомендовал себя как мот, проныра и соблазнитель девушек. Основная сфера деятельности помимо охоты за приданым – шулерство. Значительное внимание автор уделит изложению одного из романтических походов этого «рыцаря печального образа». В центре классического сюжета «Негодяй и его жертва» – коварный соблазнитель Трубкин и соблазненная им, наивная 15-летняя девушка, после многих мытарств, будучи беременной, возвращенная в лоно семьи в Вологду. Наш герой, в конечном итоге женившийся на дочери хозяина харчевни, остался верен себе: кутил, побивал жену, картежничал и мухлевал [2, с. 2–3].

Другое печально известное место для проведения досуга «заезжих гуляк» – некогда стоящая на берегу р. Царицы ветхая торговая баня и примыкающей к ней притон, именуемый в вывеске «залом». Услуги «размалеванных» красоток, служивших «приманками», дорого обходились посетителям – подчистую обчищенными карманами и кошельками [5, с. 2].

Ограниченность объема настоящей статьи не позволяет подробно проанализировать весь комплекс выявленных источников, наметим лишь возможные пути их использования в ходе дальнейших исследований. Так в цикле очерков содержатся ценные материалы для реконструкции женской повседневности и в целом изучению гендерных взаимоотношений. Помимо озвученных выше историй о несчастной девочке, проданной матерью в публичный дом, коварном соблазнителе Трубкине и его жертвах, интерес представляют: характеристика, данная автором, хозяйке («кильдимше») и ее семейству [1, с. 3]; история жизни содержательницы постоялого двора, вдовы Катерины Власьевны, прозванной в народе «чародейкою» [6, с. 2]; очерк о женах обер-кондукторов, на местных манер получивших имя «оберши» [7, с. 3]; небольшой экскурс в жизнь работниц «модной мастерской» [12, с. 3].

Показательны воссозданные на страницах газеты и мужские образы, составляющие галерею царицынских пройдох: предприимчивый портной некто Парисов, склонный к различному роду махинациям [5, с. 2]; отставной унтер-офицер Пуховиков, «на покое» организовавший торговую баню, притон разврата и трактир [6, с. 2]; картежники и шулера разных мастей [5, с. 2; 8, с. 3]; владелец сада, некий мещанин Б. и его оригинальный «арендатор» [10, с. 3–4]; мелкий жулик, мещанин Василий Васильев Ловцов

[11, с. 2]; «двоеженец», ветренный донжуан Дмитрий Иванович Далечин [11, с. 2–3].

«Очерки с натуры», да и в целом газета «Волжско-Донской листок», содержат важную информацию о криминальной стороне жизни царицынских трущоб. Данные свидетельства позволяют дополнить образ Царицына как «города поножовщины», а также лучше понять мотивацию преступного поведения местных хулиганов – «духовых» [3, с. 2; 4, с. 2 и др.].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что проведенный источниковедческий анализ ни в коем случае не является исчерпывающим. По-прежнему стоит проблема определения авторства источника, уточнения обстоятельств создания и прекращения издания очерков. Тем не менее «Царицынские трущобы (Очерки с натуры)» содержат ценные, часто уникальные материалы для реконструкции повседневной жизни обитателей царицынских трущоб, в чем мы с вами могли убедиться.

Список литературы:

1. Волжско-Донской листок. 1900. № 86. 26 июля.
2. Волжско-Донской листок. 1900. № 88. 30 июля.
3. Волжско-Донской листок. 1900. № 96. 18 авг.
4. Волжско-Донской листок. 1900. № 97. 20 авг.
5. Волжско-Донской листок. 1900. № 99. 25 авг.
6. Волжско-Донской листок. 1900. № 101. 1 сент.
7. Волжско-Донской листок. 1900. № 102. 3 сент.
8. Волжско-Донской листок. 1900. № 107. 15 сент.
9. Волжско-Донской листок. 1900. № 112. 27 сент.
10. Волжско-Донской листок. 1900. № 116. 6 окт.
11. Волжско-Донской листок. 1900. № 137. 24 нояб.
12. Волжско-Донской листок. 1900. № 145. 13 дек.
13. Луночкин А.В. Из истории периодической печати в Царицыне: газета «Волжско-Донской листок» (1885–1901) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2002. Вып. 7. С. 114–121.
14. Максимова И.В. Криминальная ситуация в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: изд-во ООО «ПИРС», 2014. С. 271–275. URL: http://theist.ru/_ld/0/13_Traditsionnye_o.pdf
15. Трущоба // Этимология и история слов русского языка [сайт]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=trushoba&vol=2>

С.В. Степанов*, В. Новиков*

**Общественно-политическая жизнь Яблонницкой волости
Ямбургского уезда в начале XX века:
по материалам воспоминаний современников**

На основе источника личного – происхождения – крестьянских мемуаров 1950-х гг. исследована повседневная жизнь Яблонницкой сельской волости начала XX века в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии.

Based on the source of personal-origin - peasant memoirs of the 1950s, the daily life of the Yablunytzia rural volost of the early 20th century in the Yamburg district of the St. Petersburg province was studied.

Ключевые слова: Яблонницы; Ямбургский уезд, Санкт-Петербургская губерния; Волостное правление

Key words: Apple trees; Yamburgskoe district, St. Petersburg province; Parish Board

Крестьянские мемуары – редкий и очень ценный источник, который дает нам уникальные факты из жизни сельской местности, материалы по повседневной жизни населения, взаимоотношению крестьян между собой и властями. В 2013 году вышла в свет книга воспоминаний крестьянина Ямбургского уезда Василия Григорьевича Дмитриева (1893-1960) «Далекое и близкое», изданная его внуком капитаном 1 ранга, кандидатом технических наук А.В. Дмитриевым [2]. Эта книга является ценнейшим источником по повседневной жизни Ямбургского уезда Петербургской губернии начала XX века. В рукописи сохранились воспоминания Михаила Андреевича Александрова «Яблонницы» ([1950-е гг.]), представляющие значительный интерес для исследователей истории края и повседневной жизни населения России [1].

В.Г. Дмитриев родился в деревне Выползово Ястребинской волости, окончил Ястребинское двухступенчатое училище Министерства народного просвещения, затем в 1907-1909 гг. работал помощником волостного писаря Ястребинской волости. 28 июня 1909 года он вступил в должность волостного писаря в соседней Яблонницкой волости. Работа в волостном правлении в течение пяти лет (1909-1914 гг.) позволила В.Г. Дмитриеву

---

* **Степанов Станислав Вячеславович**, сотрудник Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки

* **Новиков Валерий Николаевич**, кандидат педагогических наук, внештатный научный сотрудник Дома-музея Бориса Вильде (с. Ястребино, Волосовский район, Ленинградская область)

наблюдать за повседневной жизнью волости, делать интересные зарисовки из жизни села, подмечать взаимоотношения между односельчанами. В 1914 году он сдал экстерном экзамен на звание народного учителя в Нарвской мужской гимназии Ямбургского уезда и связал свою дальнейшую жизнь с преподавательской деятельностью.

К началу XX века Яблоничская волость была крупной административно-территориальной единицей в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии (включала 15 селений) с населением 2500 человек, которые проживали в 520 дворах (на 1905 год). Красочное описание села сделал Василий Дмитриев: «ее центр – сыто разлеглось по сторонам широкого шоссе и вытянулось вдоль него на две версты. Центр села – кирпичное одноэтажное здание волостного правления под красной добротной железной крышей. Около здания высокие старые березы и длинные поленицы березовых дров. Напротив здания через площадь – церковь, обнесенная железной оградой на прочном фундаменте, выбеленном известкой. За оградой многочисленные надгробные кресты, памятники над прахом именитых людей волости и часовня, окрашенная в серый цвет. За церковной оградой такие же высокие старые березы, как и около волостного правления. Вблизи церкви, за речкой, пересыхающей летом, кладбище для людей попроще. Оно сплошь заросло бузиной, над которой тоже неизменные березы» [2, с. 53].

Читая эти строки, перед нами вырисовывается образ типичного сельского прихода России, где центром административной жизни было волостное правление, а центром духовной жизни – приходской храм. Между храмом и волостным правлением располагалась центральная площадь, служившая, как рынком, так и местом народных гуляний и отдыха для молодежи. «Площадь – излюбленное место для игр и танцев молодежи. Ежегодно в праздник Воздвиженья на этой же площади развевывалась обширная ярмарка, на которую приезжали как местные, так и городские торговцы со своими «колониальными» товарами, конфетами, игрушками, тканями, обувью и пр.», – писал В. Дмитриев [2, с. 53].

Село Яблоничи располагалось на старинном почтовом тракте, ведущем из Петербурга через Нарвское шоссе, Молосковицы в торговое село Осьмино, а затем к берегу Чудского озера в Гдов, а оттуда по воде – в Псков, Юрьев, Нарву и дальше в Прибалтийские губернии – Эстляндию и Лифляндию. Расположение села на крупной дороге определило его торговое и экономическое значение в жизни края [3].

В весенне-осенний период население занималось сельским хозяйством, которое в условиях зоны рискованного земледелия не могло полностью прокормить семью. В зимнее время мужчины уходили в отхожие помыслы, в основном занимались извозом в Петербурге: одни занимались пассажирскими перевозками, другие – транспортировкой грузов (леса и дров, песка и других строительных материалов), а также льда с Невы весной

для городских ледников. Извоз позволял получать деньги на текущее пропитание семьи, уплату повинностей (налогов). Все хозяйство и воспитание детей лежало на женщинах, «жили не сытно, не голодно», – отмечает наблюдательный глаз волостного писаря.

К началу XX века в России настолько увеличилось количество общеобразовательных школ, что к 1912 году планировалось ввести уже всеобщее начальное образование. В Яблоницах на тот момент была земская и церковно-приходская школы, а также школа для питомцев Воспитательного дома. В круг действия уездной земской медицины входили: организация бесплатной медицинской помощи с бесплатной выдачей лекарств через амбулатории, бесплатное лечение в больницах, бесплатные хирургические операции и родовспоможение, а также осуществление мер против эпидемических заболеваний и проведение санитарных мер. В начале XX века Яблоничская амбулатория была переведена из здания волостного правления в отдельное здание, а также в волости был открыт земский ветеринарный пункт.

Центром жизни волости, присутственным местом края было Яблоничское волостное правление, созданное в ходе Крестьянской реформы 1861 года. В июне 1909 года, когда Дмитриев был назначен волостным писарем, вместо спившегося сельского чиновника, правление выглядело следующим образом: «Контора была перегорожена такой же, как и в Ястребине, решеткой из деревянных колонок. Вдоль стен размещались широкие деревянные лавки для посетителей. В красном углу огромная икона, изображающая Георгия Победоносца, поражающего змея копьём, тонким, как жало. Под иконой шкаф, образующий гипотенузу треугольника, очевидно, занятый архивом. За решеткой другой шкаф, окрашенный в желтую краску, с лаконической надписью «Текущие дела». Большой стол покрыт зеленым сукном с причудливыми пятнами чернил; за ним традиционный диван из досок. Небольшой денежный ящик привинчен к полу. Около ящика пара стульев и, наконец, портрет самодержца всея Руси в позолоченной, но густо засиженной мухами раме. Окно конторы раскрыто. Из совещательной комнаты слышится густой храп с присвистом» [2, с. 53-54].

Волостной писарь В. Г. Дмитриев, хорошо знавший повседневную жизнь волостного правления, ярко и образно ее характеризует: «Из месяца в месяц мужики и бабы несли в центр волости свою нужду, свои споры и тяжбы. Они искали у своих выборных правды и защиты в делах имущественных, они хотели сносных условий в семейном быту, иногда требовали защиты своего человеческого достоинства от оскорблений, чинимых грубиянами, сварливыми свекровьями и деспотичными стариками».

Постоянно действующим органом власти был волостной суд, где решались различные вопросы местной жизни. «Волостная жизнь протекала ровно, спокойно, по давно установившемуся порядку. Дважды в месяц

собирался волостной суд, два раза в неделю отправлялась и привозилась почта, один раз в месяц съезжались сельские старосты с собранными деньгами в повинности, запасные солдаты становились на учет, страховались и горели и постройки, строились и снова страховались», – так описывает Дмитриев его работу.

Волостной суд состоял из трех членов суда и председателя, которые избирались путем закрытой баллотировки шарами по большинству голосов десятидворных, представлявших интересы и волю населения. В основном в судьи избирались состоятельные люди: торговцы, держатели постоянных дворов и питейных домов, городские извозчики, оставившие город и живущие в деревне. Технической стороной судопроизводства ведал волостной писарь, называвшийся вследствие этой новой для него функции делопроизводителем. В своей деятельности волостной суд руководствовался, главным образом, девятым томом «Свода законов Российской империи» (СПб., 1857), несмотря на то, что он был принят в середине XIX века и существенно устарел к тому времени. К нему существовало множество поправок, разобраться в которых было весьма сложно. «Поэтому суд не мудрствуя лукаво прибегал в своих решениях к помощи универсальной статьи 125-й девятого тома общего положения о крестьянах, где значилось, что волостной суд решает дела по совести на основе имеющихся в деле доказательств», – вспоминал волостной писарь [2, с. 55].

Главным демократическим органом самоуправления был волостной сход, решавший насущные проблемы местной жизни. Главой его был земский начальник, назначаемый государством, а не выбранный из местной среды. Он мог внести на рассмотрение схода любой вопрос и приостановить любое решение схода. Земские начальники действовали согласно Положению от 12(24) июля 1889 года, утверждённому императором Александром III, с целью создания «близкой к народу твёрдой правительственной власти». Земским начальником Яблонницкой волости был Б. В. Безобразов (1867-1918), которого красочно описывает Дмитриев: «Господин Безобразов все тот же: строгий, надменный, великолепные фельдфебельские усы, волосы ежиком, слегка припухшие веки и прищуренные близорукие глаза» [2, с. 55].

На волостном сходе избирались волостные старшины сроком на три года, управлявшие волостным правлением, которые были призваны согласно закону объявлять крестьянам «законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов». К кандидатуре предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 25 лет; материальная обеспеченность, дабы не растрчивал на себя общественные суммы; лояльность к власти; испытанная и незапятнанная честь (отсутствие нареканий, подозрений в мошенничестве).

Выбирали нового волостного старшину путем открытого голосования с помощью бросания шаров. В. Дмитриев ярко описывает избирательный процесс того времени: «На конторский стол выставляется небольшой деревянный ящик вроде скворечника. Дыра в ящике достаточна для того, чтобы в нее просунуть мужичью руку. Передняя стенка ящика окрашена: правая сторона - в красный цвет, левая - в черный. Внутри ящика перегородка примерно до половины высоты. На столе у ящика тарелка с шарами величиною с грецкий орех. Старшина разясняет:

– Кто за Живчикова – клади шар в эту сторону, вправо, где красным выкрашено; кто против – опускай шар налево, где черным выкрашено. Сверяют со списками избирателей количество шаров на тарелке. Люди теснятся вправо, а затем по списку вызываются, берут шары и опускают в соответствующее отделение избирательного ящика. Пока на дне ящика шаров мало, они катятся и нескромно нарушают тайну голосования. Впрочем, глухой стук шаров и позднее ясно указывает место своего падения. Земский все время косит глазом на ящик. Голосование окончено. Земский следит, а учетчики подсчитывают голоса – шары в правом и левом отделении. Живчиков получил 40 голосов «за» и 10 «против». Он помпадур».

В воспоминаниях Дмитриева содержится интересный образец народной речи того времени – речь В.К. Живчикова, произнесенная перед уездным начальством и односельчанами: «Вашскобродие! Господа миряне! Всепокорнейше благодарю за честь. Мы... я постараюсь послужить верой – правдой его императорскому величеству и вам, мирянам. Вашскобродие, - обращается новый старшина к земскому, - не извольте сомневаться: недоимки подчистим, послабления не допустим. Сходу тоже приятно будет, если Яблоницкая волость на первом месте в плательщиках состоять будет. Кто в недоимщиках? — с чувством спрашивает Живчиков. — Лодыри, лентяи и пьяницы, а трудящийся класс всегда впереди. Еще раз нижайшее вам почтение!». Василий Кузьмич Живчиков сменил на посту Яблоницкого волостного старшины Михаила Самуиловича Ларисова, срок полномочий которого истек в начале 1910-х гг [2, с.56].

Среди типичной повседневной жизни села в начале XX века произошло интересное событие – создание философского кружка, одним из активных членов которого был и автор воспоминаний Василий Дмитриев. Его основателями стали приезжавшие на лето в Яблоницы студенты Императорского Санкт-Петербургского университета. Местное крестьянство не имело никакого понятия о том, что такое философия, как пишет В. Дмитриев: «В те годы я впервые услышал, что существует на свете какая-то «философия». Конечно, заниматься этой наукой для меня (да и только ли для меня!) было преждевременно: я не имел ни малейшего представления о естественно-исторических науках, математике, психологии, логике... Студенты мерили всех на свой аршин».

Первое заседание писарь Дмитриев описывает так: «десять членов кружка собрались в крошечной избушке – даче Лили Козловской. Мы разместились за квадратным столом, покрытым простой деревенской скатертью, на четырех скамейках. На столе стояла скромная керосиновая лампа и букет полевых цветов в высоком глиняном горшке. Два крошечных оконца избушки, открытые настежь, обильно пропускали воздух летнего вечера и комаров».

Одним из инициаторов создания кружка стал Михаил Дмитриевич Федоров, который рассказал собравшейся молодежи чем занимается философия, «что «идеальная цель высокой философии есть миропонимание, которое должно быть основой для жизнепонимания», что «философия – царица наук», что она объединяет разрозненные знания, приобретенные людьми, и занимается изучением природы, Вселенной...».

М.Д. Федоров происходил из семьи священнослужителей. «Отец его – настоятель какого-то Иоанновского подворья – зарабатывал много денег и обучал своих детей в средних и высших учебных заведениях. Старший, Валентин, в прошлом студент духовной семинарии, не поднялся по лестнице церковной иерархии выше первой ступени и уже в зрелом возрасте был дьячком-пропойцей (Яблоничского храма – прим. С. С.). Младший, Михаил, учился на третьем курсе Петербургского университета. Незадолго до окончания он заявил отцу-настоятелю, что впредь учиться не будет, так как это противоречит его новым убеждениям толстовца: вся наука лжива, достоверного ничего не имеет и служит, будучи далекой от народа, лишь для удовлетворения прихотей имущих состоятельных людей». После того, как родители отказали сыну в материальной поддержке из-за его убеждений, он ограничил свои потребности до минимума, брал в Петербурге уроки на дому, перебивался заработками, а с наступлением лета – приехал в Яблоничи к брату – дьякону Валентину Федорову. Другим организатором кружка был однокурсник Михаила Федорова Александр Андреевич Иванов, его взгляды не разделявший, относившийся к толстовству скептически.

Основной книгой для кружковцев служило «Введение в философию» русского философа Г.И. Челпанова, которую один из них конспектировал к занятию, а затем докладывал членам кружка. Студенты не оценивали уровень своих кружковцев, считая, что их навыки известны селянам, – «я же самый молодой член кружка, смутно понимаю, что такое конспект, никогда еще не выступал с длинной речью хотя бы и по конспекту. Но отступить было поздно. Через два дня было назначено очередное занятие...», – вспоминает Дмитриев [2, с. 67].

Словарный запас крестьян был небольшой, а книга была перегружена многочисленными терминами, за которыми члены кружка обращались к «Энциклопедическому словарю» Ф. Павленкова. Дмитриев описывает культурный уровень селян, показывая ограниченность их кругозора, которое сказывалось при чтении книг: «Иногда работа по изучению Первой главы

казалась мне непреодолимой, тогда я впал в отчаянье от бессилия овладеть челпановской премудростью. Например, я читал: «Для эллина, оставившего мифологические взгляды на мироустройство, нужно было такое понимание мира, которое могло бы заменить ему отжившую народную религию» — и становился в тупик. Возникал ряд вопросов: кто такие эллины? Почему они оставили мифологические взгляды? Какие взгляды называются мифологическими? Где и когда жили эллины? Какая религия называется народной? Что такое религия вообще? Я шелестел страницами словаря Павленкова и упрямо, настойчиво делал щели в драпировках, плотно закрывавших для меня строй челпановских мыслей. Через эти щели мне смутно рисовались греческие мифы, неясно представлялись границы пространства и времени в жизни народов, раскрывались крепкие створки понятий «религия», «народ» и другие. Небольшой абзац «Введения» отнимал у меня целые часы». К сожалению, несмотря на развитие начального образования, отсутствие гимназий или хотя бы реальных училищ в сельской местности сказывалось на кругозоре сельской молодежи. Кружковец Дмитриев настолько старательно изучал философию, что перестал обращать на привычные развлечения, ему было неинтересно ухаживать за местными девушками.

Крестьяне отнеслись к философскому знанию как к зазубриванию фамилий и терминологии, мало вникая в ее содержание. Изначально М.Д. Федоров предложил «спать небольшой кружок интересующихся вопросами морали, философии и деловую работу чередовать с удовольствиями пикникового и иного характера». Студенты, ставшие учителями крестьян, плохо понимали в обучении предмету, путались в собственных воззрениях и предложили кружковцам «решить основной философский вопрос: что такое материя и что такое дух, и каково между ними взаимопонимание? Мы охотно согласились подумать и перешли от философии к гитаре и пению», — вспоминал Дмитриев.

Дмитриев нередко задумывался о задачах кружка: «Для чего нужен был кружок «философов» в Яблоницах? Мне кажется, что наши философские блуждания были для него средством убедить себя и нас в относительной ценности знаний, поскольку они не дают оснований для бесспорных выводов. Это с одной стороны. А с другой стороны, не стремился ли наш руководитель посеять яснополянские семена в умах неискушенных членов кружка? Мне кажется, что эту пропагандистскую цель он и преследовал!» [2, с. 67].

Не прошло и месяца, как Михаил Дмитриевич нашел себе подругу в лице молодой учительницы церковно-приходской школы соседней деревни Сумск. «Он и она взаимно понравились друг другу и решили объединить свои житейские стремления в браке, не освященном православной церковью. Молодая чета на первых порах приютилась все в том же домике дьячка-брата в ожидании должности учителя в двухкомплектной школе. Но вскоре

брат нашел какие-то неудобства для себя в покровительстве гражданскому браку и поставил вопрос ребром: или венчайтесь, или уезжайте куда хотите. Брак, с точки зрения нашего славного руководителя, был явным злом, поэтому он решил прибегнуть к известному тезису своего великого яснополянского учителя: «Не противьтесь злу насилием», и, уехав в Нарву, на родину жены, повенчался, тем самым подтвердив незыблемость одного из важнейших положений толстовства».

Осенью 1911 года, после отъезда дачников в город, философский кружок в Яблоницах практически прекратил свое существование. Александр Андреевич Иванов приступил к занятиям в Санкт-Петербургском университете, а Михаил Дмитриевич Федоров с женой переехали к ее родственникам в Нарву. По истечении некоторого времени новым руководителем среди немногочисленных собравшихся стал молодой учитель земской школы в деревне Сырковицы Василий Лукич Козлов, который повел кружок в совершенно ином направлении. Спустя несколько занятий он принес кружковцам марксистскую литературу: «в большой связке, перевязанной бечевкой, оказались «Что делать?» Ленина, «Экономические учения Карла Маркса» Каутского, «Сила материи» Бюхнера, «Политическая экономия» Железнова». По его инициативе были выписаны меньшевистская газета «Луч» и большевистская газета «Правда», а также «Капитал» Карла Маркса и «Вселенная и человечество» Ганса Кремера. Труды социалистов давались кружковцам еще более с трудом. В.Г. Дмитриев писал: «опираясь на словарь Павленкова я кое-как одолел Кремера, но безнадежно увяз в первом томе «Капитала»» [2, с. 58].

Помимо легальной литературы В.Л. Козлов распространял среди членов кружка и нелегальную литературу, за хранение которой согласно «Уложению о наказаниях» можно было попасть под арест, а затем – надзор полиции. В.Г. Дмитриев писал: «Принесенные книги Козлов разделил на «опасные» и «безопасные». «Опасные» я сложил в ящик и спрятал в подполье, «безопасные» поместил в шкафу волостной конторы, среди текущих дел» [Там же].

Весной 1913 года В.Г. Дмитриев занял должность председателя Яблоницкого сельскохозяйственного общества, а В.Л. Козлов стал местным сельскохозяйственным старостой. Основными целями общества было распространение сельскохозяйственных машин, семян и удобрений, а также пропаганда агрономических знаний в Яблоницкой волости. Однако Козлов и Дмитриев умело использовали только появившееся общество в целях расширения подпольного кружка: «Главное же было в том, чтобы вовлечь крестьянскую молодежь в члены товарищества и повести с нею работу, «не предусмотренную уставом». Парни и девицы охотно вступали в товарищество. Тут-то, между прочим, и наступало время для развертывания «опасной» библиотеки. Заходит какой-нибудь Ванюша и

просит книжечку почитать. Предлагаю «О разведении остерзундомского турнепса» [2, с. 58].

Несмотря на предельную осторожность членов кружка, их «деятельность привлекла-таки внимание тайной полиции: Живчиков сообщил по начальству о том, что во вверенной ему волости развивается доселе невиданная и весьма подозрительная работа «неблагонадежных элементов». В связи с доносом не замедлил появиться «некто в синем» – уездный жандарм Николаев». Как писал в своих воспоминаниях другой член кружка, секретарь Яблоницкого сельскохозяйственного общества Михаил Андреевич Александров, у многих из них прошли обыски. У одного из кружковцев, жителя деревни Неревницы, Матвея Михайловича Ларисова: «ничего не нашли кроме книжки по политической экономии. Стали его спрашивать: «Почему она у тебя?» Он говорит: «Эта книга – учебник. В институтах по ней учатся». Они ему говорят: «Но тебе, мужику, это не разрешается», и его отправили в Тверскую губернию, где он пробыл до войны» [2, с. 58-59].

После ряда донесений петербургскому губернатору А. В. Адлербергу (1860-1915) на учителя В.Л. Козлова, он, как писал Александров: «своим приказом приказал отправить его в Архангельскую губернию на высылку. Об этом приказе мы скоро узнали следующим образом. У Козлова в Ямбурге было знакомство, секретарь земельной комиссии был членом РСДРП и в свою очередь знаком с членом Ямбургской земской управы, прогрессистом, которого выбрали в Петербургскую губернскую управу. Попросили его, чтобы он попросил губернатора отменить его распоряжение. Он поехал к губернатору. Доказательств о противозаконной деятельности Козлова не было, но все равно губернатор говорит, что отменить распоряжение никак не могу. Член управы говорит: «Тогда нельзя ли наказание на высылку переменить хотя бы на штраф?» «Вот это можно, – говорит губернатор, – и я его оштрафую на 25 рублей». Член управы сразу же внес эти деньги и получил квитанцию. Этим и закончился данный эпизод».

Идеи марксизма в большинстве своем были чужды обывательским запросам и интересам, поэтому они не оказали решающего воздействия на крестьянские массы. Тем не менее некоторые кружковцы продолжали оставаться преданными сторонниками партии РСДРП(б) до самого Октябрьского переворота в Революции 1917 г., а после нее – вошли в состав Молосковицкого революционного комитета. В середине мая 1919 г., когда части Северо-западного корпуса генерала Родзянко прорвали фронт 7-ой армии и со стороны Гдова вышли на станцию Веймарн, неревницкие коммунисты Иван Тимофеев и Матвей Рузу, некогда члены яблоницкого подпольного кружка, возвращались с дежурства из Молосковицкого ревкома через деревню Новые Смолеговицы. Оба они оказались в руках контрразведки, был ли над ними суд или нет, никто из родных и знакомых не знает – коммунистов отвели в поле и расстреляли.

Привычная жизнь сельского обывателя в Яблоницах изменилась летом 1914 года – началась Первая Мировая война. Как писал Василий Дмитриев: «На 19 июля 1914 года в Яблоницах была назначена мобилизация лошадей и запасных солдат. К десяти часам утра обширная площадь перед волостным правлением стала наполняться людьми и лошадьми. Говор, скрип телег, ржание, крики смешались в общий нестройный гул. Площадь походила на ежегодную осеннюю ярмарку с той разницей, что палаток и самоваров со сбитнем не было видно. В волостную контору прибыли должностные лица: начальник военно-конского участка полковник в отставке Иозефи, уполномоченный уездной земской управы г-н Плом, становой пристав Гиппиус, урядник и старшина Живчиков. Несмотря на ранний час, на улице было жарко и душно. Люди толпились у колодцев, стараясь достать глоток воды. Круглые деревянные колеса крутились, журавли беспрерывно кланялись, поднимая ведра. Лошади стояли у пустых желобов и выжидающе смотрели на кланяющихся журавлей. <...> Церковные двери были открыты настежь. Сторож-пономарь на колокольне прилаживал веревки, собираясь звонить во все колокола. В тени церковных берез у ограды скапливались люди и вели негромкие разговоры. Кое-кто пробирался и за ограду, размещаясь на скамеечках возле могил».

На материалах истории Яблоничской волости можно увидеть сформировавшуюся веками общинную психологию крестьянства, с ее верности патриархальным устоям. В крестьянскую среду научное знание проникало очень медленно, уровень образования, несмотря на распространение грамотности, был не велик, что иллюстрирует деятельность философского кружка. На его примере хорошо виден существовавший культурный барьер в мироощущении сельских жителей – крестьян и городских – студентов университета, они говорили на разных языках, первых волновали простые житейские проблемы, вторые искали какое-то философское предназначение себя и искали свое поприще через книжные иллюзии. В социальной среде сельских обывателей был закреплен устоявшийся порядок дел, не было никакого желания что-либо изменить, а отношение к официальным органам власти было нейтральным. Начавшаяся война изменила привычную жизнь общества, она стимулировала силы, недовольные императорской властью, приведшие к России к Революции 1917 года.

Список литературы:

1. Александров М. А. Яблоницы. Семейная хроника [Рукопись], [б.д.].
2. Дмитриев В. Г. Далекое и близкое : историческая повесть, 1900-1944. Санкт-Петербург : Реноме, 2013. 500, [3] с.
3. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1914-1915 гг. Санкт-Петербург, 1914. - [6], XXVII, [6], 547 с.
4. Музей МОУ «Яблоничская СОШ». – Режим доступа: http://yablonis-muzey.ucoz.ru/publ/pogibshie_derevni/1-1-0-1#_edn3

**Воспоминания П. Е. Луненка (1906-2000) о горном деле,
гражданской войне и советском обществе**

В статье предпринята попытка проанализировать интереснейший источник по истории Гражданской войны, советского общества 1920-х-1930-х гг., и горному делу в Иркутском крае – воспоминания геолога Петра Ефимовича Луненка.

The article attempts to analyze the most interesting source on the history of the civil war, Soviet society of the 1920s-1930s, and mining in the Irkutsk region - memories of geologist Petr Efimovich Lunenk.

Ключевые слова: Иркутск, горное дело, геолог, Школа просвещения, гражданская война, советское общество

Keywords: Irkutsk, Mining, Geologist, School of Enlightenment, Civil War, Soviet Society

Знакомясь с журнальными публикациями Забайкалья, автор обнаружил интереснейший источник – мемуары, надиктованные иркутскому краеведу О.Б. Корнильцеву бывшим геологом, коренным жителем Иркутска П.Е. Луненком в 1991-1992 гг. и опубликованные в альманахе «Свой голос» [11]. Свидетельства Петра Ефимовича Луненка представляют особый интерес, в них раскрываются различные нюансы эпохи революционных потрясений и первых десятилетий советской власти. Как считает признанный специалист в области социальной истории, профессор А.Ю. Давыдов воспоминания ученого – это «... своеобразный способ рефлексии много повидавшего и привыкшего к анализу интеллигента» [7, с. 285].

Отец П.Е. Луненка – Ефим Онуфриевич Луненок (1877-1948) – «Нрава он был бунтарского» - Это предопределило участие Е.О. Луненка в революционном движении: после участия в Обуховской обороне в 1903 г., «где вывезли мастера на тачке, защищались камнями...», работая в Кронштадте он вступил в партию эсеров [11, с. 32]. За участие в революции 1905-1907 гг. в Кронштадте О.Е. Луненок с семьей был сослан в Иркутск в 1910 г. Но и там он сразу, же подключился к конспиративной работе: будучи слесарем, вместе с напарником, «тянули водопровод в иркутскую тюрьму. Прорубили дыру в стене, для труб. В то время в тюрьме сидела

---

* **Подольский Сергей Игоревич**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета

революционерка Школьник они пронесли ей гражданскую одежду, и Школьник однажды нырнула в эту дыру. Ее ждал извозчик, и она бежала» [11, с. 32-33]. Речь шла о революционерке, подруге знаменитой эсерки-террористки М.А. Спиридоновой, Марии Марковне Школьник (1885-1955), члене боевой организации ПСР, участнице неудачного покушения в 1906 г. на черниговского губернатора А. А. Хвостова (1859-1940). М.М. Школьник в своих воспоминаниях в 1927 г. утверждала, что сбежала сама без помощи, хотя подтвердила – подкуп готовился [20, с. 90-96]. Вероятно, М.М. Школьник не хотела упоминать имен товарищей, боясь за их безопасность в конце 1920-х гг. После побега революционерки у Е.О. Луненка был обыск [11, с. 33].

Несмотря на бурную подпольную деятельность отца, Петр Ефимович получил хорошее образование. В 1914 г. в Иркутске П.Е. Луненок поступил в т.н. «Школу просвещения», где «великолепно было поставлено преподавание литературы и естественных наук» [11, с. 33]. Используя методологию литературоведа, члена-корреспондента АН СССР Н.К. Пиксанова, скажем, что Школа просвещения была крупным элементом иркутского «областного культурного гнезда» [17]. Школа просвещения продолжала лучшие традиции дореволюционной интеллигенции [1, с. 163–179].

Среди преподавателей выделялся Нестор Иванович Толстихин (1896-1992) будущий профессор кафедры гидрогеологии Ленинградского горного института (ЛГИ) и декан Геологоразведочного факультета в 1951-1954 гг. (во времена директоров Горного института А.Ф. Суханова и Д.В. Казаковского) [4, с. 102-103]. П.Е. Луненок занимался у него в кружке минералогии: «Работал в школе кружок минералогии. Назывался он «Друза». Друза - это как бы цветок из кристаллов, кристаллы растут в разные стороны, но все они собраны в друзу. Мы с жаром занимались своими коллекциями. На Ангаре, там, где находится ИРГИРЕДМЕТ, располагался плавильный завод. Со всей Сибири привозили золото с приисков, а рядом сбрасывали шлаки и всякую всячину. Там, возле плавильни, можно было найти очень интересные минералы, например, розовые халцедоны, роскошные камни с изумительными отпечатками растений. Между нами шел живейший обмен всем этим богатством - у меня был даже голубой корунд. А в результате мы получили основательные знания в минералогии...» [11, с. 33-34].

По воспоминаниям современников Н.И. Толстихин был всегда незауряден. Выпускница ЛГИ 1957 г., Л. Я. Штерн (р. 1935), кандидат геолого-минералогических наук, поэтесса и переводчица, эмигрировавшая из СССР в 1976 г., вспоминала оригинальные методы обучения Н.И. Толстихина. Нестор Иванович сохранил мягкость в характере, но во время учебного процесса был тверд со студентами: «Вкрадчивые движения, тихий голос, мягкая улыбка и железный характер» - так о нем пишет

Л.Я. Штерн. Особенно показательным было то, как он принимал экзамены: «Экзамены, например он, принимал не в аудитории, а по-домашнему в своем кафедральном кабинете». При чем Н.И. Толстихин из кабинета выходил со словами: «Ну-с, не буду вами мешать. Если не возражаете, уйду на часик в столовую чайку попить и коллегами покаялаться». Студенты в восторге пользовались конспектами, но их ждало разочарование: Нестор Иванович, вернувшись с чая, произносил: «Ну-с мои дорогие, по билетам я вас спрашивать не буду, уверен, что выучили все на зубок. А хотелось бы услышать ваше суждение по такому-то разделу гидрогеологии» [21, с. 95]. Таким образом, Нестор Иванович относился к проверке знаний по своему предмету не формально, он хотел измерить глубину подготовки каждого студента.

Во время учебы в Школе просвещения в Иркутске, юного Петра Ефимовича застал революционный 1917 год. Из воспоминаний протагониста события 1917 г. представляются чем-то праздничным: «Когда произошла февральская революция, я шел в первых рядах, вместе с отцом по улице Большой (Карла Маркса) и запевал песни семнадцатого года. Было всеобщее ликование...» [11, с. 33]. Вместе с тем, настроение торжества царило на всем Дальнем Востоке: «12 марта во многих населенных пунктах края прошли празднования Дня Свободы. В городах состоялись парады войск, манифестации различных общественных организаций» [14]. В эти дни в регионе сложилась «многовластная революционно-демократическая коалиция», но в декабре 1917 г. на территории Дальнего Востока устанавливалась советская власть [14]. Ее противники, опираясь на иркутских юнкеров попытались поднять вооруженное восстание.

П.Е. Луненок вспоминал, что выступление юнкеров не было импровизацией: «О том, что восстание тщательно готовилось, по-моему, говорит и то, что в афишные тумбы были заранее заложены глыбы песчаника. Юнкера стреляли, укрывшись за ними...» [11, с. 34]. Во время подавления мятежа в дом к Ефиму Онуфриевичу на обогрев заходили красногвардейцы, а одному из них он отремонтировал винтовку. Тяжелейшие бои, по разрушительности сравнимые только с событиями в Москве в ноябре 1917 г., шли несколько дней. Что бы выбить юнкеров красногвардейцы подожгли город, говоря, что «ничего не можем с юнкерами сделать, будем жечь дома» [11, с. 34–35]. Многие жители, в том числе семья мемуариста были эвакуированы. Разрушительный пожар нанес серьезный ущерб «Второвскому универмагу, 1-я школе прапорщиков, Государственному банку, гимназии Гайдука, Тихвинской церкви», сгорели десятки частных домов [9, с. 469–473]. Вероятно, что последствия бедствия усугубились развалом противопожарной охраны в 1917 г. (ее восстановление связано с декретом 1918 г. «Об организации государственных мер борьбы с огнем») [18, с. 54].

Бои и пожар в Иркутске привели к расколу городского общества и его ожесточению. После захвата города белочехами семья Луненков была вынуждена скрываться в отдаленном отцовском хуторе. В 1919 г. Е.О. Луненок стал большевиком и занимаясь подпольной работой против правительства адмирала А.В. Колчака сблизился с такими дальневосточными лидерами РКП (б) как М.Н. Рютин, П.П. Постышев, братья М.Д. и Б.Д. Берманы [15, с. 440–442]. Ожесточение горжан на ушедших с большевиками жителей сказалось и на быте семьи протагониста: поиск пропитания был затруднен. Приведем яркое впечатление Петра Ефимовича: «Самое серьезное событие для семьи за все то время - арест дяди Даниила. Он пошел в Иркутск раздобыть еды, а в Иркутске народ был остро настроен против большевиков. На рынке его узнали женщины, стали толкать его, кричать, что он комиссар. (Хотя, конечно, никаким комиссаром он не был.) Чехи его посадили» [11, с. 35–36]. Семье удалось вызволить Даниила, после чего он реже стал бывать в Иркутске, но занялся индивидуальным мешочничеством: «чтобы прокормиться ездил в Харбин, что-то покупал, продавал» [11, с. 41]. Для многих людей индивидуальное мешочничество оказалось спасением от голода [5, с. 130–132]. Харбин же тогда был русским центром Маньчжурии, построенный в 1898 г. во время строительства КВЖД, он даже осаждался китайцами во время «боксерского» восстания [13, с. 203]. Своего экстерриториального статуса по отношению к Китаю город лишился только в 1920 г., когда там проживало 120 000 русских [19, с. 161].

Несмотря на гражданскую войну, П.Е. Луненок продолжал учиться в Школе просвещения, с детьми из разных социальных слоев: «Школа просвещения была демократическая по духу. Мы провозгласили у себя республику, которая состояла из учеников и учителей... Гражданская война не разобщила нас на непримиримо враждующие группы» [11, с. 36]. Так, среди друзей Петра был сын лидера иркутских конституционных демократов Д.А. Кочнева, расстрелянного в время «красного» террора, – Дмитрий Дмитриевич Кочнев (впоследствии советский журналист, участник штурма Берлина 1945 г.) [11, с. 37]. Но вражды не было: «Я думаю, в этом немалая заслуга наших учителей. Ведь они тоже были пристрастны, но почти никогда не изменяло им чувство такта в обращении с нами» [11, с. 36]. Педагоги, в том числе заведующая школой Л.А. Булгакова, осуждавшая большевиков, оказались носителями гуманистических ценностей.

Школа действовала вплоть до осени 1922 г.: «при советской власти Школу просвещения в конце концов закрыли, и мы доучивались в пятой «опытно-показательной» школе» (среди выпускников выделялись советский поэт Я. М. Алтаузен (1907-1942) (псевдоним Джек Алтаузен), иркутский архитектор К.Л. Жилкин, погибший во время «большого террора».) [11, с. 39]. Ужесточения коснулись и того, что в 1922 г., после II конференции РКСМ в мае, создавшей пионерское движение, была расформирована

организация иркутских скаутов в которую входил автор мемуаров и его друзья [10, с. 23]. Но пионером П.Е. Луенюк пробыл недолго: «... пробыл я в этой организации не более месяца. Массовый характер организации снизил общий уровень интересов ребят. Появилось много формальных требований» [11, с. 39]. Не исключено, что на Дальнем Востоке запрет независимых образовательных учреждений и скаутских организаций было связано с боязнью партийно-государственных органов и ОГПУ, что в них проберутся агенты таких антисоветских структур как «Братство Русской Правды», активно устраивавшей диверсии на советско-китайской границе, в Забайкалье и Восточной Сибири в начале 1920-х годов [2, с. 183].

Формирующийся идеологический контроль коснулся и библиотечного досуга молодежи. П.Е. Луенюк вспоминал, что в годы гражданской войны «... в Иркутске были хорошие библиотеки», городская библиотека «была богата» [11, с. 37]. Мемуаристу запомнились произведения таких авторов как И.Г. Эренбург, А.Т. Аверченко, Н.А. Тэффи, которые: «нравились... потому, что в них взгляд на события, на мир отличался от официального» [11, с. 37]. Но затем «через какое-то время все эти книги... исчезли из библиотек» [11, с. 37]. Изъятием литературы занимался Главлит, появившийся в 1922 г. и поделивший РСФСР на семь отделений [22, с. 14]. Ранние произведения Эренбурга были изъяты в 1923-1927 гг. Аверченко «положили» в спецхран в 1927 г. У Тэффи в 1927 г. в Москве, Ленинграде и Киеве вышло три сборника рассказов, но в середине 1930-х гг. они были тоже изъяты [3, с. 33-34, 175-176, 198-199]. Даже в условиях гражданской войны библиотеки исполняли роль информационных центров, знакомя с новинками литературы, продолжая дореволюционные культурные традиции [16, с. 20-23]. Но цензурный диктат становился препятствием дальнейшего развития. Заметим, что конец 1920-х гг. стал периодом запрета в стране всего, что не укладывалось в рамки большевистской идеологии, было даже запрещено движение трезвости И.А. Чурикова (1861-1933), сам он погиб в лагерях [8].

Петр Ефимович вспоминал, что дома он тоже много читал, повышал уровень образования, этому способствовал отец: «... Он многому меня научил, приучил к книге - в доме была тьма книг, технических и художественных» [11, с. 41]. С таким «багажом» можно было сразу поступать в местный университет, но отец порекомендовал сыну научиться зарабатывать деньги своими руками: «когда я закончил школу, он сказал, что пора самому зарабатывать денежки, и устроил меня в артель» [11, с. 41]. В артели П.Е. Луенюк проработал в 1923-1924 гг.: «Артель была маленькая и занималась тем, что проводила водопровод, канализацию и отопление. Проработал я в ней около года, до поступления в университет» [11, с. 41]. В годы НЭПа артели занимали «ведущие позиции в кооперативном производстве», заработная плата в них была выше, чем у государственных рабочих (80 рублей против 75), но и рабочий день в артелях был

ненормированный [6, с. 159]. Уровень образования у артельщиков был выше. Журнал «Производсоюз» за 1921 г. писал, что у 20% артельщиков среднее образование, к таким относился и П.Е. Луненок [6, с. 47]. Артель проводила водопровод как в домах, так и в учреждениях, в частности в Иркутском ОГПУ [11, с. 42].

В 1924 г. П.Е. Луненок поступил в университет: «В 24-м году я поступил в Иркутский университет на естественное отделение, но через год наш курс перевели в пединститут. К тому времени, когда я его закончил, я уже понимал, что мне нужно заниматься геологией. «Совратил» меня Александр Владимирович Львов, ведущий у нас геологический кружок» [11, с. 43]. Наставником протагониста оказался будущий заведующий кафедрой минералогии Иркутского горного института в 1918-1928 гг. А. В. Львов (1871-1941), выпускник Санкт-Петербургского университета, геолог, эсер, в 1899 г. высланный в Иркутскую губернию. В 1917 г. Львов преподавал в Народном университете. Профессор Н.И. Толстихин вспоминал: на пароходе «Ангара» Александр Владимирович организовал осмотр озера Байкал [12, с. 41–42]. Свое отношение к студентам профессор Львов сформулировал лаконично, но ярко: «Студент не сосуд, который надо наполнять, а факел, который надо зажечь» [12, с. 48]. Такой подход к ученикам предопределило то, что Петр Ефимович Луненок стал учеником А.В. Львова. В 1931 г. после окончания университета П.Е. Луненок начал работать в геологических партиях.

Несмотря на экстремальные условия жизни в период потрясений, Петр Ефимович Луненок сумел получить хорошее естественнонаучное образование, большую поддержку ему в этом оказали ближайшие родственники и учителя, среди которых были знаменитые педагоги-горняки. Как, мы видим, Гражданская война не захватила все сферы жизни общества, были островки повседневности, наполненные нормальным общением и изучением науки.

Список литературы:

1. Афанасьев В.Г. История русской интеллигенции. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2013. 224 с.
2. Базанов П.Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация русского зарубежья. М.: Содружество «Посев», 2013. 424 с.
3. Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов в 1917-1991 гг. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: СПбГУКИ, 2003. 403 с.
4. Выдающиеся ученые С-Петербургского государственного горного института (технического университета) за 220 лет. СПб.: Тип-я Санкт-Петербургского аграрного университета, 1993. 162 с.
5. Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России, 1917-1921 гг. СПб.: Алетейя, 2007. 396 с.

6. Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетей, 2011. 213 с.
7. Давыдов А.Ю. Впечатления советского интеллигента о Великой Отечественной войне (мемуарные свидетельства А. Д. Сахарова и попытка их интерпретации) // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. науч. Ст. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. С. 285-293.
8. Зарембо Н.Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга : 1907-1914 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Зарембо Наталья Геннадьевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. Санкт-Петербург, 2011. 24 с.
9. Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 544 с.
10. Ковалева Е.Д. История скаутинга в Петербурге в начале XX века // Балтийский край: историко-краеведческий альманах. Вып. 4. / Культурно-просветительское товарищество, СПб ГУ, Институт истории, каф. Ист. Регион, Росс. Нац. Биб-ка, Отд. Библиог. и краевед. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2016. С. 18-26.
11. Луненок П. Е. То, что помнится / предисл. Д. Сергеева ; лит. запись О. Корнильцева // Свой голос : новый сибирский альм. - Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Вып. 2. С. 31–47.
12. Львова Н.А., Толстихин Н.И., Толстихин О.Н. Александр Владимирович Львов, 1871-1941. М.: Наука, 1986. 140 с.
13. Макаров В.А. Вторжение «китайских варваров» в повседневность: концептуализация Боксерского восстания 1900 года в российской интеллектуальной печати // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (К 100-летию Русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции, 16-18 марта 2017 г. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 202-208.
14. Рудник С.Н. 1917 год в российской провинции // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 8 (80). С. 132-135.
15. Старков Б.А., Измозик В.С., Павлов Б.В., Рудник С.Н. Подлинная история РСДРП-РКП (б)-ВКП (б). Краткий курс без умолчания и фальсификаций. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
16. Степанов С.В. Издательская деятельность библиотек дореволюционной России (на материалах Санкт-Петербургской губернии) // Библиотековедение. 2016. № 1. С. 20 - 23.
17. Степанов С.В. Концепция «культурных гнезд» литературоведа Н.К. Пиксанова (1878 – 1969): к истории создания и обсуждения в научных кругах в 1920-е гг. // GLORIA BIBLIOSPHERAE (Нишката на Ариадна). Исследования в честь на акад. проф. Александра Куманова: юбилеен сборник по случай 65 години от основаването на УниБИТ. София, 2016. С. 876–885.
18. Хрисанфов В.И., Степанов С.В. Пожарная охрана Лужского края. Очерки истории. Луга.: Издательство Голубева, 2013. 83 с.
19. Хрисанфов В.И. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской

эмиграции 1917-1920 гг. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 196 с.

20. Школьник М.М. Жизнь бывшей террористки. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев (Л.: тип. «Прибой» им. Евг. Соколовой)1927. 96 с.

21. Штерн Л.Я. Жизнь наградила меня. М.: Захаров, 2016. 560 с.

22. Ярмолич Ф.К. «Россия начиная с 1917 года представляет собой загадку, которую мы тщетно пытаемся разгадать» (Советская цензура на Северо-Западе СССР в 1920

Е.В. Огуренко*

Повседневность провинциального архивиста на примере Свердловского областного государственного архива на рубеже 1930-х – 1940-х гг.

В статье рассмотрены социокультурные факторы в деятельности Свердловского областного государственного архива на рубеже 1930-х – 1940-х гг. Отмечается, что работа архива имела многосторонний характер, но условия ее осуществления были не достаточно благоприятны. Провинциальная повседневность в условиях репрессий и войн наносили сильный отпечаток коммунистической идеологии на всю деятельность архива.

In the article of examined of sociocultural factors in the activities of the Sverdlovsk regional state archive at the turn of the 1930s-1940s. It is noted that the work of the archive was of a multilateral principles, but the conditions for its implementation were not favorable enough. The provincial reality of a totalitarian society under the conditions of repressions and War made a strong impact on the all activities of the archive.

Ключевые слова: архивы Урала, архивное дело в СССР, Великая Отечественная война, советское общество, советская повседневность, советский быт, советский архивист.

Keywords: Archival affairs in USSR, archives of Urals, The Great Patriotic war, soviet society, soviet reality, soviet daily, soviet archivist.

В СССР в ходе постепенного наращивания бюрократического аппарата (номенклатуры) в 1920-е – 1930-е гг. происходит увеличение документооборота в государственных органах власти. Со временем остро встала проблема хранения архивных документов как историко-культурных памятников. На 1930-е гг. приходится резкое

---

* **Огуренко Егор Владимирович**, студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Науч. руков. Цеменкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии УрФУ.

увеличение числа государственных архивов, сети их филиалов и усложнение их внутренней структуры [15, с. 162–175].

К моменту передачи архивной службы в подчинение НКВД, в середине 1938 г., сеть архивных органов состояла из 107 архивных управлений, союзных, республиканских, областных и краевых, 14 центральных государственных архивов СССР и РСФСР, 239 республиканских, областных и краевых государственных архивов, 19 военно-окружных и портовых архивов и 2 343 районных архивов [1, с. 10].

Архивное дело в Свердловской области на 1 июня 1938 г. курировал Архивный отдел Управления Народного комиссариата внутренних дел по Свердловской области. Архивный отдел УНКВД по Свердловской области, который был создан на базе ликвидированного Архивного бюро при Свердловском областном исполнительном комитете, был представлен шестью архивами: Историческим, Военным, Октябрьской революции, Секретным, Нижнетагильским и Ирбитским [4, с. 37]. В соответствии со штатным расписанием Свердловгособлархива штат насчитывал 29 чел., а фактически работало на 1 декабря 1938 г. 27 чел. [3, л. 46].

Архивный отдел изначально был призван руководить государственными архивами на вверенной ему территории Свердловской области, контролировать правильность постановки делопроизводства в архивах учреждений и проводить научно-издательскую работу [5, л. 3]. Со временем количество сфер деятельности архива увеличилось. Одной из сторон работы архива была партийная деятельность. В архиве существовала профсоюзная ячейка – местный профсоюзный комитет. В него входили почти все сотрудники Архивного отдела УНКВД по Свердловской области. Исключения составляли лишь работники на должностях, на которых люди «долго не задерживались», например вахтеры или сторожа [11, л. 20 об.].

В советском государстве профсоюзам отводилась особая роль, так как они «являются важнейшей опорой партии в борьбе за строительство коммунизма» [12, с. 3]. Продолжительное время местком не имел стабильного членства в связи с регулярными «чистками» сотрудников Архивного отдела и государственных архивов, что было характерно для всей страны [13, с. 40–41].

Последнее крупное изменение в составе работников Архивного отдела УНКВД было проведено в 1941 г. и было вызвано начатой эвакуацией архивов. В этих обстоятельствах Главное архивное управление НКВД СССР эвакуировало отдельных сотрудников [6, л. 3–4]. С сентября численность и состав коллектива стабилизировался окончательно. Организовывать работу местного комитета приходилось во многом с нуля, из-за вышеупомянутой «текучки». Однако комитет быстро наладил регулярную работу, что подтверждает исправная отчетность перед членами профсоюза и дневник месткома. Стоит также отметить, что комитет действовал, во многом во внерабочие часы, отнимая досуг работников

архива. Деятельность комитета можно разделить на три основных сферы: организация работы комитета, разбор производственных вопросов, культурно-массовая и воспитательная работа. На своем первом заседании в январе 1941 г. местный комитет ставил перед собой широкие задачи, среди которых: привлечь к работе месткома членов профсоюза (с участием в комиссиях, общественной работе, добровольных обществах), разъяснить членам профсоюза решения X Пленума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и о важности участия членов месткома в профсоюзной и общественной работе [9, л. 14].

Так, январь-март 1941 г. оказался очень продуктивен. Профсоюзных общих собраний было проведено 3 (ко дню Красной Армии и Военно-морского флота, по изучению материалов XVIII Всесоюзной Партконференции и к Международному женскому дню). Выпущено три стенные газеты, а также посвященная памяти В.И. Ленина – фотогазета [9, л. 16 об.].

В области производственной работы комитет наладил последовательную работу. Например, за январь-март 1941 г. заседаний МКпо текущим профсоюзным вопросам было проведено 8, среди которых «О трудовой дисциплине» и «Об общественной дисциплине», утверждению больничных листков и листков о трудовой дисциплине [9, л. 16]. В конце года комитет дал производственной работе положительную оценку, так как из 37 чел. работающих взяли социалистические обязательства 22 чел., количество ударников труда достигло 12 чел., а отличников 2 чел. [9, л. 19 об.]. Стоит отметить, что в квартальном плане работы архива предполагалось проведение технической учебы членов коллектива по средам, в рамках улучшения профессиональной подготовки, однако доказательств ее проведения найти не удалось.

По состоянию на 1 января 1938 г., в Архивном управлении и областных архивах Свердловской области высшее образование имело 2 работника, среднее 13 работников, специальное архивное 1 работник, начальное 8 работников. Стаж работы свыше трех лет был только у 3 работников [2, л. 20, 27]. Проблема отсутствия достаточного числа работников, имеющих специальное архивное образование, оставалась очень актуальной для архива вплоть до конца 1940-х гг.

Культурно-массовая работа в коллективе была основным «фронтом» деятельности местного комитета. В особенности, после начала Великой Отечественной войны, что потребовало от профсоюза активизации пропагандистской и агитационной работы в организации. Примером могут служить митинги, проведенные коллективом Архивного отдела и Свердловгосархива в 1941 г. Если в первой половине года митинги сотрудников собирались по вполне ординарным поводам (например, открытие XVIII Всесоюзной Партийной конференции), то после начала войны их количество увеличилось. Проведенные митинги были посвящены,

например, следующим событиям: фашистскому нападению на Советский союз (24 июня 1941 г.), готовности к защите Отечества (4 июля 1941 г.), «варварскому налету» на Москву (23 июля 1941 г.), сбору теплой одежды бойцам на фронт (13 сентября 1941 г.), докладу т. Сталина в честь 24-годовщины Великой Октябрьскойсоциалистической революции (8 ноября 1941 г.) [9, л. 4–13].

По итогам митингов принимались резолюции. Резолюция от 23 августа гласила: «Мы, сотрудники Архивного Отдела УНКВД и Обл. гос.архива... заявляем, что будем работать еще лучше, еще организованней, подготовили наш объект к противовоздушной обороне, и к противохимической обороне, и если надо будет заменить на полях нашей области бойцов, ушедших в ряды Красной Армии, то мы всегда готовы». Резолюция принята единогласно всеми присутствующими на митинге [10, л. 20].

Однако заявлениями патриотизм архивных работников неограничивалось. В июле 1941 г. районный комитет ВКП(б) предложил сотрудникам архива привести в надлежащий вид любое помещение дома на ул. 8 Марта, 23, отведенного для госпиталя. Пришедшие к семи часам люди оказались разочарованы, так как ранее пришедшая группа сделала всю работу: «небольшая обида проявилась у коллектива» [9, л. 16 об.]. Также архив принимал участие в сборе теплых вещей для фронта [10, л. 22], на помощь лазаретам в течении шести дней 3 женщины сшили 50 простыней и 10 халатов, 6 чел. вошли в санитарную дружину, один записался на курсы медицинских сестер, весь коллектив занимался обучением попротивовоздушной обороне [9, л. 16 об.].

Сами члены профсоюза старались оценить свою деятельность объективно, отчеты о его работе содержат такие выражения: «Все проводимые мероприятия профсоюзного, общественного и политического характера проходят очень неактивно», «коллектив недостаточно вовлечен в профсоюзную работу и в общественную работу», «нет у нас критики и самокритики в работе» [9, л. 16].

Особо важными вопросами для работы профсоюзной организации была социальная поддержка. Поднимались вопросы создания буфета для сотрудников [10, л. 24] и огородов для индивидуального пользования [8, л. 4].

О культурном уровне провинциального архивиста многое может сказать распоряжение № 63 от 11 сентября 1940 г. по Свердловскому областному государственному архиву.

Архивный технический работник Шмелева позволила себе унести из архива чайник, «с целью его использования по назначению, но без ведома и разрешения администрации». Это событие вызвало в коллективе большой конфликт. Работник А.Ф. Селиванова, поставив вопрос об ответственности коллектива за пропавший чайник, позволила себе недопустимую резкость

выражений по адресу коллектива: «Душа из вас вон, а чайник найдите». Уборщица Черкасова вместо сообщения директору архива Алимову о случившемся для принятия мер, стала «на путь пререканий с работниками отдела Октябрьской революции по вопросу о пропаже чайника», которые привели к взаимным оскорблениям. Старший архивный технический работник А.Н. Коробейникова в разговорах с уборщицей Черкасовой допустила оскорбительное выражение «сволочь народ», что «Черкасову принявшую это по своему адресу оскорбило и довело доистерики, которая почти на целый день лишила возможности спокойной, нормальной постановки работы». Это вызвало и поминание иных межличностных конфликтов. Крайне невыдержанные выражения были допущены Шмелевой в отношении научной работы Чемодановой, которая некогда усомнилась в правильности выделения макулатурного материала, нашла необходимым посоветоваться с директором и инспектором Жуковым: «Не смей жаловаться», т.е. не смей докладывать о замеченных отклонениях в работе государственного архива. Итогом этого кризиса были санкции в отношении работников допустивших резкие выражения. В сухом административном языке эпохи было много смешанных чувств: «Приказываю... сделать все необходимые выводы и приложить все усилия к дружной, плодотворной работе» [7, л. 12–13].

Таким образом, в деятельности архивиста 1930-х – 1940-х гг. значительную роль играла коммунистическая идеология, которая вкупе с всесторонним государственным присутствием в жизни человека образывала особый мир, в котором человеческому оставалось довольно мало. Однако даже во время напряжения всех своих моральных и физических сил, человек остается человеком, чего не может скрыть организационно-распорядительная документация.

Список литературы:

1. 20 лет архивного строительства // Архивное дело. 1938. № 3 (47).
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 445.
3. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 450.
4. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 644.
5. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 648.
6. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 2. Д. 300.
7. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 4. Д. 6.
8. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 1.
9. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 3.
10. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 4.
11. ГАСО. Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 42а.
12. История профсоюзов Урала. 1905–1984 гг. М.: Профиздат, 1984.

13. Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за чистоту архивных кадров (1920-е – 1930-е годы) // Отечественные архивы. 1993. № 5.

14. Савин В.А. «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР – СССР. 1918–1950-е годы. М.: Рос.гос. гуманитар. ун-т, 2000.

А.А.Тарасова*

Улица из Русской Атлантиды: история затопления города Мологи и других земель на Ярославской земле в конце 1930-х-1941 гг.

В статье, с использованием источников личного происхождения и неопубликованных архивных данных, изучается одна из трагических страниц истории Ярославского края – затопление г. Молога и близлежащих деревень под водой Рыбинского водохранилища.

In the article, using sources of personal origin and unpublished archival data, one of the tragic pages of the history of the Yaroslavl region is being studied - the flooding of the town of Mologa and the nearby villages near the Rybinsk reservoir.

Ключевые слова: Молога, Ярославский край, Рыбинское водохранилище, затопление, переселенцы.

Keywords: Mologa, Yaroslavl region, Rybinsk Reservoir, flooding, migrants.

Молога — город, располагавшийся при впадении реки Мологи в Волгу и затопленный Рыбинским водохранилищем. Первый краевед Мологского края, дьякон Моложского Афанасьевского монастыря Тимофей Каменевич-Рвовский, писал, что город основан Ярославом Мудрым во время его ростовского княжения. А в летописях наименование реки Мологи в первый раз встречается под 1149 г. Город и прилегающие к нему деревни в старинных источниках именовали Мологской страной [4; 6, с. 3]. Среди первых исследователей Мологского края можно назвать известного государственного деятеля графа А.С. Мусина-Пушкина, историка Д.И.Троицкого [9, с. 1-30; 6, с. 38-49]. Повседневную жизнь сицкарей, жителей бывшей Сить-Покровской волости Мологского уезда, их обычаи, нравы описал священник А. Преображенский [13, с. 106-110]. Изучая историю Ситской битвы 1238 г. земский деятель и натуралист Л.П. Сабанеев

---

* **Тарасова Алена Александровна**, студентка 1-го курса Санкт-Петербургского горного университета. (Научный руководитель: С.И. Подольский)

(1848-1894), А. Преображенский и краевед Ф.Я. Никольский (1816-1880) проводили раскопки на левом берегу Сити в окрестностях села Покровского [12, с. 1; 13, с. 106-110; 14, с. 29-69]. Таким образом, дореволюционный период истории Мологи представляется вполне освещенным. Но после затопления города многие десятилетия «мологская тема» была строго запретной. В 1990-е годы появилось множество публикаций, посвященных теме затопления Мологи [5, 7, 8, 9, 11, 15]. В 1995 году мологжане создали в Рыбинске Музей Мологи. Активное обсуждение судьбы Мологи велось и на страницах местной периодической печати (газета «Вперед») [3, 18]. Отметим, что древняя история Ярославского края освещена довольно хорошо, тогда как новейшая требует своего скрупулезного изучения [16].

Известно, что мологжане уезжали не только в Некоузский район. Большая часть вынужденных переселенцев (это были переселенцы из разных населенных пунктов) была поселена недалеко от Рыбинска в поселке Слип, который тогда называли Новой Мологой, но это название не прижилось. Часть оказалась в соседних районах и городах, где до сих пор существуют объединения бывших жителей Мологского края под названием «Землячества мологжан». Однако, информации о переселенной мологской деревне, ставшей самостоятельным поселением, автор не нашел.

В начале XX века родное село автора Новый Некоуз было железнодорожной станцией Харино. В 1932 г. ее переименовали в Некоуз. До начала 30-х годов территория Некоузского района входила в состав Мологского уезда. С его ликвидацией в связи с затоплением при строительстве ГЭС в 1940 году многие из мологжан переселились и в наш Некоузский район. Встречаются и в райцентре старинные деревянные дома, некогда перевезённые с затопляемых Мологских земель. Южнее храма - прежняя деревня Новая Режа, построенная переселенцами в 1930-е гг. из затопляемой зоны, из дер. Большая Режа. Сегодня это одна из улиц села. Этот факт очень заинтересовал автора и им было решено провести исследование.

Молога — город, располагавшийся при впадении реки Мологи в Волгу и затопленный Рыбинским водохранилищем. Сам город тянулся по правому берегу Мологи и по левому Волги. Город Молога основан Ярославом Мудрым приблизительно в 1149 годом. Молога была центром удельного княжества, затем — крупным торговым центром. Здесь еще в начале XVI века была знаменитая почти всемирная ярмарка. В 1777 году по указу императрицы Екатерины II Молога получила статус города и стала центром уезда. Мологский уезд включал в себя 17 волостей, в том числе и Некоузскую. Главное богатство Мологи — заливные луга тянулись на десятки километров. Сена заготавливали по 8 миллионов пудов. Это обеспечивало обильным кормом многочисленного стада. В царские времена его закупали и заграничные хозяйства. Всего в Мологском уезде к началу XX века насчитывалось 714 селений и 933 земельных общин. Уезд отличался

относительно высоким процентом крупных селений. Население в 1896 году составляло около 7000 человек [9, с. 60].

После революции 1917 года уже советские власти высоко оценили значение района. В конце 1920-х годов началось строительство узкоколейного железнодорожного полотна, которое соединило бы районный центр Молога со станцией Харино (сейчас ст. Новый Некоуз). В 30-е годы XX века это был довольно-таки крупный населенный пункт с более 900 домами, с 200 лавками и магазинами. Здесь имелись школы, детские сады, пожарное депо, винокуренный завод, издавались две газеты, действовал краеведческий музей, стояло пять храмов.

Быт был налажен, о нем, в дореволюционную эпоху и в более менее сытные годы НЭПа, вспоминала Лариса Анатольевна Каширцева: «Семья мамина была очень большая, всего девять человек. Детей в семье Струнниковых было семеро, а моя мама самая младшая. Семья считалась довольно-таки обеспеченной, потому что дедушка работал на мукомольном заводе у купца Калашникова. Денег было достаточно, чтобы бабушка не работала и занималась только хозяйством и детьми. Жили они в деревне Чесноковка. Мамин дом находился прямо рядом с речкой. Места эти славилась заливными лугами, плодороднейшими землями.... Леса были богаты грибами да ягодами. Летом дети все время бегали в лес. А какая красота и раздолье!» [2].

Но в 1929 году большой Мологский уезд был расформирован, а на его территории созданы Брейтовский, Ермаковский, Мологский и Некоузский районы. В это время в стране ощущался сильный дефицит электроэнергии. Строительство ГЭС решало важнейшую задачу – сделать Волгу в верхнем течении судоходной. 14 сентября 1935 года правительство СССР приняло постановление о сооружении двух ГЭС, Рыбинской и Угличской. По первоначальному проекту высота зеркала воды над уровнем моря Рыбинского водохранилища должен был составлять 98 м. Потом эта цифра была изменена на 102 м. Город Молога лежал на отметке 98 м над уровнем моря, и именно эти 4 метра стоили ему жизни.

Известие о ликвидации города местные власти получили 1 сентября 1936 года. Причем местные власти поставили условие: к концу года переселить около 60% жителей города Мологи и вывезти их дома. За два месяца, оставшиеся до замерзания рек Волги и Мологи, это было совершенно нереально, но власти настаивали на своем. Жители, как могли, протестовали. «Поздно дома сейчас перевозить,— говорил в Мологском совете один из жителей города. — Если мы дома сейчас и сплавим и на новом месте поставим, жить в них все равно нельзя будет — сырые они будут стоять до лета. Мы же люди, не собаки!» [11, с. 45].

Но власти упорно стояли на своем. К 1 ноября 1936 г. необходимо было разобрать и перевезти из Мологи 400 крепких домов и вновь возвести их под Ярославлем, Рыбинском и Тутаевом. Ветхие же здания следовало

пустить под снос, выплатив их владельцам компенсацию примерно в полтысячи рублей. Людям давали выбор: они могли поселиться в Ярославле или Рыбинске, могли перевезти свой деревянный дом или получить за него компенсацию. Свидетели событий, говорили, что в действительности денег на переселение давали мало. Перевозить жилье обязали самих хозяев. Кто-то нанимал для этого подводы. Но большинство владельцев домов разбирали их и сколачивали из бревен плоты, грузили туда вещи и отправлялись вниз по Волге, а переплавливали груз по реке перегонщики. Прибыв «на поселение», вытаскивали сырой стройматериал и заново сооружали из него избы. Таким же путем эвакуировались и селяне.

«Предлагали нашей семье переселиться в разные районы», - рассказывает Лариса Анатольевна Каширцева, дочь мологжанки-переселенки. – «Мои родные выбрали Некоузский, потому что край напоминал Мологу: река, большой сосновый лес, много ягод, грибов. Когда переезжали, все очень торопились: поджимали сроки. А потом начали заполнять водохранилище». Согласно архивным данным в 1938-40 годах в сам Некоуз переехало 28 семей, всего 128 человек [10].

Выполнить решение властей о переселении Мологи к 1 ноября 1936 г все-таки не удалось и оно продолжалось и следующие четыре года. 20 декабря 1940 года Мологский район был ликвидирован. А к весне 1941-го, эвакуация из Мологи напоминала уже бегство военного времени. Везде раздавались взрывы – это саперы уничтожали каменные здания, чтобы потом не мешали судоходству. Дороги были забиты подводами, от гибнущего города уползали переполненные поезда. К апрелю 1941-го с территории было выселено около 130 тысяч человек. 13 апреля 1941 года началось затопление. Молога полностью ушла под воду за шесть лет.

На момент переселения Антонине Павловне Шеломовой было 11 лет. В интервью она вспоминала: «По домам ходили уполномоченные по переселению: Семин из Мологи и Лебедев (уполномоченный по партийной линии). Никакого насилия не было, предлагали в помощь подводы для перевозки. Перевезли всех благодаря взаимопомощи. Никого не бросили, не оставили. Переселенцам разрешали даже брать и чужие брошенные дома, но те, кто переехал в Некоуз, перевозили свои. Кооперировались по трое соседей, по очереди ломали и перевозили дома, строили все сами. В основном, переезжали в 1937-1938. Перевозили зимой, а летом были уже в Некоузе. Все дома в деревне Новая Режа перевезли из Режи Большой, всего 25 домов. Культура и традиции переместились вместе с людьми. Все были очень дружные, помогали друг другу, долгое время поддерживали связь и с теми, кто перебрался в другие населенные пункты» [1].

Подобную историю, наполненную болью за изломанную жизнь, рассказала и Л.А. Каширцева: «После решения о затоплении Мологи в 1936 году местных жителей поставили перед фактом переселения. Конечно же, было жалко нажитого, но сопротивляться было бесполезно. Предлагали

нашей семье разные районы. Родные выбрали Некоузский, деревню Поздеевку, около станции Волга. Это было довольно-таки недалеко от их родного края, да и местность очень напоминала Мологу: река, большой сосновый лес, много ягод, грибов. Когда переезжали, все очень торопились: поджимали сроки. Перевозить жильё обязали самих хозяев. Кто-то позажиточнее нанимал для этого подводы. Но большинство хозяев сами разбирали дома, в том числе и Струнниковы» [2].

Автором была проведена кропотливая работа с архивными данными: переселенцы построили в Некоузе целую новую улицу. Так от учительских домов (от дома Шереметьевых – Трофимовых) и до церкви поселились 130 человек. Левый посад: Мелеткины (6), Шаховы (7), Ежелины (5), Буровы (5), Кирилловы, Шаховы (8), Горячевы (7), Чистяковы (5), Найденышевы (4), Феоклитистовы (3), Бушуевы (5), Малаховы (5). Правый посад (от конца деревни до церкви): Шитовы (4), Горячевы (6), Богомолы (7), Щетниковы (3), Беловы (6), Шаховы (8), Копейкины (2), Чистяковы (6), Глазовы (5), Петровы (6), Молоковы (3), Буровы (7) Хватовы (9). Остальные жители Режи: Разживины, Голиковы, Глазовы, Палиловы, Сидоровы, Любимовы, Смирновы, Малышевы, Синяковы, Брядовые, Назаровы, Васильевы и др., поселились в деревне Мышкино, д. Федосово, д. Большое Фролово, в поселке Волга, городе Мышкин, в Некоузе на улице Колхозной, Пионерской». [2, 10] По данным домовых книг в 1940 году в Режи проживало уже 115 человек (некоторые уехали в Рыбинск) [10].

Отметим, что на просторах глобальной сети ходит мрачная легенда, что, якобы, при переселении было большое количество погибших: они отказались уезжать и утонули в своих домах. Странники этого предположения ссылаются на «рапорт лейтенанта НКВД Скларова начальнику Волгостроя Журину», однако оригинал этого документа собственными глазами никто из исследователей не видел, только копию в интернете.

О трудностях с которыми столкнулись люди после переселения, мы находим в содержательном интервью А.П. Шеломовой: «...Переселенцы приехали в болото, где не было колодцев. На месте купеческого дома у пруда со островком стояла огромная береза, там построили свой дом Шаховы (теперь это дом Соколовых). Мужики зимой ездили по деревням и воровали питьевую воду из местных колодцев. В 1939 году заключенные Волголага пробурили скважину. Это была одна скважина на всю деревню, а в Некоузе было всего два общественных колодцах. Из этой скважины воду возили в школу и детские сады. Для огорода частокол возили на санках. Бани тоже не перевезли, мылись теперь как некоузцы в печах. Вступили здесь в колхоз «Свободный труд», очень бедный. Мологжане называли его «Беспольный труд». Колхоз объединился потом с колхозом им. Ленина. Местные приняли новичков не особо приветливо. В 1938 году я пошла в Некоузскую школу. А через год началась советско-финская война(1939-

1940гг), а затем Великая Отечественная война. И общее горе сплотило людей» [1].

В экстремальных бытовых условиях оказались и жители новой деревни Поздеевка, вчитаемся в интервью Л. А. Каширцевой. «К сожалению, дер. Поздеевка была практически отрезана от мира: не было магазинов, школ, дорог. Дети ходили в Сменцевскую школу через лес, в котором водились волки, да и дорога была неблизкая-7,5 км. Как говорится, добывали знания, «как Филиппок». После переселения никто из старших старался о Мологе не говорить, не хотели беречь душу воспоминаниями, да и нельзя было...» [2].

Заполнение Рыбинского водохранилища продолжалось до 1947 года. Пуск в эксплуатацию обеих ГЭС привел к тому, что Ярославская область стала крупным центром энергетики. Но последствия этих событий до сих пор вызывают споры и неоднозначные оценки. По официальным данным, было затоплено 3645 кв.км лесов. Под воду ушло шестьсот сёл и деревень, 140 церквей и 3 монастыря. Разрушены усадьбы Мусиных-Пушкиных и Верещагиных. На дне моря покоятся кладбища. В строительстве гидроузлов были задействованы около 50 тысяч узников ГУЛАГа, и смертность среди них была высокая.

Но ГЭС до сих пор вырабатывает более 600 млн. кВтч. Рыбинское водохранилище стало домом для многих видов рыб и лабораторией для института биологии внутренних вод РАН. На его берегах образовался Дарвинский заповедник. После сооружения гидроузла Волга стала полноводной и судоходной рекой. Сейчас водохранилище остается самым большим искусственным водоемом.

И тем не менее, вот уже 73 года под водами искусственного моря лежит старинный русский город Молога, который насчитывает многовековую историю. Сохранись Молога – и мы сейчас отмечали бы ей 865 лет. В июне 2003 года Администрацией Ярославской области был организован Круглый стол, на котором была выдвинута идея создания Национального парка «Молога» в нашем районе в память о затопленном городе.

Недавно на берегу Рыбинского водохранилища в деревне Брейтово построили часовню, посвященную жертвам Мологи. Деревня Малая Режа стала колхозом имени Ленина, а затем просто улицей Ленина райцентра, переселенцев на ней уже нет и мало осталось свидетелей тех далеких событий. Но несмотря ни на что мы должны помнить историю нашего родного края, дорожить ею. Ведь без прошлого нет и будущего!

Список литературы:

1. Беседа с Шеломовой Антониной Павловной 1927 г.р. от 1.10. 2014 года [Текст стенограммы беседы] Публикуется с согласия Шеломовой А.П. // Из личного архива автора.

2. Беседа с Каширцевой Ларисой Анатольевной от 5 мая 2014 года [Текст стенограммы беседы] Публикуется с согласия Каширцевой Л.А. // Из личного архива автора.

3. Великая Отечественная война глазами ребенка // Вперед. 2014. 15 марта.

4. Воробьева К. Топонимическое путешествие (к истории возникновения топонимов Дуброва и Остроги и микротопонимов их окрестностей) // Сборник публикаций районной конференции ТДК, 2004.

5. Ерохин В. Города под водой. Углич.: «Гранд-Холдинг», 2010

6. Лукьяненко В., Хабаров М., Лукьяненко А. «Мологский край – драгоценный изумруд Ярославии». Ярославль.: Индиго, 2010.

7. Молога. История и судьба древней русской земли. Сб. воспоминаний. Рыбинск.: Рыбинское подворье, 1997.

8. Мологский край: проблемы и пути их решения: материалы Круглого стола. Ярославль, 5-6 июня 2003 г. // Отв. ред. В.И. Лукьяненко. Ярославль.: Издание ВВО РЭА, 2003.

9. Мусин-Пушкин А.С. Очерки Мологского уезда. Ярославль, 1902.

10. Некоузский архив. Ф. 76. Оп. 2. Д. 31. // 1940-1951.

11. Нестеров Ю. Молога. Память и боль. Ярославль.: Верхне-Волжское книжное издательство, 1991.

12. Никольский Ф.Я. Курганы на реке Юхоти в Угличском уезде // Ярославские Губернские Ведомости. 1860. № 31.

13. Преображенский А. Волость Покрово-Ситская Ярославской губернии Моложского уезда // Этнографический сб. Вып. 1. СПб.: Изд-во Императорского Российского географического общества, 1853.

14. Сабанеев Л.П. Описание курганов Мологского уезда // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып.5. Ярославль, 1868.

15. Сахаров Н. Старина и молодёжь. Рыбинск.: издательство «Рыбинское подворье», 2003.

16. Спиридонова Е.В. Древняя история Ярославского края в трудах краеведов XIX – начала XX вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. 07.00.09. – Историография, источниковедение, и методы исторических исследований. Ярославль.: Ярославский государственный университет, 2003.

17. Троицкий Д.И. История Мологской старины // Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 г. Ярославль. 1863.

18. Тювилина Т. // «Вперед». 13 апреля 2005. 2005. № 29.

Районные газеты как источник сведений о повседневной жизни колхозников в 1946-1948 гг. (на материалах Рязанской области)

В статье рассматривается использование материалов районных газет для изучения повседневной жизни послевоенной деревни. Анализ проводился на материалах газеты Шелуховского района Рязанской области «Путь к коммунизму» за 1946–1948 гг. Дана общая характеристика материалов издания. Автором сделан обзор заметок, из которых можно почерпнуть сведения о повседневной жизни колхозников. На основе материалов статьи делается вывод о важности использования местной прессы в качестве исторического источника.

The article discusses the use of materials from regional newspapers to explore the everyday life of post-war village. The analysis was conducted on materials of the newspaper by Sheluhovskiy district of the Ryazan oblast "Put k kommunizmu" for the years 1946-1948. The author makes a review of notes from which it is possible to glean information about everyday life of the villagers. On the basis of the article, we can make a conclusion about the importance of using a local press as a historical source.

Ключевые слова: повседневная жизнь, советское крестьянство, исторический источник, периодическая печать, послевоенная деревня.

Keywords: everyday life, the Soviet peasantry, historical source, periodical press, the post-war village.

Для реконструкции повседневной жизни сельчан служит большое количество исторических источников: материалы этнографических экспедиций, обращения граждан в органы власти, воспоминания, интервью, делопроизводственные документы, и ряд других [7; 10; 22].

Особое место в этом ряду занимают средства массовой информации, поскольку «среди части исследователей в последние годы стало бытовать мнение о непригодности использования материалов советских СМИ в качестве объективного исторического источника» [7, с. 318].

Несмотря на то, что вся советская периодическая печать жестко контролировалась партийными органами, советские газеты содержат большое количество материалов, несущих в себе сведения о повседневной жизни своего региона или всей страны. Таким образом, информация из газет – это важный исторический источник для реконструкции повседневной жизни советских людей и, в частности, колхозников в исследуемый период.

Основным предназначением газет в Советском Союзе было формирование общественного мнения, необходимого власти. Кроме того,

---

* **Божичко Вера Викторовна**, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

газеты при помощи писем читателей фиксировали настроение людей и в некоторой степени способствовали построению диалога между властью и обществом.

Попробуем на примере районной газеты Шелуховского района Рязанской области «Путь к коммунизму» выяснить, какие сведения о повседневной жизни колхозников можно найти в материалах периодической печати. Выбор Шелуховского района не случаен: там не было не только городов, но даже поселков городского типа. Газета отражала жизнь исключительно сельского населения. В статье использованы материалы газеты за 1946–1948 гг., три самых трудных послевоенных года.

В указанный период газета выходила два раза в неделю, по вторникам и пятницам, в формате А3 на четырех страницах. В районной газете, в отличие от областной и тем более центральной прессы, было крайне мало материалов о жизни всей страны и зарубежья. Обзорю событий в СССР и в мире посвящалось по одной колонке на четвертой странице. На всей остальной печатной площади освещалась жизнь сельского района.

Материалы издания позволяют погрузиться в атмосферу того времени. Как уже было сказано, именно районная газета в значительно большей степени отражала повседневную жизнь колхозников, чем областная. Областная газета, являясь органом обкома партии, содержала много официальных материалов: тексты речей руководителей страны, пространные статьи на международные темы, как правило, перепечатанные из газеты «Правда», рапорты о предвыборной агитации, договоры коллективов о социалистическом соревновании, призывы к революционным праздникам и т.д.

Районная же газета, по сути, являлась зеркалом жизни конкретной местности для своего исторического периода. Как всякое зеркало, она допускала искажения реальности. Эти искажения необходимо учитывать при анализе информации. Материалы газеты подвергались идеологическому контролю и жесткой цензуре. Читать их следует с учетом этих обстоятельств.

За последние двадцать лет немало написано о засухе и страшном голоде 1946–1947 гг. Наиболее подробно проблему исследовал историк В.Ф. Зима [6]. В большинстве колхозов на трудодень выдавали менее килограмма зерна плохого качества, по 2–3 килограмма картофеля и немного соломы. Сена и денег колхозники не получали [1, с. 8]. О чем же в это трудное время пишет «Путь к коммунизму»?

В августе 1946 г. в районной газете сообщалось: «Сельхозартель «Путь Ленина», успешно выполнившая план зернопоставок государству, приступила к выдаче первого аванса на трудодни колхозникам» [3]. Далее сообщалось о выдаче 50–70 кг зерна конкретным работникам. Еще одно сообщение из засушливого 1946 г.: «Члены сельхозартели «Ударник» вырастили на своих полях хороший урожай. Колхоз досрочно рассчитался с

государством по хлебопоставкам и начал авансирование хлебом на трудодни... Семья Терешкиных, выработавшая более 1000 трудодней, получила 896 кг ржи» [16].

Печатались также сообщения о премировании колхозников по итогам года. Так, животноводы колхоза «Путь Ленина» – доярка, телятница, пастух и сторож за отличную работу в 1945 г. получили в качестве премии по одной овце [5]. Еще пример: пасечнику, собравшему по 40 кг меда от каждой пчелиной семьи, вручили 186 кг меда за перевыполнение плана [4].

Приведенные выше оптимистические цитаты из газетных заметок о хорошем урожае, выдаче авансом зерна на трудодни, премировании животноводов и пасечника по итогам года, безусловно, правдивы. Подобные случаи в одном-двух сильных хозяйствах имели место. Однако в большинстве колхозов ничего подобного не происходило. Не размещая сообщений о жизни в бедных колхозах, газета «из лоскутов правды шила одеяло лжи» – в этом состояла основная суть пропаганды того времени.

Отражено в газете и такое распространенное явление, как передача крестьянами семян из своих хозяйств к весеннему севу на общественных землях, поскольку в колхозах после сдачи продукции государству зачастую семян для сева не оставалось. В марте 1947 г. было напечатано сообщение о сборе картофеля для весеннего сева в двух колхозах района. В артели «Верный путь» Ново-Пустынского сельсовета колхозники собрали уже 2 тонны семян картофеля, а в колхозе «Победа Октября» – 500 кг [20].

На примере Нечерноземья М.А. Безнин показал, что «история крестьянского двора колхозной эпохи – это история постоянной борьбы крестьян за землю, а точнее, за расширение приусадебного землепользования» [2, с. 224]. Размер приусадебных участков регулировался нормативными актами, и государство строго следило за их исполнением. Специальные комиссии регулярно обмеряли личные участки в поисках нарушений. В 1946 г. было принято Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. о мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах. Серьезным нарушением, согласно этому постановлению, было, в частности, незаконное увеличение приусадебного участка [8, с. 175].

Газета освещала попытки колхозников правдами и неправдами увеличить свои приусадебные участки, которые зачастую приносили основной доход их семьям, и, в соответствии с государственной политикой, эти попытки осуждала. Например, в апреле была напечатана заметка об этом. В заметке говорилось, что «в колхозе «Красные полянки» О.А. Орлова в 1947 г. самовольно припахала к своей усадьбе 0,04 га колхозной земли», а «колхозник Белобородов кроме своей усадьбы пользовался усадьбой своего отца, умершего в 1945 году» [21]. Газета не писала, конечно, что взятые сельчанами участки были заброшены колхозом во время войны из-за нехватки техники и рабочих рук.

В послевоенные годы, когда в стране особенно остро встал вопрос о восстановлении и развитии промышленности, практиковался организованный набор сельчан для работы на заводах и стройках. Газета регулярно печатала объявления об этом. Например, в декабре 1947 г. – о наборе мужчин и женщин «для работы на строительстве в г. Москве сроком на один год» [13], а в январе 1948 г. – «набор на строительство электростанции в Тульской области» [14].

Подобные объявления привлекали в первую очередь молодежь. Кто-то видел во временной работе в городе возможность вырваться из колхоза, кто-то хотел заработать денег и вернуться в село. Жизнь в городе в то время была нелегкой: трудности с продуктами, большие проблемы с жильем. А для сельчан к ним добавлялся и непривычный уклад жизни. Не все были способны удержаться в городе, даже если и собирались это сделать, кое-кто возвращался.

Даже официальные объявления помогают лучше понять обстоятельства жизни послевоенного времени. Вот объявление, призывающее семьи колхозников переселяться в новую Калининградскую область, в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 9 июля 1946 г. Переселенцам предлагались весьма выгодные условия. В частности, отмена недоимок по налогам, освобождение от всех платежей на три года, кредиты на приобретение дома и коровы и другие. Наряду с этими достаточно существенными льготами указана также продажа каждой семье двух пар носков и двух катушек ниток [15]. Этот факт позволяет ощутить, насколько колоссален был в то время дефицит обычных бытовых мелочей.

Серьезно осложняли хозяйственную деятельность колхозов постоянные мобилизации крестьян на различные работы. При этом руководители всех уровней не хотели признавать реальной нехватки рабочих рук в селах после окончания войны и осуждали председателей, не отправлявших сельчан на работы вне колхоза. Газеты, как обычно, служили рупором властей. Вот в номере от 1 февраля 1946 г. пишут о срыве заготовки дров: «Нет людей, некому ехать – такую песню заводит всегда председатель колхоза «Парижская коммуна» Елисеева. Можно ли верить этому? Конечно, нет». Ниже заметка «Из зала суда», рассказывающая об осуждении двух колхозников на год лишения свободы за уклонение от мобилизации на дровазаготовки [9].

Во второй половине 1940-х гг. началась оплата облигаций довоенного займа 1938 г. Необходимо упомянуть, что в рамках этого займа была произведена конверсия более ранних государственных займов 1929–1935 гг. То есть, государство возвращало гражданам долг не обещанными деньгами, а новыми облигациями [11].

Вот объявление: «С 1 января 1946 г. Шелуховская Райсберкасса № 5276 приступила к продаже и покупке у населения облигаций Государственного Внутреннего выигрышного займа 1938 г... Покупка

облигаций производится непрепятственно и непрерывно, независимо от сроков тиражей выигрышей, по их нарицательной стоимости» [18]. Сельчане могли вернуть часть своих денег, отданных когда-то государству, и решить некоторые неотложные проблемы.

После денежной реформы 1947 г. облигации обменивались по шадящему курсу: три старых на одну новую [19, с. 465], но опять-таки, люди получали новые облигации, а не деньги.

С 1946 г. начался выпуск 20-летних облигаций государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР. Подписка на этот заем, как и на все предыдущие, фактически, имела принудительный характер. Однако в официальных публикациях утверждалось обратное.

В мае 1946 г. газета сообщила о выпуске облигаций нового займа и сразу начала освещать ход подписки: «Половину тысячи рублей дал взаймы государству Алексей Воронов, триста рублей он внес наличными» [17].

Из материалов газеты можно почерпнуть сведения о некоторых дополнительных заработках у крестьян. Отдельным жителям сел удавалось зарабатывать охотой. В январе 1946 г. было опубликовано следующее объявление: «При каждом сельпо нашего района организованы заготовительные пункты по приему пушнины от охотников. Охотник Анатолий Кобельков сдал шкуры трех лис и 10 зайцев на 170 рублей» [12].

Приведенные примеры говорят о том, что материалы различных рубрик местной газеты позволяют узнать о многих явлениях повседневной жизни колхозной деревни и даже почерпнуть сведения о ее деталях. Зная особенности изучаемого периода и требования, предъявляемые к газетам партийными и государственными властями, можно со страниц газет получить большое количество полезных сведений о жизни и быте жителей села. Таким образом, районные газеты – орган местной власти и райкома партии, предназначенные для публикации решений руководства и отражения общественной жизни всего района, могли немало рассказать о частной жизни отдельных людей. Их материалы можно и нужно использовать для изучения повседневности наряду с другими документами.

Список литературы:

1. Агарев А.Ф. Трагическая авантюра. Сельское хозяйство Рязанской области в 1950-1960 гг. Рязань: Русское слово, 2005. – 191 с.
2. Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Вологда: Б.и., 1991. 255 с.
3. Выдача аванса на трудодни // Путь к коммунизму. 1946. 8 августа.
4. Дополнительная плата за перевыполнение плана // Путь к коммунизму. 1946. 8 января.
5. За ударный труд // Путь к коммунизму. 1946. 25 января.
6. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ, 1996. 265 с.

7. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата // А.В. Сиренов и др. М.: Юрайт, 2016. – 396 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: (1898–1970). Т. 6: 1941–1954. М.: Политиздат, 1971. 527 с.
9. К чему приводит безответственность // Путь к коммунизму. 1946. 1 февраля.
10. Лившин А.А. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 205 с.
11. О выпуске государственного внутреннего выигрышного займа 1938 г. и о конверсии государственных внутренних выигрышных займов 1928 г., 1930 г., 1932 г. и 1935 г. // СП СССР 1938 г. № 22.
12. О денежных выплатах // Путь к коммунизму. 1946. 12 января.
13. Объявления // Путь к коммунизму. 1947. 17 декабря.
14. Объявления // Путь к коммунизму. 1948. 15 января.
15. О переселении в Калининградскую (Кенигсбергскую) область // Путь к коммунизму. 1946. 15 августа.
16. Планы зернопоставок выполнены // Путь к коммунизму. 1946. 12 сентября.
17. Подписка на заем // Путь к коммунизму. 1946. 4 мая.
18. Покупка и продажа облигаций // Путь к коммунизму. 1946. 15 января.
19. Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары от 14 декабря 1947 г. // Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 г. М., 1968. С. 460–467.
20. Собрали две тонны картофеля // Путь к коммунизму. 1947. 30 марта.
21. Строго охранять колхозную общественную землю от разбазаривания // Путь к коммунизму. 1948. 15 апреля.
22. Щеглова Т.К. Устная история. Барнаул: Алтай, 2011. 363 с.

П.С. Кабытов*, *К.Г. Колганова***

Социальный портрет председателей Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся (1945–1970 гг.).

В статье на основе изучения документальных источников, справочной и научной литературы реконструирован портрет председателей Куйбышевского областного Совета, руководивших областным Советом депутатов трудящихся в 1945–1970-х гг. Выявлено, что помимо такого критерия как партийность при выдвижении на эту должность учитывались такие показатели как возраст, образование, социальное происхождение, трудовой стаж на партийной и хозяйственной работе и эффективность деятельности того или иного претендента на эту должность. Показана краткосрочность пребывания в должности председателя областного Совета в первый период: 1945 – первая половина 50-х гг. XX в., что было

---

* **Кабытов Петр Серафимович**, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева

** **Колганова Ксения Геннадьевна**, магистр истории, пресс-секретарь Министерства образования и науки Самарской области.

обусловлено как кадровой политикой руководства коммунистической партии, так и сложнейшей экономической ситуацией послевоенного времени.

The article based on the study of documentary sources, reference and scientific literature reconstructed portrait of the chairmen of the Kuibyshev regional Council directed the regional Council of deputies in the 1945-1970-ies Revealed that in addition to such criteria as the party with the nomination for this position was taken into account such indicators as age, education, social background, seniority in the party and economic work and efficiency of an applicant for the position. Shows the short tenure of the Chairman of the regional Council in the first period: 1945 - first half of the 50s of the twentieth century, due both to the personnel policy manual of the Communist party, and the difficult economic situation of the postwar period.

Ключевые слова: Куйбышевская область, областной Совет депутатов трудящихся, председатели областного Совета, социальные практики, промышленность, эффективность деятельности, социальный лифт.

Key words: Kuibyshev oblast, the regional Council of people's deputies, chairmen of regional Council, social practices, industry, efficiency, social Elevator.

Формирование партийно-советской номенклатуры, возникшей в ходе реализации социалистического эксперимента в нашей стране, относится к числу недостаточно изученных проблем в российской историографии. В этом плане особый интерес представляет изучение региональных элит. Лишь в новейший период стали появляться исследования, в которых нашла отражение исследуемая нами тема [2]. Сведения о представителях властных структур областного уровня можно найти в справочных изданиях и в «Энциклопедии Самарской области». Но проблема изучения социального и правового статуса председателей областных Советов депутатов трудящихся все еще не достаточно изучена.

Кадровый вопрос во все времена относится к числу актуальных. Именно правильная выстроенная и отлаженная кадровая политика является залогом успешной реализацией намеченных целей и задач, что, несомненно, ускоряет модернизацию общественных сфер жизни в стране. Партийные органы в сложившихся исторических обстоятельствах обладали всей полнотой власти, как в столице, так и в субъектах государства. Именно они задавали вектор развития и несли ответственность за политическую и экономическую жизнь общества [7, с. 20]. Работа промышленных предприятий, системы образования и здравоохранения, транспортная инфраструктура, органы обеспечения общественной безопасности, культурные учреждения – все это входило в зону ответственности советских и партийных органов власти. Масштабы деятельности и ее результаты во времена СССР придавали импульс поступательному развитию, как общества, так и страны в целом. Но за этими свершениями стояли люди – умные, трудолюбивые профессионалы, среди которых были и руководители-

управленцы. Как известно, главной партийной фигурой на местах являлись первые секретари партийных органов субъектов. Часто труд и результаты работы руководителей-секретарей обкома и председателей областных Советов непосредственно позитивно воздействовали на ускоренное развитие регионов. Эти руководители олицетворяли волю центральной власти в области, выражением потенциала и возможностей советской власти. Представители партийной и советской элиты решали важнейшие задачи: комплектовали состав кадров, регулировали взаимоотношения между основными участниками политической и экономической деятельности региона [3, с. 6–15].

Глава представительного органа власти – человек, выражающий мнение большинства, нес персональную ответственность, как за принятие, так и за реализацию тех или иных решений. Чаще всего именно эти лидеры своей энергетикой могли объединить коллективы предприятий на выполнение сложнейших проблем социалистического строительства. В их компетенцию входило не только руководство Советами или партийными комитетами, но они решали также и кадровые вопросы, регулировали взаимоотношения советских и партийных органов с коллективами предприятий и организаций, осуществляя тем самым взаимодействие власти и общества. В этой связи значительный интерес представляет анализ социального состава председателей Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся, которые органично входили в состав партийной и советской элиты, или как тогда писали в партийную номенклатуру, которая являлась по отношению к столичной номенклатуре средним слоем советской элиты [1, с. 80–102].

Ранее мы уже отмечали, что изучаемый нами период можно разделить на два этапа: 1) 1945 – первая половина 1950-х гг., 2) вторая половина 50-х – 60-е гг. Как известно, первое послевоенное десятилетие было наиболее сложным в советской истории. Разруха, вызванная войной, голод 1946–47 гг., реформаторская деятельность Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева наложили мощный отпечаток на все сферы жизни народа. Несмотря на то, что война завершилась, правовое пространство, в котором функционировали Советы, оставалось неизменным. Сохранялся диктат, администрирование и все остальные составляющие функционирования административно-командной системы. В этот период во всех сферах жизни народа партия играла ведущую роль. Но все же изменения происходили. Они затронули основную сферу функционирования Советов. Стали созываться сессии Советов, проводились выборы в Верховные Советы СССР, РСФСР и местные Советы. Если в годы Великой Отечественной войны председатели областного Совета и местных Советов назначались сверху, то в послевоенный период их по рекомендации партийных органов избирали на сессиях Советов.

Изучение социального статуса председателей Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся позволяет проследить основные

тенденции, или определить реперные точки при формировании кадровой политики, определить степень эффективности того или иного представителя этой властной институции. Из 11 председателей областного Совета 5 человек руководили Советом в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.); 6 – возглавляли областной Совет в 1956–1970 гг. Отмечена краткосрочность пребывания в этой должности А.М. Пузанова (1944–1946 гг.), А.П. Бочкарева (1946–1948 гг.), Л.Н. Ефремова (1951–1952 гг.). Лишь Г.А. Малехоньков и С.А. Петрухин возглавляли областной Совет около четырех лет. Та же, тенденция сохранилась и во время второго периода, когда Куйбышевским областным Советом руководили шесть председателей. Более года возглавляли Совет А.С. Мурысев, И.Г. Балясинский. Более двух лет руководили Советом М.П. Грибков, В.П. Орлов. Около четырех лет на этом посту находились А.М. Токарев, В.И. Воротников.

Одна из особенностей кадровой политики в изучаемый период состояла в том, что на высшие руководящие посты назначали не представителей местного сообщества, а приезжих партийных работников из Москвы или других регионов страны. Но особенностью Куйбышевской области было то, что в числе председателей областного Совета мы находим специалистов, приехавших в Куйбышев в период войны и работавших многие годы на военных предприятиях, а затем они уже в конце войны влились в состав местной партийной номенклатуры.

А.М. Пузанов прибыл из Москвы, Г.А. Малехоньков родился в Орловской губернии; Л.Н. Ефремов, И.Г. Балясинский и В.И. Воротников прибыли в 1942 г. из Воронежа, С.А. Петрухин родился в Бузулуке Самарской губернии, М.П. Грибков – в Уфимской губернии, А.С. Мурысев родился в Гомеле, А.М. Токарев – в Омске, В.П. Орлов – в Калужской губернии. Социальное происхождение председателей областного Совета было или рабоче-крестьянским, или они родились в семье служащих. Из крестьянской среды вышли А.М. Пузанов, Г.А. Малехоньков, из рабочих – А.П. Бочкарев, С.А. Петрухин, В.И. Воротников; из семей служащих – А.М. Токарев, А.С. Мурысев, В.П. Орлов; Л.Н. Ефремов и М.П. Грибков родились в семьях учителей.

Многие из председателей Куйбышевского областного Совета имели высшее образование: Л.Н. Ефремов окончил Воронежский институт механизации сельского хозяйства, А.Н. Токарев до войны учился в Куйбышевском инженерно-строительном институте, затем был призван в ряды Красной Армии, после победоносного окончания войны окончил институт. В.И. Воротников окончил вечерний факультет Куйбышевского авиационного института, В.П. Орлов – Ивановский текстильный институт, И.Г. Балясинский – Куйбышевский сельскохозяйственный институт, А.С. Мурысев – Куйбышевский педагогический институт.

К числу важнейших показателей относится возраст председателей Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся. Их возрастной

ценз в первый послевоенный период колебался от 42 до 48 лет, исключение составляет С.А. Петрухин, которому на момент избрания в Куйбышевский Совет было около 52 лет. У председателей второй половины 50–60-х гг. средний возраст составлял около 42 лет. Исключение составил А.М. Токарев, который был избран председателем областного Совета в 38 лет.

Большая часть председателей в годы войны были или на производстве, или находилась на руководящей государственной или партийной работе: А.П. Бочкарев, Г.А. Малехоньков; Л.Н. Ефремов (прибыл в Куйбышев с эвакуированным заводом в 1942 г.), А.С. Мурысев (работал на ЗИМе), В.П. Орлов в период Великой Отечественной войны был направлен в Чапаевск. Родину защищали на фронтах Великой Отечественной войны: А.М. Токарев, И.Г. Баясинский, С.А. Петрухин, М.П. Грибков.

Находясь на советской работе, председатели областного Совета в полной мере проявили способность решать сложнейшие задачи, связанные с реализацией пятилетних планов. Они ответственно подходили к своей работе. Так, А.П. Бочкарев был избран в 1947 г. депутатом Верховного Совета РСФСР. Весьма эффективна была деятельность А.С. Мурысева, который в 1959 г. был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, а затем его избрали первым секретарем Куйбышевского обкома КПСС. А.М. Токарев в 1967 г. – министр промышленного строительства СССР, депутат Верховного Совета СССР 6–9 созывов. Еще больших успехов на партийной и советской работе добился В.П. Орлов. Еще до избрания председателем Куйбышевского областного Совета он стал депутатом Верховного Совета РСФСР 6 и 10 созывов, а также был избран депутатом Верховного Совета СССР 7–11 созывов. В 1967–1979 гг. – первый секретарь Куйбышевского обкома партии, член ЦК КПСС. Вероятно по протекции В.И. Воротникова, он в 1979–1985 гг. был избран заместителем Председателя, а затем – Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР; он также был избран одним из заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Так же была успешна карьера В.И. Воротникова, который в 1971 г. был избран первым секретарем Воронежского обкома КПСС. В 70-е гг. он работал первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР, был назначен послом в республику Куба. Затем он стал Председателем Совета Министров РСФСР, Председателем Верховного Совета РСФСР, членом Политбюро ЦК КПСС [4, с. 67].

Среди председателей Куйбышевского областного Совета три Героя Социалистического Труда – А.С. Мурысев, В.П. Орлов, В.И. Воротников. Все председатели Куйбышевского областного Совета имели государственные награды за работу в тылу, а участники Великой Отечественной войны наряду с боевыми наградами и орденами были отмечены государственными наградами за трудовую доблесть.

В первые послевоенные годы перед председателями Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся стояла задача перевода народного хозяйства на мирные рельсы, его дальнейшее развитие. К тому же на настроения трудящихся не могли не повлиять эйфория от Великой Победы, которая быстро выветрилась в связи с голодом 1946–47 гг. и в связи с возникшими трудностями послевоенной эпохи. Поэтому в условиях мобилизационной экономики вновь использовался арсенал средств, который был призван мобилизовать трудящихся на выполнение задач послевоенной пятилетки, так как война нанесла колоссальный урон промышленности и сельскому хозяйству.

Во время председательства А.М. Пузанова велось промышленное строительство: судостроительный завод, завод металлоконструкций, жиркомбинат, расширялась Безымянская ТЭЦ. Также активно развивалась нефтедобыча, вводились в эксплуатацию нефтяные месторождения, строились НПЗ (Куйбышевский и Новокуйбышевский). В эти годы началось сооружение комплекса Куйбышевской гидроэлектростанции. Строительство ГЭС В.М. Пузанов определил в качестве главной хозяйственно-политической задачей партийной организации области. Проблемным местом оставалось сельское хозяйство, в связи с этим началась электрификация колхозов. Именно в это время в областном центре начинается газификация квартир.

Во второй половине 50-х – 60-е гг. перед председателями Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся стояла задача реализации семилетнего плана развития страны на территории области – ускоренное развитие промышленного производства. Возглавил эту работу председатель Куйбышевского облисполкома А.С. Мурисев

В апреле 1960 г. в ЦК КПСС доложили о вводе в эксплуатацию Куйбышевского металлургического завода [5]. В нефтехимический кластер вошел завод синтетического каучука, коллектив которого регулярно с 1962 г стал перевыполнять план по выпуску промышленной продукции на 103% [6].

В послевоенный период в Куйбышевской области активно развивался комплекс заводов по производству ракет и двигателей для них, что стало основой формирования авиационно-космического кластера, а Самара (Куйбышев) превратилась в космическую столицу.

Таким образом, кадровый вопрос был и остается актуальным во все времена. Именно правильная выстроенная и отлаженная кадровая политика служит успешной реализацией намеченных целей и задач, модернизации общественных сфер жизни в стране. Послевоенный период и дальнейшее развитие советской модели управления во многом зависело от первых лиц. Проведя анализ биографических данных председателей Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся 1945–1970 гг. можно реконструировать среднестатистический портрет председателя Куйбышевского областного Совета. Как правило, на этот пост избирали

члена партии крестьянско-рабочего происхождения, который имел высшее образование. Возраст претендента колебался от 42 до 45 лет, он был или участником Великой Отечественной войны или был тружеником тыла. В первые послевоенные годы перед председателями Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся была поставлена задача перевода народного хозяйства на мирные рельсы и активизации его дальнейшего развития. В последующий период областной Совет должен был сосредотачивать все усилия на реализации планов государственного развития промышленности и сельского хозяйства Куйбышевской области. К числу важнейших задач входило формирование и развитие комплекса оборонных заводов, строительство предприятий нефтехимического кластера, ввод в эксплуатацию металлургического, автомобильного и других заводов.

Конечно, когда мы оцениваем такой важнейший институт, как председатели областного Совета депутатов трудящихся, то следует иметь в виду, что генетически они были связаны с административно-командной системой, становление которой началось еще в 20-е годы. Но в то же время, если председатели областного Совета первого периода (1945-го – первой половины 50-х гг.) выступали в качестве исполнителей воли партии, то новая генерация председателей областного Совета периода второй половины 50–60-х гг. быстрее смогла приспособливаться к быстро меняющейся социально-политической ситуации. И здесь существенную роль играло то, что все они имели высшее образование. В ходе хозяйственной и партийной деятельности они овладели различными социальными практиками, а потому имея богатейший жизненный опыт, они могли эффективно решать сложнейшие экономические и социальные проблемы. Поэтому Куйбышевский областной Совет депутатов трудящихся в этот период выступал в качестве важнейшей институции, способной воздействовать на все сферы жизни населения Куйбышевской области.

Смещение функций партийных и хозяйственных органов было закономерным, руководство культурным и инфраструктурным строительством должно было быть сосредоточено в одном месте. Было решено сконцентрировать лучшие квалифицированные кадры по руководству хозяйством в советских органах и превратить их в полноправные органы государственного управления, полностью несущие ответственность за состояние хозяйства и культуры на своей территории. В этой связи областной Совет депутатов трудящихся сыграл и оказал сильнейшее влияние на развитие экономического потенциала и культуры Куйбышевской области.

Список литературы:

1. Биографии депутатов Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся избранных 27 февраля 1955 г. Куйбышев, 1955.

2. Кабытов П.С., Козловская Г.Е., Рябов В.В. и др. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990 годы. Очерки истории. Самара: Изд-во Самарский университет», 2014.

3 Коммунистическая партия в портретах её самарских лидеров. Биографический справочник. 1917–1991 гг. Самара: ООО «БМВ и К», 2010.

4 Самарцы в Москве. Страницы в истории Самарского землячества. Самара: Офорт, 2000.

5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 129. Д. 6.

6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 656.

7. Тихомиров Ю.А. Руководство высших органов власти союзных республик местными Советами депутатов трудящихся. М.: Госюриздат, 1960.

Е.А. Пивнева*

Рыболовы Обского Севера в картинах повседневности

Доклад основан на материалах экспедиции 2017 г. в Ханты-Мансийский автономный округ – Югру. Представлены картины повседневной жизни некоторых сельских населенных пунктов бассейна Оби. Основное внимание уделено способам социальной адаптации рыболовов Обского Севера в современных условиях рыночной экономики. Рассмотрено влияние государства на повседневную жизнь людей и связанные с этим общественные настроения.

The report is based on materials from the 2017 expedition to the Khanty-Mani Autonomous Region (Yugra). It describes and discusses the everyday life of rural settlements in the Ob river area, and focuses on the ways of social adaptation of fishermen of the Ob North in the context of current market economy. The influence of the state on the everyday life of people and corresponding public moods are further examined.

Ключевые слова: рыболовы Оби, повседневная жизнь, государственная политика, общественные настроения, социальная адаптация

Keywords: fishermen of Ob, daily life, state policy, public moods, social adaptation

В докладе представлены некоторые картины повседневной жизни сельских населенных пунктов бассейна Оби, увиденные в ходе экспедиционной поездки летом 2017 г. в с. Тугияны (Белоярский р-н), д. Нижние Нарыкары (Октябрьский р-н), с. Ванзетур и д. Шайтанка (Березовский р-н) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Основное внимание уделено способам социальной адаптации рыболовов Обского Севера, а также влиянию государства на повседневную жизнь людей и связанные с этим общественные настроения.

---

* **Пивнева Елена Анатольевна**, кандидат исторических наук, зав. отделом Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН.

Природопользование хантов и манси, проживающих в этих местах, издавна ориентировано на рыболовство. С рекой, приречным образом жизни и хозяйствования был связан обширный пласт этнической культуры обских угров. Речь идет о таких, например, вещах, как отражение этой профильной отрасли хозяйства в обрядах жизненного цикла и в фольклоре, в системе питания (в том числе в повседневных, праздничных и ритуальных блюдах), степень зависимости годового цикла жизнедеятельности от сезонов рыбной ловли, роль продукции рыболовства в обменных либо торговых связях, социальные механизмы распределения наиболее продуктивных участков для лова рыбы и т.д.

У местного населения до сих пор сохраняются некоторые традиционные представления и навыки, связанные с рыболовством («Нынче нет селедки, т.к. вода большая, она низом идет, в глубину уходит»). Существует устоявшийся репертуар знаний о технике вылова и обработки рыбы, а также этические установки и обычаи, отражающие уважительное отношение к рыбе как основной кормилице.

Рыба – существенная часть гастрономической культуры обских угров. Говорят, что представить себе стол хантов и манси без рыбы так же немыслимо, как русский стол без хлеба и каши. Сырая или мороженая, отварная или зажаренная – это неотъемлемая часть ежедневного рациона. На столах местных жителей присутствуют пироги с щукой, уха, котлеты из язя, а для почетных гостей найдется и строганина из муксуна, стерляди или другие деликатесы. Особым лакомством считается варка из икры, вываренной в рыбьем жире. Народы Сибири знают множество традиционных способов заготовки рыбы впрок, а сейчас для этого служат морозильные камеры. Некоторые семьи имеют по 2–3 таких «ларика», но их использование периодически осложняется из-за перебоев с электричеством.

Главная рыба в крае – муксун. Эту рыбу предпочитают есть свежей или замороженной, без всякой термической обработки. Когда-то она служила своего рода валютой при обменных операциях – как плата за услуги, единица натурального обмена или угощения. Последние три года «муксуна не стало». Высказываются опасения, что ее занесут в «Красную книгу», и тогда вообще запретят вылов. Ходят слухи, что муксуна отравили «наверху», на Ямале, газовики и нефтяники («Муксуна в этом году еще ни одного не поймал, отравили его в Обской губе».)

Деятельность промышленных компаний считается одной из основных угроз в репертуаре здешних представлений об экологических рисках. Эти проблемы на слуху, поскольку касаются каждого – от экологии зависит не только состояние рыбных ресурсов, но и здоровье людей. («Пьем с реки. Возим воду летом на мотоцикле, зимой – на “Буране”, раньше на лошади возили».) Если совсем нет техники, приходится носить воду от реки ведрами или же договариваться с односельчанами, которые могут помочь

бескорыстно или за деньги (за бочку в 200 л. придется заплатить 100 руб.). В Шайтанке, правда, есть водокачка, но там «вода ржавая, с реки чище».

Исследование показало, что рыболовство, являвшееся в прошлом важным видом традиционной хозяйственной деятельности обских угров, к настоящему времени претерпело существенные трансформации. За годы советской власти традиционные отрасли были включены в систему государственного производства, подверглись модификации. Значительная часть коренных жителей оказалась оторванной от прежней (исконной) среды обитания, что привело к потере навыков традиционного хозяйствования. Были утрачены многие традиционные способы и орудия рыболовства, а также элементы материальной и духовной культуры, связанные с осуществлением данного вида природопользования.

Следует отметить, что в советский период традиционные отрасли северного хозяйства (при всех их проблемах и недостатках) все же функционировали, люди были обеспечены работой. В 1990-е гг. государственное финансирование традиционных отраслей хозяйства прекратилось, тогда же начались реорганизация и распад колхозов, совхозов, госпромхозов и т.п. Аборигенное население лишилось работы и постоянной заработной платы и переведено на режим самовыживания. В населенных пунктах, где мы побывали, бросаются в глаза следы развала колхозной экономики (фундаменты от построек, брошенная техника и т.п.). Одной из самых актуальных остается проблема безработицы. В Тугиянах, например, из 40 чел. местных жителей трудоустроено всего 9 чел. Рабочие места обеспечивают: больница, клуб, магазин, пожарная охрана («Центроспас») и дизельная станция. В существующих условиях для большинства жителей прибрежных деревень рыбная ловля является основой существования и единственным способом жизнеобеспечения их семей.

В ходе экспедиции были выявлены некоторые специфические способы организации современной хозяйственной деятельности населения обских деревень. Речь идет о неформальной экономике традиционного природопользования, которая строится на системе персональных контактов и клиентских отношений. Выдержка из интервью: «Договариваемся. Друг в Березово есть, он посредником служит. Есть постоянные клиенты. Они могут позвонить, сказать, что нужна, например, нельма. Сегодня только у меня на 2 тыс. сырка взяли. Есть запасы на такой случай, спасают морозильники. Зимой за рыбой приезжают «коммерсанты». Все хотят подешевле. Щуку по 30 руб. за кг зимой скупали, сырок 250 руб. стоит». Рыбу (в пересчете на деньги) можно обменять на мед, масло, другие продукты, а также приобрести крайне необходимый в этих местах бензин. Обмен происходит в основном сразу, но иногда рыбу отдают в долг («Весной рыбы много, вся в холодильнике не умещается. Мужик из Березово взял в долг в феврале, а деньги отдал кое-как в апреле»).

Закрепленная законодательством категория «коренные малочисленные народы Севера» (далее – КМНС) дает их представителям определенные права и привилегии в сфере природопользования. В частности, в российском законодательстве предусмотрено рыболовство «в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности КМНС и ДВ РФ» (т.н. – традиционное рыболовство). Основные положения, в соответствии с которыми коренные народы ведут традиционное рыболовство, закрепляет принятый в 2004 г. Федеральный закон № 166 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». Традиционным рыболовством могут заниматься граждане из числа коренных народов и их общины. Условием ведения традиционного рыболовства для общин является наличие рыбопромыслового участка, полученного на конкурсной основе.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре сформирована система государственной поддержки, которая позволяет оказывать содействие развитию традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, в том числе в сфере рыболовства. Действует система грантовой поддержки проектов, способствующих развитию традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. В т.ч. существует номинация «Развитие рыбного промысла» («Заготовка, хранение и транспортировка продукции» – 3 800,00 тыс. руб.; «Переработка продукции» – 2 700,00 тыс. руб.).

Вместе с тем, в реальной ситуации люди сталкиваются со множеством бюрократических препонов. Среди такого рода препятствий – заявительный принцип предоставления прав на рыбодобычу. Существует постановление Правительства РФ № 765, согласно которому относящиеся к коренным малочисленным народам граждане и их общины ежегодно, в срок до 01 сентября года, предшествующего году осуществления традиционного рыболовства, обращаются с заявкой на добычу (вылов) водных биологических ресурсов в соответствующие уполномоченные органы. При этом заявки могут быть не удовлетворены по причине их несоответствия установленному порядку заполнения документов. Иногда из-за транспортных и иных проблем люди просто не успевают подать заявки в установленный срок и не получают право на рыбодобычу. Существенным вопросом для рыболовов является объем квот на личное потребление. По некоторым сведениям, один человек в год может выловить 300 кг, в том числе 33,6 кг – «белой» рыбы (сырок, сосвинская селедка) и 226, 4 – «черной» (щука, налим, язь).

Недовольство местных жителей вызывают существующие ограничения по орудиям лова, видам и срокам вылова рыбы. Крайне бюрократизирован порядок учета улова и приемки водных биоресурсов, отчетность о вылове рыбы. Так, согласно приказу Минсельхоза России от 22.10.2014 № 402 в случае осуществления традиционного рыболовства лица

из числа КМНС и их общины: «обеспечивают отдельный учет улова водных биоресурсов и приемки уловов водных биоресурсов по видам водных биоресурсов, указание весового (размерного) или поштучного (для водных млекопитающих) соотношения видов в улове водных биоресурсов, орудий добычи (вылова) и мест добычи (вылова) (район, подрайон, промысловая подзона, квадрат) в промысловом журнале и других отчетных документах; б) представляют в территориальные органы Росрыболовства сведения о добыче (вылове) водных биоресурсов:

- не позднее 18 и 3 числа каждого месяца по состоянию на 15 и последнее число месяца – в случае осуществления добычи (вылова) с предоставлением рыбопромыслового участка;

- ежегодно, не позднее 20 января года, следующего за отчетным, – в случае осуществления добычи (вылова) без предоставления рыбопромыслового участка».

Более того, в нормативные документы, на основе которых северные аборигены занимаются добычей рыбы, периодически вносятся изменения, усложняющие промысел (отменено внеконкурсное предоставление промысловых участков, исключен принцип приоритетности их предоставления и др.).

В сложившихся условиях одной из актуальных для коренных жителей является проблема браконьерства. Существует негласный, но непрекращающийся конфликт с рыбнадзором. Следует при этом заметить, что в аборигенных сообществах различают формальный «государственный закон» и «моральный закон», который может стать оправданием браконьерства. Ведь то, что определяется как браконьерство по закону, для многих из коренных – это способ выжить в ситуации, когда рыболовство для человека является основной сферой занятости и у него нет другой работы.

В целом рыболовство в его нынешних формах можно рассматривать как адаптивную стратегию коренного и местного населения в современных условиях рыночной экономики и высокого уровня безработицы. Более того, для многих аборигенов оно имеет символическое значение, поскольку воспринимается как элемент традиционного образа жизни и хозяйства.

Ямальские оленеводы: адаптационное поведение и повседневные практики в рыночной экономике**

В статье, написанной на основе полевых материалов автора, рассматриваются повседневные практики ненцев-олленеводов Ямала по сбыту продукции традиционных отраслей хозяйства. Автор выявил в ямальских тундрах наличие специфической формы неформальной экономики, формирующей гибкую модель личных связей, которые можно рассматривать как реципрокные. Сбыт продукции традиционных промыслов выстраивается через систему персональных контактов, заменяющих институциональные формы регулирования социальных взаимодействий. Такие специфические торгово-обменные контакты являются одной из форм социальной адаптации жителей тундры в современной рыночной экономике.

The article bases on the field materials of the author. It describes the everyday practices of the Nenets reindeer-herders of Yamal for the selling of products of traditional sectors of the economy. The author found out the specific forms of informal economy in the Yamal tundra which creates a flexible model of personal connections, which can be considered as reciprocal. Sales of local traditional products is built through a system of personal contacts, which replaces the institutional forms of regulation of social interactions. Such specific trade and exchange contacts are a form of social adaptation of the inhabitants of the tundra in the modern market economy.

Ключевые слова: аборигенные народы, ненцы, оленеводство, социальная адаптация, рыночная экономика

Keywords: indigenous peoples, the Nenets, reindeer, social adaptation, market economy

Современными исследователями ведется большая работа по изучению социальных адаптаций коренных малочисленных народов Севера [1]. Динамичные экономические и этнокультурные изменения, в которые вовлечены представители этих народов, показывают, что в XX в. произошла смена моделей адаптации северных аборигенов от «природно-экологических» – к «социально-экологическим» [3]. В итоге кардинальных изменений, порожденных процессами модернизации и глобализации, представители коренных народов оказались перед лицом множества сложных проблем, одной из которых стала проблема адаптации к

---

* **Мартынова Елена Петровна**, доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

** Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»).

меняющимся условиям жизни. В данной статье речь пойдет об адаптационных стратегиях оленеводов-ненцев в условиях рыночной экономики. Работа написана на основе полевых материалов автора, собранных в ходе проведения этнологических экспертиз в Ямальском и Тазовском районах Ямало-ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 2008, 2011, 2012, 2013 гг.

Содержание крупных оленьих стад является основной чертой ненецкого хозяйства более трех столетий. В ходе реформ 1990-х гг. в ЯНАО произошел практически неконтролируемый рост личного поголовья оленей за счет перераспределения (своеобразной «приватизации») совхозных стад. В округе рост личного поголовья оленей оказался локализованным преимущественно в двух районах – Ямальском и Тазовском, в которых сосредоточено около трех четвертей личного поголовья оленей ЯНАО. Особо следует упомянуть о том, что в ЯНАО среди аборигенных народов сохраняется и развивается кочевое оленеводство, здесь проживает 60% кочующего населения страны. Уровень кочевания в округе – самый высокий в стране, он составляет 41,8%, а в Ямальском и Тазовском районах – 51,6% и 80,4% соответственно [5, с. 52]. Минимальный размер стада, имея которое семья может заниматься только оленеводческой деятельностью, – 200–300 голов в южных и центральных тундрах, 500 голов – в северных тундровых зонах Ямала и Гыдана. Такая численность обеспечивает семье возможность без сокращения имеющегося поголовья удовлетворять потребности в оленьих шкурах (одежда, покрывала на чум, постели), мясе и иметь необходимое число ездовых быков для транспортировки 10–20 нарт в условиях круглогодичного кочевания.

Многие семьи ненцев имеют сотни личных оленей, некоторые владеют тысячными стадами. Отдельные кочевые семьи эпизодически объединяются с другими родственными (2–4 семьи, в зависимости от численности поголовья) для совместного выпаса больших стад в летний период. Маршруты кочевания таких семей непротяженные. Поскольку существует избыток оленепоголовья, остро стоит проблема пастбищ для оленеводов-частников. Только оленеводческие предприятия и общины коренных народов имеют юридически признанные права на оленьи пастбища. Семьи «личников» – а им принадлежит больше оленей, чем предприятиям – практически никаких официальных прав на пастбища не имеют. Они ведут выпас, по сути, нелегально.

В начале 1990-х гг., при переходе от социалистической системы хозяйства к рыночной, ненцы продемонстрировали высокий адаптационный потенциал: бывшие колхозники и работники совхозов быстро превратились в оленеводов-частников и смогли не только сохранить, но и приумножить поголовье оленей, создав семейные хозяйства либо на основе своих личных животных, либо объединив стада родственников. В хозяйствах населения (по состоянию на январь 2015 г.) насчитывается 368,9 тыс. голов оленей, а на

оленоводческих предприятиях и в общинах коренных народов – 303,6 тыс. [4, с. 103].

Оленеводы-частники демонстрируют большие адаптационные способности по включению в рыночные отношения. С 1990-х гг., после «ропуска» совхозов и колхозов, значительная часть кочевого населения ямальских тундр оказалась безработной и фактически перешла на режим самообеспечения. Сегодня для частников существует несколько путей сбыта продукции оленеводства. Прежде всего, нужно сказать о приемке оленины на специальных забойных пунктах, созданных при оленеводческих предприятиях. В сезон массового забоя животных (декабрь-январь) частники имеют возможность продать мясо по ценам, установленных организацией. По словам информантов, при поголовье в 200 оленей и более, на такой «плановый» забой оленеводом отводится около 10% от общего числа животных. В стаде от 100 до 150 голов забивается 5–6 оленей, но лишь при настоятельной необходимости [ПМА, 2011, Тазовский район].

Поскольку цены на забойных пунктах ниже рыночных, многие ненцы предпочитают продавать оленину так называемым «частникам» – вахтовикам (работникам промышленных предприятий, работающих в местах традиционного природопользования коренного населения). При нарастающих темпах нефтегазового освоения Ямала таких лиц в тундре становится больше и больше, а, значит, контакты между вахтовиками и тундровиками приобретают характер повседневных практик. Оленеводы говорят: *«Если деньги нужны – пару оленей забиваю. Можно по 200 руб. за 1 кг частникам продать. Олень дает мяса 50–60 кг, значит – выручаешь 10 тыс. Двух оленей забил – 20 тыс., а можно и больше, если хорошо продать. Вот и отоварился»* [ПМА, 2011, Тазовский район]. Такие сделки нелегальны, но они широко распространены в тундре. Один из наших информантов заметил: *«Сейчас у каждого чума есть свой вахтовик»* [ПМА, 2013, г. Салехард]. Кроме мяса, большим спросом у вахтовиков пользуется рыба, которую зимой оленеводы вылавливают в больших количествах для целей «коммерции». Неформальная торговля с «газовиками» и «нефтяниками» ведется регулярно и приносит семьям тундровиков существенные доходы, идущие на удовлетворение потребностей в продуктах, одежде, технике.

Знакомство с такой системой сбыта оленины и рыбы показывает, что люди выстраивают систему персональных контактов, которые заменяют институциональные формы экономической деятельности. Подобное явление известный американский антрополог К. Гирц описал в своей работе о восточном базаре [2]. По сути, в ямальских тундрах мы обнаруживаем сеть клиентских отношений, порожденную хозяйственно-экономическими практиками населения. Наши данные о таких сделках подтверждают замечание К. Гирца о том, что на базаре центральное место занимают навыки обмена (а не производственные или управленческие) [2, с. 57]. При

этом большую роль играет клиентализация, т.е. склонность «делать повторяющиеся покупки определённых товаров и услуг в целях установления продолжительных отношений с их конкретными поставщиками, вместо того чтобы каждый раз осуществлять на рынке полномасштабный поиск» [2, с. 58]. Анализ отношений «оленоводы – вахтовики» показывает, что обе стороны устанавливают относительно постоянные контакты посредством мобильных телефонов (сотовая связь в тундре действует во многих местах). Через круг постоянных клиентов, образующих по сути сеть, договариваются о времени встречи, ценах, даже о «рисках». Такие коммерческие связи являются реципрокными.

В условиях развития в тундре неформального «базарного» предпринимательства многие оленеводы стали рассматривать оленей как надёжный капитал, обеспечивающий благосостояние семьи: *«Олени у нас – это сберкнижка»* [ПМА, 2012, Тазовский район]. Можно сказать, что ненцы убедительно продемонстрировали готовность к встраиванию в рыночные отношения на уровне мелкой торговли, способность адаптации к стихии рынка. Нам рассказали случай, когда молодые пастухи наладили свое товарное оленеводство: *«Они успешно крутятся. Сдают мясо, рога, и не только от своих оленей, а у других скупают. Живут хорошо – работают и зарабатывают. Они знают, куда и сколько чего продать. Общаются через интернет. Отдыхать ездят в Турцию»* [ПМА, 2013, г. Салехард].

В конце 1990-х гг. в ЯНАО появились общинные хозяйства аборигенных народов (родовые общины). Большая часть их была создана при поддержке местных властей. В последние годы общинное оленеводство расширяется, семьи оленеводов переходят в общины, т.к. через организацию проще и выгоднее сдавать оленину, панты. Кроме того, через Департамент по делам КМНС ЯНАО они получают кредиты, дотации на оленей. Членам общин начисляется заработная плата за сданную продукцию, засчитывается трудовой стаж. Многие общинники видят смысл объединения в том, чтобы больше зарабатывать, иметь возможность приобретать современные транспортные средства, бытовую технику, давать детям образование. Современные оленеводы хотят придать устойчивость своим хозяйствам еще и потому, что воспринимают жизнь с оленями как комфортную, интересную, причем такие высказывания мы слышали и от молодых ненцев: *«У нас в родах, и даже в семьях есть свои традиции. У ненцев все сохраняется, действительно больше, чем у других народов. В оленеводстве что хорошо, 365 дней человек с женой и детьми, никуда от них не уезжает»* [ПМА, 2012, Тазовский район].

Приведенные материалы показывают, что в современных условиях интенсивного промышленного освоения региона и господства рыночных отношений торговые операции по сбыту продукции традиционных отраслей стали для оленеводов-кочевников повседневным явлением,

подтверждающим тезис о высоком адаптационном потенциале оленеводов ямальских тундр.

Список литературы:

1. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 544 с.

2. Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 54–61.

3. Головнев А.В. Локальные и магистральные культуры в антропологии движения // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2010. С. 237–244.

4. Зувев С.М. Оленеводство в Ямало-ненецком автономного округе: перспективы и проблемы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 88. № 3. Т. 88. С. 103–107.

5. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. Т. 1. СПб., 2004. 182 с.

Н.В. Иевлев*

Роль православных братств как важнейших элементов духовной самоорганизации общества

Статья о истории и современной деятельности Александро-Невского братства при Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге.

An article about the history and modern activities of the Alessandro-Nevisky Brotherhood at the Alexander Nevsky Lavra in St. Petersburg.

Ключевые слова: Александро-Невское братство; Церковные братства; Санкт-Петербург

Keywords: Alexander Nevsky brotherhood; Church brotherhoods; St. Petersburg

Наступивший 2018 год - год 100-летия Александро-Невского Братства. Годом раньше мир отмечал столетие Великой Русской революции 1917 года. Да, действительно, Великой Русской революции, поскольку она оказала гигантское влияние на развитие всего мира, а не только нашей страны. Глядя на события столетней давности, понимаешь, что нету смысла делить её на Февральскую (буржуазную) и Октябрьскую (социалистическую). Это был, говоря языком синергетики, гигантский по масштабам бифуркационный переход второго (революционного) рода. Он

---

*Иевлев Николай Витальевич, руководитель Ленинградского областного отделения Александро-Невского братства, директор НП «Серебряное кольцо России»

привел не только к изменениям в укладе жизни, но и резким изменениям в умах большинства граждан нашего государства. Он оказал влияние, причем существенное влияние на духовное состояние общества. Казалось, что веками сложившаяся в Российском государстве система, где Православие играло доминирующую роль со времен крещения Руси и где мирно (говоря современным языком толерантно) уживались представители других конфессий, вечна и незыблема. И вот предложенная в 1917 году новая система духовных ценностей, основанная на принципах полного отрицания не только Православия, но и любой другой религии, казалось навсегда похоронила старый уклад жизни и главное - систему духовных скрепов нашего великого русского государства.

В данной статье нам интересно рассмотреть как в Российском государстве после переломных (бифуркационных) событий 1917 года и начало 90-х гг., когда общество оказывалось в неуправляемом состоянии, происходила его самоорганизация. При чем интересовать нас будет самоорганизация общества в части его духовной ориентации.

Что происходило в 1917 году? Разобравшись за год и взяв под контроль институты государственной исполнительной и законодательной власти в России после того, как в стране было упразднено самодержавие, большевики 1 февраля 2018 года приняли активно за окончательное "взятие" духовной власти в стране. В центр Православия - в Свято-Троицкую Александро-Невскую Лавру был отправлен отряд красноармейцев для освобождения Лавры от «засевших» в родных стенах монахов и попов. На колокольный звон сбежались православные жители окрестных домов. В основном - бабушки и дедушки, люди пожилые. Они стали уговаривать, увещевать и потихоньку вытеснять красноармейцев из Лавры. В ответ те пригрозили и начали применять силу. Защитить их и само Православие вышел священник протоиерей Петр Скипетров. И получил, то, что получил - пулю... Это событие привело к резкому противостоянию верующих и новой власти. И отсрочило до 1932-1933 годов реальные "разборки" с Лаврой как центром духовной жизни Православной России.

Этот день стал Днем зарождения Александро-Невского Братства. Отец Петр Скипетров Православной Церковью был причислен к сонму новомучеников российских.

Понимая, что в открытую бороться Церковь не может, прежде всего, в силу своей внутренней духовной организации духовные отцы и православные граждане стали объединяться в Братства. Это были естественные процессы самоорганизации православных граждан в своей духовной жизни. При чем вначале это было открытое «кучкование» по своим духовым интересам. А затем в условиях все большего и большего давления со стороны официальной власти, эта духовная самоорганизация православного сообщества стала принимать скрытые формы. В физике существует на этот случай понятие скрытого выстраивания. Как форма

духовной самоорганизации православного общества стали возникать Братства.

Одним из первых братств возникло Александро-Невское Братство. Его первый этап продлился до 1932-1933 годов. Именно тогда состоялся церковный суд, где около сотни священнослужителей и мирян получили то, что им определила власть - кому расстрел, кому ссылку. По сути, с православной духовностью было в стране покончено.

Александро-Невское Братство было не единственным православным братством, созданным в России в те годы. Весь православный мир искал выход из создавшегося положения. Кто-то из священников решил и уехал за границу и начал служение Господу там. Кто-то оставил сан и начал бороться с властью явно. Кто-то решил просто оставить сан, тем самым спасая себя и свои семьи. Такая "переквалификация", надо сказать, помогла немногим. Кто-то "переквалифицировался" основательно - поменяв Православие на служение новым революционным идолам. Такие персонажи со времен зарождения Православия были всегда. Но, наверное, в России, все же, их были считанные единицы, так как предателей и перебежчиков у нас не почитали ни в каком качестве. Многие священники остались со своей паствой и разделили скорбную участь как в годы революционных неистовств, так и в годы постреволюционных преобразований.

Для Александро-Невского Братства и других Братств наступили очень непростые времена. В условиях диктатуры пролетариата, диктатуры безбожия, диктатуры бездуховности сохранить духовное православное начало в стенах Лавры было все сложнее и сложнее. Сама Лавра подверглась разграблению. Власть покусилась на самое святое - на мощи святого покровителя города на Неве - на мощи свт. блг. кн. А.Невского. Мощи сейчас в Лавре, а вот рака до сих пор в Эрмитаже. Уже позднее часть зданий Лавры была занята под музей, а часть под производственные корпуса одного из крупнейших предприятий оборонки города. Это все случилось все позднее, но частично некоторые недорешенности в отношениях Власти и Церкви остаются до сих пор. Так в Благовещенской церкви Лавры до сих пор находится городской музей.

Сохранение Православия, духовного начала в нашем государстве, его духовных скрепов стало важнейшей задачей Александро-Невского Братства и других православных Братств в нашем государстве. Существенным переосмыслением отношения Власти к Церкви стала Великая Отечественная война и знаменитые слова И.В.Сталина: "Братья и Сестры...", с которыми он обратился к народу в начале войны, призывая на защиту всех, в том числе и Православный мир, стали знаковым моментом. Теперь уже не секрет, что многие бойцы Красной Армии с нательными крестиками и маленькими иконками шли в бой, встав на защиту своей Родины, своего Государства. Такое временное отступление на духовном направлении Власть допустила вынужденно - попросту не хватало сил на борьбу с внешним врагом. Тем

более, что православные граждане нашего государства ставили интересы выше партийно-правительственных идеологий и установок.

После Победы в Великой Отечественной войне снова начались непростые годы для православных на этот раз - годы воинствующего атеизма. И вы знаете, самое страшное ведь для православного человека вовсе не получить полю за Веру Православную на ступеньках Лавры, как это случилось с отцом Петром Скипетровым в далеком уже 1918 году. Самое страшное - это жить во лжи. Так автор книги "Петр Скипетров. Крестный путь священномученика", презентованной на столетие Братства 06.02.2018 в Святодуховском духовно-просветительском центре Лавры Ирина Антонова, кстати член рода Скипетровых из города Владимира на презентации поведала о сокровенном. В их семье бабушка хранила старинный альбом с фотографиями. Замечательный альбом. Но она его всегда прятала. И когда уже к концу жизни стала показывать, то называла всех по именам и отчествам, а отца Петра старательно обходила, говоря, что не помнит кто это такой и смахивала набежавшую слезу. Это была выработавшаяся десятилетиями советского периода безбожия привычка таить во имя сохранения жизни своих родных и близких тайну о своих православных родственниках.

И вот самое страшное, что разрушает духовность, разъедает ее изнутри - это такая жизнь, когда самое дорогое надо утаивать, жить скрепя сердце.

Для меня с начала 1990-х остро встал вопрос, как смогло Православие в нашем государстве сохраниться в условиях революционного лихолетья, постреволюционных гонений на Церковь и воинствующего атеизма советских десятилетий? Это же почти 80 лет!!! И победа Православия в возрожденной России случилась быстро и без каких-либо видимых катаклизмов? Практически молниеносно. Где, под какой коркой своего головного мозга русский народ хранил и ранит свою Православную Веру?

В советский период говорить о Братствах было не менее опасно, чем в 20-е годы. Даже более опасно для своей карьеры, для будущего детей. И тем не менее, были люди, которые и в этих условиях продолжали оставаться братчиками. Так, 1 октября 2015 года скончался замечательный учёный и человек, последний член старого Александро-Невского Братства, доктор математических наук, профессор математико-механического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, богослов и духовный писатель Сергей Андреевич Зегжда. Сергей Андреевич стал связующим звеном между старым и новым Братством, которое было возрождено в 2008 году в Александро-Невской Лавре.

И отвечая на вопрос - где и как хранились православные духовные скрепы нашего государства - я бы предложил на него такой ответ: в душах таких людей как Сергей Андреевич Зегжда.

Возрождение Братства, которое было совершено под духовным руководством Наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры Епископа Кронштадтского Владыки Назария в 2008 году прошло естественно и даже буднично. Хотя это было, конечно же, важнейшее событие в духовной жизни Лавры и города и страны.

Члены Братства делают много сегодня. Братство в гуще социальной жизни общества. Так Ленинградское областное отделение Александро-Невского Братства возрождает Сойкинскую святыню, Санкт-Петербургское отделение построило Храм-часовню Святого благоверного князя Александра Невского на о. Коневец, Псковское - проводит ежедневно Александро-Невские чтения. Много других полезных дел делается братством. Отделения Братства существуют в нескольких регионах России. Активно работают Санкт-Петербургское городское, Ленинградское областное, Московское, Псковское и Волгоградское отделения. Не за горами появление отделений в других регионах, особенно в тех регионах, ратный и духовный путь с которыми связан у человека, имя которого носит наше Братство - Александра Невского.

На сегодняшний день у нашего Братства две основных цели - это содействовать развитию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и продвижение проекта "Александр Невский - имя России". Но миссия у возрожденного Братства, как и раньше, как и у старого Братства осталась прежней - хранить православные духовные скрепы нашего Государства - России!

В 2021 году в соответствии с Указом Президента России В.В.Путина в нашем государстве на государственном уровне будет Праздноваться 800-летие со Дня рождения Александра Невского, духовного покровителя нашего города Санкт-Петербурга.

Александро-Невское Братство запланировало много больших и малых дел по прославлению ратных и духовных подвигов великого князя Александра Невского. Мы предлагаем всем братчикам и тем гражданам, кто готов соучаствовать в этом деле уже сейчас присоединиться к этому, безусловно, важному начинанию – подготовке к празднованию 800-летия со Дня рождения свт.блг.кн. А.Невского. А присоединиться есть к чему. Надо навести порядок на местах ратных и духовных подвигов А.Невского. На территории современного Невского края это, прежде всего, Копорье и Усть-Ижора. Но есть и другие памятные места, связанные с именем А.Невского.

Есть памятные места, связанные с именем А. Невского в Псковской области - прежде всего это Кобылье городище, место Ледового побоища. Надо приводить в порядок пос. Медведь в Шимском районе Новгородской области. Да мало ли еще мест на нашем замечательном Северо-Западе России, где в хорошем смысле "наследил" Александр Невский.

Сохранение памяти о свт. блг. кн. Александре Невском и будет реальным нашим вкладом в сохранение духовных скрепов на Северо-Западе России как важнейшей части нашей единой и неделимой России.

В заключении статьи хотелось бы отметить преемственность возрожденного в 2008 году Братства в духовном плане. Современное Братство продолжает играть важнейшую роль в деле духовной самоорганизации нашего общества!

Список литературы:

1. Антонова Е. Петр Скипетров. Крестный путь священника. Владимир: Аркаим, 2018, 96 с. ил.

2. Варсонофий (Веревкин) Учение о молитве по добротолочию. Санкт-Петербург : Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, 2011. 304 с.

3. Духовные доминанты Ленинградской области как важнейшая составляющая туристско-рекреационной системы "Серебряное кольцо России" : альманах / [редколлегия - Ю.Н.Гузов (ред.) и др.]. Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2015. 192 с.

4. Духовные доминанты Невского края на службе российской государственности: сборник статей и материалов научно-практической конференции, 8 февраля 2013 г. [редкол.: С.А. Кирсанов (ред.) и др.]. Санкт-Петербург: СВЕН, 2013. 36 с.

5. Духовные доминанты Невского края на службе российской государственности: сборник статей и материалов научно-практической конференции, 26 сентября 2013 г. [редкол.: С.А. Кирсанов (ред.) и др.]. Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2014. 98 с.

6. Зегжда С.А. Александро-Невское братство. Санкт-Петербург: ДелоРус, 2008. 23 с. ил.

7. Зегжда С.А. Александро-Невское братство. Санкт-Петербург: Новости мира, 2009. 488 с.

8. Зегжда С.А. Духовное наследие священномученика архиепископа Иннокентия (Тихонова). Санкт-Петербург: Новости мира, 2010. 180 с.

9. Иевлев Н.В. Сойкинская святыня - духовная доминанта Балтики. Санкт-Петербург: Инкери, 2017. 72 с.

10. Степанов С.В. Серафимо-Антониевский скит Александро – Невской Лавры – имение «Зачеренье» Лужского района. Луга : Изд-во Голубева, 2013. 62 с.: ил.

11. Шкаровский М.В. Сто лет Александро-Невского братства: история и современность. Санкт-Петербург: Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра, 2018. 352 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Т.В. Жиброва*

«Чтоб они на кружечном дворе не пропивались»: о проблеме пьянства на юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда)

Статья посвящена проблеме пьянства в России на примере материалов Воронежского уезда XVII столетия. Государственная монополия на продажу алкогольных напитков в обозначенный период способствовала созданию в России противоречивой ситуации. С одной стороны таможенные и кабацкие служители должны были обеспечивать бесперебойную работу государственного кабака (позднее кружечного двора), собирая с каждым годом все большие питейные суммы; с другой постепенно заострялось внимание других представителей административного и выборного управления на проблеме пьянства местного населения, так как это сказывалось на качестве выполнения ими своих обязанностей. Автор проводит анализ архивных материалов, содержащих сведения о деятельности воронежского кабака, кружечного двора, производстве разного вида «питий», описывает работу кабацких голов и целовальников.

The article deals with the problem of alcoholism in Russia on the example of materials of the Voronezh district in the seventeenth century. The state monopoly on the sale of alcoholic beverages in this period contributed to the creation of a contradictory situation in Russia. On the one hand the customs and tavern servants had to ensure the smooth operation of public pub, gathering large amounts of drinking taxes every year; on the other hand it gradually sharpened the attention of the other members of the administrative and electoral management to the problem of alcoholism of the local population, as it affected the quality of performance of their duties. The author analyzes archival materials containing information on the activities of the Voronezh tavern, the production of different types of "drinks", describes daily routine of pub servants.

Ключевые слова: кабак, кружечный двор, кабацкий голова, пьянство, Воронежский уезд

Key words: pub, head of the pub, alcoholism, the Voronezh district

Пьянство в России как проблема не только социальная, но и культурно-историческая на сегодняшний день не обделена вниманием исследователей. Нам известны работы В.В. Похлебкина [10], И.Г. Прыжова [12] и др. Большая часть исследований по изучению природы пьянства и его причин в разные исторические эпохи относится к началу 90-х гг. XX в., когда этот вопрос стал наиболее актуальным в связи с введением

---

* **Жиброва Татьяна Валерьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

антиалкогольного законодательства и изучением его последствий [1; 8]. Значительная часть работ, написанных в этот период, безусловно, больше подходит для массового читателя, чем может считаться научным исследованием, и носит популярный характер. Тем не менее, общую картину природы пьянства и его последствий эти издания позволяют представить довольно полно.

Применительно к XVII столетию проблема спаивания местного населения традиционно связывается с существующей тогда государственной монополией на продажу спиртных напитков и с деятельностью государственных кабаков, чьи служащие были, безусловно, заинтересованы в как можно больших продажах. С середины столетия, после проведения кабацкой реформы 1652 г., подробно описанной С.Б. Веселовским [3], в уездах действовало по одному кружечному двору, занимавшемуся оптовой продажей алкогольных напитков. Отметим, что в разных частях страны ситуация складывалась неодинаково. Не везде находилось достаточное количество желающих работать на кабаке (кружечном дворе), не везде удавалось обеспечивать неизменно высокие питейные сборы в государственную казну. Проблеме организации кабацких сборных денег, техническому производству и продаже алкогольной продукции посвящены работы целого ряда исследователей. Нам известны труды М.И. Смирнова по Нижнему Новгороду [19], Н.И. Приваловой по г. Касимову [11], Д.В. Раева по городам Западной Сибири [14].

Юг России целым рядом авторов выделяется как отдельный регион со своими отличительными особенностями. Зона фронта, как представляют его многие исследователи, обладала в обозначенный период характерными чертами. На все стороны жизни местного населения в этой части страны влияли сразу несколько факторов: сказывалась близость Дона и донских казаков, нехватка посадского населения, что приводило к тому, что большую часть повинностей приходилось перекладывать на плечи служилых людей, неизменно высокая роль воеводы и др. Приведем в пример работы А.И. Раздорского [15], посвященные анализу взаимоотношений курских таможенных и кабацких откупщиков с местным населением, А.И. Филошкина [20], Д.А. Ляпина [9] и др.[2].

Во всех приведенных исследованиях авторы сходятся во мнениях, что алкогольные напитки: пиво, квас, водка и мед с самого начала представляли собой важный источник доходов для государственной казны [8, с. 2]. Повсеместное обилие меда и других продуктов, употребляемых для изготовления напитков, вызвало установление пошлин, которые собирались с меда, хмеля, солода. И.Г. Прыжов датирует появление первого русского кабака около 1555 г. Он же считает, что уже с XVI в. в России была известна водка [12, с. 40].

Применительно к югу России сведений об организации и работе первых кабаков немного. В этом отношении Воронежский уезд находится в

преимущественном положении, так как известно, что уже в 1615 г. в Воронеже кабак был и находился на откупе у москвича Н.Г. Высокого Колпака. Отметим также, что этот откупщик являлся одновременно головой и кабака и таможенной избы, что соответствовало обычной практике того времени применительно к южным уездам России. Таможенное и питейное управление на юге страны традиционно осуществлялось одним и тем же административным аппаратом в лице таможенного и кабацкого головы, дьячка и целовальников, непосредственно занимавшихся производством хмельных напитков и их продажей [6]. Отметим здесь же, что, если должность головы могла быть выборной или передаваться на откуп, то целовальники всегда для юга России выбирались из среды местного населения и приводились к крестоцеловательной присяге (отсюда, видимо, и название должности). Такая практика должна была, по всей вероятности, обеспечить бесперебойную работу кабака (целовальники могли находиться при кабаке несколько лет, при разных головах) и гарантировать казне неизменно высокие доходы, так как в случае недостачи недобор раскладывался на все местное население.

Говоря о деятельности южнорусских кабаков, помимо основной работы его служителей, остановимся на проблеме непосредственного производства хмельных напитков. Как известно, с середины XVII столетия, особенно после отмены кабаков и введения одного кружечного двора в каждом уезде, во многих южнорусских городах работали свои винокурни. По подсчетам А.И. Раздорского, в 1620–40-х гг. в Курске было 3 кабака и 1 казенная винокурня [16, с. 279]. В Воронеже в XVII в. винокурень было две: малая и верхняя [17, л. 148].

Среди «питий», производившихся в Воронежском уезде в источниках упоминаются вино, пиво и квас. Вино, безусловно, не виноградное, а изготовленное путем перегона в кубе из заранее заготовленной закваски. Пиво варили из хмеля и солода. Квас представлял собой слабоалкогольный напиток, который не варился, а замешивался из ржаного солода теплой водой.

Объемы производств перечисленных алкогольных напитков в разные годы были неодинаковыми и определялись головой «против прошлых прежних лет», учитывались также и оставшиеся от предыдущего головы запасы, которые в свою очередь могли пополняться за счет выемки корчемной продукции у местного населения.

В середине XVII столетия кабаки были повсеместно заменены на государственные кружечные дворы [13, с. 262]. Согласно этой первой питейной реформе были уничтожены все частные питейные заведения, вводилась регламентация времени продажи вина и его количества. Запрещалась продажа вина духовным лицам, нельзя было наливать вино или пиво «питухам», то есть пьющим на кабаке в долг или под заклад имущества. Ликвидировались существовавшие ранее «бражные тюрьмы»

для местных «питухов», где они могли остаться переночевать [2, с. 272]. Теперь также кружечные дворы больше не работали во время постов, по средам, пятницам и воскресеньям [3, с. 59–66].

Указ о запрете кабаков и введении государственных кружечных дворов, безусловно, не вызвал восторга у действующих питейных заведений. Кабацкие служители на местах терпели большие убытки, расплачиваться за которые они должны были по традиции собственным имуществом. В 1653 г. орловские кабацкие и таможенные верные целовальники и голова Иван Маслов сообщали в Москву о своем скором разорении. В связи с запретом кабаков орловский кабак было велено «запечатать и питье не продавать». Торговля вином простаивала уже больше нескольких недель. Орловские головы просили поставить их в известность, «заводить ли ... запасы кабацкие или нет» [18, л. 279–280].

На протяжении всего XVII столетия служители и кабаков и кружечных дворов были заинтересованы в ежедневном увеличении питейных доходов. Приводило ли это к спаиванию местного населения? Безусловно. Первоначально кабак был местом, где можно было не только выпить хмельные напитки, но и поиграть в азартные игры, например, в зернь. После кабацкой реформы, служители кабака зазывали местных жителей купить большие партии хмельных напитков вскладчину и, отметим также, вели яростную борьбу с распространением нелегальных, так называемых корчемных кабаков [5].

Так, в 1694 г. воронежский откупщик Борис Полосин жаловался в Москву на то, что «жители стрельцы и казаки и разных чинов люди служилые и не служилые ... и помещиковы и вотчинниковы ... пива варят и вина курят и мед ставят» [4, л. 1–7]. От всего этого он терпел убытки.

Откупщики таможи и кабака были по всей видимости еще более заинтересованы в как можно больших доходах, так как после уплаты суммы откупа в государственную казну, все оставшиеся средства они могли оставить себе. Имели место жульничество, предоставление некачественной продукции, а также намеренное спаивание местных жителей, зазывание их на кружечный двор. Откупщики, как правило, сами не жили в уезде, с жителей которого собирались питейные пошлины, поэтому зачастую недооценивали возможных последствий.

Приведем в пример челобитную уже упоминавшегося воронежского таможенного и кабацкого откупщика середины 90-х гг. XVII в. Бориса Полосина, который в очередной своей челобитной в Москву отчитывался в достаточно больших собранных пошлинах, но также сообщал и о том, что собранная им сумма могла бы быть еще больше, если бы не встреченные им сложности. Дело было в том, что воронежские «ратные люди, также и воронежцы всяких чинов жители» пили немного и «то утайкою». Как оказалось, интересы откупщика столкнулись с интересами других должностных лиц Воронежского уезда. По словам Бориса Полосина,

начальники этих ратных людей полковники и подполковники разных полков запретили своим солдатам пить на кружечном дворе. Были даже выставлены караулы, с целью не пускать туда «ратных людей для покупки питей ... , чтоб они на кружечном дворе не пропивались», от чего, по мнению откупщика, государственная казна терпела большие убытки [4, л. 1–7]. К сожалению, нам неизвестно, чем закончился это конфликт. Скажем только, что, как правило, Москва во всем всегда поддерживала откупщиков [7].

В заключение отметим, что на протяжении XVII столетия государственная питейная политика отличалась непостоянством и была неоднозначна. Казна, безусловно, была заинтересована в неизменно высоких налоговых сборах, что приводило к тому, что кабацкие откупщики на местах получали негласное задание обеспечить как можно большие продажи алкогольной продукции местному населению. Однако отметим также первые шаги государственной власти на пути к легализации производства и распространения хмельных напитков, борьбу с корчемством, что можно характеризовать как начало осознания проблемы пьянства в целом.

Список литературы:

- 1.Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое // История винопития. СПб., 1994.
- 2.Булгаков М.Б. Организация мелких откупов в России первой половины XVII столетия. Тюмень, 1997.
- 3.Веселовский С.Б. Кабацкая реформа 1652 г. // Ежемесячный журнал. СПб., 1914. С. 59–66.
- 4.Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-182. Оп. 7. Д. 73. Л. 1–7.
- 5.Жиброва Т.В. «Неявленного питья и заповедных товаров не возить»: корчемство и контрабанда на юге России в XVII в. // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 435–440.
- 6.Жиброва Т.В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке. Воронеж, 2011.
- 7.Жиброва Т.В. «Питухов от кабаков не отгонять»: питейные сборы на юге России в XVII в. // История в подробностях. 2014. № 4 (46). С. 18–23.
- 8.Калинин В.Д. Из истории питейного дела в России. (XV – начало XX вв.). М., 1993.
- 9.Ляпин Д.А. Елецкий кабак в XVII в. и его посетители // Елец и его округа: История. Археология. Проблемы реконструкции. Елец, 2008. С. 44–64.
- 10.Похлебкин В.В. История водки. Новосибирск, 1994.
- 11.Привалова Н.И. Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Нижний Новгород, 2008.
- 12.Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991.
13. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1.
14. Раев Д.В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск, 2005.

15. Раздорский А.И. «Меж двух огней». Два документа о взаимоотношениях таможенных и кабацких откупщиков с воеводами и местным населением Курска. 1630-е гг. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 205–210.

16. Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.

17. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 115.

18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. Приказн. ст. Д. 143.

19. Смирнов М.И. Нижегородские казенные кабаки и кружечные двory XVII столетия // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. 1913. Т. 16. Вып. 2. С. 1–196.

20. Филюшкин А.И. Виноделие и «питейное дело» в Ельце в первой половине XVII века // Тезисы научно-краеведческой конф., посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. Липецк, 1995. С. 91–93.

О.С. Мутиева*

Трансформация земледельческих традиций горцев Северного Кавказа под влиянием Кавказской войны

В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией привычных земледельческих практик горцев в годы Кавказской войны. Как показали литература и источники, военный фактор заставлял население, приспосабливаясь к новым условиям жизни, руководствуясь практическими соображениями. Под влиянием русских переселенцев и казаков, горцы приобщались к огородничеству, усваивая новые сельскохозяйственные технологии.

The article deals with issues related to the transformation of the traditional agricultural practices of mountaineers in the years of the Caucasian War. As literature and sources have shown, the military factor forced the population to adapt to the new conditions of life, guided by practical considerations. Under the influence of Russian immigrants and Cossacks, the mountaineers were accustomed to gardening, assimilating new agricultural technologies.

Ключевые слова: Дагестан, Кавказская война, военный фактор, трансформация, сельское хозяйство, огородничество

Key words: Dagestan, Caucasian War, military factor, transformation, agriculture, gardening

С присоединением Северного Кавказа к России, народы, проживавшие на этой территории, оказались в орбите новых политических, экономических и культурных отношений. В связи с этим, население, проживавшее на территории, подконтрольной имперской администрации,

---

* **Мутиева Оксана Саидовна**, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства

живя бок о бок с русскими поселенцами, перенимало у них опыт ведения сельского хозяйства. Представители имперских властей поощряли «мирных горцев» к мирным и прибыльным занятиям, чтобы предъявить получаемые выгоды в качестве козырей и примеров тем, кто продолжал упорствовать и отказывался от сотрудничества с российской стороной, предпочитая оставаться на стороне имамата.

Под влиянием русского населения и казаков, живущих на Северном Кавказе, горцы приобщились к огородничеству. Они выращивали такие огородные культуры как, лук, чеснок, репу, редьку, морковь, тыкву, свеклу, бахчевые. Судя по некоторым источникам, огородничество приживалось у горцев трудно, так как горцы в своих хозяйственных занятиях проявляли консерватизм. Занимательный материал содержится у Н.Ф. Воронова в «Сборнике сведений для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) за 1892 г., где автор приводит причины, по которым горцы оправдывают свое нежелание заниматься огородничеством:

«Вот вы жалуетесь, говорит примерно путешественник горцу, на скудность своих полей, на плохие урожаи, на то, что вам есть нечего: отчего бы вам к хлебопашеству не прибавить труда по огородничеству, – картофель бы сеяли, разводили бы лук, чеснок, капусту, бураки, огурцы и другие огородные овощи?

– “ Земля не родит”.

– “ Да вы пробовали?”.

– “Нет, не пробовали”.

– “Как же вы говорите, что земля не родит, коли не пробовали? А что ваша земля годится под огороды, так вот посмотрите только на русские укрепления: при них всюду огороды есть, и отличные”.

– “ Это у русских так, а не у нас”.

– “ Да если у русских на этой же земле разводятся хорошие огороды, то и у вас такие же будут: попробуйте только”...» [11, с. 8].

Далее представляет интерес объяснение, которое горцы приводят путешественнику в оправдание нежеланием заниматься огородничеством.

– “ Да, оно так, только у нас на это адата нет”.

– “ Зачем вам адат?” Введите его сами, если вы считаете его полезным. Ведь картофель ели?

– “ Как же, ели?”

– “ Что ж? нравится?”

– “ Да, хорошая пища...как бываем у русских, так кушаем охотно”.

– “ Ну вот, сами видите: стало быть, эту хорошую пищу у себя следует завести, вот вам и подспорье в вашем скудном хозяйстве”» [11, с. 8].

Тем не менее, со временем, объективные условия заставляли горцев менять свои привычки и усваивать новые сельскохозяйственные технологии.

В упомянутой работе Н.Ф. Воронова имеются следующие сведения: «Самый богатый из гидатлинских аулов – Орода – состоит из 272 дворов, с

населением с лишком в 1000 душ. На это тысячное население приходится пахоты всего такое пространство, на котором можно засеять 2 600 саб или же 285 четвертей зерна. Добавкой к хлебу служили огородные культуры: лук, чеснок, морковь, редька, фасоль и др. [11, с. 8].

Дальнейшее расширение связей с русским населением Северного Кавказа, способствовало освоению горскими народами новых огородных культур: помидоры, огурцы, капуста и картофель. Особенно больших успехов достигли в разведении картофеля, который стал вторым хлебом. Важно отметить, что не только на низменности, где были хорошие условия для занятия огородничеством, но, и в высокогорных районах, картофель стал большим подспорьем в хозяйстве.

Что касается кукурузы, то ее возделывали в Дагестане еще с давних времен. Она проникла из арабских стран и имела широкое распространение практически у всех дагестанских народов. В частности, путешественники, посетившие Дагестан в начале XVIII в., упоминают, что «здесь сеялись пшеница, ячмень, кукуруза, просо и хлопчатник» [3, с. 179].

Но, только в период Кавказской войны, кукуруза из огородной культуры постепенно стала превращаться в полевую культуру. Объясняется это тем, что на территории, подвластной имамату, в 40–50-е гг. XIX в., население чтобы снизить негативный эффект от уничтожения русскими их хлебных полей, стали располагать их на небольших участках, расчищенных в глубине лесов, перейдя от культивирования пшеницы и проса к возделыванию кукурузы. В голодное военное время, кукуруза давала с небольших участков значительные урожаи, обеспечивая людей необходимым продуктом, а скот прокормом [9, с. 90]. Чем, по мнению В.В. Лапина: «... сводилась на нет возможность принуждения чеченцев к покорности с помощью голода» [9, с. 90].

Имам Шамиль, после уничтожения Нового Дарго, решил обосновать новую столицу Имамата, в чеченском селе Ведено (Дарго-Ведено – О.М.). Выбор был неслучайным, так как Шамиль, в первую очередь руководствовался практическими соображениями, указывая на то, что «...место благое, благословенное по части всего. Например, выше нашего селения лес для дров – сколько хочешь. Еще выше – корм (для скота), а ниже селения – пахотные земли для кукурузы – это корм лошадям и нам, когда созреет» [2, с. 150].

Под влиянием терских и Сунженских казаков происходило освоение равнинных земель и у других народов Северного Кавказа.

В частности, указывая влияние военного фактора на хозяйство чеченцев, исследователь У. Лаудаев отмечает: «что «основав на плоскости аулы, чеченцы тотчас воспользовались выгодами, которые могли извлечь из своей земли, подражая русским, они заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли превосходят прочие племена окружных стран» [10, с. 22].

Характеризуя хозяйств кабардинцев в период Кавказской войны, А.В. Фадеев писал: «они стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились, и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому» [13, с. 100].

На примере адыгов, С.М. Броневский, отмечал, что в начале XIX в. они: «В огородах сеют овощи: морковь, свеклу, капусту, лук, тыквы, арбузы, и сверх того у всякого в огороде есть табачная гряда» [4, с. 133–134].

Учитывая спрос рынка и ожидаемые выгоды, царские власти, осваивая новые территории, пытались модернизировать сельское хозяйство, понимая, что «способ возделывания полей, система посевов и неудобства пахотных орудий ещё надолго будет служить препятствием к совершенно успешному возделыванию всех сельских произведений, особенно торговых» [1, с. 155]. Кавказская администрация старалась приложить усилия по развитию в Дагестане технических культур – винограда, шафрана, табака, марены и хлопка.

В частности, в первой половине XIX в. Дербент и Кизляр превращаются в центры виноделия, а к концу XIX века, виноградарство уже превратилось в одну из главных отраслей торгового земледелия.

Следует сказать, что на территории Имамата, с утверждение шариатских норм и «праведного» образа жизни, изменилось отношение к потреблению спиртных напитков. В частности, один из низамов Шамиля гласил: «за пьянство, распространившееся среди горцев, число палочных ударов увеличивалось свыше 40» [6, с. 138]. Имеются сведения и об уничтожении Шамилем виноградных садов. В частности, указывая на этот факт, А. Берже писал: «что Цудахар когда-то славился своими садами, но в 1846 г. они были истреблены Шамилем» [5, с. 331].

Важной отраслью сельского хозяйства становится шафран, который выращивали в окрестностях Дербента и Кизляра, и, по сведениям авторов он «нимало не уступал лучшему европейскому» [7, с. 90]. Под возделывание табака в Южном Табасаране и Дербентском уезде отводились значительные земельные угодья. Согласно источникам, Дагестан являлся главным поставщиком табака для 9 табачных фабрик [7, с. 90].

Особо следует сказать о хлопководстве, которое хотя и имело в Дагестане давние корни, но важную роль в экономике края в целом не играло. И только начиная с 30-х гг. XIX в., отвечая нуждам бурно развивавшейся текстильной промышленности России, в Дагестане значительно увеличились посевы хлопка. Сырье дагестанских производителей пользовалось широким спросом на фабриках Московской, Тверской, Владимирской и Петербургской губерний. Разумеется, из-за отдаленности, фабриканты несли значительные расходы по перевозке сырья, что вынудило их в 1899 г. построить в городе Петровске текстильную фабрику «Каспийская мануфактура».

Среди этих технических культур особое место занимало производство марены, имеющей большой спрос как красильное вещество для российской текстильной промышленности. Марену на больших площадях выращивали в Дербенте и его окрестностях, в Табасаране и Кайтаге. По сведениям М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга в 30-е гг. XIX в. в Дербентском округе марена «в последнее время, доставив промышленникам значительные выгоды, привлекла сильнейшее попечение хозяев» [8, с. 309–310].

О важности развития мареноводства свидетельствует архивный документ, где говорится: «Из предметов местного производства замечательнее прочих марена, которая, доставляя значительный доход, занимающимся ею, вытеснила собой большую часть других родов земледелия, весенние работы на маренниках привлекают сюда из нагорных обществ 25 тыс. человек» [12, л. 17]. Марена в больших количествах вывозилась за пределы Дагестана, о чем говорится в документах архива: «Главный предмет торговли марена, которую направляют через Астрахань на Нижегородскую ярмарку и в Москву» [12, л. 17].

С целью обучения населения Кавказа новым сельскохозяйственным знаниям, российской администрацией в 1850 г. было основано «Кавказское общество сельского хозяйства».

Из всего приведенного выше материала следует, что в период Кавказской войны, происходила трансформация привычных хозяйственных практик горцев. Военный фактор заставлял население, руководствуясь практическими соображениями, адаптировать местные экономические традиции к новым условиям жизни. Руководствуясь спросом рынка, технические культуры – виноград, шафран, табак, марена и хлопок со временем превратились в одну из главных отраслей торгового земледелия.

Список литературы:

1. Акты Кавказской археографической комиссии / Арх. гл. упр. наместника Кавказа. Под общей ред. А.Д. Берже. Тифлис, Тип.гл.упр. Наместника Кавказа. 1885. Т. X. 938 с.
2. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала. Дагестанское книжное издательство. 1997. 868 с.
3. Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испанию, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч. III. СПб., 1776. 247 с.
4. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., Издательство. Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 2. 485 с.
5. Берже Ад. При-Каспийский край // Кавказский Календарь на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 275–339.
6. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / отв. ред. А.Р. Шихсаидов. М.: Восточная литература, 2002. – 368с.
7. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М. Издательство «Молодая гвардия», 2003. 464 с.

8.Ковалевский М.К., Бламберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958. С. 213–229

9.Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.

10. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.4. Тифлис, 1873. 408 с.

11. Очерки быта кавказских горцев // Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.1892. Вып. XIV. С. 1–58.

12. РГИА СПб. Ф.1268. Кавказский комитет. 1833–1882 гг. Оп. 5. 1851. Д. 372.

13. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 203 с.

А.А. Фортун*

Социально-экономическая адаптация крестьянства Новоузенского уезда Самарской губернии в начале XX в.

В представленной статье предпринята попытка проанализировать агрономическую деятельность Новоузенского уездного земства Самарской губернии, как способ социально-экономической адаптации сельского населения.

The article attempts to analyze agricultural activities in Novouzenskiy district local government of the Samara province, as a way of socio-economic adaptation of rural population

Ключевые слова: адаптация, Самарская губерния, Новоузенский уезд, уездное земство, агрономические мероприятия.

Key words: adaptation, Samara region, Novouzensky district, County Council, agronomic activities.

В отечественной историографии, посвященной проблемам социальной адаптации общества, социологи отмечают, что главным условием выхода страны на новый уровень устойчивого развития является успешная социальная адаптация населения, т.е. выработка достаточно большим числом людей эффективных моделей социально-экономического поведения, основанных на использовании индивидуальных адаптационных ресурсов [1, с. 44].

Великие реформы 1860–1870-х гг., кардинально изменили социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и главным образом внесли серьезные коррективы в жизнь российской деревни. Для огромной массы крестьянства эти перемены обернулись трудным испытанием, заставляя приспособляться к новым экономическим реалиям. По мере

---

* **Фортун Алексей Андреевич**, аспирант I курса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

расширения и углубления модернизационных процессов способность адаптироваться к новой социально-экономической среде стала жизненно необходимой мерой для большинства крестьянства, а учитывая крестьянский традиционализм и глубокую архаику сделать это было достаточно сложно. Эту непростую задачу попытались решить образованные в 1864 г. органы местного самоуправления. Именно земству в конце XIX – начале XX в. удалось выработать непротиворечивую программу экономических мероприятий, направленную на развитие сельской кредитной и потребительской кооперации, агрономической службы и кустарных промыслов [12, с. 197]. Главная цель этой программы – разрушить архаичное сознание крестьян и воспитать новых успешных хозяев, тем самым помочь им адаптироваться в новых социально-экономических условиях.

Российские земства отличались большим разнообразием социального состава, направлениями и интенсивностью своей работы. Поэтому, как констатирует современный специалист: «... очень важно исследовать деятельность локальных земств, выявить общность и различия в главных сферах бытия этого политического института, в частности в области экономических мероприятий по подъему благосостояния сельского населения» [15, с. 94]. Этот сюжет интересно рассмотреть на примере Новоузенского уездного земства Самарской губернии, чей хозяйственный облик во второй половине XIX – начале XX вв. определяло земледелие с экстенсивным характером.

Появление новой формы практической деятельности органов местного самоуправления дало возможность земским гласным говорить о «старом» и «новом» земстве. Рубежом или правильнее сказать точкой отсчета, когда Новоузенское земство обратило внимание на третью свою обязанность – подъем сельского хозяйства, нужно считать 1898 г. Именно тогда впервые на уездном земском собрании был озвучен пространственный доклад «О мерах к улучшению экономического положения местного населения», где был предложен целый ряд мер по поднятию уровня сельского хозяйства в уезде [2, с. 407–408]. Причины беспокойства земцев были понятны, если принять во внимание тот факт, что доходность крестьянских хозяйств с каждым годом падала [14, с. 36–37].

В Самарской губернии, как и в других земских губерниях России, координационную роль в мероприятиях по подъему сельского хозяйства играли экономические советы, агрономические совещания и совещания по опытному делу. Главная задача этих органов – «взаимное осведомление, обсуждение и разработка организационных и технических вопросов», связанных с новой агротехникой. Первый Экономический совет был открыт в Новоузенском уездном земстве в 1898 г. Экономический совет, куда входили специалисты – агрономы, земские гласные и председатели уездных управ, должен был заниматься: « ... изучением экономических нужд местного населения и направления всех мероприятий для содействия и

улучшения экономических условий населения уезда» [2, с. 408]. Через экономические советы губернское земство субсидировало уездные. Средства брались не только из земского бюджета, но и в форме ссуд у правительства [17, с. 239].

Первое место по расходам в экономической области занимало содержание агрономов. Начало агрономической службы в Самарской губернии было положено в 1895 г., когда был введен институт земских агрономов [3, с. 1289]. Когда опыт показал плодотворность новой организации, в остальные уезды также были назначены уездные агрономы. В Новоузенском уезде должность уездного агронома была учреждена 26 февраля 1898 г., однако, в силу огромной площади уезда в 1903 г. решили назначить второго агронома. Довольно скоро практика показала, что иметь всего двух агрономов на уезд явно недостаточно. Поэтому в штатном расписании Новоузенского земства появились участковые агрономы [10, с. 87]. Так, в 1914 г. во всей Самарской губернии насчитывалось 47 агрономических участков, из них почти половина (20) находилась в Новоузенском уезде [13, с. 141].

В целях популяризации агротехнических новшеств создавались опытные поля. Как отмечает А.В. Костюков, особый интерес к ним возрос с проведением столыпинской аграрной реформы [13, с. 346]. В Самарской губернии в 1914 г. насчитывалось 6 опытных полей и 10 опытно-показательных полей. Их главная задача – показать населению, какие культуры благоприятны для разведения в конкретных природных условиях. Однако сама уездная управа, признавая, что мера весьма необходима, ассигновала на содержание пяти опытных полей весьма незначительные суммы – 1 500 тыс. руб. в год. В то время, например, как в Саратовской губернии в 1912 г. на содержание уездных опытных полей тратилось 17 тыс. руб. [15, с. 102]. Из-за отсутствия необходимых финансовых средств в Новоузенском уезде практиковалось создание малых опытных полей размером в 1–2 десятины, которые находились в заведовании агрономов-учителей и не требовали значительных ассигнований. В 1904 г. было устроено четыре первых малых показательных поля, задача которых сводилась к тому, чтобы «показать крестьянам преимущества рядового посева, везде дающего значительно больший урожай хлебов» [3, с. 12]. Создание малых опытных полей, хотя и медленно, но способствовало тому, что наряду с традиционными методами ведения хозяйства применялись и новые.

С земской агрономией связаны важнейшие мероприятия органов земского самоуправления по рациональному ведению хозяйства, улучшению агротехники. Одной из популярных среди местного населения мер являлось создание сельскохозяйственных складов. В 1885 г. на всю Россию существовало всего 12 таких учреждений [15, с. 101]. В Новоузенском уезде первый сельскохозяйственный склад возник в 1897 г. Чаще всего,

сельскохозяйственные склады возглавляли лица со специальным образованием. Так отделение уездного склада в д. Дергачи возглавлял управляющий ремесленной мастерской г. Маттисен, «... как человек сведущий в своем деле» [4, с. 296–298]. Главная функция подобного склада – продажа сельскохозяйственной техники крестьянам. В том же 1897 г. в управу поступило прошение, о том, чтобы построить дополнительный сарай для хранения машин, что говорит об увеличении объемов продаваемой продукции. Так, судя по отчетам, годовой оборот сельскохозяйственного склада в Новоузенском уезде составлял 63 664 тыс. руб. [5, с. 917], и это только за один год! Несмотря в целом на положительные отзывы со стороны населения уезда, в работе склада имелись и некоторые недочеты. Склад первое время не учитывал многих обстоятельств, особенно местных условий уезда. Так, например, в ассортимент склада входили «Саковские №14» (конные тяжелые плуги) для поднятия целинных земель. Крестьяне, покупавшие эти орудия, были вынуждены их еще исправлять в кузницах, чтобы адаптировать к местным условиям. В дальнейшем склад, дабы исправить такое положение вещей, проводил специальные конкурсные испытания орудий и машин. За период с 1903 по 1904 гг. было проведено три испытания однолемешных и двухлемешных плугов, а также веялок различных конструкций. Испытаниями руководил профессор С. С. Горчинин, специально командированный для этой цели Министерством земледелия [6, с. 1387–1378].

Уровень распространения сельскохозяйственных машин в указанный период времени (1897–1898 гг.) следует признать недостаточным. В частности сама управа уже в 1899 г. указывала на это Экономическому совету: «... северо-восточная и центральная часть уезда не пользуется земскими складами, в силу их отдаленности; в виду этого управа находит необходимым открыть филиалы отделения склада в Покровске, Красном-Куте и Орлов-Гае» [6, с. 1379]. Вопрос этот был рассмотрен незамедлительно. На том же собрании было решено уже в 1900 г. ассигновать «... на оборотные средства этих трех отделений 10 000 тыс. рублей» [7, с. 676]. К 1907 г. в Новоузенском уезде было открыто 7 отделений сельскохозяйственного склада, которые могли обеспечить своей продукцией нуждающиеся население. По статистическим данным к 1908 г. в среднем на 100 дворов приходилось 109 плугов [16, с. 86]. Действительно, распространение сельскохозяйственных орудий в уезде шло значительными темпами. Так, в 1897 г. на главном складе имелись разных конструкций косы: «Бокаль» – 268 шт., «Звезда» – 327 шт., «Вятка» – 310 шт. Из них на 1 января 1898 г. осталось: «Бокаль» – 100 шт., «Звезда» – 27 шт., «Вятка» – 31 шт. За 1908 г. в общей сложности складом было продано 500 шт. плугов [7, с. 419].

Несмотря на то, что сельскохозяйственные склады торговали в кредит с рассрочкой платежей от трех до пяти лет, многие крестьяне не имели

возможности расплатиться за взятый инвентарь. Об этом, в частности, свидетельствовала докладная записка за 1899 г. уездного земского собрания губернскому с просьбой указать ей: « ... как поступить с неисправными плательщиками земских складов. Из 32 233 тыс. рублей отданных в кредит, погашено в текущем году только 19 524 тыс. рублей» [7, с. 719]. В дальнейшем эта сумма продолжала расти, и к 1 января 1907 г. составляла – 136 000 тыс. руб. [6, с. 1376].

Резкое увеличение крестьянских недоимок происходило во многом из-за частых неурожаев хлебов в уезде, что сказывалось на финансовых возможностях крестьян. Особенно, по словам земства « ... более всего страдали восточные и юго-восточные части уезда, подверженные частым засухам». Расположенные здесь Перекопский, Дергачевский и Новоузенский отделы склада в начале XX в. по 3–4 года не могли расплатиться по своим долгам. Соответственно росла и задолженность управы перед фирмами, которые поставляли орудия и машины. К 1 января 1908 г. долг управы разным поставщикам составлял – 160 000 тыс. руб. [6, с. 1378], намного превышая годовой доход склада. С другой стороны, проблема заключалась в крестьянской психологии. В одном из отчетов управы отмечалось, что « ... местные крестьяне относились к кредиту не вполне сознательно и правильно, особенно если кредит открывается каким либо учреждением, например Земством, в котором как приходилось иногда слышать от крестьян: – « ... у них денег и так много». В результате такого отношения к кредиту, многие крестьяне брали его не производственные, а на потребительские цели» [6, с. 1381].

Уездное земство, прибегая к различным мерам, всеми силами пыталось не допустить, чтобы склады стали убыточным учреждением в области экономической политике. Первоначально оно пыталось сокращать продажи продукции и кредитование в неурожайные годы, с помощью полицейских приставов взыскивать долги. Начиная с 1905 г. управа полностью пересмотрела и свою кредитную политику. Однако, не смотря на принятые меры, полностью исправить положение так и не удалось.

В годы Первой мировой войны появляются новые направления в экономической деятельности органов земского самоуправления. Боевые действия начались в самый разгар уборки урожая в южных и центральных губерниях империи. Крестьянскому населению приходилось преодолевать невероятные трудности. Мобилизация сопровождалась оттоком рабочих рук из деревни, не прекращавшимся на протяжении всей войны. Так летом в армию было призвано 3,9 млн. чел., а до конца года еще 1,2 млн. В общей сложности война поглотила 14,9 млн. чел. [9, с. 267–271]. Достаточно болезненно мобилизация сказалась и на Новоузенском уезде. Так только за 1915 г. доля призванных в армию составила 23 135 тыс. чел. Правительство, местные власти и земства принимали меры для облегчения положения крестьянских хозяйств. Новоузенское уездное земство оказывало помощь

семьям призванных в действующую армию в уборке урожая, проведении сельскохозяйственных работ, а также путем отпуска земледельческих орудий [8, с. 132].

В последующее время недостаток рабочих рук в уезде продолжал ощущаться во все возрастающих объемах, особенно во время уборки хлебов. В этих условиях уездное земство поставило перед властями вопрос о привлечении к сельскохозяйственным работам военнопленных. И правительство, чтобы в какой-то мере облегчить положение сельского хозяйства, выделило их в распоряжение земских управ. Как отмечают специалисты, привлечение военнопленных к работам в сельском хозяйстве началось в 1915 г. [11, с. 99–101]. В Новоузенском уезде земской управой был произведен опрос землевладельцев, желавших воспользоваться трудом пленных с «целью выяснения точной цифры требуемых рабочих». Результаты опроса дали цифру в 5 000 тыс. чел. Данный контингент был распределен следующим образом: Покровск – 600 чел., Красный Кут – 1000 чел., Дергачи – 2000 чел., Новоузенск – 1000 чел. [8, с. 132–133].

Все военнопленные, прибывшие в уезд, обеспечивались со стороны земства небольшим жалованьем (3 руб. на чел.) и обмундированием. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на новые запросы (в том же 1915 г. – 10 000 тыс. чел.), поступавшие в управу, не все ею удовлетворялись. Потому, что содержание военнопленных должно было осуществляться в специальных помещениях, и обязательно казарменным способом. Ввиду того, что у многих крестьян в уезде поля были расположены за пределами сел и деревень, то соответственно позволить себе использовать труд военнопленных могли далеко не все. Судя по отчетам управы, среди военнопленных исключительно преобладал славянский контингент. Запросы управы в Министерство земледелия делались на этот счет намеренно, вероятно для того, чтобы избежать всевозможных эксцессов на национальной почве. Поэтому, начиная с 1916 г., несмотря на активные запросы со стороны населения уезда, управа была вынуждена отказываться от новых партий пленных, мотивируя это тем, что они были немцами или венграми. В конечном итоге военнопленные так и не смогли восполнить недостаток рабочих рук в уезде в полном объеме.

Подводя итог экономическим мероприятиям Новоузенского уездного земства, необходимо отметить, что оно разработало и осуществило целый комплекс мер, направленных на модернизацию сельского хозяйства уезда. Основные компоненты экономической программы уездного земства сформировались в конце XIX в., но только к 1914 г. приобрели стройные очертания. Это, прежде всего, касается всеобъемлющей агрономической помощи населению. Следует заметить, что вся деятельность уездного земства сводилась к попыткам разрушить архаичное сознание крестьян, воспитать нового успешного хозяина, помочь адаптироваться в новых социально-экономических условиях, однако радикально изменить

устоявшийся крестьянский менталитет земство так и не смогло. Ограниченность в финансовых средствах, начавшаяся война, которая привела к глубокому экономическому кризису, не позволили в полном объеме реализовать решение этой задачи.

Список литературы:

1. Беляева Л.А. Стратегия выживания, адаптации преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 44–53.
2. Журнал Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы. С приложениями. XXXIV очередного бывшего 2 октября 1898 года. Саратов, 1899. 460 с.
3. Журналы Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы. С приложениями. XXXIX очередного бывшего 30 сентября – 9 октября 1903 года. Саратов, 1904. 1450 с.
4. Журналы Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы. С приложениями. XXXII Очередного собрания за 1896 год. Саратов, 1897. 328 с.
5. Журналы Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы. С приложениями. XXXVI очередного бывшего 25 сентября 1900 года. Саратов, 1901. 1432 с.
6. Журналы Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы. С приложениями. XLIV очередного бывшего 3–12 октября 1908 года, и чрезвычайного 5-го июля 1908 года. Саратов, 1909. 1390 с.
7. Журналы Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы. С приложениями. XXXV очередного бывшего 3 октября 1899 года. Саратов, 1900. 803 с.
8. Журналы Новоузенского уездного земского собрания и доклады Новоузенской земской управы чрезвычайных сессий: 25 апреля и 7 июля 1915 г. Саратов, 1916. 1145 с.
9. Земское самоуправление в России, 1864–1918 гг. в 2 кн. / Под ред. Н.Г. Королева. М., 2005. Кн. 2. 383с.
10. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Самара, 1982. 199 с.
11. Калякина А.В. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Международные отношения. 2013. № 2. С. 98–101.
12. Кобзева Т.А. Обзор экономической деятельности земств в 1870–1890-х гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Власть. 2015. № 11. С. 197–201. Она же: Земский опыт распространения аграрных знаний среди крестьян Среднего Поволжья в начале XX века (по материалам Симбирской губернии) // Власть. 2013. № 8. С. 134–137.
13. Костюков А.В. Социально-экономическая деятельность Самарского земства (1865–1914).: дис. канд. ист. наук. Самара, 2003. 158 с.
14. Морозова Е.Н. Саратовское земство. 1865–1890. Саратов, 1991. 178 с.
15. Морозова Е.Н. Экономические мероприятия Саратовского земства (1890–1917) // Поволжский край. Саратов, 2010. С. 94–120.

16. Новоузенский уезд в естественноисторическом и хозяйственном отношении. Новоузенск, 1912. 112 с.

17. Самарское земство: Опыт практической деятельности 1865–1918 г. / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2009. 263 с.

В.А. Ломанов*

Экономические причины возникновения комитетов бедноты на территории Псковской губернии

В статье рассматриваются экономические причины возникновения комитетов бедноты. Охарактеризовано экономическое положение в Псковской губернии накануне введения продовольственной диктатуры. Проанализированы первые экономические преобразования большевиков в отношении крестьянства, а также недостатки этих преобразований.

The article discusses the economic causes of committees of the poor. Described the economic situation in the Pskov province on the eve of the introduction of food dictatorship. The first economic reforms of the Bolsheviks against the peasantry, as well as disadvantages of these changes.

Ключевые слова: комитеты деревенской бедноты, продовольственная диктатура, экономические причины, крестьяне, Красная Армия, продовольственное положение, хлебная монополия, Советская власть.

Key words: committees of the rural poor, food dictatorship, economic reasons, the peasants, the Red Army, the food situation, grain monopoly, Soviet government.

В октябре 1917 года к власти в России пришли большевики, которые намеревались провести масштабные экономические преобразования. Главной задачей большевиков в области обеспечения продовольствием, было наладить товарообмен между городом и деревней. Кроме того, власти осознавали неизбежность гражданской войны и будущую необходимость снабжения армии продуктами питания и товарами первой необходимости. В связи с этим, 20 мая 1918 г. в стране была введена продовольственная диктатура, суть которой заключалась в установлении государством хлебной монополии, что фактически подразумевало запрет крестьянам продавать хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Большевики считали, что социалистическая экономика не допускает товарно-денежных отношений, поэтому торговлю было решено запретить. Крестьяне должны были сдавать государству хлеб по твердым ценам. Чтобы обеспечить данные мероприятия 11 июня 1918 г. был издан декрет ВЦИК «Об организации деревенской

---

* **Ломанов Владислав Андреевич**, студент 4-го курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Науч. рук. кан. ист. наук, доцент, Е.В. Никуленкова

бедноты и снабжении её хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями», в соответствии с которыми повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, ставшие одним из орудий осуществления продовольственной диктатуры [2, с. 31–33].

Продовольственное положение Псковской губернии на 1917 год было весьма тяжёлым. Первая мировая война значительно истощила производительные силы страны, поставив её на край полнейшего бедствия. Псковская губерния традиционно являлась потребляющей, и в значительной мере зависела от поставок продовольствия из других, хлебных губерний. В условиях же полного краха государственной экономики и нарушения торговых связей в стране эти поставки практически прекратились [1, с. 24]. Свыше 80% крестьянских хозяйств не могли обеспечить себя своим хлебом [6, с. 4] и вследствие этого жители данного региона испытывали явную нехватку продовольствия, причём это было актуально не только для территории губернии, но и для самого Пскова. Ещё одной отличительной чертой Псковской губернии являлся тот факт, что подавляющее число выращиваемых культур в данном регионе были техническими, вследствие чего овощных, зерновых и фуражных культур сильно не хватало [5, с. 273].

Также стоит учитывать и демографические особенности Псковской губернии, которые состояли в высокой плотности населения и интенсивном товарообмене [6, с. 13]. Создание комитетов бедноты обособывалось не только напряжённым продовольственным положением и потребляющим характером, но и напряжённой военно-политической ситуацией вследствие развернувшихся на её территории военных действий. Усугубило продовольственное положение начавшаяся с марта 1918 г. оккупация части губернии германскими войсками. Вот что рассказывали крестьяне деревни Барбаши Сидоровской волости Псковского уезда: «Хлеба совершенно нет. Вместо хлеба мешают льняное семя с овсом. Продуктов в занятых местностях совершенно нет никаких, если даже есть какие продукты, и немцы узнают, то сразу же отбирают» [7, с. 11].

Не лучше обстояли дела с обеспечением губернии сельскохозяйственным инвентарём и бытовыми товарами. В России, к осени 1917 г. деревня не получала самого необходимого, а именно кос, серпов, предметов домашнего обихода, обуви и других товаров. Производство этих товаров за годы войны резко сократилось. Что же касается Псковской губернии, то к 1917 году, на её территории было закрыто 40% промышленных предприятий [4, с. 193]. В этой ситуации нужен был орган, который стал бы регулировать распределение сельскохозяйственных орудий.

Одной из главных причин создания комбедов было предстоящее снабжение Красной армии, для которой нужны были люди и продовольствие. На данный момент, всё это могла дать только деревня. Но на фоне бедственного положения губернии, то есть глубокого

продовольственного кризиса, сделать это было весьма непросто. Для проведения своей политики в деревне советской власти нужен был рычаг, который она пыталась найти в комитетах бедноты [3, с. 117].

Ещё одной немаловажной причиной создания комбедов было нежелание крестьян сдавать хлеб по твёрдым ценам, так как за сдачу хлеба государству крестьяне получали очень мало денег, и не могли купить промышленные товары, цены на которые были высокими. В связи с этим ощущалась нехватка товаров первой необходимости. В результате, крестьяне стали припрятывать хлеб, надеясь, что цена на него поднимется и, следовательно, будут средства на покупку промышленных товаров и товаров первой необходимости. Чтобы обеспечить государственную монополию на хлеб, большевики были вынуждены предпринять ряд мер, которые заключались в принудительной, санкционированной реквизиции хлеба у крестьян для стабилизации продовольственного положения страны. Провести данное мероприятие было решено руками самих крестьян, тех, кто поддерживал Советскую власть и был весьма радикально настроен по отношению к зажиточным и средним слоям населения деревни.

Советское правительство, издавая декрет об организации комбедов, делало акцент на классовом аспекте, прикрывая свои узко-прагматические цели – получение продовольствия, людей и лошадей для Красной армии [3, с. 117]. Надо сказать, что данная мера в сложившейся ситуации могла быть единственно правильной, хотя изначально, желая провести социалистические преобразования, большевики неправильно подошли к решению данной проблемы, так как положение крестьян ещё больше отягощалось, и это могло сыграть негативную роль в установлении Советской власти в деревне.

Таким образом, проанализировав вышеизложенную совокупность фактов, можно сделать вывод, что экономических причин создания комбедов было три. Во-первых, надо было обеспечить монополию государства на торговлю хлебом, и в связи с этим пресекать любые попытки крестьян продавать свою продовольственную продукцию. Тех крестьян, кто несмотря на запрет властей пытались продать излишки хлеба, мясо или молочную продукцию сразу же объявляли спекулянтами и применяли к ним соответствующие санкции. Во-вторых, надо было обеспечить хлебом беднейших крестьян, а также население городов губернии. Многие крестьяне не хотели сдавать хлеб государству по твёрдым ценам из-за невыгодности данного мероприятия, в связи с чем было решено организовать санкционированную властями реквизицию хлебных излишков, которые должны были произвести беднейшие крестьяне радикально настроенные к зажиточным слоям населения деревни и поддерживающие мероприятия большевиков. В-третьих, предстоящая гражданская война требовала людей, лошадей и продовольствия для обеспечения снабжения Красной Армии. Всё вышеперечисленное могла дать только деревня, так как

в это время Россия всё ещё оставалась преимущественно аграрной страной. Чтобы провести в жизнь все вышеизложенные мероприятия было решено создать в деревне чрезвычайные органы классового характера, которые должны были состоять из беднейшего крестьянства. Как раз такими органами и должны были стать комитеты деревенской бедноты.

Список литературы:

1. Васильев М.В. Учёт и реквизиции продовольствия в Псковской губернии 1917–1920 гг. // Вестник Псковского государственного университета. 2012. № 37. С. 124–126.
2. Декрет ВЦИК от 11 июня 1918 г. // Сулова Е.Н. Комитеты деревенской бедноты Северной области. Сборник документов. Л., 1947.
3. Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2001.
4. Кравчук Н.А. Массовое крестьянское движение в России накануне октября. М., 1971.
5. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1988.
6. Соколова Е.А. Комитеты деревенской бедноты. Л., 1940.
7. Филимонов А.В. К вопросу о численности комбедов в Псковской губернии. (1918 г.) // Вестник Псковского государственного университета. 2014. № 4. С. 11.

А.Ю. Федотова*

Не хлебом единым: вещевая помощь населению ТАССР в голодные 1921–1923 гг.

Следствием Первой мировой и Гражданской войн, неурожая и голода в России становится глубокий социально-экономический кризис. В условиях разрушения структур повседневности немаловажную роль играют не только продукты питания, но и предметы быта, одежда, средства личной гигиены и др. Статья посвящена вещевой помощи населению ТАССР в голодные 1921–1923 гг. На основе неопубликованных источников выявлены виды вещевой помощи, пути и способы ее предоставления, а также основные получатели.

The consequence of the First World and Civil wars, crop failure and famine in Russia is a deep social and economic crisis. In the destruction of structures of everyday life, not only food products play an important role, but also household items, clothing, personal hygiene products, etc. The article is devoted to material assistance to the population of the Tatar Soviet Socialist Republic in the famine years of 1921–1923. On the basis of unpublished sources, types of material aid, ways and means of providing it, as well as the main recipients have been identified

---

* **Федотова Анастасия Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета.

Ключевые слова: ТАССР, голод в Поволжье, 1920-е гг., НЭП, вещевая помощь, помощь голодающим.

Key words: TASSR, famine in the Middle Volga Region, 1920, NEP, material assistance, help the starving.

Голод 1921–1923 гг. охватил территорию 35 губерний Советской России, в числе которых оказалась и недавно образовавшаяся Татарская автономная советская социалистическая республика (ТАССР). Так как голод – это социальное бедствие, характеризующееся недостатком или полным отсутствием питания, то в первую очередь голодающим требовалась помощь в виде продовольствия. Однако голод, как правило, сопровождается разрушением структур повседневности, поэтому не последнюю роль играла вещевая помощь одеждой, бельем, обувью, предметами быта, средствами гигиены, а также транспортными средствами и оборудованием. Особенно остро этот вопрос стоял еще и потому, что страна пережила годы Первой мировой и Гражданской войн, которые стали причиной глубокого социально-экономического кризиса.

Каждый голодающий район был привязан к нескольким благополучным губерниям. Среди благополучных регионов, патронирующих Татреспублику, были Сибирь, Владимирская и Петроградская губернии [7, с. 12]. В отличие от остальных регионов Петроград помогал пожертвованиями в виде денег и всякого рода вещей. Ценным подарком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов для работы Комиссии Помощи голодающим (Помгол) при ТатЦИКе являлся грузовой автомобиль. В условиях низкого уровня санитарии и распространения эпидемий тифа и холеры очень кстати были такие посылки из Петрограда, как 900 пудов мыла. Все вещи, получаемые от прикрепленных местностей, распределялись по кантонам либо непосредственно, либо через наркоматы Просвещения, Здравоохранения и Социального обеспечения [1, с. 41].

В Комиссию Помгол ТАССР приходили пожертвования мануфактурой и в частном порядке. Население помогало, кто, чем может. Так, например, с 1 ноября 1921 г. по 1 октября 1922 г. в частном порядке было пожертвовано 3 штуки кальсон, 3 вилки, 1 бокал, 2 пары сапог, 10 рубак, 2 кофты, 23 шапки, 100 штук ложек деревянных и 2 наволочки [5, л. 11].

Вещевую помощь оказывали и иностранные организации, которые работали на территории Советской России. Наиболее крупной международной благотворительной организацией на территории ТАССР была Американская администрация помощи, более известная как АРА (от английского названия American Relief Administration). По условиям Рижского соглашения от 20 августа 1921 г. между Советской Россией и АРА помощь оказывалась в первую очередь детям. Вся территория страны была

разделена на дистрикты, во главе которых стояли американские представители – супервайзеры. ТАССР входила в состав Казанского дистрикта. В каждом дистрикте были организованы столовые, где наиболее нуждающиеся дети получали ежедневно питание. Однако не все дети имели возможность посещать столовые АРА, так как элементарно не имели одежды. В условиях наступления холодов эта проблема приобретает особо острый характер. Вследствие этого с начала деятельности организации в Казанском дистрикте по 1 марта 1922 г. Американская администрация передала детям ТАССР по 3 701 костюмов для мальчиков и девочек, 6 050 пальто, 11 200 пар башмаков, 96 118 пар чулок [3, л. 218, 221]. А с сентября 1922 г. по август 1923 г. распределили 26 312 костюмов для мальчиков, 27 525 костюмов для девочек, 12 000 пальто, 125 000 пар обуви и 137 241 пара чулок [10, л. 125].

19 октября 1921 г. с международной организацией был подписан договор о продуктовых и вещевых посылках. В состав последних входили шерстяная и хлопчатобумажная ткань, все необходимые материалы для пошива одного костюма и белья. Для извещения граждан о существовании программы помощи в виде посылок АРА распространяла в ТАССР через свои офисы и почтовые отделения открытки: «Нуждаетесь ли вы в продовольствии и одежде. Имеются ли у вас друзья или родственники в Америке или за границей. Как получить продовольствие или одежду, не платя ни копейки. Обратитесь в Американскую Администрацию помощи. Проломная, 50» [8, с. 11; 9, л. 10]. Российские граждане вписывали свои имена и адреса в эти открытки; после чего АРА отправляла их в Европу и в Америку. Так обеспечивалась адресная персональная помощь конкретного человека за пределами России конкретному человеку в России [4, с. 265]. Каждый человек, желавший оказать помощь гражданину пораженной голодом страны, покупал в американском банке, либо в офисах АРА в Европе купон за 10 долларов для продуктовой посылке или за 20 – для вещевого. В голодающих губерниях Советской России действовали пункты распределения посылок. Таковой был открыт и в Казани.

В тоже время АРА и сама выбирала получателей своих вещевых посылок среди наиболее нуждающихся социальных групп. Весной 1923 г. среди таких получателей были учителя школ II ступени Казанского дистрикта. Всего им было выдано 672 вещевого посылки [11, л. 30].

Среди других международных организаций, которые оказывали вещевую помощь на территории ТАССР, следует назвать Международную еврейскую организацию Джойнт и Красный Крест. Джойнт подарила детям ТАССР 2 000 пар обуви [12, л. 7]. Германский Красный Крест в процессе своей работы на территории ТАССР раздал детям 60 пар обуви, 40 платьев, 28 рубашек с панталонами, 18 рубах, 12 мужских панталон, 10 пар носков и 11 пальто [6, л. 262]. Бельгийским Красным Крестом летом 1922 г. было

передано в дар профессорам и их ассистентам Казанского университета 600 костюмов [13, л. 29, 30].

Международный рабочий комитет (Межрабпом) тоже оказывал материальную помощь в ТАССР. По договоренности с органами власти Татарской Республики Казанское отделение Межрабпوما взяло в аренду три совхоза «Международная рабочая солидарность» (село Карнаухово, Лаишевский кантон), «Экономическая жизнь» (деревня Сахаровка, Чистопольский кантон), «Коминтерн» (село Измери, Спасский кантон) [2, л. 1–2]. На средства организации совхозы были снабжены тракторами, молотилками, паровыми плугами, жнейками, локомотивом с дизельным мотором, культиваторами, мастерскими по выделке кожи, а также оборудованными кузнечными мастерскими [15, с. 259–260].

Представители шведских объединений помощи голодающим России передали в дар Комиссии по борьбе с последствиями голода (Последгол) ТАССР пожертвованный фирмой «Линдгольмен Мотала» трактор «Лимо» [14, л. 14].

Таким образом, вещевую помощь следует рассматривать в более широком смысле. Она осуществлялась не только в виде одежды и предметов быта, но и в виде транспортных средств, сельскохозяйственной техники, оборудования. Помощь поступала как со стороны Советского государства, так и от международных организаций – АРА, Межрабпом, Джойнт, Германский и Бельгийский Красные Кресты, Шведское объединение помощи голодающим России. Основными получателями помощи в виде одежды и обуви были дети. В тоже время различные международные организации такую помощь оказывали учителям школ II ступени и преподавателям Казанского университета. Транспортные средства, технику и оборудование получали советские государственные организации помощи и совхозы ТАССР.

Частные поступления в виде одежды и предметов быта от населения Советской России были более разнообразными, но менее значительными по количеству. Помощь от граждан Европы и США осуществлялась через посылочные операции АРА и носила стандартизированный характер.

Список литературы:

1. Бич народа. Очерки страшной действительности: литературно-научный иллюстрированный сборник. Казань, 1922. 112 с.

2. Договор // Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 1216. Оп. 1. Д. 107.

3. Копия доклада Полномочному представительству РСФСР при всех зарубежных организациях // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 22.

4. Латыпов Р.А. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб.

научных статей. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 250–279.

5. НА РТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 43.

6. НА РТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6.

7. Неурожай и государственная помощь голодающему району. 1921 г.: отчетные материалы Наркомпрода по вопросам помощи голодающим. М., 1922. 83 с.

8. Носов Н. Версты любви / Н. Носов // Казань. 1994. № 9 – 10. С. 5 – 25.

9. Открытка АРА // НА РТ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 117.

10. Отчет АРА // НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 265.

11. Отчет мистеру Зайднер // НА РТ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 117.

12. Отчет о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ЦИК ТАССР за период существования ЦК Последгола // НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 160.

13. Переписка представителей Бельгийского Красного Креста от 9 июня и 20 июня 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 339.

14. Письмо московского представительства Шведских объединений помощи голодающим России // ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 110.

15. Субаев Н.А. Деятельность Коммунистической партии по установлению, укреплению и развитию интернациональных связей трудящихся Страны Советов с рабочим классом зарубежных стран: дис. д-ра ист. наук. Казань, 1990. 415 л.

Производственно-хозяйственная деятельность жилищно-строительных кооперативов Верхнего Поволжья в условиях НЭПа

Статья посвящена становлению и развитию жилищно-строительной кооперации Верхневолжского региона и ее производственно-хозяйственной деятельности в 20-е гг. XX в. Раскрыт вклад ЖСКа, РЖКа и МЖСКа в жилищное строительство и строительство социальных объектов в регионе. Рассмотрены трудности процесса становления региональных структур и сложности производственно-хозяйственной деятельности. Показаны трудности и противоречия в решении задач по обеспечению строящихся объектов стройматериалами; решения кадровых проблем. Раскрыты усилия правлений кооперативных союзов по подбору и расстановки специалистов по строительным артелям.

The article is devoted to the establishment and development of building and loan association of the Upper Volga Region and its production and administrative activities in 20-s of XX century. The contribution of housing and construction cooperative, housing repair cooperative and youth housing and construction cooperative in residential building and construction of social objects in the region is revealed. Regional structures establishment difficulties as well as production and administrative activities problems are shown. Problems and contradictions are highlighted towards building material supply of the projects under construction and manpower allocation. The administration efforts are shown related to selection of personnel and specialists distribution through the homebuilding artels.

Ключевые слова: жилищно-арендные кооперативы (ЖАКты), жилищно-строительные кооперативы (ЖСКа), жилищно-строительные артели, Жилстройсоюз Верхнего Поволжья.

Keywords: housing-lease cooperatives, cooperative housing societies, homebuilding artels, House-building union of the Upper Volga Region.

В условиях разрухи, социально-экономического и финансового кризиса начать в стране активное жилищное строительство было не просто. С 1921 – по 1923 г. по Российской Федерации союзами и артелями ЖСКа республики было построено и введено в строй 137 жилых строений общей площадью 15 575 м². В то время как государственные стройпредприятия

---

* **Зувев Алексей Николаевич**, курсовой офицер - преподаватель специального факультета, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко.

** **Никонов Иван Иванович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко.

ввели в строй 1 086 домов с общей жилплощадью 131 243 м². Однако основная застройка велась в частном порядке, здесь было застроено 21 686 строений (частных домов), общей площадью 615 292 м² [4, с. 364]. В последующие годы темпы кооперативного строительства начинают нарастать, и этот рост в значительной степени становится в кооперативном строительстве ведущим. Если темпы роста в 1924 году в государственном секторе возросли на 60–65%, а в частном секторе по сравнению с 1923 г. рост произошел всего на 12%, то в кооперативном строительстве – на 300%. В данной сфере в 1924 г. было построено 381 здание с общей жилой площадью 39 143 м² [4, с. 364]. Еще более значительным оказался рост в 1925 г.: в жилищно-строительной кооперации он составил около 400%. Было построено более 1 120 строений с общей жилплощадью 176 857 м² [4, с. 364].

К началу 1925 г. практически сформировалась и структура жилстройкооперации. На 1 января 1925 г. в СССР имелось 13 тыс. 450 жилищных товариществ, которые были объединены в 101 союз: 92 жилищно-строительных товарищества и 9 жилищных союзов. По Российской Федерации сформировалось к 1925 г. 8 720 жилищных товариществ, которые были объединены в 3 союза [6, с. 574].

Кооперативные товарищества, как и большинство государственных строительных организаций и частных строили жилье преимущественно из дерева. Деревянных строений за 1923–1926 гг. было построено 2 396, в то время как каменных – 409, смешанных – 139, построенных засыпным способом – 468. Всего же за 4 года кооперативными товариществами было построено домов всех типов 3 407, общей площадью 533 629 м² [4, с. 364].

Чем же было обусловлено столь значительное внимание жилищно-строительной кооперации в центре и на местах. Наряду с притоком рабочей силы из села в города на новостройки, и естественным в целом ростом городского населения в эти годы снижается государственное финансирование жилищного строительства. Если размеры расходов на строительство (без сельского строительства) 1923 г. взять за 100%, то в 1924 г. оно составило 84,2%, в 1925 г. – 71,3%, а в 1926 – 31,9% [2, с. 9]. Это в первую очередь обуславливалось тем, что основное государственное финансирование шло в промышленное производство. В то же время значительно возросло ведомственное строительство.

Говоря об успехах производственно-хозяйственной деятельности жилищно-строительных кооперативных товариществ (ЖСКТ) по Ивановской промышленной области, следует отметить, что они росли год от года. Так, например, сумма затрат на строительство по линии ЖСКТов в 1926 г. составила 3 млн. 474,4 тыс. руб. и было построено 26,08 тыс. м² жилья; в 1927 г. соответственно – 7 млн. 305,4 тыс. руб. – построено 33,36 тыс. м² жилья; в 1928 г. – соответственно – 6 млн. 916,6 тыс. руб. – построено жилья 46,05 тыс. м² жилья и в 1929 г. было затрачено 8 млн. 412,8 тыс. руб. и

построено 53,09 тыс. м² жилья для членов ЖСКТ. Весь жилой фонд по ИПО, выстроенный по линии РЖСКТ на конец 1929 г. составлял 238,8 тыс. м² жилой площади [2, с. 9].

Кризис жилья, имевший место в пореформенной России в начале XX в. еще более усилился в ходе Первой мировой и гражданской войн. Достаточно отметить тот факт, что на 1 января 1914 г. в подвалах, в рабочих казармах вблизи предприятий проживало более 70% рабочих. На одного человека приходилось в среднем 2,3 кв. м, а в некоторых случаях и менее 2 кв. м. Подобная ситуация была в большинстве городов России [1, с. 11].

Городской жилой фонд в 1913 г. составлял по России 180 млн. м² общей жилой площади, а городское население насчитывало 28,5 млн. чел. Исходя из общепринятых расчетов, получается, что в 1913 г. норма жилой площади на одного человека составляла 4,4 м² [2, с. 9].

Реальная же ситуация была иначе. По данным жилищной переписи 1912 г. 70% населения Москвы жило, в так называемых коечных и каморочных квартирах и подвальных помещениях, бараках и рабочих казармах вблизи предприятий.

Перепись жилищных условий, проведенная в Москве в 1918 г., заложила основу советской жилищной статистики. В 1920 г. была проведена очередная перепись населения, проходившая в сложных условиях гражданской войны, которая в принципе не могла дать объективную картину ни реального состава населения, ни реальных жилищных условий. Прошедшая в 1923 г. очередная перепись населения дала точную картину и результаты «жилищного передела».

По переписи 1923 г. в подвалах и полуподвалах жили около 1,0% населения, в то время как в 1913 году только в Москве в подвалах и полуподвалах ютились более 10%, в других же промышленных городах эта цифра превышала 18–20 %. «Великий жилищный передел», который шел в годы войны, позволил перейти из бараков и казарм до 42% рабочих и работниц в благоустроенные дома [1, с. 18].

Исходя из сложившейся ситуации правительство страны прилагало максимум усилий, как на восстановление разрушенного войной жилого фонда, так и на строительство нового. Тем более в условиях начавшейся индустриализации необходимость в жилье из года в год возрастала.

Эта работа была организована как в центре, так и на местах. Так, например, Иваново-Вознесенске жилищно-кооперативные товарищества в 1925 г. закончили строительство 164 домов на 920 квартир, а в 1926 г. – 123 домов на 850 квартир, кроме того, в этом же 1926 г. вновь было застроено 170 домов на 896 квартир с расчетом их завершения в 1927 г.

Если же перевести это жилищное строительство в непосредственную жилую площадь (примерная жилплощадь каждой квартиры составляла 38–39 м²), то общую построенную жилплощадь кооперативного строительства мы получим в следующих цифрах: в 1925 г. было введено в строй 349 м²; в

1926 году – 3 230 м², кроме того, в 1926 г. застроено с перспективой ввода в строй в 1927 г. 34 048 м². Итого за 2 года население губернии получило только от кооперативного строительства 101 308 м² жилой площади [5, с. 14].

В 1929 г. в ходе административно-территориальных преобразований в состав Ивановской промышленной области вошли: Иваново-Вознесенская, Владимирская, Костромская и Ярославская губернии. На базе ИПО было образовано 8 округов. По данным переписи 1926 г. в 8 окружных городах области имелось 41 092 жилых строения. Общая площадь всех 41 092 строений составляла 2434,3 тыс. м², в том числе по частным домам 1222 тыс. м², что составляло 50,2 м² общего жилого фонда. Эти показатели по ИПО были ниже, чем по РСФСР – 53,1%. Жилая же площадь муниципальных строений, используемых под жилье, в общей жилой площади составляла 26,2% против 50,5% общероссийского. По отдельным городам ИПО процент частной жилой площади колебался в значительных пределах. Наименьший процент частной жилой площади в 1926 г. имел Ярославль (32,7%), за ним шел Рыбинск – 38,1%. В следующих трех городах, входящих в ИПО удельный вес частной жилой площади почти был одинаков: в Костроме – 50,3%, во Владимире – 51,1% и в Кинешме – 52,9%. Наибольший процент частной жилой площади, далеко превосходящую средний общереспубликанский процент (53,1%) имели в 1926 г. Шуя – 68,5% и Иваново-Вознесенск – 69,5%.

В отношении величины муниципального жилого фонда между городами в ИПО в 1926–1929 гг. наблюдалась также большая разница, что препятствовало развитию жилищно-арендной кооперации. Наибольший процент муниципального жилого фонда имел Ярославль – 41,6%, за ним шел Рыбинск – 38,1% и Кострома – 36,5%. Примерно одинаковый процент имели Кинешма – 23,9% и Владимир – 22,7%. В худшем положении по сравнению с другими городами в ИПО, оказались Александров – 18,2%, Иваново-Вознесенск – 16,5% и Шуя 15,9% [3, с. 72].

Средний размер жилого строения по 8 окружным городам области определялся в 59,2 м², против 65,1 м² по РСФСР. К городам с крупными домами в ИПО были отнесены Владимир – 83,3 м² и Ярославль – 80,6 м². Остальные города области имели средний размер жилых строений, ниже республиканского: Рыбинск – 64,1 м², Кострома – 60,2 м², Кинешма – 54,0 м². Более низкие показатели по этим параметрам имели Шуя – 45 м², Иваново-Вознесенск – 41,5 м² и Александров – 41,0 м².

Средний размер квартиры по окружным городам по ИПО на начало 1929 г. составлял 33,2 м². Выше этого размера площади имели квартиры в Ярославле, Владимире и Костроме. В Ярославле имелись квартиры площадью до 40,6 м², Владимире – до 35,7 м², Костроме – 34,5 м². В других городах они были меньше среднего размера по области. В Кинешме – 33,0

м², Рыбинске – 32,6 м², Шуе – 32,3 м², Александрове – 28,5 м²и, наконец, в Иваново-Вознесенске – 26,15 м² [3, с. 73].

В тяжелых жилищных условиях находилось население во вновь образованных городах и рабочих поселках. Здесь как общее явление, средняя жилплощадь, за редким исключением не превышала 4,5 м², а в некоторых городах и того была ниже. Например, в городе Лапино Владимирской губернии не превышала 2,9 м² на человека.

В губерниях Верхнего Поволжья и в частности в Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской в 1923–1926 гг. было построено 12 091 жилых строений с общей площадью 478,9 тыс. м² включая государственное, частное и кооперативное строительство.

По отдельным категориям застройщиков строительство выглядело следующим образом: государственными предприятиями было построено 571 дом с общей жилой площадью 64,5 тыс. м², жилищной кооперацией – 538 домов с общей жилой площадью 73,6 тыс. м² и частными застройщиками – 10 982 дома общей жилой площадью 340,6 тыс. м². Таким образом, частными застройщиками в городах и поселках городского типа было построено 71% всей жилой площади, в то время как по всей стране доля частного застройщика не превышала 66,2% [3, с. 74]. По отдельным губерниям участие частного застройщика в жилищном строительстве определялось в следующих процентах: Владимирской – 66%, Иваново-Вознесенской – 80%, Костромской – 71%, в Ярославской – 65%.

Об интенсивности строительства можно судить по следующим данным: за 4 года (с 1926 по 1929 гг.) на 1000 жителей городского населения построено по Иваново-Вознесенской губернии – 758,1 м², по Владимирской – 411,0 м², Костромской – 342,7 м², Ярославской – 281,4 м², при средней норме по РСФСР – 293,8 м²и по Центральному промышленному району – 349,1 м².

Особенно интенсивно жилищное строительство протекало в 1926 г., когда на 1000 жителей было построено: в Иваново-Вознесенской губернии – 406,7 м², Владимирской – 176,2 м², Костромской – 149,2 м² и Ярославской – 118 м²против 125,4 по РСФСР [3, с. 75].

При некотором затыжном темпе в первые два года, строительство в области за последние годы пошло быстрее, нежели в среднем по СССР.

На эти показатели повлияла доля участия в застройке частного сектора и ЖСКТ в строительстве в различных губерниях, что и отразилось на результатах строительства и среднем его размере. Так, при среднем размере строительства в 39,4 м² Владимирская губерния имела 44,1 м², Ярославская – 42,4 м², Костромская – 38,3 м², Иваново-Вознесенская – 34,6 м² [3, с. 75].

Таким образом, производственно-хозяйственная деятельность союзов жилстройкооперации в годы НЭПа развивалась, несмотря на трудности, по нарастающей. Эта общая тенденция жилищного строительства наблюдалась

как в центре, так и на местах. Наиболее активно это произошло в 1925/26 г. Кооперативное строительство в этом году увеличилось по сравнению с 1924/25 г. в 8 р. В целом по стране оно даже опередило идущих впереди ранее московских строителей.

Список литературы:

1. Бронер Д.П. Современные проблемы жилищного хозяйства. М., 1966. 312 с.
2. Жилищная кооперация ИПО теперь и в пятилетке: Материалы к перевыборной компании 1930 г. Иваново-Вознесенск, Облиздат. 1930. 27с.
3. Ивановская промышленная область: Материалы к областному районированию. Вып. Второй. Иваново-Вознесенск, 1929. 72 с.
4. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М.: Статистика, 1927. 512 с.
5. Местный бюджет Иваново-Вознесенской губернии на 1926–1927 гг. Ч. I. Иваново-Вознесенск, 1927. 57с.
6. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: С приложением по мировому хозяйству: Статистический справочник. М.: Статистика, 1925. 796 с.

И.А. Рунпель*

Пимокатство в повседневной жизни населения Алтая в последней четверти XIX — середине XX веков

В статье анализируется развитие шерстобитно-пимокатного промысла на протяжении последней четверти XIX в. со времени принесения его переселенцами на Алтай и в первой половине XX в. в контексте государственной политики. Автором предпринимается попытка на основе использования методов и источников устной истории, введения новых полевых материалов и анализа историко-статистических источников проследить традиции, трансформации и новации в пимокатстве и определить его место в культуре жизнеобеспечения сельского русского населения в годы Великой Отечественной войны.

The article dwells on the development of handicraft wool carting production during the last quarter of the XIXth century. The author attempts to analyze historical and statistic sources, to consider traditions, transformations and innovations in wool carting production and to determine its place in the life of the Russian rural population during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Алтай, шерстобитно-пимокатный промысел, валяная обувь, русское население, традиции, новации.

Key words: Altai, handicraft wool carting production, felt boots, Russian folk, traditions, innovations, Great Patriotic War.

---

* **Рунпель Иван Александрович**, студент исторического факультета, Алтайский государственный педагогический университет.

Устная история — научная дисциплина, которая в современной исторической науке начинает играть все более значимую роль. В предлагаемой статье устная история, как метод и источник исторических исследований, дополняет этнографические полевые исследования автора в составе историко-этнографической экспедиции АлтГПУ (рук. д.и.н. Т.К. Щеглова) летом 2017 г. на территории Красногорского района, объектами исследования которой являются: информационная среда и социокультурное поле алтайской деревни и города [6]. В ходе экспедиций 2014–2017 гг. в материалах интервью Архива устных исторических источников большое место уделяется жизни и быту тылового населения во время Великой Отечественной войны [12].

1940-е г. стали кризисным периодом для населения всей страны. Недостаток промышленной базы в процессе обеспечения тылового населения Сибири, в т.ч. зимней одеждой и обувью, способствовал возвращению и развитию традиционных кустарно-промысловых практик сибирского крестьянства. Именно в этот период формируется адаптационная система жизнеобеспечения и заместительные технологии, которые позволили деревне выжить [11].

Целью данной работы стало рассмотрение развития домашнего пимокатного производства и значение его в обеспечении сельского русского населения зимней обувью в контексте развития традиций кустарного производства. Как известно, пимокатное производство широко распространилось в сибирской деревне во второй половине XIX в. под влиянием потока переселенцев с «россеи», которые и привезли с собой традиции пимокатного производства. Его закреплению способствовало наличие в Сибири широкой сырьевой базы, связанной с развитием крестьянского скотоводства и овцеводства.

На Алтае наибольшего развития шерстобитно-пимокатный промысел достиг в 1880-е гг. По данным статистического исследования П.А. Голубева: «Во всех селеньях губернии кустарными промыслами было занято в 1887 году 6 697 семей, главная масса из них, едва не 2/3 выпадает на Барнаульский округ (4 048 семей...). Причем большинство кустарей, почти 1/3 приходится на шерстобитно-пимокатный промысел (2 030 семей). Почти все кустари показаны, работающими лишь своими семьями, без наемников и рабочих. Более чем на 6,5 тыс. кустарей во всем округе показано лишь 65, или только 1% таких, которые имеют у себя работников...» [1, с. 88–89].

Самым развитым очагом пимокатного промысла по данным отчета Н.А. Ваганова была Николаевская волость: «Так в селеньях: Серебренникове, Верх-Дятлевой и Вальной, «новожилы» из российских переселенцев занимаются производством валенных сапог из войлока («пимокаты»). Все производство пока ограничивается до 1,000 пар, но промысел этот развивается...» [10, с. 99].

Наряду с домашними промыслами стали развиваться отхожие промыслы, где кустари-пимокаты объединялись в группы по 2–3 человека и отправлялись в соседние районы, где в наличие было сырье, но не была развита пимокатная традиция. Предлагая свои услуги – они работали на заказ, изготавливая изделия из сырья заказчика. Эта практика проявлялась в последующем и в XX в. Респондент Елесин описывает это явление так: «Допустим, в Чесноковку поехали три человека, в какую-то избенку, которая уже негодная для жилья, снимали ее и в ней жили и зиму валенки катали для, допустим, если в Чесноках, то чесноковских людей обували» [9, с. 80].

Однако, не смотря на такой стремительный рост промысла, развитие это шло не интенсивно, а экстенсивно, т.е. промысел этот не замыкался в узком кругу мастеров профессионалов, а делается, чуть ли не обыденным домашним занятием каждого. В силу этого обстоятельства пимокатство в населенных пунктах, удаленных от города и ярмарочных центров, не представлялось для кустарей выгодным занятием в торгово-промышленном смысле. Большинство этих кустарей работали на свои семьи и односельчан.

С приходом Советской власти начинается программа социалистических преобразований. С 1930-х гг. четко устанавливаются основные форм организации пимокатного производства. Самой распространенной формой являлось домашнее кустарное производство. Его движущей силой являлись кустари одиночки, которые выполняли все технологические операции вручную, работая в основном на себя или выполняя мелкие заказы. Производство не являлось основным, и кустари не отрывались от земледелия.

Следующей ступенью развития формы организации пимокатного производства являлась промысловая кооперация или промыслово-артельное производство. В ней объединялись сразу нескольких промысловиков на основе коллективной формы собственности. Производство приобретало товарный характер, но оставалось мелким. Однако, включенные в нее лица отрывались от земледелия.

Самой крупной формой организации являлось государственное механизированное производство. Это производство характеризовалось разделением труда, большими объемами производства и привлечением автоматизации в технологический процесс.

По данным переписи 1925 г. валяной обуви производилось по всему СССР около 6 млн. пар, из которых 4,5 млн. падала на кустарную промышленность, работающую преимущественно ручным способом, а 1,5 млн. – на полумеханизированную государственную промышленность. При чем треть того, что давала кустарная промышленность, принадлежало промысловой кооперации, объединенной во Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз), а две трети давали некооперированные кустари-одиночки и мелкие частные предприятия [5].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что домашний кустарный промысел продолжает играть ведущую роль в сфере шертобитно-пимокатного производства СССР. Кустари-промысловики производили около половины от всего количества годового войлочного товара, т.е. 3 млн. пар валенок. Поэтому государство стремилось наладить систему кооперации для производства товаров широкого потребления, стараясь подмять под себя традиционные промыслы и заставить кустарей вступить на государственном уровне в систему товарооборота и товарообеспечения.

Государством был намечен путь механизации крупной валяльной промышленности и пятилетний план по кооперированию кустарей-валяльщиков. С этой целью в 1932 г. по постановлению СНК СССР, было сформировано Главное управление шерстяной и валяльно-войлочной промышленности [8]. Организация развития местной промышленности по производству товаров широкого потребления было отдано в ведение региональных органов управления. Это было отражено в постановлении СНК СССР «О развитии местной промышленности по производству товаров широкого потребления на 1934 год» [7]. В результате на государственном уровне была сформирована новая отрасль легкой промышленности – валяльно-войлочная. Началось массовое развитие пимокатного производства.

С началом Великой отечественной войны, годы которой стали временем тяжелейших испытаний для всего населения страны, промышленность начинает перестроение на военный лад. Это перестроение затронуло также и экономическую модель Алтая. Пимокатное производство в этот период приобретает стратегическое значение, так как валенки, по сути, являлись стратегическим товаром, и значительная их часть шла на нужды армии. Населения Алтая было вынужденно вернуться к домашней кустарной форме производства.

Автор на основе полевых материалов предпринял попытку проследить технологию и поэтапный процесс изготовления валенок, а также используемые орудия и форму организации труда, соотнеся их с традиционным опытом. И сделать вывод о наличии типичных или нетипичных для процесса черт.

Изготовление начинали с подготовки сырья. Для выделки использовали овечью шерсть как осенней, так и весенней стрижки, но наиболее для технологии валяния подходила осенняя шерсть. Вот как это описывает респондент В.Я. Маховикова: «Начинает ее скатывать, но, если она осенняя, тогда хорошо скатывалась быстро. А если весенняя, люди всякое принесут, то она долго с ней мучалась...» [3]. Это объяснялось тем, что овечья шерсть перед зимовкой приобретала особенные свойства, она становилась – короткой, жесткой, с высокой усадкой.

Перед непосредственным валянием шерсть проходила несколько стадий подготовки – сперва ее очищали от различного сора, затем отделяли

короткую шерсть, после чего мыли и сушили. После сушки начиналась стадия битья. Били шерсть для того, чтобы «распушить» ее, т.е. придать «пухлости». Били шерсть с использованием различных технологических приемов.

Первым наиболее распространенным приемом было использование, так называемого прутка, который делали из тонкой ветви тальника. Мастер выкладывал шерсть на специальную ткань и начинал бить этим прутком шерсть, из-за ударов она распушалась и становилась мягкой и объемной. Вот как это описывает респондент Н.Я. Майоров: «Делали – просто прут берет таловый и сушил, а потом били просто шерсть, так разобьет что она делалась одинаковой» [4].

Другим приемом придания шерсти объема являлся лучок. Лучком назывался загнутый ивовый прут, концы которого были соединены струной. Когда мастер проводил шерстью по струне, то она из-за вибрации распушалась. Вот как это описывает респондент П.С. Меновщиков: «На струне шерсть били. Это как понять – такая как коромысло загнута, проволока какая-то натянута. Он стоит на ней тренькает, наяривает. Шерсть распушал» [2].

Также шерсть могли распушать на шерстобитках – специальное устройство для распушения шерсти. Респондент Н.Я. Майоров описывает шерстобитку так: «Валиков было около 10 все они друг другу против, а барабан, он из дерева, его крутят, и он постепенно, барабан на себя наматывает и скока наматает, ее разрывают руками получается полотно» [4]. Шерстобитка значительно упрощала и ускоряла процесс подготовки сырья, однако стоила она дорого и поэтому чаще всего использовалась только в артелях и кооперациях. Лучок и пруток же, напротив, как технологический прием, являлись самыми простыми и доступными для крестьянского населения. Именно поэтому в годы войны крестьянское население Алтая, не имея возможности использовать шерстобитки, было вынуждено обратиться к старым кустарным практикам и использовать подручные материалы – лучок и пруток.

После подготовки шерсти начинался самый ответственный этап – выкладка полотна (ровницы) для последующего валенка. Полотно выкладывалось в форме валенка с последующим утолщением от голенища до пятки. Отдельно закладывали форму для пятки и запятника (задняя часть голенища). После этого начинался процесс соединения всех частей валенка (сращивание). В процессе сращивания полуфабрикатов для придания определенной формы и для того чтобы не допустить сращивания внутри валенка использовались выкройки, они могли быть как тряпичные, так и клеенчатые. Респондент А.И. Елесин, описывая этот процесс, говорил: «А вот уже, туды впихиваешь тряпочку или газетку, чтоб она не срослась вместе» [1, с. 86]. Полученную заготовку опускали в котел с горячей водой с раствором серной кислоты на пару часов. Респондент Н.Я. Майоров

рассказывал о замачивание валенка: «Он, как получается полуфабрикат, тогда начинают стирать: вода в котел, горячая вода и туда добавляют кислоту» [4].

После замачивания начиналась обкатка – «обваливание». Поначалу обкатывают просто руками, а за тем в голенище валенка вставлялся деревянный круглый брусок, на котором продолжается обвалка. После того как валенок снимали с бруска, для придания окончательной плотности, его начинали обрабатывать рубелем (деревянный ребристый брусок). Н.Я. Майоров описывает это так: «Начинают обрабатывать, там есть деревяшка с зубьями, по нее прогоняли, чтобы было плотнее» [4].

Заключительным этапом изготовления валенка являлась его обработка – валенок сушили, опаливали лишние шерстинки и натирали пемзой. В крестьянских кустарных производствах сушили чаще всего в русской печи. В.Я. Маховикова рассказывает, как сушили валенки: «Топили печку ставили все на пот: сгребали угли, чтобы не чего не было печь прокалилась (сама печь глинобитная, а пот из кирпича) ночь сушились, а потом их опаливали, разводили лучинку, и чтобы волосы не торчала и гладкие были. Да, а пемзой вот для чистки всей лишних волосков, а потом обжигали» [3].

Готовые валенки достигали покупателя. По рассказам респондентов чаще всего за работу мастерам платили не деньгами, а натуральными продуктами, по причине отсутствия денег у тылового населения Алтая.

Исходя из описания технологии производства и орудий труда, можно сделать вывод, что домашнее кустарное производство на Алтае сохранило в себя типичные черты промысла и отличается традиционностью технологии производства.

В заключении можно сказать, что шерстобитно-пимокатный промысел претерпел значительную трансформацию на территории Алтая с конца XIX по середину XX вв. Будучи привезенным на Алтай переселенцами с центральных регионов России в 70–80-е гг. XIX вв. он, благодаря наличию широкой сырьевой базы и потребности надления в продуктах производства данного промысла, начал свое стремительное развитие. И эволюционировал с домашнего кустарного промысла, до стратегической отрасли легкой промышленности государственного значения. Однако, долгое время шерстобитно-пимокатное производство Алтая сохраняло в себе типичные кустарные производственные черты, особенно это ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны, которые стали кризисным периодом для всего населения страны, когда тыловое крестьянское населения, было, вынуждено было прибегать к адаптационным практикам и возвращаться к традициям кустарного промысла для выживания в суровых условиях жизни деревни.

На данный момент шерстобитно-пимокатный промысел сохраняется в среде сельского населения Алтая, в основном стараниями мастеров

промысловиков, которые сохранили традиционные способы домашнего пимокатного производства.

Список литературы:

1. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П. А. Голубева. Томск : Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. 436 с.

2. Архив Центр устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ). Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Красногорский район, с. Ивановка, Меновщиков П.С. 1938 г.р.

3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Красногорский район, с. Красногорское, Маховикова В.Я., 1928 г.р.

4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2017 г.: Красногорский район, с. Усть-Иша, Майоров Н.Я., 1925 г.р.

5. Мартенс Л.К. Техническая энциклопедия. М., 1928. Т. 4.

6. О центре устной истории и этнографии // Алтайский государственный педагогический университет. URL: http://www.altspu.ru/history/nil/lik/lik_ethno/8705-istoriya.html

7. Постановление СНК СССР от 20.03.1934 «О развитии местной промышленности по производству товаров широкого потребления на 1934 год» // Проект «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/39955>

8. Постановление СНК СССР от 22.07.1932 «Об организации управления легкой промышленностью» // Проект «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/57027>

9. Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сборник научных статей и источников / сост. Т.К. Щеглова; отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 280 с.

10. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии: отчет / сост. Н.А. Ваганов, А.П. Ухтомский. [СПб], 1886.

11. Щеглова Т.К. Обеспечение зимней одеждой и обувью русского сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны в контексте государственной политики раскрестьянивания // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 1 (15). С. 70–80.

12. Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. 132 с.

Восстановление промышленного производства Донбасса для удовлетворения потребностей нацистской Германии (1941–1943 гг.)

В работе раскрываются проблемы восстановления объектов промышленности немецкими захватчиками. Указываются цели пребывания фашистов на территории Донецкого бассейна. В статье описано состояние промышленных предприятий на территории Донбасса на момент установления оккупационного режима. Выявлены случаи содействия местных жителей оккупационной власти. Указаны героические примеры борьбы рабочих Донбасса с захватчиками.

The work reveals the problems of the restoration of industrial objects by German invaders. The aims of the fascists' stay on the territory of the Donetsk basin are indicated. The article describes the state of industrial enterprises in the territory of the Donbass at the time of the establishment of the occupation regime. Cases of assistance to local residents of the occupation authorities have been revealed. Heroic examples of the struggle of the workers of the Donbas with the invaders are indicated.

Ключевые слова: оккупация, промышленность Донбасса, немецко-фашистские захватчики, эксплуатация, оккупированный Донбасс.

Keywords: occupation, industry of Donbass, German fascist invaders, exploitation, occupied Donbas.

С установлением нацистской власти у жителей Донецка началась новая жизнь... Уже в первые дни оккупации начался террор. О жестокой политике оккупантов по отношению к гражданскому населению свидетельствует циркулярное письмо начальника штаба верховного главнокомандования вооружённых сил Германии от 16 сентября 1941 г., в котором говорилось, что жизнь человека в оккупированных странах абсолютно ничего не стоит и что «...действенным способом запугивания может быть только смертная казнь» [5, с. 29]. Захватчики планировали в полном объёме беспощадно использовать все виды ресурсов края: человеческие, промышленные, сырьевые, аграрные...

Помогали оккупационной власти устанавливать свой порядок многочисленные виды местной полиции и другие вспомогательные структуры из местных жителей. Захватчики ставили себе следующие цели: во-первых, обеспечить продовольствием, материальными и людскими ресурсами нужды нацистской Германии; во-вторых – путём физического уничтожения, депортации и вывоза на работу в Рейх освободить территорию

---

* **Муравьёва Валерия Олеговна**, студентка 3 курса исторического факультета, Донецкий национальный университет, Научный руководитель: к.и.н., доц. Удалова Т.М.

от местных жителей.

Одной из первоочередных задач фашистской оккупационной власти было восстановление промышленных объектов с применением рабочей силы местного населения. Однако фашистам пришлось столкнуться с определёнными трудностями в оккупированном Донбассе. С первых дней оккупации (октябрь 1941 г.) захватчики издали приказ о регистрации коммунистов и комсомольцев. Фашисты с целью выявления членов ВКП (б), ВЛКСМ и советских активистов использовали так называемую "биржу труда", в которой существовал особый отдел, занимавшийся проверкой анкетных данных. Всех подозрительных лиц подвергали незамедлительному аресту. Особенной жестокостью отличались бургомистр г. Краматорска Шопен, бывший инженер-конструктор завода им. Орджоникидзе, начальник городской полиции – инженер Живенко, начальник районной полиции старого города – кулак Рыбальченко [1, л. 9].

Одной из весомых причин быстрого восстановления и запуска немецкими "хазяевами" промышленных предприятий послужил коллаборационизм на оккупированной территории. Коллаборационизм («сотрудничество») – осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству. Термин чаще применяется в более узком смысле: сотрудничество с оккупантами. Ярким примером этого явления служит событие 26 октября 1941 г., когда группа инженеров, работавших до оккупации на Торецком заводе: Подкуйко, Ткаченко, Заключенов, Крученных представились немецкому командованию и предложили свои услуги по восстановлению и быстрейшему пуску производства, в целях снабжения германской армии. Немецкий комендант охотно принял предложение предателей и создал из них комиссию, которой было поручено организовать аппарат управления заводов и приступить к их восстановлению и пуску. В частично восстановленных цехах Торецкого завода, по заданию немецкого командования, были организованы ремонт автомашин, производства кайл, ломов, печей дл окопов, стрелочных переводов, саней, колунов, молотков и т.д. На болтовом заводе фашистскую администрацию представляли главный инженер Кондратский, его заместитель – Битько, начальник производственного отдела – Пильстрем.

Через 10 дней после оккупации г. Краматорска фашистскими захватчиками, оставшиеся проживать на оккупированной территории инженер-строитель Онищенко проявил инициативу в созыве собрания эвакуировавшихся с заводами инженеров, всего собралось до 380 чел. На это собрание был приглашён немецкий комендант. Онищенко выступил с верноподданнической речью и предложил услуги по восстановлению заводов с тем, чтобы работать для германской армии. Комендант выразил благодарность и на следующий день был издан приказ всем рабочим и инженерно-техническому персоналу возвратиться к месту своей прежней

работы [1, л. 72].

Таким образом, в начале оккупационного периода коллаборационизм стал распространённым явлением, это было связано с неосведомлённостью населения о планах новой власти. Но уже через несколько месяцев истинные цели захватчиков проявились и, теперь на восстановительные и другие виды работ население приходилось принуждать. На предприятиях оккупанты ввели систему наказаний за нарушение рабочего режима. Провинившегося могли прилюдно избить. Рабочего также могли наказать штрафом в размере от 200 до 500 руб., что фактически лишало человека средств на существование. На рабочих местах создавались карцеры, а бараки для шахтёров ограждались колючей проволокой и охранялись вооружённым конвоем [2, с. 210].

Территория Донбасса изначально рассматривалась немецкими захватчиками как важный объект экономической эксплуатации. Для реализации этих планов необходимо было организовать трудовые ресурсы, основу которых составляли жители оккупированной территории. На начальном этапе среди населения проводилась агитационная работа, которая должна была способствовать привлечению населения на работу. Захватчики активно раздавали листовки, показывали тематические фильмы, плакаты...

Пытаясь подчинить себе промышленный потенциал восточных территорий, гитлеровцы и местных жителей рассматривали только как приложение к своей экономической политике. «Наш руководящий принцип, -заявил Гитлер, – должен заключаться в том, что эти народы имеют только одно единственное оправдание для своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении». Со своей стороны Г. Геринг тоже декларировал принудительный характер труда советских людей. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, включая иностранных работников и военнопленных, гауляйтер Ф. Заукель также подчёркивал, что все сырьевые материалы, плодородность оккупированных территорий и их рабочая сила должны быть полностью использованы в интересах Германии и её союзников [3, с. 36].

Из приказов и распоряжений немецкой оккупационной власти выясняется, что в большинстве городов Сталинской области уже в конце 1941 – начале 1942 гг. состоялась перепись населения подростков (14–16 лет). Это было обусловлено необходимостью эффективного использования трудовых ресурсов на пользу Германии [4, с. 35]. С этой же целью оккупанты установили жесткие требования относительно учёта и передвижения населения на захваченной территории. Так, в Лисичанске могли проживать только те, кто работали в городе и их ездвенцы. Все, кто прибывали в Лисичанск, должны были показаться в полиции. А личности, которые предоставляли приюты, или прятали партизан, подвергались расстрелу. Тем же, кто помогал в выявлении партизан и подпольщиков, власть обещала хорошее вознаграждение и проживание в домах, где

прятались партизаны или бандиты [4, с. 36].

Работы выполнялись под надзором солдат и полицейских, часто прибегавших к телесным наказаниям. Из сказанного становится очевидным тот факт, что привлечение населения на работу было повсеместно насильственным. Например, шахтёр Н.Г. Гвоздырьков отверг предложение фашистов «показать пример в работе на великую Германию». За это его расстреляли. На шахте № 3-3-бис группу комсомольцев из 60 чел., не пожелавших работать на врага, фашисты связывали по трое и одного из них убивали. Мёртвый, падая в шахтный ствол, тянул за собой двух живых. В Кадиевском (ныне Стахановском) районе фашисты задумали пустить шахту № 6 рудника «Голубовка». Для монтажа копра вызвали старых кадровых рабочих. По совету коммунистов, поддерживаемые молодёжью, они всячески срывали монтаж. Возле шахтёров, рассказывал мастер котельных работ И.Т. Шуляка, всегда стоял вооружённый немец-конвойный. Однако они нехотя стучали молотками – только для видимости. Фашистам так и не удалось пустить шахту № 6 [5, с. 46]. Такая же неудача постигла гитлеровцев и в Боково-Антрацитовском, Ровеньковском, Краснодонском и других районах Донбасса.

Оккупационные власти потребовали от всех рабочих выхода на свои предприятия. «Те, кто не явятся на работу в течение трёх дней будут расстреляны», – гласил приказ. Но советские патриоты следовали призыву Коммунистической партии к рабочим Донбасса: «Ни одной тонны угля, ни одного килограмма металла врагу». Жестокими репрессиями фашисты пытались сломить волю советских людей к сопротивлению. Одними из первых от рук палачей погибли за невыход на работу рабочий-коммунист А.Е. Заворцев; знатный сталевар страны, депутат Верховного Совета УССР Н.А. Пузырёв; начальник мартеновского цеха № 1 Мариупольского металлургического завода им. Ильича Н.М. Толмачёв с двумя дочерьми. Оккупантам нужен был их опыт и авторитет. Но советские патриоты оказались твёрже каленого железа, которым их пытали, и работать на фашистов категорически отказались.

Фашисты узнали, что в городе находится прославленный сталевар страны М.Н. Мазай. После долгих поисков с помощью шпионов им удалось напасть на его след и арестовать. Гитлеровцы пытались использовать имя знатного сталевара для пуска мариупольских заводов. Они сулили ему богатство, награды, но советский сталевар предпочёл смерть предательству. После длительных пыток он был расстрелян. М.Н. Мазай ушёл из жизни с непоколебимой верой в грядущее, в свой народ и его победу. Повсеместный невыход на работу сорвал план фашистов [5, с. 47].

Принудительный рабский труд применялся, в первую очередь, на тяжёлых работах в горнодобывающей промышленности, на строительстве дорог, на погрузочных работах и в сельском хозяйстве [5, с. 37]. Количество лиц, работающих на оккупированной территории Донеччины, в целом

установить сложно, однако есть некоторые статистические данные по отдельным городам региона. В Сталино в октябре-ноябре 1941 г. центральной биржей труда было направлено на работу около 2 тыс. чел. В начале 1942 г. в Мариуполе на восстановительных и промышленных работах было занято 10 тыс. 730 чел., из них 4,5 тыс. чел. на "Азовстали". В Енакиево, по данным городской управы, в январе 1942 г. работали 4 тыс. 800 чел. На 1 августа 1942 г. в Макеевке были заняты на работах 13 тыс. 186 мужчин и 6 тыс. 383 женщины.

Список литературы:

1. Донбасс в Великой Отечественной войне (1941–1943 гг.): известные и неизвестные факты и события / Под ред. Доброва П.В. Донецк: ООО "Издательско-полиграфическое предприятие "ПРОМІНЬ", 2014. 420 с.
2. Инструкция по учёту ущерба, причинённого немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям и организациям // Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 326. Оп.2. Д. 38. Л. 9–72.
3. История рабочих Донбасса: В 2 т. / Редкол.: Ю. Ю. Кондуфор (гл. ред.) и др.; Акад наук Укр. ССР; Ин-т истории. К.: Наук. думка, 1981. 431 с. :ил.
4. Михненко А.М. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945). Донецьк: Юго-Восток, 2000. 152 с.
5. Тарнавский И.С. Проявление колаборационизма в Донбассе в годы Второй мировой войны // Новые страницы истории Донбасса. Кн. 13/14. 2007. 400 с.

РАБОТА И ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Е.В. Гусарова*

Духовная жизнь Зубцовского уезда Тверской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Зубцовский уезд Тверской губернии расположен на живописных берегах рек Волги и Вазузы. На месте их слияния возвышается небольшой городок Зубцов, уездный центр, с длинной и насыщенной историей. Определенный экономический подъем в этой местности в конце XIX – начале XX в. не привел к сходному процессу в духовной жизни общества. На этом вопросе мы остановимся подробнее.

Zubtsovsky district of the province of Tver is located on the picturesque banks of the rivers Volga and Vazuza. On the site of their confluence rises a small town Zubtsov, the central town of the district. It has a long and rich history. Relatively high rise of the economy of the district in the end of 19-th – beginning of 20-th centuries did not lead to a similar process in the spiritual life of society. We would like to discuss the question in detail.

Ключевые слова: история России, краеведение, Тверская губерния, Зубцов, Тверская епархия.

Key-words: Russian history, Local history, province of Tver, Zubtsov, Tver Diocese.

Зубцовский район был свидетелем междоусобицы русских князей XII–XIII вв., нашествия монголов и освобождения русской земли от татаро-монгольского ига, польско-литовской интервенции. Во время Отечественной войны 1812 г. здесь было создано ополчение численностью более двух тысяч человек. В общем, благодаря своему расположению в центре земли Русской, Зубцовскому району было суждено находиться и в центре всех ее исторических процессов.

Первое упоминание г. Зубцова в русских летописях относится к 1216 г. [2, л. 84]. В середине XV в. эти земли присоединились к Московскому государству. В самом начале XVIII в. указом Петра I эти земли вошли в обширную Ингерманландскую губернию. В 1775 г., при Екатерине II, стали Тверским наместничеством, а в 1796 г., в результате проведения очередных реформ, образовалась Тверская губерния, а Зубцов приобрел статус уездного города.

---

* Гусарова Екатерина Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН, библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Что касается степени изученности края, то значительное количество работ было посвящено древней его истории и, естественно, периоду Великой Отечественной войны (в Зубцовском районе в 1941–1942 гг. шли ожесточенные бои), которой посвящена большая часть экспозиции зубцовского краеведческого музея. (Музей основан в 1988 г. Мы выражаем благодарность сотрудникам музея за содействие в проведении нашего исследования.) П.И. Антропов (краевед, бывший директор Зубцовского библиотечного техникума, почётный гражданин г. Зубцова) посвятил истории родного края монографию «Город Зубцов с древнейших времен до наших дней» [1]. Книга затрагивает большую часть исторических событий, свидетелем которых стал Зубцовский район. К сожалению, автор не снабдил книгу научным ссылочным аппаратом. (Вероятно, не успел этого сделать. Книга готовилась к публикации и издавалась посмертно.) Обращение к архивным материалам пока не дало значимых результатов касательно нашего исследования, отчасти из-за недостаточно активного их поиска в русских архивах, отчасти потому, что во время Великой Отечественной войны архив Зубцовского района, подготовленный к эвакуации в Тверь по Волге, попал под бомбежку и затонул.

Основным занятием жителей уезда было земледелие. В конце XIX в. большой процент от выращиваемой продукции составлял лен, который шел на продажу (говорят, последнюю скирду льна сожгли хулиганы в начале 90-х гг. прошлого века. Лен продолжали выращивать до середины 90-х гг.). В далекие времена уезд славился мастерами кружевных дел. Если в г. Торжке Тверской губернии собирались золотошвеи, которые искусно шили и вышивали, то в Зубцове плели кружева. (Согласно традиции, эти кружева были зубчатые. Отсюда и название города – Зубцов. Еще и сегодня можно найти в бабушкиных сундуках такие кружева, пришитые на наволочки или занавески.) К концу XIX в. все больше мужчин уходило на заработки в большие города, другие подражались на разного рода работы в речное пароходство на Волге. Через город волоком проходили баржи. В самом начале XX в. через Зубцовский уезд прошла новая Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога. О стагнации и запустении не шло и речи, но духовная жизнь населения существовала параллельно, независимо от экономического развития территории уезда.

Зубцовский уезд относится к Тверской епархии. Епархия была основана еще в 1271 г. Согласно данным на 1878 г., в ней было 1 127 церквей (1 кафедральный собор, 13 соборов с приходами в городах, 1 без прихода, 57 церквей при монастырях и 890 приходских, 15 при казенных заведениях, 8 домовых церквей, 4 единоверческие, 98 упраздненных или приписанных, 54 кладбищенские) и 832 часовни [9, с. 14; 4]. В Епархии был 21 монастырь и 2 женские общины. К городским храмам приписывали и прихожан соседних сел и деревень при неимении в них и поблизости церквей, или в случае большого количества прихожан для скромного по

размеру среднестатистического сельского храма. В г. Зубцове было 4 храма: Успенский, состоящий в приходе Успенской соборной церкви (1507 прихожан в городе и из 28 деревень на 7 верст в округе), Троицкий (1325 прихожан в городе и из 32 деревень на 6 верст в округе), Спасореображенский (492 прихожан из города) и Печерский (470 прихожан в городе и из 7 деревень на 7 верст в округе) [4]. В Зубцовском уезде насчитывалось 43 храма. (Для сравнения в Тверском (центральном) уезде было 69 храмов.) В других уездах также было больше культовых сооружений, при том что Зубцовский уезд занимал третье по числу населения место в губернии.

Во всех приходах епархии числилось от 500 до 1000 прихожан из деревень, отдаленных от храма на расстояние до 15 верст [4], что является совсем не малой дистанцией. Это сильно затрудняло ведение правильного образа жизни христианина. Сложно добраться до церкви, постоять службу и поучаствовать в таинствах, когда расстояние до нее более 15 км, а если принять во внимание, что не во всех семьях имелась лошадь и повозка, и прибавить к этому весенне-осеннюю распутицу и бездорожье, то духовная жизнь многих христиан Зубцовского уезда сводилась к нескольким за всю жизнь посещениям церкви (по случаю венчания, крестин и отпевания усопшего). Например, деревня Гармоново в рассматриваемый период времени относилась попеременно к Зубцовской церкви Печерской иконы Божьей матери и к Бубновской Христорождественской церкви. Расстояние до обеих – около 8 км (в общем и целом сравнительно не далеко).

Священников в церкви определяли обычно из местных семей священнослужителей. По данным переписи населения 1897 г. [3] в городах духовенство составляло 3,14% от общего числа населения, в сельской местности 0,79% (при общей численности населения в Зубцове 2 992 и в уезде 103 109 чел.). Часто по смерти отца-священника на его место ставили его сына. Так было лучше и для прихожан, и для самого священнослужителя, получавшего место неподалеку от дома. Мало кто из успешно закончивших духовное училище и получивших сан священника имел желание ехать служить в отдаленные села с нищим приходом. (О выпускниках Духовных семинарий, а тем паче академий, не стоит и говорить!) В такие «не пользующиеся популярностью» места назначали тех, кого по той или иной причине некуда было пристроить. Могли в такие приходы присылать и так называемых «запрещенных священников» [7, с. 19]. Запрещали священников за невыполнение своих обязанностей и нарушение предписаний Церкви, которые, впрочем, в условиях деревенской нищеты и отсутствия контроля, нарушались часто и повсеместно.

Рядовое духовенство не было зажиточным, если не сказать, что оно нищенствовало, особенно в деревенских приходах. Жили семьи священников в основном на средства прихожан, но и те старались экономить на подаяниях на храм и оплате треб. Епархия не баловала

служителей материальными средствами. Да и церкви зачастую строились на средства прихожан, но с разрешения епархии.

Однако, за долгую службу Церкви (более 35 лет) можно было получить пенсию от епархии. Это было одним из преимуществ служения, в надежде на которое многие шли или старались отправить детей учиться. Пенсия назначалась и вдовам священников. У священнослужителей традиционно были многодетные семьи. Сельский священник старался отдать детей в духовное училище, где бы их учили и кормили, а будущее определение в приход могло бы обеспечить им хоть какой-то доход.

Обеспеченные люди могли приносить достаточно ценные дары в храм, но случалось это, по всей видимости, не часто. Такие жертвы отмечались архиепископом не только устно, но и в письменной форме на страницах Тверских епархиальных ведомостей. (Например, в номере за январь 1877 г. мы читаем, что резолюцией Его преосвященства архиепископа Тверского было предписано объявить благодарность «прихожанину церкви села Коледина за пожертвование в свою церковь серебряного позлащенного ковчега, стоящего 277 руб.» [6, с. 14]).

Как правило к городским церквям приписывалось меньше прихожан, чем к сельским. Так, каждый сельский храм обслуживал около тысячи душ прихожан, при том что в городе к церквям приписывалось около пятисот человек.

Грамотность в Зубцовском уезде, как, впрочем, и в других периферийных областях Российской империи, была низкой. В 1888 г. в Зубцове работала городская школа. В некоторых деревнях были сельские или приходские школы, но часто за образование прихожан отвечал (если хотел) местный священник. (За заслуги в этой сфере священника могли наградить медалью от епархии, обычно серебряной [8, с. 25]). Из мужского населения около 40 % посещали школы, из женского около 1 % [5]. В Твери находилась Духовная семинария. Ее заканчивали многие в будущем великие люди, профессора, ученые, церковные деятели. В губернии было несколько духовных училищ. В Зубцовском уезде училищ не было вовсе, зато образованием занималось десять церковно-приходских школ, наравне с тремя десятками школ грамотности и несколькими земскими школами.

Много было и убогих, говоря современным языком, представителей социально незащищенной категории граждан. На 1888 г. при общей численности населения уезда 99 800 чел. они составляли 1 283 чел., а это 1,2% населения [5].

Моральный уровень духовенства Зубцовского уезда не был на высоте. О детях священников ходила молва, как о ворах и хулиганах. Причетников церковью часто обвиняли в «двоеженстве». (По всей видимости, имеется в виду ситуация, когда наравне с законной женой они имели отношения с другими женщинами, что недопустимо не только для служителей культа, но и для рядовых христиан). Священники пьянствовали, требовали с прихожан

слишком высокую плату за исполнение церковных треб. В Государственном архиве Тверской области хранятся жалобы прихожан на противозаконные действия приходских священников, дела по обвинению церковнослужителей во взяточничестве, неисполнении служб, хищении и растрате церковных денег и имущества, оскорблении прихожан и пр. (Ф. 160, д. 85780, 1744–1918 гг.). Много нелестного писали о сельском духовенстве, но не обвиняли, а больше сочувствовали их трудному положению.

Из вышесказанного следует, что духовную жизнь Зубцовского уезда конца XIX – начала XX вв. нельзя назвать процветающей. Население с трудом осваивало грамоту, и тем более далеки были люди от просвещения и осознания духовных ценностей православной веры. Чувствовалась необходимость в церковной реформе и обновлении, в работе с кадрами. И обновление пришло. В 1918 г. была упразднена Тверская духовная семинария, а в 20-е годы были закрыты все монастыри Тверской губернии и большинство церквей, реквизировано все имущество епархии, а школу отделили от Церкви.

Сегодня Зубцов – живописный городишко, через который проходит оживленное шоссе Москва-Рига. Железная дорога, по большому счету, вышла из употребления. В городе имеется один храм (Успения Пресвятой Богородицы – Успенский, о котором говорилось выше) и одна часовня (Николая Чудотворца), построенная в 2006 г. Сохранилось заброшенное каменное здание Печерской церкви. Отчасти в ее здании, а отчасти в пристроенных к ней флигелях в 2015 г. располагался комбинат по разливу лимонада. Внутри в верхней части стен сохранились фрески (мы выражаем благодарность сотрудникам комбината за предоставленную возможность осмотреть церковь внутри). А в 7 км от места слияния двух рек, вниз по течению Волги, располагаются родные места автора настоящего исследования.

Список литературы:

1. Антропов П.И. Город зубцов с древнейших времен до наших дней. Ржев: ОАО «ГОТ» Ржевская типография, 2012. 112 с.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. // Полное собрание русских летописей. Том третий. М.-Л.: «Издательство Академии Наук СССР», 1950.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Издательство центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. Тверская губерния, 1904. XLIII.
4. Расписание городских и сельских приходов, церквей и причтов Тверской епархии и распределение по нему наличных священноцерковнослужителей. [Тверь, 1878]. 94 с. (Страницы не нумерованы).
5. Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Т. 7. Зубцовский уезд. Статистическое отделение Тверской губернии Земской управы. Изд. Тверского губернского земства. М., 1891.
6. Тверские епархиальные ведомости. Январь 1877. № 1.

7. Тверские епархиальные ведомости. Январь 1877. № 2.
8. Тверские епархиальные ведомости. Февраль 1877. № 3
9. Тверские епархиальные ведомости. Январь 1878. № 1.

Е.Ю. Дубровская*

Военная повседневность и досуг красноармейцев и горожан Карелии: 1918–1920 гг.

Статья посвящена стратегиям выживания человека в условиях военного времени 1918–1920 гг. в Российской Карелии. Опубликованные и хранящиеся в архивах документы свидетельствуют о раннесоветской истории гарнизонных городов Олонецкой губернии. Исследование основано на воспоминаниях участников гражданской войны и очевидцев событий. Автор исследует повседневные социальные и культурные практики военных и гражданского городского населения в чрезвычайных обстоятельствах. В частности, внимание уделяется горожанам – «маленьким людям», их поведению, повседневности, досугу, образу жизни.

The paper is devoted to survive strategies of individuals in wartime 1918–1920 in Russian Karelia. Published and archive documents deal with the early soviet history of garrison towns of the Olonets-province. The research of leisure and wartime daily of Red Army men and townspeople is based at notes and memoirs of the eyewitnesses and participants of the events dating back to the period of Civil war and foreign intervention to the soviet Karelia. Author focuses at everyday social and cultural practices either of combatants or civil urban population under extreme circumstances. Particular attention is paid to “little townspeople”, their behaviour, daily, leisure, way of life.

Ключевые слова: Гражданская война, интервенция, Карелия, повседневность, красноармейцы

Keywords: Civil war, intervention, Karelia, daily, Red Army combatants

В центре внимания историков российской революции 1917 г., гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию традиционно оставались государственные институты и основные участники борьбы за власть, крупнейшие политические партии и их главные лидеры [13, с. 3–11]. Между тем исследование влияния «военного фактора» на жизнь городского населения края открывает перспективы для изучения истории повседневной жизни военнослужащих в экстремальных обстоятельствах. При этом необходимо учитывать сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», которое предполагает аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах [15, с. 35].

---

* Дубровская Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН

В переломные для истории Российского государства годы революции и гражданской войны территория современной Республики Карелия была вовлечена в орбиту международной политики. Прежде всего, в сферу интересов Германии и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников России по антигерманской коалиции. С заключением в начале марта 1918 г. Брестского мирного договора с Германией и ее союзниками советская Россия все же не осталась в стороне от продолжавшейся мировой войны. Поменялся ее противник, преследовавший свои интересы на Северо-западе бывшей Российской империи – Великобритания, и вчерашние союзницы – страны Антанты – оказались врагами. Так в эпоху, последовавшую за российской революцией 1917 года, часть Олонецкой губупнии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губ. (Беломорская Карелия и Карельское Поморье) являлись театром военных действий еще продолжавшейся Первой мировой войны. На завершающем этапе войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района стала превращаться в приграничную прифронтовую окраину и в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и гражданской войны.

В последние годы появились публикации воспоминаний, хотя и немногочисленные, записанные специалистами по «устной истории» от потомков тех людей, кто оказались свидетелями общественно-политических перемен в крае в раннесоветский период. Однако в этих источниках, несмотря на очевидную фрагментарность относящихся к исследуемому периоду и воспроизводимых по памяти меморатов, можно обнаружить такие подробности, о которых прежде люди не рассказывали не только «посторонним», но даже самым близким [11, с. 302–319; 17, с. 63–64, 76]. В сочетании с документами из архивных фондов и периодикой революционного и раннесоветского времени («Мурманский путь», «Известия Олонецкого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Воля Севера», «Моряк» и др.) эти материалы свидетельствуют об особенностях психологии горожан в период революционных потрясений. Множество уникальных, обнаруженных в неопубликованных источниках рассказов «о времени и о себе», уже в 1930-е гг. не вписывались в установившуюся схему того, что и как следовало вспоминать о революции и гражданской войне [6, с. 211–236].

Сохранение памяти о событиях, значимых для конкретного человека, делает воспоминания, записанные в 1930-е – 1950-е гг., важным историческим источником не только по истории перипетий гражданской войны на Севере России, но и своего рода «человеческим документом» «молчаливого большинства» населения края – крестьян, которые составляли до 90% – жителей Карелии и многие из которых являлись горожанами лишь в первом поколении.

Военных моряков Онежской озерно-речной флотилии, как и бойцов РККА, служивших в частях на территории Олонецкой и Архангельской губерний, не обошло влияние официальной пропаганды, культивировавшей в целях унификации общественных структур социальную рознь и классовую борьбу, чувство ненависти к богатым (впоследствии оно получит и более конкретную адресность, будет направляться против нэпманов). Образ классового врага – «буржуя», виновника всех бед, сформированный к 1917 г. усилиями и большевиков, и меньшевиков, и эсеров, на уровне массового сознания зачастую оценивался иначе, чем это делала партийная антибуржуазная пропаганда, и вмещал в себя «всяческих господ», одетых «по-городскому» [4, с. 195–197].

Представления о людях, чей образ жизни отличался от образа жизни рабочих и крестьян, нашли отражение в воззвании «К братьям-крестьянам Шуньгской волости» одного из военных моряков, направленного в начале 1920 г. для работы в деревне. «Где же жили буржуа – помещик и капиталист?» – спрашивал автор воззвания и отвечал на свой вопрос так: «Они жили во дворцах и «верхних этажах», куда попадали на подъемной машине. И там идет день и ночь всевозможное гуляние, балы и т.п. У них в квартире кругом зеркала, мягкая мебель, обшитая шёлком и бархатом, у них золото и бриллианты, у них самые хорошие платья, которые меняли каждый день» [12, л. 2]. Как и в период революции, в годы гражданской войны использование понятия «буржуй» способствовало дальнейшему обострению социокультурного конфликта.

В уездных городах Карелии большое значение имела армейская и флотская библиотечная сеть с интересным книжным фондом, а также армейская печать. Так, помимо изданий политотдела 7-й армии «Повенецкая Звезда» и «Повенецкий коммунист», источниками информации для жителей Карелии в годы гражданской войны служили красноармейские газеты «Звезда Пудожа» и «Олонецкая звезда». На их страницах находила отражение и санитарно-просветительная работа РККА, чьи подразделения принимали участие в борьбе с эпидемиями, в жилищном строительстве, благоустройстве городов [2, с. 6]. На призыв военных властей к красноармейцам вести борьбу с эпидемиями на водных путях один из сотрудников «Повенецкой звезды» в апреле 1919 г. откликнулся «Новыми частушками». В доступной для рядовых форме он дал соответствующие разъяснения по этому поводу и выступил с критикой в адрес Повенецкого горсовета, не проявившего должного внимания к проблеме санитарного состояния города и водоема:

«Ты сыграй, моя тальянка,
напою уж я тогда.
Есть здесь речка Повенчанка,
А в ней грязная вода.
... Ты играй, играй, тальянка,

Выводи, как никогда!
Закишит же Повенчанка,
Будет каша, не вода.
Городской совет на это
И не думает взглянуть:
Пусть-де будет хоть на лето
Пожирней чего хлебнуть!» [5].

Продолжительность службы в Красной армии первоначально ограничивалась шестью месяцами, однако позднее, в связи с развернувшимися летом боями на фронтах гражданской войны и отказом от добровольческого принципа комплектования Красной армии, увольнение со службы в указанный срок было отменено. Первоначально такое определение минимального срока службы было направлено и на пресечение попыток записываться в красноармейские части лишь с целью получить оружие и обмундирование.

Каждому солдату определялось жалование 50 руб. и полное государственное довольствие. Эта сумма сопоставима со сведениями о тогдашних ценах и величине зарплаты одной из высокооплачиваемых квалификаций в паровозном депо ст. Кемь. В 1919 г., к примеру, она составляла не более 200 руб. в мес. Фунт мяса на рынке г. Пудож продавался по цене 22–25 руб., фунт муки стоил 1 руб. 19 коп., фунт сахара – 3 руб. 60 коп., фунт сала – от 9 до 12 руб., десяток яиц – 60 руб. [3, с. 191; Звезда Пудож. 1919. 11 июля].

Для Бюро печати при окружном комиссариате по военным делам Петроградского военного округа 14 апреля 1919 г. была подготовлена сводка о военно-политическом состоянии Каргопольского уезда, который входил в то время в состав Олонецкой губ. В ней отмечалось, что «две трети красноармейцев местной караульной роты одеты в казенное обмундирование, состоящее на людях около года и требующее замены, а одна треть людей роты носит собственную одежду за неимением казенного обмундирования, причем недостаточное количество обмундирования и прочих вещей неоднократно уже требовалось от губвоенкома, но до настоящего времени не отпущены» [8, л. 16].

Осенью 1919 г. в Пудожский уезд Олонецкой губ. был направлен 9–й стрелковый полк, образованный из 41–го Урусозерского и 40–го Петрозаводского полков РККА. Здесь в его состав вошел местный отряд в 300 чел. под командованием Ф.С. Колотихина, впоследствии назначенного командиром роты полка, который действовал тогда на повенецком участке пудожского направления [7, л. 49]. Местная караульная рота летом 1919 г. вела затяжные бои с противником и не пустила его в г. Пудож. С тех времен сохранилась белогвардейская частушка, которую сочинили захватившие Водлозерскую волость солдаты под командованием поручика Рудакова:

“Поглядите–ко, ребята,
Красна Армия идет:
Колотихин наступает,
Рыпшеватики ведет!”

На местном диалекте «рыпшеватиками» называли оборванцев или «рибушников», носящих негодную одежду – «рибуши». Действительно, красноармейцы, воевавшие в отряде Колотихина, не имели обмундирования и службу несли в том, в чем пришли в окопы [10, с. 24]. Если в отчете о состоянии находившейся в тылу Вытегорской караульной роты сообщалось, что в ней «обмундирование хорошее», то в большинстве докладов делегатов с передовой, выступавших в феврале 1919 г. на конференции красноармейских частей и агитационно-пропагандистских отделов Олонецкой губ., прозвучали прямо противоположные сообщения. Так, представители от красноармейцев Усунского района, находившихся на позициях более 8 месяцев, заявили что «довольствие удовлетворительно, нет теплого белья, лошади в плохом состоянии, несмотря на ветеринарный уход, желательно получить патроны, пулеметы и гранаты». Красноармейцы 171-го стрелкового полка, размещенного в г. Олонец и в Олонецком уезде, докладывали, что «довольствие совершенно обыкновенное, требуются патроны, револьверы, шашки и обмундирование». Делегат от Каргопольской караульно-конвойной команды рассказал собравшимся о том, что «есть культурно-просветительная комиссия, библиотека, театр, школа грамотности, чтение лекций, но работа еще не налажена. В дальнейшем предполагается открытие красноармейского клуба. Есть оркестр духовой музыки... недостаток кроватей и постельных принадлежностей, вообще внутренняя жизнь красноармейцев обстоит очень плохо» [9, л. 3 об.].

Неудовлетворительное состояние «внутренней жизни», т.е. организации быта бойцов Каргопольской караульной роты, усугублялось продовольственными трудностями. «Снабжение частей продуктами желательно улучшить, – говорится в сводке о военно-политическом положении в уезде, – крупа и подболточная мука не отпускались уже целых полгода, масло на март не отпущено, сухие овощи не отпускаются уже 3–4 месяца, до настоящего времени заменялись картофелем, которого сейчас купить не представляется возможным (нет в продаже), следовательно, пища варится лишь из расчета четверть фунта мяса или рыбы на каждого, что для питания является крайне недостаточным при отпуске одного фунта хлеба» [8, л. 16].

Организованные центральной властью кампании были освящены новым «сакральным» временем. Забота о семьях красноармейцев должна была особо проявляться в рамках «Недели помощи семьям красноармейцев», организованной в начале 1920 г. по аналогии с целенаправленными мероприятиями в рамках тех или других «дней» и «недель». Однако в

повседневности военного времени и в условиях произвола местных властей семьи красноармейцев вовсе не были гарантированы от злоупотреблений за их счет.

Армейская психология, сформировавшаяся у десятков тысяч россиян и наиболее ярко проявившаяся в 1914–1918 гг., накладывала характерный отпечаток на жизнь общества в целом в течение долгих лет после выхода России из мировой войны [1; 14; 16]. Как отмечают исследователи различных аспектов мужской гендерной роли в конкретных социокультурных условиях, выявление специфики поведения мужчины в экстремальных ситуациях, среди которых война и вооруженные конфликты занимают особое место, остается актуальным направлением в изучении феномена «мужского» в культуре.

Список литературы:

1. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.
2. Д-р Кох. Дезинфекция прежде и теперь // Моряк–онежец. Петрозаводск, 1920. №1. С. 6.
3. За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.
4. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: «Глагол», 1994. С. 188–202.
5. Музыкант. Новые частушки // Повенецкая звезда. 1919. 15 апр.
6. Нарский И. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 211–236.
7. Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 124.
8. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 25 / 277.
9. НА РК. Ф. П-4. Д. 55. Л. 3 об.
10. Нилов Е.Г. Враги народа: истинные и мнимые // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990.
11. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001.
12. Российский Государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 125.
13. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
14. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.
15. Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–54.
16. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

О.В. Козлов*

Музыкальная жизнь российской провинции в первые годы советской власти (на материалах Смоленской губернии)

В статье рассмотрены мероприятия советской власти в 1918–1920 гг., направленные на развитие музыкального образования и организацию музыкальных учреждений в провинции (на материалах Смоленской губернии). На базе архивных документов освещены вопросы становления организационных структур, отвечавших за музыкально-просветительскую и пропагандистскую работу; деятельность в Смоленске Народной консерватории и симфонического оркестра, хоровых и музыкальных коллективов в губернии. Музыка призвана была эмоционально настроить слушателей на героический труд во имя построения нового социалистического общества. В то же время, в результате революции широкие массы населения получили доступ к музыкальному образованию, а, следовательно, открыли для себя мир музыкальной культуры.

The article considers the events of the Soviet government in 1918-1920, which were aimed at the development of musical education and the organization of musical institutions in the province (on the materials of the Smolensk region). On the basis of archival documents, the issues of the formation of organizational structures responsible for the music, educational and propaganda work are covered; activity in Smolensk of the People's Conservatory and Symphony Orchestra, choral and musical groups in the province. Music was designed to emotionally set the listeners to heroic work in the name of building a new socialist society. At the same time, as a result of the revolution, the broad masses of the population gained access to music education, and, consequently, discovered the world of musical culture.

Ключевые слова: музыкальная жизнь, российская провинция, первые годы советской власти, Смоленская губерния.

Key words: musical life, Russian province, the first years of Soviet power, Smolensk region.

Музыкальное просвещение играло особую роль в становлении нового социалистического общества в первые годы советской власти, выполняя, в первую очередь, пропагандистскую функцию распространения новой – коммунистической идеологии. На местах властные институты призваны были осуществить и такую трудную задачу как создание советской системы музыкального образования, что подразумевало не только преодоление объявлявшихся устаревшими – дореволюционных традиций, но и поиск

---

* **Козлов Олег Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Смоленского государственного университета

новых методов организации музыкального просвещения и образования различных категорий населения.

Несмотря на значимость, которую Смоленский губернский комитет партии большевиков придавал внешкольному образованию, в рамках которого и должно было развиваться музыкальное просвещение, формирование губернского и уездных внешкольных подотделов и секций в первые годы после революции осуществлялось медленно [3, л. 45; 6, л. 20–21]. В то же время, по инициативе самого населения, организовывались многочисленные музыкальные мероприятия. В качестве примера можно привести первый музыкальный утренник для рабочих, состоявшийся 21 июля 1918 г. в Смоленске в 12 ч. дня в помещении торговой школы. Он был подготовлен энтузиастами с одобрения отдела народного образования Западной области. В выступлении на утреннике принял участие симфонический оркестр союза оркестрантов. На концерт пришли несколько сот человек.

Во многих уездных центрах Смоленской губернии музыкальная общественность, несмотря на трудности, стремилась к самоорганизации. Так, в Рославле в октябре 1918 г. было создано общество искусств, насчитывающее 120 членов. Его членами стали 16 преподавателей, 60 учащихся, 44 рабочих. В структуре общества были следующие секции: «... сольного пения, рояля, теории музыки, хорового пения, оркестра, драмы, скрипки и художественная секция» [2, л. 18]. В 1919 г. активисты смоленского Пролеткульта помогали создавать рабочие клубы, народные театры, музыкальные коллективы.

Местные власти, несмотря на недостаточное финансирование и слабую организацию советских управленческих структур, старались поддержать «стремление масс к искусству». 7 июня 1919 г. при внешкольном подотделе Губоно была образована музыкальная секция [4, л. 4–5], затем, в соответствии с постановлением I Всероссийского съезда по внешкольному образованию, решением коллегии Смоленского губоно от 13 августа 1919 г. был образован подотдел искусств, в ведение которого передавалась музыкальная секция [3, л. 39; 5, л. 38–38 об.].

Свидетельством стремления населения губернии учиться музыке стало более тысячи заявлений о приеме в Народную консерваторию в Смоленске, основанную на базе Смоленского музыкального училища в октябре 1918 г. [10, с. 45]. Инициаторами открытия консерватории выступили Ю.И. Ольховский, Р.О. Кугель, В.Э. Клино, Ю.Н. Сабурова и ряд других известных музыкантов Смоленщины. Официальное открытие нового музыкального учреждения состоялось 17 ноября 1918 г. К этому времени уже была выработана программа и конституция (устав) Консерватории, ее директором стала одна из старейших преподавательниц музыки – пианистка Е.И. Гуревич. Занятия проводились в классах скрипки, рояля, виолончели и духовых инструментов. Занятия в классах вели 24 квалифицированных

преподавателя. Всей внутренней жизнью консерватории управлял Совет, состоявший из равного числа преподавателей и учащихся. Всего в консерваторию было набрано 174 слушателя по названным специальностям. В дальнейшем число учащихся росло: по одним сведениям, 1 сентября 1920 г. в консерватории обучалось 328, а по другим – до 450 чел.

Одной из главных задач консерватории, помимо подготовки музыкантов и преподавателей, стала пропаганда музыкального искусства. При консерватории были созданы хоры – детский (в составе 35 чел.) и смешанный (из 75 чел.), которые часто выступали в рабочих аудиториях [11, с. 71]. В стенах консерватории еженедельно устраивались концерты для учащихся, которым предшествовали выступления преподавателей, сообщавших краткие биографические сведения о композиторах, чьи произведения исполнялись на концертах. С 30 марта 1919 г. эти концерты были перенесены во Дворец труда с целью дать возможность посещать их не только слушателям консерватории, но и населению города. Только с апреля по август 1919 г. таких лекций-конcertов было дано одиннадцать. Кроме того, консерватория провела пять летучих лекций-конcertов в селениях Новый двор, Талашкино, Кошино, Вонлярово и Кардымово. Всего же бесплатных концертов за указанный период времени консерваторией было организовано 23 [9]. Смоленская народная консерватория находилась в ведении музыкальной секции Смоленского губоно и по статусу являлась государственной музыкальной школой второй ступени.

Музыкальная жизнь в Смоленской губернии значительно оживилась с созданием в середине 1919 г. симфонического оркестра, который с 15 марта 1920 г. получил статус государственного. Организаторами его являлись: врач, один из организаторов медицинского факультета Смоленского государственного университета, музыкант-любитель, ставший известным советским композитором П.Н. Триодин (в 1922 г. он станет создателем первой советской оперы «Князь Серебряный» [1]), а также молодой дирижер и композитор А.И. Юрасовский и некоторые другие музыканты. В состав оркестра входили 78 музыкантов. Дирижерами оркестра состояли А.И. Юрасовский и Г.Г. Шейдлер. Для участия в больших концертах отдельные солисты и артисты приглашались даже со стороны. Решением коллегии Губоно от 24 июня 1919 г. было предусмотрено обязательное устройство оркестром бесплатных концертов в Лопатинском саду Смоленска один или два раза в неделю по тематическим программам, включавшим произведения русской и западноевропейской классики. Кроме того, оркестр осуществлял бесплатные концерты для рабочих, красноармейцев и учащихся. За 1920 г. им было дано 55 симфонических концертов, в том числе 24 бесплатных. На всех выступлениях оркестра присутствовало не менее 30 тыс. чел. [10, с. 56, 69].

Для участия в симфонических концертах музыкальной секцией отдела народного образования приглашались артисты из Москвы. Они приняли

участие в 9 концертах, на которых исполнялись произведения Баха, Бетховена, Моцарта, Шуберта, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова и других. Ряд концертов сопровождался лекциями музыковеда-любителя А.Н. Быстрова [10, с. 57].

Музыкальной секцией Губоно был отремонтирован и приспособлен для концертов бывший художественный кинотеатр, ставший первым в Смоленске концертным залом. Сотрудниками секции производился строгий учет всех имеющихся в губернии музыкальных инструментов. Ими же приобретались новые музыкальные инструменты для симфонического оркестра и учебных заведений, была открыта нотная библиотека, в которой ученики консерватории пользовались нотами бесплатно.

Кроме того, губернской музыкальной секцией велась обыденная работа по инструктированию сотрудников уездных музыкальных секций. При ней был организован художественный музыкальный совет, а при нем – комиссия по разработке различных вопросов, касающихся музыкального образования и его развития в губернии. Комиссия производила обследование анкетным путем всех музыкальных школ губернии. Она же организовала шестинедельные курсы общего музыкального образования для педагогов музыкальных школ, выработала программу их показательных концертов с обязательным чтением лекций по истории и теории музыки и музыкального образования для жителей губернии.

Большое значение для музыкального просвещения и духовного развития населения Смоленщины имело создание государственного образцового хора, дирижером которого стал М.И. Лебедев. Только в 1920 г. хор дал 76 концертов, причем только один из них был платный. Кроме того, государственный образцовый хор провел 11 летучих концертов в 6 рабочих коллективах и в 5 совхозах. Руководители хора проводили регулярные концерты для населения г. Смоленска в саду имени «1 Мая», организовывали специальные выступления для детей, отдыхающих в Красном Бору.

По примеру государственных коллективов во многих учреждениях региона возникали самодеятельные хоровые и музыкальные коллективы, которые принимали самое активное участие в музыкальной жизни провинции. Так, хор Смоленского губернского отдела народного образования дал ряд концертов в госпиталях города Смоленска и рабочих клубах [12, с. 122]. Музыкальная секция Губоно устраивала концерты полупрофессионального камерного ансамбля в рабочих районах и совхозах Смоленской губернии. За первую половину 1920 г. таких концертов состоялось 52.

Большинство музыкальных концертов имели политическую направленность. Смоленской губернской музыкальной секцией в 1920 г. было организовано 45 концертов-митингов в помощь Западному фронту. Всего же губернской музыкальной секцией за 1920 г. было организовано

более 230 концертов, которые посетило не менее 150 тыс. чел. [10, с. 70]. Значительную работу по внедрению музыкальной культуры в массы проводили созданные музыкальной секцией губернского отдела народного образования художественный и музыкальный советы и комиссия по разработке различных вопросов музыкального образования. Последней было проведено довольно подробное анкетирование всех музыкальных школ Смоленской губернии и разсланы по уездам «Положение о музыкальных школах», программы классов общего музыкального образования и инструкции по организации народных хоров [10, с. 58].

На местах сотрудники исполкомов, действительно, нуждались в организационной, финансовой и методической помощи со стороны вышестоящих структур. Не случайно местные руководители постоянно говорили о том, что население испытывает большую потребность в учебных заведениях, дающих детям трудящихся музыкальное образование. Совместными усилиями государственных и общественных организаций в 1919–1920 гг. в уездах только Смоленской губернии было открыто 8 музыкальных школ первой ступени. В них занималось на различных отделениях более 1100 чел., по другим данным – 1705 чел. Занятия в музыкальных школах вели более 100 преподавателей [11, с. 71].

Стремление населения к музыкальному образованию особенно наглядно видно на примере Ельнинского уезда, где за короткое время было создано три музыкальных учебных заведения. Первой в 1919 г. открылась народная консерватория в уездном центре, второй – 1 января 1920 г. музыкальная школа в Починке, а третьей – 1 марта 1920 г. начала работать музыкальная школа в селе Гнездилове. В последней в первый год существования обучалось 133 чел. Кроме школ, в ряде уездов открывались другие музыкальные учебные заведения. Так, в Краснинском народном университете работало музыкальное отделение по классу рояля, а в Юхновском уезде была открыта музыкальная студия [6, л. 17]. С 15 апреля 1920 г. музыкальная школа стала работать и в г. Ярцево.

Желающих учиться музыке в населенных пунктах Западного региона РСФСР было много: так, в Мстиславле в музыкальную школу было подано 40 заявлений, в Вязме – 300, в Починке – 70. В большинстве открытых школ имелись классы: фортепиано, сольного и хорового пения, скрипки, гармонии, теории и истории музыки, струнной и духовой оркестровой музыки. По данным на конец 1920 г., в музыкальных учебных заведениях только Смоленской губернии обучалось «... в Починке 112 человек при 3 преподавателях; в Ярцево – 130 человек при 6 преподавателях; в Рославле – 92 человека при 5 преподавателях; в Ельне – 209 при 7 преподавателях; в Гжатске – 85 при 5 преподавателях [10, с. 51, 57]. В целом в уездах Смоленской губернии на начало 1921 г. согласно отчету Губоно «функционируют 8 музыкальных школ I ступени с общим числом учащихся более 1100 человек» [10, с. 65].

Уездные отделы народного образования и их музыкальные секции проводили большую работу по созданию на местах музыкальных творческих коллективов. Например, в Духовщинском уезде Смоленской губернии с 1 октября 1919 г. по 20 марта 1920 г. музыкальной секцией было организовано 32 концерта из местных музыкантов в уездном центре и 6 – в волостях. Четыре выезда по деревням за то же время сделал Духовщинский народный хор.

Практически все выступления музыкальных и хоровых коллективов сопровождалось лекциями или митингами, посвященными различным политическим вопросам. Музыка постоянно звучала при проведении большинства агитационных и пропагандистских мероприятий, становилась неотъемлемой частью повседневной жизни как городского, так и сельского населения Смоленской губернии. Так, необходимым атрибутом официальных праздников стало исполнение «Интернационала», в январе 1918 г. признанного гимном молодого советского государства на Третьем Всероссийском съезде Советов. На улицах Смоленска «Интернационал» был исполнен 7 ноября 1918 г. во время празднования первой годовщины революции. В честь знаменательной даты здания города были декорированы символическими картинами, украшены флагами, состоялось массовое шествие, был арсалют. Восторженно описывая торжества в Смоленске, местный журналист не забыл упомянуть эпизод, предшествовавший городскому митингу: «Трещат и полыхают факелы. Детские и женские голоса трогательно выводят: «Это будет последний и решительный бой...» [8]. В этот же день (7 ноября 1918 г.) в Смоленске было объявлено об открытии Смоленского государственного университета. Ровно через год во время празднования первого года работы вуза университетский хор исполнил «Интернационал» после отчетного доклада и поздравления губернской партийной организации [7, л. 13].

Музыка призвана была эмоционально настроить слушателей на героический труд во имя построения нового социалистического общества, потому ей, как и другим средствам пропаганды, со стороны властей уделялось особое внимание. В то же время, в результате революции широкие массы населения получили доступ к музыкальному образованию, а, следовательно, открыли для себя мир музыкальной культуры.

Список литературы:

1. Глотов В.А., Литвинов А.В. Пётр Николаевич Триодин и «Русские Атлантиды» XX века // Математическая морфология. Электронный математический и медико-биологический журнал. Т. 12. Вып. 2. 2013. URL:<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-38-html/glotov-2/glotov-2.htm> (дата обращения: 03.12.2017).

2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 221.

3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Т. 1. Д. 8.

4. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 1. Д. 194.
5. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 1. Д. 870.
6. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 2. Д. 1035.
7. ГАСО. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 2. 1919 г.
8. Западная Коммуна. 1918. 9 ноября.
9. Западная коммуна. 1919. 21 ноября.
10. Культурное строительство в Смоленской области. Ч. 1. М., 1986.
11. Отчет о деятельности смоленского губернского исполнительного комитета XI съезду Советов. Смоленск, 1920.
12. Отчет о деятельности Смоленского губернского исполнительного комитета XII съезду Советов. Смоленск, 1921.

А.М. Юрьев*

Повседневная жизнь ярославцев на станциях произведений И. Ильфа и Е. Петрова

Картины жизни Ярославля 1920-х гг. – остатки дореволюционного прошлого, колоритные детали быта провинциального города времен Новой экономической политики – нашли отражение в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок». В первых главах романа и записных книжках И. Ильфа описываются места Ярославля и его жители (улицы города, магазины, кооперативная столовая, водитель такси Осип Сагассер и др.), с которыми авторы романа познакомились во время посещения города в 1929 г.

The life picture of Yaroslavl of 1920s – the remnants of the prerevolutionary past, the colorful details of everyday life in a provincial city during the time of the New Economic Policy are reflected in the novel of I. Ilf and E. Petrov «Golden calf». The first chapters of the novel and the notebooks of I. Ilf describe the sights of Yaroslavl and its inhabitants (streets, shops, a co-operative canteen, a taxi driver Osip Sagasser and others), with whom the authors of the novel met while visiting the city in 1929.

Ключевые слова: Илья Ильф и Евгений Петров, «Золотой телёнок», Арбатов, Ярославль, Остап Бендер, Осип Сагассер.

Keywords: Ilya Ilf and Eugene Petrov, «Golden calf», Arbatov, Yaroslavl, Ostap Bender, Osip Sagasser

Обломки патриархальной, дореволюционной жизни Ярославля и жизнь горожан времен НЭПа предстали перед взорами корреспондентов газеты «Гудок» Ильи Ильфа и Евгения Петрова во время их командировки в Ярославль летом 1929 г. Известным сатирикам, как авторам романов (уже изданного «Двенадцать стульев» и задуманного «Золотой телёнок») об

---

*Юрьев Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский филиал ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

авантюрных похождениях Остапа Бендера, были интересны колоритные детали «бытовой жизни» провинциального города конца 20-х гг. XX в.

Несохранившееся начало романа «Золотой телёнок» содержало описание огромной лужи на площади у вокзала города Арбатова (нынешний Московский вокзал г. Ярославля). По воспоминаниям писателя В. Ардова, в первоначальной версии «Золотого теленка» некий житель Арбатова «работал» при этой луже – переносил через эту лужу приезжих. Герой романа Остап Бендер садится к нему на спину, и, миновав лужу, опускается на землю со словами «За неимением передней площадки схожу с задней!» [5, с. 537]. Подтверждение этой версии – в «ярославской» части «Записных книжек» И. Ильфа: «Заработок – переносил людей через грязную улицу – брал 2 коп. За право перехода по доске – 1 коп.» [2, с. 175]. Начало же о пешеходах вошло в роман потому, что Ильф и Петров сочли банальным говорить о привокзальных лужах в провинциальном городе. Естественное углубление на месте лужи 20-х гг. сохранялось до начала 2000-х гг., когда был реконструирован Московский вокзал и привокзальная площадь.

Далее в романе «Золотой телёнок» говорится, что взору Остапа (шедшего с Московского вокзала в центр Ярославля) открылось «десятка полтора голубых, резедовых и бело-розовых звонниц», «золото церковных куполов». Он прошёл мимо «белых башенных ворот провинциального кремля» (Спасо-Преображенского монастыря) и фразой «Церковь Спаса на картошке» прокомментировал кислый запах из церковного подвала, где хранился картофель [3, с. 11]. Остап Бендер прошёл под фанерной аркой со свежим лозунгом «Привет 5-й окружной конференции женщин и девушек» (именно в 1929 г. губернский город Ярославль стал центром Ярославского округа Ивановской промышленной области) и «очутился у начала длинной аллеи, именованной Бульваром Молодых Дарований». Именно в этом месте своего путешествия герой романа сравнивает город Арбатов с городом своей мечты – «это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже». В этой малоприятной характеристике нет ничего удивительного – повсюду в центре Ярославля были видны следы сильных разрушений в результате артобстрелов в июле 1918 г. Добавим, что в тексте романа есть ещё одна интересная «ярославская» деталь: председатель местного исполкома, которому Остап Бендер представился как сын лейтенанта Шмидта, «неожиданно для себя улыбнулся и сказал: «Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать»» [3, с. 15]. Эти слова председателя Арбатовского исполкома также имеют объяснение: несмотря на острую нехватку денег в стране, специалисты Центральных государственных реставрационных мастерских в 1920-е г. реставрировали серьезно пострадавшие в 1918 г. уникальные памятники архитектуры Ярославля.

В романе И. Ильф и Е. Петров колоритно описывают находящиеся недалеко от исполкома магазины, которых много было тогда (и в наши дни)

на современных улицах Первомайская и Комсомольская. Очевидно, на авторов романа торговые заведения Ярославля произвели впечатление (в частности, магазин наглядных пособий; три! рядом расположенных магазина духовых инструментов, мандолин и басовых балалаек; мастерская штемпелей), что нашло отражение и в «ярославской» части «Записных книжек» И. Ильфа: «Беспокойный город. Все что-то хотят купить и нервно входят и выходят из магазинов» [2, с. 174]. В романе также упоминается и перевозка по главной улице города рельса. Очевидно, речь идет о ремонте трамвайных путей на Линии Социализма (ныне – ул. Комсомольская).

После встречи в кабинете председателя исполкома «сыновья лейтенанта Шмидта» Остап Бендер и Шура Балаганов проследовали мимо (описанных выше) магазинов и с талонами на обед подошли к кооперативной столовой «Бывший друг желудка». Отметим, что в центре Ярославля в конце 1920-х гг. располагались 2 кооперативные столовые: одна в бывшей гостинице «Берлин», находившейся как раз рядом с многочисленными магазинами на Линии Социализма, другая – в гостинице (бывш. Кокуева) на Театральной площади. В «ярославском происхождении» этого предприятия общепита сомнений нет – фраза Остапа «По случаю учёта шницелей столовая закрыта навсегда!» [2, с. 177] присутствует в «ярославской» части «Записных книжек». Причём ярославская столовая с её «творческим» заведующим (плакаты на стенах «Вводи в организм горячую пищу и разные закуски», «Фруктовые воды сулят нам углеводы» и т.п.), но несъедобной пищей и прикованными к ножкам столов ножами и вилками, произвела на И. Ильфа и Е. Петрова такое впечатление, что в 1931 г. ими был написан отдельный фельетон «Халатное отношение к желудку» [4, с. 497]. Однако яркое сатирическое описание интерьеров столовой и качества еды в роман не вошло.

За неимением в городе частных заведений общественного питания (конец НЭПа!), Бендер и Балаганов пообедали в летнем кооперативном саду «Искра», в котором сообщалось о местном нововведении в сфере общепита: «Пиво отпускается только членам профсоюза». Пивных, в частности, на Казанском (ныне Первомайском) бульваре и его окрестностях было несколько – их можно также видеть на карикатуре журналиста газеты «Северный рабочий» Франца Вессели. Добавим, что карикатуры Франца Вессели являются отдельным интересным источником изучения быта ярославцев 1920-х гг.

Далее в романе «Золотой телёнок» был описан «зеленый автомобиль, на дверце которого была выведена белая дугообразная надпись: "Эх, прокачу!"». В «Записных книжках» упомянут автомобиль, который «имел имя» и который «часто красили», а также «шофёр Сагассер» [2, с.174]. Именно Иосиф Карлович Сагассер стал прототипом одного из центральных персонажей романа Адама Козлевича. На рекламной открытке 1920-х гг. можно видеть фотографию автомобиля Осипа Сагассера на Театральной

площади (на фоне театра им. Ф.Г. Волкова) и прейскурант на услуги «автопроката Сагассера». «Чуть суд – призывали Сагассера – он возил всех развращённых, других шоферов не было» [2, с. 174] – эта фраза из «Записных книжек» развернута в романе в сюжетную линию о ночных поездках на автомобиле Адама Козлевича «загулявших» граждан и о последовавших затем судебных процессах о растратах в кооперативных и государственных организациях. «Последней его (свидетеля Козлевича – А.Ю.) жертвой пало филиальное отделение областной киноорганизации, снимавшее в Арбатове исторический фильм «Стенька Разин и княжна.» Весь филиал упрятали на шесть лет, а фильм, представлявший узкосудебный интерес, был передан в музей вещественных доказательств, где уже находились охотничьи ботфорты из кооператива «Линец»» [3, с. 40–41]. Здесь И. Ильф и Е. Петров отмечают местное (без всякого сомнения!) событие – имевшую в 1914–1917 годов всероссийскую известность ярославскую кинофабрику Г.И. Либкена, где до 1917 г. было снято около 70 фильмов [1]. «Фабрикой картин для синемаатографа» Григория Либкена действительно был снят фильм «Стенька Разин», но только в 1914 году.

Многие заметки и заготовки из записных книжек И. Ильфа не стали сюжетами романа, но они также отражают увиденное И. Ильфом и Е. Петровым в Ярославле. Так, в «Записных книжках» упоминается фамилия Голенищев-Бутусов [2, с. 179]. К началу 1929 г. в Ярославле на месте сгоревшего в 1918 г. жилого квартала во многом благодаря энтузиазму и усилиям заведующего губернским отделом коммунального хозяйства К.И. Бутусова уже был построен современный «социалистический» рабочий поселок: комплекс современных 4-этажных домов: с центральным отоплением и ванными комнатами, магазином и общественными помещениями. В нём сочетались популярные в начале XX в. идеи «города-сада» и конструктивизма. Согласно генеральному плану 1924 г. застройка нового, социалистического Ярославля должна была производиться подобными «городами-садами» – и Ярославль планировалось сделать образцом для других городов Советской России. С определенной долей юмора сравнивая К.И. Бутусова с командующим русской армией в 1812 году фельдмаршалом М.И. Голенищевым-Кутузовым, Илья Ильф подчеркивал значимость создания современного жилого комплекса и амбициозность новых проектов по жилищному строительству для рабочих в Ярославле.

Очевидно, что картины жизни Ярославля 1920-х гг., колоритные детали быта времен НЭПа произвели на И. Ильфа и Е. Петрова сильное впечатление. Созданный авторами литературный образ города Арбатова почти полностью состоит из ярославских реалий (и одного центрального персонажа!) 1920-х гг. Но известно, что, несмотря на кардинальное изменение ранее задуманной (в 1928 г.) основной сюжетной линии романа (в 1930 г. И. Ильф и Е. Петров переносят место действия из Москвы в Одессу),

авторы почти без изменений оставили в конечном варианте «Золотого телёнка» сделанное ими описание провинциального Ярославля.

В «Записных книжках» И. Ильфа нашли отражение и те наблюдения писателя за жизнью ярославцев, которые не вошли в текст романа «Золотой телёнок». «Узнавание Москвы в различных частях Ярославля – очень приятное чувство» [2, с. 174] – этой фразой открывается «ярославская» часть «Записных книжек». Например: «Фотограф. Фон – колоннада и Аврора. На углу висит матросская форменка для желающих сняться в этом боевом виде», «Магазин дамского трикотажа. Мужчины сюда не ходят, а дамы ведут себя совершенно как обезьяны. Они обступили даму, примеряющую пальто, и жадно её рассматривают», «В городе все были Фаины, Маргариты. Переменили имена – Матрёны, Фёклы» [2, с. 174–175]. Возможно, детали повседневной жизни Ярославля, отмеченные сатириком, нашли отражение в каких-то заметках И.Ильфа в центральной, а также в местной периодической печати, которая изучена в гораздо меньшей степени. И это — предмет дальнейших исследований.

Список литературы

1. Григорьев А.В. 1913–2016: Киносъемки на Ярославской земле. Яркие истории. www.yarmp.yar.ru «Ярославское кино: история одной кинофабрики».
2. Ильф И.А. Записные книжки (1925–1937) // Ильф И. А., Петров Е. П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Худ. лит., 1961.
3. Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой телёнок. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1961.
4. Ильф И.А., Петров Е.П. Халатное отношение к желудку. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1961.
5. Примечания к роману «Золотой телёнок» // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1961.

М.В. Буцких*, Ю.О. Куренкова**

Кино и театр в культурной жизни оренбуржцев в 1920-е годы

В статье делается обзор развития интереса к кино и театру в период становления советской власти (1920-е гг.) в г. Оренбурге. Обозначено значение кино в истории нашей страны. Сравниваются исторический и искусствоведческий взгляды на кинематограф. Освещено влияние государства на формирование вкусов зрителей. Проанализирована местная газета на тему освещения досуга горожан и места кино и театра в нем.

---

* **Буцких Мария Вячеславовна**, студентка 3 курса исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ).

** **Куренкова Юлия Олеговна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ)

The article reviews the development of interest in cinema and theater in the period of the establishment of Soviet power (1920s) in Orenburg. The importance of cinema in the history of our country is indicated. Historical and art history views on cinema are compared. The influence of the state on the formation of tastes of spectators is highlighted. The local newspaper on the topic of lighting the leisure of citizens and the place of cinema and theater in it is analyzed.

Ключевые слова: советское искусство, кино, театр, досуг горожан, повседневность, массовая культура.

Key words: Soviet art, cinema, theater, leisure of citizens, everyday life, mass culture.

Период 1920-х гг. в истории России является одним из главных этапов построения нового общества после революции 1917 г. Это построение коснулось не только устройства экономики, но и сферы досуга. В жизни горожан в это время едва начинает формироваться более-менее регулярный досуг. В это период в Советской России общественная и культурная жизнь были весьма разнообразны, еще было место плюрализму. Однако государство уже следило за вкусами людей, старалось их формировать через культурные учреждения, в том числе через кино и театры, создавая новое сознание.

Советский кинематограф интенсивно развивается в эти годы, он становится массовым и доступным для широкого зрителя. Именно в 1920-х гг. складываются характерные черты отечественного и мирового киноискусства, формируются вкусы зрителей в массовой культуре, актуальные и в современном мире.

Большой вклад в изучение кино внес французский историк, критик кино Жорж Садуль. Им написаны первые труды по всеобщей истории кино. В отечественной историографии видное место в изучении кинематографа занимают С.С. Гинзбург, который уделил внимание развитию кинематографии в дореволюционной России, Р.М. Янгиров, занимавшийся изучением кинематографа русского зарубежья. На современном этапе стоит выделить таких киноведов, как И.В. Беленький, О.А. Ковалов. В основном в литературе рассматривался путь становления самого кино. В исторической науке в советский период кино и театр исследовались преимущественно как части культурной жизни. В большей степени это была искусствоведческая тема. Почти до конца XX в. проблемы кино как части досуга в отечественной историографии широко не освещались, хотя в СССР регулярно фиксировался зрительский интерес, нередко его отражение можно было найти в статистике и в популярном журнале о кино «Советский экран». За последние 30 лет в связи с развитием самого киноискусства и усилением его влияния на массовое сознание, вопрос о роли кино в повседневной

жизни людей становится более актуальным, в том числе с точки зрения истории как науки.

Высказанная В.И. Лениным мысль: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [9, с. 259], привела к широкому продвижению киноиндустрии в стране. Так как к 1920-му г. 68% среди населения составляли неграмотные, возможности прессы, как реального средства воздействия на массы, не являлись всеобъемлющими [4, с. 17]. В таких условиях основным средством воздействия становится кино. Данный процесс кинофикации затронул и Оренбуржье.

По сведениям краеведа Т. Судоргиной кино впервые в Оренбурге появилось 1896 г. Как правило, это были частные электротeatры, число которых было незначительно. К 1920-м гг. количество кинотеатров в губернии постепенно возрастало. Всего в Оренбургско-Тургайской губернии действовало 11 кинематографов. За плату работало 2 кинотеатра, а остальные демонстрировали киноленты бесплатно. Кинотеатры никогда не пустовали, население с большим интересом смотрело как научно-популярные, так и хроникальные советские фильмы [7, с. 201]. Постепенно кинематограф основательно вошел в быт оренбуржцев.

С весны 1925 г. в Оренбурге стала выходить газета «Смычка». В этой шестистраничной губернской ежедневной газете появлялись первая крошечная рубрика «Куда пойти сегодня». В ней указывались названия кинотеатров и фильмов, время сеансов. Появлялась она редко, исчезала порой на месяц-полтора, в то же время наличие этой рубрики в газете свидетельствует о формировании у населения интереса к содержательному и более разнообразному проведению досуга. Появлялись на страницах газеты и рекламные заметки, раскрывающие содержание некоторых фильмов.

Из материалов газеты «Смычка» за 1925–26 гг. известно, что на территории Оренбурга активно действовало несколько кинотеатров: «Аполло», «Палас», «Чары», «АРС». Количество фильмов и их жанры были разнообразны, об этом говорят афиши газеты. Только за август 1926 г. было прорекламировано более 20 фильмов-сериалов, а уже за декабрь более 30 [2, с. 438]. Стоит заметить, что иностранные фильмы составляли большую часть репертуара. Значимую роль играли американские фильмы, как правило, это боевики, например, «Похождение американки», «Атта Бой», встречались драмы – «Пожиратели», «Герой Аляски». Для США 1920-е гг. стали периодом интенсивного развития кинопромышленности началом ее экспансии в другие страны. По мнению А.С. Варганова, в условиях развивающегося советского кинематографа в первые годы новой власти кино оказалось вне пристального внимания руководителей культуры [4, с. 20]. Возможно этим можно объяснить преобладание иностранных, в том числе, американских фильмов в отечественных кинотеатрах даже в провинции.

Кроме американских показывали также германские «В огне», «Нибелунги» и бельгийские фильмы. Сложно не согласиться с мнением, Е.В. Сальниковой, что новые появившиеся жанры в западном кино старались игнорировать историческую сложность глобальных социально-экономических, общественно-политических и прочих процессов. Но готовы были при этом передавать и даже активизировать переживание ужаса, страха, напряженного ожидания, предчувствия катастрофы, волнения, святого возмущения и гнева при виде несправедливости, отчаяния при виде чьей-либо беспомощности и чьей-либо безнаказанности [7, с. 166]. Правда, ужас боевиков, революционные настроения картин вызывали протест некоторых граждан, требовавших запретить кинопоказ, изредка на страницах местной газеты встречаются такие письма [8, с. 200]. Встречались и заметки, сравнивавшие советский и западный кинематограф, и интерес к ним зрителя. Например, одна из заметок «Смычки» за июль 1925 г. анонсирует новый советский фильм «Степан Халтурин», называя его «историко-революционным боевиком». Одновременно фильм сравнивался с американскими трюковыми картинками, где «кроме выколачивания пыли артистами из ребер друг друга, или головокружительных прыжков, сопряженных с риском для жизни артистов, никакой содержательности нет» [10]. В конце делается вывод об успехах и преимуществах советского кино за счет сочетания агитации с содержательностью.

Увлечение американским кино, оказало влияние на историю развития советского кинематографа. Как отмечает, И.В. Беленький: «Русское кино все активнее имитировало европейское. Другими словами, у нас начали появляться жанры, никак не связанные с традициями российского искусства и русской литературы. Так возникли русский экранный детектив, психологическая драма, великосветская мелодрама, а также особый мистико-декадентский жанр, в котором можно различить датские, немецкие и итальянские мотивы. Разумеется, эти фильмы снимались на свой лад, с учетом массового российского зрителя, особенно провинциального» [1, с. 145]. Местная пресса подтверждает вывод о популярности этих жанров среди массового зрителя.

Из «Смычки» видно, что основу новинок в 1920-е гг. составляли советские фильмы, например: «Бухта смерти», «Машинист Ухтомский», «По закону», «Мать» [10; 11]. Здесь стоит отметить, значительный вклад в развитие советского кино первых режиссёров, например, Л. Кулешова, который выдвинул теорию «натурщика» – хорошо тренированного актёра. Одной из его лучших работ считается картина «По закону» (1926 г., по рассказу Дж. Лондона «Неожиданное»). В его мастерской начинал свой путь режиссер В. Пудовкин, который экранизировал роман М. Горького «Мать» (1926 г.). В. Пудовкин впервые в кино «показал революцию через душу человека». Эти фильмы были интересны зрителю, поскольку художественно отражали, в том числе, текущий момент бытия.

Большой резонанс имели фильмы, которые подписывались в афише, как общедоступные, к примеру, «Шагай, Совет!», показывавшие могущество социалистического строительства. В них государство начало выступать в роли главного заказчика. В новых советских фильмах строго отражалось, чему нужно учить новое общество, что для этого нужно делать. Перечисляя свойство толпы, психолог Г. Лебон называет легковёрность, с которой толпа принимает любое утверждение, каким бы оно не было. А если это убеждение подкреплено яркими захватывающими картинками эффект заражения толпы моментален. Некоторые исследователи именно этим эффектом объясняют такой успех кинематографа с начала его зарождения и по сию пору [5, с. 87].

Еще одним организатором культуры социализма стал театр, который впервые появился в Оренбурге осенью в 1856 г. В течение 1920-х гг. театр переживал сложный период восстановления после гражданской войны и формирования нового советского стиля. Театр столкнулся с кинематографом, который стал собирать больше зрителей и имел больше прибыли. В эпоху построения социализма театр обязан был стать передовым борцом в переустройстве быта и создании нового человека [6, с. 250–251]. Основная задача стояла в том, что театр должен был перестать быть развлечением, а становился лишь одним из двигателей культурной революции. Городской совет оказывал финансовую поддержку развитию театра. В то же время формировалось много самодеятельных коллективов, активно шла работа драмкружков в клубах. На страницах той же «Смычки» периодически появлялись заметки об успешности самодеятельных постановок.

Режиссерам отечественных театров настойчиво рекомендовалось «максимальное и продуманное раскрытие пьесы без ненужных вывертов», а «актерское творчество должно быть пропитано реализмом, направлено к раскрытию живых людей, живого человека» [6, с. 100]. Формировалась новая актерская школа, кардинально менялись основополагающие принципы театрального искусства. Требования к театру стали более серьезными.

Городской драматический стал называться первым советским театром в Оренбурге. О его репертуаре можно судить также на основе материалов газеты «Смычка» за 1925–26 гг. В период летних каникул в Оренбурге гастролировали ленинградские артисты с пьесой К. Гамсуна «У жизни в лапах». Декабрьский репертуар театра состоял из 16 спектаклей. Ставились такие известные произведения классиков, как «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Гамлет» У. Шекспира, тем самым, повышался общий культурный уровень горожан. Но в то же время стали ставиться и новые, ещё неизвестные пьесы советской драматургии: «Шторм» В. Билль-Белоцерковского (1925), «Статья 114-я уголовного кодекса» Л.В. Никулина и В.Е. Ардова (1926), «Конец Криворыльска» Б. Ромашова (1927) [10; 11]. Все эти пьесы ориентировались на рабочий класс, отвечали главным установкам советской власти.

Существенным шагом к централизации управления искусством стало постановление по организации при краевых, областных и окружных отделах народного образования советов по вопросам искусства. Это означало, что на местах впервые появлялись органы, призванные в комплексе обеспечивать контроль и руководство всей сферой искусства [4, с. 24]. Основная цель власти, предполагавшая, что кино и театр должны стать доступными для широких масс, оправдывалась в ожиданиях людей, т.к. стоимость билетов на представления составляла от 15 до 40 коп. [10]. Посещение кино и театра могли себе позволить разные слои населения, в т.ч. рабочие.

Таким образом, 1920-е гг. в стране и, в частности, в Оренбурге стали временем перелома, разрушения культурных традиций и установления нового веяния времени. Киноискусство вследствие своей массовости стало тесно и прочно связано с экономическими, политическими и культурными явлениями жизни общества. Постепенно закреплялось важное место кино в досуге советского человека. Отчасти это происходило стихийно, отчасти целенаправленно формировалось государством. На основе обзора развития кино и театрального искусства в Оренбурге в 1920-е гг., мы видим противоречивость данной эпохи: столкновение старого и нового, циничного и искреннего, западного и советского. В результате произошло взаимодействие искусства и повседневной действительности человека. Кино начало формировать мечты об идеальных образах данного времени.

Список литературы:

1. Беленький И.Б. Лекции по всеобщей истории кино. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина (ГИТР), 2008. 416 с.
2. Богдалова А.В. Из истории кинематографа в Оренбурге // Культура, искусство и образование провинциальной России в контексте истории: материалы Российской науч.-практ. конф. Оренбург, 25–27 апреля 2007 года. Оренбург: Изд-во ГОУ ВПО «ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей», ИПК ГОУ ОГУ, 2007. С. 438–442.
3. Брагиров Г.Б. Театральное искусство Оренбуржья в 20-х гг. 20 века // Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт. Материалы и тезисы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 260-летию г. Оренбурга / Отв. ред. Л. И. Футорянский. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2003. С. 250–252.
4. Вартанов А.С. Власть, художник, фильм // Кино в меняющемся мире. Сборник статей. Часть первая. М.: «Издательские решения», 2016. С. 9–31.
5. Колесникова В.А. Провинциальная культура Оренбурга второй половины XIX – начала XX века. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002. 144с.
6. Рябцева М.Н. Оренбургские театральные сезоны. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во им. Г.П. Донковцева, 2015. 488 с.
7. Сальникова Е.В. XX век начинается. Образ «монстра» и «монструозности» в западном кино // Кино в меняющемся мире. Сборник статей. Часть первая. М.: «Издательские решения», 2016. С. 164–208.
8. Сайгин Н.И. Начало культурной революции в Оренбуржье (1918–1920 годы). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. 395 с.

9. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
10. «Смычка». 1925. 1 июля.
11. «Смычка». 1926. Август-декабрь.

Ф. К. Ярмолич*

**Социализация горожан во время досуга
(на материалах Ленинграда 1950 – 1960-х гг.)**

В статье рассматривается социализация ленинградцев в 1950 – 1960-е гг. Анализируется механизм встраивания горожан в социальное пространство через популяризацию культурного наследия, организацию мероприятий, направленных на разъяснения общественных норм поведения и т.д. На основе архивных материалов демонстрируется инвариантность работа культурно-просветительных учреждений с разными категориями ленинградцев при инкорпорации их в городскую среду.

In the article socialization of Leningrad is examined in 1950 – 1960 th. Analysed mechanism of building of townspeople is in social space through popularization of cultural heritage, organization of the events sent to elucidations of public codes of conduct etc. On the basis of the archived materials an invariance is demonstrated work of cultural and educational establishments with the different categories of Leningrad during the incorporation of them in a municipal environment.

Ключевые слова: Социализация, досуг, культурно-просветительные учреждения, горожанин

Keywords: Socialization, leisure, cultural and educational establishments, city dweller

В обществоведческой литературе выделяется две формы социализации– стихийная (ненаправленная) и направленная. По мнению Е.М. Бабосова ненаправленная социализация происходит при повседневных практиках. Направленная же форма социализации является специально разработанной обществом или его определенными институтами системой методов воздействия на развивающуюся личность. Стихийная форма социализации может наряду с положительным воздействием на личность оказать на нее негативное влияние, поэтому без включения механизмов направленной социализации возможны негативные последствия как на процесс формирования личности, так и на общество [1, с. 278 – 279].

---

* **Ярмолич Федор Кузьмич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Важным каналом направленной социализации ленинградцев выступали культурно-просветительные учреждения, которые смогли предложить разнообразные формы и методы интеграции в систему общественных отношений обывателей всех возрастов и сфер деятельности. Необходимо подчеркнуть, что активная роль государственных учреждений в СССР в процессе социализации человека не являлась уникальной, она хорошо вписывалась как в мировой опыт, так и располагала научным обоснованием: «органы управления каждого уровня в пределах своей компетенции объективно (а иногда и осознанно) влияют на отдельные аспекты социализации тех или иных половозрастных, социокультурных, этноконфессиональных и иных слоев населения. ... Наиболее эффективное влияние на человека как объект социализации оказывают те организации и контактные группы, с которыми он взаимодействует на протяжении жизни» [2, с. 8, 10].

Степень интенсивности форм и методов направленной социализации культурно-просветительных учреждений значительно возросла во время досуга горожанина. Это объясняется тем, что в учебное или рабочее время человека невозможно было полностью использовать инструментарий его интеграции в социальное пространство, поскольку ленинградец был занят освоением образовательной программы учебного заведения или выполнением своих профессионально-производственных обязанностей.

Для достижения более эффективного результата при направленной социализации советским учреждениям культуры необходимо было внедрить в стихийную социализацию смыслы и идеи адекватные социально-политическим, научно-экономическим и культурным реалиям 1950 – 1960-х гг. в СССР, в противном случае диссонанс у ленинградцев между «старыми» и «новыми» смыслами был бы очень силен и это влияло бы на качество направленной социализации.

Для этих целей проводились специальные мероприятия, транслирующие новые социальные, культурные, бытовые идеи в микрогруппы, выступающие источником ненаправленной социализации. В частности, в Домах культуры, клубах и других учреждениях культуры проводились лекции на темы: “Материальные и моральные основы советского быта”, “Какими должны быть взаимоотношения между супругами” [3, л. 15, 22]. Вместе с этим проводились беседы и тематические вечера, на которых обсуждалось воспитание патриотизма, трудолюбие и другие вопросы, которые так или иначе затрагивались при воспитании ребенка в семье, при общении человека в кругу своих знакомых и т.д.

В 1960-е гг. вместе с формами работы 1950-х гг. применяются новые – Университеты культуры для родителей, а в клубах проводились специализированные занятия по педагогике для родителей.

Следует отметить, что направленная социализация осуществлялась, учитывая возрастные, образовательные, культурные и иные особенности жителей Ленинграда.

Своя система подходов предлагалась при работе с молодежью. Сложности с этой половозрастной категорией ленинградцев заключались в том, что она должна была пройти все стадии социализации. По мнению А.В. Мудрика их всего три – естественно-культурные, социально-культурные и социально-психологические [2, с. 11–12]. И система культурно-просветительных учреждений предоставляла молодежи возможность пройти практически все стадии социализации.

Юный горожанин включался в процесс направленной социализации с ранних лет. Для этих целей ученики младших классов посещали в школах и Домах культуры секции, кружки и музыкально-литературные лектории [4, Л. 2], на которых им объяснялись основы новых морально-нравственных принципов и эстетического восприятия мира.

Примером может послужить пионерский клуб «Огонек», организованный в ноябре 1961 г. В нем работала секция «Юных поэтов», участвующие в ней школьники изучали поэзию и сами писали стихи.

Рамками «слова» деятельность клуба не ограничивалась. Участники секции занимались в детской художественной самодеятельности Дворца культуры; встречались с поэтами: В.Н. Суловым, В.П. Торопыгиным, Е.Н. Серовой и др.; с ними проводились беседы на такие тем как «Пионеры-герои», «Советские поэты детям», «Ленинградские поэты к 40-летию пионерской организации».

В старших классах процесс приобщения к искусству продолжался. Создавались клубы любителей искусства. Подобные учреждения знакомили своих участников с шедеврами мирового искусства, с произведениями русских и советских прозаиков и поэтов, с работами советских и зарубежных мастеров в области музыки, театра и кино [5, л. 10, 11, 68, 79].

После этой первичной социализации молодежь вступала в стадию своего профессионального определения. Для помощи им в выборе своей будущей специальности работали различные кружки, которые знакомили их с инженерно-конструкторским делом, естественно-научными дисциплинами и других областями человеческой деятельности.

Закончив школу и поняв, благодаря посещению школьных или клубных кружков, какие профессиональные навыки подросток хотел освоить, происходил выбор либо учебного заведения (вуза или среднеспециального учебного заведения), либо же юный ленинградец шел работать на завод.

С точки зрения направленной социализации последнюю категорию можно отнести к «трудновоспитуемым», поскольку, входящие в нее молодые ленинградцы, достаточно рано вышли из системы образования и в силу этого не получили необходимых для оптимального включения в

общественные отношения культурно-образовательных и морально-нравственных основ. Компенсировать образовавшийся дефицит «культурного кода» и продолжить процесс направленной социализации призваны были культурно-просветительные учреждения.

Описанные ниже формы социализации рабочей молодежи проводились и в отношении учащихся высших и среднеспециальных учебных заведений, отличие состояло в способах и методиках передачи информации. Но, несмотря на то, что интеллектуальный уровень содержания информации для последних категорий молодых ленинградцев по понятным причинам оказывался выше, общий смысл культурно-просветительных мероприятий принципиально не отличался.

Для всех категорий молодых ленинградцев проводились лекции, беседы, тематические вечера, вечера встреч трех поколений, экскурсии в музеи и парки, а в 1960-е гг. организовывались специальные молодежные университеты коммунистических знаний. Эта новая форма организации молодежи соединяла пассивные и активные методы работы – лекции, тематические вечера, диспуты, экскурсии, встречи со старыми большевиками, учеными, новаторами производства, ударниками коммунистического труда. Считалось, что все эти мероприятия в комплексе будут способствовать формированию у молодежи коммунистического мировоззрения и повысят ее трудовую активность.

Наряду с ним работали и университеты коммунистического быта, где особое внимание уделялось соблюдению участниками морального кодекса строителей коммунизма.

Приобщение рабочей молодежи и студенчества к высоким образцам искусства происходило через Университеты изобразительного искусства, одним из примеров подобной формы работы выступает трехгодичный Университет зарубежного изобразительного искусства для студентов и рабочей молодежи, работающий с 1958 г. на базе Эрмитажа. В нем в 1961 г. на трех курсах обучалось 1000 слушателей [6, л. 32, 54].

Завершающим элементом большой культурно-просветительной системы становились красные уголки в общежитиях, которые использовали все уже описанные форма работы с молодежью, изменялось только место их проведения.

Взрослое население в силу их загруженности на работе, обремененности домашними заботами и сформированностью взглядов на окружающую их действительность, представляли особый предмет работы для культурно-просветительных организаций.

Уникальность заключалась в том, что они уже были интегрированы в общественные отношения, но в силу того, что власть и общество менялись, изменялись и представления каким должен быть человек в новых исторических условиях, поэтому, несмотря на то, что взрослая часть

населения Ленинграда уже прошли все стадии социализации, их все равно необходимо было вписывать в изменяющееся общество вновь.

Осуществлять это через систему лекций, экскурсий и других форм культурно-массовой работы не всегда оказывалось продуктивным, хотя они проводились регулярно, в советском обществе 1950 – 1960-х гг.

В эти десятилетия советский человек активно изменялся – он становился более образованным, культурным и свободным. В подобных условиях использовать традиционные методы пассивной передачи информации было не всегда правильно. Конечно, ленинградцы ходили на лекционные занятия и тематические вечера, но уровень восприятия транслируемой им информации уже оказывался не так велик. Человек требовал новых методов работы с ним, которые бы учитывали особенности новой советской личности – активное участие в процессе социализации.

В этих условиях одной из самых востребованных форм досуга стала самодеятельность. Если в первой половине 1950-х гг. она оказывалась не очень популярной, то во второй половине 1950-х и на протяжении всех 1960-х гг. она становится наиболее массовым видом отдыха.

В ее рамках человек мог познакомиться с разными видами искусства. Например, в 1957 г. для тружеников ленинградских заводов открыли двери 44 кружка художественной самодеятельности (среди них хоровое, драматическое, хореографическое и другие направления) [7, л. 6].

Самодеятельность становилась не только местом творчества горожан, но и площадкой, на которой проводилась серьезная культурно-воспитательная работа с участниками кружков. Для них читались лекции на общественно-политические темы, по истории русского дореволюционного и советского театра, по русской музыкальной культуре, по истории изобразительного искусства, по актерскому мастерству и техники речи и многим другим темам, организовывались экскурсии в музеи и коллективное посещение театров, творческие встречи с режиссерами, операторами и артистами [8, л. 86].

В рамках художественной самодеятельности, пройдя направленную социализацию, ее участники сами становились ретрансляторами определенных политико-идеологических и культурных идей и тем самым выступали каналом инкорпорации других жителей Ленинграда в социальную среду. Это происходило как через их спектакли и концерты, так и через созданные на базе худсамодеятельности агитбригады, которые пропагандировали среди ленинградцев литературно-музыкальные композиции, критиковали тунеядство и пьянство.

Анализ деятельности культурно-просветительных учреждений продемонстрировал, что эта государственная структура обладает значительным потенциалом социализации человека, раскрытие его творческого потенциала.

Список литературы:

1. Бабосов Е. М. Общая социология. Минск, 2004.
2. Мудрик А.В. Человек в процессе социализации: три ипостаси // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета IV: Педагогика. Психология 2009. Выпуск. 3 (14).
3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф.р-6276. Оп.273. Д.406.
4. ЦГА СПб. Ф.р-6276. Оп.273. Д.1233.
5. ЦГА СПб. Ф.р-6276. Оп.273. Д.1226.
6. Отчет о работе партийного бюро парторганизации государственного Эрмитажа за период с ноября 1960 г. по июнь 1961 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1605. Оп. 9. Д. 16.
7. Отчет о культурно-массовой работе профсоюзных организаций города Ленинграда и Ленинградской области за 1957 г. // ЦГА СПб. Ф.р-6276. Оп.273. Д.230.
8. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф.105. Оп.1. Д.66.

И.Т. Цориева*

«...Город гор и людей ...» (Из истории повседневности столицы Северной Осетии второй половины 1940–1950-х гг.)

В статье рассматриваются вопросы организации городского хозяйства Орджоникидзе во второй половине 1940-х – 1950-х гг. Характеризуется деятельность городских властей и жилищно-коммунальных структур по улучшению повседневной жизни города в послевоенный период. Прослеживается, как благодаря принимаемым мерам постепенно менялся облик города, повышалось качество жизни горожан.

The article deals with the organization of the urban economy of Ordzhonikidze in the second half of the 1940s-1950s. The activity of city authorities and housing and communal structures on improving the daily life of the city in the post-war period is characterized. The author considers the changes in the urban landscape and in the quality of life of citizens under the influence of measures which was taken.

Ключевые слова: Орджоникидзе – Дзауджикау – Владикавказ, советский периферийный город, повседневная жизнь, городское хозяйство, горожане

Keywords: Ordzhonikidze - Dzaudzhikau - Vladikavkaz, the Soviet peripheral city, the every-day life, the city economy, townspeople

В последнее время история повседневности российской провинции вызывает большой исследовательский интерес. Историографическая традиция сформировалась и в кавказоведении. В публикациях

---

* **Цориева Инга Тотразовна**, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН

общетеоретического и конкретно-исторического плана анализируются различные аспекты повседневной жизни, в частности, городов Северного Кавказа [4–6; 10]. Представленная статья посвящена рассмотрению вопроса организации и функционирования городского хозяйства Дзауджикау – Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в послевоенное десятилетие.

Город Владикавказ – столица Республики Северная Осетия-Алания, основанный в качестве крепости более 230 лет назад, расположен у подножия северных склонов Большого Кавказа на берегах реки Терек. В 1940-е – 1950-е гг. облик этого города разительно контрастировал с современным. Тем не менее, он и тогда по праву обладал статусом одного из промышленных и культурных центров Северного Кавказа. В нем были сосредоточены десятки промышленных предприятий, государственно-административных, образовательных, научных, культурных учреждений и пр. В послевоенные годы население города росло быстрыми темпами, как за счет естественного прироста, так и миграции извне. В период между Переписями 1939 и 1959 гг. оно увеличилось со 130 755 до 164 420 чел. (с 32,1 до 36,5% к общей численности населения Северной Осетии) [3, с. 26–27].

Между тем, возможности жилищно-коммунального хозяйства совершенно не отвечали потребностям растущего города. Во многом это обуславливалось отсталостью отрасли, ее недостаточным финансированием и общим аскетизмом советского быта 1920-х – 1930-х гг. Положение усугублялось уроном, который был нанесен в ходе оборонительных боев осенью 1942 г.

В 1943 г., вскоре после изгнания фашистов с оккупированной части территории Северной Осетии, при горкоме ВКП(б) был создан отдел коммунального хозяйства, возглавивший восстановительные работы. Начался период ремонта разрушенного жилищного фонда и производственных площадей, проезжей части улиц, тротуаров и трамвайных путей. Велись работы на линиях водопроводно-канализационной сети. К благоустройству города на регулярных субботниках и воскресниках активно привлекались горожане всех возрастов [1, с. 262].

В 1949 г. советское правительство ассигновало 8 млн. руб. (в ценах соответствующих лет) на целевое развитие городского хозяйства [11, л. 30]. Но выделенные средства не покрывали потребностей. Поэтому основные усилия по-прежнему направлялись на восстановление и благоустройство важнейших объектов городского хозяйства. Особое внимание уделялось обустройству центральных улиц города. В начале 1950-х гг. здесь было реконструировано уличное освещение, проложена канализация, положен асфальт, произведен капитальный ремонт жилищного фонда [12, л. 6].

Город недолго оставался в старых границах. К концу 1950-х гг. новые задачи социально-экономического, культурного развития республики требовали коренного пересмотра принципов формирования

градостроительной политики и функционирования столичного хозяйства. Рост промышленности и, следовательно, расширение производственных площадей предприятий потребовали их вывода из густонаселенных районов центра города. Нуждалась в решении и сложная жилищная проблема, которая особенно обострилась в послевоенные годы. В большинстве своем горожане жили в коммунальных квартирах, ютились в мало приспособленных для жизни бараках, в подвалах и полуподвалах. Существовал большой дефицит в административных, социально-бытовых и культурных объектах.

1 октября 1953 г. Государственный институт проектирования городов после четырехлетней работы представил на заседании исполкома горсовета Генеральный план реконструкции г. Дзауджикау. В основу проекта была положена идея реконструкции и расширения города с учетом сложившейся застройки, природных условий и за счет свободных земель.

Прежде всего, из исторического центра выводились действовавшие предприятия. По Генеральному плану в части строительства новых микрорайонов к концу 1950-х гг. на северной окраине города были построены корпуса Северо-Кавказского горнометаллургического института. Рядом были возведены жилые дома, построены магазины, предприятия бытового обслуживания, центральная клиническая больница, пролеглы широкие асфальтированные улицы. Возводимые объекты впервые оформлялись в виде архитектурных ансамблей, объединенных вокруг обширной площади Революции с 20-метровым гранитным обелиском в честь китайских добровольцев, воевавших за советскую власть в Северной Осетии. В те же годы на западной и северо-западной окраинах началось активное строительство большого поселка – «Затеречные планы». Он возводился методом индивидуальной застройки рабочими промышленных предприятий города [7].

Жилищное строительство велось и на южной окраине города. В частности, в связи с вводом в эксплуатацию в конце 1940-х гг. Орджоникидзевского завода автотракторного электрооборудования (ОЗАТЭ) был построен заводской поселок. Однако в целом южная окраина планировалась как курортная зона и зона отдыха. На склонах горы Лысой после войны был заложен Орджоникидзевский дендрарий. В 1949–1951 гг. методом народной стройки была построена «Водная станция». Этот район стал одним из любимых мест отдыха горожан.

Что касается исторически сложившегося центра города, то после изъятия части промышленных предприятий во второй половине 1940-х – 1950-х гг. в архитектурном и планировочном отношении он изменился незначительно. Центральная часть города рассматривалась как система площадей и магистралей, связывавшая Дом Советов, Парк культуры и отдыха им. К.Л. Хетагурова, Театральную площадь и площадь Свободы.

Последняя с располагавшимся на ней Домом Советов оставалась в качестве главной площади города.

В целом во второй половине 1950-х – 1960-е гг. город застраивался по Генеральному плану, но уже с учетом изменений принципов градостроительной политики. Характерные для 1940-х – начала 1950-х гг. «сталинки» сменились «хрущевками». Индустриальные методы строительства жилья из блоков и панелей отличались необыкновенной простотой, однообразием и скупостью оформления фасадов. Массовое строительство «хрущевок» значительно обезличило новые городские районы, метко названные народом «спальными».

В 1950-е гг. «головной болью» коммунальных служб города было крайне неудовлетворительное состояние улиц, большинство из которых, за исключением центральных, было выложено булыжником. По данным на 1958 г. площадь усовершенствованных покрытий в городе (с учетом заасфальтированных улиц, тротуаров, зеленых насаждений) составляла лишь 18% при средней норме в 50% от общей площади улиц, тротуаров и площадей [13, л. 43]. Неудовлетворительная их эксплуатация значительно осложняла жизнь горожан, которые, то с возмущением, то с юмором делились своими дорожными злоключениями и с читателями республиканских газет. Стихи одной из жительниц опубликовала газета «Социалистическая Осетия»:

Трактора и день, и ночь
Здесь шумели, громко пели:
По широкой улице
Пусть шоссе красуется...
Но как видно пели зря:
Здесь закрыты все пути.
И без лодки, без плота
Не проехать, не пройти [7].

По мере расширения и усложнения городского пространства горожане в повседневной жизни все чаще сталкивались с проблемой водоснабжения. В середине 1950-х гг. среднее потребление воды на человека составляло 40 л, что было в 3 раза меньше суточной нормы. От перебоев с водой особенно страдали жители многоквартирных домов, новостроек. Часто вода по трубам не поднималась выше второго этажа. Ввод в эксплуатацию длиннодолинских источников в 1956 г. увеличил протяженность городской водопроводной сети до 160 км и значительно разрядил остроту нехватки воды. Однако из-за неудовлетворительного состояния труб (малый диаметр и ветхость), потребностей промышленности, на которые уходило до 50% поставок, поступавшей в город питьевой воды все же не хватало [13, л. 41, 42].

Не менее сложной проблемой жилищно-коммунальных структур города являлась неразвитость и несовершенство канализационной сети, а по

мере роста населения задача улучшения санитарного состояния приобретала все более острый характер.

Городская канализационная сеть небольшой протяженности была введена в эксплуатацию еще в 1936 г. В 1945 г. она составляла всего 14,5 км. К 1956 г. протяженность сети без главного коллектора и домовых вводов выросла вдвое (30,4 км) при длине улиц 180 км, обеспечив канализацией лишь 12% из 894 тыс. кв. м жилой площади. С середины 1950-х гг. темпы строительства канализационной системы ускорились, но и в 1960 г. ее протяженность составляла чуть более 60 км [1, с. 467; 14, л. 3].

В перечне основных проблем коммунальщиков города существенное место продолжали занимать санитарно-гигиенические мероприятия. В послевоенные годы на улицах появились специальные поливочные, подметальные и снегоуборочные машины. С 1945 по 1959 г. число их выросло с 1 до 41 единицы, а количество лошадей, восполнявших недостаток машин, снизилось втрое [15, л. 9]. В большинстве районов «частного сектора» был налажен бесконтейнерный вывоз мусора, в районах же «многоэтажек» устанавливались мусорные баки, а позже контейнеры [15, л. 11].

Поддержание чистоты во дворах домов государственного сектора обеспечивали работники треста по очистке города. За чистотой частных дворов под угрозой штрафов следили сами жители. В какой степени подобная мера могла влиять на «сознательность» горожан неизвестно, но частные дворы и прилегающие к ним тротуары содержались в большей чистоте, чем так называемые «ЖЭКТовские дома».

С целью поддержания чистоты в городе во второй половине 1950-х гг. исполком Орджоникидзевского горсовета запретил частным лицам содержание скота, перевозку грузов ручными тачками и подводами на ослax в центральной части города. Были приняты дополнительные меры по переводу улиц на централизованную уборку. Ужесточились правила содержания и эксплуатации гужевого транспорта в черте города. Устанавливались ограничения скорости движения: для легковых машин 40 км/ч, для грузовиков 30 км/ч, в районах школ 5 км/ч. Нарушителям грозил штраф до 100 руб., предупреждение или исправительно-трудовые работы до 30 суток [8]. Впрочем, угрозы смягчались их слабым исполнением.

Желание горисполкома украсить и облагородить городской ландшафт объясняло решение от 12 мая 1958 г. «Об охране голубей и приручении их на площадях, скверах, бульварах и парках города». Оно не улучшило санитарное состояние города и вызывало язвительные комментарии «пострадавших» граждан. Тем не менее, голуби в центре города прижились и на долгие годы стали «визитной карточкой» столицы республики в туристических буклетах.

Большое внимание горожан уделялось озеленению города. Ежегодно весной и осенью на улицах и бульварах во время субботников высаживались

тысячи деревьев, кустарников и цветов. К украшению улиц и дворов привлекались промышленные предприятия, различные учреждения, общественные организации. Только в 1957 г. за счет средств предприятий и организаций было озеленено 47 улиц, а силами горожан – 41 улица [9]. Эффективным помощником коммунальных служб по благоустройству города выступали квартальные и домовые комитеты. Они объединяли добровольцев-энтузиастов, которые сажали декоративные и фруктовые деревья (нередко принесенные из своих садов или купленные на собственные средства) на улицах, во дворах домов, устраивали детские площадки и т.д. [2, с. 812].

Так на протяжении второй половины 1940-х – 1950-х гг. менялся повседневный облик столицы Северной Осетии, раздвигались ее границы, повышалось качество жизни горожан. Город становился чище и удобней для жизни. Градостроительная политика последующих десятилетий усложнила инфраструктуру городского хозяйства и повысила ответственность местных властей и коммунальных служб. Но послевоенная основа в исследуемый период была уже заложена.

Список литературы:

1. Городу Орджоникидзе 200 лет. Орджоникидзе: Ир, 1985. 475 с.
2. История Владикавказа. Сб. док. Владикавказ: Ир., 1991. 976 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
4. Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции (К 65-летию со дня рождения профессора Т.А. Булыгиной). Ставрополь: ООО «Бюро новостей», 2012. 324 с.
5. Новая локальная история: По следам Интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 344 с.
6. Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала: Алеф, 2012. 408 с.
7. Социалистическая Осетия. 1960. 18 марта.
8. Социалистическая Осетия. 1957. 19 ноября.
9. Социалистическая Осетия. 1957. 6 апреля.
10. Туаева Б.А. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН, 2013. 426 с.
11. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 6. Д. 71.
12. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 304.
13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 211. Оп. 2. Д. 96.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 629. Оп. 5. Д. 44.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп. 1. Д. 31.

Роль телевидения в повседневной жизни населения Оренбургской области (1960-1990 гг.)

В статье раскрывается роль телевидения в повседневной жизни населения Оренбургской области. Анализируются передачи Оренбургского регионального телевидения разнопланового характера, их влияние на воспитание советских граждан, особенно молодежи в коммунистическом духе и на подъем культурного уровня взрослых и детей.

The article reveals the role of television in the everyday life of the population of the Orenburg region. The transfers of the Orenburg regional television of a planned character are analyzed, their influence on the education of Soviet citizens, especially the youth in the communist spirit and on the rise of the cultural level of adults and children.

Ключевые слова: телевидение, телепередачи, повседневная жизнь, население, Оренбургская область.

Key words: television, telecasts, everyday life, population, Orenburg region.

В Оренбургской области по решению облисполкома в ноябре 1960 г. был создан Комитет по телевидению и радиовещанию [4]. 27 сентября 1961 г. впервые зажглись голубые экраны, и первый диктор Мария Таран приветствовала оренбуржцев. Это был настоящий праздник.

Поздние осенние вечера Оренбурга в начале 1960-ых гг. выглядели примерно так: пустеющие улицы, редкие, спешащие домой прохожие. Это значит, что наступил «телевизионный вечер», и люди сидят перед голубым экраном во власти некой магической силы. Опрошенные респонденты говорили, что преступлений в эти часы совершалось меньше, а в домах, где традиционно был слабый напор воды, именно в эти вечерние часы можно было принять душ. Телевизоров было ещё немного, и соседи, друзья, просто знакомые собирались «на огонёк» у тех, кто уже заимел этот «волшебный ящик». Получалось вроде домашнего кинотеатра. Смотрели всё подряд. Передачи тогда шли три раза в неделю, но местному эфиру не было конкуренции – из Москвы телепередачи еще не транслировались [3].

---

* **Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет

** **Арсланова Ангелина Ильдаровна**, студентка 1 курса исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет

Телевидение сломало представления об экранном действии как зафиксированном на киноплёнку, происходящем только между героями и к зрителю не обращенном, оно превратило зрителя, из наблюдателя в соучастника живого действия, уподобив общение в телеэфире общению с реальной аудиторией [3].

Оренбургская студия телевидения быстро набирала популярность. В 1965 г. у нее уже имелась четверть миллиона телезрителей в самом Оренбурге и нескольких окрестных районах [2].

Большое значение для роста культуры в жизни каждого советского человека имело то обстоятельство, что жители отдаленных районов области имели возможность встретиться на экране с политическими деятелями, выдающимися артистами, побывать на спектаклях популярных театральных коллективов. Телевидение необычайно расширяло интерес к политическим, художественно-эстетическим знаниям, оно способствовало совершенствованию культуры в целом. В студии местного телевидения регулярно выступали ученые, работники народного образования, культуры и искусства, передовики промышленного и сельскохозяйственного производства. Показывались документальные фильмы [4].

Большую роль телевидение играло в воспитании населения, особенно молодежи в коммунистическом духе. Справка Комитета по радиовещанию и телевидению от марта 1965 г. сообщала: «Вся наша работа сейчас ведется под знаком подготовки к 50-летию Советской власти». В связи с этим широко освещалось социалистическое соревнование тружеников области за достойную встречу юбилея, раз в месяц давались передачи творческого объединения «Прометей», посвященные героям борьбы за Советскую власть в Оренбуржье; велись циклы передач: «Лениниана», «Пятилетка нашего села», «Герои нашего времени», «Рассказы о коммунистах», «Оренбургские вечера», «Этих дней не смолкнет слава», показывающие борьбу тружеников области за успешное выполнение заданий новой пятилетки, за повышение культуры села [4; 10, с. 201]; устраивались передачи непосредственно из музея, с участием старых большевиков; проводились «Ленинские пятницы», в их программе – выступления людей, которые видели и слушали Ленина, сцены из спектаклей об Ильиче, документальные фильмы, песни революции; студия осуществила постановку спектакля «Один день с Лениным»; студия снимала очерки и давала такие передачи как: «О чем рассказывают улицы», «По местам былых сражений» [2; 4, с.131].

Богаче, разнообразнее стала телевизионная информация. Кроме ежедневных выпусков, теперь давались раз в месяц передачи под рубрикой «Летопись юбилейного года» и «Культурная жизнь Оренбуржья», раз в неделю – «Оренбургская неделя». Наличие телевидения, как мощного канала передачи информации, позволяло не только распространять, репродуцировать, но и развивать, углублять, совершенствовать культуру и уровень осведомленности советских граждан в научной сфере.

На оренбургском региональном телевидении шли передачи разного характера: в первые же годы своего существования выпускались сатирические программы – «Сатирический журнал», затем передача «Слово народного контролёра – деда Егора» (автор М. Свиридов). «Дед Егор» просуществовал на телевидении несколько лет, а затем на смену ему пришла сатирическая программа «Парабола» (автор Е. Шамардин, режиссёр Ю. Карасевич), которую вели актёры Оренбургского драматического театра. Кроме показа критических сюжетов, они разыгрывали небольшие миниатюры, сценки из жизни, вскрывая, как тогда говорили, те или иные отдельные недостатки; успешно проходила и музыкальная программа для детей «Городок-мальшюк».

Сильное влияние оказало телевидение на детей и подростков. Бурное развитие телевидения, а вместе с тем приверженность школьников к телеэкрану внесли изменения в их отношения к другим средствам массовой информации. Советские и зарубежные ученые отмечали, что под влиянием телевидения школьники иначе стали проводить свободное время; многие познавательные интересы, потребности в отдыхе, которые раньше они удовлетворяли чтением книг, слушанием радио, играми, теперь ограничивают просмотром телепередач. Ученые, педагоги, работники библиотек единодушно отмечали, что интерес школьников к книге падает в результате увлечения просмотрами кино и телекранизаций. Однако проводимая в те годы экспериментальная работа доказывала, что телевидение и радио могут повысить интерес к книге, помочь выбрать литературное произведение, избежать случайных и слабых книг и тем самым сделать чтение эффективным. В некоторых областных телестудиях сложились интересные формы работы с родителями и учителями по использованию передач как стимула, побуждающего детей к серьезному увлечению книгой. С помощью телеэкрана каждый пионер в любом уголке Советского Союза ощущал свое участие в общественных делах. Показанный опыт обсуждали в отрядах, на передачи откликались письменно. Студия не только отвечала на вопросы пионерского актива, она регулярно участвовала в работе штабов областных, городских, районных советов пионерской организации, активно влиявших на тематический и календарный план передач, на отражение конкретных дел, подсказанных комсомолом и органами народного образования [1].

В 1970 г. Оренбургская телестудия впервые вышла на Интервидение с передачей «Здравствуй, брат Сташек!»; позднее телевидение стало транслировать не только театральные спектакли, но и ставить свои, телевизионные: «Русский характер» А. Толстого, «Самая долгая ночь» Х. Ловинеску [3]. В телевизионных спектаклях были заняты ведущие артисты областного драматического театра: А. Михалёв, В. Антонов, С. Ежков и др. Это был интереснейший «театральный период» в жизни не только Оренбургского телевидения, но и всех региональных студий [2].

Циклы радио- и телепередач, такие как «Мои земляки», «Рабочая биография», «Оренбургский пуховый платок», «А песня русская жива» навсегда остались в памяти жителей Оренбургской области [2].

Целый год шла передача Центрального телевидения «Алло, мы ищем таланты!» – с включением областных телестудий. Десятки, сотни исполнителей со всей страны, из всех её республик и областей принимали участие в этой передаче. Среди победителей оказался и наш земляк – учитель из посёлка Красногвардеец Бузулукского района В. Старших. В заключительной передаче из Останкинской студии он пел в сопровождении оркестра Всесоюзного радио и телевидения под управлением Ю. Силантьева.

Оренбургская студия принимала участие и во Всесоюзном фестивале молодёжных программ. Этот престижный конкурс проводился раз в два года и всегда в разных городах страны: в Кишинёве, Волгограде, Алма-Ате, Горьком и т.д. И везде работы оренбуржцев, автором которых была Г.А. Поликарпова, в то время главный редактор студии, отмечались лауреатскими дипломами или призами: «Мы с оренбургской земли» (программа о строителях газового комплекса в Оренбурге), «Пора спелого колоса» (о молодых хлеборобах Оренбуржья), «Отцовское поле» (о В.М. Чердинцеве), «Диалоги с Верой Логачёвой» (рассказ о молодом депутате Верховного Совета СССР).

В эти годы информационная роль телевидения становится главной, хотя и развлекательных программ было достаточно [3]. Если рассматривать ТВ как синтез технических достижений и средства идеологического воздействия на аудиторию, то период 1970-ых гг. можно определить как опережающее развитие технической мысли в области ТВ [2].

К началу 1970-х гг. телевизионное вещание охватывало территорию, на которой проживало 70 % населения СССР. Приемная сеть насчитывала 35 млн. телевизоров и продолжала расширяться [1]. В эти годы было констатировано снижение общей зрительской активности. Согласно социологическим исследованиям, престиж кинематографа в стране был достаточно высок (кинематограф и телевидение как формы досуга выступали в соотношении 65% и 35% соответственно). Однако пропорция эта неуклонно менялась в пользу телевидения, «большинство телезрителей стали считать художественный кинофильм главным, наиболее значимым для них слагаемым телепрограммы». По числу просмотров фильмов кинопрокат уступал телевизионной форме показа. Как заключает М.И. Жабский, на рубеже 1960–1970-х гг. «традиционный кинематографический процесс испытал мощное влияние перехода искусство кино от мономедийной к бимедийной эпохе бытования. В этот момент фильмы не только показывались, но и создавались для двух экранов. Рядом с кинофильмом встал телефильм, прокатное кино дополнилось телевизионным кинематографом» [11].

Развитие телевидения происходило в тесной связи с общественной жизнью: закономерность, последовательность решаемых в стране социальных, культурных и иных задач во многом определяли тематику, характер, стилистику телевизионных передач в целом. Как и вся идеологическая деятельность в то время работа телевидения подчинялась партийным указаниям и директивам. Перед ним ставились те же задачи, определялись те же функции, что и для всей советской пропаганды. Особенностью развития отечественного телевидения и телевизионной публицистики можно считать их рождение из партийной пропаганды. Поскольку телепублицистика и информация не только восприняли традиции, жанры, формы и методы работы партийной печати, но и опыт, особенности устных форм пропаганды и партийного просвещения. «Спустя годы, – писал В.В. Егоров, – некоторые молодые руководители телекомпаний стали утверждать, что телепублицистика появилась в стране только во времена перестройки, а до этого была лишь пропаганда. Это примитивное заключение базируется на незнании подлинной истории отечественной публицистики. Творческий характер, эстетические принципы, гуманизм, воспитательные и просветительские задачи – все свои лучшие качества телепублицистика черпала и черпает из недр непосредственного общения с аудиторией проповедника, учителя, лектора, из того арсенала, которым была тогда для нас партийная пропаганда» [7, с. 121].

Телевидение оказывало колоссальное влияние на образ жизни и ценностные ориентации человека, способствовало формированию мировоззрения, патриотизма и культурного сознания граждан.

Исходя из потенциальных возможностей различных СМИ, в частности телевидения, можно было бы предположить, что их вклад в общественные преобразования и преобразования в частной жизни советских граждан пропорционален этим возможностям. Однако в период перестройки нередко дело обстоит как раз наоборот. Телевидение, безусловно, внесло свой вклад в перестроечные процессы. Трудно представить общественный и личный прогресс в стране без телетрансляций первого Съезда народных депутатов СССР, сессий Верховного Совета Союза и Верховных Советов союзных республик, Моссовета, Ленсовета и других советов всех уровней, партийных форумов и митингов, без репортажей из «горячих точек», таких публицистических программ, как «7 дней», «Взгляд», «Пятое колесо» и ряда телепередач местных студий. И тем не менее участие ТВ в умах граждан, а в последствии и исторических преобразованиях не уступало работе большинства печатных изданий [1].

Благодаря телевидению советские граждане становились свидетелями событий, происходящих в данный момент за тысячи километров от экрана. Начавшееся от любительской хроники, прошедшее несколько этапов в функционировании телевидение представляет собой канал формирования информационной среды в СССР и занимало одно из ведущих мест среди

представителей местных средств массовой информации и в повседневной жизни граждан.

Список литературы:

1. Данилов А.А. Телевидение регионов Российской Федерации в социально-историческом контексте (по материалам Марийской, Мордовской, Чувашской республик) // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 172–178.

2. История Оренбуржья. Учебное пособие / под ред. Л. И. Футорянского. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. 351 с.

3. История телевидения в Оренбуржье: [<http://orenburg.rfn.ru>]: Сайт государственная телевизионной и радиовещательной компании "Оренбург; - orenburg.rfn.ru/ Статья Юрия Карасевича, Телевидение: жизнь врасплох. Режим доступа: WWW.URL: <http://orenburg.rfn.ru/rnews.html?id=1537->. 28.01.2009.

4. Культурное строительство в Оренбуржье. Документы и материалы, 1942–1987/ Сост.: В.И. Швыдченко, Т.В. Костова, А.Е. Акиншина и др.; Редкол.: Н.И. Сайгин (отв. ред.) и др. Челябинск: Юж. Урал.кн. изд-во, 1989. 192 с.

5. Мясоедов Б.А. Страна читает, слушает, смотрит: Статистический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 79 с.

6. Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья (XVIII–XXI вв.); Мин-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 480 с.

7. Фатыхова М.Х. Редакция пропаганды казанской студии телевидения как элемент советской идеологии // Гуманитарные науки. 2015. №24.

8. Хисамутдинова Р.Р. Пролог демократизации // История Оренбуржья. Учебное пособие / под ред. Л. И. Футорянского. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996.

9. Хисамутдинова Р.Р., Арсланова А.И. История создания и развития телевидения на территории Оренбургской области и его роль в формировании коммунистической идеологии и культуры советских граждан (1961–1990 гг.) // Человек и город в историко-культурном пространстве. Краеведческие чтения, посвященные 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. Оренбург, 1 декабря 2017 г.: Сб. статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. С. 196–205.

10. Хрипковой А.Г., Низовой А.М., Гребенникова И.В. М. Взаимодействие школы, семьи, общественности в коммунистическом воспитании. М.: «Педагогика», 1978. 176 с.

11. Хрюкин Д.А. «Жанр» как ключевая проблема советского кинематографа 1968–1985 гг. государство, кинематографисты, зритель. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. №2. Ч. 1. С. 74–83.

Повседневность Томска в годы перестройки: ограничение жилищного пространства и ориентация на трезвость

В данной статье на основе архивных документов осуществляется реконструкция повседневной жизни г. Томска в период антиалкогольной кампании перестройки. Рассматриваются феномены ограничения жилищного пространства населения и приспособления населения к новой трезвеннической политике государства.

In this article, based on archival documents, an attempt is made to reconstruct the daily life of Tomsk during the period of the anti-alcohol campaign of perestroika. The phenomena of the limitation of the housing space of the population and the adaptation of the population to the new treasury policy of the state are considered.

Ключевые слова: антиалкогольная кампания, томичи, повседневные практики, ограничение жилищного пространства.

Key words: anti-alcohol campaign, Tomichi, everyday practices, restriction of housing space.

Последние годы существования СССР стали временем окончания скоростной стандартизации жилищного ландшафта, связанного с преобладанием в жилищной политике государства возведения хрущёвских пятиэтажек и панельных домов. Сомнения в эстетических достоинствах архитектурного ландшафта городов являлись в 1970–1980-х гг. последствием постепенного решения проблемы жилищного дефицита.

Но вместе с этим происходил процесс сокращения оптимального размера жизненного пространства, столь важной структуры формирования габитуса советского человека.

Помимо этого, в годы позднего социализма возникла переориентация быта от общественной модели совместного проживания в «коммуналках» к индивидуальному отчуждению. Отход от коллективного характера жилища выразилось, например, в стремлении к обретению частного пространства в загородных жилищах [3, с. 163] (яркое проявление потребительского идеала позднего социализма – «квартира-дача-машина»).

Вопрос о жилищном дефиците приобрёл весомую значимость в обывательском дискурсе времён позднего социализма и логично нашёл своё отражение во многих фольклорных составляющих этого самого дискурса. Так, например, в одном из популярных анекдотов эпохи «застоя»

---

* Герасимов Максим Вячеславович, студент 3 курса Исторического факультета Томского государственного университета. Науч.рук. - Шевелёв Д.Н., д-р ист.наук., доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ИФ ТГУ.

показывается ироническое отношение к ограниченному размеру жилищного пространства: «Иностранец берет в цеху интервью у передовика производства: — Каковы ваши жилищные условия? — Одна комната (гебист мигает) ... на каждого члена семьи. — А какое у вас хобби? — Двенадцать сантиметров (гебист растерянно мигает) ... в диаметре» [9, с. 191].

В годы перестройки ситуация по ограничению жилого пространства продолжалась, и даже мебельные фабрики постепенно начинали производить свою продукцию, соответствовавшую размерам малогабаритного жилья [7, с. 147]. Очевидно, что с началом проведения политики гласности обострится дискурс недовольства рядовых томичей по отношению к размерам собственного жилищного пространства, что особенно ярко прослеживается в многочисленных обращениях граждан к городским и районным секретарям. В эти годы в региональном жилищном пространстве рабочих уют повседневной жизни очень часто сводился к нулю. Бороться за улучшение жилищных условий томичи могли путём получения новой квартиры в аренду у государства в порядке очереди – процесса, который мог продолжаться десятилетиями. По подсчётам исследователей, в очередях на улучшение жилья стояло около 15 млн советских граждан, а также свыше 11 млн чел. проживало в общежитиях [4, с. 290].

Не претендуя на репрезентативность, мы приведём несколько эмпирических аргументов, в которых довольно ярко отражён травматический характер ограниченного жилищного пространства некоторых жителей Томска. Дадим слово Вере Никитичне Янсон – пенсионерке, бывшей работнице томской швейной фабрики №5: «Я живу у своей сестры на квартире, а она притом у меня «психованная», с ней жить невозможно, она каждый день меня выгоняет, а куда я пойду, мне идти не куда. Была бы я одна, а то у меня ещё сын 24 года, 40 лет я проработала на фабрике и не получила квартиру. А теперь, когда я нахожусь на пенсии, так, наверное, мне её и не дадут. Я недавно была на приёме у директора, он мне сказал, сейчас квартир нет, а как будут, мы вам сообщим, а я не верю. Что толку, что я на фабрике стою на 2 очереди на квартиру, я до самой смерти буду стоять и не получу. Потому что на пенсионеров внимания не обращают и обманывают» [8, л. 2].

В аналогичной ситуации оказалась пенсионерка Мария Михайловна Иванова: «Я состою в очереди на квартиру в Октябрьском райисполкоме сто первой, боюсь, что не хватит сил и здоровья, чтобы дождаться этой квартиры. Живём мы в ужасных условиях, я проживаю вместе с дочерью и её семьёй, в количестве 5 человек на 18 кв.м.» [8, л. 39].

Помимо очевидной горечи, связанной с минимизацией уюта и жилищного пространства, мы можем наблюдать в нарративе двух томских пенсионеров окрашенное негативными эмоциями восприятие очереди –

единственного средства для преодоления значимых повседневных неудобств. Как заметил фольклорист К.А. Богданов, особо длительная продолжительность очередей за квартирами порождала ориентацию социальных ожиданий советского человека на будущее, – и только на него, что также является важным компонентом всего идеологического дискурса советского государства [2, с. 379].

Явное ухудшение материально-бытовых условий городской повседневности советского общества больше других объективных факторов влияли на проявление различных форм девиации, наиболее мягкой формой которой, стала повальная алкоголизация населения, особенно обострившаяся к началу 1980-х гг. В результате ужесточения ответственности за появление в общественных местах в нетрезвом виде, пьянство переместилось, главным образом, в квартиры и общежития, где происходил процесс ограничения и стеснения пространственных рамок проживания.

Окончательными мероприятиями, обозначившими локализацию пьянства, были связаны со знаменитой антиалкогольной кампанией М.С. Горбачёва. К середине 1980-х гг. стремительно возрастающая алкоголизация населения несла значительные экономические и демографические убытки. Так, от последствий употребления спиртного ежегодно умирало около 1 млн. чел., а в рабочем пространстве стали нередки практики прогулов, производственных травм и болезней [1, с. 310].

Сложившаяся обстановка побудила нового генсека М.С. Горбачёва в апреле 1985 г. из всего пакета намеченных реформ начать именно с антиалкогольных преобразований. Отправной точкой борьбы с пьянством традиционно считаются майские постановления советского государства, определявшие комплекс административно-правовых и воспитательных мер по искоренению повального алкоголизма.

Забегая вперёд, следует сказать, что причины провала борьбы за трезвость можно искать в непонимании советским руководством того, что алкоголизм как патологический феномен прочно связан с аномичным состоянием общества. В социологической теории девиантности Р. Мэртона, под аномией понимается конфликт и дисбаланс между предписываемыми культурой установками и санкционированными средствами их удовлетворения [5, с. 207–226]. Таким образом, алкоголизм в советском обществе можно считать лёгкой формой намеренного ухода от действительности. Подобное социальное разочарование возникает в ситуации, когда индивид не достигает определённой цели законными средствами, а также не может прибегнуть к несанкционированным методам вследствие их внутреннего запрета.

Дефицит спиртного во второй половине 1980-х гг. стал центральным фактом повседневной жизни умеренно пьющего советского гражданина. Исчезновение алкогольной продукции из потребительской корзины рядового

томича было вызвано традиционными командно-административными методами борьба за трезвость.

Установка партийной конъюнктуры на повальное сокращение производства алкогольной продукции, деформацию питейных заведений, вкупе с трезвеннической пропагандой существенным образом влияло на положение повседневных практик умеренно пьющего томича. С момента начала антиалкогольной кампании в Томске быстрыми темпами осуществлялся процесс ликвидации спиртного из торговых прилавков. Уже к лету 1985 г. в городе осталось только три точки по продаже алкоголя, о которых, по воспоминаниям очевидцев, «знал каждый томич вплоть до последней бабки», это – магазины на улицах Московский тракт, Обруба и в районе посёлка Хромовка. В этих местах спиртное продавалось после рабочего дня и в руки одному человеку давалось только 2 бутылки [10].

Одним из главных теоретиков антиалкогольной кампании и человеком, на плечах которого стояла задача осуществить сокращение производства алкогольной продукции в 2 раза, стал Егор Кузьмич Лигачёв – бывший первый секретарь Томского обкома КПСС. Фигура самого известного земляка в большой политике, главного преследователя непопулярной реформы, обрела в городском фольклоре негативную окраску. Тёплые воспоминания о заслугах Лигачёва в социально-технологическом прогрессе Томской области моментально омрачались с началом антиалкогольной кампании. Сильное значение в обывательском мнении о Лигачёве играли и его трезвеннические установки, а которых томичи не забывали. Научный сотрудник Томского института радиоэлектроники и электронной техники А.Я. Петров вспоминал: «Народ в Томске относится к нему резко отрицательно. И причина этого в одной единственной, но непоправимой ошибке – инициализации антиалкогольной кампании. Хотя Лигачёв к тому времени был только вторым человеком в государстве, первым был Горбачёв, тем не менее, народная молва, зная, что Лигачёв ярый трезвенник, связывала борьбу с алкоголизмом исключительно с его именем» [6].

Стремительная волна разрыва монотонности повседневной жизни была связана с тем, что оставшиеся после отъезда своего начальника Е.К. Лигачёва партийные функционеры Томской области, быстрее всего в Сибирском регионе начали осуществлять антиалкогольные операции. Не собираясь отказываться от потребления алкоголя, определённая часть умеренно пьющих горожан двинулась за любимым напитком в ближайшую Кемеровскую область, где к лету 1985 г. борьба за трезвость ещё не принимала весомых масштабов. Данная ситуация способствовала тому, что недавно созданный отдел внутренних дел Томской области по борьбе с пьянством и алкоголизмом установил в декабре 1985 г. два приграничных поста в районе деревень Мазалово и Алаево для выявления и наказания людей, покупавших спиртное в соседних регионах.

Несмотря на самые разные формы и методы ограничения продажи и распространения спиртного, у пьющего населения Томской области не заканчивались стратегии добычи вожделенного напитка. Не подчинившись навязываемой государством новой перестроечной норме, пьющее население Томской области с лихвой компенсировало отсутствие алкоголя самогонварением, которое являлось теневым феноменом, поскольку находилось вне правового поля, а данные о домашнем производстве самогона не учитывались официальной советской статистикой. Однако порой представителям отдела внутренних дел удавалось обнаружить домашних кустарных изготовителей: только за первые 9 месяцев 1985 г. за самогонварение к уголовной ответственности был привлечён 61 житель Томского района (в 1984 – только 4 чел.) [8, л. 3].

В свете сложившейся обстановки тотального ограничения традиционного напитка, в Томске нашлись некоторые категории населения, ощутившие экономическую выгоду от продажи нелегально произведённого спиртного. Такой категорией оказались вполне традиционные для советского провинциального города осёдлые цыгане, концентрировавшиеся в посёлке между районами АРЗ и Сосновый бор, где многие осведомлённые пьющие граждане могли приобретать спиртное сомнительного качества. Предположительные конкуренты цыган незамедлительно начали ликвидировать незаконные точки продажи алкоголя путём поджога цыганских деревянных домов. Данные действия содействовали введению в цыганский район нарядов милиции, что окончательно ликвидировало продажу спиртного в этих местах. Однако вскоре экономический интерес цыган передислоцировался в самые горячие городские точки концентрации населения – очереди за алкоголем в разрешённых властями местах, где цыгане продавали свою продукцию наиболее нетерпеливым гражданам [6].

В сохранившихся вино-водочных магазинах для приобретения двух бутылок на руки, советскому покупателю приходилось выдерживать давку в атмосфере повышенной агрессивности. Именно в данном контексте показательны воспоминания А.Я. Петрова об алкогольных очередях в магазине на Московском тракте: «В магазине одной машины хватало максимум на час, поэтому давка и драки начались повсеместно, милиция с толпой справиться не могла. Приняли меры. Около магазинов построили узкие турникеты – загон из труб, куда загоняли очередь. Боком в притирку помещалось максимум два-три человека. Запускали десятками. После выхода предыдущей запускалась следующая десятка» [6].

Причины провала борьбы за трезвость можно искать в непонимании советским руководством того, что алкоголизм как патологический феномен прочно связан с анонимным состоянием общества. Подобное социальное разочарование возникает в ситуации, когда индивид не достигает определённой цели законными средствами, а также не может прибегнуть к несанкционированным методам вследствие их внутреннего запрета.

Список литературы:

1. Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории. От «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007.
2. Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
3. Высоковский А. Уют – не герой. // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сборник. М., 2001.
4. Горлов В.Н. Застой, застолья и квартирный вопрос // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории. От «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007.
5. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
6. Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании (личный блог). Электрон. дан. Томск, 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.12.17).
7. Рубл Б. От «хрущоб» к «коробкам» // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сборник. М., 2001.
8. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 31. Д. 519.
9. Штурман Д., Тиктин С. Советский союз в зеркале политического анекдота. М., 1992: Горизонт.

В.Н. Якунин*

Религиозный туризм как способ социальной адаптации населения в современной России

Рассматривается состояние, тенденции и перспективы развития религиозного туризма в Самарской области на примере паломнического маршрута в село Ташла.

The status, trends and prospects of religious tourism in the Samara region are examined on the example of the pilgrimage route to Tashla village.

Ключевые слова: религиозный туризм, паломничество, икона, источник.

Key words: religious tourism, pilgrimage, icon, source.

Просветительская деятельность в туристической сфере является важным фактором поддержания духовно-культурных процессов на различных уровнях функционирования социума. Это укрепляет прямые и обратные межпоколенные связи в культурных системах и обуславливает

---

* **Якунин Вадим Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, проректор по НИИД, Поволжский государственный университет сервиса.

оригинальное сочетание в российской национальной культуре традиций и инноваций.

Этнокультурная общность, оказавшись в другом культурном ландшафте, может заметно измениться, приспособиваясь к новым обстоятельствам. В России культурный ландшафт за последние 100 лет резко менялся под воздействием идеологических факторов. В частности, конфессиональная архитектура претерпела существенные изменения – от почти полного разрушения – до восстановления. Это не может не сказаться на духовной насыщенности культуры. Восстановить традиционный образ края в региональной культуре должен помочь религиозный туризм.

В России сосредоточены уникальные памятники религии, истории и культуры. Это делает её благоприятной для развития таких направлений, как паломничество и религиозный туризм для детей и подростков. У подрастающего населения растет потребность в духовных ценностях, усиливается интерес к памятникам религиозной культуры, ставшим важными центрами духовного возрождения. Религия, все глубже проникая в общественные отношения, открывает новые горизонты для туристских обменов. Область паломничества и религиозного туризма представляет собой малоизученное, хотя и важнейшее направление в туристской деятельности.

Паломничество к святым местам – это, пожалуй, самая древняя форма туризма. Религиозная мотивация всегда оказывала существенное влияние на «туристские потоки». Поэтому история религиозного туризма уходит корнями в века. Люди отправляются в поездки по святым местам с разными мотивами: помолиться, решить личные проблемы, познакомиться с культурным наследием страны. Посещение таких мест, как храмы, монастыри, совместные трапезы-беседы со священнослужителями и монахами, проживание в церковных и монастырских гостиницах имеет, кроме познавательного, ещё и положительный психологический эффект для туристов.

В религиозном туризме ведущей является культура, которая не использует предшествующее наследие как трамплин для новых достижений по той причине, что она не может отказаться целиком или частично от культурного фонда. Поэтому, напротив, огромное значение в этом культурном процессе имеет сопричастность с различными воплощениями традиции. И может в историко-религиозном контексте грамотное использование, например, проселочных дорог станет своеобразным культурных ресурсом для туристического бизнеса.

Жизнь каждого человека связана с определенной социокультурной реальностью, которая представляет собой мир разделяемых людьми символов. Это своеобразный язык культурного кода, определяющий культурную парадигму – модель образа жизни и способ мировосприятия данной культурной эпохи. Культура может строиться только на основе

духовной преемственности, только с учетом внутреннего диалога культурных типов.

Однако в постиндустриальном обществе постоянные перемены, как уже было отмечено, стали образом жизни для многих людей. Такая новая модель поведения не проходит бесследно для духовно-нравственного облика человека, ибо меняют отношение к родным местам, дому, работе. Повышенная мобильность лишь усиливает ощущение нестабильности разочарование и растущее чувство одиночества. Поэтому так важны культурные объекты, отражающие духовный облик и внутренний мир народа то, что для него имеет смысл и значение. Они в конечном итоге хранят человека от обезличивания, позволяют ему ощутить связь времен и поколений, получить необходимую в трудную минуту поддержку и жизненную опору.

В Самарской области сосредоточены уникальные памятники религии, истории и культуры. Это делает её благоприятной для развития таких направлений, как паломничество и религиозный туризм для детей и подростков. У подрастающего населения растет потребность в духовных ценностях, усиливается интерес к памятникам религиозной культуры, ставших важными центрами духовного возрождения. Религия, все глубже проникая в общественные отношения, открывает новые горизонты для туристских обменов. Область паломничества и религиозного туризма представляет собой малоизученное, хотя и важнейшее направление в туристской деятельности [1, с. 994–954; 4, с. 7–17; 5, с. 5–6; 6, с. 5–6; 7, с. 158; 8, с. 38–46; 9, с. 7–24; 10, с. 12–22; 11, с. 27–41; 12, с. 36–338; 13; 14, с. 83–89; 15, с. 149–152; 16; 17, с. 35–44; 19, с. 60–65; 20, с. 037–039; 21, с. 370–372; 22, с. 109–112].

Из анализа предложений туристских фирм и паломнических служб Самарской области можно сделать вывод о том, что религиозный внутренний туризм вполне перспективен для региона. Этой деятельности способствует наличие привлекательных для туристов религиозных объектов, туристских фирм и паломнических служб, занимающихся организацией религиозных маршрутов по территории Самарской области, а также наличие постоянного спроса. Положительными факторами, оказывающими влияющие на развитие религиозного туризма в Самарской области являются и ценовая доступность для российских туристов; выгодное географическое положение; наличие образовательных структур, готовящих кадры для туристской отрасли; поддержка и благословение митрополита Самарского и Сызранского Сергия на создание местных религиозных маршрутов; финансовая поддержка Правительства Самарской области, местных органов власти в строительстве и реставрации храмов, монастырей. Сдерживают интенсивное развитие религиозного туризма в Самарской области, в основном, организационно-экономические факторы – это неразвитая инфраструктура для религиозного туризма (недостаток гостиниц уровня 2–3 звезды, рассчитанных на среднего

туриста; отсутствие санитарных мест на остановках по пути следования); отсутствие программы развития религиозного туризма в Самарской области; отсутствие гибкой системы стимулирования (в том числе отсутствие налоговых льгот) для туристских предприятий и паломнических служб, занимающихся религиозным туризмом.

В Самарской области реализуют четыре направления деятельности в сфере религиозного туризма и паломничества: маршруты на территории России, маршруты, пролегающие к монастырям и святыням ближнего зарубежья, маршруты дальнего зарубежья, местные маршруты.

Образ края, сформированный на протяжении веков каждым народом, проживающим на территории Среднего Поволжья, позволял удовлетворять эстетические потребности каждого человека, в результате чего сформировалось привычное, комфортное восприятие окружающего мира природы и мира культуры. В качестве иллюстрации этого тезиса более подробно остановимся на местном маршруте по территории Самарской области, в с. Ташла.

В последние годы в нашем регионе наблюдается количественный и качественный рост религиозных паломнических туров, которые организуют паломнические службы. Ни один паломнический маршрут в области не обходится без посещения села Ташла, где по преданию в 1917 г. явилась чудотворная икона Божией Матери «Избавительница от бед», а на месте её чудесного явления забил чудотворный источник [1, с. 944–954; 2, с. 266–275; 3, с. 14–27]. В течение года Ташлу посещают свыше 30 000 паломников и туристов, и для них созданы все условия по приёму и размещению. За последние 30 лет паломничество к ташлинским святыням приобрело совершенно иной масштаб: был благоустроен сам источник, там были сооружены купели, обустроена часовня, к источнику проложена благоустроенная дорога, для самих паломников созданы самые благоприятные условия: построены гостиница и благотворительная столовая. Во многом это стало возможным благодаря изменившимся в годы перестройки государственно-церковным отношениям [23, с. 228–239; 24, с. 311–316; 25, с. 422–427; 26, с. 315–320]. В настоящее время икона Пресвятой Богородицы "Избавительница от бед" по-прежнему находится в Троицкой церкви села Ташла.

Регулярное посещение святых мест издревле входило в обыденную жизнь людей. На этом уровне человек удовлетворяет свои физические потребности, потребность в общении и т.д. У русских (православных) развились специфические культурные элементы, позволяющие строить культурные алгоритмы «подпитки» жизненной энергией и укрепления стойкости духа. Именно традиционно-бытовая культура с самого детства воспитывает этнические и идеологические (конфессиональные) стереотипы, которые и делают человека представителем определенного этноса, конфессии. Но главное, независимо от этноконфессиональной

принадлежности, человек будет носить в своем сердце образ малой Родины, которая, как известно, начинается, в том числе, с природного и культурного ландшафта.

Наиболее распространенной реакцией на избыток перемен является ностальгия по прошлому. Религиозный туризм, паломничество помогут людям прикоснуться к древним традициям, восстановить связь времен и в какой-то мере блокировать отрицательные формы снятия эмоционального напряжения. Сейчас создается уникальная ситуация для ряда российских регионов, включая и Самарскую область, по использованию своих богатых культурных ресурсов на новом витке развития цивилизации.

Список литературы:

1. Smirnov Yu.N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 944–954.

2. Артамонова Л.М. Получение Самарой губернского статуса и расширение культурного пространства провинциального города // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 3 частях. / Под редакцией С.В. Соловьевой. Самара, 2012. Ч. 1. С. 266–275.

3. Артамонова Л.М. Самара – новый губернский центр середины XIX в.: изменения социально-культурной среды в связи с повышением административного статуса // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 14–27.

4. Афанасьев О.Е. Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества: роль и функции в туризме // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 7–17.

5. Афанасьев О.Е. Нематериальное культурное наследие: проблемы вовлечения в сферу туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 5–6.

6. Афанасьев О.Е. Проблемы устойчивого развития туристского сервиса и дестинаций // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–6.

7. Афанасьев О.Е. Туристские рейтинги городов России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 1. С. 158.

8. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Музеи легенд в современном туристском пространстве // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 2. С. 38–46.

9. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Сторителлингдестинаций как современная технология туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 3. С. 7–24.

10. Афанасьев О.Е., Вольхина В.В. Роль, значимость и функции скансенов как туристского ресурса территории и репрезентантов народных традиций природопользования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. № 4. С. 12–22.

11. Афанасьев О.Е., Оборин М.С., Шман Е.Ю. Инвестиционная привлекательность регионов России для развития внутреннего туризма: проблема разработки оценочных показателей // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 3 (73). С. 27–41.

12. Бритвина В.В., Конюхова Г.П., Конюхов В.Г. Оценка экономического воздействия туризма на экономику региона методами математической статистики // Научное обозрение. 2014. № 11–1. С. 336–338.
13. Бритвина В.В., Матяш С.А., Осмоловский Г.Н., Зевеке О.Ю., Конюхов В.Г., Конюхова Г.П., Седенков С.Е. Туризм. Введение в специальность. М., 2014.
14. Гатауллина С.Ю. Социально-гуманистические и экономические аспекты влияния религиозного туризма на региональную среду // Современные проблемы науки и туриндустрии сборник научных статей: в 2 т. 2015. С. 83–89.
15. Гатауллина С.Ю. Туризм как социоэкономический феномен XXI века // Забайкальские социологические чтения. Социальные процессы в Забайкальском крае: вызовы и пути решения. VII междунар. науч.-прак. конф. 2016. С. 149–152.
16. Гатауллина С.Ю. Экономика туризма. Учебное пособие / Владивосток, 2012.
17. Гатауллина С.Ю., Липкан И.В., Коссов А.Ю. Туристская деятельность в России: проблемы и перспективы развития теории и практики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10–3 (75–3). С. 346–349.
18. Гатауллина С.Ю., Моханнад М.А. Маркетинг туристской привлекательности региона: теория и практика организации // Практический маркетинг. 2017. № 1 (239). С. 35–44.
19. Диаманти О.В., Маренко В.А., Лучко О.Н. Применение когнитивных технологий для управления в социальной сфере // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. 2014. № 3. С. 60–65.
20. Конюхов В.Г., Бритвина В.В., Конюхова Г.П., Шабалина Н.В. Прогнозирование сезонных колебаний в туризме с использованием методов математической статистики // Теория и практика физической культуры. 2012. № 11. С. 037–039.
21. Конюхова Г.П., Матяш С.А., Бритвина В.В., Конюхов В.Г. Методика расчета себестоимости проживания и питания при формировании туристского продукта с помощью методов математической статистики // Научное обозрение. 2014. № 12–1. С. 370–372.
22. Лучко О.Н., Маренко В.А. Туристские услуги как фактор снижения когнитивного диссонанса личности // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2015. № 8–1. С. 109–112.
23. Табунщикова Л.В. Модернизация быта 1920-х гг.: «красные свадьбы», «красные крестины», «коммунистические похороны» // Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX–начале XXI вв. Сер. "Вестник РМИОН" Ростов-на-Дону, 2015. С. 228–239.
24. Хисамутдинова Р.Р. Село в период восстановления // История Оренбуржья Оренбург, 1996. С. 311–316.
25. Чирков М.С. Роль малых городов в процессах урбанизации советской России в 1920–1980-е гг.: к постановке проблемы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. СурГУ. 2015. С. 422–427.
26. Чирков М.С. Урбанизационные процессы в советской России (1920–1980-е гг.) // Городская культура и город в культуре. Материалы Всерос. науч.-прак. конф.: В 3 частях. Под редакцией С.В. Соловьевой. 2012. С. 315–320.

ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

Е.Д. Беспалёнок*

Вяземская купеческая элита и ее отношение к асоциальному поведению в XVIII в.*

Сформировавшаяся в XVIII в. элита провинциального купечества, рассмотренная на примере города Вязьмы, по-разному относилась к проявлениям асоциального поведения. Во-первых, купеческая элита в целом отрицательно относилась к тем купцам, которые вели асоциальный образ жизни, и стремилась выдворить их из города. Во-вторых, служащие магистрата нередко укрывали подозреваемых купцов от полицейских органов, если те были хорошо знакомы им. В-третьих, сами представители купеческой элиты допускали для себя нарушение норм общественного поведения в определенных случаях.

Formed in the XVIII century, the elite of the provincial merchants, considered on the example of the city of Vyazma, differently attituded to manifestations of antisocial behavior. First, the merchant elite as a whole was negative about those merchants who led an antisocial way of life, and sought to expel them from the city. Secondly, the employees of the magistrate often concealed of the suspected merchants from the police authorities, if they were well acquainted with them. Thirdly, the representatives of the merchant elite themselves allowed themselves to violate the norms of social behavior in certain cases.

Ключевые слова: купеческая элита, бургомистры, ратманы, асоциальное поведение, конфликты.

Key words: merchant's elite, burgomasters, ratmans, antisocial behavior, conflicts.

Вместе с формированием купеческого сословия в XVII–XVIII вв. в России происходило и формирование его элиты. Вяземская купеческая элита XVIII в. была сформирована из потомственных купцов, происходивших из торговых людей – в основном, посадских людей и служилых «по прибору», – деятельность которых нашла отражение в приходо-расходных таможенных книгах и других документах XVII в. Это были богатые купцы, многие из которых пользовались авторитетом у сограждан. Большинство из представителей купеческой элиты служили на выборных должностях бургомистров, ратманов и др.

Исходя из ценностного подхода к понятию «элита», можно предположить, что представители купеческой элиты Вязьмы непримиримо

---

* **Беспалёнок Елена Дмитриевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Смоленский государственный университет (СмоГУ).

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-01-00217.

относились к проявлениям асоциального поведения своих сограждан, всячески боролись с этим злом и с неисправимыми носителями такого поведения. Однако, документы XVIII в., сохранившиеся в фонде Главного магистрата Российского государственного архива древних актов, свидетельствуют о том, что отношение вяземской купеческой элиты к асоциальному поведению было намного сложнее. Можно выделить три аспекта этой проблемы и, соответственно, три группы документов, характеризующих их. Во-первых, это группа документов, характеризующих отношение основной части купечества во главе с его элитой к людям, ведшим асоциальный образ жизни или совершившим криминальные проступки; во-вторых, группа документов, раскрывавших такой аспект, как «пonorовка» бургомистров тем из провинившихся купцов, кого они считали «своими», выражавшаяся обычно в невыдаче властям требуемых подозреваемых; в-третьих, документы, обнаружившие нарушение норм общественного поведения самими представителями купеческой элиты.

Купеческое сообщество Вязьмы во главе с его элитой решительно избавлялось от тех сограждан, образ жизни которых расходился с общепринятыми нормами. Судебное дело начала 70-х гг. XVIII в. показывает, как, по приговору вяземских купцов, за «продерзости и непотребства» из города была выслана в Сибирь на поселение сразу целая группа таких горожан. Находясь на пути в ссылку, высланные посадские люди подали жалобу в Московскую губернскую канцелярию, заявив, что они были высланы незаконно. В ответ «1770 году июня 14 дня в Вяземское земское правление призваны были первостатейное и среднее купечество... со общего между собою согласия вяземское первостатейное и среднее купечество единогласно объявили, что те вяземския посадския люди приговорены нами ко отдаче на поселение заподлинно по общему нашему согласию за нижеозначенныя оказавшыяся от них продерзости и непотребствы без всякого к ним посегателства или мщения». Причиной высылки в большинстве случаев было пьянство, некоторые купцы были высланы за кражу лошадей, кож, за подделку векселей, за плутовство и «шатание» без паспорта: «А именно: Егор Шестаков, Гаврила Мотуков, Ефим Маслеников, Иван Мочюлин – за кражу лошадей; Алексей Коноплин – за пьянство и за сочинения фалшивых векселей; Семен Ладыгин – за кражу кож; Яков Овечников, Андрей Физдянин, Гаврила Торочков, Григорей Богданов и Маслеников – за неотвратимое их пьянство, Алексей Афонасев сн Кирилов – за шетания бес пошпорта и за пьянство тако ж и за оказавшееся плутовство» [9, л. 16]. Купеческий приговор подписали 133 купца. Среди них были яркие представители вяземской купеческой элиты. Это были Логгин Гойдуков, Савва Алтухов, Иаков Бубнов, Антип Болотин, Иван Фатов, Степан Пенезев и др. Решение о высылке было оставлено в силе.

В другом случае осенью 1772 г. из Вязьмы также на поселение в Сибирь был выслан всего лишь один горожанин Петр Латышев. В Вяземский магистрат бургомистру Сидору Лелюхину поступило доношение от земского старосты Ивана Лелянова, по которому холостой П. Латышев должен был быть отправлен «в зачет за вяземское купечество в будущия рекрутския поборы в Сибир на поселение». При этом был подан приговор вяземского купечества «в котором показано, что он, Латышев, за непотребныя ево во обществе обращении и что он вместо должного своего звания не имеет добропорядочного жития и ко исправлению домовой економии неспособной, а находится болея в ленивстве и почасту бывает в пьянстве, которой де во обществе полезным и в платеже податей исправным быть не может» [10, л. 1, 1 об.]. Виновный без промедления был отправлен на поселение.

Следует заметить, что П. Латышев был новоприбылым человеком в Вязьме и не имел прочных связей в среде купеческой элиты. В иных случаях бургомистры не спешили выдавать на расправу своих сограждан. Так было, когда в 1749 г. канцелярия розыскных дел Гжатской пристани потребовала от Вяземского магистрата выслать в канцелярию потомственного вяземского купца Петра Батенина, о котором дали показание разбойники как о своем сообщнике. «Оной же Вяземской магистрат», бургомистром которого был представитель вяземской элиты Аггей Бубнов, а ратманом – Тимофей Алтухов, «того вора к очным ставкам в канцелярию розыскных дел не отдает, а требует вопросных пунктов и содержащихся воров в Вяземской магистрат», – доносили с Гжатской пристани в Главный магистрат [2, л. 2]. Так же действовал Вяземский магистрат и в следующем 1750 г., когда канцелярия розыскных дел Гжатской пристани потребовала прислать потомственного вяземского посадского человека Никифора Лелянова к следствию по разбойному делу [3, л. 1, 1 об.]. В 1756 г. в ответ на требование прислать в Гжатскую пристань группу вяземских купцов, которые подозревались в ограблении дома вяземского же купца Исаея Лелянова, Вяземский магистрат, бургомистром которого тогда был Федор Юдичев, отказался высылать купцов без рассмотрения их дела на месте. На это был получен указ из Главного магистрата «о необотсылке» [5, л. 1–2, 5]. Уместно добавить, что у многих вяземских купцов был затяжной конфликт с Исаем Леляновым по вексельным делам.

В 1761 г. у Вяземского магистрата возник спор с «канцелярией Смоленской губернии сыщеских дел» по поводу ареста вяземского купца П. Лелянова, обвиненного другим вяземским купцом Ф. Масленниковым в оскорблении. Обратившись в Главный магистрат, С. Тяполовской и ратманы просили, чтобы «в сыщиковой канцелярии надворной советник Друкорт и его сыщики вяземскому купечеству таковых приметок впред не чинили и купечества без ведома Вяземского магистрата не брали» [7, л. 1–7].

Можно предположить, что во всех этих случаях вяземские бургомистры и ратманы руководствовались не только стремлением самостоятельно решать участь провинившихся купцов, но и желанием защитить хорошо знакомых им людей.

Для характеристики вяземской купеческой элиты важно отметить и такое явление как нарушение норм общественного поведения самими представителями этой элиты. Бесчинства, драки, оскорбления и грабежи можно было наблюдать как в личных конфликтах, так и при исполнении службы.

Одним из ярких случаев, когда представители купеческой элиты были активными участниками конфликта с жестокими побоями, было избиение купцами учителя местной семинарии «смертным боем». Это произошло в Вязме в 1745 г., когда февральской ночью во дворе купца П. Кирилова, где квартировал учитель Т. Посников, по его вине, случился пожар. Прибежавшие тушить пожар уже в третий раз за ночь горожане «вломилась да оного учителя Посникова и стали ево бить и жену ево и грабить пожитки...» на более чем 500 руб. Во главе прибежавших купцов были «города Вязмы бургомистр и первостатейный купец Агей з братом Тимофеем Бубновы», которые и были обвинены в причинении жестоких побоев учителю [1, л. 54–55, 132 об.]. В этом случае А. Бубнов выступал не как индивидуальный участник конфликта, а как бургомистр.

При исполнении службы проявлял неоправданную жестокость и другой представитель верхушки вяземского купечества «Вяземского и кабацкого збору откупщик Иван Меншой Лелянов». Захватив в 1756 г. вяземского посадского Ф. Юренева, посадил его и, по словам его отца, «незнаемо за что, в цепь, держит без всякого резону в цепи под короулом. И претерпевает от него, Лелянова, немалое изнурение» [4, л. 1].

Судебные дела Главного магистрата содержат целый ряд примеров, когда представители вяземской купеческой элиты пренебрегали нормами общественного поведения, когда дело касалось их личных интересов. Так, в феврале 1760 г., как следует из доношения бургомистра Ф. Юдичева, в его доме случился конфликт с одним из самых ярких представителей местной элиты И.С. Барышниковым, который «в 1-ом часу пополуночи, пришед в дом ево бес призыву, ...собою и незнаемо с какова вымыслу, поносил ево непристойными словами и называл в подобие Ивана Федорова сына Меньшого Лелянова, купца вяземского ж, якобы воискупе неисправедливых векселей и ко незаконному по них, бутто бы для своей карысти, взысканию и с таковым непристойным озарничеством об[ъ]евлял, буттобы он, Юдичев, своею охотою имеет быть бургомистром. Причем, переменяясь в лице своем, намерен был учинить и драку» [6, л. 1]. В своей челобитной И. Барышников объяснял, что «в дом ево, Юдичева, ходил не для каких противностей, но токмо с прозбою моею, за небытием ево, Юдичева, в Вяземском магистрате в присутствии, для истребования к выдаче мне, в силу насланного из

Главной соляной канторы в Вяземской магистрат указу, которой от меня во оном магистрате того ж февраля 7 числа ему, Юдичеву, подан за отданной мною, по подряду моему в рижския магазейны, правиант и овес дву тысящ рублей денег надлежащаго определения. ...И на то мое неоднократное прошения он, Юдичев, в великом озарте кричав, пофалаялся, чтоб захватя, высечь меня ботожьем, а не для чего инаго, но точию дабы б я ис тех следующих мне к выдаче денег с ним поделил» [6, л. 2 об., 3]. Таким образом, оба представителя купеческой элиты, каждый – по-своему, проигнорировали нормы социального поведения.

Известный своим буйным нравом представитель купеческой элиты Иван Меньшой Федоров сын Лелянов, как уже было отмечено, неоднократно был активным участником конфликтов. В начале 60-х гг. XVIII в. его гнев и изобретательная жестокость несколько раз обрушивались на купеческую вдову Т.Ф. Борятинскую, о чем она написала в своей челобитной в Главный магистрат в 1763 г. Купчиха жаловалась: «В прошлом 1761-м году означенной Лелянов, в небытность меня пришед в дом мой, доставшейся от брата моего родного, вяземского купца Ефима Пенезева». И. Лелянов считал ее покойного брата своим должником. В присутствии вдовы, вернувшейся домой, ее дом был фактически разграблен, были взяты сто рублей денег и всякие пожитки, «которые денги и всякия пограбленные пожитки находятся и поныне у него, Лелянова». На этом И. Лелянов не остановился. В августе 1762 г. он опять явился в дом к Т. Борятинской, «незнаемо с какими людьми... разбойнически разрубив ворота и розломав в сенях в ызбе и в чуланах двери, пограбил из чулана денег серебряной манеты еще шездесят рублей, какошников бархотных разных матерей з золотыми позументы – четыре, ценою рубль, хрустальной стеклянной посуды перебил рублей на пять, пять стаканов оловянных ценою восемьдесят копеек. А протчую деревянную посуду и всякой домовой скарб – все перебил. А двери сенные избные и чуланные, побрав, отвес к себе в дом. А избу и всякое хоромное строение раззорил все без остатку. Во огороде яблоки и дули пообил все с сучьями, в котором впредь приплода быть ненадежно, и по нынешней продаже коштовал оной сад рублей пятнатцати. И оное все чинимо было им, Леляновым, при вяземском купце Илье Ефимове сыне Запорине, которым оной Лелянов разбойническим нападением раззорил в конец и привел во всекрайнее убожество». Вдова назвала это причиной своих бедствий: «Отчего ныне не имею себе дневного пропитания и, скитаюся по чужим дворам, помираю голодною смертию» [8, л. 1, 1 об.].

В XVIII в. отношении представителей купеческой элиты Вязьмы к разным проявлениям асоциального поведения выражалось по-разному – в зависимости от обстоятельств. Во-первых, верхушка вяземского купечества во главе с купеческим сообществом отрицательно относилась к согражданам, ведшим асоциальный образ жизни или совершившим криминальные проступки; во-вторых, бургомистры и ратманы нередко

игнорировали требования полицейских органов, требовавших у них выдачи провинившихся купцов, если они считали их «своими»; в-третьих, и сами представители купеческой элиты нередко нарушали нормы общественного поведения – как при исполнении службы, так и в случаях, когда были нарушены их личные интересы.

Список литературы:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 291. Оп. 1. Д. 1794.
2. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3550.
3. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 4300.
4. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7388.
5. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7940.
6. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9849.
7. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10381.
8. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11574.
9. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15846.
10. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 17320.

Н.В. Алексеева*

Общественное мнение в системе регулирования внутриобщинных отношений на Севере России в XIX веке*

Община веками являлась основным залогом выживаемости русского крестьянства. Она призвана была осуществлять социальные и производственные функции посредством регулировки и управления механизмом перераспределения и использования надельной земли и удержания хозяйственно-бытового порядка жизни. Для выполнения данных функций необходим был механизм поддержания благоприятной морально-нравственной атмосферы в среде общинников. Одним из инструментов данного механизма выступало общественное мнение.

The community has for centuries been the main guarantee of the survival of the Russian peasantry. It was called upon to carry out social and production functions through adjustment and management of the mechanism of redistribution and use of allotment land and the retention of the economic and everyday order of life. To fulfill these functions a mechanism to maintain favorable moral and ethic atmosphere among the community members was needed. One of the tools of this mechanism was public opinion.

Ключевые слова: Русский Север, крестьянская община, общественное мнение, благочестие.

---

* **Алексеева Надежда Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 17-11-35002

Key words: Russian North, peasant community, public opinion, piety.

В начале XIX в. вологодский краевед А.А. Шустиков попытался сформулировать очередное определение русской общины: «Община, по мнению моему, есть самое драгоценнейшее, справедливейшее, великое из человеческих учреждений и вполне соответствующее учению Господа нашего Иисуса Христа» [15, с. 241]. По мнению другого этнографа конца XIX в., А.С. Пругавина, в сознании народа община была всегда и ее корни уходили в самое начало истории нашего государства. Она могла именоваться по-разному, но смысл всегда оставался один – ведение общего хозяйства, помощь друг другу [11].

Севернорусские крестьяне называли общину «миром» или «обществом» («обществом»). Официально в бумагах властей и помещиков писали обычно «общество», а не община [3, с. 146].

Община призвана была осуществлять социальные и производственные функции посредством регулирования и управления механизмом перераспределения и использования наделной земли и удержания хозяйственно-бытового порядка жизни [1, с. 102–104]. Община решала вопросы крестьянского землепользования и обеспечения тяглом. Проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была для общины доминантной, т.к. разорение крестьянина ложилось бременем на общество. В обязанности общины входило регулирование выплат крестьянскими семьями долгов с целью не допустить их окончательного разорения. Однако выплаты считались частным делом семьи, и только в исключительных случаях община участвовала в погашении долгов.

Отсюда и другие функции общины: охрана порядка, коллективный протест, воспроизводственная традиция (обряды жизненного круга), передача опыта следующему поколению, культурная и религиозно-этическая.

Исходя из этого же возникала необходимость регулирования семейных отношений крестьян-общинников. Община имела право вмешиваться в личную жизнь своих членов, влияла на мнение окружающих, устанавливала нормы и правила поведения в деревне. Эти нормы и правила отражали патриархальные обычаи и мораль. Только в семье крестьянин мог выжить и прокормиться. Семья воспринималась как хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни и выживания всей общины.

Семейная жизнь с подчинением младших старшим поддерживалась нормами патриархального быта. Всякие изменения в семейной жизни могли происходить не только, и даже не столько, по воле глав семей, (например, разделы семей или вопросы, связанные с заключением браков) – они, прежде всего, подлежали административному контролю общинных властей [1, с. 67].

Еще раз напомним, что главной задачей общины было требование по обеспечению ее тяглоспособности в целом, поэтому общинные власти могли лишить старшего в семье его главенства в случае, если возникала угроза хозяйственного оскудения двора. С этой точки зрения общины оценивали возможность семейных разделов и с тех же позиций проявляли некоторую заинтересованность в поддержании тяглоспособности семей, попавших в трудное положение. В подобных случаях предоставлялись льготы по обложению, оставлялись земли вдовам, солдаткам с малолетними детьми и воспитателям сирот и подкидышей с расчетом на тяглые возможности таких семей, когда дети вырастут [7, с. 426].

Одним из механизмов такого регулирования внутриобщинных отношений было общественное мнение. Серьезную роль в этом играла малая, но значительная по своему влиянию группа стариков. Они чаще бывали в храме и, благодаря своему жизненному опыту и знанию обычного права, могли дать немало советов по соблюдению тех или иных правил благочестия и поведения [6, с. 30].

Механизм воздействия общественного мнения наиболее ярко выступал при обсуждении проступков общинников на сходке. Так, при назначении опекуна сиротам возникал вопрос о нравственном облике претендента. Выбор опекуна всецело зависел от общины. Например, в Вологодском уезде бедняку избирали опекунами для сирот только тогда, когда общество было уверено в их неподкупной честности. Корреспондент из Усть-Пудожского прихода Вельского уезда отмечал, что при совершении преступления общинники всегда учитывали репутацию провинившегося – наказание за впервые совершенный проступок смягчалось [4, с. 105].

Репутация играла существенную роль для выбора должностных лиц. Документы характеризуют лучшие качества крестьянина так: «поведения хорошего, в домашнем хозяйстве рачителен, хлебопашестве искусной, в штрафах и наказаниях не бывал и возлагаемую на него должность исправлять, без сомнения, может»; «вполне хорошего и трезвого поведения, под судом не состоявший»; «не моложе 25 лет и вполне честный, под судом и следствием не состоял» [4, с. 106].

Все эти правила неизменно работали при избрании, например, церковного старосты на специальном мирском сходе. Эта должность предполагала большую ответственность: староста «казну в приходе и расходе ведал», представлял свою церковь перед государством и органами земского управления. Поэтому при характеристике избранного кандидата обязательно подчеркивалось, что он «человек добрый», «душою прямой», «не вор и не бражник», «животом прожиточный» и др. [6, с. 25].

Мнение общины о некоторых граждански активных их членах формировалось также в общественных доверенностях, которые составлялись в связи с надобностью ходатайствовать по какому-либо делу от общины. В этих документах отражался и сам факт доверия данному лицу выступать от

имени общины по конкретному вопросу. Функции доверенного (поверенного) от общины нередко закреплялись надолго за несколькими лицами в силу их грамотности, активности, умения ориентироваться в конкретных делах, готовность пострадать за «мир» и т.д.

Многообразно проявляется и воздействие уже сложившегося общественного мнения на индивида, например, через прозвища. «Велентир», «похвий» – так называли в Великом Устюге ленивого, праздного, ни к чему не годного человека [12, с. 443–450]. В Кадниковском уезде Вологодской губернии Е.К. Еичин собрал такие диалектные прозвища: «валент» – ленивый, «пентюх» – бестолковый [2, л. 5, 21]. Неоряшлия девушка могла получить прозвище «несуряха» [13, с. 442].

Общественное мнение имело огромное значение при заключении брака. К нему прислушивались, особенно в оценке жениха и невесты – «подходят ли друг другу». И в женихе и в невесте прежде всего ценились трудолюбие и выносливость. От мужчины требовалась деловитость, от женщины – домовитость. Не последнюю роль, играла репутация рода. Так, при выборе невесты, наряду с другими положительными качествами, учитывалось, что она «из хорошего рода, известного в околдке своей честностью и другими хорошими качествами» [4, с. 112]. Могли быть и другие характеристики: «В этом роду девки красивые, но ядовитые».

Наконец, и сама община имела определенную репутацию в округе. О вологодских местностях говорили: «Устюг Великий – народ в нем дикий», «Улома Железная, а люди каменные», «Кадниковцы бочонком солнышко ловили», «На словах, как на масле, а на деле, как на Вологде» [8, с. 206].

Что же представлял из себя «идеальный» крестьянин-общинник в глазах общественного мнения?

В соответствии с природно-климатическими условиями, в которых приходилось существовать северному крестьянству и в зависимости от сформировавшихся представлений о жизненных ценностях, в общественном мнении сложился образ «положительного героя», который стал образцом для подражания. Один из авторов «Вологодских губернских ведомостей» отмечал в местном населении «простоту характера и патриархальность внешнего быта». На его взгляд, «название «бесхитростный», «прямой души» составляют на языке крестьян лучшую похвалу» [14, с. 116]. Жители Кадниковского уезда Вологодской губернии по этому поводу говорили так: «С проста живут годов по сту, а хитрецы – лет по тридцати» [9, с. 189].

Г.Н. Потанин, делая заметки по пути от г. Никольска до г. Тотьмы, пришел к выводу, что крестьянин на Севере отличается от южного земледельца. «Моих спутников поражало трудолюбие здешних жителей. На Севере требуется усиленный и спешный труд, т.к. лето короткое, поэтому и народ более живой, более трудолюбивый, гораздо беднее обрядами, увеселениями и играми» [10, с. 169].

Деревня каждому выдавала по его истинному облику. Безбожник был безбожником, пьяница – пьяницей. Человека, находящегося в чести у мира, знали и чтили не только в своей деревне. Чаще всего это были люди трудолюбивые, добрые, иногда зажиточные.

В реальной жизни пользовались авторитетом и служили образцом для подражания те, кто обладал «земными», нужными для успешного крестьянствования качествами, в число которых входили и нравственные характеристики. Достаточность в хозяйстве, способность прокормить свою семью вызывали у крестьян уважение. Корреспондент из Вельского уезда сообщал: «Особенно гордятся мужики тем, что никогда по миру не ходили, а бабы – что у них в избах чисто, в хозяйстве обиходно» [9, с. 188]. По отзывам, в число наиболее уважаемых входили люди с достатком, но чтобы «нажил средства честными трудами». С такого человека берут пример и приглашают к своим детям крестными. Особым уважением пользуются те, кто уплачивал недоимки общества или прошлой деятельностью послужил на пользу обществу. К числу несомненных достоинств относились ум, знание жизни и крестьянских занятий, а также физические качества.

Важным положительным качеством считалось верность данному слову: «Обещать-то дворянски, а слово держать – то крестьянски» говорили вологодские мужики.

Для молодежи были весьма значимыми такие понятия как «честь» и «слава». От сохранения себя в чести зависели удачное замужество или женитьба, а значит, и благополучие будущей жизни. Если для девушки эти понятия связывались со столь высоко ценимыми в крестьянском быту характеристиками, как «хорошая работница», «из хорошего рода», «скромная», «работящая», то для парня, помимо указанных качеств, важны были и его статусные характеристики в молодежном сообществе: «форсяк», «атоман», «боец знатный», а также, связанные с ними умения (например, игра на музыкальных инструментах или умение красиво говорить (краснобайство)).

Положительной характеристикой служило православное благочестие как отдельных людей, так и целых семей. Церковь, в этом смысле, имела особое влияние на моральный облик крестьянского сообщества и, во многом, формировала его, т.к. занимала в их жизни немалое место.

Кроме того, в случае, когда женщина, по каким-то причинам не могла выйти замуж и вела благочестивый образ жизни, она тоже имела шанс стать образцом для подражания. Для обычного поселянина присутствие или постоянное проживание где-то поблизости благочестивого человека имело большое значение. Кроме практической пользы от такого соседства (обучение детей и юношества церковной печати и рукописей, приобщение к церковному пению, чтение псалтири по покойнику, сведения о поездках к святым местам и т.д.) [5, с. 161], всегда была возможность приобщиться к духовному опыту подвижника, обратиться за советом в трудной ситуации,

попросить замолить грех. Среди верующих считалось, что молитвенник ближе к Богу и его молитва будет услышана быстрее. И большинство таких подвижников были женщины. По мнению Т.Б. Щепанской, «общественное мнение поощряло уход от мира девиц, уход же не одиноких мужчин и парней вызывал у окружающих скорее сожаление. Из Ярославской губернии писали в Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева, что в случае, если уходит в монастырь дочь, то родители обычно ничего против не имеют и считают, что за них будет кому молиться Богу. Соседи часто завидовали таким родителям и говорили, что много грехов проститься родителям. Гораздо реже и менее охотно отпускают родители сыновей, т.к. уходил их кормилец в старости. Даже если таким образом менял свой образ жизни мужик в преклонном возрасте, общество все равно подозревало его в уходе не столько по мотивам веры, сколько от работы. Про более или менее молодых крестьян говорили, что они странствуют не для спасения души, а из-за нежелания работать. «Ходить-то из монастыря в монастырь полегче, чем работать нашу работу» [16, с. 152.]. Информаторы Тенишевского бюро там, где речь заходила о благочестии мужчин обязательно упоминали, чем они живут, каким ремеслом кормятся.

Итак, община, будучи главным институтом общественной жизни крестьян, и в XIX в. продолжала оказывать влияние, как на экономическую жизнь северного крестьянина, так и на морально-нравственную. Отсюда главными качествами, которыми должен был обладать общинник, были трудолюбие, религиозность, смекалка, уживчивость, хорошее здоровье. Особое уважение вызывала грамотность и активное участие в общественной и обрядовой деятельности общины. Качества, противоположные перечисленным, всячески высмеивались, порицались, в особых случаях могли привести к изгнанию из общины. В целом, общественное мнение было значимым регулятором, как во внутрисемейных, так и во внутриобщинных отношениях, а по сути, являясь основой благочестивого поведения во всем русском обществе.

Список литературы:

1. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
2. Государственный архив Вологодской области. Ф. 652. Оп. 1. Д. 45.
3. Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
4. Громько. М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986.
5. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. Введенская Оптина пустынь. 1995.
6. Камкин А.В. Православная церковь на севере России. Вологда. 1992.
7. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

8. Народное устно-поэтическое творчество. Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. В.В. Гура. Вологда, 1965.
9. Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда // Живая старина. СПб., 1903. Вып. I-II.
10. Потанин Г.Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. СПб., 1899. Вып. II.
11. Пругавин А.С. К вопросу о разрушении крестьянских общин // Русская Мысль. СПб. 1884. Кн. 7.
12. Симони П.К. Два старинных областных словаря XVIII столетия // Живая старина. СПб., 1898. Вып. III-IV.
13. Судаков И. Несколько замечаний об особенностях говора в Устюженском уезде новгородской губернии // Живая старина. СПб. 1903. Вып. IV.
14. Черты нравственно-религиозной жизни поселян некоторых уездов Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1865. № 16.
15. Шустиков А. Общинное землевладение // Живая старина. СПб. 1903. Вып. I-II.
16. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995.

В.А. Шаламов*

**«С грязи – не лопнешь, с чистоты – не воскреснешь»:
представление о повседневной чистоте тела у крестьян Восточной
Сибири 1920-х гг.**

Данная публикация посвящена представлениям крестьянства Восточной Сибири о чистоте тела. Значительное место отводится русским баням, а также представлениям населения о личной гигиене. Особенное внимание автора привлекает русское и автохтонное население Сибири, в результате взаимодействия которых образовался самобытный образ жизни. Значительная часть работы составлена на основе материалов медицинских обследований региона, свободных от обычного этнографического описания.

This publication is devoted to the representations of the peasantry in Eastern Siberia about the purity of the body. Significant place is given to the Russian baths and views of the population about personal hygiene. Special attention the author draws Russian and indigenous population of Siberia, the interaction of which formed a distinctive way of life. Much of the work compiled on the basis of medical examinations of the region, free from the usual ethnographic descriptions.

Ключевые слова. История повседневности, история крестьянства Восточной Сибири, санитария и гигиена в 1920-е гг.

---

* Шаламов Владимир Александрович, доцент кафедры, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет

Key words. The history of everyday life, history of the peasantry of Eastern Siberia, sanitation and hygiene in the 1920-ies.

В современном обществе благодаря развитию медицины, образования, поднятию общей культуры среднестатистического жителя развитых государств возросло внимание населения к личной гигиене. Даже появляется обратное явление, когда чистоплотность граничит со стерильностью. Чрезмерное умывание сказывается на состоянии защитного слоя кожи и волос, нарушается биобаланс слизистых оболочек, что снижает иммунные возможности человека и облегчает проникновению вредоносных вирусов и бактерий в организм. Во многом чрезмерное омовение стимулируется посредством рекламы различными коммерческими предприятиями, выпускающими средства по уходу за телом, чтобы искусственно увеличить спрос на свою продукцию. В этом плане лидируют жители США, где в половине среднестатистических односемейных квартирах имеются две ваннные комнаты или душевые. Прием душа или ванны является ежедневной процедурой.

В современном российском городе, также как и в большинстве городов Европы, население также привыкло к частым гигиеническим процедурам. Обычно через 2–3 дня волосы засаливаются, голова начинает царапаться, нахождение в помещениях приводит к усилению потоотделения и человек считает себя «ужасно грязным», что толкает его к приему ванны или душа. Боясь оказаться осмеянным за нечистоплотность, наш современник при малейшем загрязнении или появлении постороннего запаха тут же стремится избавиться от них. Воспринимая мир в подобном коде чистоты, мы зачастую переносим свои представления на культуру, в том числе культуру повседневности, прошлых эпох, что порой приводит к непониманию / неприятию этого прошлого. Между тем это важно для раскрытия мировоззрения представителей различных культур и эпох. Именно подобному аспекту посвящена данная публикация. В качестве примера было избрано сельское население Восточной Сибири 1920-х гг., где наблюдалась контрастная картина, составленная из культур разных народов, от переселенцев из Европейской части страны до местного автохтонного населения.

В отечественной исторической науке сложилось представление о чистоплотности русского населения, в качестве доказательства чего приводятся многочисленные упоминания о наличии бань, начиная с летописной легенды о путешествии апостола Андрея в русские земли. Более детальные исследования встречаются редко. Возникает вопрос, а что собственно представляли из себя русские бани? В сельской местности Восточной Сибири доминировали так называемые бани по-черному. Обычно они представляли собой неказистые постройки срубного типа без пола и

потолка. Обычно моющиеся приносили с собой солому, служившей в качестве подстилки под ноги. Часто они строились без предбанника, вследствие чего приходилось раздеваться либо на улице, либо внутри самой бани. С одной стороны от входа располагался очаг с камнями для пара. Над очагом не было трубы, поэтому дым выходил через специальное волоковое окно или через дверь, отчего на стенах и крыше оседала сажа и копоть, что и послужило названием этих бань по-черному. С другой стороны от входа располагался полоч. Обычно в банях не мылись, а парились.

Медицинские исследования показывают, что в Иркутском округе бани по-черному составляли 88%. В переселенческих поселках их количество доходило в Иркутском округе до 90,5%, в Тулуновском – 94,2%, в Киренском – даже до 98,4% [6, с. 8]. Встречались регионы, где бани побелому исчислялись единицами. Например, в Тутало-Чулымском крае Ачинского округа имелась всего одна такая баня [10, с. 64]. Это красноречиво подтверждает преобладание данного типа банных установок. Однако имеются и иные цифры. В старожильческих поселениях баня имелась практически в каждом хозяйстве, за исключением самых бедных и нерадивых. Совершенно иная картина наблюдалась у переселенцев. В старых переселенческих участках Иркутского округа одна баня приходилась в среднем на два двора или на 10 чел. В отдельных селениях в среднем приходилось до 19 чел. на одну баню. Впрочем, встречались ситуации много хуже. Так, в новообразованных переселенческих участках новоселы первое время вообще не обзаводились баней. В Иркутском округе в таких поселках одна баня приходилась на 10 дворов, в Тулуновском округе – на 8. В некоторых поселках, как например, Каменке, Ленковском, Галтее, Толмачевском бань не было вообще и жители изредка мылись в соседних поселках [8, с. 48]. Как правило, у старожилов отдельно от прочих строений стояли баня и овин, поскольку они были пожароопасны. Вследствие этого крестьяне довольно охотно соглашались на просьбы об использовании их бань посторонними лицами, совершенно не задумываясь о личной гигиене. Также обычай гостеприимства требовал, чтобы хозяева приглашали гостей, приехавших из других селений, попариться в баньке. Отчасти это объяснялось наличием большого количества гнуса, спасением от укусов которого являлась парная баня.

Естественно, что такие бани сосредоточили на себе критику медработников. Отсутствие предбанников приводило к частым простудам, поскольку распаренный человек одевался под открытым небом или выходил из бани в промокшей от пота одежде. Отсутствие полов мешало санитарной обработке помещения после каждого моющегося. Достаточно было одного человека больного чесоткой, тифом, сифилисом, и другими инфекционными заболеваниями, чтобы зараза осела в земляном полу, полке, стенах бани, а последующим моющимся доставалась по цепочке. Тем не менее, несмотря на постоянную критику данных банных установок, население не спешило

следовать призыву медработников строить бани по-белому. Чаще всего причиной являлась не косность крестьянского мышления и не традиционализм сибирского селянина. Строительство всегда оттягивало значительные силы землероба от его хозяйственных нужд. Требовалось запастись лесом, вывезти его, организовать строительство с привлечением соседей и родственников, что было чревато последствиями для организатора. К тому же зачем перестраивать то, что может прослужить еще много лет. Чаще всего строить баню по-белому соглашались те, кому и так нужно было возводить новую баню взамен ветхой или сгоревшей. Стремление же советских врачей кампанейским методом раз и навсегда решить эту задачу закончилось мизерными результатами. Даже в 1960-е гг. в регионе люди иногда еще мылись в банях по-черному. Впрочем, чаще всего их уже использовали параллельно с банями по-белому в качестве парного отделения.

В первой половине XX в. считалось достаточным посещение бани один раз в неделю. Данный срок освящался религиозными представлениями православных и обычно в субботу все старались помыться, чтобы в воскресенье прийти в церковь чистым. В Сибири действовали те же самые представления. Старожилы мылись один раз в неделю, а переселенцы в зависимости от обстоятельств, иногда 1–2 раза в месяц. Врачи прекрасно понимали недостаточную частоту омовений тела жителями деревень, но изменить ничего не могли. Казалось бы в Сибири вообще нет проблем с дровами, тем более у переселенцев, которые выкорчевывают огромные лесные пространства. Отсюда делался вывод о традиционализме крестьян.

На самом деле не все так просто. Во-первых, крестьяне стремились заработать на продаже леса, поэтому лучшая часть древесины шла на продажу. Во-вторых, отопление крестьянских изб в зимнее время требовало колоссальное количество дров. По разным данным, для отопления на душу населения требовалось от 2 до 5 кубометров дров в год, в среднем 3,85 кубометра, а на один двор расходовалось 35,6 кубометров дров ежегодно [13, с. 143]. Это количество необходимо было выкупить (попенный сбор), свалить, распилить вручную, привезти домой и расколоть на мелочь. Увеличить частоту посещения бани до двух раз в неделю, означало резко увеличить количество заготавливаемых дров, что требовало дополнительных усилий и без того измотанного населения. Вдобавок мытье требовало значительного количества воды, которую необходимо было доставлять вручную, что также требовало значительных усилий. Все это сдерживало естественные потребности сельских жителей гораздо сильнее всяких традиций и религиозности. Правда, в случае необходимости крестьянин легко мог приготовить баню (приезд родственников издалека, проведение грязных работ, праздники, рождение ребенка).

Конечно, учитывая интенсивность крестьянского труда и постоянный контакт с домашними животными, человек и его одежда приобретали

особые свойства. Современному человеку сибирский крестьянин 1920-х гг. показался бы нечистоплотным, с засаленными волосами, загрязненной одеждой, запахом пота. Из-за отсутствия подгузников в избах почти каждой семьи чувствовался запах мочи. Были и смягчающие обстоятельства. Селяне чаще бывают на свежем воздухе, что позволяло проветривать тело. В избах было довольно прохладно зимой, после того, как переставала топиться печь, что сдерживало потоотделение. В летнее время часто ночевали на сеновалах, в зимовьях, сенах, где было прохладней. Сибиряки любили купаться в местных водоемах. К тому же стоит отметить, что замечать такую нечистоплотность было особо некому. Свои же односельчане жили в подобных же условиях. Приезжие горожане из-за расстройств коммунального хозяйства в городах порой выглядели хуже крестьян, поэтому селяне, привыкнув к такому образу жизни, не видели необходимости изменять его, часто сочиняя поговорки вроде: «С грязи – не лопнешь, с чистоты – не воскреснешь!»

В избах зачастую отсутствовал умывальник. В Киренском округе он имелся только в 65% крестьянских изб. Часто роль умывальника выполнял старый чайник, самовар или кувшин. В Забайкалье в отчетах врачей часто звучало, что селяне умываются, набирая воду в рот, и выпуская ее струйкой на руки над какой-нибудь посудой или с крыльца. Те же тенденции отмечаются в ряде мест Предбайкалья и особенно часто в пределах Красноярского края [7, с. 18]. Так, что и в быту многие правила личной гигиены было трудно соблюсти.

Отдельно стоит остановиться на моющих средствах. Еще в годы гражданской войны возникли серьезные перебои с мылом. В 1920-е гг. ситуация несколько улучшается, но периодически возникали затруднения, особенно в деревне. Вследствие этого можно было в отчетах властей и местных газетах видеть самые различные отклики. Так, в статье санитарного врача Н.И. Сазонова, сделавшего описание санитарного состояния Тагнинского района Иркутского округа, отмечается, что моются с помощью мыла, а различного рода суррогаты мыла отошли на второй план, и используются, главным образом, для стирки белья [9, с. 28]. Санитарный врач Бергман, обследовавший в 1926 г. Улетовский район Читинского округа, напротив пишет, что население мыла почти не употребляет, кроме бани, где его часто заменяют гужиrom (содовым раствором, образующимся в некоторых озерах) [1, л. 103]. Кроме гужира находит применение щёлок (водный настой древесной золы), как наиболее простой в изготовлении и применявшийся крестьянами с незапамятных времен. В газетах временами печатали рецепты изготовления мыла в кустарных условиях. Иногда население к ним прибегало. Например, в материалах обследования крестьянского хозяйства Ф.А. Саломатова одного из сел Красноярского округа значится, что за 1927 г. было приобретено мыла туалетного 5 кусков, мыла простого 9 фунтов и соды бельевой 15 фунтов, из которой было

изготовлено 30 фунтов обычного мыла [2, л. 12–13]. Вероятно, оно использовалось только для стирки, поскольку по своему составу напоминает хозяйственное, но при отсутствии альтернативы вполне могло использоваться как туалетное.

Немаловажным фактором, влияющим на чистоплотность сибирских крестьян, являлось соседство с местным аборигенным населением. Практически ни у одного сибирского народа не имелось аналога русской бани. Доктора В.Н. Жинкин у бурят [5, с. 4], М. Тареев у хакас [12, с. 50-51], В.Н. Дорофеев у якутов [4, с. 17], А.М. Шифрин у тунгусов [3, л. 73], И.С. Тарасов у самоедов и долган [11, с. 75] отмечали сходные черты. Отсутствие умывальников, умывание пусканием воды изо рта, отсутствие бань, редкое использование мыла. Иногда при медобследованиях встречались экземпляры, не мывшиеся теплой водой ни разу в жизни. В реальности аборигены Сибири мылись 2–3 раза в год теплой водой. Отчасти это объясняется условиями жизни автохтонного населения. Например, буряты и хакасы зачастую проживали в местностях, где даже питьевая вода была редкостью, отсюда и образ жизни, который за века приобрел и религиозное объяснение. Бродячий образ жизни тунгусов, якутов, долган, самоедов не предполагал серьезных построек жилья, не говоря уже о банях. Впрочем, у последней группы народов в религиозных воззрениях не было положений, касающихся омовения и при случае они охотно мылись в банях у русских. Сами же русские, глядя на инородческое окружение, не знавших даже элементарных сведений о личной гигиене, считало себя невероятно чистоплотным. В силу этого порой остро воспринимая критику в свой адрес. Соседство с аборигенами не пошло на пользу сибирским селянам в плане совершенствования навыков ухода за своим телом.

Таким образом, на представление восточносибирских крестьян 1920-х гг. оказывало влияние множество факторов, из которых традиционализм, косность и религиозность играли наименьшую роль. Значительное место отводилось давности переселения в Сибирь, экономическому благополучию, соседству с автохтонным населением. Омовение тела привязывалось не к самоощущению человека, а к еженедельному расписанию, главным образом, продиктованному хозяйственным укладом жизни крестьянской семьи.

Список литературы:

1. Государственный архив Забайкальского края. Ф. р-1393. Оп. 1. Д. 114.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 126.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. р-67. Оп. 1. Д. 15.
4. Дорофеев В.Н. Болезни глаз среди населения Вилюйского и Олекминского округов. Ленинград: АН СССР, 1930.

5. Жинкин В.Н. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочевых бурят Агинского аймака. Верхнеудинск, 1927.
6. Никульченко Е.Ф. Жилищные условия крестьян Киренского округа // Сибирский медицинский журнал. 1930. №3.
7. Пальмин М.И. Питание сельского населения Красноярского округа. Красноярск: Гостиполитография, 1926.
8. Сазонов Н.И. Санитарные условия современного переселения // Сибирский медицинский журнал. 1928. №4.
9. Сазонов Н.И. Санитарный очерк Тагнинского района // Сибирский медицинский журнал. 1927. №6–7.
10. Санитарное состояние края // Сибирский медицинский журнал. 1929. №5.
11. Тарасов И.С. Год работы в полевых тундрах Туруханского края // Сибирский медицинский журнал. 1928. №6–7.
12. Тареев М. Венерические болезни, туберкулез и грибковые заболевания среди хакасов // Сибирский медицинский журнал. 1930. №1.
13. Шпилов А.В. В тесноте... (Об одной характерной черте русской традиционной бытовой культуры) // Вопросы истории. 2005. №1.

А.Ф. Гавриленков*

Повседневная жизнь членов секты евангельских христиан (пашковцев) в Смоленской губернии в 1905–1917 гг.

Указ 17 апреля 1905 г. открыл возможность евангельским христианам совершать богослужения, собираться на богомолния. Верующие столкнулись с трудностями, так как государственная власть создала условия, выполнив которые верующие законно становились евангельскими христианами. Государственная власть контролировала процесс перехода православных верующих в евангельское христианство. Однако, предотвратить данный процесс государственная власть в указанный период не смогла.

The decree of 17 April 1905 opened the way for Evangelical Christians to perform worship, to gather at bogomolny. Believers are faced with difficulties, as the government has created the conditions, after completing which believers legitimately became Evangelical Christians. The state government oversaw the transition of the Orthodox believers in Evangelical Christianity. However, to prevent this process the state power in the specified period are unable.

Ключевые слова: евангельские христиане, секта, собрание верующих, государственная регистрация общины, государственный контроль.

Keywords: evangelical christians, sect, congregation, state registration of a community, state control.

---

* **Гавриленков Алексей Федорович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью, Смоленский государственный университет

Историю появления в России секты пашковцев, её вероучение и догматы в разное время изучали В. Андерсон, Д.И. Боголюбов, В. Бонч-Бруевич, С.В. Булгаков, Т.И. Буткевич, А.И. Клибанов, С.Н. Савинский, В.Н. Терлецкий [1–4; 16; 17; 19; 20]. Тем не менее, история появления и развития секты пашковцев, например, на территории Смоленской губернии не находила отражения в отечественной научной литературе, в работах смоленских историков, краеведов.

Секта берет свое название от В.А. Пашкова, которого обратил в новую веру прибывший в Санкт-Петербург в 1874 г. английский проповедник лорд Редсток.

Жизнь верующего, принадлежащего к евангельскому христианству, начиналась с прошения верующего к губернатору о переходе из православия. Как правило, оно начиналось обычно со стандартной фразы: «Желая, вследствие перемены религиозных убеждений, по свободному влечению, ничем и никем не стесняемой совести, перейти из Господствующей Православной Церкви в вероисповедание Евангельских Христиан имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство на основании ВЫСОЧАЙШЕГО Указа от 17-го Апреля 1905 года и циркуляра Министерства Внутренних Дел от 18-го Августа 1905 года за № 4628 не отказать в распоряжении, чтобы я был исключен из списков членов Православной Церкви и чтобы в Моем виде на жительство в графе "Вероисповедание" было написано "Евангельского"» [9, л. 13]. Неофит должен был получить разрешение на переход из православия от губернатора, заплатив при этом пошлину.

Желающему перейти в секту евангельских христиан далее приходской священник делал увещание с тем, чтобы попытаться на него воздействовать и не допустить переход в секту [10, л.12; 11, л. 8; 12, л. 7; 13, л. 6].

Далее, верующий получал отметку в посемейном списке о переходе в секту. После этого верующий получал соответствующее удостоверение [11, л. 44].

Повседневная жизнь евангельских христиан проходила в тесном общении с православными верующими. Этим и обусловлено то, что евангельские христиане пропагандировали свое вероучение среди православных сами выйдя из православия. Однако, такие действия верующих подпадали под уголовное законодательство. К евангельским христианам применялись статьи 73, 74 и 90 Нового Уголовного Уложения, посвященные наказанию за богохуление и кощунство, за соращение православных в секту [18, с. 34, 35, 40]. Органы государственной власти пристально следили за тем, чтобы не было случаев соращения православных верующих в учение евангельских христиан.

Популяризация своих идей евангельскими христианами происходило через распространение духовной литературы религиозно-нравственного

содержания. Такую литературу местные власти изымали у евангельских христиан, однако, как правило, возвращали владельцам. Показателен в этом отношении следующий пример. Переписка по делу о секте пашковцев показала, что один из основателей общины евангельских христиан, Феодосий Елисеев, распространял литературу религиозно-нравственного характера в количестве 193 брошюр и книг, о чем краснинский уездный исправник докладывал в губернское правление [5, л. 4–4 об.]. Губернское правление 29 апреля 1908 г. дало резолюцию за № 1683: «Вследствие рапорта за № 763, поставить в известность Краснинского Уездного Исправника, что со стороны Правления не встречается препятствий к выдаче Феодосию Елисееву отобранных от него брошюр и книг религиозно-нравственного содержания, которые, по донесению Исправника, могут быть допущены к обращению» [5, л. 5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная власть все же не видела опасности в распространении религиозно-нравственной литературы представителями данной секты.

Каждую субботу вечером евангельские христиане собирались в доме одного из верующих своей общины и проводили свои собрания до двенадцати часов ночи, при этом читали Евангелие и пели псалмы [5, л. 5]. Посторонние лица не могли попасть на такое собрание [5, л. 5].

Периодически к евангельским христианам Смоленской губернии приезжали из Санкт-Петербурга благовестники, наставники. Так, епископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий в рапорте на имя губернатора Н.И. Суковкина отмечал, что в период религиозных праздников, когда собиралось много православных верующих «на святках и масленице, когда к ним (секте пашковцев – А.Г.) приезжают из Петербурга наставники для разъяснения Св. писания в духе секты» [5, л. 6 об.].

Члены групп верующих периодически общались между собой, несмотря на факт того, что были разбросаны по губернии.

Совместными усилиями евангельские христиане, проживавшие в пяти уездах губернии, подали ходатайство об учреждении Краснопольской общины. 17 октября 1913 г. в губернское правление поступило заявление от 4 групп евангельских христиан (всего 63 чел.) об учреждении Краснопольской общины, расположенной в Рославльском уезде [9, л. 1–2 об.]. 2 ноября 1913 г. губернское правление вынесло решение об отказе в регистрации Краснопольской общины в связи с тем, что «...в 7 уездах её (Смоленской губернии – А.Г.) последователей этой секты вовсе нет, а потому просители и не вправе ходатайствовать о распространении деятельности Краснопольской сектантской общины на всю Смоленскую губернию» [9, л. 5 об.]. 5 ноября 1913 г. своим указом Николай II также отказал в учреждении Краснопольской общины евангельским христианам [9, л. 7 об.]. Точку в решении этого вопроса поставил указ Временного правительства от 1 августа 1917 г. – евангельским христианам было отказано

в учреждении общины на тех же основаниях, что и в предыдущих актах [9, л. 10 об.].

Государственная власть вела учет лиц, отпавших от православия в различные вероисповедания, в том числе и евангельское христианство. На 14 января 1910 г. евангельские христиане (пашковцы) в количестве 54 чел. обоего пола числились только в Краснинском уезде Смоленской губернии [6; 7, л. 56]. По данным Смоленской консистории за 1911 г. в пределах Смоленской губернии из православия в евангельское христианство перешли 17 чел. [7, л. 23 об, 27]. Кроме того, духовная консистория вела учет тех лиц, кто отпал от православия в евангельское христианство вне пределов Смоленской губернии, но родившихся на её территории. Таких было зафиксировано 25 чел. [7, л. 24].

На 1-е января 1912 г. группы пашковцев (евангельских христиан) действовали уже в четырех уездах губернии – Гжатском, Ельнинском, Краснинском и Рославльском [9]. Количество верующих по представленным уездам различалось. Так, в Гжатском уезде проживало всего 3 верующих – евангельских христиан в одной деревне. В Краснинском уезде проживал 41 евангельский христианин в одной деревне. В Ельнинском уезде насчитывалось 20 евангельских христиан в 4 деревнях. Наконец, в Рославльском уезде евангельские христиане проживали в 3 деревнях и одном сельце, общей численностью в 22 чел. По другим данным, в Рославльском уезде проживало 23 верующих сектанта [8, л. 174 об.]. Таким образом, на указанный период в губернии проживало от 86 до 91 евангельского христианина [8, л.94 об., л.147 об., л.174 об.].

В 1913 г. евангельских христиан в губернии насчитывалось 63 чел. обоего пола [9, л. 3–4].

Губернские власти были обеспокоены тем, что численность евангельских христиан в губернии росло. Власти пытались разобраться в причинах этого явления. Во все уезды, где проживали евангельские христиане, были направлены отношения с предписанием о поведении, нравственных качествах, судимости и политической благонадежности [15, л. 58, 59, 61, 62].

Краснинский уездный исправник определял евангельских христиан, на примере Феодосия Елисеева (руководителя евангельских христиан в уезде – А.Г.), как хитрых и ненавидящих христианство [15, л. 64 об.].

Рославльский уездный исправник определял причины перехода православных верующих в секту евангельских христиан в рапорте за № 408 от 27 февраля 1915 г. Во-первых, «лица, проживающие в отхожих заработках, подпадая под влияние тех или других руководителей сектантских учений, по возвращении к себе на родину, переносят эти учения и, не встречая со стороны духовных пастырей надлежащих разубеждений, большей частью распространяются среди соседей и родственников возвращающихся» [15, л. 76]. Во-вторых, причиной перехода православных

верующих в сектантство в Радичской волости Рославльского уезда исправник назвал обострение отношений до такой степени, что крестьяне избегали богослужения, проводимые священником [15, л. 76 об.]. Рославльский исправник, между прочим, отмечал, что руководитель сектантов в уезде поведения и нравственных качеств хороших и ни в чем предосудительном замечен не был.

Губернские власти не могли остановить процесс перехода православных верующих в евангельское христианство. Это было связано с тем, что наставники соблюдали нравственные предписания. В тоже время, государственные власти нарушали нормы и правила в отношении евангельских христиан, что еще более укрепляло их в правоте своего вероучения.

Список литературы:

1. Андерсон В. Старообрядчество и сектантство. СПб., Издание В.И. Губинского, [1908].
2. Боголюбов Д.И. Кто это – пашковцы, баптисты и адвентисты. СПб.: Отечественная типография, 1912.
3. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография Губернского правления, 1910.
4. Булгаков С.Н. Справочник по ересям, сектам и расколам. М., 1994.
5. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 95. Д. 731.
6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 442.
7. ГАСО. Ф. 2. Оп. 98. Д. 583.
8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 99. Д. 435.
9. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 484.
10. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 494.
11. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 496.
12. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 498.
13. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 499.
14. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 502.
15. ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. Д. 230.
16. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Издательство «Наука», 1965. 348 с.
17. Материалы к изучению русского сектантства и раскола. Под редакцией В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908.
18. Новое Уголовное Уложение. СПб.: Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина, 1903. 256 с.
19. Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917). СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1999. 424 с.
20. Терлецкий В.Н. Секта пашковцев / [Соч.] г. Терлецкого. СПб.: И.Л. Тузов, 1891. 139 с.

Из истории погребальной культуры Смоленска в 1917–1941 гг.: традиции и трансформации

В статье рассматриваются трансформации, происходившие в погребальной культуре Смоленска в первые послереволюционные десятилетия. Показано, что процесс изменений в этой сфере носил долговременный характер и был связан с постепенным отказом от религиозных предписаний и традиций. Особое внимание уделяется некрологам и траурным извещениям. Отмечено, что стиль и содержание данных публикаций со временем менялись. Они становились лаконичнее и суше, приобретая вид деловых сообщений.

The article discusses the transformation that took place in the funeral culture of Smolensk in the first post-revolutionary decade. It is shown that the process of change in this area would be sustainable and was associated with a gradual rejection of religious precepts and traditions. Special attention is paid obituaries funeral notice. Noted that the style and content of these publications changed over time. become shorter and drier, taking on the appearance of business messages.

Ключевые слова: Смоленск, похороны, кладбища, некрологи, погребальная обрядность.

Key words: Smolensk, funerals, cemeteries, obituaries, funeral rites.

Одним из перспективных направлений в исследовании истории повседневной жизни является изучение трансформаций погребальной культуры. Как отмечал А.Я. Гуревич: «...восприятие смерти, потустороннего мира, связей между живыми и мертвыми – тема, обсуждение которой могло бы существенно углубить понимание многих сторон социально-культурной действительности минувших эпох, лучше понять, каков бы человек в истории» [4, с. 6].

Наиболее существенные изменения в традициях похорон и представлениях о смерти в России XX века произошли после 1917 г. Эти перемены затронули не только столицы и крупные города, но и такие провинциальные центры как Смоленск. Наряду с прежними обычаями церковного погребения после революции постепенно стали распространяться церемонии гражданских похорон. Как правило, если покойный был активистом той или иной политической партии или движения, его связь с этой партией или движением особо подчеркивалась во время погребения. В.А. Борисюк, живший в 1920-х гг. в Смоленске, писал о похоронах молодого анархиста Сергея Таранина, застрелившегося в 1921 г.: « ... когда его хоронили, то при повороте с Молоховской площади на

---

* Валуев Демьян Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет.

Рославльское шоссе ..., к небольшой группе провожающих, следовавших за телегой с гробом Сергея, присоединилось несколько человек, вышедших, очевидно из клуба анархистов, который находился здесь же, за Молоховскими воротами .... Эти люди принесли с собой и развернули над гробом мрачное черное знамя» [2, с. 32].

При этом прежние традиции церковных похорон сохранялись достаточно долго. Связано это было в немалой степени с сохранением и деятельностью храмов различных конфессий и их общин. В.А. Борисок так вспоминал о похоронах своей соседки по Красноармейской слободе Марии Вериго, умершей в 1924 г.: «Хоронить её приходил из костела ксёндз, а с ним неожиданно пришел ... мальчишка Эдик с 4-ой Линии. Он, как и ксёндз, явился в белом кружевном стихаре поверх зимнего пальто с большим деревянным крестом ... В открытом гробу Марусю снесли в костел. Многие с нашей улицы её провожали .... В костёле печальную церемонию отпевания усугубляли траурные звуки органа .... Похоронили Марусю на Костельном кладбище, ...» [2, с. 59].

В период гражданской войны и в первые годы после неё власти в Смоленске пытались создать своеобразный местный пантеон «борцов за революцию». В ноябре 1919 г., в центре города, на плац-парадной площади был похоронен В.И. Смирнов, руководитель губернского отдела труда, погибший в бою с бандитами. Площадь вскоре была названа в честь Смирнова (носила это наименование до середины 1930-х годов), а на ней стали хоронить партийных и советских деятелей, а также военнослужащих, погибших при подавлении бандитских выступлений и мятежей.

Обязательным элементом «красных похорон» являлась клятва соратников покойного в верности делу борьбы за революционные идеалы. Так, во время похорон командира батальона ВОХР М.Е. Куконкова и трёх красноармейцев, павших в бою с бандитами, открывавший траурный митинг руководитель губернского совета профсоюзов В.З. Соболев сказал: «Над свежей могилой мы поклянемся отомстить за наших товарищей и довести их дело борьбы с капиталом до конца» [5].

В ходе этих похорон исполнялись траурные песнопения. В губернских «Известиях» это было описано следующим образом: «Около свежей могилы хор рабочих и работниц пел свою прощальную революционную песню безвременно погибшим товарищам. Печальные звуки этой песни неслись над площадью, зажигая сердца новым огнем борьбы и мести. ... Вокруг тишина и только печальные звуки прощальной песни несутся и дрожат» [5].

К середине 1920-х несмотря на всю значимость захоронения революционеров как «священного места» регулярного ухода за могилами не было. 8 мая 1924 г. в главной газете Смоленской губернии «Рабочий путь» сообщалось: «На площади имени Смирнова, у памятника 1912 года, ряд могил товарищей – участников Октябрьской революции. В центре могила Смирнова, превращенная в груду облезлых венков.

И если бы не разорванная фанера с полинявшими остатками надписи о Смирнове, то найти его могилу не удалось бы совсем. А по бокам так и неизвестно, кто похоронен. Могилы неряшливо огорожены колючей проволокой, но она не спасает от того, что эта загородка мало по малу замусоривается до невозможности» [11].

Последние захоронения в «революционном некрополе» Смоленска состоялись в 1928 г. Но и к началу 1930-х годов это место сохраняло довольно неприглядный вид.

В мае 1929 г. начальник Смоленского гарнизона комкор А.И. Тодорский обратился в Президиум горсовета с письмом, в котором отмечал: «Смоленск до сего времени не увековечил достойным образом память героев, погибших за диктатуру пролетариата в гражданской войне. Более того, могилы погибших на фронте (похоронены на стадионе) (*имеется ввиду стадион Белорусского военного округа, разместившийся на площади Смирнова – Д.В.*) и умерших в госпитале (бывш. военное кладбище), находясь в забросе, стираются с лица земли» [1, с. 6].

Изменения в традициях, связанных погребением и поминовением усопших, коснулись и некрологов. Теперь, если подобные публикации были посвящены людям известным – общественным деятелям или руководителям любого ранга, в них особо подчеркивались их заслуги перед новой властью и строем. 2 декабря 1920 г. от сыпного тифа скончался известный в Смоленске доктор – старший врач Губернской соматической больницы С.А. Александров. В некрологе говорилось, что «за последний год, когда он принял деятельное участие в работе Губернского Отдела Здравоохранения, он внес в эту работу, можно сказать, юношескую бодрость и энергию». Указывалось также, что «в лице Сергея Александровича уходит в могилу врач, каких мало, который не забывается, который составляет счастье и гордость для города, где он живет и для людей, которым приходится с ним встречаться и работать». Но хоронили С.А. Александрова по православному церковному обряду. Об этом свидетельствует объявление о предстоящем погребении, в котором говорится про вынос тела «из больничной церкви» [7].

Некрологи и извещения о смерти и погребении, публиковавшиеся в конце 1910-х и в 1920-х гг. отличаются порой большой эмоциональностью. Нередко описывались подробно обстоятельства смерти человека. Так, в конце 1922 г. в «Рабочем пути» был опубликовано следующее извещение: «Доводится до сведения рабочих и служащих Смоленской городской электрической станции, что преждевременном 23 сего декабря в 7 часов утра умер контролер трамвайного движения Аркадий Валерианович Гущо от получившегося тяжелого ушиба 22 сего декабря в 10 ч. 30 м. при исполнении долга службы мчавшимися крестьянскими лошадьми, испуганными идущим мотоциклом у городского железнодорожного моста.

Заводоуправление и фазком просит товарищей почтить тело умершего тов. Гушо» [8].

30 декабря 1923 г. в Смоленске скончался комиссар воздушного флота М.В. Кулиничев. В корреспонденции, озаглавленной «Смерть на посту» говорилось: «Он не жил, а горел и сгорел преждевременно» [9]. Похороны Кулиничева были организованы по традициям новой обрядности и включали элементы необычные для провинциального города. Вот как описывалась погребальная процессия: «Гроб устанавливается на самолет и дорогие останки отвозятся к месту вечного упокоения – на братское кладбище. Впереди – ряд венков, за гробом воинские части со знаменами, над гробом – в воздухе – эскадрилья самолетов» [10].

Со второй половины 1920-х гг. по наблюдению В.С. Измозика «...власть стремилась показать пример нового отношения к смерти и захоронениям своих видных представителей» [6, с. 92]. Это отразилось, в частности, в пропаганде идей кремации. Один из случаев подобных похорон имел место и в Смоленске.

В июле 1928 г. в Москве скончался один из руководителей установления советской власти в Смоленской губернии В.З. Соболев. Его останки были кремированы, а прах доставлен в Смоленск для погребения в революционном некрополе. В заметке, опубликованной в «Рабочем пути», и посвященной прощанию с Соболевым, говорилось: «Человек состоит по химическому составу на три четверти из обыкновенной воды. В раскаленном воздухе эти три четверти превращаются в бесцветный, мгновенно улетающий пар. Остальное выгорает и перегорает совершенно, кроме содержащейся в костях извести. И вот в конусообразной урне – эти несколько горстей белых абсолютно чистых известковых камешков, мягко рассыпающихся в порошок от легкого встряхивания». Здесь же описана яркая сцена столкновения старой и новой погребальной обрядности: «Вошла старуха. Она потопталась у входа, затем приблизилась к середине зала, покосилась на урну и перекрестилась.

- Ты не крестись бабушка, – сказали ей. – Здесь не кладбище.

- Да его добром поминаю, – ответила она» [12].

На рубеже 1920–30-х гг. в период новой волны гонений на церковь, даже простое упоминание загробного мира при похоронах общественно значимого лица могло привести к негативным последствиям. Так, в марте 1930 г. при рассмотрении дела профессора Смоленского университета на заседании партбюро вуза среди прочих прегрешений преподавателя было указано и на то, что «он выступил с «реакционной» речью на похоронах профессора Прокина, отметив, что мы не знаем когда жизнь начинается и кончается и что происходит после этого» [15, с. 373].

Но даже в начале 1930-х гг., во время активного закрытия церквей и гонений на «бывших» в «Рабочем пути» можно было встретить такое траурное извещение о смерти известной в прошлом смоленской помещицы:

«Ольга Александровна Вонлярлярская скончалась 13 декабря после продолжительной и тяжелой болезни. Вынос тела в 9 час. утра 15 декабря во всехвятскую церковь. Погребение в тот же день на католическом кладбище» [13].

В 1930-е гг. некрологи исчезают со страниц местной печати, их заменяют краткие траурные извещения от родных и коллег покойного и столь же краткие соболезнования родственникам умершего. Выражались они, например, в такой форме: «Администрация, местком, коллектив сотрудников смоленской областной конторы «Главтабак» и семьи Розенберг и Локшин выражают свое соболезнование сотруднику Бирбровер Зиновию Яковлевичу и детям в постигшем их большом горе – смерти жены и матери Дины Яковлевны Бирбровер» [14].

Абсолютное большинство похорон в предвоенном Смоленске носило скромный характер. В.И. Бухтеев, живший в детстве в одном из смоленских предместий, вспоминал: «Не единожды приходилось видеть и похоронные процессии. С нашей улицы хоронили в основном на Окопном кладбище. Специальных машин не было. Процессия двигалась за лошадьё, либо за машиной с открытыми бортами, чаще несли покойного на полотенцах через плечо» [3, с. 16].

В довоенном Смоленске, несмотря на все перемены идеологического характера, (например, в условиях антицерковных гонений и массового закрытия храмов почти прекратились церковные похороны) сохранялись основные элементы традиционной погребальной обрядности. При этом публикации о смерти и похоронах в местной печати в течение первого послереволюционного двадцатилетия претерпели серьёзные изменения. Если в 1920-х гг. зачастую это были эмоциональные рассказы о заслугах покойного и обстоятельствах его смерти, то в предвоенный период они превратились в короткие и скупые по стилю сообщения.

Список литературы:

1. Аникеев В.М. Святая память потомков или святотатство на могилах? // Концепт святости в историческом контексте. Материалы междунар. науч.-прак. конф., посвященной 1150-летию первого упоминания Смоленска в русских летописях. Смоленск: Маджента, 2013.
2. Борисюк В.А. Солдатская слобода от начала до исчезновения: Воспоминания. Смоленск: Библиотека журнала «Годы», 2002.
3. Виталий Бухтеев: жизнь ради прекрасного. Смоленск: «Коллекция», 2006.
4. Гуревич А.Я. Предисловие // Арьес Филипп. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Прогресс-Академия», 1992.
5. Известия Смоленского Губернского исполнительного комитета и Совета рабочих и красноармейских депутатов г. Смоленска. 1919. 18 ноября. № 254.
6. Измозик В.С., Лебина Н.В. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920-1930-е годы. Социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб: Крива, 2016.
7. Рабочий путь. 1920. 4 декабря. № 282.

8. Рабочий путь. 1922. 24 декабря. № 289.
9. Рабочий путь. 1924. 3 января. № 2.
10. Рабочий путь. 1924. 4 января. № 3.
11. Рабочий путь. 1924. 8 мая. № 104.
12. Рабочий путь. 1928. 26 июля. № 172.
13. Рабочий путь. 1931. 14 декабря. № 283.
14. Рабочий путь. 1939. 5 февраля. № 29.
15. Фэйнсон Мерл. Смоленск под властью Советов. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1995.

А.В. Бочарова*

Идеологическая модернизация религиозной повседневности советского города (на примере Самары)

Данное исследование, посвященное идеологическим модернизациям в повседневной религиозной жизни 1920-х гг. в Самарской губернии, является важной и актуальной темой в поиске парадигмы межнационального и межконфессионального сочетания в условиях современной России.

На впервые вводимом в научный оборот источниковом материале Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ) и Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), автор показывает картину столкновения в тигле новой послереволюционной жизни конструктов старой и новой идеологий, «войну и мир» языков культуры, традиций.

The study on ideological modernization in everyday religious life of the 1920s in the Samara province is an important and relevant topic in the research of a paradigm of interethnic and interfaith combinations in the modern Russia conditions.

On the basis of the first time introduced into scientific circulation source material from the Samara Regional State Archive of Social and Political History and from the Central State Archive of the Samara Region the author persuasively shows a picture of the clash of old and new ideologies constructs, "war and peace" language of culture and traditions in the crucible of a new post-revolutionary life.

Keywords: religion, Church, everyday, Samara, revolution, atheism, power.

Ключевые слова: религия, церковь, повседневность, Самара, революция, атеизм, власть.

Революционные события 1917 г. и последующее формирование советской государственности являются одним из самых драматичных периодов в истории взаимоотношений религиозных институтов и государства в нашей стране. После захвата власти, большевики были вынуждены обратиться к сознанию той части общества, которая

---

* **Бочарова Алина**, студентка IV курса исторического факультета, Самарский национально исследовательский университет имени академика С.П. Королева

придерживалась религиозных обрядов. Этот традиционно ориентированный социум являлся основой в российском государстве и главной задачей власти было заменить религиозную обрядность русского народа на идеологию марксизма, затронув при этом все слои общества, все народы и конфессии.

Уровень религиозности населения Российской империи до революционных событий 1917 г. несомненно, был достаточно высок, однако процесс секуляризации жизни, начавшийся еще с середины XIX в., не мог не повлиять на ослабление значения религиозных обрядов и освобождение от власти религиозных запретов большинства населения страны [9, с. 326]. К 1916 г. по данным Синода, происходило массовое отпадание от веры [1]. Наблюдалась тенденция индифферентного отношения к православию со стороны крестьянского населения. Конечно, еще по-прежнему горожане следовали религиозным обрядам, участвовали в церковных празднествах, посещали церковь по воскресениям, однако за общей картиной благочестия можно было увидеть постепенный отход от соблюдения всех имеющихся предписаний. Например, к 1910 г. вырос процент пропусков исповеди и причастия по неуважительной причине, а пост понимался населением, прежде всего, как воздержание от определенной пищи и интимных отношений [9, с. 327].

Все это происходило от низкой религиозной просвещенности простого народа в России, от слепого следования обрядам и традициям. Как писала Зинаида Гиппиус: «Народ русский никогда не был православным. Никогда не был религиозным сознательно. Он имел данную форму христианства, но о христианстве никогда не думал. Этим объясняется та легкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения – записаться в коммунисты, – тотчас сбрасывает всякую «религиозность». Отрекается, не почесавшись» [2, с. 145.].

Октябрьская революция изменила отношение к религии. Уже в 1917 г. были выпущены два декрета, регулирующих сферу религиозных отношений. И постепенно, в советской России началось перевоспитание всех слоев населения. Смена господствующего в обществе мировоззрения прошла для большевистского руководства в довольно короткие сроки, так как «значительная часть населения страны в силу патриархальности мировоззрения отождествляла идеалы христианства и коммунизма» [7, с. 147].

Один из партийных теоретиков того времени Арон Залкинд, в своем труде по психологии, где формулировал пролетарскую этику, использовал прямые заимствования из религиозной сферы [7, с. 147]. «Десять христианских заповедей – своеобразный теистический моральный кодекс – вполне подходят для этических нужд социалистического государства, необходимо лишь изменить их классовую направленность» - писал он в своей работе [5].

Но прежде чем внедрять новые устои жизни и новую мораль, руководству страны требовалось ослабить и уничтожить влияние старых предрассудков, очернить прежнюю религиозную обрядность. После провозглашения новой экономической политики, с ее относительной свободой в различных областях общественной жизни, с возвращением ряда прежних традиций и даже праздников, руководству новой России было важно не потерять достигнутых результатов в религиозной модификации, не прекращая и внедрение новой идеологии [8, с. 31]. В задачах и методах пропаганды безбожия в Самарской области можно было встретить такие слова: «В деревне возобновляется исполнение религии даже в новых формах, при новой обстановке – кулаками и нэпманами в своих классовых интересах» [15, с. 21].

В июле 1921 г. отдел пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) и его национальные отделения получили установку на проведения антирелигиозной пропаганды. Немного позже, В.И Лениным в работе «О значении воинствующего материализма», опубликованной в марте 1922 г. была конкретизирована данная идея [3, с. 26]. Антирелигиозная кампания, включала в себя целый ряд мероприятий, направленных на искоренение религиозных практик из жизни общества.

В стране начали проводить собрания, лекции и беседы, посвященные борьбе с религиозными предрассудками. Стали готовиться к масштабным антирелигиозным празднествам и в Самаре. Опыт проведения Комсомольского Рождества был дан по всей Республике и, в частности, в Самаре он дал положительные результаты. Идея получила дальнейшее развитие и возникла мысль затронуть один из важнейших церковных праздников православных христиан – Пасху.

Проведение Комсомольской Пасхи решено было устроить в форме карнавала, который проходил в первый день Пасхи. Участие в Комсомольской Пасхе было добровольным [13, л. 51], но очевидно желательным. Карнавал собирался организованно на Ильинской площади к 3 часам дня. А к вечеру уже при свете факелов и звезд процессия шла к собору, где происходит митинг-парад: торжественное сжигание макетов церкви, попа, муллы, будды и др. Далее читался антирелигиозный доклад, устраивались грандиозные антирелигиозные постановки [12, л. 68]. Видные архитекторы и художники принимали активное участие в художественном оформлении города во время проведения революционных праздников [6, с. 215].

С середины 1920-х г.г. в Самарской губернии начинает играть заметную роль в общественной жизни страны «Союз безбожников», задачей которого было объединить всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах [11, с. 2]. Из отчета Самарской губернской организации безбожников за 1926 г. можно узнать, что в декабре 1925 г. в городе был организован антирелигиозный музей,

который посещало большое количество людей [11, №10]. Одни посетители уходили, крестясь и отплёвываясь, но большинство говорило после ознакомления: «вот хорошо, что додумались открыть такой музей! По крайней мере, узнаем, как вколачивалась нам в голову этот дурман-религия, какой вред она приносила трудящимся...» [11, №10].

Не обходили музей и крестьяне, которые вначале робко заходили в него, но прослушав объяснения истории религии, задавали массу вопросов, а многие просили дать им адресок откуда выписать газету «безбожник» и журнал [11, №11]. Музей работал ежедневно, кроме понедельника с шести до десяти вечера [11, №11]. Всего с марта в музее было проведено 118 докладов, посетили его 26 240 чел. (1927–1928 гг.).

В отношении ислама власть вела такую же пропаганду, как и в отношении христианства, хотя в период после революции давало время исламскому духовенству и культуре «более менее мирно существовать». Это объяснялось прежде всего тем, что новой власти требовалась поддержка мусульманской части населения России. Считалось, что печать интересов эксплуататорских классов лежит на всем учении Корана. Примером этого служили высокие ставки налога в пользу мечети [13, с. 83–85.]. Муллы объявлялись такими же «Духовными жандармами» как и православные попы. Антирелигиозные праздники стали проводиться и у мусульманского населения. В мусульманском обществе издавна чтили и соблюдали пост во время священного месяца Рамадан, который традиционно заканчивался праздником Уразы. И именно на этот обычай власть решила надавить при проведении своих мероприятий.

Проведение антиуразинской кампании можно проследить по инструктивному письму волжского краевого совета союза воинствующих безбожников к Мордовскому Облсовету Средне-Волжского края на 1932 г. В этом документе подробно описывается, как вреден для народа месяц Рамадан, и предлагаются пути для его искоренения.

«Месяц рамазан из покон веков является ударным месяцем мусульманского духовенства и поэтому безбожные организации должны употребить максимум энергии для успешной борьбы с этим контрреволюционным праздником» [14, л. 21], – говорилось в докладе. Также подчеркивалось, что время наступления уразы совпадает с подготовкой к весеннему севу, и поэтому, антиуразинская кампания должна была пройти под лозунгами «борьбы с прогулами», «мобилизацией масс за сохранение и увеличение большевистских темпов во второй пятилетке и т.д.»

В итоге, решено было провести инструктивные совещания безбожного атеизма, прочитав лекции на различные темы, добиться от Районо организации бесплатных завтраков для школьников, и всеми силами бороться за стабильное обучение школьников. Также планировалось организовать безбожные бригады, а в колхозах и на предприятиях вести

агитационную работу против соблюдения поста, против празднования священных дней «гай» и «фитр». Беспрецедентным казалось отвлечение населения от ночной молитвы путем привлечения их к концертам, спектаклям в вечернее время [14, л. 22 об.].

Интересным явлением в антирелигиозной деятельности выступили «октябрины» или «звездины». По воспоминаниям самарского комсомольца Михаила Азарова-Гая, в Самаре первые октябрины прошли в мае 1924 г. в Народном доме трубочного завода [4, с. 41]. В селе Черновке 7 ноября, в день празднования десятой годовщины Октябрьской революции Л.И. Воронов октябрил новорожденную девочку. «Бурно приветствовал президиум «Октябрину» как назвал отец девочку. Председатель президиума взял ребенка, сказал горячую речь, в которой подчеркнул, что очень рад тому, что наш союз пополнился новым членом, который будет жить по новому. Далее он передал ребенка пионеру, который тут же зачислил его членом юной пионерской организации. Затем ребенок был передан родителю, который в кратком слове объяснил, что вверяет своего ребенка на воспитание обществу и передал его председателю президиума, – повествуют нам материла архива.

Однако, несмотря на все приятые меры, религиозность населения Самарской губернии к концу 1920-х гг. оставалась по-прежнему высокой, хотя в ней и прослеживались новые идеологические отголоски. В июле 1928 г. в Самарском округе числилось 198 обществ и групп разного вероисповедования [10, с. 109.]. Как бы власть не боролась с религиозными традициями, в середине 1920-х гг. больше половины населения исполняло старые обряды.

Таким образом, 1920-е гг. в религиозном плане представляли собой смесь двух дискурсов, двух типов сознания населения: традиционного религиозного и нового идеологического, направленного против первого. И в условиях зарождающегося советского государства и формирования общества, их борьба только начиналась.

Список литературы:

1. Андреева А.А. Элбакян Е.С. От бога ли закон Божий? // Независимая Газета. http://www.ng.ru/ng_religii/2012-03-07/7_zakon.html
2. Гиппиус З.Н. Дневники. Варшава, 1920.
3. Дмитриенко В.Д. Торговая политика Советского государства после перехода к НЭПу 1921–1924. М., 1971.
4. Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России за рубежом. 2012. №3-4.
5. Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925.
6. Каркарьян В.Г. Самара-Куйбышев-Самара или Три портрета одного города. Самара, 2004.

7. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. СПб., 1999.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М, 1975.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Т. 2. СПб., 2000.
10. Подмарицын А.Г. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008.
11. Самарский центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) Ф. 20. Оп. 1. Д. 21.
12. Самарский областной государственной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 53. Оп. 1. Д. 363.
13. СОГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 140.
14. СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 42. Д. 176.
15. СОГАСПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 378.

Е.В. Дроботушенко*

К вопросу о православной повседневности населения юго-запада Читинской области на рубеже 1990–2000-х гг.

В статье, с опорой на материалы полевых исследований, проведенных на рубеже XX–XXI в., приводятся данные о бытовой стороне отправления православного культа на территории юго-востока Читинской области. Отмечается, что на тот момент времени, Русская Православная Церковь охватило своими службами еще не всю территорию региона. В связи с этим, в некоторых удаленных населенных пунктах православие существовало на бытовом уровне. Отмечается, что данное явление постепенно сходит на нет, что предопределено широким распространением в регионе официального православия, строительством храмов, ведением служб.

In the article, based on materials of field research at the turn of XX–XXI century, shows the domestic side of the departure of the Orthodox cult in the South-East of the Chita region. It is noted that at that time, the Russian Orthodox Church has extended its services not all of the territory of the region. In this regard, in some remote villages Orthodoxy existed at the household level. It is noted that this phenomenon is gradually eroding what is predetermined is widespread in the region, the official Orthodoxy by building temples, conducting the services.

Ключевые слова: религия, православие, старообрядчество, семейское население, Забайкалье.

Keywords: religion, Orthodoxy, old believers, Semey population, Zabaikalye.

Повседневная культура населения России становилась объектом научного изучения в самых разных аспектах. Однако не все составляющие

---

* **Дроботушенко Евгений Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

рассмотрены в равной мере. Изучена повседневность жизни народа не в равной степени и территориально. Очевидно, что в меньшей степени изучению подверглись значительно удаленные от научных центров регионы. Таким регионом является Забайкалье, причем, очевидно, что этнографические экспедиции в регионе работали, особенно активно – в советское время. Однако оба субъекта РСФСР на территории региона, Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика и Читинская область изучены не полностью. Интереснейшим объектом исследования повседневности является юго-запад современного Забайкальского края (относительно рассматриваемого времени – Читинской области). Особым аспектом существования повседневной культуры данного локального микрорегиона области является ее бытовая религиозность.

Состояние религий на определенной территории в определенный период времени характеризуется как «религиозная ситуация». Данное понятие используется религиоведами, историками и социологами. Анализ религиозной ситуации возможен с двух позиций. Одна – это институциональная составляющая, т.е. зафиксированный количественный состав институализированных структур и аспектов. К ним относятся религиозные группы, зарегистрированные религиозные организации, органы государственной власти и местного самоуправления, определяющие и определяющие религиозную политику, количество монастырей, храмов и молитвенных домов, численный состав священнослужителей и выражение обрядовой деятельности. Вторая – не институализированная, т.е. восприятие религии индивидом и обществом. То, что проявляется в их поведении, вне связи с формально измерим проявлением религии.

Первая из названных составляющих относительно легко оценивается при работе со статистическими данными, вторая получает свое изучение в рамках социологии религии, антропологии, этнологии.

Понятие «религиозная ситуация» неоднозначно и у разных авторов несет несколько разную смысловую нагрузку. Один из достаточно известных специалистов в области социологии религии Ремир Лопаткин дает следующую ее характеристику. Религиозная ситуация – это «это обобщающая характеристика всего комплекса религиозных проявлений...» в конкретное время в конкретном месте. Он же отмечает, что это такое положение в конкретное время в конкретном месте, при котором можно увидеть религиозные проявления, динамику их изменений [10].

Начиная с 60-х гг. XX в. в СССР проводились социологические исследования по вопросам религиозности, в некоторой степени изучалось сектанство, отношение к Богу и загробной жизни. Для того времени – это были, несомненно, прорывные работы в плане изучения религии. Однако, на наш взгляд, они давали ответы на некоторые конкретные вопросы в рамках атеистического сообщества, но не давали разносторонней картины отношения к религии в целом и, за некоторым исключением, к конкретному

религиозному учению в частности. Проблемы социологии религии советского, да и постсоветского времени признаются самими исследователями [8; 9].

Еще одним важнейшим моментом является то, что при изучении религии в советский период, традиционно, как в иное время, включая современность, за границами научного интереса исследователей оставались периферийные территории, такие как Забайкалье.

В Забайкалье в советское время за пределами изучения оказалась, как первая, институциональная составляющая (религия в формальном измерении не изучалась), так и вторая (восприятие религии индивидом или сообществом и отношение к ней).

Смена социально-политической парадигмы на рубеже 1980-х – 1990-х гг. привело к изменению отношения к религии в стране. Казалось бы, к рубежу XX–XXI вв. с активным распространением религий, особенно, православия, бытовая религиозность должна исчезнуть. Однако произошло это далеко не везде. Юго-западные территории Читинской области в силу удаленности от центра региона серьезные, качественные изменения в религиозности получать только в XXI в. В 1990-е же гг. ситуация выглядела иначе.

На рубеже XX–XXI в. автор в составе этнологической экспедиции участвовал в полевых исследованиях на территории рассматриваемого региона, в рамках которых, в частности, изучалась бытовая религиозность.

Юго-запад Читинской области (в настоящее время – Забайкальского края) – Красночикийский муниципальный район. Это территория традиционного расселения старообрядцев, которые в XX в. получили наименование «семейские».

Работа в семейских населенных пунктах дала интереснейшие для конца XX в. материалы. На некоторых из них остановимся подробнее.

Практически полное отсутствие православных церквей и молитвенных домов в регионе в советское время (один храм в Читинской области – в областном центре) привели к тому, что в населенных пунктах религиозные сообщества действовали самостоятельно. При отсутствии священнослужителей их функции выполнял кто-то из представителей общины. Местные жители называли их «поп». Такое нами встречено в с. Нижний Нарым, где функции «попа» выполняла женщина. При этом она не вела служение в современном понимании. Это предопределено тем, что никаких знаний и представлений о религии практически не было. Семидесятилетний период отсутствия служб привел к полному смещению в восприятии религий. Наиболее яркое выражение это находит в обрядовой стороне.

Достаточно необычным выглядел обряд отливания утопленника. В засушливый длительный период времени община верующих собиралась и во главе с «попом» набрав в ведра воды из реки, на берегу которой находилась

деревня, и в водах которой утонул один из жителей, выдвигалась на кладбище, где воду выливали на могилу похороненного утопленника.

В данном обряде совершенно четко прослеживаются языческие черты. При этом сами жители села соотносили себя с православием, хотя с определенными сложностями.

Отметим, что практически в каждом доме сохранился «красный угол» с православными иконами, причем, отнюдь не старообрядческими. Иконы почитались, но на бытовом уровне. Объяснить, кто на них изображен, хозяева не могли. Опять же в чем суть икон они так же не знали. Помимо икон сохранились и почитались складни, кресты. Понимание того, что это значимые предметы и связаны с религией, с православием было, но не более того.

На наш взгляд, помимо длительного периода «без официальной религиозности», определенный отпечаток здесь наложило два обстоятельства. Первое, что население рассматриваемой территории являлось потомками старообрядцев, а значит, сохранило в остаточных знаниях негативное отношение к официальному православию. Второй – в середине XIX в регионе начало распространяться единоверие – средняя форма между старообрядчеством и официальным православием, что еще больше внесло путаницу в религиозное восприятие населения.

В одной из публикаций совершенно верно замечено, что на рубеже 1990-х – 2000-х гг. сместились акценты изучения культуры, с «основных» явлений на «периферийные», т.е. с изучения в обрядовой сфере повседневной культуры «главных» обрядов, родов, свадеб, похорон на ритуализированные формы поведения [11, с. 7].

Современные же исследователи, говоря о религиозной ситуации в регионе, даже не используют терминов «повседневная» и или бытовая «религиозность». Ими предлагается понятие «народная религиозность», однако под нее заводят веру в сверхъестественное в виде духов и сил природы, в том числе, домовых, чертей, леших. [7, с. 105].

А.В. Жуков, говоря о народной религиозности отмечает, что рассматривая ее, не следует ограничиваться анализом ее религиозных и магических элементов [6, с. 14].

И.В. Цуканова, проанализировав различные трактовки, определяет «народную религиозность» как совокупности мифа, религии и культуры [12, с. 70].

Очевидно, что независимо от подходов «народная религиозность» понятие достаточно широкое. Рассматриваемая же нами «повседневная» или «бытовая» религиозность как узкое отражение религиозных верований в результате трансформации ценностей, в Забайкалье сегодня серьезного анализа не нашла. С широким распространением официального православия, к сожалению, бытовая обрядность на рассматриваемой территории постепенно сходит на нет и, таким образом, исчезает сам объект изучения.

Итоговым замечанием станет уверенное заявление о том, что еще в недавнем прошлом, на территории Забайкалья достаточно активно существовало, называемое нами «бытовое православие». В первом-втором десятилетиях XXI в. оно постепенно, но уверенно исчезает с карты региона. Причиной тому стало распространение официального православия даже на удаленные территории. Открытие храмов, молитвенных домов, приезды священнослужителей для отправления служб в удаленных населенных пунктах привело к тому, что население получило возможность реализации своих духовно-религиозных потребностей, исчезла необходимость делать это на бытовом уровне.

Список литературы:

1. Болонев Ф.Ф. Календарные обычаи и обряды семейских. У.-У.: Бурятское книжное изд-во, 1975. 94с.
2. Болонев Ф. Ф. Месяцеслов семейских Забайкалья (праздники в числох). Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1990. 76 с.
3. Болонев Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука 1978. 159 с.
4. Болонев Ф.Ф. Семейские. У.-У.: Бурятское книжное изд-во, 1992. – 224 с.
5. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1994. 148 с.; М.: Дик, 2004. 350 с.; У.-У.: БНЦ СО РАН, 2009. 340 с.
6. Жуков А.В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник ЧитГУ. 2011. № 2(69). С. 10–15.
7. Жуков А.В., Кондакова Н.С., Шевченко М.С. Современная религиозная ситуация на территории Забайкальского края (по материалам социологического исследования) // Вестник ЧитГУ. 2011. № 4(71). С. 102–110.
8. Лопаткин Р. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 14–26.
9. Лопаткин Р. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 266–272.
10. Лопаткин Р. Социологическая интерпретация понятия «религиозная ситуация» // RELIGARE. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_5803.html (дата обращения: 17.11.2016).
11. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 6–101.
12. Цуканова И. В. Определение специфики феномена «народная религиозность» // Наука-Искусство-Культура. 2012. Вып. 1. С. 64–71.

Проблема алкоголизации населения Иркутской области во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.

В 1990-е – начале 2000-х гг. в Иркутской области сложившаяся на фронте борьбы с алкоголизмом ситуация значительно ослабила позиции милиции в профилактике бытовых нарушений и, безусловно, стимулировала рост пьянства. К причинам алкоголизации населения можно отнести такие явления как низкая цена человеческой жизни, бедность, безработица, социальное сиротство, беспризорность и многое другое, что служило питательной средой пьянства и алкоголизма. Смертность больных алкоголизмом от неестественных причин, несчастных случаев, травм, отравлений внесла существенный вклад в структуру преждевременной смертности населения трудоспособного возраста.

In the 1990s – early 2000s in the Irkutsk region formed on the front of the fight against alcoholism, the situation has significantly weakened the position of the police in prevention of domestic violations and, of course, stimulated the growth of alcoholism. The causes of alcoholism in the population can be attributed to phenomena such as low the price of human life, poverty, unemployment, social orphanhood, homelessness and more, which served as the breeding ground of drunkenness and alcoholism. The mortality of patients with alcoholism from unnatural causes, accidents, traumas, poisonings made a significant contribution to the structure of premature mortality in the working age population.

Ключевые слова: алкоголизация населения, суррогатный алкоголь, токсикологический центр.

Key words: alcoholism, surrogate alcohol, a poison center.

Пьянство и алкоголизм в постсоветский период оставались в России крайне сложной и социально запущенной проблемой. В 1992 г. производство алкогольной продукции было монополизировано. Как в Российской Федерации в целом, так и в ее субъектах стали возникать негосударственные предприятия, занимавшиеся производством спирта и ликероводочных изделий. Утраты рычагов управления и контроля над работой отрасли в процессе разгосударствления привели к резкому сокращению легального налогооблагаемого производства алкоголя и снижению его качества.

В 1990-е – начало 2000-х гг. тенденции распространения алкоголизма в РФ имели четко выраженные региональные различия, зависящие от занятости населения, уровня заработной платы, социально-экономического развития того или иного региона. Было установлено, что чаще употребляли алкоголь лица трудоспособного возраста, рабочие, жители больших городов, лица с низким уровнем образования.

---

* **Урожаева Татьяна Петровна**, кандидат исторических наук, сотрудник лаборатории исторической демографии Иркутского государственного университета

В Иркутской области сложившаяся в результате таких перемен на фронте борьбы с алкоголизмом ситуация значительно ослабила позиции милиции в профилактике бытовых нарушений и, безусловно, стимулировала рост пьянства. Так, например, в 1995 г. алкогольных преступлений совершено 15.021, что на 6,9% больше, чем в 1994 г. В 1996 г. количество их увеличилось на 2,8% и составило 15,4 тыс. преступления. За семь месяцев 1997 г. их рост, в сравнении с аналогичным периодом 1996 г., составил 40%, с 1.389 до 1.951, или 75,4% от всех бытовых преступлений [14, с. 21].

В таких крупных промышленных городах Приангарья, как Братск, Ангарск, Усть-Илимск, Усть-Кут, Усолье-Сибирское, Черемхово, и в самом областном центре предстояло еще создать специальную службу по оказанию помощи неблагополучным семьям, где в тесном взаимодействии с участковыми инспекторами милиции работали бы наркологи, психологи, психотерапевты, учителя [3, с. 2].

В 1994–1995 гг. потребление алкоголя достигло наибольшего за десятилетие уровня. В эти же годы был отмечен всплеск гибели людей от алкогольных отравлений. В отдельных городских поселениях Среднего Приангарья (Железногорске-Илимском, Усть-Илимске) масштаб распространения наркомании и пьянства принял угрожающие размеры [20]. По словам врача-нарколога В.В. Горюновича, алкоголизм процветал особенно в северных районах Приангарья, давая «пышные бутоны» в виде циррозов, язв, гастритов, панкреатитов и т.п. [1, с. 3].

Пик смертности от естественных причин приходился на 1993–1995 г. Затем следовало заметное снижение и новый рост в 1999 г., когда в результате несчастных случаев, травм и отравлений в Приангарье скончалось 6.858 чел.

За год число таких смертей возросло на 12%, а в сравнении с 1990 г. – на 28%. На профилактическом учете находилось более 38 тыс. чел., злоупотребляющих алкоголем (1,4% жителей области) [18, с. 3].

К началу 2001 г. среднестатистический житель Приангарья ежемесячно выкладывал 169 руб., оплачивая алкоголь разной крепости. За 2000 г. в целом по области алкогольные пристрастия «вылились» в солидную сумму – 56 млн. руб. Это 13% всех затрат на покупки. Общим знаменателем для разноградусных напитков служил абсолютный алкоголь (стопроцентное содержание спирта). В 2000 г. в результате такого пересчета среднедушевое потребление составило свыше 8 л в год. По этой части иркутяне опережали многих соседей по Сибири, пропустив вперед лишь новосибирцев и жителей Хакасии [22, с. 3].

В Иркутской области увеличилась смертность населения от отравлений алкоголем. Всего в 2001 г. в области умерло более 41 тыс. чел. От несчастных случаев, отравлений и травм – 8.156 чел., из которых 918 чел. – от алкогольного отравления [25, с. 2].

Алкоголизация населения Приангарья почти втрое превышала уровень распространения наркомании (13,9 тыс. зарегистрированных наркоманов и 37,5 тыс. хронических алкоголиков, состоящих на диспансерном учете). Однако на рост алкоголизации населения с 1992 по 2001 г. область реагировала... сокращением коек в наркологических отделениях (с 1425 до 690). В 2002 г. в стационарах области получили помощь лишь 17.680 больных с наркологическими расстройствами [7, с. 3].

С каждым годом число хронических алкоголиков увеличивалось. В 2003 г. их состояло на учете 37,5 тыс. чел., в 2004 г. – почти на 1 тыс. больше. Больше всех больных наблюдалось в г. Иркутске: 8 104 чел. Впрочем, г. Братск уступал не намного: там насчитывалось почти 6 тыс. алкоголиков. В г. Ангарске их было почти в два раза меньше, чем в Братске, – 3 077, это при том, что численность населения этих городов была примерно равная. Больше всего алкогольных психозов регистрировалось в гг. Усть-Илимске и Иркутске (в областном центре в 2002 г. отмечено 585 случаев, в 2003 г. – 690). А если соотносить с численностью населения, очень остро эта проблема стояла в г. Нижнеудинске [17, с. 112].

Среди несовершеннолетних существенно возросло число лиц, страдавших алкогольной зависимостью. В Иркутске этим недугом в 2004 г. страдало 543 подростка (и прирост за год составил почти 50 детей). Также напряженная обстановка наблюдалась в гг. Братске, Шелехове, Усолье-Сибирском, Тулунском, Черемховском и Усть-Илимском районах [2, с. 3]. В 2004 г. только в Иркутске на учете в психонаркологическом диспансере состояло более 1.100 несовершеннолетних, половина из них – алкоголики, в том числе пивные [15, с. 3].

Среднестатистическое потребление качественных алкогольных напитков в Иркутской области в 2004 г. составляло 7,3 л на душу населения. В среднем по России – 8,7 л на душу населения. В некоторых районах Приангарья люди практически не пили качественный алкоголь. Так, в Тулунском районе потребляли 0,36 л алкоголя на душу населения, в Усть-Удинском – 0,98 л на душу населения. Очевидно, что в этих районах люди употребляли некачественные алкогольные продукты. В 2003 г. объем реализации лицензированной алкогольной продукции уменьшился на 8% [23, с. 2].

В Жигаловском районе за 2004 г. потребление алкогольной продукции в натуральном виде составило 8,08 л на одного человека, что в два раза ниже среднеобластного показателя – 17 л. В районе наблюдался достаточно высокий уровень продажи нелегальной алкогольной продукции. Он должен составлять более половины от общего количества реализуемого алкоголя [5, с. 2].

В 2005 г. погиб 1 261 любитель «зелёного змия». В ходе надзорных мероприятий было забраковано 459 партий винно-водочной продукции

объёмом около 3 тыс. л. Было наложено 406 штрафов на 744 тыс. руб. [8, с. 2].

В 2006 г. в регионе только официально на учёте состояло 7 394 хронических алкоголика. В Иркутской области было зарегистрировано 6 920 неблагополучных семей, в которых росло и воспитывалось около 14 тыс. детей [21, с. 3].

В 2006 г. волна алкогольных отравлений прокатилась по стране. Иркутская область по количеству пострадавших занимала «почётное» место в первой тройке [9, с. 43]. В ноябре 2006 г. в 17 районах области зарегистрировано 1.973 случая отравлений, умерло 68 чел., около 240 – в тяжёлом состоянии. Пострадавшие в основном приобретали спиртосодержащую жидкость у частных лиц.

Осенью 2006 г. Роспотребнадзором совместно с органами УВД, налоговой полиции, ОБЭП, прокуратуры было проведено более 122 проверок торговых точек, оптовых рынков, аптек с целью выявления недоброкачественной алкогольной продукции и спиртосодержащей жидкости. Было проверено 362 объекта, проведено 166 обысков, выявлено 362 места незаконного изготовления и торговли. Прокуратурой возбуждено 72 уголовных дела [6, с. 3].

– «Это началось ещё в середине 1990-х гг., – рассказывал один из осведомлённых заларинцев. – Задержки зарплаты, которые стали обыденным делом, принуждали чиновников как-то решать эту проблему. На Зиминском гидролизном заводе тогда образовалась задолженность по зарплате в несколько месяцев. На областном уровне приняли решение выдать зарплату техническим спиртом. Работники предприятия спирт вывозили бочками и цистернами. Так технический спирт попал в Залари, стали его продавать».

Вследствие отравления суррогатом алкоголя в 2006 г. в медучреждения Приангарья за помощью обратились 290 чел. Кроме заларинцев, это жители гг. Черемхова, Ангарска, Усолья-Сибирского, Иркутска. В Заларинскую ЦРБ с 25 сентября доставлено 46 чел. Лечение одного гепатитного больного стоило 32 тыс. руб. Сами пациенты, поступая в больницу, говорили: «Да, таких жёлтых, как мы, по улице полно ходит» [24, с. 3].

Уровень смертности от случайных отравлений алкоголем в Иркутской области в начале 2000-х гг. рос стремительными темпами. Этот подъем носил продолжительный характер и сохранялся до 2006 г, а наибольшие значения стандартизованных показателей смертности от случайных отравлений алкоголем регистрировались в 2002–2003 гг. Подобный подъем уровня смертности от случайных отравлений алкоголем наблюдался в 1993–1994 гг. [4, с. 141].

Так, в среднем за период 2000–2005 гг. в Иркутской области на один случай смерти женщин приходилось три случая смерти мужчин. В то же

время данное соотношение указывало на увеличение уровня алкоголизации женщин. Например, в 1970-е гг. на один случай смерти женщин приходилось семь случаев смерти мужчин [16, с. 132].

На территории Иркутской области было зарегистрировано 4.936 объектов с лицензией на право реализации алкогольной продукции. Следовательно, один такой объект «обслуживал» 380 чел. взрослого населения, тогда как в некоторых странах соотношение равно 1:5000 чел. [10, с. 260].

В динамике показателя смертности от случайных отравлений алкоголем четко выделяются два подъема («пика»): в 1993–1996 гг. и 2002–2005 гг. Природу первого «пика» можно объяснить разрушительным воздействием на население либеральных экономических реформ в начальный период, когда тяжелым испытаниям подверглась психологическая и социально-экономическая сферы общества [13, с. 92]. Природа второго «пика» была менее очевидна, но и здесь, несомненно, большую роль сыграли факторы социально-экономического и социально-психологического неблагополучия. Кроме того, во втором подъеме смертности определённую роль сыграло массовое распространение в тот период контрафактной алкогольной продукции и токсичных суррогатов алкоголя, о чём неоднократно сообщали средства массовой информации.

В связи с демографическими потерями Иркутской области и значительным экономическим ущербом от вредного употребления алкоголя надзор за реализацией алкогольной продукции, мониторинг вреда, наносимого алкоголем, и пропаганда здорового образа жизни оставались актуальными направлениями деятельности Роспотребнадзора [19, с. 611].

Еще в 1998 г. токсикологический центр, главные пациенты которого были алкоголики и наркоманы, приказом по департаменту здравоохранения Иркутска был переведен в городскую клиническую больницу № 1. Хотя выхаживание подобных пациентов было сугубо специфическим, и в основном, это была прерогатива психоневрологических служб. Было открыто всего 23 токсикологические койки [11, с. 2].

В середине 2000-х гг. специализированной токсикологической службы в г. Иркутске так и не было создано. В силу сложившихся обстоятельств, Иркутский токсикологический центр занимал весьма скромное место: всего на 25 коек отделение острых отравлений при медсанчасти Иркутского авиазавода [12, с. 2].

Объективным показателем остроты наркологической ситуации и негативной экологии в регионе являлась распространенность и заболеваемость алкоголизмом, смертность населения от случайных отравлений алкоголем. За неполное десятилетие смертность больных алкоголизмом от неестественных причин, несчастных случаев, травм, отравлений и соматической патологии внесла существенный вклад в

структуру преждевременной смертности населения трудоспособного возраста.

Список литературы:

1. Аксаментова В. Северный синдром // СМ-номер один. 1998. 3 декабря. С.3.
2. Алкоголики теснят наркоманов // Вечерний Иркутск. 2004. 6 марта. С. 2.
3. Барахоев В. «Бытовуха» // Восточно-Сибирская правда. 1997. 5 сентября. С.3.
4. Боева А.В. Характеристика смертности населения г. Иркутска от внешних причин и некоторых заболеваний на фоне приема этилового алкоголя // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2013. № 3. С. 140–143.
5. В провинции бутлегеры бесплотны // СМ-номер один. 2005. 5 февраля. С. 2.
6. Вспышку отравлений можно было предотвратить // СМ-номер один. 2006. 15 ноября. С. 3.
7. Григорьев В. Какое чудовище страшнее? // СМ-номер один. 2003. 24 мая. С.3.
8. Жертвы зеленого змия // Пятница. 2006. 25 апреля. С.2.
9. Зайкова З.А. Смертность населения Иркутской области, связанная с употреблением алкоголя // Всероссийская науч.-практ. конф., посвящен. 60-летию Читинской государственной медицинской академии. Чита, 17–18 октября 2013 г. Чита: ЧРИЦЧГМА, 2013. Т. 1. С. 42–45.
10. Зими́на Л.А., Боева А.В., Исаев Ю.С. Смертность от алкоголя населения Иркутской области как важнейшая медико-социальная проблема // Актуальные проблемы гигиены. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию кафедры общей и военной гигиены Северо-Западного гос. Медицинского университета им. И.И. Мечникова. СПб.: СГЗМУ им. И.И. Мечникова: ОАО «Петроцентр», 2012. С. 259–261.
11. Климова Э. Наломаем ли дров? // Восточно-Сибирская правда. 1998. 4 декабря. С.2.
12. Летальный синтез // СМ-номер один. 2006. 7 ноября. С.2.
13. Лещенко Я.А. Особенности заболеваемости и смертности населения промышленного города в связи с употреблением алкоголя // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. С. 92-93.
14. Мирошниченко Л.А. Алкоголизм в России: уровень распространения и региональные особенности // Актуальные проблемы девиантного поведения. Ежегодник. М., 1997. С. 14–25.
15. Мичурина Н. Губит людей не пиво // Восточно-Сибирская правда. 2004. 18 мая. С. 3.
16. Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейшая история. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.132–133.
17. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России: Данные по Иркутской области. М.: NALEX, 2003. С.112–113.
18. Овсянникова И. Уходят люди, и их не вернуть // Восточно-Сибирская правда. 2000. 1 июля. С.3.
19. Оценка эффективности мероприятий по снижению масштабов алкоголизации населения Иркутской области // Актуальные проблемы безопасности и анализа риска здоровью населения при воздействии факторов среды обитания. Пермь: Книжный формат, 2015. С. 609–614.

20. Пасечник Е. «Великий» инъекционный путь // Импульс. 1999. 13 ноября. С. 2–3;
21. Петрова Е. Коварный напиток. Проблему пивного алкоголизма нужно решать сообща // Восточно-Сибирская правда. 2006. 1 февраля. С.3.
22. Плата за веселье // Пятница. 2001. 7 апреля. С.3.
23. Провинция выбирает суррогаты // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2004. 14–21 января. С. 2.
24. Савченко А. Ядовитое пойло // Восточно-Сибирская правда. 2006. 24 октября. С. 3.
25. Травиться стали чаще // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2002. 2–9 марта. С. 2.

Э.Р. Исхаков*

Отношение населения к укреплению собственного здоровья: современные реалии и что влияет?

В статье показаны итоги эксперимента по определению отношения различных групп населения к информации, содержащей рекомендации по улучшению качества жизни, при заболеваниях и патологических состояниях, профилактике болезней. Установлено различная приверженность к получению информации, ее применению в своей жизни у людей с разным социально-экономическим статусом и состоянием здоровья.

This article is about the results of experiment which showed the attitude of people to their health concerning their health style, modification behavior and using pharmacy and biotechnology products (as example Transfer factor). Estimated the difference compliance to helpful information and its using among people depending on their status.

Ключевые слова: Повседневная жизнь и общественные настроения, приверженность к оздоровлению, Трансфер фактор.

Key words: Compliance, biological supplement, Transfer factor, health.

В настоящее время наблюдается высокая распространенность хронических заболеваний и патологических состояний среди населения России. Причины их развития связаны преимущественно с образом жизни людей и отношением к собственному здоровью – наличием поведенческих факторов риска развития этих заболеваний, таких как курение, недостаточная физическая активность, несбалансированное питание (прием высокоуглеводистой пищи и напитков, прием продуктов с большим содержанием химических ингредиентов (так называемые Ешки) и т.д.), низкая выполняемость медицинских рекомендаций по лечению и

---

* **Исхаков Эдуард Робертович**, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД, Уфимский юридический институт МВД России.

профилактике заболеваний, отсутствие применения физиологических методов снятия стресса и т.д.

Необходимо повышение приверженности населения к получению и применению медицинских рекомендаций по лечению и профилактике заболеваний, которое заключается как в применении средств и методов, направленных на лечение заболеваний и улучшающих здоровье, а также выработке поведенческих привычек ведения здорового образа жизни. В то же время существует проблема того, что практически вся имеющаяся большая масса наименований применяющихся лекарственных средств при лечении заболеваний и их профилактики имеют те или иные побочные эффекты, на которые часть больных и врачей обращают внимание, а значительная часть как больных, так и пациентов не придают этому значение. Хронизация заболеваний и дальнейшее развитие болезни требует увеличение дозировок и количества видов применяемых лекарственных средств, что негативно сказывается на здоровье пациентов.

В выигрыше на наш взгляд оказываются те пациенты и врачи, которые ищут дополнительные методы оздоровления организма, улучшения функций органов и систем, повышения качества жизни, другими научнообоснованными методами лечения и оздоровления, в том числе и такие как биологические активные добавки к пище.

Целью исследования явилось установить отношение населения к информации содержащей рекомендации по формированию здорового образа жизни, избавлению от вредных привычек, по применению дополнительных средств улучшающих лечение заболеваний, повышающих качество жизни, улучшающих состояние органов и систем.

Был проведен эксперимент, который включал в себя наблюдение за 150 людьми, во время и после беседы (включающее советы о необходимости приема оздоровительных средств) с ними. Беседа начиналась с вопроса «Интересует ли вас средство, улучшающее состояние здоровья и лечение заболеваний?» либо с фразы «Возьмите пожалуйста листок с информацией о средстве, которое поможет улучшить вам лечения вашего заболевания и улучшит здоровье». Если реакция или ответ был положительный, то рассказывалось об этом средстве с рекомендацией рассмотреть возможность применения данного средства для улучшения лечения заболеваний. Средством являлся один из видов биологических активных добавок к пище на основе природного пептида «Трансфер фактор» получаемый из молозива коров или желтка яиц. Положительное влияние применения «Трансфер фактора» на здоровье при различных патологиях и состояниях подтверждено десятками научных исследований проведенных в России, в том числе и опубликованных в базе «E-library», а также многочисленными зарубежными исследованиями т.д. Сам агитационный листок представлял собой бумагу либо формата А5 распечатанный на черно-белом принтере с двух сторон с информацией шрифтом № 14, либо красочный буклет сложенный

из листка формата А4. Информация изложенная в данном листке касалась формирования здорового образа жизни, советов по питанию, физической активности, профилактике стрессов, необходимости контроля заболеваний, а также информацией о самом средстве, что «Трансфер фактор» – природное вещество, получаемое из молозива коров и желтков яиц, имеет свойство иммунокорректора через «обучение» клеток иммунной системы.

Среди опрошенных лиц, было 70 пациентов Республиканского кардиологического диспансера, 30 чел. – родственники и знакомые пациентов Республиканского кардиологического диспансера, 10 пациентов поликлиники № 1 г. Уфы, 10 посетителей аптек города Уфы, которые были незнакомы с лицом проводившем беседу, 10 пациентов одного из медицинских стационаров, 25 чел. – знакомые лицу, проводившему беседу и представлению рекомендаций. Из 25 человек, которые были до беседы знакомы с лицом, проводившем беседу, 7 людям совет представлялся относительно лечения их заболеваний, 6 – их детей, 7 – их родителей, 5 – их близких (братья-сестры, супруги).

Лицо, проводившее беседу являлось доктором медицинских наук, имеющим большой научный и практический стаж в медицине.

Беседа не являлась частью официального врачебного приема, проводилась в свободной обстановке, вне больничных отделений или медицинских кабинетов.

Наблюдение за реакцией 70 пациентов кардиологического диспансера, находящихся на момент эксперимента в холле или на улице диспансера на предложение взять листок с информацией о средствах, которые помогут улучшить вам лечение и улучшить здоровье, выявило, что 95% отвечали таким фразами как «Нет, не надо», «Не интересно», «Мне ничего не надо, брать не буду». Лишь только 5% пациентов взяли листки с информацией, поблагодарив собеседника. Из пациентов, согласившихся принять листки с информацией о дополнительном средстве для улучшения здоровья, лишь один человек попросил собеседника поподробнее рассказать об этом средстве.

Практически такие же результаты были получены с 30 родственниками пациентов. Первый вопрос был о том, находятся ли в данном лечебном учреждении и после получения положительного ответа задавался вопрос «Вас интересует информация о средстве, которое улучшит лечение и состояние ваших родственников?» после которой не дожидаясь ответа произносилась фраза «Возьмите пожалуйста листок с информацией об этом средстве». Среди родственников пациентов, участвующих в эксперименте 80% заявили, что их это не интересует и листок с информацией им не нужен. 20% заявили, что это им интересно и после получения листка 50% из них задавали вопросы относительно действия данного средства, другая половина взяла листок для ознакомления с таким словами «Я читаю», «Я подумаю», «Посоветуюсь с врачом».

Реакция 10 пациентов поликлиники, ожидающих приема у терапевта и кардиолога выглядела следующим образом. Из 10 чел. 50% отказались брать информационные листки, остальные 50% взяли их со словами «Ознакомлюсь попозже» и лишь один из них стал расспрашивать о механизме действия средства.

Реакция 10 посетителей аптек. Эксперимент проводился с теми посетителями аптек, кто покупал такие лекарства как антибиотики, антигипертензивные средства и один клиент покупал лекарства для лечения болезни предстательной железы. Лишь только три человека отказались от информации о средстве, причем один из них покупатель лекарств для лечения предстательной железы со словами «Мы с шарлатанами не связываемся». Большинство людей проявили заинтересованность вплоть до вопросов о местонахождении центра, где можно приобрести данные средства.

Среди 10 пациентов одного из стационаров горда Уфы, имеющих заболевания сердечно-сосудистой, пищеварительной и эндокринных систем, с которыми эксперимент проводился в больничных палатах или непосредственно в отделении, где они проходили лечение, все проявили заинтересованность в информации о данном средстве. Однако наблюдение за ними в течение 2–3 месяцев показало, что данное средство никто не приобрел и не начал применять для улучшения своего состояния.

Из 25 чел., которые были до беседы знакомы с лицом, проводившем беседу, и знали, что их собеседник является профессором, доктором медицинских наук, из 7 людей все внимательно выслушали совет, представленный относительно лечения их заболеваний, однако никто не стал его выполнять в течение ближайших двух-трех месяцев, из 6 родителей все также внимательно выслушали рекомендации относительно лечения их детей (у детей были представлены такие состояния как часто болеющие дети и такие заболевания связанные с аллергическим компонентом обструкции дыхательных путей), но никто не стал применять средство в течение ближайших двух – трех месяцев, из 7 человек все внимательно рекомендации по дополнению лечения их родителей (гипертоническая болезнь, инсульт, диабет) и 4 человека начали их применять на 2–3 месяца, затем прекратили, из 5 человек все также внимательно выслушали советы и рекомендации по дополнению лечения заболеваний их близких (братья-сестры, супруги) (гипертоническая болезнь, инсульт, системные заболевания), но никто не стал применять рекомендуемые средства.

Полученные результаты предполагают существование доверия у определенной части населения к аптечным препаратам (влияние фармацевтического бизнеса) и недоверие к дополнительным методам оздоровления, не входящих в медико-экономические стандарты, отсутствие у них желания и деятельности по поиску путей дополнительных методов улучшения лечения своего заболевания и состояния, в том числе повышения

качества жизни и отсутствие приверженности к применению средств биотехнологического бизнеса. Данное явление на наш взгляд негативно влияет на состояние здоровья населения, снижает качество лечения, профилактику заболеваний, что следует учитывать органам здравоохранения.

ДЕТИ И МОЛОДЕЖЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

О.А. Майборода*

Домашнее воспитание в дворянских семьях городов Вологды и Череповца в первой половине XIX века

Данная статья посвящена изучению воспитания в дворянских семьях городов Череповца и Вологды в первой половине XIX в. На основе мемуарных источников раскрывается тема домашнего воспитания и взаимоотношений в семье. Большое внимание уделяется домашним педагогам, роли родителей в обучении детей.

This article is devoted to the study of education in the noble families of the cities of Cherepovets and Vologda in the first half of the XIX century. On the basis of memoirs, the theme of home education and relationships in the family is revealed. Great attention is paid to home teachers, the role of parents in teaching children.

Ключевые слова: воспитание, дворяне, домашнее обучение, XIX век, провинция.

Keywords: education, noblemen, home schooling, XIX century, province.

В российской исторической науке долгое время не уделялось внимания социальной истории, многие вопросы которой затрагивались лишь по касательной учеными из других областей (например, педагогами, юристами, психологами). Но смена политического курса внутри страны и поток новых идей с Запада привели к расширению сферы научных интересов российского исторического сообщества. Активное развитие получила социальная история и особенно выделившаяся в ее рамках гендерная история. В поле зрения ученых попала семья и роль женщины в ней, ее чувства и переживания, а вот история детства пока не получила должного развития. Монография Валентины Александровны Веременко «Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.)», вышедшая в свет в 2015 г., затронула ряд важных вопросов, связанных с историей детства в отдельно взятой социальной группе [1]. При написании монографии использовано большое количество источников: архивные материалы, нормативно-правовые акты и делопроизводственные документы, периодические издания, публицистика, источники личного происхождения (воспоминания, дневники и письма) и статистические материалы, которыми автор подкрепляет свои выводы. В центре исследования «типичная

---

* **Майборода Ольга Александровна**, аспирант, Череповецкий государственный университет

дворянско-интеллигентной семья второй половины XIX – начала XX вв.», за скобками остались две крайности, высшая аристократическая прослойка и маргинализированные дворяне [1, с. 8]. В целом, исследование написано в духе современной российской исторической мысли и является первой попыткой комплексно и наиболее полно осветить историю детства в дворянской среде, а также способствует изучению данной темы историкам в регионах. Исследование истории детства на основе источников личного происхождения, оставленных дворянами Вологды и Череповца, поможет создать некоторое представление о воспитании и взаимоотношениях в дворянской семье в провинции в первой половине XIX века.

Большое количество подобной информации содержат дневниковые записи представителя древней дворянской фамилии Алексея Федоровича Резанова «Арабески моей жизни» [7]. Предположительно, рукопись писалась в течение двух или трех лет, и явно предназначена была для печати как художественное произведение [4]. Детство Алексея Федоровича проходило неподалеку от города Вологды в селе Спасском-Куркино, где находилось имение Резановых. Ранние годы автора мемуаров им не описаны, известно лишь, что он был младшим ребенком в многодетной семье и «был взлелеян на руках доброй Натальи Андреевны, называемой мамушкой» [7]. Сразу после рождения малыша к нему приставили няню, которая главным образом следила за гигиеной ребенка и чистотой в детской комнате, а также присматривала за кормилицей. Общий же контроль над воспитанием детей осуществляла мать.

Степень влияния няни на воспитанника в каждом случае индивидуальна и определялась самими родителями, их заинтересованностью в развитии ребенка. В одних случаях функциональная роль няни ограничивалась лишь обеспечением нормальной жизнедеятельности подопечного (кормление, прогулки, купание и т.д.), в других случаях, няня могла существенно влиять на духовное развитие человека. В мемуарах в основном встречаются теплые воспоминания о взаимоотношениях воспитанников с нянями. Так, Василий Васильевич Верещагин, родившийся в 1842 г. в Череповце в семье местного предводителя уездного дворянства Василия Васильевича Верещагина, описывая свои детские годы, всегда с большой нежностью и трепетом вспоминал няню Анну Ларионовну: «Самую выдающуюся, самую близкую и дорогою личностью осталась няня Анна, уже и тогда старенькая, которую я любил больше всего на свете, больше отца, матери и братьев, несмотря на то, что нос ее был всегда в табаке» [3]. С няней дети проводили свободное время, у нее они могли найти защиту от гувернера, с ней же связан первый художественный опыт – перерисовка тройки лошадей с платка няни. За эту копию родители похвалили его, но не задумались о потребности ребенка в художественном образовании по причине сословных понятий, сложившихся в среде дворян. Александр Васильевич Верещагин, брат Василия Васильевича, в своих воспоминаниях

тоже отводит большое место описанию близких и доверительных отношений с няней [см.: 2]. Другой брат, Сергей Васильевич Верещагин, показал на деле своё особое отношение к Анне Ларионовне, похоронив ее рядом с оградой фамильной могилы в Любце, поставив над нею крест. Что вызвало негодование их матери, которая посчитала излишеством памятник над могилой крепостной женщины. Судя по всему, мать в семье Верещагиных не была близка с детьми и ревновала их к няне. Вот как описывает один из сыновей ее приход в детскую: «Мамаша редко заглядывала на нашу половину; появление ее у нас обыкновенно случалось по вечерам, когда нас укладывали спать и напоминало мне впоследствии появление директора гимназии в классах» [2].

Приблизительно в пять лет, когда мальчик подрастал, к нему приставляли дядьку – в сущности, туже няньку, только мужского пола для привнесения в воспитание дворянина мужского элемента. Так, у Алексея Резанова появился дядька Андрей (горький пьяница), которому мальчик читал книги, особо не понимая написанного. По распространенному обычаю в среде дворян, был приглашен еще и учитель – иностранец по фамилии Штофель. С ним мальчик быстро обучился французскому языку и началам арифметики. Затем место немца занял Николай Иванович Ржаницын, чтобы преподавать слово божье и учить русскому языку. В основе домашнего воспитания в этот период лежало формирование религиозно-нравственных устоев, знакомство с христианскими заповедями. Но обучение не заладилось по причине педагогической несостоятельности Ржаницына. «Мы учились, учились и все-таки ничему не научились. Вместо того, чтобы слушать его рассказы мы, ерошили ему голову, называя его нечесанным, убегали из класса, шелкали его по носу, и лишь только время приближалось к окончанию классов мы, побросавши Книги на пол, кидались на нашего лектора, оседлывали его, роняли на пол и по зову лакеев шли вверх здороваться с папенькой и маменькой и садились обедать» [7]. Далее началась чехарда из учителей, закончившаяся с поступлением Алексея Резанова в Ярославский Демидовский Лицей в возрасте 14 лет. Для подготовки были наняты учителя из гимназии г. Вологды. «Надо было подготовиться к экзаменам по арифметике, словесности, латинскому, французскому и немецкому языкам, по географии, истории всеобщей и церковной, – и мальчика спешно начали начинять разными знаниями» [7]. Ускоренные курсы занятий и знатность рода возымели успех и юноша успешно сдал вступительные экзамены, которые по сути были фикцией. На этом завершился этап домашнего образования Алексея Резанова.

Обучение Василия Васильевича Верещагина до восьми лет проходило также в домашней обстановке, причем помимо гувернера, активное участие в образовательном процессе принимала мать, Анна Николаевна. Она занималась с детьми французским языком и началами географии и арифметики. Иногда вместе с мужем спрашивала у сына выученный урок

[см.: 3]. Отношение старшего Верещагина к воспитанию детей достаточно хорошо отражены в Памятной книжке отца художника. Судя по заметкам, образованию предавалось большое значение: «Умные врачи находят, что занятие есть самое радикальное из лекарств»; «Отдайте вашего сына на воспитание рабу и вместо одного у вас будет два» [5, л. 30]. Отец также занимался подбором гувернанток. Исходя из автобиографии Василия Васильевича, он рос обычным дворянским ребенком. Было место в его жизни и озорству. Так, сильное впечатление произвело на него наказание родителями старшего брата Николая, который во время игры рассек голову будущему художнику. «Я, глядя на расправу, стоял или вернее прыгал у печки, плакал, вопил, дух у меня захватывало, я чуть не помешался... Теперь, вспоминая эти поистине ужасные минуты, сознательно говорю, что надобно избегать так позорно наказывать нервных, впечатлительных детей» [3]. При наказании отец следовал правилу: «Наказывая слишком строго детей своих мы делаемся виновны во всем том зле, которое происходит от их несчастья. Строгие отцы, научитесь прощать, только небо имеет право наказывать» [5, л. 44].

Сравнивая «Детство» Л.Н. Толстого и «Детство Никиты» А.Н. Толстого, можно увидеть, что обычаи в воспитании дворянских детей оставались неизменными в течение десятилетий. Так, мальчик лет 10 ездил верхом наравне со взрослыми. В произведениях матери переживают за сыновей, обучающихся верховой езде. Действительно, обучение представляло некоторую опасность. Например, наследник престола Александр (сын Николая I) в этом возрасте сильно разбился, упав с лошади. Но выздоровев, продолжил тренировки, как ни в чем не бывало. Непревзойденный мастер батальной живописи, уроженец города Череповца Василий Верещагин тоже хорошо запомнил первые уроки по управлению лошастью. «Нам позволяли иногда ездить верхом, или запрягали кабриолет; однако мои первые опыты управлять лошастью были не совсем удачны: несмотря на совет держать вожжи крепко и туго, я как-то распустил их, – почему не позволить лошади бежать пошибче, – лошадка зарезвилась, круто повернула на углу перед крыльцом, опрокинула кабриолет вместе со мною и, перепугавшись, потащила меня, зацепившегося ногой за вожжу, так несчастливо, что вся правая щека моя оказалась ободранной» [3]. Для дворянина уже в таком возрасте было крайне важно выглядеть достойно в глазах окружающих, особенно дам. Так, А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому подчеркивает, что «...упал на льду не с лошади, а с лошастью: большая разница для моего наезднического самолюбия» [6, с. 133].

В семье череповецких дворян Верещагиных у каждого ребенка была своя лошадь. Василий Васильевич вспоминал: «Брату Николаю таким образом принадлежал вороной жеребец «Арабчик», от вороной же кобылы, принадлежавшей дяде. Мне назначена была сестра Арабчика, серая в

яблочках кобылка «Машка» – прелестная лошадка: красивая, сильная, добрая послушная и ласковая, при этом с хорошей рысью: словом, деревенская лошадка, какой лучше и желать нельзя» [3]. Дети часто катались верхом на лошадях, а иногда бегали в конюшню просто так, проведать четвероного друга. По видимому, мальчик испытывал сильную привязанность к своей лошади и ее утрату сильно переживал, плакал и называл «голубушкой».

За чтением, занятиями верховой ездой, рыбной ловлей и наблюдениями за жизнью бурлаков и коноводов прошли самые беззаботные годы детства Василия Верещагина. Потом последовала учеба в Александровском малолетнем корпусе, Морском корпусе и взрослая жизнь с ее трудностями и перипетиями. Но именно в период от рождения и до восьми лет в спокойной семейной обстановке сформировался характер и начали проявляться дарования будущего художника.

В целом подходы дворянских семей г. Вологды и г. Череповца в деле домашнего воспитания в первой половине XIX в. основывались на развитии нравственных, духовных и интеллектуальных способностей в подрастающих членах семьи и мало чем отличались от воспитания дворянских детей в столице. Большой отпечаток накладывал стиль усадебной жизни, близость природы и простого народа.

Список литературы:

1. Веремко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.) СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. 203 с.
2. Верещагин А.В. Дома и на войне. 1853–1881: Воспоминания и рассказы/ А.В.Верещагин. СПб., 1886. URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/petrovka/6_05.htm
3. Верещагин В.В. Детство и отрочество художника. М., 1895. Т. 1. URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/petrovka/6_04.htm
4. Даен М., Малинина Н. А.Ф.Резанов. Арабески моей жизни // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1972. URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/kurkino/1_04.htm
5. Памятная книжка отца художника В.В. Верещагина 1839 г. // Архив Череповецкого музейного объединения 1450/20.
6. Пушкин А.С. Письма 1815–1830 годов / А.С. Пушкин// Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 9. С. 132–133.
7. Резанов А. Арабески моей жизни // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1972. URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/kurkino/1_05.htm

Условия и особенности педагогической деятельности в средних учебных заведениях Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.

В статье рассматриваются условия и особенности педагогической деятельности и повседневной жизни учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. Подчеркивается, что существовавшие инспекции и контроль над педагогической деятельностью со стороны правительственных органов и учебного начальства во многом регламентировали и загоняли в жесткие правовые рамки не только образовательную и воспитательную деятельность педагога, но помогали проверять организацию их свободного времени, увлечения, круг друзей и т.д. Уделяется внимание режиму работы учителей, условиям труда и быта, основным формам досуга, а также месту педагогов средней школы в городском обществе.

The article deals with the conditions and peculiarities of pedagogical activity and everyday life of teachers of secondary schools of Belarus in the second half of the XIX – early XX century. It is emphasized that the existing inspections and control over pedagogical activity by government bodies and educational authorities largely regulated and drove into the strict legal framework not only the educational and upbringing activities of the teacher, but helped to check the organization of their free time, hobbies, the circle of friends etc. Therefore, the author pays attention to the mode of work of teachers and conditions of work and life, the main forms of leisure, as well as the place of teachers of secondary schools in urban society.

Ключевые слова: педагогическая интеллигенция, среднее учебное заведение, повседневная жизнь, бытовые условия, формы досуга.

Key words: educational intelligentsia, secondary educational institution, everyday life, everyday conditions, leisure activities.

История Беларуси конца XIX – начала XX вв. свидетельствует о возрастании роли и значимости интеллигенции в жизни общества. Значительную часть в социальной структуре общества занимала педагогическая интеллигенция. Профессиональная деятельность учителя часто осознавалась современниками как одна из форм общественного служения. Состоящими на государственной службе считались все штатные преподаватели гимназий и прогимназий. Такое положение в обществе возлагало на них дополнительную ответственность за поведение, нравственность и даже образ мыслей. От учителей ожидалась безупречность не только в служебной деятельности, но и в частной жизни.

---

* **Острога Валентина Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии УО «Белорусский государственный технологический университет».

В рассматриваемый период профессия учителя становится массовой, заметно возрастает социальная значимость педагогической деятельности. Но, несмотря на сравнительно высокий уровень доходов и степень материальной обеспеченности, учителя гимназий не пользовались должным престижем и уважением не только со стороны образованной элиты, но и значительной части общества. Это четко демонстрируют условия и особенности педагогического труда, а также сама повседневная жизнь учителей.

В этой связи определенный интерес вызывает режим дня педагога. Занятия в средних учебных заведениях начинались обычно в 8.30–9.00. Перед ними весь педагогический коллектив и ученики собирались в актовом зале на общую утреннюю молитву, после которой расходились по классам. Один урок длился около часа с перерывами в 10–15 минут. Рабочая неделя состояла из 6 дней (за год примерно 180), выходными днями были воскресенья и праздники. Средняя рабочая нагрузка на каждого учителя по гимназическому уставу 1871 г. составляла 12 ч. Но, несомненно, учителя работали значительно больше, преподавая по 20–25 уроков в неделю, особенно если ощущался кадровый дефицит или открывались новые параллели. Отдохнуть от напряженной работы можно было в учительской, где педагоги беседовали, пили чай, курили. Наблюдение за детьми во время перемен осуществляли инспектор, надзиратели, а также помощники классных наставников в мужских гимназиях и классные дамы в женских. Они также организовывали работу в классе, если по каким-то причинам отсутствовал учитель-предметник. Например, в Мстиславской мужской гимназии за 1915 г. все преподаватели пропустили 68 уроков в основном по причине болезни или исполнения обязанностей присяжных заседателей в суде. Но «вообще преподаватели к посещению уроков относились аккуратно» [6, л. 4].

Два раза в месяц во второй половине дня учителя собирались на педагогические советы, на которых обсуждались различные вопросы организации учебно-воспитательной работы. Одновременно работающим в нескольких учебных заведениях города приходилось посещать и несколько советов. Большинство относилось к этому «как к рутинной и скучной обязанности». Сохранившиеся в архивах протоколы содержат большой объем информации, из чего можно сделать вывод о кропотливости и тщательности обсуждения вопросов учебно-воспитательной работы, а также о длительности такого мероприятия.

Инспектор и учителя обязаны были также осуществлять после работы внеклассный надзор за поведением учеников вне школы (проверка ученических квартир, дежурство на оживленных улицах, в парках, около театров, бильярдных, ресторанов и т.д.). Такая работа часто выполнялась в позднее вечернее время. На вторую половину дня, а порой даже на воскресные и праздничные дни, приходился труд по проверке ученических

тетрадей, который считался необходимым, но «исключительно монотонным и утомительным», требующим больших затрат времени и сил. Предстояло уделить должное внимание подготовке к занятиям на завтра. На все это ежедневно уходило по 3–4 часа.

В гимназиях и реальных училищах число учащихся в классе должно было быть не более 40 человек. Но и эта цифра считалась самими педагогами очень высокой. Большой численный состав классов не давал возможности учесть индивидуальные способности и интересы ребенка, охватить вниманием каждого, проконтролировать степень подготовки к занятиям и уровень усвоения материала, а также, что очень важно, поддерживать дисциплину и должную тишину, особенно в младших классах. Что касается Виленского учебного округа, то в основном число учащихся в классах соответствовало министерским нормам, хотя учителя классы считали «невозможно переполненными», особенно начальные. Например, в Витебской мужской гимназии в 1884/1885 уч. г. во всех классах обучалось 397 учеников: в подготовительном – 60, в первом обоих отделений 82, во втором обоих отделений – 65, в третьем обоих отделений – 71, в четвертом обоих отделений – 45, в пятом классе – 20, в шестом – 18, в седьмом 18 и в восьмом – 18 [8, с. 17].

В XIX в. здания, в которых размещались средние учебные заведения, нельзя было назвать удовлетворительными. Так же можно было охарактеризовать и состояние рабочего места учителя. Например, в 1867 г. для Гомельской прогимназии был нанят дом, «теплый и сухой, но оказался тесным и непригодным к потребностям учебного заведения. Классные комнаты были малы: в наибольшей с трудом могло поместиться 45 человек. Потолки в классах невысокие и сделаны сводами; окна средней величины. От этого воздух был спертый, и света было мало» [3, с. 26]. Многие «требовало ремонта и основательного исправления» в Слуцкой гимназии, где «печи не вытягивали вовсе из классов дурного воздуха. От этого происходили невыносимый жар и духота в классах и постоянные головные боли у учеников и учителей. На уроках... сидели бледными до мертвенности и беспокойно-тоскливыми» [2, с. 121]. В подавляющем большинстве отчетов по отношению к школьным помещениям отмечалось нарушение правил гигиены, как по кубическому содержанию воздуха, так и по количеству света. Несколько улучшилась ситуация в начале XX в. Параллельно с указанием на недостатки в существующих учебных помещениях, все чаще встречаются и такие характеристики: «вообще здание гимназии обширно и достаточно благоустроено» (Витебск), «здание... снабжено вытяжной принудительной вентиляцией. Водоснабжение гимназии производится посредством водопровода» (Гомель), «построено на специальные средства гимназии каменное одноэтажное здание для гимнастики» (Бобруйск) и др. [9]

Со временем улучшалась также и методическая обеспеченность учительского труда. В середине XIX в. не хватало необходимых учебников и пособий. Так, в Могилевской гимназии ученическая библиотека была основана в 1857–1858 гг. на добровольные взносы учеников. До конца 1880-х она не имела ни отдельного помещения, ни шкафов, ни составленных каталогов. И в таких условиях учителю приходилось работать и выполнять установленную программу [11, с. 100]. По данным отчета за 1913 г. в фундаментальных библиотеках «всех правительственных гимназий округа книг, периодических изданий и брошюр состояло в наличности 65204 названия в 150831 томе, в ученических – 42099 названий в 60298 томах». По сравнению с предыдущим годом число названий книг и томов увеличилось в среднем на 4 и 6% соответственно. Руководство сделало вывод, что библиотеки округа «по количеству и разнообразию находящихся в них книг удовлетворяют в достаточной степени потребностям средних учебных заведений» [9].

Понятно, что книга для учителя являлась не только источником нового знания, но и главной для человека данной профессии формой досуга. В начале XX в. в Беларуси начали открываться учительские библиотеки с целью дать «возможность пополнить свое образование и тем содействовать успешному ходу классовых учебных занятий и более продуктивной работе школы». В 1904 г. такой вопрос обсуждался в Городской думе Витебска, которая приняла решение ассигновать «посильное пособие на первоначальное устройство... и на ежегодное пополнение библиотеки книгами» [4, л. 3–4].

Вызывают также интерес и жилищные условия педагогов. Согласно существующим нормам и правилам, при наличии свободных помещений в школе их могли предоставить в качестве квартир учителям. Иногда это делалось бесплатно, если служащему в учебном заведении полагалась квартира по штатному расписанию. Право на получение квартир (квартирных денег) имели директора, инспектора, письмоводители, бухгалтера и помощники классовых наставников. Учителя гимназий не могли пользоваться таким правом. Все выдачи пособий осуществлялись по распоряжению Попечителя Виленского учебного округа в таких случаях, как: перемещение из одной должности в другую, из-за болезни, пожара и по другим уважительным причинам. Серьезным основанием для выделения квартирных денег служащим Минской мужской гимназии в сумме 300 руб. явились обстоятельства военного времени и вынужденная эвакуация [7, л. 6, 63]. Если гимназия располагала средствами, то она могла оплатить жилье для педагога. Вместе с тем, жилищные условия большинства учителей средних школ были хорошие: считалось, что в 3–4-комнатных квартирах семейные педагоги не жили, а «ютились». Что же касалось холостых, то они имели, как правило, 2-комнатные квартиры [1, с. 187]. Достаточная и даже

излишняя жилплощадь позволяла многим из них за определенную плату «содержать учеников-пансионеров», что разрешалось уставами гимназий.

Быт и условия жизни учителей соответствовали примерно сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Скажем, домашняя работа (уборка квартиры, стирка одежды, приготовление пищи) выполнялась прислугой. В бюджетах женатых педагогов значились расходы на кухарку, горничную, няню для детей. И это было своего рода нормой. Всеобщее осуждение и непонимание со стороны интеллигентного общества заслуживал отказ учителя, даже по причине дефицита семейного бюджета, от прислуги. Считалось очень зазорным, если жена «учащего» сама готовит и стирает белье, а он «выносит во двор помои». Так, учитель А.Б. Петрищев в своих «Заметках» отмечал, что «положение же обязывает меня держать прислугу... Я должен быть на службе в чистом крахмальном белье, в форменном костюме известного достоинства, иметь обувь и верхнее платье не ниже определенной свежести. И мы покорно тратим на прачку, на форму и на все прочее почти пятую часть заработка. Бывая в церкви, я не могу положить в тарелку менее гривенника; говея, я не могу дать священнику за исповедь меньше двух рублей; сторожу, когда он меня поздравляет, я должен дать, по крайней мере, полтинник, и проч., и проч. И по обязанности службы, и по долгу положения, даю, даю, даю. Этим я покупаю то внешнее и условное уважение к моей особе, отсутствие которого делало бы мне еще большее, чем теперь». Далее он продолжает: «Я люблю скрипку, но избегаю играть, чтоб не напомнить жене, что у нас нет роля: она любит этот инструмент и когда-то хорошо на нем играла. ...В обществе мы почти не бываем: она – потому, что нет «выходных» костюмов, я потому, что здесь без жены бывать не принято. Да и бывать – значит приглашать к себе, а такой роскоши мы позволить не можем» [10, с. 195–196].

Большая педагогическая нагрузка приводила к тому, что возможности для дружеского общения с коллегами становились резко ограниченными. Педагогические группы были достаточно замкнуты: учителя, как правило, не смешивались с обществом других чиновников и служащих города. В свободное время практиковались так называемые собрания учителей «за чашкой чаю», которые проводились поочередно в квартирах их участников. Принципиальным было приглашение на такие «пирушки» директора гимназии и инспектора. Игнорирование и «манкировка» со стороны учителей таких вечеринок осуждались всем коллективом, несмотря на то, что у многих учителей на дорогие «приемы» просто не было денег. Осуждались также те педагоги, которые играли в карты, бильярд, злоупотребляли алкоголем, особенно если это впоследствии сказывалось негативным образом на течение учебного процесса. Что же касается общественной деятельности, то ей учителя практически не занимались: это вызывало подозрения со стороны учебного начальства или даже прямые препятствия.

Резко ухудшаются материальное положение и условия труда народных учителей в годы Первой мировой войны, когда на фоне дестабилизации ситуации в стране сильно выросли цены на необходимые товары. Так, директор Полоцкой гимназии просил военные власти «выдать из склада... для служащих гимназии (18 лиц персонала, многие с семейством) муки пшеничной, муки ржаной, крупы гречневой, постного масла, сахару и прочих продуктов, какие только имеются в складе и в каком количестве возможно». «О приобретении одежды не приходится и думать, т.к. на костюм, который в мирное время стоил 25–30 руб., в настоящее время необходимо затратить 250–300 руб., а необходимость в одежде для меня и семьи ощущается как в насущном» [5, л. 26, 11].

Таким образом, учителя, которые являлись центральным звеном школьного образования, в своем подавляющем большинстве серьезно и ответственно относились к своим функциональным обязанностям, несли светоч знания в широкие народные массы. Педагоги средних учебных заведений, находясь на государственной службе, относились к среднему чиновничеству и пользовались всеми принадлежащими им правами и привилегиями. Значительно лучше, по сравнению с учителями начальных сельских школ и городских училищ, они были обеспечены в материальном плане, качественно отличались их условия жизни и труда. Вместе с тем, учителя средних школ не оказывали существенного влияния на свое социальное окружение, как правило, незаметно растворяясь в городской среде и замыкаясь в себе или в существующих педагогических группах и корпорациях.

Список литературы:

1. Бюджет служащих в мужских гимназиях и реальных училищах по данным анкеты Прогрессивной группы / Русская школа. 1910. № 7/8. С. 182–194.
2. Глебов И.А. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1680–1901 гг. Вильно: тип. А.Г. Сыркина, 1903. 217 с.
3. Историческая записка о Гомельской шестиклассной прогимназии и отчет за 1885/6 учебный год / сост. И.П. Максимов. Гомель: тип. Ш.А. Фридланда, 1886. 60 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), г. Минск. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1676.
5. НИАБ. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 64.
6. НИАБ. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 15.
7. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 374.
8. Отчет о состоянии Витебской гимназии за 1884–85 учебный год. Витебск: Типо-литография Г.А. Молкина, 1886. 62 с.
9. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа. Вильно: тип. А.Г. Сыркина, 1915. Разд. пач.
10. Петришев А.Б. Заметки учителя. СПб.: Знание, 1905. 411 с.
11. Созонов М.П. Историческая записка Могилевской мужской гимназии, 1809–1909. Могилев: Губернская тип., 1909. 213 с.

Повседневная жизнь воспитанников Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX века

В статье рассмотрены основные документы, регламентирующие жизнь и деятельность воспитанников учительских институтов. На основе отчетов директоров учительского института и воспоминаний выпускников изучены режим дня, образовательный процесс, занятия в свободное время, которые определяли повседневную жизнь воспитанников Белгородского учительского института.

The article considers the main documents regulating the life and activities of pupils of teachers' institutes. Based on the reports of the directors of the teachers' institute and the memories of the graduates, the daily routine, the educational process, leisure activities, which determined the daily life of the pupils of the Belgorod Teachers' Institute, were studied.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт, воспитанники, повседневная жизнь.

Keywords: Belgorod Teachers' Institute, pupils, everyday life.

«Положением об учительских институтах» утвержденным 31 мая 1872 г. регламентировались все стороны создания и организации учительских институтов, подробно были изложены основные принципы деятельности данных учебных заведений, требования к преподавателям, служащим и обучающимся. В целом по «Положению» 1872 г. учительские институты являлись достаточно аскетичными учебными заведениями, в которых утвержденными нормативно-правовыми актами регламентировались все стороны деятельности, в том числе и жизнь воспитанников.

В «Положении об учительских институтах» 31 мая 1872 г. утверждались основные этапы пребывания в них обучающихся. «Положение» устанавливало требования к поступающим в учительский институт, регулировало жизнь и деятельность воспитанников в процессе получения образования, а также регламентировала их деятельность после окончания учебного заведения. В учительские институты принимались «молодые люди всех званий и состояний не моложе шестнадцати лет, здорового телосложения и хорошей нравственности» [3, с. 734]. Поступающие должны были выдержать вступительные испытания по Закону

---

* **Денисова Ирина Викторовна**, кандидат исторических наук, заведующий музеем истории Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

** **Лю-Ку-Тан Виктория Александровна**, младший научный сотрудник музея истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Божему, русскому языку, математике (арифметике и геометрии), истории и географии России. Программы вступительных испытаний была утверждена Министром Народного Просвещения 13 ноября 1876 г. [5].

Также для поступающих в учительский институт обязателен был медицинский осмотр, направленный на выявление болезней, которые могли препятствовать преподавательской деятельности. При поступлении молодые люди демонстрировали и способности к пению. Кроме того воспитанники учительских институтов освобождались от всех видов повинностей на все время обучения. Казеннокоштные воспитанники после окончания учительского института должны были прослужить 6 лет в должности учителя городского училища.

Утвержденное в 1872 г. «Положение об учительских институтах» требовало того, чтобы воспитанники «беспрекословно повиновались всем установленным в учительском институте требованиям и порядкам, которые излагаются в особой инструкции составляемой Педагогическим Советом и утверждаемой Попечителем учебного округа» [3, с. 735]. В связи с этим циркулярным предложением от 25 сентября 1876 г. Министерством Народного Просвещения в педагогические советы учительских институтов были направлены «Примерные правила для воспитанников учительских институтов», где в них были внесены изменения и дополнения в соответствии с региональными особенностями.

В соответствии с данными рекомендациями воспитанники учительских институтов должны были соблюдать христианские обязанности, следовать установленному в учебном заведении распорядку дня, строго регламентирующему время молитв, учебных занятий и приема пищи, содержать в чистоте и порядке одежду и белье, придерживаться этических норм в общении с преподавателями, посторонними лицами и между собой. Также данные правила вводили запрет на посещение воспитанниками мест, противоречащих нравственному воспитанию; хранение спиртных напитков, оружия, пороха, игральные карты; участие их в различных собраниях; чтение запрещенной литературы; организацию касс и другое. За нарушение установленных правил предполагались различные виды взысканий от выговоров наставников и директора, лишения отпуска до исключения из учебного заведения [12].

Отмеченные нормативно-правовые акты регламентировали различные аспекты деятельности, в том числе и торжественно открытого 26 сентября 1876 г. Белгородского учительского института. Учебное заведение размещалось в г. Белгороде Курской губернии на перекрестке улиц Сергиевской и Вокзальной в зданиях, принадлежащих Почетному гражданину Василию Михайловичу Мачурину [6, л. 3–4].

В соответствии с «Положением» 1872 г. Белгородский учительский институт являлся закрытым учебным заведением, воспитанники жили в организованном при нем интернате, и тем самым находились под

постоянным надзором директора, преподавателей и служащих. В отчете Попечителя Харьковского Учебного Округа за 1880 г. было отмечено, что «институтский интернат в воспитательном отношении находится в удовлетворительном состоянии и устроен на основании одобренных Г. Управляющим Министерством Народного Просвещения примерных правил для воспитанников учительских институтов и подробных правил для Белгородского учительского института составленных педагогическим советом онаго и утвержденных Управляющим Харьковским Учебным Округом. Воспитательные меры направлены были к развитию в воспитанниках религиозного и патриотического чувства любви к разумному чтению образцовых литературных произведений и проч. и по справедливости, должно признать, что все эти меры принимались обдуманно и на воспитанников весьма благотворно» [7, л. 15 об.].

Повседневная жизнь воспитанника Белгородского учительского института определялась строгим распорядком дня, установленным в учебном заведении, который удалось восстановить по отчетам директоров учебного заведения конца XIX – начала XX века и воспоминаниям выпускников.

Подъем воспитанников в летнее время был в 6 ч., а в зимнее время в 7 ч. утра. С 7 ч. до 7:30 воспитанники одевались и отправлялись на утренний чай [9, л. 21 об.]. В 8:15 ч. вместе с учениками городского училища при Белгородском учительском институте воспитанники собирались на утреннюю молитву. С 9 ч. до 3:30 ч. проходили 5 уроков по научным дисциплинам и один урок гимнастики, обычно в столовой, так как в институте не было собственного гимнастического зала, прерывающиеся переменаами и завтраком с 12 ч. до 12:30 ч., в 3:30 начинался обед [10, л. 24 об. – 25].

Следует отметить, что в воспоминаниях выпускника Белгородского учительского института 1897 г. Михаила Михайловича Рыбалкина, переданных 13 мая 2009 г. (Акт № 86) [1, с. 49] в Белгородский государственный историко-краеведческий музей значительное внимание уделяется рациону питания воспитанников учебного заведения: к утреннему чаю полагалось «3 кусочка ...сахара и половинка «пятоковой» булки, весом, вероятно, в один фунт...Завтрак состоял из одного блюда и включал «суп картофельный с нарезанными маленькими кусочками мясом» [11, с. 18–20]. Однако завтрак предполагал некоторое разнообразие: «понедельник – молоко, вторник – тот же суп, среда – два яйца всмятку, четверг – пирог с мясом довольно вкусный, пятница – молоко, суббота – тоже суп. К нему надо добавить, – всё это со ржаным хлебом ...» [11, с. 20].

Обед по будним дням состоял из двух блюд, а по праздничным из трех: «супа с вермишелью или картофелем или борща или лапши. В суповой чашке были по 7 кусков мяса. Студенты размещались по семь человек за каждым из шести столов. Вторыми блюдами были: бифштекс с макаронами

или телятина жареная с жареным картофелем, или ростбиф с вермишелью (одно из непопулярных блюд), или зразы с черносливом, или котлета с рисом; самыми любимыми блюдами были эти вторые блюда...» [11, с. 21].

Во время постов рацион воспитанников был намного скромнее, это отмечал в своем произведении мемуарного характера – «Заметки учителя» выпускник Белгородского учительского института 1893 г. Афанасий Борисович Петрищев [2, с. 8].

Время после обеда и до 6 ч. вечера для воспитанников Белгородского учительского института являлось свободным и обычно отводилось для прогулок и дополнительных занятий.

Большую часть свободного времени воспитанники посвящали обучению игре на музыкальных инструментах, так как в учительском институте имелись рояль, фисгармония, скрипки и виолончели, а также обучались сольному пению [9, л. 22 об.]. Отметим, что многие воспитанники еще до поступления в учебное заведение владели навыками игры на различных музыкальных инструментах, при Белгородском учительском институте был создан свой оркестр, который неоднократно устраивал благотворительные концерты в помощь Красному Кресту.

Музыкальному образованию воспитанников уделялось серьезное внимание в «Правилах и программах испытания для желающих поступить в число воспитанников Белгородского Учительского Института» было указано, что на ряду со вступительными испытаниями по основным учебным предметам у поступающих проверялась «способность к пению, чтобы принять при одинаковых других условиях преимущественно тех, которые могут с пользой обучаться пению» [4, с. 6]. Воспитанники «обладавшие лучшими голосами, входили в состав институтского церковного хора, певшего в Сергиевской церкви, в приходе которой состоял институт [10, л. 20 об. – 21].

В отчете директора Федора Егоровича Пактовского Белгородского учительского института за 1905 г. было отмечено, что многие воспитанники в свободное от обязательных занятий время изучали немецкий язык под руководством учителя немецкого языка Иосифа Михайловича Паллона – учителя Белгородской мужской классической гимназии Е.К.В. Герцога Эдинбургского и оплачивали эти уроки из собственных средств [13, с. 94].

В большом саду при интернате Белгородского учительского института для развлечения воспитанников разрешались крокет и игра в кегли.

Один раз в две недели воспитанники посещали торговую баню, белье менялось ежедневно. Все письменные принадлежности, учебные пособия, учебники покупались институтом и в достаточном количестве выдавались воспитанникам «по действительной надобности»: учебники и учебные пособия в полную собственность. К 1905 г. на одежду, белье и обувь на

каждого воспитанника Белгородский учительский институт расходовал 56 руб. в год [9, л. 22].

С 6 ч. до 11 ч. вечера воспитанники занимались подготовкой уроков. Для вечерних занятий в институте был небольшой зал, а также открывались классные помещения. В комнатах, предназначенных для вечерних занятий, соблюдалась тишина. В 8:30 ч. проходил вечерний чай, а в 9:30 – молитва. В 11 ч. воспитанникам полагалось отходить ко сну [10, л. 25]. Спальная комната воспитанников открывалась только с 10 ч. вечера и закрывалась в 8 ч. утра.

Особое внимание уделялось религиозному воспитанию обучающихся в Белгородском учительском институте. Ежегодно накануне двенадцатых праздников все воспитанники бывали у исповеди и святого Причастия в зале учительского института на Всенощном бдении, а по воскресным дням и другим христианским праздникам на обедне в Сергиевской церкви, где вместе с учениками городского училища пели и поочередно исполняли обязанности псаломщика [8, л. 26 об.].

Обучение в Белгородском учительском институте длилось три года. В I и II классе воспитанники усваивали теоретический материал, а в III классе приобретали и совершенствовали педагогические навыки на практических занятиях в городском училище при учительском институте.

Кроме регулярных занятий в процессе обучения и получения дополнительных знаний в свободное время, воспитанники часто посвящали образованию каникулы, так, например, воспитанники Белгородского учительского института в январе 1905 г. на личные средства совершали экскурсионные поездки в Москву и Санкт-Петербург. 17 сентября 1905 г. воспитанники посетили в Харькове передвижную художественную выставку. Все поездки в то время проходили под руководством преподавателя рисования, черчения и чистописания Белгородского учительского института Михаила Васильевича Игумнова [9, л. 24].

Таким образом, повседневная жизнь воспитанников Белгородского учительского института строго регламентировалась распорядком дня и требованиями установленными «Положением об учительских институтах» 31 мая 1872 г. и правилами учебного заведения. Следует отметить, что воспитанники постоянно находили под надзором директора и преподавателей учительского института, которые не только проводили учебные занятия, но также являлись классными наставниками и дежурными воспитателями. Значительное внимание уделялось религиозному и нравственному воспитанию обучающихся в учительских институтах, а также соблюдению ими христианских обязанностей.

В целом жизнь воспитанников в учительском институте была посвящена исключительно приобретению новых знаний, подтверждением является, тот факт, что незначительное количество свободного времени в течение учебного дня и в каникулярный период обучающиеся в

Белгородском учительском институте посвящали дополнительным урокам и образовательным поездкам.

Список литературы:

1. Московкин В.М., Шатохин И.Т. Выпускник Белгородского учительского института 1897 г. Рыбалкин Михаил Михайлович: биография и творчество // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 48–58.
2. Петрищев А.Б. Заметки учителя. СПб.: Товарищество «Знание», 1905. 441 с.
3. Положение о городских училищах и учительских институтах от 31 мая 1872 года № 50909 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. 47. Ч. 1. С. 727–736.
4. Правила и программы испытания для желающих поступить в число воспитанников Белгородского Учительского Института. Белгород: Тип. А. А. Вейнбаума, 1900. 18 с.
5. Програма вступительного испытания в учительские институты экзамена (13 ноября 1876 года) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1876. Ч. CLXXXVIII. С. 185–191.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 174. Д. 138.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1471.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 182.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 506.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2808.
11. Рыбалкин М.М. Белгородский учительский институт [Электронный ресурс]. Белгород, 1962. 102 с. Деп. в Белгор. ист.-краевед. музей 13.05.2009, № 58880-58883. – Режим доступа: <http://library-mp.bsu.edu.ru/ProtectedView/Book/ViewBook/1515> (Дата обращения 05.12.2017).
12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II, 1874–1876. СПб., 1878. Т. 6. С. 1182–1187.
13. Список лицам, служащим по Харьковскому Учебному Округу 1903 г. Харьков: Типография «Печатное дело», 1903. Вып. 2. V, 642 с.

Г.А. Бежиташвили*

Повседневность Тифлисского пехотного юнкерского училища в 1863–1917 гг.

В статье дается анализ повседневной жизни юнкеров Тифлисского пехотного училища. Характеризуется их распорядок дня, правила поведения и условия жизни в училище.

The article analyses the everyday life of the Tiflis infantry Junkers school. Characterized by their daily routine, rules of conduct and conditions of life in school.

---

* **Бежиташвили Георгий Александрович**, академический доктор истории, профессор, Национальный университет им. Ш. Руставели, Грузия, г. Тбилиси

Ключевые слова: Тифлис, Кавказ, Грузия, император, наместник, училище, армия, образование, быт, юнкер, повседневность.

Keywords: Tbilisi, Caucasus, Georgia, Emperor, vicar, school, army, education, life, cadet, everyday life.

В 1861 г. во главе военного министерства России стал генерал-лейтенант Д.А. Милютин (1816–1912) который начал проводить коренные реформы в российской армии, которая коснулась и системы военного образования.

Первоначально идея о создании в Тифлисе военного училища принадлежала Тифлисскому генерал-губернатору, активному участнику кавказской войны, государственному и военному деятелю, генералу от инфантерии, Тифлисскому генерал-губернатору, известному поэту и общественному деятелю Г.Д. Джамбакур-Орбелиани (1804–1883).

В Российской империи имелась довольно обширная сеть военно-учебных заведений, но основание военной школы в Тифлисе по мысли Григория Орбелиани, имело под собой одну главнейшую и единственную цель –прекратить отток детей дворянско-княжеской знати в Россию и, получение ими непосредственно на месте военного образования, так как, та молодежь которая выезжала для получения образования в Россию, обратно практически не возвращалась, а если и возвращалась, то в основном-обрусевшая.

Г.Д. Орбелиани изложил эту свою идею Кавказскому Наместнику, Великому Князю Михаилу Николаевичу, с которым его связывала многолетняя личная дружба и тот, в свою очередь, когда в 1861 г. в Грузии находился император Александр II (1818–1881), выразил ему эту мысль.

Как только правительство начало формировать военные округа, началась и процесс оснований временных юнкерских училищ.

В Тифлисе устройство военного училища в 1862–63 гг. было поручено известному в то время военному деятелю и педагогу, генерал-лейтенанту П.И. Носовичу. 18 мая 1863 г. был опубликован Высочайший приказ императора о создании в Тифлисе временного военного училища военного ведомства. По первоначальному проекту оно открывалось на казенный счет и готовило 50 юнкеров.

Согласно «Положения о учебных заведениях военного ведомства» цель у училища была одна – подготовить офицерские кадры для расположенных на Кавказе воинских частей.

В плане демократических основ военной педагогики Тифлисское училище значительно отличалось от всех других военных школ, открытых в третьей четверти XIX в. и просуществовавших до падения самодержавия в 1917 г.

Кирпичные здания Тифлисского пехотного юнкерского училища на Михайловском проспекте были образцом архитектуры того времени. Выполненные военным инженерным ведомством, они учитывали все необходимое для обучения юнкеров и жизни коллектива закрытого военно-учебного заведения.

В училище имелась оружейная мастерская, занятия в которой были обязательны для всех юнкеров 1-го и 2-го специальных классов. Для каждой роты отводилась своя комната. Для больных, не требующих госпитального лечения, работал приемный покой училища (заболевшие юнкера получали освобождение от занятий не более чем на семь дней).

Рекреационный зал для учебных занятий работал в течение экзаменационного периода, в остальное время он открывался только для занятий строевой подготовкой, музыкой, танцами, пением и фехтованием. Классные помещения открывались с 7.30 и работали до 23.00, в отдельных случаях, с разрешения дежурного офицера – до 24.00.

В училище составлялся хор певчих из всех желающих юнкеров, а для пения на клиросе во время церковной службы назначались самые талантливые из юнкеров. Желающие и наиболее подготовленные юнкера обучались играть на музыкальных инструментах – собственных или казенных. В рекреационном зале был установлен рояль.

Самой главной особенностью Тифлисского юнкерского училища был его сад, к бережному отношению к которому приобщались все юнкера. Вся работа в саду по посадке деревьев, перекапыванию земли, содержанию дорожек в исправном виде возлагалась на юнкеров всех классов, работавших в саду в специально отведенные для этого часы. Юнкера могли находиться здесь в свободное от занятий время, до сумерек (после сдачи училищного Храма во время вечерних и утренних церковных служб юнкера не должны были быть в саду) [9]. Посещения сада в часы занятий с 8.00 до 15.15 не допускалось, посетителям вход был строго воспрещен. Дети служащих при училище допускались в сад только в те часы, когда там не было юнкеров. Сад был оборудован фонтаном (бассейном) и скамейками, установленными вдоль пешеходных дорожек.

В суточный наряд по училищу назначался дежурный по саду. Он обязан был следить, чтобы юнкера не принимали посетителей в саду, не выходили из сада на улицу, не ломали деревьев и кустов, не рвали цветов, не портили проволочные изгороди, не ложились на скамейки и не переносили их с определенного места в другое место, не портили их, а также не мяли газоны.

Дежурный по саду следил, чтобы юнкера весной в 19.00, а зимой в 18.00 выходили из сада, убеждался лично, что все юнкера покинули сад, приходил к дежурному офицеру и докладывал: «Ваше благородие, юнкера из сада вышли».

В хорошую погоду, в день, указанный в приказе, в училищном саду играли музыканты. Юнкерам училища воспрещалось во всякое время находиться в городском саду Муштаида, а также прогуливаться на Дворцовой улице и на Головинском проспекте по тротуару, ведущему от Александро-Невского собора к дворцу Наместника.

Впрочем, для каждого военного училища России начальники штабов военных округов устанавливали для подопечных юнкеров свои запреты, а городская военная комендатура только увеличивала их перечень. Согласно ст. 915 «Положения о юнкерских училищах» они составлялись к началу курса на целый учебный год) [10]

Время в училище было распределено точно, поэтому все должны были заботиться о том, чтобы в строй и на занятия не опаздывать к назначенному времени и в соответствующей форме одежды. Сигналы подавал дежурный музыкант.

Подъем всех должностных юнкеров - 5.45

Сигнал «Подъем» всем юнкерам - 6.00

Умывание, чистка обмундирования - 6.00–6.40

Утренний осмотр, выявление больных - 6.40

Утренняя молитва (в комнате у ротного образа) - 6.50–7.00

Прогулка по плацу, маршировка или бег в течение 15–20 минут - 7.00–7.15

Сигнал «Сбор» на чай (или завтрак) – 7.15

Желающим к завтраку разрешалось не ходить.

Смена должностных и сигнал на занятия – 7.45

Занятия (в 7.50 все собирались в классах) – 8.00–13.15

1-я лекция – 8.00–8.50

2-я лекция – 9.00–9.50

3-я лекция - 10.00–10.50

4-я лекция - 11.25–12.15

5-я лекция - 12.25–13.15

Завтрак в промежутке между 3-й и 4-й лекциями - 11.00–11.25

Строевые занятия - 13.25–15.15

Обед - 15.30

Отдых - до 17.30

Вечерние обязательные занятия - 17.45–20.15

Вечерний чай - 20.30

Вернувшись с вечернего чая, роты по строевому расчету выстраивались в комнате, где находился ротный образ.

Сигнал «Повестка» на вечернюю переключку - 20.45

Переключка и расчет на случай вызова по тревоге.

По сигналу «Заря» пелись вечерние молитвы.

Сигнал «Заря» - 21.00.

После молитвы фельдфебели читали те статьи приказов училища, которые должны были быть известны всем юнкерам, читали о проступках и взысканиях, внесенных в дневник, объявляли наряд на следующий день, о том, что подлежит утреннему осмотру, затем распускали роты.

Прогулка - 22.30–23.00.

Отбой - 23.00

В воскресные и праздничные дни-

Подъем - 7.00

Обед - 13.00–14.00

Отдых - до 15.00

Прием посетителей - в будни - с 16.30 до 18.00

В праздники - с 14.00 до 18.00

Пребывание юнкеров в саду:

Весна - до 19.00

Зима - до 18.00

Воспрещалось:

-хождение из роты в роту в часы обязательных занятий с 17.45 до 20.15;

-после 23.00 выход из помещения своей роты;

-посещение сада в часы занятий;

-ходьба по помещениям нижнего этажа и по дворам без надобности;

-посещение юнкерами приемного покоя, канцелярии, кухни, оружейной мастерской и других каких-либо помещений, находящихся во дворе училища без разрешения дежурного офицера;

-без разрешения дежурного офицера посылать прислугу за покупкою чего-либо;

-носить кольца, перстни, выставлять цепочки от часов (за исключением жалованных);

-курить в помещениях роты, коридорах, классах и на лестницах.

Тифлиские юнкера жили в условиях экономических, географических и климатических, без всякого преувеличения, для того времени идеальных. Училище располагалось у реки Куры, что снимало проблему доставки воды для питья и хозяйственных нужд, помывки офицерских скакунов и училищной кавалерии [8]

Специфика подготовки юнкеров оставалась неизменной, они жили по присяге и уставу, но в штабе Кавказского военного округа рассматривали училище как некий организм, социальную систему, в которой каждое новшество и старые традиции прописывались в инструкции для юнкеров [4].

Летопись училища – это ежегодные отчеты Тифлисской экзаменационной комиссии, статьи в «Педагогическом журнале», индивидуальные данные и особые отметки о прохождении службы выпускниками-офицерами в специальных списках по старшинству, описание

подвигов бывших питомцев училища в различных источниках и литературе [1; 7]

Начальники Тифлисского юнкерского училища, командиры, офицеры-преподаватели в самые трудные минуты отечественной истории вели своих питомцев на битву с врагом и учили их давать сражение особенным Георгиевским стилем. В стенах тифлисского военно-учебного заведения, ставшего общим домом для представителей многонациональной Российской империи, все участники образовательного процесса подключились к созданию и развитию военного общества юнкеров. В училище каждый юнкер стремился стать лучшим из лучших, чтобы добиться производства в офицеры русской армии.

Выносливость и стойкость – были главными качествами юнкера. Длительные кампании требовали от их участников выдержки, силы духа, настоящего мужества. Образ юнкера всегда был безупречный, и с годами мнение о нем не менялось [2; 3]

Юнкера Тифлисского военного училища проявили себя настоящими боевыми офицерами – командирами в войнах второй половины XIX – первой четверти XX в. Царская наследственность, княжеская кровь русских, грузинских и кавказских народностей – то лучший генофонд российской армии – солдат, офицеров и генералов.

Список литературы:

1. Памятка юнкерам Тифлисского военного училища. Тифлис, 1915.
2. Первому выпуску Тифлисского юнкерского училища 25 лет (1867–1892). Тифлис, 1911 (фотоальбом).
3. Первый выпуск юнкеров 4-й роты Великого князя Михаила Николаевича военного училища. Тифлис, 1911 (фотоальбом).
4. Положение об училищах военного ведомства на Кавказе. Тф., 1863.
5. Русский инвалид. 1917. 27 июня. №148.
6. Сведения, обязательные для юнкера Тифлисского Великого Князя Михаила Николаевича военного училища. Тф., 1911.
7. Тарасенков В. Памятка Тифлисского пехотного юнкерского училища. 1864–1900. Тифлис., 1900.
8. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Грузии. Ф. 1087. Оп. 3.
9. ЦГИА Грузии. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 8.
10. ЦГИА Грузии. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 10.

Татарские детские журналы начала XX века как источник фиксации повседневности

Объектом исследования стали игровые рубрики татарского журнала начала XX века «Ак юл»/«Светлый путь» для детей. Анализ представленных в нем игр позволяет выявить особенности детской повседневности. В игре ребенок свободно самопроявляется, раскрывая собственный потенциал и возможности. Народный характер игр, их целенаправленность на развитие определенных качеств свидетельствуют о ценностной доминанте досуга ребенка. Именно игры становились мощным средством воспитания и образования татарских детей начала XX в.

The object of the research was the game headings of the Tatar magazine of the beginning of the 20th century "Ak Yul"/"Bright Way" for children. The analysis of the games presented in it allows us to identify the characteristics of children's everyday life. In the game, the child freely manifests himself, revealing his own potential and possibilities. The popular character of games, their purposefulness for the development of certain qualities, testify to the value dominant of the child's leisure. It was games that became a powerful tool for the upbringing and education of Tatar children of the early twentieth century.

Ключевые слова: повседневность, татарский детский журнал, «Ак юл»/«Светлый путь», детская игра, народный характер.

Key words: everyday life, Tatar children's magazine, "Ak Yul" / "Bright Way", children's play, folk character.

Каждый человек погружен в *мир повседневности* с его ежеминутно возникающими и исчезающими заботами, проблемами и мелкими деталями, редко задумываясь о высоком и трансцендентальном. Повседневность – особый мир, заданный/за-данный личности в ее способности быть/бытийствовать, основанный не только на традиции, но и приобретаемых в процессе его разворачивания опыте и знаниях. Благодаря перечисленному индивид (само)развивается, проявляясь в социокультурном пространстве. Обратим внимание на важный факт: в русском языке вместо слова «*существование*» обычно употребляется слово «*бытие*», которое напрямую указывает на повседневность с ее *бытом/бытовым укладом жизни*.

Повседневность представляет собой особую сферу, условие и способ жизни, так называемую культуру обыденной жизни/обыденность,

---

* **Яковлева Елена Львовна**, доктор философских наук, профессор, кандидат культурологии, доцент, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова.

включающую в себя житейское сознание и знание, повседневное поведение/привычки/речь. К ключевым аспектам повседневности обычно относят трудовую и бытовую деятельность, личную форму определенной социальности, ощущение существования мира и в мире, довольно тревожное отношение к жизни и переживание ее хода времени, которые соответствуют норме или отклоняются от нее (патология). Перечисленное осуществляется не только по инерции, но и вследствие проявления активности и инициативности. Тем не менее, несмотря на заданность повседневности каждому человеку, она относится к числу трудноуловимых и труднодостижимых, многогранных и неоднозначных феноменов человеческого бытия, что не позволяет ее полного раскрытия. Внутри повседневности высвечиваются различные личностные и нередко глубоко интимные экзистенциалы. Постоянная погруженность в текучую повседневность приводит к ее стиранию, забвению о ней, а значит – невозможности ее осмысления. В итоге смыслы повседневного мира начинают теряться в пластах не только исторического, социального, но и личного.

Уникальными документами, пытающимися «схватить мгновения» утекающего повседневного мира, оказываются журналы. Относясь к разряду периодической печати, они письменно фиксируют ключевые тенденции и проблемы времени. В каждом регионе имеется своя специфика развития периодической литературы. Так, в татарской среде долгое время отсутствовала литература для детей. Только в начале XX века стало появляться множество изданий, рассчитанных на детскую аудиторию: например, выпускались серии детских книг «Мәктәп мөкәфәте»/«Школьный подарок», «Балалар бакчасы»/«Детский сад», «Балалар күңеле»/«Детская душа» и др. Каждый татарский журнал и газета уделяли внимание детской аудитории. Практически вся печатная продукция для детского возраста иллюстрировалась рисунками и имела воспитательный характер. В 1905/1907 гг. в Москве появился первый детский журнал на татарском языке «Тәрбиятел-атфаль»/«Воспитание молодежи», в создании которого принимал участие татарский писатель и публицист Фатих Амирхан. Особой популярностью пользовался казанский журнал «Ак юл»/«Светлый путь», издававшийся Фахрелисламом Нигматулловичем Агиевым/Фахрель-Исламом Невмятулловичем Агеевым (1887–1938). Его можно назвать знатоком мира детства и великолепным затейником: известно, что он устраивал для детей различные тематические вечера, в том числе, и новогодние елки.

Журнал, издаваемый Ф. Агеевым, вобрал в себя лучшие черты периодических изданий для детей. В журнале печатались не только произведения татарских авторов (рассказы, стихотворения), но и переводы писателей других национальностей. Помимо этого, в журнале публиковали научно-популярные статьи об окружающем мире (в том

числе, о животных, растениях, по географии и истории). Особое место в журнале занимали игровые рубрики, дающие представления о специфике детского досуга.

Дело в том, что игра занимает уникальное место в жизни ребенка, обучающегося и усваивающего посредством нее ценности своего народа/окружения/семьи. Игра как приключение/*при-ключе-ние* ставит перед ребенком задачи, решая которые он выбирает, с точки зрения взрослой оптики, непонятные и нестандартные маршруты. Но именно это придает игре оригинальность с особым, специфически детским, характером. В игре одновременно все мимолетно и фундаментально, серьезно и несерьезно, реально и фантазийно. Каждый игровой процесс рождает множество проблем и вопросов, стимулируя познавательный поиск, который проявляется в любопытстве. Задавая множество вопросов, ребенок открывает тайны мироздания, интерпретируя их с позиций собственного опыта. Желание, играя, познавать и открывать расширяет детский опыт и кругозор, давая простор для воображения и фантазирования, а значит – проявления/*про-явления* в социокультурном пространстве. Можно утверждать, игра как бытийственная сфера и точка стремлений ребенка есть одновременно интеллектуально-морально-эстетический феномен, помогающий находить то, что ищешь, получая от процесса колоссальный жизненный заряд энергии, знаний и навыков.

Детские игры имеют *народный характер*: в них играло множество поколений людей. Несмотря на древние истоки, каждое поколение детей воспринимает игры новыми и современными. Объясняется подобное тем, что игры пластично подстраиваются под тенденции времени, но игровой алгоритм остается древним. Так, в прятки, догонялки, дочки-матери, соревновательную борьбу играли дети всех народов мира. Среди привлекательных *черт народной игры* обозначим следующие: они не требуют специальной подготовки, представляют возможность потренироваться в новом, в них одновременно можно проявить себя в качестве изобретателя, игрока и зрителя, снять накопившееся напряжение и отдохнуть, продемонстрировать умения, дать выход эмоциям, что, безусловно, нравится детям.

Если обратиться к миру повседневности татар начала XX в., то, согласно источникам, в вечернее время, как правило, именно в доме устраивались семейные чаепития, сопровождающиеся разговорами, занятием рукоделием, играми, а нередко – чтением. Когда позволяли погодные условия, то «во дворах играли дети – в мячики, кегли, городки, бабки, прятки, жмурки, серсо, волан, а также в оловянных солдатиков. Подростки гоняли футбольный мяч. Взрослые отдыхали в гамаках» [1, с. 1115].

Сама повседневность имела особенности в каждое время года. Так, среди детей и молодежи самыми долгожданнами и веселыми были

новогодне-святочные праздники, когда устраивались вечеринки и балы. Первые публичные елки появились в России во второй половине XIX в., а в Казани – чуть позже, в конце столетия. Характерной практикой сначала у богатых, а позже и в среде людей среднего достатка, было украшение в доме елки. Помимо этого, в театрах и клубах Казани (зал Дворянского, Купеческого и Военного собрания), начиная с 1913 г., проводились новогодние представления с чтением стихов, пением песен, вождением хороводов и проведением игр. В мае начинается летний период, когда «большая часть жителей уезжает из Казани» в усадьбы, на дачи или к друзьям, спасаясь «от тяжкого испытания пылью и жарой» [3, с. 249]. Даже «небогатые горожане чаще совершали однодневные вылазки на природу» [1, с. 1123]. На природе в летний период особой популярностью пользовались лапта, крокет, лото, в которые играли и взрослые, и дети.

Повседневный уклад жителей региона состоял не только из будней, но и огромного количества праздников (религиозных, светских, народных, государственных, семейных), разыгрываемых по особым правилам. В татарском обществе после 1905 г. стали организовывать вечера для детей с элементами концерта, театральной постановки, литературно-музыкальной композиции и игры.

Анализ, представленных в журнале «Ак юл»/«Светлый путь», детских игр позволяет реконструировать повседневный мир татарских детей начала XX века, выявляя его специфику. Как правило, большинство игр носит командный характер. Они универсальны по пространству и времени разыгрывания (в них можно играть в учебном классе, доме, на улице, стадионе, лужайке, во время занятий и на перемене). Игры развивают интеллектуальные и физические способности детей, воображение и фантазию. Заметим, нередко ребенок не догадывается о цели игры. Например, цель игры «Гонки обратные» – «упражнение для ног»; «Игры kota и мыши по-новому» – «привыкание к строю»; «Думай крепко» – «повышение умственной активности игроков» и пр. [2].

Игровой алгоритм оказывается довольно простым. Как правило, игра начинается с выбора места, при необходимости подготовительной работы (заготовки бумаги, ручек, карточек и пр.) и озвучивания ее условий. Привлекательным моментом является свобода внутри игры: дети могут работать со всем, попадающим в зону внимания, что создает эффект *удовольствия от случайности*. Так, в игре «Рассказ» каждый игрок, фантазируя на определенную тему, вносит свою лепту в сочинение истории (как реальной, так и абсурдной, своеобразной небывальщины). Подобная методика и в игре «Сырая (недописанная) песня», где каждый участник записывает по одной строчке из первого пришедшего на ум стихотворения/песни, которые впоследствии зачитываются [2].

Еще один значимый элемент народных детских игр – их *нравственный компонент*. Командный характер игры формирует у ребенка

чувства сплоченности, солидарности, уважения к партнеру и оппоненту. Например, в игре «Сборщик мнений» о водящем все присутствующие пишут свое мнение (как положительное, так и отрицательное), но при этом помнят о правиле «не навреди» [2].

Выявление специфики татарской детской игры приводит нас в сферу *татарского языка*, знание которого помогает понимать и адекватно интерпретировать игровые действия, быстро реагировать на происходящее. Помимо этого, специфика татарской детской игры проявляется в знании *национальной культуры*, например, фольклора (поговорок, пословиц, загадок, мифов, преданий и сказок, песенного и танцевального творчества), элементы которого встречаются в играх.

В целом, татарские детские журналы начала XX в. дают представления о повседневной жизни детей и мире их интересов. Рубрики журнала, связанные с игрой, демонстрируют насколько важное место занимала игра в повседневной жизни ребенка, социализируя его и прививая общественные принципы. В начале XX века, в период отсутствия изобретений высоких технологий именно игра транслировала знания о мире и культурной традиции, выполняя роль системы воспитания и образования. Игра погружала ребенка в реальность, обучая адекватному проявлению и реагированию в ней. Именно игровой процесс заключал в себе, нередко скрытый, ценностно-символический потенциал, сознательно/бессознательно усваиваемый ребенком. Более того, игра оказывалась площадкой для проявления собственных возможностей, обучала принципам коммуникации и взаимодействия, выполняла функции психологической/интеллектуальной/физической разрядки, помогая снять противоречия и конфликтные ситуации. Игра развивала креативность и умение подстраиваться к текущим тенденциям, плавно вводя ребенка во взрослую жизнь. Жизнь ребенка начала XX века была связана, в большей степени, с игрой и непосредственным восприятием жизни, где не было места отчуждению, выстраиваемому в современности технологическими новинками, в том числе, виртуальной реальностью, телевидением и пр.

Список литературы:

1. Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. Казанское житье. Казань: ДОМО «Глобус», 2005. 1184 с.
2. Развивающие детские игры татар: по страницам журналов начала XX века / Под ред. А.В. Тимирясовой. Казань: Казанский инновационный университет, 2017. 148 с.
3. Турнерелли Э. Казань – древняя столица ханов. Казань: ДОМО «Глобус», 2005. 1184 с.

**Паломнические путешествия священнослужителей с учениками
школ конца XIX – начала XX века
(по материалам Сибирских епархиальных изданий)**

Специфическое положение авторов, являющихся священнослужителями, учителями и организаторами паломнического путешествия. Неизменным остается наличие точки зрения путешественника, фиксирующего свои собственные впечатления и впечатления детей от всего нового и необычного, встречающегося в дороге. Однако, точка зрения паломника, описывающего свой личный духовный опыт, замещается точкой зрения наблюдателя, описывающего впечатления детей от посещения святых мест. В большинстве случаев паломнические путешествия с учениками не являются паломничеством для самих авторов, поскольку оказываются продолжением их служебной деятельности.

The specific status of the authors being clergymen, teachers, and organizers of pilgrimages of the disciples leads to a modification narrative of a pilgrimage journey which existing in the nineteenth century. Unchanged is the existence of a point of view of the traveller, describing their own impressions and the impressions of children from all new and unusual things, occurring in the road. However, the point of view of a pilgrim, describes his own personal spiritual experience, is replaced by the point of view of the observer, describing the children's impressions from visiting Holy places. In most cases, pilgrimages with the disciples are not pilgrimages for the authors themselves, because these pilgrimages are the continuation their service activities.

Ключевые слова: паломническое путешествие, травелог, повествовательная модель, точка зрения.

The keywords: pilgrimage, travelogue, narrative model, point of view.

На страницах сибирских епархиальных изданий, начиная с 1890-х гг., появляются описания путешествий священнослужителей (являющихся учителями церковно-приходских или миссионерских школ) вместе с учениками на поклонение к местным святыням. Первый опыт травелога такого рода ориентируется на сложившуюся в XIX веке повествовательную модель паломнического путешествия. Исследователи [13; 10; 1 и др.] отмечают, что произведения русских паломников XIX в., с одной стороны, восходят к древнерусскому жанру «хождения» с его явным религиозно-поучительным смыслом, сочетающимся с познавательной целью. С другой стороны, происходит существенное видоизменение этой модели, проявляющееся в том, что в повествовании начинает преобладать

---

* **Рощина Ольга Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета.

личностное начало. Повествование ведется одновременно в двух ракурсах – путешественника, достоверно описывающего все увиденное, и паломника, фиксирующего свой индивидуальный духовный опыт в отличие от средневековых авторов, не высказывающих личного отношения к сакральному.

Автор первой публикации, усть-балейский священник Иоанн Сотников [12], в короткой заметке «Путешествие учеников церковно-приходской школы на поклонение мощам св. Иннокентия» рассказывает о своем сне, в котором он, прибыв с детьми в Иркутский Вознесенский монастырь, оказался среди служащих иеромонахов. Далее говорится о сборах в дорогу, посещении монастыря с двадцатью одним учеником и исполнении сна, когда его попросили выйти на молебен. Помимо фактологических сведений о двухдневном путешествии 5–6 февраля, по-видимому, 1890 г. и описания собственного молитвенного состояния у раки святителя автор отмечает, что и дети получили небывалые впечатления от всего виденного и слышанного.

В последующих травелогах священников-учителей точка зрения паломника, описывающего личный духовный опыт, полученный в святом месте, полностью вытесняется точкой зрения наблюдателя поведенческих реакций и эмоционального состояния детей. Точка зрения путешественника несколько расширяется за счет описания восприятия детей, большинство из которых первый раз отправляются в путешествие. По-видимому, паломничество с учениками к местным святыням не является полноценным паломничеством для самих священнослужителей в силу поглощенности обязанностями организаторов поездки и сопровождающих.

В большинстве текстов описываются паломничества в Иркутский Вознесенский монастырь [11; 4; 8; 2] или в Уссурийский Свято-Троицкий Николаевский монастырь [3; 7]. В публикациях складывается определенная повествовательная модель такого рода травелогов. В заглавиях текстов, как правило, обозначается паломнический характер путешествия («паломничество», «на поклонение»), указываются начальная (через название школ) и конечная точки маршрута. Сообщается точное количество детей, их состав по половому и/или национальному признакам. Описываются сборы в дорогу, само путешествие до места назначения (виды транспорта, затраченное время, количество преодоленных верст, места остановок, увиденное в дороге). Во время пребывания в монастыре отмечаются осмотр святынь, архиерейская служба, ласковый прием владыки и его подарки детям и/или приглашение к трапезе. Фиксируются поведение и эмоции детей как в дороге, так и в святом месте. В некоторых текстах много внимания уделяется туристической составляющей путешествия, когда описывается еще посещение Иркутска и обратная дорога [11; 2]. В ряду достопримечательностей Иркутска говорится о понтонном мосте, каменных зданиях и соборах, римско-католическом костеле, Казанском соборе,

витринах магазинов, одежде, экипажах, электрическом освещении, телефонных проводах. При описаниях посещений Свято-Троицкого Николаевского монастыря обращается внимание не только на соборное служение, хоровое пение и посещение Преображенской горы, но и рассказывается о свечном заводе, пасеке, минеральных ключах, многообразных службах и угодиях монастыря. Авторы акцентируют различные аспекты полезности такого рода поездок для развития и воспитания детей, также могут рассказывать о своих школах и особенностях учеников – детей-бурят [11] или детей сидящих в тюрьме родителей [4].

О.Н. Хайруллина отмечает, что «в паломническом очерке наблюдается сочетание географического и исторического, материального и духовного, преходящего и вечного, земного и божественного» [13, с. 171]. В силу неготовности паломников-учеников начальной школы как рефлексировать подобные категории, так и применять их к собственному жизненному опыту, в текстах об их паломничествах задаются иные соотношения. Все авторы отмечают, что паломническое путешествие состоялось впервые, произвело сильное впечатление и радовало детей, тем самым наделяют поездку статусом праздника, неординарного события в противоположность обыденному и повседневному в восприятии детей. Свои личные впечатления паломника авторы не описывают.

Автор, обозначивший себя инициалами С.Н.Ш., говорит о невозможности достоверно знать, что происходит во внутреннем мире детей: «В общем, поездка произвела на детей сильное впечатление, а что происходило в душе каждого из них – трудно определить» [11, с. 13]. Поэтому священники-учителя, самолично сопровождавшие учеников, описывают разнообразное выражение эмоций и реакции учеников в различных обстоятельствах: нетерпение отправиться в дорогу, оживление, расспросы, радость, восторг, изумление от происходящего, трепет, благоговение и удовольствие от богослужения, заинтересованность всем вновь увиденным, любознательность. Василий Вавилов также фиксирует подыскивание детьми-бурятами названий для новых объектов на родном языке, их поведение на улице, в магазинах, в гостях, впечатления от железной дороги, парохода, музея, где на бурятских детей наибольшее впечатление произвели юрта и наряд бурятской девушки, преодоление стеснения и участие в массовых детских играх на Преображенской площади [2]. Священники Александр Краснов и Василий Вавилов даже избегают использования местоимения «я», предпочитая безличные формы, местоимение «мы», или именуя себя словом «учитель».

Молькинский миссионер Александр Попов описывает путешествие учителя Сергея Андрияновича Инкигина с учениками и их родителями в Иркутск, в котором сам он участия не принимал. Не имея возможности непосредственно наблюдать реакции школьников, он прибегает к нарративу художественной прозы, т.е. изображает внутренние переживания детей так

же, как повествователь, обладающий полнотой всеведения, изображает внутренний мир своих героев: «Внимание их всецело обращено было туда, где сияли от солнца кресты монастыря и городских церквей, и *невольно у них забились сердца от радости*, что вот они скоро увидят то, что *им так заманчиво рисовалось в их воображении*» [8, с. 356] (курсив наш – О.Р.).

Два описания паломничеств с учениками школ принадлежат епархиальным наблюдателям и представляют собой официальные отчеты, которые, несмотря на сходство описываемых ситуаций, в нарративном плане имеют мало общего с травелогами священнослужителей, непосредственно взаимодействующими с учениками в своей повседневной деятельности. Наблюдатель за церковно-приходскими школами 19 благочиния Томской епархии Н. Никольский сам организовал поездку учеников церковно-приходской школы села Чингизское в деревню Дресвянку для поклонения иконе пророка Илии. Не будучи школьным учителем и, видимо, не имея привычки работать с детьми и наблюдать за ними, автор описывал только свою деятельность: «Вечером были показаны в особом помещении туманные картины из новозаветной истории, при этом священник Н. Н-ский кратко познакомил слушателей с историей Нового Завета и из каждого рассказа извлекал нравственный урок для слушателей. ... Смотреть картины явилась масса народа, для которого это была новость; со всех сторон слышалась благодарность» [5, с. 16]. Упоминания учеников в тексте касалось только степени их участия в богослужениях. В отличие от других авторов он не указал даже примерное количество детей, участвовавших в паломничестве.

Автор «Паломничества учеников Забайкальской епархии», обозначивший себя инициалами П.А.П., судя по другим публикациям в «Забайкальских епархиальных ведомостях», является епархиальным наблюдателем за церковно-приходскими школами П.А. Поповым. В отчете «Об архипастырской поездке 1909 г. 8-27 июня», напечатанном в №№ 17 и 20/21 за 1909 г. имеется двойная атрибуция автора – инициалами П.А.П. и фамилией Попов с инициалами П.А. В тексте «Паломничества учеников Забайкальской епархии» он описывал три поездки 1909, 1910 и 1911 гг., организованных священником Иосифом Барышевцевым в Верхнеудинск, Иркутск и Троицкосавск с учениками нескольких школ. Автор достаточно подробно излагал обстоятельства двух последних поездок, основываясь, по-видимому, на отчетах самого И. Барышевцева и на сочинениях школьников, о чем и упоминалось в тексте. Вольно или невольно П.А. Попов вкраплял в свой текст элементы складывающейся повествовательной модели паломнического путешествия священнослужителя с учениками школ, стараясь помимо сухого перечисления фактов дать некоторое представление об эмоциональном состоянии детей. Говорится, что наибольшее впечатление на детей в Иркутске произвели велосипеды и автомобили. Можно предположить, что в описании последней поездки автор сужал впечатления

взрослого человека (свои, И. Барышевцева или кого-то из сопровождающих взрослых) ученикам, когда упоминал о грязном базаре в Маймачине или говорил об убранстве кяхтинского собора, привлекающего внимание материалами отделки скорее взрослого, чем ребенка: «В соборе привлекло особое внимание паломников богатый иконостас с хрустальными колоннами и серебряными царскими воротами; на престольное облачение тоже серебряное, массивные паникадила, гранитные и чугунные полы и вообще великолепие храма» [9, с. 450]. Текст заканчивается пассажем о пользе паломничества и призывом к другим отцам-иереям епархии начать организовывать поездки учеников, что обнаруживает непосредственное выполнение автором своих обязанностей епархиального наблюдателя.

Очевидно, опыт паломнических путешествий учеников школ был признан удачным и стал предлагаться к распространению: «Святейший Синод в определении своем от 2–29 июня 1908 г. за № 4718 п. 8 предлагает “развивать и укреплять в питомцах духовно-учебных заведений любовь к родине и славному прошлому великого русского народа. Этой цели должно служить в числе прочих средств и устройство паломничества и экскурсий для обозрения родных святынь и памятников старины”. Указом Святейшего Синода от 21 сентября 1910 года за № 29 забота об организации экскурсий и паломничества возлагается на учебные заведения» [6, с. 473].

Список литературы:

1. Бузько Е.А. «Сказание» инока Парфения в литературном контексте XIX века. М.: Индрик, 2014.

2. Вавилов В. Паломничество учеников-бурят Молькинской миссионерской церковно-приходской школы Балаганского уезда на поклонение мощам св. Иннокентия в городе Иркутске // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1902. № 1. С. 9–16; № 3. С. 47–50.

3. Ваулин Г. Паломничество учащихся церковных школ Осинового прихода Владивостокской епархии в Уссурийский Св.-Троицкий Николаевский монастырь // Благовещенские епархиальные ведомости. 1901. № 15. С. 333–336; № 16. С. 356–360; № 17. С. 376–378; № 18. С. 392–398; № 19. С. 406–410; № 20. С. 428–432; № 22. С. 472–475; № 23. С. 486–491; № 24. С. 499–502; 1902. № 1. С. 16–22.

4. Краснов А. Путешествие учеников церковно-приходской школы Александровской центральной тюрьмы на поклонение мощам святителя Иннокентия, I-го епископа Иркутского, чудотворца // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1893. № 25. С. 1–5.

5. Никольский Н. Поездка учеников церковно-приходской школы села Чингизского Барнаульского округа в деревню Дресвянку для поклонения иконе Св. пророка Божия Илии // Томские епархиальные ведомости. 1893. № 3. С. 13–17.

6. Паломничество в евр. Россию // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 18. С. 474–480.

7. Помазан И. Экскурсия учеников Тихоновской одноклассной церковно-приходской школы Иманского уезда Приморской области – в Уссурийский Свято-Троицкий Николаевский монастырь в мае месяце 1910 года // Благовещенские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 173–179.

8. Попов А. Путешествие учеников Молькинской миссионерской школы на поклонение мощам святителя Иннокентия, иркутского чудотворца // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1895. № 14. С. 353–359.

9. П.А.П. [Попов П.А.] Паломничества учеников Забайкальской епархии // Забайкальские епархиальные ведомости. 1911. № 15/16. С. 446–451.

10. Поселенова Е.Ю. Паломнический текст как образец взаимодействия художественного и религиозного сознаний // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 142–146.

11. С.Н.Ш. Путешествие учеников Кирилло-Мефодиевской миссионерской школы в Иркутск // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1893. № 24. С. 1–13.

12. Сотников И. Путешествие учеников церковно-приходской школы на поклонение мощам св. Иннокентия // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1890. № 17. С. 6–8.

13. Хайруллина О.Н. Жанр паломнического очерка в русской литературе первой половины XIX века (на примере очерков А.Н. Муравьева и А.С. Норова) // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 170–178.

А.А. Козлова*

**Повседневная жизнь школьников сибирской деревни
накануне Великой Отечественной войны
(по материалам омских газет)***

В статье рассматривается повседневная жизнь школьников сибирской деревни перед Великой Отечественной войной, а также изменения, которые произошли с началом военного времени. Особое внимание уделяется изменению занятий и быта с началом войны. Показано, как изменяется сознание обычных подростков после ухода на фронт мужской части деревни.

The article examines the everyday life of students of the Siberian village before the war and the changes that have occurred since the beginning of wartime. Special attention is given to change classes and life with the beginning of the war. It is shown how the consciousness of a normal teenager after leaving for the front men of the village.

Ключевые слов: Повседневность, Великая Отечественная война, бытование, провинция, советский тыл.

Keywords: Daily, the Great Patriotic war, existence, province, Soviet rear.

---

* **Козлова Анна Александровна.** кандидат исторических наук, доцент, Доцент кафедры «Философия», Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ).

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Министерства Образования Омской области 17-11-55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939-1945 гг.)»

История Великой Отечественной войны не теряет своей актуальности среди современных исследователей, причем речь идет не только об изучении военных действий, героических подвигов на фронте и в тылу, но и об истории обычных граждан, чья жизнь была обыденной, но изучение именно таких аспектов позволяет представить полную картину военной действительности. Не менее важным кажется и изучение предвоенного периода, чтобы понять все изменения, которые произошли с обществом с началом войны и тем шоком, который переживало общество, попавшее в состояние военной экстремальной повседневности. В целом проблема обыденной жизни стала рассматриваться исследователями с середины XX в., но в наше время особое внимание стало уделяться именно экстремальной повседневности. Война, безусловно, оказывает влияние и на психологию, и на быт разных категорий населения, но особенно – на подростков и детей, которые вынуждены очень быстро взрослеть, принимая на себя социальные роли взрослых. Доказательством является работа подростков на предприятиях тыла в годы Великой Отечественной войны практически наравне со взрослыми, перевыполняя нормы и работая сверхурочно. Но не менее сложным было положение деревенских школьников, которым также приходилось оказывать посильную помощь старикам и женщинам, при этом, разумеется, никто не отменял их основной задачи: учебные занятия продолжались, несмотря на военные действия. Кроме того, несмотря на сложное время, дети все равно оставались детьми, поэтому отчасти традиционно организовывали свой досуг, наполняя его играми, подготовкой к праздникам и различным общественным мероприятиям. Малотиражные газеты, выходившие на территории различных районов Омской области, всесторонне отражают разные аспекты жизни не только взрослых, но и детей. При этом нужно отметить, что в статьях 1939–1940 гг., когда война еще не пришла на советскую землю, все равно большое внимание уделяется военным действиям, которые ведет Красная Армия на территории Монголии, а также в советско-финском конфликте. Кроме того, пионеры и комсомольцы обсуждали статьи, рассказывающие о военных действиях на фронтах Второй мировой войны.

Сельские школьники старались чем-то помочь военным. Один из видов такой помощи нашел отражение в газете «На Ленинском посту», где рассказывается о том, как пионеры воспитывали лошадей для Красной Армии: они брали молодняк, ухаживали за ним, чистили стойла, обьезжали подросших жеребят, обучали ходить в упряжке [4]. Поражает, что дети искренне старались освободить взрослых от каких-то небольших, но насущных повседневных проблем, принося при этом практическую пользу и получая определенный опыт. На этих же лошадях подростки сдавали нормы на знак «Юного Ворошиловского всадника». Этот знак был введен еще в 1938 г., а для его получения подростки в возрасте 13–16 лет должны были выполнить ряд условий: уметь ухаживать за лошадьми, уметь определять их

болезни, оказать в случае необходимости первую помощь, разбираться с конским снаряжением, выполнять различные задачи, связанные с верховой ездой, в том числе способность служить в качестве посыльного и верхового дозорного. Кроме этого знака, большой популярностью у школьников, в том числе и Омской области, пользовался «Юный ворошиловский стрелок». В газете «Молодой большевик» за 1939 г. представлены параметры, выполнение которых необходимо для сдачи нормативов на этот значок: необходимо пройти теоретическую подготовку, а практическая отличалась в зависимости от того, на какую ступень шел зачет, но в целом, кроме стрельбы из винтовки, нужно было уметь ходить на лыжах, метать гранату, изучать топографию. Обязательной ступенью была сдача нормативов на значок ГТО [3]. Получать все эти навыки пионеры и комсомольцы должны были в свободное от школы время, желающих было достаточно много, но сдавших гораздо меньше, поскольку очевидно, что требования высокие. С момента ухудшения международной обстановки в газетах стали призывать к тому, чтобы максимально большее количество школьников получило эти начальные военные навыки, чтобы была основа для дальнейшей подготовки бойцов Красной Армии в случае экстренной необходимости.

С этой же целью с сентября 1939 г. в школах вводилось обязательное военное обучение, преподавать которое должны были офицеры запаса. Школьники должны были осознавать всю сложность международной обстановки (для этого проводились регулярные политинформации, да и первые страницы не только центральных, но и местных газет были посвящены международным проблемам) и необходимость в связи с этим обладать рядом практических военных умений и навыков. В это же время в школах стали создавать отряды юных пожарных дружинников, которые должны были изучать правила и меры противопожарной безопасности, а также в случае необходимости помогать взрослым при тушении пожаров. Проблема актуальная не только в военное, но и в мирное время, поскольку в тот период практически все дома в деревнях были деревянными, т.е. пожароопасными.

Большое внимание уделялось организации праздников. Особенный праздник для детей и взрослых Новый год, не был исключением и 1940 г. В местной прессе пишут о том, как в школах организовывали для октябрят утренники, а для подростков и старших школьников балы-маскарады, на которых ребята представляли созданные своими руками костюмы. На этих праздниках детям раздавали подарки, а отличники даже получали премии. Много внимания уделялось украшению зала, всей школы, школьники создавали целые зимние сады, комсомольцы организовывали конкурсы для остальных школьников. Во всех классах ставили елки, пели песни, читали стихи, танцевали.

Кроме Нового года самыми значимыми праздниками были 1 Мая – День международной солидарности трудящихся и 7 ноября – празднование

очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Затем шли День Красной Армии и профессиональные праздники. Школьники принимали очень активное участие в их подготовке. Так, в газете «На сталинском пути» [5] писали о лыжных соревнованиях, приуроченных к 22 годовщине создания Красной Армии, были также организованы специальные занятия по изучению винтовки, техники стрельбы, устройства и применения противогаза. Затем были проведены военные игры на основе этих знаний. Такие традиционные мероприятия проводились и в школах других районов области. Кроме того, задачей пионеров и комсомольцев был выпуск стенгазет к празднику. К 8 Марта при врачебных пунктах для девочек были организованы кружки по подготовке к получению значков ГСО, при этом школьники получали знак «Юный отличник санитарной обороны СССР», для этого нужно было изучить правила оказания первой помощи, школьной гигиены и санитарии, противовоздушной обороны [4]. Таким образом, очевидно, что к празднику должны были быть приурочены какие-либо достижения в определенных областях и какие-то соревнования. Как пишет газета «Молодой большевик», 6 сентября отмечали Международный юношеский день, в честь которого была организована демонстрация пионеров и комсомольцев, а во второй половине дня в Омске проходил зачет планеристов, сдавшим выдавались свидетельства пилотов.

Главным же занятием школьников была, конечно, учеба. Сельские газеты пишут о том, насколько успешно идет учебный процесс, как ведется работа с отстающими учениками. С ними дополнительно занимались учителя, кроме того, за каждым классом закреплялся воспитатель, но самое главное – внутри классов отличники занимались с отстающими. Сами дети писали в газету о том, что занятия сильных учеников со слабыми помогает одним лишний раз повторить материал, объясняя товарищу, а другим – усвоить его. Очевидно, что коллективистская система труда начинала активно развиваться еще со школьных лет.

Большинство изучаемых в школе предметов относились к основным, но рисование, физкультура и пение считались второстепенными, оценки по этим предметам не учитывались. Начиная с четвертого класса, школьники сдавали экзамены. Местные газеты, начиная с середины мая, размещали статьи о подготовке к экзаменам, причем если в четвертом классе сдавали три предмета (русский язык, арифметику и географию), то в десятом – одиннадцать. Для несдавших наступали осенние испытания, а сдавшие на «отлично» получали похвальную грамоту, а в десятом классе – красный аттестат, который давал права поступления в вузы без экзаменов.

В свободное от учебы время школьники занимались в кружках, причем целью их было давать детям практические знания. В конце 1930-х гг. на южной стороне новой загородной рощи открылись детские техническая и сельскохозяйственная станции. Это был центр опытной работы: здесь были

созданы плодово-ягодный сад и зоолого-животноводческая лаборатория. 15 мая 1940 г. открывалась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, на которую представляли опытные образцы не только взрослые, но и школьники. Очевидно, что к исследованиям подростков относились достаточно серьезно, их использовали в более широких научных проектах. Пионеры и комсомольцы занимались в кружках разной направленности: музыкальном, оборонном, историческом [2].

В каникулы школьники могли больше уделять внимание своим творческим занятиям, но взрослые старались организовать им отдых, поэтому в 1930-е гг. в Омской области, как и по всей стране, стали появляться пионерские загородные и школьные лагеря, а также детские санатории [1].

Таким образом, изучая повседневную жизнь сибирских школьников в предвоенный период, стоит отметить, что, несмотря на изменившееся международное положение, дети продолжали жить обычными довоенными проблемами, хотя и стали готовиться к возможным испытаниям, обучаясь стрельбе, обращению с оружием и прочему. В то же время, политика государства была направлена на постепенное включение детей в рабочие будни и в помощи в деревне, и в исследовательских работах. С другой стороны, совершенно очевидно, что государственная политика показывала явную заинтересованность в определенном направлении развития и воспитания подрастающего поколения. Такие вопросы не перекладывались на семью, а решались на уровне государственных учреждений.

Список литературы:

- 1.Большевицкая степь. Орган Русско-полянского райкома ВКП(б). 1940. №№ 1–12.
- 2.Власть Советов. Орган Дзержинского райкома ВКП(б) и райсовета Омской области. 1939. №№ 1–8.
- 3.Молодой большевик. Орган Омского обкома и горкома ВЛКСМ. 1939–1940 гг.
- 4.На ленинском посту. Орган Любинского РК ВКП(б) и РИКа Омской области. 1940. №№ 1–5.
- 5.На сталинском пути. Орган Усть-Ишимского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1940. №№ 1–10.

Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны в Омскую область*

Статья освещает вопросы экстремальной повседневности периода Великой Отечественной войны. Рассматривается тематика эвакуации детей на территорию Омской области, мероприятия местных властей и жителей по приему и помощи в адаптации детям. Раскрываются условия и особенности жизнедеятельности эвакуированных на новом месте. Исследование проведено на базе архивных материалов официального характера и на основе эго-документов.

The article lights up the questions of extreme daily occurrence of period of Great Patriotic war. The subjects of evacuation of children are examined on territory of the Omsk area, measures of local authorities and habitants on a reception and help in adaptations to the children. Terms and features of vital functions of evacuees open up on a new place. Study is undertaken on the base of the archived materials of official character and on the basis of egos-documents.

Ключевые слова: повседневность, дети, эвакуация, Омская область.

Keywords: daily occurrence, children, evacuation, Omsk area.

Изучение повседневной истории позволяет исследователям обращаться в собственных изысканиях к различным источникам. Архивные материалы официального характера включают многочисленные сведения, создают возможность извлечения информации о жизнедеятельности обычных людей. Таковыми являются справки, отчеты, распоряжения и пр. государственных, партийных, комсомольских органов власти, сведения о деятельности организаций. Дополненные эго-документами (письмами, воспоминаниями, интервью), подобные данные способствуют формированию целостной картины о бытовании простого человека. В данном исследовании, построенном на синтезе таких источников, впервые представлена повседневная реальность эвакуированных на территорию Омской области детей в годы Великой Отечественной войны, хотя в целом проблематика подобного рода, изучаемая на материалах других регионов, неизменно находится в поле зрения историков [9–12]. Конечно, в сравнении со взрослыми, дети не оставляют о себе такого значительного пласта источников личного характера. Редкой и счастливой исследовательской

---

* **Кабакова Наталья Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования Омской области № 17–11–55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)».

удачей может оказаться находка писем, либо дневников, написанных детьми военного лихолетья [13]. В большинстве же случаев в оценивании детской повседневности экстремального периода Великой Отечественной войны происходит обращение к оценке взрослыми людьми опыта своих юных лет. Данное обстоятельство необходимо учитывать, поскольку непосредственно детское восприятие в собственной передаче и воспоминания зрелого человека о своем детстве не могут быть признаны идентичными. Припоминания, рассказы о своем прошлом в изложении его фактов находятся у взрослых авторов под влиянием индивидуальных качеств, мировоззрения, политических взглядов. В то же время и подобные материалы являются ценными документами, способными дать возможность понять психологический фон, обстановку, поскольку исходят они от непосредственных участников событий.

В соответствии с постановлением СНК от 5 июля 1941 г. Омским обкомом партии был утвержден план приема эвакуированных советских граждан на территории Омской области. Всего ожидалось прибытие 100 тыс. ленинградцев, 100 тыс. москвичей, 26 320 чел. из прифронтовой полосы и пр. Отдельно называлось количество детей из детских домов (4 450 чел.), которых должна была принять область. Уже 12 августа 1941 г. прибыло 62 200 чел. эвакуированных, включая 1 604 детей из детских учреждений. На следующий день среди эвакуированных было учтено 2 104 детей детских домов [3, л. 5–6].

В дальнейшем прибытие эвакуированных нарастало, превысив первоначально предполагавшиеся показатели, что вызвало огромное количество проблем в Омске и области, требовавших скорейшего разрешения. Серьезным вопросом стала необходимость налаживания медицинского обслуживания и санитарной обработки. Отмечались случаи эпидемических заболеваний у детей (выявлялись скарлатина, дифтерия), а медицинского персонала часто не доставало. Врачи были закреплены только на омском городском эвакуопункте, тогда как в остальных – по области и в пути следования – возможно было встретить в лучшем случае только средний медицинский персонал. Ощущался недостаток питания. Сами местные власти критически отмечали данный факт, подчеркивая, что обеспечение продовольствием и предметами первой необходимости для эвакуированного населения часто поставлено неудовлетворительно. В самом Омске питание осуществлялось в станционном буфете, который располагался в тесном помещении, а на промежуточных станциях горячей пищи получить было невозможно вовсе, поэтому и взрослым, и детям приходилось довольствоваться сухим пайком.

Не выдерживала критики и обеспеченность эвакуированных жильем. Конечно, местные жители, как могли, уплотнялись, радушно принимали вновь прибывших, оказывали всевозможную помощь. По воспоминаниям Г.Н. Перельман, прибывшей в Омск из Ленинграда вместе с заводом имени

Н.Г. Козицкого, ее семье очень повезло: «... Мы приехали в Омск с маленьким больным ребенком. Дочь только перенесла воспаление легких, очень нуждалась в поправке. Мы разместились на улице 8-й ремесленной, где жили старик со старушкой. Им было лет по 70 лет. Нас поместили на кухне, а хозяйва жили в комнате метров в двадцать пять. Но вскоре они уступили нам свою комнату. Бесплатно давали нам для дочери козье молоко ...» [7, л. 22]. В.Д. Синцов, также эвакуированный со своими родителями в Омск из Ленинграда, отзывался о приютивших людях как о заботливых и гостеприимных: «... Мне тогда всего пять лет было, начало войны плохо помню. У меня была маленькая сестренка, полгода всего. Но осталась в памяти та семья омичей, которые отвели комнату, дали нам, детям, теплую одежду, помогли с продуктами, поскольку у них был огород, и на зиму они запасали для себя какие-то овощи. Так они с нами делились ...» [8, л. 23].

15 августа 1941 г. областное руководство отметило, что в городе не приняты надлежащие меры по строительству временных жилых построек – бараков, несмотря на то, что для этого были выделены необходимые ассигнования, строительные материалы. В наличии имелась и рабочая сила, способная решить эту задачу [2, л. 24]. С этого времени значительные людские резервы были брошены для возведения жилья.

Сложившаяся обстановка обусловила активное участие в решении насущных проблем со стороны комсомольцев, которые в течение первых военных месяцев возглавили 19 воскресников по Омской области, в ходе которых привели в образцовое состояние помещения вокзалов, станций, открыли дополнительные столовые, буфеты, новые лотки. Помимо этого были организованы дежурства для оказания необходимой помощи, привлекались домашние хозяйки для дополнительного обеспечения эвакуированных горячими обедами, оборудованы комнаты матери и ребенка. Для детей начали готовить специальные блюда, передавать игрушки, одежду. О том, что эвакуированные дети были в зоне особой заботы омичей, свидетельствует то, что эшелоны, в которых перебазировали детские дома, сопровождались специальными комсомольско-молодежными бригадами [1, л. 22–23]. На заседании бюро обкома ВКП (б) 2 сентября 1941 г. особо выделялся вопрос о детях, эвакуированных в Омскую область из Москвы и Ленинграда: было вынесено решение держать под постоянным контролем их содержание, обеспечить нормальные условия жизни и учебы, обслуживание теплой одеждой, обувью, медицинской помощью [4, л. 13].

Запомнившие трудный путь на восток, эвакуированные, несомненно, нуждались во внимании и заботе. Спустя много лет тогдашние дети описывали пережитые ими ужасы войны, которые они не могли вычеркнуть из своей памяти. Галина Ивановна Матвеец вспоминала, что до войны она воспитывалась в детдоме, на Украине в Запорожской области. В июне 1941 г. их увезли в Сталинград. Там 14-летним подростком она пошла работать на

тракторный завод: «... В Сталинграде становилось совсем плохо, и осенью 1942 года нас снова начали эвакуировать. Переправили через Волгу на баржах, потом долго вели пешком. Нас бомбили без конца – одни самолеты улетали, другие прилетали. На следующий день меня ранило. Я осталась одна. Но, к счастью, ранение было легкое. Я смогла добраться до Саратова, оттуда попала в Омск...» [5, л. 117].

Ядвига Анатольевна Антонова (Ословская), до войны жившая в Житомире, в детском доме им. Щорса, рассказала в своих письменных воспоминаниях: «... Мы были в лагере, когда началась война. Видели, что солдаты копают окопы, самолеты летают. По первости мы не различали – где наши, где немецкие самолеты, потом научились. Детдом наш стоял на бугорочке. Помню, как кричали, что кто-то на парашюте спускается. Все бежали, суетились, была паника ... Числа 5-го июля нас начали эвакуировать. Дали котомки – в них вещи, хлеб, сало. На вокзал добирались пешком. Пришли, а вагонов нет. Тут начали нас бомбить. Кто постарше из мальчишек и воспитатели выгрузили уголь, мы начали садиться в этот вагон, но снова стали бомбить. Все побежали в поле, где росла рожь. ... После мы сели в вагон, поехали. На станциях подолгу стояли. Прибыли в Камышин, потом нас отправили в Сталинград. Это уже в мае 1942 года было. Там мы жили в ремесленном училище, там же и работали. Когда фронт подошел к Сталинграду, нас снова эвакуировали. Я видела, как бомбили Сталинград. Наяву видела, как рушатся здания. Было страшно. Многим из нас не было и 14-ти. Но к бомбежкам постепенно привыкли. А потом нас довели до Саратова в вагонах с оборудованием. Через десять дней выдали продукты, впервые поместили в настоящие вагоны, отправили в Омск» [5, л. 119–120].

В рассказах многих эвакуированных в детском или подростковом возрасте сохранились картины трудного быта. Г.И. Матвеев, оказавшись в Омске, училась в ремесленном, жила в бараке вместе с другими подростками: «Все мы жили в одной большой комнате на 72 человека, с 2-этажными койками. Многие ребята искали своих родственников. Барак был переделан из свинарника. Там были железные буржуйки. Приносили с завода паклю, тряпки, смоченные в отходах масла – это было лучшее топливо. Помню, что зимой всегда было холодно. Спали на топчанах» [5, л. 118].

Зинаида Ивановна Горголь, приехавшая в Омск в эвакуацию из Одессы, вспоминала: «Жили мы в бараке. Летом в городе пылью все покрывалось, а зимою – льдом. Бывало, принесем ведро воды вечером, чтобы умыться, а утром лед в нем долбим. Кровати на ночь сдвинем, плотно уляжемся и матрацами укроемся, чтобы согреться.

Молодость брала свое. Иногда с девушками в кино ходили на два сеанса: один смотрим, другой – спим (там теплее было). Умудрялись ходить и в театр в платьях из простыней и тряпичных тапочках. У нас была карта, на которой флажками отмечались события на фронте. Пожалуй,

ни одно поколение так хорошо не знало географию, как наше! Конечно, было голодно. Чтобы на долгие разделить пайку, мы зимой складывали хлеб на батарею или мочили водой и замораживали. Чтобы растянуть «пайку», ее размачивали. Бедой становилась потеря хлебных карточек! Даже мыло получали по ордерам. Но мы старались не замечать этих лишений. Была мысль, которая не покидала даже во сне: когда Левитан объявит о конце этой проклятой войны? А еще в годы войны мы много пели. Пели от холода, от голода, пели, чтобы не уснуть у станков. Пели от горя, когда наши войска оставляли города и села. Пели от радости, когда наши пошли в наступление»[6, л. 92–94].

Во время войны дети рано вырастали. Отношение к тем, кто находился в подростковом возрасте, было наравне со взрослыми. Страна нуждалась в рабочих руках, потому что нужно было найти замену ушедшим на фронт мужчинам. Дети военного времени в своих повествованиях о прошлом отражали условия своего труда. По рассказам З.И. Горголь, никто не считался с отработанным временем, «ни у кого не было в мыслях – уйти, не выполнив фронтового задания. Цех был темный, грязный, холодный. Зимой даже эмульсия замерзала. Работали в телогрейках, одеты были так, что лучше не вспоминать. Делали нам специальные подставки у станков, и мы работали» [6, л. 1–2].

Александр Лопатин был эвакуирован в Омск из Ленинграда после того, как под Великими Луками погиб его отец. Ему не исполнилось в то время, когда он пришел работать на завод им. Н.Г. Козицкого и 16 лет, но он собрал бригаду из таких же подростков, где самому младшему было 14 лет. В дальнейшем А.П. Лопатин говорил, что мальчишки никогда не уходили из цеха, не выполнив задания. Обычной же для них была норма в 150% от плана. [7, л. 33].

Таким образом, архивные материалы официального характера и приведенные в исследовании эго-документы, посвященные проблематике эвакуации детей в годы Великой Отечественной войны на территорию Омской области, раскрывают проблемы выживания в тылу в период экстремального времени, мероприятия властей и деятельность местных жителей, направленные на преодоление возникавших проблем. Воспоминания свидетелей тех лет запечатлели трудности, с которыми столкнулись дети на новом месте, отразили влияние эвакуации на их менталитет.

Список литературы:

1. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее – БУ ИсА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1105.
2. БУ ИсА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2615.
3. БУ ИсА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2616.
4. БУ ИсА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2621.
5. БУ ИсА. Ф. 2656. Оп. 1. Д. 4.

- 6.БУ ИсА. Ф. 2656. Оп. 1. Д. 40.
7.БУ ИсА. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 27
8.БУ ИсА. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 28
9.Бельская Н. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 169–179.
10. Меркурьева В.С. Эвакуация детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Primoaspectu. 2017. № 1 (29). С. 49–53.
11. Протасова Е.В. Детские дома и интернаты военного времени в Пермской (Молотовской) области // Научный диалог. 2014. № 8 (32): История. Экономика. Право. С. 84–104.
12. Рихерт С.Н. Эвакуация детей из г. Москвы: проблемы бытовой адаптации (на примере Саратовской области) // Достижения вузовской науки. 2016. № 23. С. 8–12.
13. Семенова Л.Н. От мирного детства к военному: страницы дневника ленинградской школьницы Ларисы Ивановой // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 101–109.

М.А. Метейко*

Повседневная жизнь подростков Донбасса в годы оккупации (1941–1943 гг.)

В данной статье рассказывается о повседневной жизни подростков. Приводятся примеры героизма детей-партизан. На основе архивных данных приводятся факты о жизни ребят, чьи родители были расстреляны гестапо. Выделены основные причины, повлиявшие на сознание молодежи в борьбе с оккупантами.

This article describes the everyday life of the younger generation. Examples are given of the heroism of the partisan children. Tells about the lives of children whose parents were shot by the Gestapo on the basis of archival data. The main reasons that have influenced the consciousness of youth in the fight against the occupiers are outlined.

Ключевые слова: дети, оккупация, партизаны, воспоминания, Великая Отечественная война.

Keywords: children, occupation, Partisans, memories, the Great Patriotic War.

Великая Отечественная война стала огромным потрясением для всего народа СССР, как тех, кто воевал в составе Красной Армии на фронт, так и самоотверженно трудившихся в тылу.

---

* **Метейко Мария Александровна**, студентка 3 курса исторического факультета, Донецкий национальный университет. Научный руководитель: к.и.н., доц. Удалова Татьяна Михайловна

Несмотря на то, что вопрос о судьбе детей в период немецкой оккупации затрагивался в ряде научных публикациях общего и специального характера [6–9], далеко не все аспекты темы исследованы в полном объеме.

Когда Донбасс был захвачен немецко-фашистскими оккупантами, ребята тоже старались бороться: вступали в подпольные партизанские отряды, помогали родным или просто незнакомым людям, которые были захвачены гестапо, носили им еду, или просто пытались их освободить.

Так, например, Леонида Емельяновна Гринко, которая родилась в 1927 г., была активной участницей и помощницей во всех операциях своей матери Анны Гринко. Юная разведчица, оказывала помощь в операциях по поджогу гаража, по уничтожению госпитальных палаток, по подрыву связи внутри города, по сбору разведывательных данных и работу по освобождению военнопленных из лагерей. Она, непосредственно по заданию командира отряда, первая сообщила руководству Макеевской группы о предательстве члена их отряда Новикова и о начавшихся арестах гестаповцами активных участников группы, тем самым многих товарищей этой группы спасла от гестапо [3, л. 23]. В архивных документах хранятся ее воспоминания, в которых она писала том, как «решила сообщить об арестах начальнику Макеевского отряда партизан Степану. Когда я вышла на Макеевское шоссе, то остановила проезжавший эсесовский мотоцикл и попросила его подвести меня. После моих просьб они меня подвезли. Пока я доехала, то разбила себе ноги до крови. Врач тов. Рябишка перевязала мне ноги. Я предупредила об арестах. Через 2 дня явился Новиков (предатель) с немцами и указал, кого арестовать. Из-за него погибло много людей» [3, л. 50]. Также, она, получила приказ убить одного из агентов немецкой военной разведки, и, не смотря на свой юный возраст, выполнила его [3, л. 47].

Еще одним подростком-партизаном был Василий Иосифович Сикачев, которому на момент начала Великой Отечественной войны исполнилось 15 лет. Из его воспоминаний следует, что в феврале 1942 г. была организована встреча между сторонниками подпольной борьбы Борисом Павловичем Рясным и Евгением Степановичем Кленцевым, где после переговоров было решено создать молодежную подпольную группу. Группа набиралась с осторожностью из хорошо знакомых учеников школ и товарищей. В первый период их деятельности они слушали запрещенные передачи из Москвы, записывали и передавали сводки боевых действий с фронтов, распространяя эту информацию среди населения, а также разоблачали ложь о Красной армии, которую немецкая пропаганда считала разгромленной. В 1942 г. Сикачев и его товарищи из подпольной группы были вынуждены устроиться работать на Макеевский металлургический завод им. Кирова, куда привозили на ремонт военную технику и неисправное вооружение. Где было возможно, группа приводила их в негодность. В ряде случаев проводились мелкие диверсии: рвали кабели для немецкой связи, пробивали (дырявили) немецкие бочки из под бензина...

Для бежавших из плена красноармейцев доставались документы и одежда... Когда Красная Армия подходила к Донбассу, партизаны стреляли из ракетниц, тем самым подавая сигналы для советской авиации, определяя месторасположение важных немецких объектов [5, л. 1–7].

Раиса Григорьевна Безкоровайная, 1923 г. р., проживавшая в Красном Лимане была представлена к награде и получила медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 года». По заданию подпольной группы она работала регистратором в Краснолиманской городской поликлинике, где устанавливала расположение вражеских войск, их наличие и планы, и разведанные передавала в партизанский отряд. Также, она выдала справки молодым ребятам о непригодности их для угона в Германию, оказывала помощь местному населению в бесплатном лечении, распространяла среди населения листовки и газеты, выпускаемые партизанским отрядом [4, л. 20].

17-летняя Любовь Филлиповна Федченко была провожатой раненых командиров Красной Армии: майора Георгия Сергеевича Хайнацкого, капитана Цирульникова, лейтенантов Зиссера и Я.В. Швидкова Их уложили в сани, тщательно замаскировали белыми простынями. Несмотря на все трудности и опасности пути, Любе удалось отвезти воинов в г. Россошь, в глубокий тыл и передать всех солдат в танковую часть. За этот подвиг она была представлена к боевой награде танковой частью майора Ханацкого [2, л. 10]. Сама Любовь Федченко рассказывала, что после того, как в марте 1942 г. ее выпустили из гестапо, она обратилась к врачу больницы №2 г. Краматорска Д.С. Мазуру с просьбой о работе в больнице, где сначала трудилась санитаркой, прачкой, и кладовщиком. Основной работой было подвоз продуктов, воды, подчас на ручной тачке, большей частью ночью под обстрелами. [2, л. 47]. Как писал потом о ней майор Г.С. Ханацкий «...ее поступок был продиктован только сердцем патриотки, испытавшей на себе все ужасы гестапо, которая не могла допустить, чтоб немцы издевались над советскими офицерами, пролившими кровь за освобождение родного города...» [2, л. 11].

Повседневная же жизнь детей, которые не участвовали в партизанском подполье, отличалась тем, что они не выполняли боевые задания. Тем не менее, они всячески старались мстить оккупантам и помогать бежавшим военнопленным, своим родным, захваченным в гестапо.

Например, 13-летняя Лариса, дочь врача Сергея Фроловича Апанасенко (подпольщика патриотической группы медработников больницы №2 в г. Краматорске в 1942–1943 г.), регулярно носила горячую пищу в больницу, прятала одежду и воинские документы красноармейцев, помогала переводить их через линию фронта [2, л. 6].

О своей повседневной жизни во время оккупации ученики 4–6 классов одной из школ Снежнянского района Сталинской области писали сочинения. Так, ученица 4-го русского класса Пархоменко писала о том, в 8

лет, она потеряла. Брат ее матери, Прокудин Дмитрий Алексеевич, был партизаном, поэтому, ее семья, по-возможности, обеспечивала его продовольствием на протяжении 2-х месяцев. Об этом узнало гестапо, немцы они пришли в дом с обыском, но ничего не нашли. После того, как они покинули дом, ее мать решила спрятать одежду брата, но полицейские это увидели, и на следующий день была арестована ее тетя [1, л. 3]. Через некоторое время в гестапо забрали и ее мать. Дома у Пархоменко оставались еще две маленьких сестренки. Она ходила в комендатуру и носила маме и тете еду. Один раз ее пустили к маме, которая сказала: «Если меня выпустят, значит, я буду живая, а если не выпустят, значит убьют». Через шесть дней их отвезли в Сталино, где ее семья была расстреляна на 9-й шахте. В дальнейшем Пархоменко и одну из ее сестер забрала Матрена Ивановна Прокудина, вторая была сдана в детский дом [1, л. 4].

Изучение истории повседневности военного времени на примерах поступков подростков развивает у современной молодежи чувство патриотизма, любовь к Родине, уважения к ветеранам. Картина войны была бы неполной без оценок и интерпретаций событий того времени самими участниками и очевидцами, сохранными в архивах.

Список литературы:

1. Государственный архив Донецкой Народной республики. Ф. 2258. Оп. 1. Д. 3.
2. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 146.
3. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 193.
4. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 206.
5. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 404.
6. Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-voennyh-let-1941-1945-gg-problemy-i-perspektivy-izucheniya>
7. Кринко Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-shkola-v-usloviyah-natsistskoy-okkupatsii-1941-1944-gg>
8. Овчинникова Я.С. Дети и подростки Донбасса в условиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: анализ источниковой базы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/lipd/2009_2/22Ovchinnikova.htm
9. Социальная история Великой Отечественной войны. Проблема «Дети войны». Особенности в условиях оккупации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-istoriya-velikoy-otechestvennoy-voyny-problema-deti-voyny-osobnosti-v-usloviyah-okkupatsii>

Организация и работа детских домов в Калининской области в 1943 году

В статье рассматриваются вопросы, связанные с работой детских домов на территории Калининской области в 1943 г. Автор уделяет внимание таким проблемам, как состояние помещений детских домов, обеспеченность воспитанников одеждой и обувью, качество питания и медицинского обслуживания. Показаны некоторые меры по улучшению ситуации, предпринятые властью.

The article highlights the issues concerning the work of orphan asylums in the territory of Kalinin region in the 1943 years. The author takes into consideration such problems as accommodation conditions, providing with clothing and footwear, the quality of nourishment and medical care. The author reveals different measures taken by the authorities to improve the situation.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, детские дома, Калининская область.

Keywords: Great Patriotic war, orphan asylums, Kalinin Region.

Постепенное освобождение от оккупации районов Калининской области ставило перед властями и гражданами новые задачи, одной из которых стала забота о детях, оставшихся сиротами. Размещение и обеспечение всем необходимым этих детей было сопряжено со множеством трудностей; преодолеть их оказался совсем непросто. В начале 1943 г. в области функционировали 16 бюджетных детских домов с числом воспитанников 1 730 чел. [3, л. 75]. В Калинин существовал детский дом, содержащийся полностью на отчисления с зарплат рабочих и служащих города. Кроме денежных отчислений, большую помощь различного рода оказывали железнодорожники, завод им. 1 мая и другие предприятия. Однако количество детей-сирот не уменьшалось, и вопрос о расширении сети детских учреждений не уходил из повестки дня. Согласно решению облисполкома в апреле 1943 г. открылись 2 детских дома в Вышневолоцком районе, появились первые колхозные детские дома в Завидовском и Максатихинском районах. После подобных детских дома были организованы в Горичком, Теблешском, Оршинском, Вышневолоцком районах, а всего в 1943 г. 11 колхозных детских домов на 520 мест существовали на средства колхозов и трудящихся районов.

Планировалось открытие 10 специальных детских домов на 1 200 мест для детей воинов Красной Армии, партизан, сирот, родители которых

---

* **Болокина Любовь Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, Тверской государственный технический университет

погибли от рук немецких оккупантов. В процессе их организации областными властями были сформированы бригады, которые проехали ряд районов и отобрали лучшие здания с учетом благоприятного природного окружения. Значительную помощь оказала общественность на местах, например в Новоторжском районе было собрано 100 000 руб., вещи, продукты, колхозами предоставлена тяговая сила. Самый крупный колхоз им. Вильямса взял шефство над конкретным детским домом. При организации детских домов большое значение имела помощь из других областей.

Осенью 1943 г. было принято постановление СНК СССР «Об улучшении работы детских домов». В рамках выполнения данного постановления Калининским областным отделом народного образования было выявлено несоответствие между возможностями отдельных детских домов принять воспитанников и реальным количеством находившихся там детей. В результате в Бежецком, Краснохолмском, Молоковском, Нерльском детских домах детский контингент был уменьшен на 20 чел. в каждом, а вот в Весеьгонском, Вышневолоцком № 1 и Калининском напротив, увеличен [3, л. 76].

К концу 1943 г. в Калининской области было организовано 19 общих детских домов, в том числе 8 дошкольных и 11 школьных, 10 специальных детских домов, среди которых 3 дошкольных, 4 школьных, 3 смешанных, и 10 колхозных, из них 8 смешанных, 1 дошкольный и 1 школьный [4, л. 1]. Самое большое количество детских домов на тот момент было в Кашинском районе – там функционировал 1 специальный детский дом, насчитывающий 160 воспитанников и 3 общих, в которых жили 400 детей школьного возраста. В трех детских домах Вышневолоцкого района насчитывалось 300 воспитанников. Самым малочисленным был Конаковский колхозный детский дом, где проживало 30 ребятишек.

В архивных фондах сохранились акты приема и обследования детских домов, проводившихся в начале 1944 г., содержание которых помогает составить представление о состоянии детских учреждений. Были изучены сведения 16 документов, среди которых 8 актов приема, 4 акта обследования и 4 акта приема и обследования. В составе комиссий, проводивших эти процедуры, обязательно входили представители обкома, почти всегда директора детских домов и представители райкомов и горкомов, исполкомов райсоветов, часто представители роно, секретари райкомов ВЛКСМ и инспектора по учебно-воспитательной работе отдела УНКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, иногда представители районных отделов НКВД. Акты составлялись по определенному плану и, как правило, отражали следующие аспекты: физическое состояние детей, качество их питания, медицинского обслуживания, наличие одежды и обуви, жесткого и мягкого инвентаря, учебной литературы, канцелярских принадлежностей, а также состояние помещений, подсобных хозяйств,

укомплектованность кадрами и планы работы. Итоговая часть документов содержала выводы, в которых обозначались выявленные недостатки и положительные стороны работы по организации детских домов, после чего следовали предложения по устранению обнаруженных проблем с указанием конкретных организаций и должностных лиц, на которых возлагалась ответственность за выполнение поставленных задач.

Характеристики и состояние помещений, за исключением двух случаев, признавались комиссиями вполне удовлетворительными, хотя при этом часто отмечалась теснота. Иногда за обеденный столик вынуждены были садиться 8–9 ребят вместо 4-х. Кровати или топчаны ставили вплотную, чтобы разместить детей, которым приходилось спать по 3 чел. на двух топчанах или по 2 чел. на одном. Даже в изоляторах не всегда была возможность полностью отделить больных детей друг от друга [4, л. 10, 16 (об.), 19 (об.)]. Однако подобное положение могло иметь и другую причину – дефицит мебели. Например, в Новоторжском специальном детском доме не было умывальников, почти не было вешалок и одежда сваливалась в кучу, а в столовой, рассчитанной на 162 чел., было 3 стола и 6 скамеек, вследствие чего дети обедали в несколько смен. Кроме того, в эту столовую дети шли через холодное помещение, и вынуждены были каждый раз одеваться. В комнатах для игр и занятий отсутствовали столы, тумбочки и стулья, и даже в спальнях не было стульчиков, поэтому дети одевались сидя на полу.

Острой проблемой являлась нехватка одежды и обуви. 30 детей школьного возраста не имели теплой обуви, хотя на складе была обувь меньших размеров. С одеждой получилась обратная ситуация, и «некоторые дети одеты в платье и рубашки не по росту, что создает известную неуклюжесть» [4, л. 2, 3]. В Удомельском детском доме «из полученных 110 пар валенок 70 пар не используются вследствие их малого размера, дети вынуждены ходить зимой в ботинках» [4, л. 31]. Поступление одежды и обуви других размеров было частым явлением, при этом обменять их на требуемые оказывалось весьма затруднительным, и порой проще было самостоятельно, силами персонала перешивать вещи или приспособлять к использованию, например, превращать вязаные длинные рубашки в платья [4, л. 12].

Одним из упомянутых выше детских домов, помещения которых отрицательно оценили комиссии, был Хабоцкий детский дом в Краснохолмском районе, но следует заметить, что перечисленные проблемы в разной степени присутствовали и в других детских учреждениях. Вот отрывок из акта: «Внешний и внутренний вид здания плохой. Много оконных стекол заменено фанерой. Внутри помещение грязное, темное с неудобным расположением комнат. Здание не приспособлено для детского дома. Оформление и все оборудование детского дома бедное. Ввиду того, что электричество заменено коптилками, которые страшно коптят, так как керосин очень плохой, а поэтому несмотря на тщательную уборку

помещения воспитанниками в здании грязно, закопчено, белье закопчено и при недостатке мыла не постирано ... в столовой грязно, тесно и неуютно» [4, л. 6]. Отсутствие остекленных рам, электричества, дымящие печи резко ухудшали условия жизни воспитанников.

Соблюдению санитарных норм в детских домах уделялось много внимания, и в официальных документах оно обычно признавалось удовлетворительным. И все же разного рода нарушения норм были частым явлением, что следует в том числе из приведенных выше цитат. Санитарная обстановка осложнялась тем, что в ряде случаев недостаточная пропускная способность имевшихся бань не позволяла вовремя осуществлять мытье детей, нехватка мыла оборачивалась грязным бельем, а иногда педикулезом. В некоторых случаях бани совмещались с прачечными, а иногда прачечной при детском доме не оказывалось и белье стирали «на дому» [4, л. 9]. Нарушением санитарных норм и несомненным вредом для детского здоровья оборачивались холодные уборные, порой находившиеся в десятках метров от жилых помещений [4, л. 9, 24, 30, 33].

Что касается медицинского обслуживания, то все новые воспитанники должны были пройти медицинский осмотр и карантин. Проблемы с тесными изоляторами и нехваткой медицинских препаратов изживались с трудом, но самым трудноразрешимым вопросом был кадровый. Формально во всех детских домах имелись медсестры и к каждому учреждению был прикреплен врач или фельдшер. В реальности почти весь объем обязанностей выполняли медсестры, так как врачи, видимо, загруженные основной работой, не успевали, а возможно, иногда и не старались успеть побывать в детском доме. Так, в Калязинском общем детском доме врач полгода не осматривал детей, а в Кимрском детском доме № 1 в мае 1944 г. врач ни разу не посетила воспитанников и в течение полугода не приняла мер к госпитализации 6 детей, больных лишаем [1, л. 4 (об.); 2, л. 110]. Кроме того, проверяющие время от времени обнаруживали отсутствие прикрепленного к конкретному детскому дому врача или его недостаточную квалификацию.

В актах нередко говорится о холоде в помещениях детских домов и проблемах с топливом, однако в большинстве случаев вопрос все же разрешался, и оказавшиеся без необходимого запаса детские дома обеспечивались регулярным подвозом топлива, пусть низкого качества. Обычно эта обязанность закреплялась за сельскими советами. Но вот в Удомельском специальном детском доме зимой 1944 г. дело дошло до того, что из-за отсутствия топлива печи топили нерегулярно и до нормальной температуры здания вообще не нагревались [4, л. 31].

Члены комиссий почти всегда отмечали наличие дисциплины в поведении воспитанников, но что более удивительно, положительно характеризовали их физическое состояние, и только в двух детских домах оценили его негативно. Этот факт плохо увязывается с тем, что в половине учреждений обнаружили недопоставки продуктов (подсчитано автором –

Л.Б.) Так, за четвертый квартал 1943 г. Калязинский детский дом не дополучил по нарядам 95 кг сахара, 262 кг мяса, 30 кг масла, 5,25 кг чая, 100 кг картофеля, 210 кг гороха, 67 кг сметаны, 600 л молока и 3 070 штук яиц. В день обследования 19 января 1944 г. комиссия увидела в наличии 1 т картофеля, 500 кг капусты, 10 кг сала, 1 кг конфет, 0,8 кг сахара и 5,2 кг чая. [4, л. 7]. За тот же квартал детский дом в Чукавино Старицкого района не досчитался 403 кг круп и макарон, 232 кг мяса, 126 кг сметаны, 1 060 л молока и 5 600 штук яиц. В результате «питание детей однообразное и недостаточное по своей калорийности. Утром дети из-за отсутствия продуктов питания горячий завтрак не получают, выдаются наутро только чай и хлеб с маслом. Недостаток в питании детей объясняется тем, что детский дом не дополучает продукты питания по существующим нормам» [4, л. 33 (об.)]. Схожее положение было в Удомельском детском доме, где 15 января 1944 г. комиссия зафиксировала следующий запас продуктов: 9 т. картофеля, 400 кг брюквы, 60 кг сахара, 3 кг соли, 3 кг сала, 2 кг сливочного масла, 5 кг крупы, 25 кг кофе, 14 кг чая, 15 кг морковного джема, 4 кг изюма и 1 кг шоколада. Уточним, что в детском доме жили 107 детей. Скучный рацион не насыщал, и дети после обеда хором заявили «не на-е-лись» [4, л. 29, 31]. Редко в актах могла появиться запись такого характера: «Питание детей вполне удовлетворительное, готовят вкусно, порции большие, меню разнообразное». Эти слова относились к детскому дому в г. Бологое [4, л. 19].

Областной отдел народного образования также поднимал вопрос о недостаточном питании по причине «крайне плохого снабжения из централизованных фондов» [3, л. 76]. Кроме недопоставок продуктов согласно принятым нормам, положение усугублялось тем, что продуктов для персонала детских домов иногда и вовсе не предусматривалось в планах облторготдела, хотя соответствующие нормы существовали. Нетрудно догадаться, как решали вопрос руководители детских учреждений, ведь кормить работников тоже было необходимо. Для улучшения питания принимались различные меры, но, например, попытки персонала детских учреждений восполнить нехватку витаминов в детских организмах добавлением в рацион брусники, клюквы, изготовленного из хвои витамина С были недостаточны, требовалось нормальное сбалансированное питание.

Более комплексному решению проблемы должно было способствовать утверждение единых норм питания и выделение земель для подсобных хозяйств детских домов. В апреле 1943 г. исполком утвердил временные нормы, а в ноябре постоянные нормы питания в детских домах. Однако выполнить эти решения не удалось, как видно из приведенных выше примеров. Вопрос улучшения питания детей-сирот был исключительно важен, ведь большое количество ребят поступали в состоянии истощения, с накожными заболеваниями, разными формами чесотки, туберкулеза, предрасположенные к заболеванию цингой и т.д.

Проблема устройства и обеспечения нормальных условий для жизни и развития детей-сирот в военные годы решалась трудно. Многие вопросы поднимались руководителями детских домов, регулярно обсуждались в различных органах власти, но ресурсов катастрофически не хватало, несмотря на усилия и взаимодействие властей, сотрудников детских учреждений и общественности.

Список литературы:

1. Тверской центр документации новой и новейшей истории. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2173.
2. Там же. Д. 1341.
3. Там же. Д. 1344.
4. Там же. Д. 1354.

А.В. Трофимов*

Повседневная жизнь уральских школьников в первое послевоенное десятилетие

В статье рассматривается проблематика повседневных советских реалий и жизнедеятельностных стратегий уральских школьников в послевоенный период. Патерналистский характер государства и сложные материально-бытовые условия способствовали выработке адаптивных стратегий. На примере конкретных «кейсов» показаны поведенческие модели учащихся.

Abstract: the paper deals with the problems of everyday Soviet realities and activity strategies of the Ural school students in the post-war period. The paternalistic nature of the state and complex material and social conditions contributed to the development of adaptive strategies. For example, a particular «cases» shows the behavioral patterns of students.

Ключевые слова: уральские школьники, повседневная жизнь, послевоенный период.

Key words: Ural school students, everyday life, the post-war period.

Проблематика повседневных советских реалий и жизнедеятельностных стратегий советского населения в позднесталинский и хрущевский периоды получила широкое отражение в современной историографии. Исследователями [1; 3–7 и др.] рассмотрены многообразные аспекты повседневной жизни различных социальных и профессиональных групп советского общества (рабочих, крестьян, студентов, инженеров,

---

* **Трофимов Андрей Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет.

писателей, теневых предпринимателей, домработниц). На основе обширного круга источников: статистики, делопроизводственных материалов, документов личного происхождения, устной истории, авторы реконструируют картину повседневных практик граждан, приходя к выводу, что в них сочетались как практики адаптации и выживания в условиях бедности, так и стремление к реализации личных экономических интересов, которые не всегда соответствовали идеологическим и законодательным нормам советской страны. Показана жизнь «простого человека», преодоление экономических трудностей, приобретение новых советских идентичностей, дана характеристика бытового и вещевого пространства различных категорий населения, специфика которого была обусловлена как модными веяниями и укоренившимися представлениями о престиже, так и экономическими возможностями советского социума. Рассмотрены результаты советской социальной политики по созданию инфраструктуры учреждений заботы и контроля, а также проанализированы практики властей по конструированию и стигматизации аномалий и девиаций (в том числе экономических), нормированию и упорядочению социальных идентичностей. Освещены сюжеты, посвященные формальной и неформальной экономической деятельности; спекуляции, домашнему производству и потреблению в условиях дефицита и др. Отмечается, что жильё, являлось инструментом социальной стратификации, фактором, определяющим сознание, поведение горожан, представления о справедливости распределения обязанностей и благ, частном и публичном. «Коммуналка» не заканчивалась порогом, ценности и нормы «коммунальной» психологии переносились и на другие сферы жизнедеятельности советского социума, укрепляя коллективистские начала в ментальных и поведенческих схемах населения.

Первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны для советской мобилизационной модели общества стало временем перехода от ее апогея к реформированию. Нелегкие испытания выпали на долю всех жителей страны, но особый интерес представляет обращение к условиям повседневной жизни тех поколений советских школьников, которые впоследствии принимали непосредственное участие в «триумфе и трагедии» Советского Союза. Уральский регион в послевоенные годы находился на острие модернизационных процессов: продолжилось создание ядра советского оборонно-промышленного комплекса. Урал – это место пересечения миграционных потоков, связанных как с военной эвакуацией предприятий и населения, так и высокой насыщенностью учреждениями ГУЛАГА.

В трудных условиях послевоенных лет значительная часть учащихся стойко переносила тяготы вступления во взрослую жизнь, но часть подростков в качестве модели поведения выбирала «бегство от трудностей», причем в прямом смысле. Так, в августе 1947 г. на совещании работников

трудовых резервов Молотовской области, посвященного проблемам улучшения политико-воспитательной работы в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского ученичества (ФЗО) говорилось о том, что учащиеся мало знают о трудовом законодательстве, об ответственности за нарушение трудовой дисциплины. «В школе они приучены к тому, что если он самовольно отлучается – это вполне допустимая вещь. Захотел поехать домой – поехал, приезжает – продолжает учебу. Это обычное дело. Уехал домой, за ним приезжают, привозят обратно. Привезли, продолжает учиться. Если не принимаются какие-нибудь репрессивные меры, то должны применяться какие-то воспитательные меры. Надо этих ребят поставить в соответствующие производственные условия в школе, надо показать их как нарушителей дисциплины, нетерпимых в советском обществе, но этого нет. Наоборот, ребята, которые бегают из школы по 5–6 раз, являются героями и окружены ореолом славы, и никто не старается развенчать этих героев. В результате ребята приходят на производство и в первое же время уезжают к маме в деревню... Это увеличивает количество дезертиров и лишает нас необходимого количества рабочей силы» [8, с. 150].

В информации Челябинского обкома ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся в городах Челябинской области», представленной в ЦК ВКП(б) в сентябре 1947 г., признавалось трудное положение с обеспечением населения продовольствием отмечалось наличие «неуверенности в завтрашнем дне, отсталых и нездоровых настроений». Среди населения городов было «широко распространено неверие в гибкость торговых организаций, в действенность мер органов власти по борьбе со спекуляцией. Поэтому многие рабочие высказываются за сохранение карточной системы, с увеличением норм выдачи хлеба, до тех пор, пока в стране будет изобилие хлеба». Своеобразной реакцией на тяжелое материальное положение иждивенцев, к которым относились и школьники, стал рост посещений церковей молодежью, в том числе учащимися школ. Так, «ученик третьего класса Магнитогорской школы № 35 Михаил Р. уже 4 года ходит по воскресеньям в церковь. Недавно ему присвоено звание пономаря. На ряд заданных ему зав. школой т. Н. вопросов он ответил следующее: – Ты, Миша, стал теперь верующим?– Нет, я еще не окреп.– Что для тебя важнее: школа или церковь?

– Я буду учиться. Чтобы стать служителем церкви, нужно быть грамотным. – А если тебя после окончания четырех классов возьмут в ремесленное училище?

– Меня не возьмут, люди похлопочут. – Что тебя привлекает к церкви? – Я за каждое воскресенье имею заработок 50 рублей» [8, с. 158].

О том, как сами уральские школьники видели и оценивали свою повседневную жизнь, дают представления два письма, написанные в 1953 г. Скорее всего, написаны они были не без участия родителей, о чем говорят некоторые стилистические особенности, но, в них выражено отношение

учащихся к жизненным трудностям, видна система ценностей, представления о справедливости, эффективности работы власти и т.п. В первом письме, написанном в сентябре, адресованном в газету «Правда», ученик четвертого класса из г. Краснотурьинска (Свердловская область) просил редакцию газеты «сказать, есть ли еще в каком городе такое безобразие в части снабжения населения хлебом, как в нашем. Вот я учусь в четвертом классе, и учусь во вторую смену, а моя сестра Люся учится в первую смену, в первом классе, а Любочка которой четыре года сидит дома одна, так как мама и папа у нас работают каждый день с 8 часов утра и до 6 часов вечера, и мы уже 4 дня не можем достать хлеба. Утром в 6 часов я встаю и иду занимать очередь за хлебом, магазин открывается в 7 часов, к открытию ко мне подходит мама, так как она в это время как я ухожу, остается готовить завтрак и для обеда нам в день, и что-же Вы можете видеть когда откроют магазин? Хлеба нет. Мама уходит с папой на работу, а я начинаю бегать по магазинам, подобно ищейке, искать хлеб. И результат остается плачевным, время истекает, надо готовить уроки и пойти в школу, а послать Люсю, которой 7 лет или Любу, которой 4 года, так они очень малы, их там задавят, так как есть частые случаи, что женщин выносят без сознания. Такое положение со снабжением длится уже долгое время, и вот мы уже 4 дня ни грамма хлеба взять не можем, так как вечером когда приходят мама и папа, то уже ходить искать хлеб по магазинам бесполезно, и живем мы на картофеле и на макаронах. Прошу редакцию газеты «Правда» помочь разрешить мне эту задачу, кто тут виноват? С просьбой Геннадий Полежаев» [8, с. 198]. Исполком Свердловского областного Совета депутатов трудящихся сообщал в редакцию газеты «Правда», что «факты неудовлетворительной торговли хлебом в городе Краснотурьинске имели место вследствие плохой работы хлебокомбината. Трестом «Главхлеб» и Облторготделом были приняты необходимые меры, в настоящее время торговля хлебом в городе происходит нормально» [8, с. 198].

Второе письмо, от школьника В. Манцурова, было отправлено в октябре 1953 г. председателю Советского правительства Г.М. Маленкову с просьбой об улучшении жизни в г. Алапаевске. В нем автор письма ставил ряд актуальных для него вопросов, предлагал свои варианты ответов и просил принятия мер со стороны власти: «Почему в городе Алапаевске нет строительства? Почему в других городах есть автобусы, троллейбусы, трамваи, а у нас ничего нет? Почему в этом городе не производится строительство жилых домов для рабочих, а только для белоручек, у которых даже в руках лопата не бывала, у которых даже именуются слуги. Почему белого хлеба рабочие не могут достать, а хлеб если привезут в магазин, то продадут всего 50 кг., 25 кг., а может быть и меньше. Почему Вы это думаете, да потому, что продавцы оставляют хлеб для начальников, служащих, заведующим. Почему сейчас в городе Алапаевске нет валенок, ведь дело к зиме. В те годы были валенки хоть в драку потому, что валенки,

как и белый (хлеб) тоже оставляли. Почему тот ученик, у которого родители чернорабочие никогда не бывает отличником, а всегда отличники бывают те, у которых родители инженеры, начальники, руководители какие-нибудь, но только не чернорабочие. А если у ученика мать и отец работают оба то следить даже некогда за тобой, так как следить тебе нужно самой за ребятами, которых у чернорабочих очень много, а у белоручек всегда бывает по одному ребенку. Я сейчас приведу Вам два примера: один жизнь ученика чернорабочего, а другой жизнь ученика в интеллигенции. Жизнь ученика у родителей чернорабочих. Ученик занимается в одной и той же комнате, где едят, спят, где духота плач маленьких ребят. Жизнь ученика у родителей интеллигенции. Ученик занимается в другой комнате от родителей. Он встанет, для него все уже готово. Он сходит на кухню, потом в столовую там покушает и садится за уроки. А у родителей чернорабочих ребенок встанет так нужно самой все и сделать кушать нечего в избе холодно, так и не сразу сядешь за уроки. Примите меры в Алапаевске» [8, с. 199].

В ответе областных властей, признавалась проблемы с транспортом и продовольственным снабжением, но отмечалось, что показатели учебного процесса в школах г.Алапаевска не свидетельствовали о существовании социального неравенства, поскольку, «проверка показала: учащихся с повышенными оценками на 4 и 5 в 1953–1954 учебном году 225 чел, в т.ч. детей рабочих 152, детей ИТР и служащих 73 человека» [2, л. 26].

Стремление советского государства к созданию высокоразвитой экономики, способной к соревнованию с капиталистической экономикой требовало создание определенного типа работника. Модернизационные преобразования в условиях «холодной» войны, низкого правосознания основной массы населения, опирались на мобилизационные механизмы, включающие широкий диапазон принудительных инструментов и мер. В повседневной жизни учащихся избыточный контроль со стороны государства способствовал выработке адаптивных стратегий. Это были нормативные, официально одобряемые модели поведения, включающие в себя совокупность действий, обеспечивающих следование социалистическому принципу «от каждого по способностям – каждому по труду». «Нормативную» модель поведения советского учащегося составляли: добросовестная учеба, овладение профессиональными навыками и компетенциями, активное участие в общественной деятельности (пионерская, комсомольская организации, «тимуровское» движение). «Действительная» модель поведения «среднего» школьника, представляла баланс между требованиями, предъявляемыми ему со стороны учителей и реальностями, весьма непростой в послевоенные годы, жизни своей семьи. Одни выбирали нормативные, достижительные стратегии (стремились учиться лучше, заниматься больше остальных, видя в повышении уровня образования прямой путь к улучшению жизненных условий), других устраивала «золотая середина», третьи балансировали на грани нарушения

трудовой дисциплины и этики (прогулы занятий, опоздания, невыполнение домашних заданий). Для части подростков всегда привлекательными были не одобряемые властями или даже находящиеся в зоне правовой ответственности, модели поведения. Послевоенное поколение уральской молодежи испытало на себе воздействие «дворовой культуры», сочетавшей представления о социальной справедливости, «воровскую романтику», полукриминальные способы решения конфликтных ситуаций. В этой неформальной среде формировалось различное отношение (в основном, негативное) к коррупционным моделям и предпринимательским стратегиям, которые вступали в противоречие с принципами социализма, но позволяли, в определенной мере и для определенного круга лиц, купировать существовавшие изъяны государственной экономики в сфере удовлетворения жизненных потребностей.

Список литературы:

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М.: Молодая гвардия, 2003. 463 с.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6772.
3. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с.
4. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб.: Крига; Победа, 2015. 484 с.
5. Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х гг. 2-е изд., испр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 295 с.
6. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
7. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985/ Под редакцией Е. Ярской-Смирновой и П. Романова М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. 376 с.
8. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред. А. В. Трофимов; [кол. авт.: Е.А. Игишева, М.А. Клинова, С.М. Морий, А.В. Трофимов]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2015. 355 с.

Повседневная жизнь воспитанников Выборгских школ-интернатов в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

В конце 1950-х гг. в СССР появились школы-интернаты. Этот тип общеобразовательных учебно-воспитательных учреждений создавался с целью помощи семьям в тяжелой жизненной ситуации и развития одаренных детей. Подобный тип учебных заведений появился и в Ленинградской области. В статье рассматриваются различные стороны повседневной жизни воспитанников школ-интернатов в первые пять лет их существования (1957–1962 гг.). На примере двух школ-интернатов г. Выборга показаны распорядок дня обучающихся, жилищные условия, организация питания, внеурочная деятельность.

The article describes the features of pupil's everyday life in boarding schools of Vuborgin first period working of this schools (1957-1962 years). Boarding schools was founded for helping of family and development of gifted children. The article is reported about the daily routine, the living conditions, the nutrition and extracurricular activities of pupils. The emergence of this type of schools had problems of the organization of living conditions.

Ключевые слова: образование, воспитание, школа-интернат, г. Выборг, Ленинградская область, повседневная жизнь воспитанников.

Key words: education, upbringing, boarding schools, Vuborg, Leningrad region, everyday life of pupils.

В 1957 г. в системе советского школьного образования появился новый тип общеобразовательного учебно-воспитательного заведения – школа-интернат. Данное учреждение было призвано решать задачи по формированию всесторонне развитых личностей, «строителей нового общества». В соответствии с Положением о школе-интернате обучение детей обоего пола осуществлялось в возрасте от 7 до 18 лет с 1 по 10 класс. В школу принимали детей-сирот, детей из малообеспеченных семей, семей инвалидов и ветеранов войны и многодетных семей по желанию родителей, или лиц, их заменяющих. Из постановления об организации школ-интернатов следовало, что в среднем каждая школа-интернат должна была быть рассчитана на одновременное обучение и проживание от двухсот до шестисот воспитанников [8, с. 47].

Государство полностью обеспечивало детей, не имевших родителей, а также в отдельных случаях детей из многодетных и малообеспеченных семей [8, с. 47]. Остальные родители вносили плату в соответствие с их

---

* **Тимофеева Ирина Дмитриевна**, студентка IV курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

материальным положением. Минимальная плата в месяц составляла 60 руб., максимальная – 560 руб. Плату снижали родителям с тремя и более детьми.

Правила организации учебного заведения устанавливались по Положению о школе-интернате 1957 г. [8]. В нём были прописаны порядок открытия учебного заведения, условия приема в школу, правила организации учебно-воспитательного процесса и другие вопросы.

В соответствии с этими правилами помещения школы должны были располагаться в благоприятной для здоровья детей местности и иметь учебные и жилые помещения, пищеблок, спортивный городок, учебно-опытный участок и подсобное хозяйство [8, с. 47]. Жилые помещения должны были иметь спальные комнаты (4 м² на одного человека), групповые комнаты, комнаты отдыха, гостиную (для свидания воспитанников с родителями), изолятор, комнаты старшего воспитателя, воспитателей, умывальные, комнаты гигиены, ванно-душевые помещения [1, с. 32].

Первая школа-интернат в городе Выборге появилась в 1957 г. в здании бывшего педагогического института сразу же после выхода Положения о школе-интернате [7, с. 85]. Через два года, в 1959 г., была открыта Выборгская школа-интернат №2 в поселке Северный, который находится в 3 км от города [3, л. 1].

Организация учебного и жилого пространства школы-интерната должна была осуществляться по строгим требованиям в соответствии с Положением о школе-интернате. Везде для школ данного типа специально строился или приспособлялся жилой комплекс и учебные помещения. Школа-интернат №1 г. Выборга имела 7 отдельных зданий: учебное, где были размещены классы и производственные мастерские; два здания общежития; столовую; изолятор; библиотеку и швейную мастерскую [4, л. 1]. Однако в первые два года столовой еще не было. Она была введена в эксплуатацию только в 1959 г. В течение двух лет на завтрак, обед, полдник и ужин учащихся отвозили на автобусе до центральной городской столовой. В 1958 г. к школе был пристроен специальный двухэтажный комплекс, предназначенный для столовой на 200 человек [7, с. 71].

Как и в школе-интернат № 1 учебное здание для интерната №2 было специально приспособлено для учебного заведения этого типа. Первоначально оно предназначалось для обычной массовой школы на 400 мест. В начале учебного 1959/60 г. помещение школы было переоборудовано под интернат. Строители завершили работу тогда, когда школа приступила к занятиям. В связи с этим нормальные условия для обучения и проживания учащихся отсутствовали около месяца. Спальный корпус и мастерские интерната вошли в строй только в 1960/61 уч. г. [3, л. 1].

Анализ ситуации конца 1950-х гг. в связи с открытием школ-интернатов в городе Выборг показал, что город в полной мере не был готов к их устройству. Это было связано с отсутствием средств. В результате в

Выборгской школе-интернате №1 в первые годы отсутствовала необходимая система детского питания на территории интерната, а в школе-интернате №2 не сразу вошел в строй спальный корпус.

В данном учреждении на первом месте стояло здоровье детей и ему придавалось большое значение. Для укрепления здоровья воспитанников ежедневно проводилась утренняя зарядка, дети занимались физкультурой и спортом.

Вторым важным элементом поддержания здоровья воспитанников являлось питание, за качеством которого пристально следили работники интерната. Питание в школе-интернате было четырех разовым с общей калорийностью 2300 ккал для младших школьников, 3000 ккал для детей среднего возраста, 3500 ккал для старших школьников. В то время как для нормального функционирования организма взрослого человека необходимо 2500-3000 ккал. По воспоминаниям воспитательницы школы-интерната №1 Т.Н. Тихоновой «дети были всегда сыты, так как на столе зачастую оставалось масло и компот» [7, с. 97].

На случай болезни детей в школе был устроен изолятор, в котором медицинскую помощь оказывали врач и медсестра. В школах-интернатах регулярно проводились медицинские осмотры учащихся. В Выборге медицинская комиссия из группы врачей выезжала непосредственно в интернат [7, с. 97–98].

Как отмечалось, школы-интернаты создавались с целью воспитания «строителей нового общества». В Положении о школе-интернате указывалось, что в учреждении «должны быть созданы наиболее благоприятные условия для всестороннего среднего общего и политехнического образования учащихся, воспитания у них высоких моральных качеств, обеспечения хорошего физического и эстетического развития и подготовки их к практической деятельности в различных отраслях народного хозяйства» [8].

Особую роль в жизни интерната играл распорядок дня. Его соблюдение обеспечивало жизнедеятельность интерната и было направлено на поддержание здоровья детей, осуществление контроля за их поведением и успеваемостью. Учебный день в школах-интернатах был четко организован. Помимо уроков он включал в себя прогулку не менее двух с половиной часов на свежем воздухе, самоподготовку – выполнение домашнего задания в классе под наблюдением воспитателя. На субботу и воскресенье ученики, которые имели семьи, отправлялись домой [7, с. 102–103].

Распорядок дня касался и деятельности воспитанников во внеурочное время. О том, как был организован день обучающегося в школе-интернате, в своих воспоминаниях упоминает бывшая учащаяся школы-интерната №1 г. Выборга Татьяна Шумилина. Она вспоминала, что «школьный день начинался в общежитии с подъема на утреннюю гимнастику, умывания и обязательной чистки зубов холодной водой из крана. Дорога от общежития

до школы составляла примерно минут 15–20. Дойдя до школы, мы сначала гуськом шли на завтрак в столовую. После завтрака начинался учебный день, который заканчивался обедом опять-таки в огромной светлой столовой» [7, с. 87].

Огромную роль в организации дня воспитанников школ-интернатов и решении учебно-воспитательных и организационных задач играли воспитатели. В Выборгской школе-интернате №2 в год открытия (1959/60 уч. г.) было всего 11 учителей и 8 воспитателей [4, л. 28]. В 1961/62 уч. г. число учителей выросло до 20, а воспитателей до 18 чел. [3, л. 9]. С развитием школ-интернатов и увеличением численности воспитанников росло и число учителей и воспитателей.

Наличие воспитателей являлось особенностью школ-интернатов. Воспитателям предписывалась не менее важная роль, чем учителям. Воспитатели организовывали весь день учащихся с утра и до вечера. Они должны были знать возрастные особенности школьников, наблюдать за их развитием и в зависимости от этого правильно выбирать виды педагогической деятельности [9]. Воспитатели школ-интернатов проводили внеклассную работу с учащимися в общежитиях, осуществляли контроль за выполнением ими домашних заданий, организовывали их отдых, в том числе и летний.

Работа воспитателей в первые годы существования интернатов была связана с преодолением ряда трудностей. Воспитательница Тамара Никитична Тихонова, проработавшая в школе-интернате №1 около 9 лет (с 1961 г.), вспоминала, что бытовое неудобство создавало «отсутствие горячей воды и душевых, поэтому нянечки были вынуждены по вечерам греть воду, чтобы дети могли умываться теплой водой перед сном» [7, с. 98]. Гигиена учащихся была под постоянным контролем сотрудников интерната. Один раз в десять дней воспитанники посещали городские бани. В спальнях комнатах в тоже время менялось постельное белье [7, с. 98].

Для обучения детей в школы-интернаты набирали лучших учителей и воспитателей с обязательным высшим образованием [8, с. 47]. В Выборгской школе-интернате №1 в 1961/62 уч. г. насчитывалось 22 учителя и 4 работника, возглавлявших кружки [6, л. 22].

Во второй половине дня для детей в школе-интернате работали различные кружки, такие, как хоровой, литературный, математический, исторический, радиотехнический, а также различные клубы, спортивные секции, хор. Например, члены исторического кружка школы-интерната №1 вели переписку с ребятами из Китая, ГДР и Кореи. Участники кружка вели летопись своего кружка, коллекционировали марки и монеты [5, л. 24]. Одним из любимых воспитательных мероприятий у учащихся были культпоходы в кино.

Созданная в первые годы система работы данных учебно-воспитательных заведений с некоторыми изменениями существовала в

Выборгских школах-интернатах на всем протяжении их деятельности. Выборгская школа-интернат №1 была закрыта в 1979 г. В здании школы обосновался учебно-производственный комбинат. Выборгская школа-интернат №2 существовала до конца 1990-х гг. С 2000 г. по настоящее время в здании располагается Выборгский филиал РГПУ им. Герцена.

Итак, школы-интернаты, появившиеся в конце 1950-х гг., стали важным элементом советской системы образования, в том числе в Ленинградской области. Как и другие образовательные учреждения, данный тип школ обеспечивал учащихся средним полным образованием.

Отличительной особенностью данного типа учебных заведений являлось проживание учащихся в школе, что определяло специфику организации учебно-воспитательного процесса в школе-интернате, наличие в них воспитателей. Несмотря на организационные и материально-технические трудности, выборгские школы-интернаты решали поставленные перед ними задачи. Выпускники, учителя и воспитатели выборгских школ-интернатов с благодарностью вспоминают те далёкие годы, когда были открыты эти учебные заведения.

Список литературы:

1. Волков Н.М. Школы-интернаты. Киев: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре УССР, 1963. 75 с.
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на пятой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва. М.:Госюриздат, 1956. 32 с.
3. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ), Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 231.
4. ЛОГАВ. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 237
5. ЛОГАВ. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 238.
6. ЛОГАВ. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 271.
7. Лицей. Школа. Гимназия. История пяти учебных заведений в одном здании. Выборг, 2015. 256 с.
8. Положение о школе-интернате // Народное образование. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов и другие. М.:Педагогика, 1974. 275 с.
9. Учителя и воспитатели // Учительская газета. 1957. №47 (4172). С. 2.

**Пьянство и алкоголизм среди молодежи в 1950-е – 1960-е гг.:
городская советская повседневность Центрального Казахстана**

В данной статье проводится обзор состояния пьянства и алкоголизма в молодежной среде советской повседневности 1950-1960-х годов. Рассмотрены меры, проводимые государством для решения проблем молодежных девиаций, связанных с пьянством и отслежена их эффективность на примере городов Центрального Казахстана. Приведены материалы советской статистики, демонстрирующие данную тенденцию, как один из наиболее проблемных сюжетов в советской девиации.

This article reviews the state of drunkenness and alcoholism in the youth environment in the Soviet everyday life of the 1950s and 1960s. The measures taken by the state to solve the problems of youth deviations connected with drunkenness and tracked their efficiency of the cities of Central Kazakhstan. The materials of Soviet statistics showing this trend as one of the most problematic subjects in Soviet deviation.

Ключевые слова: Советская повседневность, история городов Центрального Казахстана, пьянство и алкоголизм, советская молодежь.

Keywords: Soviet in everyday life, the history of the cities of Central Kazakhstan, drunkenness and alcoholism, Soviet youth.

Наиболее распространенными видами девиации среди подростков и молодежи в городах Центрального Казахстана (кроме преступности) были пьянство и алкоголизм. Пьянство являлось одной из постоянных и трудноразрешимых проблем советской девиантной повседневности. Алкоголь, как пишут многие исследователи советской повседневности [5, с. 109], был частью советской обрядности, сопровождавшей человека на протяжении всей его жизни (рождение, свадьбы, юбилеи, похороны и др.). Пили в СССР по всякому поводу (радостному и горестному) и без повода, пили на все праздники – семейные профессиональные, государственные; пили везде – дома, во дворе, в гараже, на работе, на демонстрации, по телевизору; пили все – рабочие и руководители, пенсионеры и подростки, женщины и мужчины, пили много и всё – от одеколона до самогона. В целом в 1950–1960-е гг. в СССР стремительно увеличивалось потребление спиртных напитков: с 1,85 литра спирта на душу населения в 1950 г. до 6,7 литра в 1970 г. [6, с. 27]. С 1955 по 1960 гг. потребление водки и ликероводочных изделий в расчете на 1 члена семьи в СССР возросло с 16,0 до 19,5 литров в год (увеличение на 22%). С учетом же потребления вина

---

* Сактаганова Зауреш Галимжановна, доктор исторических наук, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (Казахстан)

потребление вино-водочных изделий увеличилось до 28,6 литров в год (увеличение составило 79%) [7, с. 109].

Государство на протяжении всего исследуемого периода заявляло о необходимости снижения потребления спиртного. С этой целью осуществлялись запретительные меры, меры воспитательного и профилактического порядка, направленные на пропаганду здорового образа жизни, внедрения «культуры потребления спиртного». Но государство всегда было заинтересовано в изготовлении и продаже алкоголя, являвшегося при советском режиме государственной монополией на спиртные напитки, важным источником пополнения национального бюджета. Властям приходилось лавировать между двойственными государственными интересами: с одной стороны, необходимость борьбы с массовым пьянством и алкоголизмом, с другой – продажа спиртных напитков значительно пополняла бюджет страны, это была значительная статья государственного дохода. Кроме того, запрещение или резкое ограничение продажи спиртного могло сказаться в такой много пьющей стране, как СССР, как фактор социальной напряженности и дестабилизации, чего государство также желало избежать. В этих условиях понятно и объяснимо, что принятое в 1958 г. постановление «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками» не публиковалось в газетах и оставалось закрытым.

Изучение причин высокого уровня преступности и нарушений общественного порядка показало, что одной из них является широкое распространение пьянства. В отчетах участковых милиции в этот период отмечено: «Не говоря уже о хулиганстве, которое почти на 100% связано с пьянством, на этой же почве совершаются и многие тяжкие преступления, особенно такие как убийства и изнасилования. Кражи, совершаемые работающими, также в ряде случаев является результатом того, что отдельные лица на почве пьянства сближаются с уголовными элементами и, подпадая под их влияние, становятся на преступный путь» [1, л. 43]. В первую очередь это касалось подростков и молодежь.

Между тем надлежавшей борьбы с пьянством не велось; в городах, рабочих поселках и районных центрах не были ликвидированы его очаги, существующие под вывесками разных закусовых, буфетов и т.д. Следует отметить, что партийные и советские руководители признавали факт отсутствия должной борьбы с пьянством в стране, республике и регионе. Насколько широкие размеры получило пьянство можно определить хотя бы по тому, что только по городу Караганде за 1-е полугодие 1957 г. органами милиции было подобрано пьяных 3813, из которых находилось в бесчувственном состоянии и пропущено через вытрезвитель 2 905 чел. (76%); это означает, что милиция подбирала не просто выпивших людей на улицах города, а тех, кто либо дебоширил в общественных местах, либо был не в состоянии даже передвигаться. Пьяных горожанам приходилось

встречать не только на рабочих окраинах, но и в центре Караганды, в столовых, кафе, ресторанах, администрацией которых, как писалось в отчетах, «не выполнялось постановление Совета Министров и ЦК КП Казахстана от 30 ноября 1956 г. о запрещении допуска в общественные места лиц, находящихся в нетрезвом состоянии» [1, л. 43].

Как уже отмечалось, в 1958 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками», в котором был закреплен запрет продажи алкоголя несовершеннолетним и усилена ответственность продавцов за реализацию им алкогольной продукции. Одновременно же была ужесточена уголовная и административная ответственность за самогоноварение. Принятый в 1960 г. новый уголовный кодекс установил, что совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения является обстоятельством, отягчающим вину. Кроме того, этот УК СССР впервые предусматривал возможность принудительного лечения от алкоголизма. Параллельно государство принимало меры по укреплению материально-технической базы наркологических служб. В духе советских мероприятий этих лет к борьбе с пьянством было решено подключить широкую общественность. [6, с. 27–28]

Постановление № 1365 «Об усилении борьбы с пьянством...», стало отправной точкой в начале антиалкогольной кампании 1950–1960-х гг. Как писали исследователи: «это была не первая и не последняя попытка победить «зеленого змия» в СССР» [6, с. 109]. Одной из главных причин начавшейся антиалкогольной кампании была резко возросшая преступность и правонарушения. Судебная практика свидетельствовала, что абсолютное большинство преступлений были совершены в состоянии алкогольного опьянения: 90% хулиганских действий, 70% убийств и нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилований и около 30% краж [6, с. 110]. Пьянство негативно сказывалось и на экономических показателях, травматизме на работе, падении производительности труда и т.п. В 1960-х гг. в СССР принимается еще ряд постановлений и указов, связанных с борьбой с самогоноварением и другими спиртными напитками домашнего изготовления, ужесточением наказания за самогоноварение и т.д.

В 1958 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР по поручению бюро ЦК КП Казахстана разработал указ о борьбе с пьянством и вынес на «всенародное обсуждение». Периодически наводился порядок в торговле крепкими спиртными напитками. В городах изымали из продажи спирт и водку в магазинах, ларьках, расположенных в непосредственной близости к предприятиям, учебным заведениям, больницам, местам отдыха. Запрещали реализацию спирта и водки во всех предприятиях общественного питания, кроме ресторанов, находившихся вне мест отдыха. В городе Темиртау, например, число магазинов, торговавших крепкими спиртными

напитками, было сокращено до 7. Но все эти меры носили локальный, ограниченный и кампанейский характер.

Но кампании по борьбе с пьянством тем не менее велись: на предприятиях и стройках стали практиковаться открытые показательные судебные процессы над хулиганами и пьяницами. Причем такие факты фиксировались в документах, как прецедент в поведении советского человека и широко тиражировались в пропагандистской работе: «26 февраля в клубе шахты №101 гор. Сарани состоялся такой процесс над тремя молодыми рабочими, которые в пьяном состоянии учинили драку в красном уголке, где проходил комсомольско-молодежный вечер». «11 марта на рабочем собрании был обсужден начальник участка управления «Стальконструкция» гор. Темиртау т. Ретинглер за организацию коллективной пьянки с рабочими в столовой. По решению рабочего собрания администрация объявила ему строгий выговор». Власть принимала решение: «Органам здравоохранения в городах и селах было поручено взять на учет лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и организовать принудительное их лечение». В городах и районах вскрывались факты самогонварения, производства браги, домашнего пива [3, л. 40–41].

В коллективах трудящихся проводились лекции, доклады и беседы о вреде алкоголизма. Так, в Караганде за 2 месяца 1958 г. года было прочитано 50 таких лекций, в Темиртау – 29 и т.д. [2, л. 140]. В клубах и домах культуры проводили вечера вопросов и ответов, были показаны 48 сеансов кинокартин «Злодейка с наклейкой» и «Береги сердце», эти фильмы были также продемонстрированы и по телевидению. Выпускали листовки о вреде алкоголя, в общественных местах вывешивали красочные плакаты, в витринах магазинов – сатирические фото-окна и т.п. Но результативность таких мероприятий была низкой, люди пили и пили, как обычно много.

При этом, как показали обследования, в числе пьющих социальных групп преобладала молодежь. Одной из выявленных исследователями тенденций стал не просто высокий, но растущий во второй половине 1960-х гг. уровень пьянства среди несовершеннолетних. При этом наметилась в СССР опережающая динамика алкоголизации подростков по сравнению с взрослыми: с 1964 по 1968 гг. количество доставленных в выпрезители взрослых увеличилось в 0,8 р, а несовершеннолетних – в 2,5; это означало, что пьянство «помолодело»: Минздрав СССР зафиксировал в период 1964–1967 гг. десятикратный рост заболеваемости хроническим алкоголизмом у детей до 14 лет [6, с. 28–29].

Анкетирование учащихся старших классов позволило установить, что более половины из них, не достигнув совершеннолетия, уже пробовали спиртное, а 39% признались, что употребляют алкоголь «эпизодически» и что «не видят ничего зазорного в том, чтобы отмечать праздники и значимые события со спиртным». Еще более неблагоприятная картина складывалась среди нигде не работающих и не учившихся подростков и учащихся ПТУ. В

молодежной среде в 1960-х гг. к выпивке относились как к норме, считая ее типичной формой проведения досуга. При этом денег на покупку спиртного подросткам не хватало: и, как следствие, по статистике 40% подростков, совершивших кражи, и половина уличенных в грабежах и разбойных нападениях шли на преступление с целью добычи спиртного или денег на его приобретение.

Советская статистика скрывала результаты исследований, так как они могли дискредитировать систему. Но показатели были удручающими: среди «трудных» подростков, состоящих на учете в детских комнатах милиции, 50–55% систематически выпивали; среди совершивших преступления доля пьющих подростков была еще выше – 84%, причем 29% из них начали употреблять спиртное в возрасте до 14 лет. Неудивительно, что около 40% подростков в момент совершения преступления находились в состоянии опьянения [6, с. 28].

Хотя взрослые на словах осуждали пьющую молодежь, исследование показало, что на деле именно они покупали им спиртное и приобщали к выпивке. Совместное с взрослыми распитие спиртных напитков получило распространение во многих семьях и в трудовых коллективах. В глазах несовершеннолетних взрослая жизнь, к которой они стремились, во многом ассоциировалась с доступностью алкоголя. Но несмотря на наличие в уголовном кодексе соответствующих санкций, в Москве в 1967 г. за спаивание подростков было привлечено к ответственности только 4 взрослых [7, с. 28]. А подобных данных ни по Казахстану, ни по Караганде мы вообще не встретили.

В фонде Прокуратуры СССР в ГАРФ нами были обнаружены любопытные материалы: результаты первого отечественного исследования алкоголизации советской молодежи и связи алкоголизма с преступностью, проведенного в течение 1967–1968 гг. Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР [4, л. 68]. Данное исследование проводилось сотрудниками сектора № 2, который назывался «Сектор по изучению причин и разработке мер предупреждения преступлений несовершеннолетних». Само по себе создание подобного специализированного сектора, а также поступление заказа на данное исследование свидетельствовали о том, что к середине 1960-х гг. власть не только была обеспокоена проблемами молодежной преступности в СССР, но и нуждалась в получении объективной информации и предложениях ученых. Совершенно очевидно, что в 1960-е гг. эта информация не тиражировалась.

Сотрудники сектора сравнивали информацию сразу из нескольких источников, в том числе созданных разными ведомствами, которые частично пересекались и дополняли друг друга. Все данные, на которых строилось это исследование, носили закрытый характер. Это, во-первых, статистическая отчетность МВД СССР о несовершеннолетних, задержанных и помещенных

в вытрезвитель в 1964–1968 гг.; во-вторых, отчетность Минздрава СССР за 1965–1967 гг. о детях в возрасте до 14 лет, заболевших алкогольным психозом и хроническим алкоголизмом; в-третьих, статистика МВД СССР 1966–1968 гг. о подростках, совершивших преступления в нетрезвом виде. Четвертым источником стали выборочные данные МВД по несовершеннолетним, доставленным в вытрезвители, отделения милиции, детские комнаты милиции в связи с алкогольным опьянением. Была использована статистика Института психиатрии АМН СССР об употреблении спиртного детьми, состоящими на учете в детских комнатах милиции, данные Московского городского психоневрологического диспансера для детей и подростков, куда ставились на учет несовершеннолетние алкоголики. Важным источником стал анонимный анкетный опрос, проведенный сотрудниками сектора среди 16–17-летних старшеклассников одной из школ (всего было опрошено 168 подростков) с целью выяснения распространенности среди них употребления спиртного [4, л. 28].

Проведенный анализ статистических показателей дал основание сделать вывод о наибольшей распространенности этого явления в РСФСР и трех Прибалтийских республиках. В Казахстане это явление имело место быть, но в несколько меньшем масштабе, чем в вышеназванных республиках. Недостатки системы статистического учета не позволили получить точные сведения о реальном уровне распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. Проведенные с целью выяснения этого вопроса выборочные исследования дали следующие результаты [4, л. 67–68]:

а) среди доставленных в детскую комнату или дежурную часть отделений милиции несовершеннолетних одна треть была задержана либо за пребывание в общественных местах в нетрезвом виде, либо за покупку спиртного. В вытрезвитель эти подростки в большинстве случаев не доставлялись;

б) среди подростков, помещенных в вытрезвитель, работающих было 70%, тогда как их доля в общей численности населения возраста 14–17 лет не превышала 15%;

в) доля школьников, эпизодически употребляющих спиртные напитки, была равна 39%, среди правонарушителей она увеличилась более чем в 2 р. (80%). При этом менялся характер употребления с эпизодического на систематическое.

Изучение динамики явления за период 1964–1968 гг. показало увеличение количества несовершеннолетних, помещенных в вытрезвитель в расчете на 10 000 подросткового населения на 120%. Помимо этого, с 1962 г. почти на 50% выросла доля подростков, совершивших преступления в нетрезвом виде, и число несовершеннолетних, признанных хроническими алкоголиками. Приведенные данные давали основание делать вывод о

сложившейся тенденции на увеличение пьянства среди подростков и молодежи, рост влияния его на преступность [4, л. 68].

Изучение непосредственных причин и условий распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними показало, что более 50% случаев на них отрицательно влияла семья, 40% – товарищи. Нередко вовлекали в пьянство несовершеннолетних взрослые – знакомые, товарищи по работе. Распространенности употребления спиртных напитков среди несовершеннолетних способствовали недостатки работы школы, слабое проведение антиалкогольной пропаганды средствами массовой информации, особенно слабо ориентированными на молодежь. Исследователями делался вывод о том, что «проблема профилактики молодежной преступности и алкоголизма лежит во многом в области общей культуры, укоренившихся традиций и обычаев, общественных представлений, которые складывались столетиями и не могли быть изменены в одночасье».

Помимо родителей и окружения, как выяснилось, важную роль в «легитимации» алкоголя в подростковой среде играли СМИ. В них отсутствовала убедительная пропаганда трезвого образа жизни. Зато демонстрация употребления популярными актерами разной алкогольной продукции вызывало стремление приобщиться к бутылке. Единицы советских фильмов обходились без сцен выпивки. Сотрудники Института пьянством: правоохранительным органам, министерству просвещения, здравоохранения, советской общественности. Был поставлен вопрос о выявлении, учете и лечении регулярно пьющих детей и подростков, усилении материально-технической базы наркологических служб, предоставлении им полномочий по регулярному медицинскому обследованию несовершеннолетних. Милиции предлагалось ужесточить меры к взрослым, спаивающим подростков, вплоть до привлечения их к уголовной ответственности. Однако все эти меры не давали принципиальных изменений, пьянство среди советской молодежи продолжало сохраняться. Но признать официально эту тенденцию, как наиболее опасную в молодежной среде, власть была не готова. Среди причин этой расширявшейся тенденции назывались бытовые и семейные проблемы, специфика переходного возраста и т.п. Однако глубинные факторы, связанные со спецификой социальной жизни и повседневности советского общества, не вскрывались. Половинчатый характер всех антиалкогольных кампаний, в том числе и среди молодежи, проводимых в Советском Союзе в рассматриваемые годы на давал и не мог дать искомого результата.

Список литературы:

1. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 30. Д. 2543.
2. АП РК. Ф. 708. Оп. 32. Д. 1392.

3. АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 2543.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9523. Оп. 1. Д. 162.

5. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 – первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 260 с. // <http://www.dissercat.com>

6. Краснов Д.А. Общество и Власть. «Собранные данные позволили констатировать...». Документы Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР о распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. 1969 // Исторический Архив. 2013. № 1. С. 27–29 / http://www.mka1.ru/publication/6_04-04-2012/

7. Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 60. 2014. № 12 (341). С. 109–115 / <http://cyberleninka.ru/article>

Н.С. Сидоренко*, *М.Н. Будаева***

Повседневные практики студенческой молодежи Южного Урала в 1990-е годы (на материале Челябинской области)

В данной статье проанализированы особенности бытовой стороны жизни студентов одного из крупных промышленных регионов страны. Проблемное поле исследования включает выявление основных повседневных практик студентов вузов и факторов их обусловивших. Авторы приходят к выводу о том, что недостаточное бюджетное финансирование вузов в рассматриваемый период обострило хозяйственно-бытовую сторону жизни студентов Южного Урала. Руководство вузов принимало меры помощи. Среди них наиболее существенными было обеспечение иногородних студентов общежитием и организация общественного питания учащихся в вузах. Выявлены трудовые практики студентов, направленные на адаптацию к сложным вызовам времени. Установлено, что студенчество вузов Южного Урала в рамках образовательной системы демонстрировала достаточно высокие адаптивные возможности.

This article analyzes the features of the everyday life of students of one of the largest industrial regions of the country. The problematic field of research includes the identification of the basic everyday practices of university students and the factors that determine them. The authors come to the conclusion that insufficient budget financing of higher educational institutions during the period under review has aggravated the economic

---

* **Сидоренко Надежда Семёновна**, доктор ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ); E-mail: sidorenkons@rambler.ru

** **Будаева Марина Николаевна**, аспирант кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ); E-mail: Mara-lokteva@yandex.ru

life of students in the South Urals. The management of the universities took measures to help. Among them, the most significant were the provision of out-of-town students with a hostel and the organization of catering for students in universities. Identified labor practices of students aimed at adapting to the complex challenges of time. It is established that the students of higher educational institutions of the Southern Urals within the educational system demonstrated rather high adaptive capabilities.

Ключевые слова: повседневность, студенчество, «рабочий студент», Южный Урал.

Key words: everyday life, students, "working student", South Ural.

Бытовая, повседневная жизнь студентов – один из основных аспектов формирования разносторонне развитой, здоровой, работоспособной личности. Ее содержание составляет ареал свободного выбора и интересов, направленных на удовлетворение духовных и материальных потребностей в пище, одежде, жилье, поддержании физического здоровья, сохранении и продолжении семьи, обеспечению душевного комфорта в повседневной жизни [6].

В данной статье предпринята попытка проанализировать основные стороны повседневной жизни студентов Южного Урала в сложные годы глубоких трансформаций общества и государства с целью выявления как общих, так и специфических ее черт, связанных с особенностями региона.

Для написания статьи привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники, в том числе материалы федерального, регионального и муниципальных архивов, данные социологических исследований, вводимые в научный оборот впервые, а также научная литература.

Одной из главных задач обеспечения возможности для обучения студентов в вузах региона в 1990-е гг. стало решение жилищного вопроса. В данное десятилетие преобладающую часть студентов (60–70%) составляли выходцы из районных центров и сельской местности. Руководству вузов Челябинской области в целом удавалось решить данную проблему. Обеспеченность общежитием нуждающихся в этом студентов в период с 1990 по 2000 гг., по данным вузовских отчетов, составила в среднем от 83 до 100%. В сравнении со студентами центра страны по критерию обеспеченности общежитием можно отметить их примерное равенство [14].

В обобщенном виде можно представить общежитие конца 1980–1990х гг. следующим образом. Структура студенческого общежития включала, как правило, жилую зону, состоявшую из жилых комнат с подсобными помещениями; общественную зону, представленную вестибюлем, чаще всего двумя кухнями на этаж, местом для проведения культурных и спортивных мероприятий и административно-хозяйственную зону [13]. Студенты младших курсов, по обыкновению, проживали в

комнатах, рассчитанных на 3–4 чел., а старшекурсники или молодые студенческие семьи – на 2–3. На каждого студента по нормативам должна приходиться площадь не менее 6 кв. м.

В начале 1990-х гг. вузы региона столкнулись с рядом проблем по оснащению общежитий предметами бытового обихода, исправности сантехнических узлов и других элементов для создания нормальных условий проживания студентов. «Не работали умывальные комнаты и душевые, кухни не оборудованы необходимым количеством газовых плит, кухонными столами, двери комнат были в разбитом состоянии, антисанитария в туалетах и душевых» и др. – подобные злободневные вопросы поднимались вузовскими газетами, а также обсуждались на заседаниях Советов вузов [2; 10]. Совместно с администрацией вузов студенты вырабатывали пути и способы сохранения и наведения порядка в них [5]. Во внеучебное время студенты привлекались советом общежития к работам по благоустройству и озеленению территории, проведению ремонта занимаемых ими жилых комнат, генеральным уборкам помещений общежития и закреплённой территории с соблюдением права охраны труда [13].

Недостаточное бюджетное финансирование вузов не позволяло в быстрые сроки решать хозяйственно-бытовые вопросы, и, тем не менее, работа по их улучшению велась. В ряде вузов ректорат делегировал полномочия по заселению и контролю над условиями проживания студентов деканатам. Так, в 1991 г. в Уральской государственной академии ветеринарной медицины (далее – УГАВМ; до 2000 г. – Троицкий ветеринарный институт) было принято подобное решение, а также введена должность 3-го заместителя декана по работе в общежитиях. Совместно со студенческим самоуправлением они решали насущные бытовые проблемы [1].

Существенной стороной повседневной жизни студентов было обеспечение питанием. В первую очередь это касалось иногородних студентов. Тем, кто жил далеко от дома, зачастую приходилось питаться недорогими полуфабрикатами. Их рацион включал, как правило, лапшу, картофель быстрого приготовления и другую готовую продукцию. К сожалению, нередко встречались случаи отравления данной пищей. Студенты, живущие рядом с городом, имели возможность по выходным приезжать к родителям и доставлять в общежитие домашнюю пищу.

Для организации питания в вузах существовали буфеты, столовые. До 46,7% студентов Челябинского государственного университета обедали в них ежедневно, 32,7% – 2–3 раза в день. По данным вузовских СМИ, в начале изучаемого десятилетия нередко были жалобы на качество пищи [12, д. 1682, л. 1; д. 1576, л. 16; 4, с. 3; 9].

Дефицит и дороговизна продуктов питания неизбежно сказались на ассортименте столовых и буфетов вузов. На витринах был представлен большой выбор пирожных, коржей, блинчиков с яблоками, булочек и

блинчиков с мясом [3]. В ассортименте явно не хватало овощных блюд, фруктов, молочной продукции. Профкомы студентов активно включались в решение данных проблем. Они организовывали комиссии по проверке столовых и буфетов, производили взвешивание порций, выявляли и предавали огласке недостатки. Одной из целей подобных проверок было стимулирование студентов самих решать жизненные проблемы, не быть пассивными [4, с. 3].

Руководство вузов, деканы и преподаватели не были равнодушными к жизненно-важным проблемам студентов. В Челябинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ, ныне – ЮУрГГПУ) на факультете начальных классов (декан – Н.В. Овчинникова) каждую неделю по вторникам на протяжении всех 1990-х гг. проводились «витаминные дни», в ходе которых студентам и преподавателям факультета бесплатно раздавалась пища. Призыв декана нашел живой отклик у родителей студентов, которые помогали яблоками, помидорами, морковью, капустой, свеклой и другими продуктами. Однажды, родители привезли несколько мешков гречки, консервированное тушеное мясо, копченую колбасу. В столовой для данного факультета бесплатно готовили пищу, а во время экзаменов и зачетов для поддержания тонуса студентам раздавались витамины, сладкий чай. Студенты и преподаватели приложили немало усилий, чтобы сохранить традицию осеннего праздника – Дня здоровья – с участием преподавателей и родителей. Участников угощали десертной тыквой (особый сорт, не требующий варки) и арбузами. Таким образом, удалось преодолеть временные трудности и пережить нелегкое время.

В распорядке дня студента важное место занимала подготовка домашнего задания, время на которую в изучаемый период обычно колебалось у отдельных молодых людей довольно существенно, занимая от 3 до 5 ч, а в период зачетно-экзаменационной сессии – 8–9 ч. На сложных гуманитарных факультетах, например, иностранного языка ЧГПИ, студенты уделяли самоподготовке в среднем от 2 до 6 часов в день. Учебный труд являлся весьма напряженным и оказывал значительную психофизическую нагрузку на организм молодого человека. Исследователь В.И. Ильинич отмечал, что «если работники народного хозяйства, имеющие регламентированный рабочий день, трудились 7–8 ч, то сумма учебного времени учащихся и студентов составляла в среднем 9–12 ч в день». Автор пришел к выводу о том, что перегрузки домашним заданием настолько ограничивали «возможности других бытовых, и особенно досуговых, занятий», что в некоторых случаях деформировали их быт [7].

В начале переходного периода успеваемость студентов была довольно высокой: 90,7% учащихся крупных вузов Южного Урала получали стипендию. Со второй половины 1990-х гг. их число снизилось на 28%. Причем наиболее резко – в технических вузах – на 44,6%, в гуманитарных – на 16,4% [8]. Снижение мотивации к учебе, отразившееся на качестве

успеваемости студентов, было обусловлено комплексом причин. Одной из них была переоценка ценностей, в связи, с чем понизился престиж образования.

Недофинансирование сферы высшего образования и науки привели к падению заработной платы преподавателей вузов, к добровольному массовому оттоку кадров, падению престижа научной деятельности и научной карьеры в целом. В то же время, исследование степени удовлетворенности студентов Южного Урала учебным процессом в вузе показало, что большая половина студентов была настроена позитивно. Это проявилось в отношении к организации учебного процесса, качеству работы преподавателей, бытовой стороне жизни в вузе. Неудовлетворенность наблюдалась преимущественно по вопросам обеспеченности учебно-методической литературой.

Из-за значительного падения уровня жизни у молодых людей появилась необходимость поиска работы как источника нормального существования [15].

В условиях сложного перехода страны к рыночной экономике основными источниками доходов обучающихся на очной форме стала наряду со стипендией родительская помощь. Значительная часть студентов вузов Южного Урала (примерно две трети) вынуждена была совмещать учебу с работой [11]. Дополнительным мотивом этого было желание не зависеть от родителей, разнообразить досуг, приобрести трудовой опыт.

Материально-бытовые трудности и проникновение западных стандартов в молодежную среду привели к сокращению числа студенческих семей, а также более широкому распространению семей без юридического оформления, т. н. «гражданского брака». Одной из причин этого являлась необеспеченность жильем, отсутствие постоянной работы и незаконченное обучение. По результатам исследования 1985 г., проведенного в изучаемом регионе, можно сделать вывод, что ситуация с обеспечением жилья молодых семей в предшествующий период была лучше: 48% молодых семей предполагали жить с родителями или в коммунальной квартире, 50% имели отдельную квартиру, 2% – жилплощадь в общежитии [16]. Тем семьям, где оба супруга были студентами, давали комнату в тех же общежитиях, где проживали одинокие студенты. Комнаты не были приспособлены «для семейной молодежи, особенно с детьми: в них негде было стирать и сушить детское белье и пеленки, поставить коляску, неудобно пользоваться общей кухней и т. д.» В связи с тем, что общежития часто строились в непосредственной близости от учебных зданий или входили в состав комплекса с обслуживанием, рассчитанным на проживание одиночек, студенческие семьи оказывались оторванными от детских дошкольных учреждений, молочных кухонь, детских поликлиник, площадок для игр детей.

Под влиянием факторов экономического и геополитического характера происходили изменения в ценностном мире студентов данного региона. Образование и труд хотя и продолжали лидировать, но с все меньшим отрывом от западных материальных ценностей – денег, связей, умения «оказаться в нужное время в нужном месте».

Несмотря на трудности переходного периода, большинство студентов Южного Урала были настроены позитивно. Это проявилось в отношении к организации учебного процесса, качеству работы преподавателей, бытовой стороне жизни в вузе.

Выявленные нами данные вполне коррелируют результатам исследований социального самочувствия студентов Урала «Пути поколения», проводившиеся под руководством профессоров Уральского государственного педагогического университета (далее – УГПУ) М.Х. Титма и Л.Я. Рубиной в 1990-е гг. и охватившие более 1,5 тыс. студентов. Авторы выявили, что «стабильное» настроение разделяло 33% молодежи. Они не ожидали глобальных перемен и осознавали, что в случае их возникновения всегда будут пути решения. Для 18% студентов Урала было характерно «позитивное» настроение. Молодые люди были уверены в дальнейшей успешной жизни и карьере, считали, что в большом городе для них откроются существенные перспективы.

Список литературы:

1. Архив города Троицка. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 1597. Л. 52.
2. Архив Уральская государственная академия ветеринарной медицины (УГАВМ). Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 1832. Л. 16–17;
3. Борискина А.С. Что ест студент? // Молодой учитель. 1999. № 37. С. 4.
4. Гаврилястый О.Ю. Студентам не хватает мяса! // Молодой учитель. 1991. № 9. С. 1;
5. Гребенюк Е.Н. Студенческое самоуправление вуза как средство развития социально значимых качеств будущего // Вестник ЧГПУ. 2012. №4. С. 32.
6. Грехнев В.С. Социальное пространство быта // Философия и общество. 2009. № 2. URL: http://old.uchitel-izd.ru/data/fio/2_09/002%20Grehnev.doc (дата обращения: 17.02.2015). С. 22; Быт // Социологический словарь. URL: [http:// enc-dic.com/sociology/Byt-518.html](http://enc-dic.com/sociology/Byt-518.html) (дата обращения: 02.02.2014).
7. Ильинич В.И. Студенческий спорт и жизнь. М., 1995. С. 22.
8. Каримова Н.Б. Высшие учебные заведения // Молодой учитель. 1997. № 9. С. 3.
9. Кириллов Р. Как выжить студенту // За народное здоровье. 1991. № 17. С. 2.
10. Кравсова В. Общежитие – твой дом? // Аудитория. 1997. №7. С. 3.
11. Личный архив зав. социологической лабораторией ЧГПУ Е.Г. Прилуковой.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-861. Оп.1. Челябинский государственный университет.
13. Постановление Госкомвуза РФ №4 от 31.05.1995 г. «Об утверждении Типового положения о студенческом общежитии образовательного учреждения

высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации» // Это должен знать каждый студент. Уфа, 2001. С. 26.

14. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. Р-5. Оп. 35. Д. 11. Л. 112.

15. Сумин П.И. Депутатские слушания в Законодательном собрании Челябинской области // Молодой учитель. 1998. № 9. С. 3.

16. Шабурова Л.А. Социальные проблемы молодежи (методические рекомендации в помощь лекторам, выступающим в молодежных аудиториях). Челябинск, 1988. С. 26.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ

К.А. Абдрахманов*

Женское предпринимательство на Южном Урале во второй половине XIX века на примере деятельности челябинской купчихи М. М. Шиховой²

В статье представлен анализ предпринимательской деятельности женщины-коммерсанта из Оренбургской губернии пореформенных лет. Довольно продолжительный период функционирования купеческого предприятия под руководством женщины, позволяет сделать вывод о том, что гендерные различия не служили препятствием для каких-либо деловых операций. Также, использованные в работе неопубликованные источники, дают представление о круге задач, которые приходилось решать купечеству в рамках своего трудового быта.

The article presents an analysis of the entrepreneurial activity of a female merchant who lived in Orenburg province during the post-reform years. The fact that the merchant enterprise under female leadership existed for a relatively long period of timeshows that gender differences did not interfere with business operations. Previously unpublished historical documents, used in this article, show us what kind of problems merchants were facing in their everyday business activity.

Ключевые слова: Челябинск, аренда, земельный участок, купчиха, городская земля, салотопенный завод.

Keywords: Chelyabinsk, rent, land plot, female merchant, urban land, fat-rendering plant

Во второй половине XIX века экономика Оренбургского края носила преимущественно аграрный характер. Как отмечено в «Списке населенных мест России», содержащем данные за 1866–1867 гг.: «За исключением горнозаводской промышленности, заводская и фабричная деятельность в губернии весьма незначительна и ограничивается почти вся обработкой сырых животных продуктов и переделкою хлеба в напитки» [8, с. 93]. Особенно наглядно аграрно-животноводческая специализация региона была представлена в Челябинском уезде. Челябинский краевед М.И. Альброт в 50-

---

* **Абдрахманов Константин Алексеевич**, аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 17-31-00010 а1 – Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века) (2017 – 2019)

х гг. XX в. отметил: «Ко времени отмены крепостного права промышленность в Челябинске была представлена все теми же кожевнями, мыловарнями, свечными заводами, салотопнями. Индустриализация сказалась лишь в увеличении количества кузниц и кирпичных сараев» [5, л. 210–211]. В постсоветские годы о том, что в начале пореформенных лет большая часть предприятий, расположенных на территории Оренбуржья носила аграрный характер, писали Ю.П. Злобин и А.Н. Поляков. «Наиболее энергично развивалась промышленность, основанная на переработке сельскохозяйственного сырья: мукомольная, скотобойная, кожевенная, винокуренная, мыловаренная, салотопенная и др.» – отмечалось в работе авторов [3, с. 145].

В 1866 г. общее количество салотопенных заведений на территории Оренбургской губернии составило – 59 [8, с. 93]. Они были распределены следующим образом: Оренбургский уезд – 10 шт., Верхнеуральский – 4 шт., Орский – 10 шт., Троицкий – 25 шт., Челябинский – 10 [8, с. 93]. Ближе к 90-м гг. XIX в. их количество возросло до 68 с количеством персонала – 322 чел. и ежегодным производством на сумму 815 тыс. руб. [6, с. 743].

В развитии этого бизнеса был задействован, большей частью капитал купеческого сословия. Из 5-и действовавших в 1860-х гг. на территории Челябинского уезда салотопенных заводов один принадлежал местной предпринимательнице – купчихе 2-й гильдии М.М. Шиховой. Матрена Михайловна являлась единоличной собственницей и ключевой фигурой в управлении бизнесом с начала второй половины XIX в. Этот факт отмечен в заявлении о продлении арендного срока городской выгонной земли, поданном Шиховой в челябинскую Думу. В прошении предпринимательницы от 20 ноября 1863 г. было сказано: «По заключенным мною с челябинской Городской Думой двум контрактам в сентябре 1851 года и 30 июля 1858 года, состоит у меня в оброчном содержании под салотопенным заведением участок городской выгонной земли, по первому контракту 272 квадратных сажени, сроком с первого января 1852 по 1 января 1864 года, а по последнему 180 квадратных сажений, сроком с 1 июля 1858 по 1 июля 1864 года, из оброчной платы первые 272 сажени 7 рублей, а последние 180 сажений – 5 руб. 40 коп. серебром в год (за квадратную сажень в год), но так как сказанное салотопенное заведение я намерена содержать и после назначенных по контрактам сроков, почему Всеподданнейше прошу дабы повелено было находящийся у меня в оброке городской участок выгонной земли 452 квадратных сажени еще оставить за мною на двадцать четыре года на тех же условиях, какие были в означенных при первоначальной отдаче участка относительно его содержания по оброчной плате» [4, л. 2–2 об.].

В ответ на поданное Шиховой прошение из губернской администрации поступил запрос следующего характера: «В последствие рапорта челябинской Городской Думы от 3 мая 1864 г. за № 972, предлагаю

оной доставить губернскому правлению сведения, когда именно и за какими номерами даны ей разрешения правления об отдаче купчихе Шиховой двух участков выгонной земли под устройство салотопенных заведений и кроме того представить выкопировку из плана сказанным участкам» [4, л. 10]. Отметим, что желание регионального руководства удостовериться в отсутствии каких-либо нарушений при оформлении договора вполне справедливо. Местные власти опасались злоупотреблений со стороны купеческой городской администрации при сдаче в аренду выгонной земли и правонарушений со стороны самих арендаторов, так как подобные прецеденты в среде коммерсантов Оренбуржья пореформенных лет были распространенным явлением.

Например, в 1878 г. оренбургский купец Г.Н. Мещеряков, еще до начала землемерных работ, самовольно занял 250 десятин земли за Новой Слободкой, тем самым территориально сократив городской выпас [1, л. 65]. Местные жители направили в Думу жалобу по данному вопросу, но городской комиссар В. Т. Моисеев, который был командирован Управой для оценки ущерба, не выявил в действиях купца Мещерякова угрозы выпасу скота. Перед гласными Г.Н. Мещеряков оправдался тем, что его неоднократные просьбы в Управу прислать землемера были оставлены без внимания [1, л. 65 об.].

Аналогичный случай произошел в 1884 г., когда оренбургский купец 2-й гильдии А.Ф. Грен подал прошение в Городскую Думу о прирезке к земле, на которой располагался его чугунолитейный завод, дополнительного участка размером 100 квадратных саженьей. Будучи твердо уверенным, что коллеги из Думы пойдут ему навстречу, купец Грен обнес земельный участок забором и приступил к строительным работам на нем, не дожидаясь какого-либо вердикта от уполномоченного органа. Обнаружив самоуправство предпринимателя, гласные Думы направили ему письмо следующего содержания: «При этом имея в виду, что местность эта уже огорожена забором, мы поручили истребовать от Вас объяснений, почему Вы не дождавшись согласия Думы самовольно огородили его. В следствии сего городская Управа сделала со своей стороны распоряжение об осмотре просимого Вами городского участка земли, покорнейше просит Вас Милостивый государь, доставить требуемое Думой объяснение» [2, л. 12–12 об.].

У челябинской же купчихи Матрены Шиховой все юридические акты об арендопользовании городского выгона были составлены в соответствии с буквой закона. Требуемая оренбургской администрацией копия прежнего договора была предоставлена. Его содержание гласило: «1858 года, июля 30 дня 3-й гильдии купеческая жена – вдова Матрена Михайловна Шихова заключила сей контракт с челябинской Городской Думой в том, что взяла я – Шихова в оброчное содержание с разрешения Господина Исправляющего должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, из

поясненного в указе Губернского Правления от 17 июля 1858 года за № 6476, участок на городском выгоне, ниже города вниз по течению реки Миасана левой стороне в добавок к содержимому мной салотопенному заведению земли длиннику десять, поперешнику сто восемнадцать квадратных сажень, сроком на шесть лет, с платежом по пяти рублей сорока коп. серебром в год за квадратную сажень, на следующих условиях: мне – Шиховой или поверенному от меня принять участок в свое распоряжение с 1 июля 1858 года на основании 67 ст. св. зак. уст. Оброчного по указанию Городской Думы использоваться с возведением нужных построек всеми выгодами если при том в течение арендного времени я – Шихова пожелаю принять кого-либо по содержанию участка в товарищи или право свое передать вовсе» [4, л. 13]. Добавим, что указанная статья Свода законов Российской империи регламентировала порядок передачи доверенным лицам арендатора законтракованной договором собственности [7, с. 16–17].

Этот договор 5 августа 1858 г. со стороны администрации Челябинска подписал городской голова купец Крашенинников, а от имени заявительницы «...к подлинному контракту вместо челябинской 3-й гильдии купеческой жены – вдовы Матрены Михайловны Шиховой – неграмотной, по ее велению руку приложил сын ее родной Степан Егорович Шихов» [4, л. 14 об.]. Передачу денег зафиксировали ратман Игумнов, секретарь Привалов и столоначальник Мещеряковский.

Прошение Матрены Шиховой от 20 ноября 1863 г. о значительном увеличении срока аренды было удовлетворено. Также из текста документа становится ясно, что Шихова приняла решение о расширении бизнеса путем возведения еще одного салотопенного предприятия. «Участок выгонной земли города Челябинска в количестве 452 квадратных сажень, которые занимает салотопенный завод купчихи Шиховой отдается в двадцати четырех летнее оброчное содержание под постройку такого же салотопенного завода на следующих условиях: Арендатор на снятом участке обязан будет в течение двух лет со дня заключения контракта устроить салотопенный завод из таких материалов и такой силы, как найдет для себя удобными выгодным. Кроме завода арендатор может, если пожелает, выстроить на этом участке необходимые для хранения сала подвалы, амбары и другие, дозволенные законом здания» [4, л. 18–18 об.]. Информация о желании Матрены Шиховой увеличить производственные площади объясняет то, что в некоторых копиях договора количество арендуемых сажень – 452 исправлено на 900. Получается, что челябинская предпринимательница договорилась о двукратном расширении территории в соответствии с масштабами нового проекта.

Также интересен тот факт, что челябинская Дума утвердила договор после первого же обращения просительницы и оставила без изменений срок аренды надела. В имеющихся архивных источниках часто можно встретить случаи отказа предпринимателям в аренде земли по причинам различного

характера. Так, в июле 1878 г. оренбургский купец 2-й гильдии Семен Ипатьевич Щербаков направил в Городскую Думу прошение о возможности выделить ему земельный участок под строительство кирпичного завода. Выбранное купцом место находилось рядом с чугунолитейным предприятием предпринимателя А.Ф. Грена. По словам Щербакова, «...просимая земля совершенно свободна и отдалена от дорог...» [1, л. 66]. Чтобы полностью подтвердить слова коммерсанта об отсутствии препятствий для возведения кирпичного завода из Управы был командирован комиссар В.Т. Моисеев. Присмотренный купцом Щербаковым участок действительно не был занят какими-либо постройками, но Городская Дума, выслушав доклад Моисеева, все же сочла, что дорога, ведущая на лесные склады вдоль берега реки Сакмары, находится в недопустимой близости от запланированной стройки, и предложила просителю подыскать другой земельный надел [1, л. 66 об.].

В иных случаях органы самоуправления, давая разрешение на строительство и выделяя для этого участок земли, значительно сокращали срок его аренды. Так, в октябре 1878 г. временно-оренбургский купец 2-й гильдии Иван Григорьевич Кашкаров просил сдать ему в оброчное держание на 24 года «...землю за русским кладбищем, вблизи алебастровых обжиговых печей...» [1, л. 127]. Предприниматель планировал возвести производственный цех для монтажа печей по обжигу угля размерами «...длинной 4 сажени и шириной 3 сажени...» [1, л. 127]. Городская Дума вынесла утвердительное решение по этому вопросу, но определила срок аренды в 6 лет, сочтя просимое Кашкаровым время слишком продолжительным.

Подпись на новом договоре Шиховой вместо матери вновь поставил ее сын Степан Шихов, на этот раз классифицированный как мещанин [4, л. 20 об.]. Довольно интересной представляется ситуация с полным отрешением купчихой Шиховой своего сына от семейного бизнеса. Одной из причин того, что Степану Шихову доверяли лишь ставить подписи за неграмотную мать, мог быть неподобающий образ жизни мужчины, например, склонность к употреблению спиртных напитков. Либо Матрена Шихова разглядела необходимые предпринимательские качества в жене другого своего сына, к тому времени уже покойного.

Добившись положительного решения от всех административных органов Оренбуржья Матрена Шихова не успела приступить к реализации строительства нового салотопенного завода, так как скончалась в 1865 г. Но исправно функционировавший на протяжении многих лет семейный бизнес не прекратил существования, а был подхвачен купчихой 2-й гильдии А.В. Шиховой – снохой Матрены Михайловны. Успешно заключенный договор с Городской Думой подвергся корректировке в плане изменения личности арендатора, как основного ответственного лица и Анна Васильевна Шихова вступила в права наследования.

«1865 года, ноября двенадцатого дня, челябинская 2-й гильдии купчиха – вдова Анна Васильевна Шихова заключила сей контракт с челябинской Городской Думой в том, что при торгах умершей свекровью моей – челябинской купчихой, вдовой Матреной Михайловной Шиховой, произведенных в Думе и утвержденных Оренбургским (ныне Уфимским) губернским правлением в указе от 16 ноября 1864 года за № 5128 публичных торгов, участок выгонной земли города Челябины в количестве 452 квадратных сажени, на котором ныне находится салотопенный завод умершей Матрены Шиховой, я – Анна Шихова, вступившая по праву наследства... приняла в оброчное содержание сроком на двадцать четыре года, считается таковой с 1-го января 1864 по 1-е января 1888 года...», – гласил новый вариант договора [4, л. 23].

На основе изложенных данных становится видно, что женщины купеческого сословия Оренбуржья пореформенных лет являлись полноправными субъектами деловых отношений. При оформлении документов на открытие предприятий, приобретение в аренду земельных участков и проч. не происходило конфликтов дискриминационного характера на почве половой принадлежности коммерсанта. Даже наоборот, как видно из примера купчихи Матрены Шиховой, женщине порой удавалось решать вопросы, связанные с развитием бизнеса результативнее иных предпринимателей мужского пола.

Список литературы:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1149.
3. Злобин Ю.П., Поляков А.Н. История Оренбургского региона. Часть первая. С древнейших времен до 1921 года: учебное пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2006. 256 с.
4. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806.
5. ОГАЧО. Ф. Р-290. ОП.1 Д. 40.
6. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов европейской России и царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики. Издание второе, исправленное и значительно доработанное. СПб., 1887. 825 с.
7. Свод законов Российской империи. Т. 8. Ч. I. Уставы лесной, оброчных статей и устав казенных населенных имений в западных и прибалтийских имениях. СПб., 1857. 718 с.
8. Список населенных мест по сведениям 1866 года. Оренбургская губерния. СПб., 1871. 221 с.

**Гендерные и возрастные факторы трудовой деятельности
девочек и мальчиков в крестьянской среде
(на материалах Курской губернии)**

В статье рассматриваются традиции и нормы трудового поведения девочек и мальчиков в крестьянской семье. Особое внимание обращается на гендерные и возрастные факторы при передаче трудовых навыков. Материалы исследований базируются на архивных данных, опубликованных источниках и сообщениях в периодической печати по Курской губернии.

The article examines traditions and norms of labor behavior of girls and boys in a peasant family. Particular attention is paid to gender and age factors in the work skills transfer. Research materials are based on archival data, printed sources and reports in the periodical press in the Kursk province.

Ключевые слова: Курская губерния, крестьянская семья, трудовое воспитание, гендерные роли, социализация подростков, знания, умения, навыки.

Key words: Kursk province, peasant family, labor education, gender roles, socialization of teenagers, knowledge, skills.

Трудовое воспитание девочек и мальчиков в крестьянской среде опиралось на традиции народа, т.е. на исторически сложившиеся и передававшиеся из поколения к поколению нормы трудового поведения и воззрения на труд. Традиции складывались и в области земледелия, скотоводства, промыслового и ремесленного производства и имели глубокие исторические корни. Вместе с ними формировались и способы передачи и преемственности добытого в результате труда положительного опыта.

Целенаправленная социализация детей начиналась после года. Главной целью ее было постепенное включение детей в упорядоченную жизнь крестьянской семьи, передача положительных традиций ведения крестьянского хозяйства. Это давало возможность полноценного социокультурного воспроизводства класса земледельцев. Человек, по мнению русских крестьян, может только тогда хорошо и с радостью выполнять тяжелую работу пахаря, жницы, плотника, если привычка к труду вошла в его плоть и кровь с раннего детства. Процесс трудовой подготовки ребенка осуществлялся обычно поэтапно, при этом учитывались физические и психические особенности и возможности детей в разные периоды их взросления. Русская пословица говорит: «Бери всегда ношу по себе, чтобы не кряхтеть при ходьбе».

***Пивоварова Лидия Николаевна**, канд. ист. наук, доцент, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»

Однако социализация будущих крестьян имела целью не только обучить детей всем хозяйственно-трудовым навыкам, но и привить необходимые качества характера, религиозно-нравственные устои, а также передать мировоззренческий комплекс, включающий все ответы на вопросы о себе и об окружающем мире [8, с. 628].

Основным способом жизнедеятельности крестьян был труд. Поэтому приучение к труду начиналось очень рано. Личный пример родителей, положительное отношение взрослых к труду выступали важнейшим традиционным фактором воспитания. В процессе трудовой деятельности старшие передавали детям свой опыт, мастерство, привычку постоянно трудиться. Труд помогал выработке у детей четкой организации жизни, воспитывал дисциплинированность, заставлял приобретать новые знания, умения, навыки, наблюдать явления окружающего мира.

Нравственно-трудовому становлению личности способствовали и общинные традиции деревни. Коллективное трудовое воздействие на детей исходило из «общности» жизни крестьянина в деревне, связанной с совместной обработкой земли, сенокосом, вывозкой на поля удобрений, из общего удовлетворения бытовых потребностей в кузнице, лесопилне, мельнице, а также участия в «помочах», праздниках, из соблюдения принятых народом норм поведения и морали, форм общения.

Спецификой обучения крестьянских детей была равная для мальчиков и девочек необходимость овладения многими видами сельскохозяйственных и домашних работ. Крестьянские дети выполняли до 85 видов работ [3, с. 62]. Крестьяне считали, что «маленькое дело лучше большого безделья». Трудовое воспитание органично входило в хозяйственную жизнь крестьянской семьи. Приобщение к труду обычно происходило под руководством матери или отца, бабушки или дедушки, старших сестер или братьев.

В крестьянских семьях традиционно существовало половозрастное исполнение детьми тех или иных видов работ. Традиционно для мальчиков и девочек не поощрялось соприкосновение в быту с предметами соответствующими противоположному полу. Это по народным представлениям, могло изменить половую природу или спровоцировать обретение качеств другого пола и, соответственно, пагубно сказаться на дальнейшей судьбе.

Начиналось трудовое воспитание с 3–4-х летнего возраста. Ребенка приучали к выполнению незначительных домашних работ и поручений родителей. Чаще всего это было мытье посуды, поднесение небольших поленьев к печи, присмотр за цыплятами, подача лыка при плетении лаптей или ниток при вязании.

Если мать гнала на скотный двор домашнюю птицу, овец, то она давала помахать прутиком пятилетней дочери, объясняя, что они от этого побегут быстрее. Пропалывая в огороде гряды, она поручала дочке

выбросить подальше сорняк или поддержать вырванную морковку или свеклу. Отец, ремонтирующий забор или хозяйственные постройки, позволял крутившемуся около него сыну, поддержать рейку, гвоздь или молоток.

Мальчики и девочки с 6–7 лет принимали участие в работах в поле и на току: таскали и переворачивали снопы, убирали обмолотки. Во время созревания ягод и сбора грибов под присмотром старших они ходили в лес.

Овладение мужскими хозяйственными функциями, сопровождалось обязательным привлечением мальчиков к заботе о лошадях: они подносили им корм, подавали напиток, летом гоняли на реку на водопой. С 5–6 лет ребенок обучался управлять лошастью, сидя на ней верхом. С 8–9 лет мальчик учился запрягать лошадь, управлять ею, сидя и стоя в телеге, пасти лошадей, ездить во время жатвы за водой. С 9–10 лет его уже посылали в ночное – летний ночной выпас табунов деревенских лошадей.

С 10–12 лет, а иногда и раньше, мальчики начинали постигать более сложные мужские работы. Вместе со старшими мужчинами начинали жать, молотить, боронить, пахать, возить сено, хлеб, дрова. С 13–14 лет они помогали взрослым почти во всех видах работ, с 15–17 лет начинали выполнять работы наравне со взрослыми [1, л. 3–4]. Оставался только сев, считавшийся наиболее трудной и ответственной работой, его осваивали не ранее 18 лет, с наступлением совершеннолетия. К 17–18 годам парень становился полноправным работником в доме [9, с. 56].

Подростковый возраст был и временем приобщения к ремеслу и промыслам, участия в наймах. Летом некоторых мальчиков отдавали в наем (подпаски, пастушки). В зимнее время они могли проходить обучение ремеслу на дому у мастера, обычно в течение двух-трех лет.

С приобщением к мужской хозяйственной сфере сын переходил под опеку отца, роль которого в воспитании становилась все более значительной. В народном восприятии именно отцовское воспитание и наказание имело особое значение в становлении мальчика.

По мере освоения трудовых навыков девочку начинали рассматривать как помощницу матери, и за нею закрепляли некоторые посильные для нее обязанности. Девочки с 5–6 лет начинали помогать матери носить воду, дрова, мыть посуду и полы, полоть в огороде, присматривать за домашней птицей. Девочки также нянчили младших детей [4, с. 266]. Иногда, если не хватало рабочих рук, приходилось работать в поле. Как вспоминает жительница Курской области: «Лет с семи боронила. В 4 часа разбудят, на лошадь посадят. Упаду с лошади, отец шлепнет и опять посадит» [5, с. 180].

Дочь помогала матери с 9–11 лет жать в поле, для чего ей изготавливали маленький серп. Чуть позже, по мере накопления физических сил, она могла уже копать картошку. Одной из обязанностей девочек-подростков была прополка огородных растений. С этого возраста дети выполняли многие работы наряду со взрослыми. «На 10-летнюю дочь мать

оставляет весь дом,стряпню и младших детей» [4, с. 266], – сообщает один из корреспондентов Этнографического бюро.

Однако на первом месте у девочек стояло обучение домашнему мастерству, поэтому уже в 5–7 лет девочки часто помогали матери ткать, наматывая нитки на берестяные трубочки для челнока. К 7 годам они овладевали навыками прядения, и отец делал им личные прялки маленького размера. Вместе с матерью дочери трепали, пряли, ткали, шили и т.д. «В южно-русских губерниях девочки-подростки не только пряли, но и чесали шерсть. В 10–12 лет девочки белили холсты. Во многих местах с 10 лет девочки начинали ткать пояса» [2, с. 170], учились шитью и кройке. Корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева из Центрально-Черноземных губерний сообщают, что в 12 лет маленькая мастерица могла изготовить себе наряд, а к 14–15 годам – завершению подросткового периода, девочка была уже способна готовить себе приданое [2, с. 171].

Девочки, едва подрастая, становились няньками младших братьев и сестер, «7–8 летних девочек оставляли играть с малышами и укачивать их» [1, д. 995, л. 30; д. 1654, л.10].

Как видим, этапы взросления детей в крестьянской семье связывались с формированием основных трудовых навыков.

В крестьянских семьях при распределении нагрузок, особенно когда работников было много, учитывались физические возможности детей и подростков. Об этом свидетельствуют многие источники, в которых описывается трудовая жизнь крестьянской семьи. В обычной крестьянской семье родители никогда не заставляли детей выполнять слишком трудоемкие работы, оберегая их здоровье, старались поддержать в ребенке желание помочь семье и обязательно похвалить его за выполненную работу. В отчетах корреспондентов Этнографического бюро В.Н. Тенишева отмечается, что «в тех семьях, где работников много, в труде малолетних не особенно нуждаются, подростков дольше не принуждают к тяжелой работе, почему они выглядят сильнее и здоровее сверстников» [1, д. 799, л. 9; д. 1366, л. 13–14; д. 1714, л. 47–48.]. Крестьяне хорошо понимали, что ребенок должен работать в меру своих сил и возможностей и что ему надо давать, как они говорили, «каждой трудности по разу». В противоположном случае у ребенка можно было отбить охоту к труду, воспитать отношение к работе как к тяжелой повинности.

В крестьянских семьях стремились воспитывать в детях расторопность, наблюдательность, хозяйственную сметливость. Родители старались не только научить детей выполнению различных видов работ, но и непосредственно включать их в хозяйственно-экономическую жизнь семьи. С детства ребенок начинал понимать, что благополучие семьи, в том числе и его собственное, зависит от своевременного и постоянного труда всех членов семьи, поэтому дети как должное воспринимали четкую организацию семейного труда с характерным распределением старшими работ и строгим

повиновением остальных главе семьи. В связи с этим следует отметить, что в крестьянских семьях сравнительно небольшим детям давали возможность самим «заработать себе на жизнь», что создавало индивидуальную материальную заинтересованность в труде и являлось важным психологическим фактором взросления. Так, например, с двенадцати лет мальчики-подростки нанимались на лето в подпаски или выезжали пасти лошадей в «ночное» вместе с группой сверстников. Это происходило в свободное от полевых работ время, преимущественно после пахоты – в «межупарицу», и вплоть до сенокоса. Почти каждый вечер, особенно под праздники, мальчики-подростки, отправлялись на заранее условленное место – в луга или на выгон – ночевать. Они спутывали лошадей и пускали их пастись, а сами, несмотря на трудный рабочий день и короткую летнюю ночь, играли и развлекались почти до рассвета. В данном случае семья получала нужный для неё приработок, а для самого подростка это была своего рода школа, где он учился соблюдению взятых на себя обязательств и дисциплинированному выполнению дела. Однако походы «в ночное» заканчивались иногда несчастными случаями. Так, корреспондент газеты «Курские губернские ведомости» в разделе «Хроника» сообщает, что в Новооскольском уезде «... крестьянские дети возвращались из ночного на лошадях. Уже подъезжали к деревне, но чем-то напуганные лошади понесли детей (их было 15 человек) бешеным галопом. Многие из них, свалившись с лошадей, получили ушибы, а сын крестьянина Овсянникова – Семен, двенадцатилетний мальчик, падая с лошади, запутался в поводьях ногами. Лошадь притащила его домой мертвым» [6]. Все более типичным в Курской губернии, как и в других южно-русских губерниях, становился и отход девочек в «няньки» [7, с.112], т.е. в чужую семью нянчиться с младенцем. Пока взрослые работали, «нянька» целый день не отходила от ребенка – играла с ним, пела ему песни, кормила и одевала его. В местностях с развитым промысловым отходом детей отдавали в наемные работники. В конце XIX в. практика «отхода» детей на заработки получает все большее распространение.

В русской деревне сложились традиционные представления и о родительских обязанностях. Они включали в себя требования к родителям содержать, одевать и кормить своих детей, учить их страху Божьему и грамоте, приучать к работе по дому и в поле, женить или выдать замуж.

Стремясь походить на своих постоянно занятых трудом родителей, видя с их стороны доброжелательное отношение к их попыткам научиться делу, слушая приятную похвалу в свой адрес, дети не могли себе представить, что можно не работать, не уметь прясть, шить, наколоть дров, прибить оторвавшуюся доску, не помочь отцу или матери. Детям постоянно родители повторяли: «Будешь трудиться – будешь кормиться!». В детской среде считалось позором, если о двенадцатилетней девочке скажут, что она «непряха», а о мальчике десяти лет, — что он «только и может гонять

бабки». По крестьянским нормам, лень и недобросовестность в работе относились к числу позорящих человека качеств.

Земля была основным богатством крестьянской семьи, фундаментом крестьянской жизни, поэтому с раннего детства детям внушали: почитай землю, дающую человеку возможность жить, бережно относись к окружающему миру, серьезно относись к защите своих земель. Родители стремились привить своим детям чувство рачительного и бережливого хозяина. Воспитание любви к труду как одной из главных черт характера, которая уже не даст пропасть в дальнейшей жизни, крестьяне считали самой главной своей задачей.

Список литературы:

1. Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 2.
2. Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зимица Т.А. и др. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2005. С. 170–171.
3. Ботова С.И., Приставкина Т.А., Рябчиков А.В. Рукотворная краса земли Белгородской. Ч. I. Белгород: БГЦНТ, 2000.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии). СПб.: Изд-во Европейского дома, 1993.
5. Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963.
6. Курские губернские ведомости. 1895. № 109.
7. Пушкарева Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII–начала XIX в. // Расы и народы. Вып. 25. М.: Наука, 1998.
8. Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2004.
9. Шангина И.И. Русские дети и их игры. СПб.: Искусство, 2000.

**Влияние сплетен на деловую повседневность женщины духовного сословия во второй половине XIX века
(на материалах Оренбургской губернии)³**

В данной статье рассматривается вопрос о степени воздействия сплетен на деловую повседневность женщины духовного сословия второй половины XIX века. Анализируя конкретные исторические примеры, автор доказывает мысль, что распространение ложных слухов оказывало крайне негативное влияние на профессиональную деятельность Оренбургских поповен, мешая их вхождению в общественную жизнь губернии.

The article concerns the question about the influence of the gossip on the practical everyday life of the woman of the clerical order in the latter half of the 19th century. The author analyzes concrete historical examples and submits the idea that the dissemination of false rumours have affected professional activities of the daughters of priests in Orenburg province in the a negative way, detained their entry into the public life of the province.

Ключевые слова: Оренбургская губерния; пореформенный период; деловая повседневность; женщины духовного сословия; сплетни.

Keywords: Orenburg province, post-reform period, practical everyday life, women of the clerical order, gossip

Во второй половине XIX – начале XX в. Россия вступила на путь модернизации, что повлекло за собой качественные изменения во всех сферах жизни общества. Иначе стали представлять свою жизнь и представительницы прекрасного пола. Многие из них не желали больше довольствоваться только ролью жены и матери. Постепенно трудовая деятельность стала важной составляющей повседневности значительной части женщин пореформенной России. Девушки духовного звания, также не остались в стороне от этого процесса, хотя их вовлечение в профессиональную среду, по мнению исследователей, происходило труднее и медленней чем у представительниц других сословий. Т.Г. Леонтьева, В.Д. Орлова и А.И. Конюченко считают, что виной тому консервативное мировоззрение поповен [4, с. 41–49; 6, с. 108–109; 3, с. 40]. О.Д. Попова видит главную причину этого явления в отставании женских учебных заведений духовного ведомства от их светских аналогов. Воспитанницам

---

* **Фот Алёна Гергардовна**, аспирантка кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет;

³ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

духовной школы в результате было тяжело конкурировать на рынке труда со своими сверстницами, окончившими женские гимназии и прогимназии [7, с. 26–27, 41–42]. На наш взгляд историки упускают из виду важное обстоятельство, мешающее легкому включению поповен в трудовую деятельность. Вчерашние выпускницы закрытых учебных заведений не всегда оказывались готовы столкнуться с проблемами, которые преподносила самостоятельная жизнь. Прежде всего, противостоять сплетням, которые нередко распускали про них окружающие. Самое заурядное происшествие в жизни девушки, обогатившись разнообразными домыслами, пагубно сказывалось на её репутации, что в свою очередь обеспечивало неприятности по службе.

Дочь священника Военно-Петропавловской церкви города Оренбурга Василия Игнатьевича Светкулина – Раиса получила образование в Оренбургском женском институте Николая I. К моменту выпуска в 1869 г. отец девушки скончался. К счастью Раиса хорошо училась и ей предложили остаться при институте в качестве пепиньерки. Полученные знания не только позволили девушке за несколько лет подняться до должности преподавателя, но и найти частные уроки в семьях Оренбургских дворян. Её шаткое материальное положение, наконец, выровнялось, и Раиса вздохнула с облегчением, но ненадолго. В три часа ночи с десятого на одиннадцатое декабря 1872 г. в квартиру, которую Светкулина снимала вместе с коллегой, попытались ворваться священник Арсений Светлов и причетник Николай Инфантьев. Произведенный ими шум разбудил соседей, и на следующее утро они активно обсуждали причину, по которой двое мужчин, ломались к одиноким девушкам [2, л. 5–5 об.]. Причина была проста: священнослужители возвращались домой после сильной попойки и под влиянием выпитой водки перепутали квартиры. Не сумев открыть дверь ключом, они принялись выбивать окна. Всё это иерей А. Светлов объяснил Раисе в личном покаянном письме [2, л. 6–6 об.]. Однако, правда, окружающих уже не интересовала. Незначительное происшествие обернулось для девушек крупными неприятностями. О чем Раиса Светкулина с отчаяньем и страхом писала Оренбургскому и Уральскому епископу Митрофану 14 декабря: «поступок священника Светлова дал нежелательный простор молве жителей, об этом толкующим превратно и далеко не в мою пользу. Меня теперь же просят покинуть Николаевское девичье училище, и почтенные семейства отказывают от места. Чем стану содержать себя?!» [2, л. 164]. Только личное вмешательство архипастыря, который распорядился публично объявить о санкциях, примененных к виновникам инцидента, восстановило репутацию девушки и спасло её от увольнения [2, л. 164].

Однако вышестоящее начальство не всегда могло нейтрализовать пагубные последствия слухов на профессиональную деятельность девушек. На стол инспектора народных училищ 1 мая 1898 г. легло донесение от

коллектива Фроловского народного училища Челябинского уезда, в котором учителя сообщали, что их заведующая – дочь священника Вера Алексеевна Крылова две недели назад никого не предупредив, уехала в неизвестном направлении и до сих пор не вернулась [5, л. 5]. Инспектор, вероятно, уже собирался заявлять в полицию, но на следующий день получил прошение от сбежавшей девушки. Вера Алексеевна ходатайствовала о своём переводе в какой-либо из сельских приходов, где при школе есть квартира для педагогов. Зная, что сельское общество далеко не всегда способно решить вопрос с обеспечением жильём девушка писала: «Если не находите такой возможности, то определите меня в приход, расположенный ближе к городу и железной дороге, чтобы из Челябинска, где я имею постоянное проживание, проще ежедневно добираться было к школе» [5, л. 9 об.]. Удивительно, но инспектор не только постарался найти для Крыловой новое место службы, но и решил выяснить причину, по которой девушке потребовалось покинуть Фраловскую так спешно. Целый год до этого, Крылова безропотно переносила трудности связанные с отсутствием жилья при училище. Оказалось, что 23 февраля 1898 г. в канцелярию епископа Оренбургской епархии пришёл анонимный донос на священника Свято-Троицкой церкви города Челябинска Алексея Никольского, в доме которого как раз и квартировала учительница Крылова. Неизвестный сообщал епископу, что отец Никольский, всячески способствует развитию у молодого учителя местной второклассной школы Ивана Стрельцова пристрастия к выпивке и карточным играм. Поскольку в доме у иерея раз в неделю непременно попойка и карточная игра. При этом аноним добавлял: «Особенно жалко живущую у о. Алексея учительницу Крылову. Втянули и её в карточную игру с более или менее крупными ставками (до 10 р), выигрышами и проигрышами. Девушке-сироте разрешается совершать поздние загородные прогулки на лошадях в компании двух молодых людей» [5, л. 12 об.]. Естественно архипастырь отдал распоряжение разобраться в происходящем [5, л. 13 об.]. Как выяснилось из объяснений священника Алексея Никольского у него дома в узком семейном кругу или в присутствии близких друзей действительно иногда позволяли себе перекинуться в карты, «но игра эта никогда не носила на себе характера экзальтации, причём учительница Крылова всегда уклонялась от неё» [5, л. 21]. Поездку за город вместе со Стрельцовым и псаломщиком Бахировым Вера Алексеевна совершила только однажды. Поездка эта имела конкретную и похвальную цель. Все вместе молодые люди навешали своего хорошего знакомого: священника Василия Соколова, который жил в двух верстах от города. Иерей тяжело болел – почти все знавшие его, были уверены, что Соколов скоро умрёт. «Моё мнение – это долг Христианина навестить умирающего друга. Но поставить в укор им, как можно?» – Справедливо возмущался Никольский. В заключении оскорблённый до глубины души отец Алексей добавлял: «А что до попок, их в моём доме не было и быть

никак не может» [5, л. 21 об.]. Показания Алексея Никольского подтверждал наблюдатель церковно-приходских школ Тургайской области Максим Худонов, который периодически приезжая в Челябинск по семейным делам, а иногда и по служебной надобности останавливался у Алексея Никольского, поскольку был другом его отца. Хорошо зная эту семью, Максим Худонов характеризовал молодого иерея и его супругу в самых тёплых выражениях, а об их постоялице отзывался так: «это достойная своего звания молодая девица ... Нужно не иметь в себе никакого доброго чувства, ни капли стыда, чтобы прикрываясь словами о её благополучии бросать и на неё такие чёрные тени» [5, л. 18–18 об.]. В итоге с участников данной истории были сняты любые подозрения «в неблагоповедении», но всё время пока длилось «негласное следствие», сплетники активно обсуждали происходящее, строя предположения, чем закончится дело. И, если мужчины, воспринимали происходящее холоднокровно, то Вера Крылова не смогла спокойно воспринимать повышенный интерес к своей личной жизни и спешно покинула приход. Случившее произвело на девушку настолько сильное впечатление, что она отвергла предложенное ей место старшей учительницы в школе при Белорецком заводе Верхнеуральского уезда, решив больше никогда не возвращаться к педагогической практике [5, л. 6 об.].

И всё же данная история завершилась достаточно благополучно. Случалось, что наговор приводил к страшной, непоправимой трагедии. Оренбургскую губернию в 1894 г взбудоражило самоубийство священнической дочери Екатерины Грудзинской, занимавшей должность учительниц народного училища города Челябинска. Дело даже взяли на контроль в Святейшем Синоде [1, л. 5–5 об.]. Екатерина Грудзинская после завершения образования в Троицкой женской прогимназии не смогла сразу найти места для службы, но домой к родителям возвращаться не стала, поселившись у своей старшей сестры – жены священника села Субботина Челябинского уезда Агнии Ивановой, продолжая ходатайствовать об определении на учительское место к «какой-либо из городских школ губернии». В марте 1894 г. она была командирована для исполнения обязанностей учительницы в народное училище Челябинска [1, л. 3]. Обучение детей давалось молодой преподавательнице успешно. Позже, её начальник вспоминал, что Екатерина «в течение весьма короткого времени службы в Челябинске успела доказать умение вести учебное дело, причем обладала значительной энергией в достижении наставнической цели и отличалась любовью как к умственному так и к физическому труду» [1, л. 4]. Итак, служить девушке нравилось, небольшая оплата за труд её также не беспокоила. Грудзинская была вполне обеспечена. После её смерти осталось более 100 р. деньгами и банковский билет в 900 р., квартиру учительницы оплачивал местный училищный совет [1, л. 4 об.]. Словом, у Екатерины были все основания быть довольной началом своей самостоятельной жизни.

Радость её омрачало только то, что периодически приезжая навестить сестру, девушка слышала распускаемые в её адрес нелепые слухи. Жена дьякона местной церкви Ольга Андреевна Протопопова утверждала, что Грудзинская, уехала из Субботина, чтобы тайно родить в городе. Дьяконша пользовалась в приходе репутацией женщины зловредной, болтливой и склонной выдумывать разнообразные небылицы. Поэтому жители Субботина особого внимания на её слова не обращали [1, л. 9]. Однако, запущенная Протопоповой сплетня, постепенно достигла Челябинска. В итоге на Грудзинскую стали с недоверием смотреть коллеги по работе и родители учеников. Дети, наслушавшись разговоров взрослых, стали выказывать ей неповиновение. Теперь Грудзинская слышала шёпот за своей спиной и в городе. Разозлившись, она отправилась в Субботино и наговорила резких слов Ольге Андреевне. На следующий день после этого разговора, дьяконша обнаружила, что ворота её дома вымазаны смолой и вдобавок на них сделана «циничная надпись в её адрес» [1, л. 3]. Ольга Андреевна с мужем обвинили во всём Грудзинскую и подали на неё жалобу в мировой суд. Заявление судом не было принято, однако кто-то уже успел сообщить Екатерине, что ей грозит разбирательство по столь скандальному делу. Вдобавок к этому, теперь уже ставни её дома были вымазаны смолой и фуксином. Не зная, как поступить в сложившейся ситуации, Грудзинская сначала решила обратиться к инспектору Челябинских народных училищ, но потом оставила своё намеренье, поскольку не была уверена, что инспектор поверит объяснениям по делу, которое её столь беспокоило [1, л. 3–3 об.]. Как следует из предсмертного письма Екатерины Грудзинской, девушка посчитала, что её честному имени нанесен не поправимой урон, поэтому жить дальше не стоит «ибо в жизни меня более ничего не ждёт, кроме позора и подозрений, и лучше уж застрелится, чем переносить это» [1, л. 4 об.]. Екатерина Грудзинская навела в училищный квартире образцовый порядок и вечером 5 сентября 1894 г. исполнила своё намеренье [1, л. 3]. Проведенное по требованию Синода расследование не дало никаких практических результатов, кроме доказательства «непорочности девицы, что было установлено путём вскрытия» [1, л. 4]. Привлечь же Ольгу Андреевну Протопопову за самоубийство учительницы Грудзинской в Оренбургской духовной консистории не посчитали возможным. Дело было закрыто 28 января 1895 г. [1, л. 10].

Неотъемлемой частью жизни общества являются сплетни. Их распространение оказывало прямое негативное влияние на деловую повседневность женщин духовного сословия, мешая их полноценному включению в общественную жизнь. Так как женщине для успешной профессиональной деятельности необходимо было сохранять безупречную репутацию. Распространение любых порочащих слухов, грозило неприятностями по службе. Даже ложный слух, который удавалось опровергнуть мог привести, к тому что женщина порой принимала решение

не возвращаться к профессиональной деятельности. В редких случаях циркулирующие в обществе сплетни заставляли девушек не только отказаться от своей профессии, но и сводить счёты с жизнью.

Список литературы:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 5107.
2. ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 58.
3. Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 51 с.
4. Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество: сб. науч. тр. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 41–49.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1.
6. Орлова В.Д. Семьи духовенства во второй половине XIX в. Распределение мужских и женских обязанностей в повседневной жизни // От мужских и женских к гендерным исследованиям : материалы междунар. конф. Тамбов, 2001. С. 100–110.
7. Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 46 с.

Ф.А. Ахмедова*

Мусульманская женщина в представлениях российских исследователей начала XX века

В начале XX в. в России сложилось определенное мнение о положении мусульманской женщины в России и мире. Немалую роль в формировании этого мнения сыграли религиозные воззрения населения. История России того времени свидетельствует лишь о проявлении научного интереса к положению мусульманской женщины. Преследуя свои планы в среднеазиатском регионе, российская империя не рассматривала мусульманскую женщину Средней Азии в качестве объекта или участника своей политико-экономической стратегии. Лишь в ходе социалистической революции новая власть впервые обратила особое внимание на мусульманскую женщину как ключевую фигуру в процессе становления своей власти.

At the beginning of XX century, there was a certain opinion on status of a Muslim woman formed in Russia. Religious views of the population played a significant role in creating of that opinion. Russian history of those times demonstrated pure academic interest in the position of a Muslim woman. Aiming their plans in Central Asian region the Russian Empire did not consider a Muslim woman as an object and a participant of its political and economic strategy. Only the Soviet Socialist Revolution viewed the Muslim woman as a key figure in process of establishing its power.

Ключевые слова: мусульманская женщина, религиозные воззрения, история России, процесс модернизации, интересы империи.

---

* Ахмедова Фатима Ахатовна, фрилансер

Keywords: Muslim woman, religious views, history of Russia, modernisation process, empire`s interests.

К началу XX века в России существовало твердое мнение о положении мусульманской женщины, сформировавшееся, по большей части, под влиянием религиозных и научных воззрений, авторами которых являлись христианские священнослужители, этнографы и востоковеды, военные деятели, предприниматели, наведывавшиеся в регион Средней Азии, мусульманского Кавказа и российских губерний с большой концентрацией мусульманского населения.

Священнослужители использовали эту тему в целях привлечения масс в лоно своей церкви. Положение женщины в христианстве противопоставлялось ее положению в мусульманстве, а твердая убежденность в том, что лишь христианская женщина пользуется благами, а понятие о ней и ее быт «действительно хорош и почетен» только в христианской вере всячески пропагандировалась [4, с. 3].

Ярким примером такого отношения могут служить далекие от объективной истины представления Председателя Совета братства Святого Гурия Преосвященного Викторина, Епископа Чебоксарского, изложенные им в его речи к крещеным татарам, прочтенной в церкви Казанской крещено-татарской школы 5 декабря 1874 г. среди татар, перешедших в христианскую веру. Судя по высокому чину оратора, его мнение отражало общие мнения христианских священнослужителей о положении женщины и ее быте «у мухаммедан» [4, с. 1].

Называя положение мусульманских женщин унижительным и жалким, епископ, тем не менее, не обвиняет их ни в чем, а, наоборот, защищает и сочувствует, ведь «они не знают, что Мухаммед был лжеучитель» [4, с. 3]. Низкое и тяжелое положение «мухаммеданки» подвергается в речи Преосвященного Викторина сравнению с «высоким и счастливым положением христианской женщины», хотя не упоминается о том, что возвышению христианской женщины в XIX–XX вв. во многом способствовало несколько факторов. Сюда, несомненно, можно отнести отмену крепостного права, географическую и политическую приближенность европейских держав, воздействие на социальные процессы в России недавних изменений в положении европейской женщины, последовавшие следом эмансипацию и прогресс, обеспечившие основные права женщинам европейского региона.

Все, начиная от рождения девочки, включая замужество, процесс бракосочетания, отношения между мужем и женой, доступ к образованию и работе, участие в благотворительности, бракоразводный процесс, право находиться в мечети и так далее подвергается сравнению не в пользу

мусульманской стороны. Многое из того, что было обозначено в этой речи, носит некорректный и однобокий характер.

К примеру, при сравнении права входить в церковь и мечеть епископ говорит, что христианская женщина вхожа в церковь наряду с мужчиной. Здесь она может не только молиться, но и делить свои чувства с Богом, плакать, радоваться, благодарить. Мусульманская религия, по словам епископа, запрещает молодым женщинам и девицам приходить в мечеть, обрекая их на горькую участь унижения и лишения в утешении верой. Но при этом Преосвященный Викторин искренне сочувствовал этим женщинам, называя их чистыми и несчастными.

Однако виной такого гендерно-дискриминационного подхода в предоставлении права входить в мечеть являлась не религия, а обычаи, царствующие в каком-то определенном регионе. Если женщина скрывает свой облик за покрывалом, сторонится посторонних мужчин, то едва ли ей будет комфортно в мечети в смешанном обществе молящихся. Кроме того, надо отметить, что при исповедании ислама мусульманину, так же как и мусульманке, нет необходимости посещать мечеть, достаточно совершать молитву дома.

Заканчивая свою речь, епископ призвал жен и дев христианских возрадоваться тому, что они не мухаммеданки, подумать и помолиться о «живущих вблизи мухаммеданках», пожалеть их, помолиться о них «Господу, чтобы Он просветил их и жестоких мужей их светом веры Христовой...» [4, с. 20].

Положению мусульманской женщины посвящены многие научные и литературные труды тех писателей и ученых деятелей, которые в прошлом и в настоящее время интересовались востоком. Не смотря на принадлежность к разным лагерям – апологетов и критиков – вывод у исследователей един: современным положением мусульманская женщина обязана религии – исламу. Причем лагерь апологетов, включающий в себя не только мусульманских, но и европейских ученых, литераторов, специалистов, утверждает о прогрессивной роли ислама, как религии, в жизни женщины, при этом приводя целый ряд доказательств.

Признавая правоту и тех, и других, мы согласны с точкой зрения советника апелляционного суда, первого поднявшего свой голос в защиту прав женщин Египта, Касима Амина о том, что, вряд ли, можно объяснить положение мусульманской женщины исключительно религиозным влиянием. Оно, прежде всего, происходит из этнографических условий и социальной среды. В зависимости от социальных условий среды положение мусульманской женщины меняется.

Действительно, примером правоты слов Касима Амина является тот факт, что в истории Средней Азии женщина временами предстает перед нами, с одной стороны, поэтессой, почетной гостьей мужских собраний, деятелем искусств, религиозным деятелем, преподавателем, а, с другой,

вынужденной скрываться под покрывалом от чужих взглядов, вышедшей однажды из дома отца своего только для того, чтобы перейти в дом мужа, откуда порой она не выходила на протяжении всей своей жизни [2].

Одновременно с этим нельзя не вспомнить о роли покрывала как неотъемлемой части наряда христианской и иудейской, индийской и буддистской женщины. И назвать ислам причиной смены положения этих женщин в их христианских, иудейских, индуистских и буддистских общинах было бы неприемлемо.

Известная в Турции XIX в. под именем Гюльнар-ханум тюрколог и переводчик О.С. Лебедева писала о том, что «...европейская общественность, незнакомя с мусульманской религией, ошибочно полагает, что ислам исключает женщину из общественной жизни и не позволяет ей получать образование, одинаковое с мужчиной. Это предрассудок, с которым не только надо бороться, но его следует искоренить, так как он идет вразрез с подлинным учением Мухаммада, изложенным в Коране» [6, с. 5]. На исторических примерах далее доказывалось, что ислам не препятствовал всестороннему развитию женщины, а, наоборот, всячески его поддерживал.

Лебедева сообщала о неверном толковании Корана с единственной целью показать несостоятельность либо неверное толкование предрассудков о мусульманской женщине, укоренившихся не только в российском и европейском, но и в самом восточном обществе. Еще одним подтверждением существования подобного заблуждения может служить работа, направленная также на то, чтобы развеять стереотипы о мусульманской женщине, прежде всего, в местном мусульманском обществе. Автором этого труда является Ахмед-бек Агаев, азербайджанский журналист и видный общественный деятель.

Совершенно естественным стал вопрос о возможном распространении феминизма и смене устоев и в других странах, например, в тех, где господствовал ислам. В этом смысле к началу XX в. Египет и Турция считались особенно перспективными мусульманскими странами. Но голоса женщин здесь были еле слышны, а голоса мужчин были нерешительны и робки. Открывшиеся пути для получения образования женщинами высших сословий признаются Ахмед-беком Агаевым в 1901 г. естественным результатом тесного общения местной аристократии с европейской культурой и ее носителями. Автор труда о женщинах Востока впервые в истории российской науки уделяет не фрагментарное, а целостное внимание положению мусульманской женщины в обществе и семье, задаваясь вопросом: есть ли возможности для развития всей мусульманской женской массы, а не только дам высшего общества? [1]

Течение модернизации увлекло в том же XIX в. российских мусульман с их не только общими, характерными всему мусульманскому миру, но и уникальными тенденциями. Одними из основных вопросов, стоявших перед мусульманским миром к началу XX в., можно считать

вопросы совмещения привычного и светского образования, использование в ежедневной жизни новых технологий, некоторых отдельных элементов европейской культуры. А наиважнейшим вопросом явился вопрос эмансипации.

Оценив выгодные для государства перспективы, русская наука постаралась заполнить пробел истории, начав весьма успешно изучение региона Средней Азии. Таким образом, «в деле изучения новой истории мусульманской Средней Азии ...русская наука уже в первой половине XIX века была впереди западноевропейской», – слова известнейшего русского и советского востоковеда, академика В.В. Бартольда произнесены неслучайно [3, с. 3].

С приходом к власти Петра I связаны великие исторические преобразования в России, в том числе расширение границ влияния. Средняя Азия не осталась в стороне экспансии, и по царскому повелению в 1717 г. было совершено первое наступление русских на Хиву, окончившееся поражением. Тем не менее, в 1720 г. Петром I был издан указ, обозначивший внешнеполитические цели Коллегии иностранных дел – «экспедиция турецких и других восточных языков».

С течением времени среднеазиатский вопрос приобрел наиважнейшее значение для России, выйдя за пределы политического и экономического характеров. Речь шла уже о вопросах безопасности для империи.

Русский генерал, видный ученый Л.Ф. Костенко в одном из своих трудов говорит о значении среднеазиатского вопроса так: «В последнее время среднеазиатский вопрос выступает на сцену в полном всеоружии. Он становится не только интересным, но даже насущным и при том не для одних нас, русских, но и для Западной Европы» [5, с. 7]. О противостоянии двух империй – России и Великобритании – в вопросе политического и экономического влияния, а также внедрения этих держав в среднеазиатский регион писалось немало в конце XIX века обеими сторонами. Мнения в России относительно целесообразности внедрения в Среднюю Азию разделились. Однако Россией уже было сделано немало для воцарения в регионе, Великобритания же уступала во многом России, по свидетельству Л.Ф. Костенко, не гнушавшейся довольно спорных методов обретения власти в регионе.

Причинами столь большого интереса к региону послужили его географическое положение, сулящее значительные политические и экономические выгоды. Речь идет, прежде всего, о минеральных богатствах, земледельческой производительности, перспективных путях сообщений, мануфактурном производстве, торговых возможностях.

По стечению обстоятельств ни в планы российской, ни в планы британской империй, разделивших свое влияние над регионом, не входило изменение положения местной женщины, предоставление ей большей свободы, прав, возможностей. Женщина-абориген воспринималась как

незначительный элемент общества, не влияющий ни на политические, ни на экономические планы внедряющихся в регион держав. Однако тема «раскрепощения» женщины Востока занимала ключевое место в планах советской власти. И, как показала история позже, советская власть обрела достойного соратника для продвижения своих идей и целей, укрепления своей политики в регионе.

Список литературы:

1. Агаев А. Женщина по исламу и в исламе. Тифлис, 1901. 59 с.
2. Амин К. Новая женщина. С.-Петербург, 1912. 30 с.
3. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Сочинения. Т. IX. М., 1977. 957 с.
4. Викторин, Епископ Чебоксарский (речь Председателя Совета братства Св. Гурия). Казань, 1875. 20 с.
5. Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. 402 с.
6. Лебедева О.С. Об эмансипации мусульманской женщины. СПб., 1900.

А.А. Бровина*, *Н.П. Миронова***

Образ жизни женщины-ученого в Коми филиале АН СССР в 1950-х гг. (по материалам деловых дневников)

В исследовании представлены трудовые будни двух женщин-ученых Коми филиала АН СССР: заведующей лабораторией ихтиологии и гидробиологии, д.б.н. О.С. Зверевой (1952–1954 гг.) и младшего научного сотрудника отдела леса А.Н. Лашенковой (1955–1957 гг.) на основе рабочих деловых дневников. Показан распорядок рабочего дня, рабочий график героинь, в котором научная деятельность занимает большую часть и их свободного времени. При этом профессиональная деятельность тесно сопряжена с общественной жизнью, идеологическим воспитанием и досугом советской женщины-ученого.

The study presents the working days of two women scientists of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences: the head of the laboratory of ichthyology and hydrobiology, PhD O.S. Zvereva and researcher of the forest department, A.N. Lashchenkova on the basis of working business diaries of the 1950th. The schedule of the working day is shown, scientific activity takes the most part of their working and free time. At the same time, professional activity is closely connected with social life, ideological upbringing and free time of the soviet woman scientist.

Ключевые слова: Коми филиал АН СССР, женщина-ученый, деловой дневник, образ жизни, научная повседневность.

---

* **Бровина Александра Александровна**, кандидат исторических наук, начальник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН

** **Миронова Наталья Петровна**, кандидат исторических наук, н.с. Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН

Key words: Komi branch of the USSR Academy of Sciences, woman scientist, business diary, way of life, scientific everyday life.

Анализ особенностей профессиональной идентичности научного сообщества очень злободневен. При этом тема образа жизни и деятельности ученых провинции еще не стала предметом специального исследования. В данном случае, антропологические и этнографические по своему содержанию подходы к анализу функционирования научного сообщества в различные временные периоды тесно сопряжены с историей повседневности, которая возникла на волне «историко-антропологического поворота» в гуманитарных науках 60-х гг. XX в. [2; 4–7]. Описание образа жизни в истории повседневности основано на микро-анализе небольшой географической и временной локализации. Исследование может рассматривать небольшой регион и малый период времени, но при этом представлять глубокий анализ жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт, «сетей» их взаимосвязей и взаимодействий в частной, домашней и внедомашней, производственной жизни [6–7].

Основу данного исследования составили рабочие дневниковые записи [3] двух женщин-ученых Коми филиала АН СССР: заведующей лабораторией ихтиологии и гидробиологии, д.б.н. О.С. Зверевой (1952–1954 гг.) и младшего научного сотрудника отдела леса А.Н. Лашенковой (1955–1957 гг.). Дневники расположены по времени их составления, сохранены стилистические особенности документов. Дневники представляют собой деловые рабочие тетради, содержащие по-дневные записи, в которых представлен распорядок рабочего дня. Данные рабочие дневники (тетради) позволяют сравнить особенности профессиональной и повседневной деятельности двух разных женщин. Одна из них Ольга Степановна Зверева находилась на пике своей профессиональной карьеры, активно вела научно-организационную работу. Ко времени написания дневника, в 1952–1954 гг. Ольга Степановна имела степень кандидата биологических наук, докторскую диссертацию она защитит в 1965 г. Тем не менее, для такого молодого научного учреждения как Коми филиал АН СССР, где на тот период остро стояла проблема нехватки квалифицированных кадров, Ольга Степановна была очень ценным специалистом. В 1952–1954 гг. Ольга Степановна являлась заведующей сектором зоологии Коми филиала АН СССР. Вторая героиня – Ариадна Николаевна Лашенкова, в рассматриваемый период активно занимается подготовкой к защите кандидатской диссертации, можно сказать, находится в начале своего самостоятельного пути в науке. Текст записей достаточно сух, во многом содержит только конкретную информацию о профессиональной и общественной деятельности героинь. Но при всей скудности и

формализованном характере источника, деловые дневники позволяют определить некоторые особенности быта и образа жизни женщины-ученого. Что и является основной целью данного исследования.

Прежде всего, подневные рабочие записи позволяют оценить интенсивность и продолжительность рабочего дня. Поскольку в рабочем дневнике обычно указывается количество часов, отведенных на тот или иной вид работ, то можно отметить, что рабочий день научного работника длился в среднем от 9 до 12 ч. Так, например, в дневнике О.С. Зверевой за 5 февраля 1954 г. записано: «С утра до 5-ти час. Обрабатывала бентос-8 проб. С 5-ти до 6-ти выправляла конспект совещаний по кормовой базе и питанию рыб» [3, с. 118]. Если рабочий день начинается в 9 утра [1, с. 293], то исходя из записи от 5 февраля, О.С. Зверева находилась на работе как минимум 9 ч. У А.Н. Лашенковой в период подготовки к защите кандидатской диссертации, график еще более плотный. 8 марта 1955 г. «Правка рукописи – 8 час. 2 час. – получение фотографий» или от 10 марта. «Правка рукописи – 9 час. Поездка в Ботанический институт – 2,5 час.» [3, с.123]. Высокую интенсивность научной работы показывает и тот факт, что ученые работали практически непрерывно, вечером, в выходные и праздничные дни. В своих рабочих дневниках О.С. Зверева специально отмечает, «вечером не работала», т.е. это было чем-то особенным, что требовало специальной оговорки. Действительно, абсолютно свободных вечеров у О.С. Зверевой и А.Н. Лашенковой, практически не было, все вечера заняты, если не научной работой (подготовка, отчетов, чтение научной литературы, подготовка семинаров), то общественной деятельностью (участие в различных собраниях, политучеба, работа в мескоме и т.д.). За весь описанный в дневниках период у О.С. Зверевой было 46 воскресных дней, из них 22 в той или иной степени посвящены работе. 26 октября. «Воскресенье. Читала работу Корзинкина» [3, с.123]. В дневниках А.Н. Лашенковой отмечено 116 воскресений, из которых 61 рабочее, причем по интенсивности и загруженности выходной день ничем не отличается от рабочего, особенно с февраля по май 1955 г., когда шла подготовка рукописей и документов к защите. 13 февраля 1955 г. «Исправление автореферата – 3 час. 6 час. – оформление документов к защите» [3, с. 126]. Такая же ситуация и с праздниками, не может быть и речи о длительном праздновании Нового года или длительных майских каникулах, которые стали нормой для современника. Так, у А.Н. Лашенковой записано: 1–2 мая 1955 г. Дни отдыха [3, с. 126]. Или 4 мая 1955 г. прошла защита диссертации, казалось бы, можно отдохнуть, сбавить темп, но 5 мая читаем: «работа над литературой по борьбе с кустарниковой растительностью» [3, с. 126]. Интересен для анализа период с 6 по 10 марта 1953 г., описанный в дневнике О.С. Зверевой, где описывается восприятие в научном сообществе смерти И.В. Сталина. 6 марта – траурный митинг [3, с. 106], но в тот же день, когда вся страна находится в «шоковом состоянии», полной неопределенности и

скорби: «...готовила расчеты и акты по экспедициям, планы научных командировок. С 4-х часов совещание Президиума. Вечером составляла замечания к диссертации Гусева» [3, с. 106]. Данный пример демонстрирует силу характера, высокую дисциплинированность и работоспособность не смотря ни на какие внешние обстоятельства.

Таким образом, анализ рабочих дневников женщин-ученых Коми филиала АН СССР 1950-х гг. показывает насколько насыщенным и плотным был их рабочий график, научная деятельность занимает большую часть и их свободного времени. При этом профессиональная деятельность тесно сопряжена с общественной жизнью и идеологическим воспитанием. Из личных увлечений можно отметить лишь чтение художественной литературы, посещение концертов. Более того, любой выходной день, проведенный без научной работы (перевод иностранной литературы, чтение специальной литературы, оформление статей, отчетов) считается прожитым зря.

Список литературы:

1. Документальная история Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Коми филиал АН СССР в 1944–1965 гг. Сыктывкар, 2009. С. 293.

2. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 1997.

3. Личные фонды Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН. Справочник по фондам. Сыктывкар, 2007. С. 91–161.

4. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998–99. М., 1999.

5. Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. М., 1990.

6. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история. 2003. М., 2003

7. Пушкарева Н.Л. История повседневности // Онлайн энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

О.В. Мишурина*

Гендерные стереотипы у мордвы в процессе первичной социализации

В статье рассматриваются гендерные стереотипы мордвы-эрзя и мордвы-мокши в контексте социализации в традиционной культуре мордвы в конце XIX – начале XX в.

This article considers Mordva Erzja and Mordva Moksha gender stereotype in context of socialization in the Mordovian traditional culture in the late XIXth and the early XXth centuries.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, семья, социализация, мордва-эрзя, мордва-мокша

Keywords: gender, gender stereotype, family, socialization, Mordva Erzja, Mordva Moksha

Традиционная мордовская семья всегда отличалась многодетностью. Дети были частью не только мировоззрения, но и жизнеобеспечения семьи в целом. От количества детей в первую очередь зависело благосостояние семьи. Чем больше в ней было рабочих рук, тем зажиточнее она была. В народном сознании многодетный род ассоциировался с муравейником или пчелиным роем. Дети осуществляли связь поколений, поддерживали непрерывность существования семьи, рода, социума. В мордовском фольклоре известны пословицы, поговорки, лирические песни и обрядовые тексты, характеризующие большую семью. «Чем богат Лукьян?/Чем славен Лукьян?/Семь сыновей он воспитал,/Семь снох он сосватал,/Семь зыбок он сшил» [12, с. 12]. Разнообразные обряды и ритуалы были направлены на рождение многочисленного потомства. Многие обрядовые благопожелания были посвящены этой теме. Во время свадьбы невесте на колени сажали ребенка, обсыпали обоих хмелем и зерном, при этом приговаривая: «Сколько в поле хмелинок, столько в доме детинок!» [3, с. 44]. Мордва-мокша во время одного из молений, обращалась к верховному Богу и просила дать столько детей, сколько крупинок в горшке с кашей [7, с. 289].

В зависимости от возраста у мордвы мокши и эрзя ребенка называли по-разному: до 2–3 лет – *потция эйкакиш* (эрзя), *потяя идь* (мокша), т.е.

---

* Мишурина Ольга Владиславовна, научный сотрудник отдела этнографии Поволжья и Приуралья, Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург).

грудной ребенок; от 3 до 7 лет, независимо от пола – *эйде* (эрзя) и *тётмак* (мокша) – маленький ребенок [2, с. 25–34]. Казалось, что в раннем возрасте детей не дифференцировали по половому признаку. Однако с момента появления на свет младенца приписывали к мужскому или женскому полу, что в дальнейшем предполагало его воспитание в рамках мужской или женской роли.

В мордовской семье ребенок буквально с момента рождения включался в процесс гендерной социализации. При помощи специальных обрядов, связанных с первыми днями жизни младенца, родители и ближайшие родственники старались указывать на пол ребенка всем окружающим. Сразу же после появления на свет, повитуха (это была чаще всего родственница) производила обрезание пуповины. У мальчика ее перерезали на топорище или стреле, чтобы он рос мастеровым и охотником, у девочки – на веретене, чтобы была рукодельницей. Пупок перевязывали льняной ниткой, сплетенной с волосами матери и отца. С последом также проводили обряды. От него отрезали небольшой кусочек и вместе с пуповиной бросали где-нибудь на конюшне, чтобы в будущем у мальчика «водились кони и он вырос хорошим хозяином». Послед девочки вешали на соху, «чтобы она была хорошей ткачихой и пряхой» [6, с. 431]. При первом обмывании, повитуха кидала в воду монеты, чтобы водились деньги, и парила мальчика дубовым венником, а девочку – березовым. Предполагалось, что от этой процедуры мальчик будет сильным и здоровым, а девочка – красивой. Во время первого укладывания в колыбель с ребенком знакомились женщины–родственницы. По традиции, ее мастерила дед, отец роженицы, а бабушка пекла лепешки и пироги. В процессе выпекания женщина приговаривала: «Пахарем пусть будет» или «Пряхой пусть будет» – в зависимости от того, кто родился. Иногда перед укладыванием новорожденного в колыбель, туда клали мужские вещи, если хотели, чтобы следующим ребенком был мальчик, или, соответственно, женские для рождения девочки [6, с.432].

Как правило, в традиционных крестьянских семьях предпочтение отдавали рождению мальчиков. Их считали продолжателями рода, семьи. Девочки, вырастая, выходили замуж, уходили в другую семью. К тому же им требовалось немалое приданое, изготовлением которого девушка должна была заниматься все свободное время, начиная с подросткового возраста. В мордовском фольклоре зафиксировано разное отношение в семье к мальчикам и девочкам: «Отца, мать кормлю – долг плачу, сыновей в люди вывожу – взаймы даю, дочь снабжаю – в окно бросаю» [10, с. 247–248]. Когда старшие дети спрашивали, откуда появился в семье маленький ребенок, то про сына говорили: «Ведь–ава подарила», а про девочку – «Ведь–ава бросила» [6, с.429].

Первичная социализация, происходившая в раннем детстве, играла для ребенка большую роль. Она являлась основой всего дальнейшего

процесса социализации. На этом этапе огромное значение имела семья, откуда человек черпал представления о себе, обществе, о его ценностях и нормах. Тесные семейные связи детей с родителями и другими родственниками формировались постепенно. Однако презентация близкой связи мальчика с отцом, а девочки с матерью конструировалась уже на первичном этапе социализации. До принятия христианства у мордвы существовала традиция давать новорожденному мальчику имя, связанное с тем местом, где находился отец во время рождения ребенка. Если мужчина был в лесу, сына называли Вирыас, если в поле – Паксяй; отец в это время сеял – Видяк [11, с. 161]. Повсеместно первой пеленкой для сына служила старая отцовская рубаша, для девочки – материнская. При рождении мальчика повитуха принимала младенца со словами: «Пусть как отец будет трудолюбив и счастлив, долго жить как дед» [9, с. 230]. Также в рубашку заворачивали ребенка во время обряда крещения. Кто-нибудь из родственников над головой ребенка держал каравай хлеба. Повитуха брала другой каравай и, постукивая хлебом о хлеб, говорила: «Даю тебе имя (такое-то)». Затем заворачивала новорожденного в разрезанную отцовскую или материнскую рубашу, подносила к отцу для благословения и передавала мальчика куму, а девочку – куме [5].

Первое пеленание ребенка являлось одним из важных моментов на этапе его первичной социализации. Пеленка, как первая одежда ребенка, обозначала его «одетость», которая была важнейшим признаком человека и его включенности в социум [1, с. 45]. Обычай заворачивать мальчика в рубашу, порты деда был связан с пожеланием ребенку долголетия; а девочку в материнскую рубашу – чтобы любили [4, с. 896]. В младенчестве детская одежда практически не имела различий. На крестины приглашенные приносили, как правило, кусок материи: для мальчика – черного цвета, для девочки – разноцветный [5]. Примерно до 3 лет и мальчики, и девочки имели одинаковый комплект пеленок, 2–3 рубашечки и несколько головных уборов. Дифференциация в одежде начиналась с 3–7 лет. Мальчики носили рубашку ниже колен, с прямым или боковым вырезом, застегивавшимся на пуговицу. Ее надевали навывпуск, с поясом. Штаны без ширинок шили из синего холста или из ткани в клеточку, синюю полоску. Основу костюма девочек составляла длинная туникообразная рубаша, такую же носили и взрослые женщины. Но в отличие от взрослой рубахи, детская не имела вышивок. Только подол мог быть украшен полоской красного тканья или фабричного ситца. Поверх рубахи надевали фартук из пестряди. У девочек мордвы–мокши костюмный комплекс, как и у женщин, дополняли штаны из белого холста. Девичья рубашка с возрастом изменялась за счет появления большого количества вышивки, а весь костюм дополнялся многочисленными украшениями, которые у девочек практически отсутствовали. Таким образом, одежда детей во многом повторяла костюмы взрослых, только в упрощенном виде. С раннего детства через внешний вид

формировался образ ребенка в соответствии с существующими гендерными стереотипами.

В возрасте 3–5 лет, когда ребенок начинал осознавать свою половую принадлежность, девочке начинали заплетать косы. Обряд первого заплетания волос совершала мать или бабушка. Для этого одна из женщин пряла специальную нить, произнося при этом заговор с пожеланиями девочке длинной, счастливой и богатой жизни. [4, с. 902]. В это же время для мальчика обряд первой стрижки символизировал переход из-под опеки матери под покровительство отца или других родственников мужского пола в семье. Его стригли наголо, оставляя лишь чуб спереди.

С 5–7-летнего возраста фактически начиналась дифференцированная социализация детей. С 7–9 и до 15 лет детей называли *эйкакш* (эрзя), *идьмор* (мокша) – взрослый ребенок. В этот период происходило деление по половому признаку: девочку именовали *тейтерь-шаба*, мальчика – *цера-шаба* [8, с. 379]. С 5–7 лет детей включали в хозяйственно-трудовую жизнь семьи. С этого времени мальчики должны были проявлять маскулинные черты характера и демонстрировать модели поведения, соответствующие понятиям «мужское», а девочки соответственно – фемининные, следовательно – «женское». Сыновья оказывались под влиянием отца и родственников мужского пола. Поведение отца, его хозяйственные навыки становились образцом для подражания. Девочки оставались при матери и приобщались к различной женской работе: подмести пол, убрать посуду, собрать мусор. Девочки также помогали матерям в поле: жали и вязали снопы, участвовали в обмолоте зерна. 6–7-летняя девочка становилась помощницей по уходу за младшими детьми. У мордвы-мокши существовала поговорка: *идь вани шачсь* – нянька родилась [4, с. 913]. С 10–13 лет девочка уже не только помогала матери, но и делала за нее часть работы, а все свободное время готовила себе приданое.

С 6–8 лет мальчики и девочки начинали работать в поле и в огороде. Вместе со взрослыми они очищали пашню от мусора – собирали и сжигали остатки соломы и ботвы. С 10 лет мальчиков начинали учить пахоте. На первом этапе разрешали недолго подержаться за соху или плуг, очистить лемех от земли. И только в 13–15 лет подросток вместе с отцом и другими мужчинами семьи выходил пахать поле. К 14–15 годам крестьянские дети были знакомы со всеми видами сельскохозяйственных работ. К 16–17 годам они становились полноправными работниками.

Социализация мордвы в детском возрасте была строго подчинена существующим гендерным стереотипам в традиционной культуре народа. Бытовавшие веками полоролевые предписания оказывали большое влияние на процесс социализации детей и во многом определяли его направленность. Мальчикам и девочкам обществом приписывались определенные характеристики личности. Здесь важную роль играли психические и поведенческие стереотипы, присущие мужчинам и женщинам данной

культуры. У мордвы традиционно маскулинность отождествлялась с доминирующим и активным началом, а феминность – с пассивно-репродуктивным, природным. Эти нормативные представления полярно и иерархически противопоставляют мужчин и женщин. Мужчины доминанты, активны, компетентны; женщины покорны, зависимы и конформны. Все эти качества играли большую роль в контексте трудовой деятельности, когда от мужчины требовалось быть успешным охотником, рыболовом, пахарем, скотоводом, пчеловодом, мастеровым. От удачного осуществления перечисленных умений зависело благосостояние семьи. Женщина должна была уметь прясть, вышивать, ткать; ухаживать за детьми и домашним скотом, готовить, поддерживать порядок в доме, выращивать огородные культуры, а также косить и жать. В традиционном обществе за человеком были строго закреплены семейные и профессиональные роли. Соблюдение этих стереотипов означало благополучное существование не только семьи, но всей общины в целом.

Гендерные стереотипы, отмеченные у мордвы эрзи и мокши, демонстрировали чрезвычайную жизнестойкость. Начиная с младенческого возраста, первичной социализации содействовали родители и родственники, братья и сестры, сверстники, да и вся община. На раннем этапе развития ребенок усваивал основные гендерные стереотипы, которые впоследствии транслировал всю взрослую жизнь. Бытование и преемственность полоролевых стереотипов в сельской общине способствовали их активному воспроизводству из поколения в поколение, сохранению традиционных ценностей мордовской деревни и культуры в целом.

Список литературы:

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
2. Беляева Н.Ф. Влияние традиционно-бытовой культуры на социализацию детей (конец XIX – начало XX в.) // Этнические аспекты современных культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР/ Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 89. Саранск, 1989.
3. Беляева Н.Ф. Традиционные приемы по уходу и воспитанию детей у мордвы (конец XIX – начало XX в.): дис. канд. ист. наук. Саранск, 1986.
4. Беляева Н.Ф. Этнопедагогика // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004.
5. Кандрина И.А. Народные знания и опыт в обрядах деторождения мордвы Республики Мордовия // http://vestnik.tstu.ru/rus/t_17/pdf/17_3_032.pdf.
6. Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004.
7. Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы. Саранск, 2004.
8. Николаев С.Д. Система родства // Мордва Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004.
9. Никонова Л.И. Традиционные способы сохранения здоровья мордвы: дис. канд. ист. наук. Саранск, 1993.

10. Смирнов И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
11. Смирнов Н. Мордовское население Пензенской губ. // Пензенские Епархиальные Ведомости. 1874.
12. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1963.

С.И. Ковальская*

Живопись как источник по изучению повседневности казахского народа XVIII–XIX веков

Данная статья посвящена анализу живописи как источника по изучению повседневности казахского народа XVIII–XIX вв. Визуализация всех сторон жизни современного общества требует расширения источниковой базы изучения истории повседневности. Картины художников разных стран и народов указанного периода как раз помогут восполнить этот пробел. Будучи уникальным историческим источником, наряду с другими, живопись поможет воссоздать картину повседневной жизни казахов-кочевников, панораму кочевого образа жизни, особенностей социальной структуры, поведенческой культуры и т.п.

This article is devoted to the analysis of painting as a source for studying the everyday life of the Kazakh people of the XVIII-XIX centuries. Visualization of all aspects of the modern society life requires expanding the sources of the study of the history of everyday life. The paintings of artists from different countries and peoples of this period will help to fill this gap. Painting being a unique historical source, along with others, will help to recreate the everyday life of Kazakh nomads, the panorama of the nomadic way of life, the features of the social structure, behavioral culture, etc.

Ключевые слова: живопись, исторический источник, казахская степь, повседневность, кочевники

Keywords: painting, historical source, Kazakh steppe, everyday life, nomads

Произведения живописи относятся к визуальному типу исторических источников. Их своеобразие заключается в том, что информация о прошлом, запечатленная в них, преломляется через сознание определенной исторической эпохи и систему мировоззрения авторов произведения, при этом информация зашифрована. Вместе с тем, изобразительные источники также важны при изучении исторической эпохи, как и иные памятники её культуры. Обязательное включение произведений живописи в перечень исторических источников по изучению истории Казахстана, на наш взгляд, очевидно, поскольку специальные работы, посвященные обозначенной теме, на сегодняшний день практически отсутствуют в казахстанской исторической науке.

---

* **Ковальская Светлана Ивановна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Зарождение и развитие казахской тематики в мировом изобразительном искусстве начинается с XVIII в. Первые изображения казахской степи и лиц, её населяющих, появляются у художников – участников различных экспедиций, в том числе и научных. При этом, все они являются представителями различных стран и народов.

Пионером в данном вопросе является Джон Кэстль, который был участником Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова и в 1736 г. впервые посетил казахские кочевья и лично хана Абулхаира. Именно благодаря Кэстлю, который сам себя идентифицирует как англичанина, мы сегодня знаем как выглядел, глазами европейского художника, казахский хан, его жена Бопай и дети, а также некоторые приближенные и слуги хана. Во время своих странствий Кэстль вел «Дневник о добровольно и исключительно ради пользы Русского государства предпринятом в высшей степени необходимом и, хотя опасном, но счастливо совершенном путешествии в 1736 г. из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой татарской орды» [6]. Дневник содержал 13 гравированных иллюстраций-вклеек, изображавших отдельные эпизоды из его путешествия и пребывания в Орде. Впервые данный дневник был опубликован в 1784 г. в Риге на немецком языке, но судьба его была изменчива, как и самого художника. К сожалению, нам крайне мало известно, что стало с художником после его отставки в октябре 1737 г. [8]. Сам же Дневник долгое время был частью книги не имевшей отношения к Казахстану и посвященной истории России начала XVIII в. Подобные источники иногда называют «бездомными».

Ценность работы Кэстля в том, что он, европеец XVIII в., сохранил для потомков описание быта людей, населявших земли Казахстана в прошлом. Несмотря на то, что автор с присущим ему высокомерием и нежеланием вникать в азиатский тип жизни не скрывает недоумения и пренебрежительного отношения к увиденному, тем не менее необходимо быть снисходительным и признательным за те новые крупницы знаний, которыми автор обогатил наши представления о прошлом.

В 1768–1774 гг. были предприняты экспедиции П.С. Палласа, И. Фалька и И.И. Лепехина в Оренбург. Художники, входившие в число участников этих экспедиций Николай Дмитриев, Петр Григорьев, Михайло Шалауров, выполняя задания своих руководителей, также отдавали предпочтение изображению номадов [9, с. 95].

В XIX в. зарисовки были продолжены другими художниками, участвовавшими в различных экспедициях, от академических до военных. Например, Емельян Корнеев (1780–1839), создал ряд зарисовок, позднее изданных в Париже баварским посланником при русском дворе Карлом Рехбергом (1775–1847), которому помогал написать сопроводительный текст к иллюстрациям историк и литератор Ж.-Б. Деппинг. Издание представляло собой два тома, включающих 96 гравюр [5].

Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861) оставил после себя уникальное творческое наследие. Его стихи посвящены Украине, а рисунки, большей частью – Казахстану. Как политическому ссыльному, ему было запрещено писать и рисовать. 10 лет он провел в ссылке. Сначала в Орской крепости, затем в Новопетровском форте. Но как только представилась возможность принять участие в экспедиции Бутакова, по настоянию последнего, Шевченко немедленно вызвался быть художником во время её работы и оставил выдающиеся рисунки и акварели, посвященные быту и жизни казахов. Сохранилось около 400 работ этого периода. Известны его изображения казахов, среди которых самым удачным считается портрет «Казашка Катя» (1856–1857) [2]. В качестве предмета изображения он рисует могилу батыра «Дустановы могилы», оставляет рисунки изображений края во время экспедиции на Аральское море «Кара-букат», «Пожар в степи», «Иргиз-кала», «Джангиз-агач» и др. [12]. Художественное наследие Тараса Шевченко очень велико. Сохранилось 835 произведений, картин, портретов, гравюр на разные темы. К сожалению, более 270 произведений считаются потерянными.

Большая часть рисунков польского ссыльного, друга Тараса Шевченко, Бронислава Залесского (1820–1880) объединена в альбоме «Башкирия, Киргизия и Средняя Азия». В 1851 г. они были командированы вместе с Шевченко в Каратаускую экспедицию. В 1865 г. в Париже был издан его альбом «Жизнь киргизских степей», включивший 22 офорта. Среди опубликованных работ – 12 видов степных укреплений и ландшафтов, жанровые сцены, изображения степных мавзолеев. Этнографический интерес представляет изображение интерьера казахской юрты, сопровождающееся его описанием. Жизнь казахов Б. Залесский изображал в реалистичной манере ("Казахские женщины", "Кладбище Агаспяр (на Мангышлаке)", "Меловые горы на Мангышлаке"). Сохранились воспоминания о том, что казахи с удовольствием позировали художнику. Бронислав Залесский оставил после себя уникальное художественное наследие, так как во многих местах, которые он отобразил, больше не работал ни один художник.

С конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в. увеличивается число литографированных иллюстраций в изданных в России книгах о Средней Азии и Казахстане [1]. Среди художников второй половины XIX в., живших или посетивших степной казахский край, можно назвать такие имена, как А.Ф. Чернышев (1824–1863), Л.В. Попов (1873–1914), а также художников В.В. Верещагина (1842–1904) и Н.Н. Каразина (1842–1908).

Тема Казахстана и Средней Азии была одной из главных в творчестве известного русского живописца В.В. Верещагина, который в 1867 г. был зачислен прапорщиком на службу в распоряжение туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Художник совершил два похода в Туркестан: в 1867–1868 и 1869–1870 гг. Художественные работы о жизни,

быте, военных действиях выставлялись В.В. Верещагиным в Петербурге (1869 г., 1874 г.), а также в Мюнхене. Самым известным его сборником, посвященном изображению народов Средней Азии и казахского народа в том числе, является «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора» [3].

Особое место тема Казахстана занимает в творчестве Николая Николаевича Каразина. Им был выпущен альбом рисунков с кратким путевым очерком «От Оренбурга до Ташкента» [4]. Отдельные иллюстрированные листы отображают жизнь местного населения. Тематика его живописных работ о Казахстане разнообразна (быт, традиции, обычаи казахского народа) – «Казах на верблюде», «Кочевание богатого казахского аула», «Юрта бедняка», «Казах и русский», «Байга» и др.

Список художников XIX в. посвятивших свое творчество казахстанской тематике может быть продолжен именами и картинами И.Е. Репина (1844–1930) – «По следу», С.И. Васильковского (1854–1917) – «Утро. Отара в степи», «Казаки в степи» и других. Выделяется работа Василия Перова «Суд Пугачева», в которой центральное место занимает фигура казаха. Известна также его картина «Портрет казаха». Знаменитый художник Николай Гаврилович Хлудов (1850–1935) все свои значительные произведения создал на казахскую тематику. В его работах – «Прогон скота», «За дровами» жизнь казахов достаточно прописана деталями повседневной жизни.

Отдельного разговора заслуживают живописные труды великого сына казахского народа, ученого-востоковеда – Чокана Чингизовича Валиханова (1832–1865). Чокан Валиханов, будучи незаурядным художником, оставил после себя множество работ, посвященных истории казахского народа, его укладу, быту, традициям [7]. Он рисовал в основном карандашом и тушью, чуть позже стал делать зарисовки акварелью. Его художественное наследие весьма обширно и многопланово. Оно состоит из автоиллюстраций, чертежей и схем. Он является автором большого числа этнографически точных жанровых, портретных и пейзажных зарисовок, иллюстрировавших его научные и путевые дневники.

В 2006 г. в рамках государственной программы «Культурное наследие» в алматинском издательстве «Онер» вышел на трех языках – казахском, русском и английском тиражом две тысячи экземпляров альбом «Казахстан в творчестве художников XIX века», в который вошли почти двести работ [10]. Это итог кропотливой работы по крупицам собранных из произведений художников и скульпторов разных стран позапрошлого века работ, относящихся к Казахстану.

Таким образом, за двухсотлетний период количество визуальных изобразительных источников по казахстанской тематике в творчестве художников существенно увеличивается, и они становятся все более разнообразными по тематике [11]. Путешественники, ученые, исследователи

Казахстана, публиковавшие многочисленные работы по истории жизни казахов и других народов, населявших казахские степи, каждый по-своему оставил свой след и внес свой вклад в формирование наших представлений о прошлом. И если в рисунках XVIII в. преобладало стремление отобразить в первую очередь лица, разнообразие этнических типов и иногда пейзажи, флору и фауну региона. То уже в XIX в. художники стали стремиться передать детали жизни казахов, их быт, одежду, особенности повседневного бытия (условия проживания, способов лечения, социальной структуры) и т.д. История повседневности позволяет заговорить тем, кто остался в истории преимущественно «безымянным» и «безголосым». Живописные произведения художников, содержащие значительный информационный ресурс, должны активнее привлекаться в качестве источников по изучению истории повседневности казахского народа XVIII–XIX вв.

Список литературы:

1. Альбом картин по географии внеевропейских стран. СПб: Тип. Т-ва «Просвещение», 1904.
2. Беисов Т. Т.Г. Шевченко в Казахстане. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во худ. лит., 1952. 72 с.
3. Верещагин В.В. Туркестан: Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства: 26 листов с 106 рисунками. СПб.: в магазине А. Бегрова, 1874.
4. Каразин Н. Н. От Оренбурга до Ташкента. Путевой очерк. СПб., 1886. 12с.
5. Корнеев Е.М. Народы России. Альбом иллюстрация из издания: Рехберг К. Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных народностей Российской империи. Репринтное издание 1812–1813гг. СПб.:Альфарет, 2014. 6 с.; 96 л.ил.
6. Кэстль Д. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. Алматы: ИД «Жибекжолы», 1998. 151 с.
7. Маргулан А. О художественном наследии Чокана Валиханова // Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. Графическое наследие. Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. 143с.
8. Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 133–144.
9. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках / Сост. В.Ф. Гнучева. М.-Л., 1940. С. 95–96.
10. Нурпеисова Г. Вышел в свет альбом «Казахстан в творчестве художников XIX века»// Казахстанская правда, 03 марта 2006года.// <http://www.centrasia.ru/news>.
11. Савинова Т.Н. Степь в изобразительном искусстве XVIII - начала XX века. Ссылка доступа - http://antika.kz/step_v_izobrazitelnom_iskusstve_18- Дата обращения 18.12.2017
12. Чабров Г.Н. Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII – первой пол. XIX вв. / Ташкент, гос. ун -т им. В.И. Ленина: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1966. 36 с.

Микроисторический и макроисторический подходы к изучению межконфессионального взаимодействия на юге Западной Сибири на рубеж XIX–XX вв.

В статье раскрываются преимущества сочетания микроисторического и макроисторического подходов в рамках изучения религиозных процессов. Автор анализирует межконфессиональное взаимодействие на юге Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв., соотносит глобальные макроисторические тенденции с изменениями в повседневной жизни коренного населения. Дается обзор исторических источников изучения повседневности в контексте религиозных трансформаций. Автор делает вывод о необходимости междисциплинарного синтеза результатов исторических, этнографических и музееведческих исследований для понимания взаимосвязей микроисторических и макроисторических процессов.

In the article reveals advantages of combining microhistorical and macrohistorical approaches in the study of religious processes. The author analyzes interconfessional interaction in the south of Western Siberia at the turn of the XIX and XX centuries, correlates global macrohistorical trends with changes in the everyday life of the indigenous population. The review of historical sources of studying everyday life in the context of religious transformations is given. The author makes a conclusion about the need for an interdisciplinary synthesis of the results of historical, ethnographic and museum studies to understand interrelationships of microhistorical and macrohistorical processes.

Ключевые слова: межконфессиональное взаимодействие, механизм распространения религии, синкретизм, микроистория, макроистория.

Keywords: interconfessional interaction, religion dissemination mechanism, syncretism, microhistory, macrohistory.

Проблематика межконфессионального взаимодействия на сегодняшний день становится все более актуальной и востребованной в исследовательском сообществе. В поле зрения историков попадают и детально разрабатываются не только вопросы интерпретации конкретных фактов и соотнесения их между собой, но и ставится проблема поиска методологических подходов, применение которых позволило бы более адекватно реконструировать историческую действительность.

Среди них выделяется микроисторический подход, подразумевающий понимание исторической реальности через изучение конкретных субъектов, действующих в ней, стремление уйти от чрезмерной обобщенности и схематизации исторических процессов, от восприятия этносоциальных

---

* **Насонов Александр Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры.

общностей как безликих масс. Как отмечает И.В. Побережников, микроистория не концентрируется на «мелочах», а позволяет увидеть преломление процессов «в определенной точке реальной жизни» [5, с. 8].

На сегодняшний день применение микроисторического подхода востребовано для анализа религиозных процессов. Это продиктовано тем, что традиционно исследования в этой области велись с позиции макроисторического подхода. Последний до сих пор позволяет охарактеризовать процессы распространения вероучения из очага ее зарождения на новые территории, оформление региональных форм мировых религий, становления конфессиональных иерархий, взаимодействие между церковными институтами и светскими властями, а также многое другое. Однако при более детальном исследовании религиозных процессов требуется привлечение специфических методологического инструментария, в качестве которого выступает микроисторический подход. В частности характеристика структурных элементов механизма распространения религии невозможна без использования микроанализа. По мнению Д.С. Конькова, микроанализ позволяет верифицировать макроисторические концепции, сопоставить ряд типологически уподобляемых друг другу ситуаций [4, с. 46]. В контексте историко-религиоведческих исследований применение микроисторического подхода дает возможность определить, каким образом обritte тенденции религиозных трансформаций проявились в конкретных практиках бытовой обрядности, в какой мере изменились функции основных отправителей и участников культов. Кроме того, микроистория иллюстрирует специфику восприятия духовных новаций традиционным сознанием, складывание синкретических форм, сочетание религиозно-мировоззренческих с социально-политическими и хозяйственными мотивами деятельности, влияние религиозных запретов на повседневность.

В сочетании методологических приемов макроисторического и микроисторического подходов могут быть рассмотрены проблемы межконфессионального взаимодействия на юге Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. К сегодняшнему дню ценный исследовательский опыт накоплен в общеисторических изысканиях, в которых преимущественно используется макроисторический подход, и в этнографии, где, исходя из специфики, микроанализ применяется для изучения объектов духовной и материальной культуры. При этом основной проблемой является отсутствие корреляции между результатами исследований данных наук.

Комплекс причин определил, что к концу XIX в. на юге Западной Сибири активизировалась проповедническая деятельность представителей нескольких направлений мировых религий: православие распространялось усилиями Алтайской духовной миссии, к этому моменту накопившей опыт работы с коренным населением, а с сопредельных монгольских территорий, вследствие постепенной утраты контроля Цинской империей за своими окраинами, возросло воздействие буддизма. Макроуровень исторических

процессов, таким образом, можно охарактеризовать как процесс наложения векторов распространения мировых религий, осложняемый вероисповедной, социально-политической и экономической политикой имперских властей России.

Покровительство со стороны государственных органов оказывалось православным функционерам, поскольку оно являлось проводником оседлого образа жизни. Появление еще одной национальной окраины с буддийским населением в планы государство не входило, поэтому проповедническая активность монгольских лам пресекалась. Однако исторические обстоятельства, заключающиеся в специфике развития религиозных представлений коренного населения, базирующихся на анимистической основе и переосмысляющих шаманские ритуальные практики, в более раннем знакомстве с буддийскими постулатами при сохраняющемся взаимодействии с этносами Центральной Азии, определили становление и развитие синкретического бурханистского движения на Алтае. Детальное понимание особенностей данного религиозного явления, ставшего ведущим в развитии религиозного сознания в регионе, невозможно без обращения к методологическим приемам микроисторического подхода.

Рубеж XIX–XX вв. стал периодом расцвета российской классической этнографии. Исследования в этой области в большей мере отражали изменения в повседневности, поскольку специфика их проведения заключалась в получении сведений от информаторов, непосредственных носителей традиционной культуры. Примером таких изысканий была полевая работа А.В. Анохина. В частности в кратком сообщении о посещении алтайцев летом 1914 г. исследователь обращает внимание на явный антагонизм между приверженцами прежних шаманских ритуалов и неопитами бурханизма. А.В. Анохин сообщал, что в обыденном разговоре бурханист называл шаманиста по-алтайски «проклятый», шаманист – бурханиста «презренный», «бунтовщик». Кроме того, если шаманист находился в юрте бурханиста, то после его ухода производился очистительный ритуал: место, где он сидел, окуривали можжевеловым [6, л. 3].

Схожие изменения в повседневной жизни представителей коренного населения, воспринявших установки бурханизма, фиксировал В.Я. Шишков. На страницах сибирской периодической печати он указывал на изменение формы приветствия, на отрицательное отношение бурханистов к пьянству и курению [8, с. 3]. Фактически им наблюдалось формирование религиозного запрета.

В целом переход бурханистов к коллективным символическим культовым действиям подробно описывали в отчетах служители Алтайской духовной миссии [1; 2]. Схожие черты фиксировал у бачатских телеутов этнограф А.Г. Данилин [7, л. 63].

Современный исследователь Т.И. Кимеева обратила внимание на то, что межконфессиональное взаимодействие нашло свое яркое проявление в ежедневной культовой практике, о чем позволяют судить материалы музейных коллекций [3, с. 163–164].

Сопоставительный анализ данных исторических источников и результатов исследований в целом позволяет сделать вывод о том, что на юге Западной Сибири, в особенности на Алтае, проявились типичные черты механизма распространения буддизма. В повседневной жизни коренного населения это явление выразилось в табуировании кровавых жертвоприношений шаманских ритуалов и постепенной трансформации системы представлений о пантеоне богов.

Таким образом, в исторической науке накоплены материалы по межконфессиональному взаимодействию на юге Западной Сибири, позволяющие установить непосредственную взаимосвязь между макропроцессами и трансформациями на уровне повседневной жизни. Однако при этом отсутствует необходимый междисциплинарный синтез результатов исторических, этнографических и музееведческих исследований, который позволил бы более детально воссоздать проявления отдельных тенденций религиозной ситуации на рубеже XIX–XX вв.

Список литературы:

1. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 85.
2. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
3. Кимеева Т.И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 295 с.
4. Коньков Д.С. Микроанализ как метод верификации макроисторической концепции: возможности применения // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2 (9). С. 44–46.
5. Побережников И.В. Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8–13.
6. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 148. Оп. 1. Д. 80.
7. СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 101.
8. Шишков В.Я. По Чуйскому тракту // Сибирская жизнь. 1913. № 154. 14 июля. С. 3.

Мусульманские представители в общественных учреждениях г. Симбирска в последней трети XIX – начале XX вв.

Работа по выявлению значимых имен симбирских татар выполнена на основе Памятных книжек и Адрес-календарей Симбирской губернии (1860–1916). По данным источникам прослеживается участие мусульманских представителей в органах управления и в общественной жизни губернского центра.

The purpose of this paper is to identify significant names of Simbirsk Tatars who have contributed to the development of the national community in late 19th – early 20th century. The paper is based on extant editions of Reference books and Address-calendars published in Simbirsk province (1860-1916). These sources provide information on the settlement of Mohammedan inhabitants and participation of their representatives in the public life of the province.

Ключевые слова: симбирские татары-дворяне, татары-купцы, органы управления.

Key words: Simbirsk Tatar nobles, Tatar merchants, self-government bodies.

Памятные книжки, Статистические обозрения и Адрес-календари Симбирской губернии являются официальными *справочными источниками*, содержащими сведения о структуре государственных и общественных учреждений, а также сведения о повседневной жизни губернии. Всего сохранилось 24 выпуска.

В исследуемый период 1860–1916 годы число жителей Симбирской губернии постоянно росло, а вместе с ним и число мусульман выросло с 6,5% до 9,5% от общего населения губернии. В г. Симбирске татарское население также заметно увеличилось с 1,3% до 6,15%, что говорит о росте значения губернского центра.

Симбирские татары-дворяне

Первые поместья «служилых татар» находились на территории нескольких уездов Симбирской губернии. В Государственном архиве Ульяновской области сохранился список из 50 татарских фамилий, наделённых поместной землёй: «В июне 1690 года в Симбирском уезде из порожних земель выделены поместья мурзе Умралею Степанову сыну Мамалаеву 100 четвертей, а товарищам его 49 человекам, по 50... И лес, и угодыя отказать (т.е. «узаконить» – прим. автора) им всем вообще в поместья и со всеми угодыя» [8, с. 167–188]. Данный список является уникальным источником образования татарской части симбирского дворянства. За два

---

* **Вильданова Рамзия Камильевна**, кандидат исторических наук, помощник президента, Ульяновский государственный университет.

века численность национального дворянства значительно сократилась вследствие стремления власти к христианизации «инородцев». «Семьи, принявшие крещение остались в дворянских родословных книгах, а семьи, сохранившие мусульманство и обедневшие, остались государственными крестьянами и не могли представить доказательств, удовлетворявших Герольдию (хотя теоретически сохраняли право дальнейшего доказательства дворянства)» [4, с. 9]. Один из примеров – древняя ветвь Тенишевых (Исеша, Емаша, Сафар), впоследствии принявшая христианство и сохранившая дворянский титул в отличие от своих мусульманских родственников [3, л. 13 об. –14].

К началу XX в. среди большого числа симбирских дворян процент татар был ничтожен, и скорее всего, мусульмане были личными дворянами, получившими титул за собственные гражданские заслуги, ордена. В дореволюционный период в родословных книгах числились мусульмане Алеевы, Исаковы, Шариповы. Дворянами других губерний значились Х.Х. Ассанович [6, 1910, с. 56], М.А. Еникеев и М.В. Еникеева [2, № 963, 623].

Татары-дворяне не обладали высоким экономическим статусом в своей общине, но отличались уровнем образования, владели русским языком и некоторые из них были представлены в учреждениях губернского центра. Так, Абдул Салихович Еникеев – губернский секретарь [6, 1868, с. 42], коллежский секретарь казенной палаты Министерства финансов [6, 1869, с. 48]; казначей, надворный советник Буинского уездного казначейства [6, 1875, с. 213; 1877, с. 60]; Ибрагим Абдуллоевич Еникеев – коллежский регистратор казенной палаты Министерства финансов [6, 1901–1902, с. 84]; Хусайн Хасанович Ассанович, гласный городской думы, член исполнительной училищной комиссии при городской управе [6, 1910, с. 37].

Татарское духовенство

Духовенство также можно отнести к привилегированному сословию. В 1914 г. в губернии насчитывалось около 11 тыс. православных священников и 859 представителей магометанского духовенства. В городе Симбирске была одна мечеть и 4 представителя духовного сословия. Это род указного муллы Абдул Вели Гафарова, наиболее стабильно представленный в Памятных книжках. С 1868 г. он являлся действительным членом статистического комитета Губернского по крестьянским делам присутствия [6, 1868, с. 42]. В конце 1880-х гг. его на этом посту традиционно сменил сын. Ахун Мухамет-Шакир Велиуллоевич Гафаров руководил медресе при мечети, в 1893 г. ему была пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте. Известно, что в 1904 г. мулла М.Ш. Гафаров работал также законоучителем в Симбирском кадетском корпусе, что говорит о некотором количестве обучавшихся в нём кадетов-мусульман. В 1912 г. должность члена статистического комитета перешла к мулле Абдул Кариму Гафарову. Таким образом, фамилия

Гафаровых до самой революции представляла магометанское вероисповедание в Духовном ведомстве губернии.

Татары-купцы

Купечество в 1860-е гг. составляло незначительный процент населения Симбирского края и насчитывало в трёх гильдиях 460 чел., в 1880–1890-е г. численность его увеличилась и достигла максимальной величины – свыше 700 чел. В последующий период эта цифра несколько снизилась, а затем (на рубеже и в первое десятилетие XX в.) стабилизировалась в пределах 500–600 чел. [1, с. 15]. Купцы составляли наиболее активную в экономическом отношении часть населения и подпитывались выходцами из других сословий. На протяжении XIX в. в гильдейское купечество записывались дворяне, бывшие чиновники, государственные крестьяне. Татары занимали значительное место в торговой и предпринимательской сфере губернии, так в 1868 г. из 141 симбирского купца 1–2 гильдии 37 были татарами. За более чем полуторавековой период существования образ купца изменился до неузнаваемости. В конце XVIII в. купеческое сословие состояло из торгующего крестьянства, в большинстве неграмотного, не умевшего подписывать купчие крепости и другие финансовые документы, работавшего под «честное купеческое слово». Гораздо дальше пошли их дети. Второе и третье поколение купцов и промышленников, работавших в конце XIX – начале XX вв., было образованным, активным, предприимчивым, легко впитывало западный опыт и идеи. Ручное деревенское производство они заменили машинной техникой, вышли со своими товарами на мировой рынок. Татарские купцы участвовали в общественной жизни губернского центра и до 1918 г. были движущей силой татарской общины, вкладывая средства в её развитие. «Городовое положение» 1870 года ввело городские думы (законодательный орган) и управы (исполнительный орган). По закону (имущественному цензу) избирательные права принадлежали состоятельным гражданам, владельцам недвижимостью или предприятиями, торговцам и купцам. В Симбирской городской думе большинство гласных были представителям гильдейского купечества, но татарские фамилии в Думе появились лишь с 1909 г.

По данным Памятных книжек наибольшее число татарских фамилий, занятых в работе тех или иных симбирских учреждений принадлежало купечеству. Этот список начинается с середины 1870-х гг. с фамилий многочисленной семьи Акчуриных. В Памятной книжке 1875 г. действительным членом губернского статистического комитета становится Андрей Семёнович (Абдрашит Сулейманович – В.Р.) Акчурин, а гласным от Карсунского уезда в губернской земской управе избран Тимофей (Тимербулат – В.Р.) Курамшевич Акчурин. Кроме того, членом учётного и ссудного комитетов Симбирского отделения Госбанка, а также членом правления симбирского Общества взаимного кредита до своей смерти в 1878

г. являлся Хасан Сулейманович Акчурин. Все они крупные землевладельцы, купцы 1 гильдии, потомственные почётные граждане, владельцы суконных фабрик в д. Самайкино, д. Ляховке, с. Гурьевке, «Торгового дома вдова Акчурина с сыновьями» в Симбирске.

В 1880-е гг. представительство татар в общественных органах управления сводится к члену статистического комитета А.В. Гафарову. Лишь в 1889 г. в Симбирском губернском податном присутствии от Карсунского земства вновь появляется фамилия Тимербулата Курамшевича Акчурина.

О 1890-х годах судить трудно, т.к. Памятные книги за этот период не сохранились. Начало XX в. в Симбирской губернии отличалось интенсивным развитием, города разрастались, значительно увеличилось количество ведомств, органов управления, банков, частных кредитных учреждений. К прежним татарским суконным фабрикам Акчуриных, Алеева и Хусаинова добавились новые промышленные предприятия: суконные фабрики Б.Ш. Юсупова, А.А. Агишева, Х.Ф. Трегулова, У.А. Кильдеева, мыловаренные заводы И.А. Алимова, позже М.М. Тенишева, лесопильный и чугунно-литейный заводы Акчуриных, Тенишевых. В списке крупных землевладельцев губернии появились новые фамилии И.Х. Алеева и Ш.Г. Муллина. Активизировалась деятельность в татарских общинах, шел процесс создания мусульманских благотворительных обществ, в губернии росло число мечетей и мектебов. Становится популярным коммерческое образование. Впервые в Симбирском коммерческом училище нештатным преподавателем правил магометанского вероучения был назначен Мирзасалих Нугайбеков, который проработал в училище до 1917 г.

1900-е годы характеризуются сменой поколений в татарской элите и появлением новых имён. В первую очередь это Якуб Тимербулатович Акчурин, избранный членом губернского по фабричным делам присутствия. Материалы Памятной книжки 1910 г. впервые дают сведения о татарах-гласных городской думы XI-четырёхлетия (1909–1912 гг.): Хусаин Хасанович Ассанович (училищная, ревизионная, по выработке системы счетоводства комиссии), Карим Шамшетдинович Абушаев (санитарная и ломбардная комиссии), Шигабутдин Гафарович Гафаров (ярмарочная, больничная комиссии). Таким образом, из 44 гласных и 9 кандидатов Симбирской городской думы трое были татарами. Здесь уместно более подробно охарактеризовать новых гласных Симбирской Думы. О дворянине Х.Х. Ассановиче было сказано выше. К.Ш. Абушаев – выходец из известной семьи купца 2 гильдии Ш. Абушаева, которая занималась торговлей, плодоводством и сельским хозяйством, за что имела награды. Карим Шамшетдинович был также коннозаводчиком, владел магазинами «Китайских чаёв, сахара и кофе Ш. Абушаева», занимался благотворительностью. К 1917 г. Карим Абушаев подтвердил свою успешную деятельность и стал купцом 1 гильдии. Также гласным из татар

был симбирский купец Ш.Г. Гафаров, учредитель мусульманского общества Симбирского уезда (1908–1909). Надо сказать, что татарские представители в Симбирской городской Думе в разные периоды работы большой активности не проявляли, вопросов, касающихся национальной жизни не поднимали. Самым добросовестным гласным был К.Ш. Абушаев, но и он из 130 заседаний посетил лишь 35 [7, с. 17]. Скорее всего, татарские купцы не видели в думе пользы для татарской общины и самостоятельно решали её проблемы, лишь по мере необходимости участвуя в решении общегородских задач.

Кроме гласных городской думы в Памятных книжках и Адрес-календарях появляются и другие татарские фамилии. Личный почётный гражданин Мухамет Тенишев был членом Комитета (учетно-ссудного по кредитам торговым и промышленным предприятиям) Симбирского отделения Госбанка, а Мубин Тенишев – членом учётного комитета Симбирского отделения Волжско-Камского коммерческого банка. Мубин и его отец Мухамедзян Тенишевы многие годы вели дела и были доверенными купца Тимербулата Акчурина. Кроме того, братья Тенишевы владели мыловаренным заводом в г. Симбирске, а позже чугунно-литейным и механическим заводом в Симбирском уезде.

В последний дореволюционный период, в 1910-е гг. в органах самоуправления сохраняли свое участие Я.Т. Акчурин, К.Ш. Абушаев, А.К. Гафаров, М.М. Тенишев. В новый же состав городской думы XII-четырёхлетия вновь были избраны 3 татарина: Ибрагим Курамшевич Акчурин, Зариф Серазетдинович Бахтеев, Абдул Кадыр Гафарович Гафаров. И.К. Акчурин также представлял городскую думу в Общем присутствии Казённой палаты по промысловому налогу. Это был наилучший состав татарских представителей, когда в симбирской думе стали рассматриваться общественные проблемы татар: об отводе места для постройки мусульманской школы (1912), о назначении пособия на содержание мусульманской школы (1914), о постройке лавок под торговлю мясом для мусульман (1915), о выделении денежного пособия на содержание мусульманских школ (1917), об открытии мусульманских школ (1917) [7].

О гласных можно сказать следующее. Имя И.К. Акчурина как общественного деятеля широко известно. Он закончил Симбирский кадетский корпус, владел несколькими иностранными языками, принимал активное участие в татарском национальном движении, был представлен на съездах партии «Иттифак аль-муслимин». О высоком авторитете Ибрагима Акчурина в мусульманском мире Российской Империи говорит и тот факт, что в июне 1915 г. он был кандидатом на должность муфтия России. З.С. Бахтеев – человек нового поколения татарских деловых людей, активно проявивший себя как в бизнесе, так и в общественной деятельности. В 1911 г. Бахтеевы вошли в «Общество суконных фабрикантов России», объединивших 46 крупных представителей отрасли [5, с. 15]. Зариф Бахтеев

ратовал за светское образование для мусульман, в том числе для девочек. Татарские «думцы» добились государственного субсидирования татарской школы, а Зариф Бахтеев стал председателем совета школы [9, с. 50–56]. Он участвовал в создании Симбирского благотворительного мусульманского общества, призванного поддерживать начинания в сфере культуры, образования и духовной жизни. О гласном думы А.-К.Г. Гафарове известно пока мало. Он был выходцем из состоятельного торгового крестьянства, коммерсантом, активным членом Симбирского мусульманского общества. Летом 1918 г. А.К. Гафаров был введён в городскую управу, вошёл в список кандидатов от партии «Союз возрождения России», но выборы в симбирскую думу тогда провалились. Татарские купцы выполняли общественные нагрузки, например, назначались присяжными заседателями (Шарипов, Мангушев, Насыров, Рафиков и др.), занимались сами и привлекали других к участию в мусульманских обществах (Ассанович, Хусаинов, Хамидуллин, Еникеев, Ишуков и др.), стремились к получению за работу наград и почётных званий. Представители купечества активно поддерживали национально-просветительскую деятельность, что на тот момент было первостепенной задачей в развитии татарской общины.

Итогом проделанной работы является вывод о том, что татарские фамилии в правительственных, сословных и общественных учреждениях Симбирска встречались довольно редко. Связано это было с привычной обособленностью жизни татарских общин, преобладающим в них конфессиональным образованием и слабым владением русским языком большинства населения. Однако, татарское купечество стремилось к открытости и дальнейшему включению населения в общероссийское правовое поле и деловую жизнь. Вместе с тем именно купцы, вкладывая свои средства в образование, благотворительность и поддержку духовенства способствовали сохранению этнической самобытности, становлению и развитию собственных национальных институтов.

Список литературы:

1. Галимова Л.Н. Мир провинциального купечества. Купечество города Симбирска во второй половине XIX-начале XX века: социально-бытовой аспект. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 224 с.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 137. О. 35. Д. 564, 565. Раскладочные ведомости налога с недвижимых имуществ города Симбирска на 1915 год.
3. ГАУО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 362.
4. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем, 1999. 355 с.
5. Ефимов Ю.Д. Очерки истории суконной промышленности Симбирской губернии конца XIX начала XX вв. Ульяновск: Стержень, 1993. 66 с.
6. Календари и памятные книжки Симбирской губернии (1863–1916 гг.). Симбирск. губ. стат. комитет. Симбирск: Симбирская губернская типография.

7. Краткий обзор деятельности Симбирской городской думы в 1909–1912 гг. (XI–четырёхлетие). Симбирск: тип. Балакирищикова, 1913. – 53 с.

8. Новеньков К.И. Земельный вопрос служилых татар д. Старое Тимошкино Симбирской губернии в XVIII–XIX вв. / Юсуф Акчура и симбирские купцы Акчурины: сб. статей. Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2017. 336 с.

9. Таиров Н.И. Татарские предприниматели и школьное образование в Поволжье и Приуралье // Новый исторический вестник. 2008. № 18.

С.Н. Филлимончик*

Карельская ассоциация пролетарских писателей (1926–1932)

Карельская ассоциация пролетарских писателей охарактеризована в данной статье как важная форма коммуникации пролетарской власти и готовой к сотрудничеству с ней интеллигенции в просветительских целях и для решения политических и идеологических задач. Большую помощь и даже покровительство литераторы Карелии получали от Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. Важными формами взаимодействия стали участие в первых литературно-художественных журналах, в литературных кружках и диспутах, творческие командировки. Далеко не все члены организации обладали художественным даром, в то же время членство в ассоциации помогло подготовить и опубликовать свои первые произведения целому ряду талантливых поэтов и прозаиков. Активисты Карельской ассоциации пролетарских писателей, финны по национальности, составили ядро Союза советских писателей Карелии, созданного в 1934 г., но были репрессированы в период «национальных операций» 1937–1938 гг.

Association's direction. During this period, there was an increase of the number of AUCP (b) full or candidate among the Association members. Leningrad Association of Proletarian Writers gave their Karelian colleagues great support and even patronage. Chief among forms of cooperation were participation in the first literary and art magazines, literary circles and debates, creative travel. Not every member of the organization had an artistic gift. This said, being a membership of the Association had enabled a number of talented poets and fiction writers to complete and publish their first works. Ethnic Finns among the activists of the Karelian Association of Proletarian Writers have formed the core of the Union of Soviet Writers of Karelia established in 1934. However, during the "national operations" of 1937–1938 its members were either executed or jailed.

Ключевые слова: Карельская ассоциация пролетарских писателей, художественная литература, идеология, просвещение, литературный журнал

Keywords: Karelian Association of Proletarian Writers, fiction, ideology, education, literary magazine

В 1920-е – начале 1930-х гг. в России действовали различные художественные группы и объединения. Всероссийская ассоциация

---

* **Филлимончик Светлана Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет

пролетарских писателей (ВАПП), Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей отличались тем, что ратовали за классовый подход в литературе, в будущем видели её созданной пролетариями и для пролетариев. Ассоциации строились на основе сотрудничества самостоятельных литературных объединений в республиках и областях РСФСР. Литераторов Севера-Запада России стремилась сплотить Ленинградская ассоциация пролетарских писателей (ЛАПП). В её составе действовали 7 национальных секций, в том числе финская секция. История региональных организаций пролетарских писателей, их взаимодействие друг с другом не получили пока должного освещения в работах историков. Автор данной статьи ставит задачей охарактеризовать деятельность Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), её взаимодействие с ЛАПП и показать роль этого сотрудничества в общественной жизни Карелии в 1920–1930-е гг.

В 1920-е гг. при республиканской газете «Красная Карелия» неоднократно создавались литературные объединения, однако они быстро распались. Появившийся в мае 1926 г. литературный кружок, казалось, ждала та же участь. Однако участники кружка решились выйти за стены редакции, установили связь с ВАПП, получили её поддержку. 8 июля 1926 г. участники кружка обсудили устав ВАПП и решили создать Карельскую ассоциацию пролетарских писателей. Её целью признавалось «создание крепкого отряда пролетарских писателей, ведущих борьбу за гегемонию пролетарской литературы» [7].

В 1926 г. в ассоциацию входило 17, а в 1932 г – уже 90 литераторов. Большинство составляли финны и карелы по национальности. Весомым было партийное представительство: в Ребольской ячейке большинство являлось членами или кандидатами в члены ВКП(б), в Кондопоге – каждый третий. Ячейка КАПП в Петрозаводске насчитывала 35 чел., из них 27 являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б) [12, л. 38]. С первых шагов КАПП стремилась наладить тесное сотрудничество с властью, координировала свою работу с государственными структурами. Для помощи начинающим литераторам регулярно проводились лекции и доклады и даже субботники – так называли коллективные обсуждения литературных произведений. На субботник собиралось до сотни человек.

Литераторы Карелии установили связь с Ленинградской ассоциацией пролетарских писателей. В июле 1929 г. в Петрозаводске побывали писатели Юрий Либединский, Михаил Чумандрин, литературный критик Анатолий Камегулов. В течение 10 дней они провели несколько литературных вечеров, встретились с рабочими Онегавода, Мурманской железной дороги, съездили на Кондопожскую бумажную фабрику. В публичной библиотеке состоялась творческая встреча с активом КАПП [8]. В 1930 г. Ялмари Виртанен и Федор Ивачев были избраны в состав правления ЛАПП. В свою очередь Юрий Либединский вошел в состав правления КАПП [11, с. 173].

Один из руководителей ЛАПП Михаил Чумандрин познакомил А.М. Горького с творчеством Виртанена. Горький написал предисловие к первому сборнику поэта, вышедшему в Ленинграде в 1930 г.

Ленинградская и Карельская ассоциации пролетарских писателей тесно взаимодействовали при издании журналов. Члены КАПП сотрудничали с литературно-художественным журналом на финском языке «*Soihtu*» («Факел»), вышедшем в Ленинграде в 1927–1930 гг. В нем активно публиковались Леа Хело (30 публикаций), Рагнар Руско (14 публикаций) и др. В это время в РАПП шли ярые споры об искусстве будущего, о творческих методах пролетарских писателей, о концепции личности. В «*Soihtu*» сначала активно отстаивались суждения о важности изображения в искусстве «живого человека», мира его души. В ходе дискуссии лозунг «за живого человека в литературе» был отброшен, стала доминировать позиция, что «копанье в душе» – просто отрыв от масс. Так, Рагнар Руско прямолинейно утверждал: «Мы должны описывать, изображать и воспевать индустриализацию, пятилетний план, коллективизацию» [2, с. 41].

Началось издание первых литературно-художественных журналов в Карелии, и члены КАПП составили их авторское ядро. С 1928 г. финская секция КАПП издавала в Петрозаводске журнал «*Punakantele*». В декабре 1930 г. «*Punakantele*», сохранив свое название, объединился с «*Soihtu*» и стал издаваться в Ленинграде. Теперь журнал совместно «вели» финские секции КАПП и ЛАПП, хотя организовать спаянную работу оказалось непросто. Возникло много разногласий: ленинградцы упрекали петрозаводчан в недостаточной активности, те критику воспринимали как «выпады против КАПП» [2, с. 57]. В 1932 г., подчеркивая стремление участвовать в «социалистическом штурме», журнал переименовали в «*Rintama*» («Фронт»).

В 1931 г. появилось свое печатное издание у русской секции КАПП – журнал «Ударник слова». Главной задачей издания было освещать ход социалистического строительства в Карелии. Больше всего присылали в редакцию стихов на злободневные темы. Художественный уровень этих текстов был низким, а советы литературных консультантов сводились, в основном, к призыву повышать политический уровень. Так, А. Беломорскому, приславшему стихи о всеобуче, редакция советовала «овладеть марксистско-ленинской идеологией, чтобы не писать бесклассовые стихи» [18, с. 17].

В сентябре 1929 г. и в феврале 1931 г. прошли Всекарельские конференции пролетарских писателей [11, с. 426]. На них были заслушаны доклады о работе финской, карельской и русской секций КАПП, о подготовке кадров драматургов, о развитии литературных кружков. В работе конференций участвовали ленинградские писатели Юрий Либединский, Виссарион Саянов, Михаил Чумандрин и др.

Большое внимание на конференциях было уделено «разбору творчества» членов ассоциации. Рьяно («с большевистской прямой») разоблачались идеологические уклоны [9]. Во время коллективизации строже всего оценивали то, как описывалась жизнь советской деревни. Особо досталось самым активным членам ассоциации. В 1930–1931 гг. издательство «Кирия» опубликовало два поэтических сборника ингерманландца Леа Хело (наст. имя Тобиас Гуттари). Он учительствовал в сельской глубинке, преподавал в совпартшколе. Как и многие молодые учителя стал активным общественником: создавал комсомольские ячейки, был членом сельсовета. В 1929 г. принят переводчиком в редакцию «Красной Карелии», затем заведовал деревенским отделом в республиканской газете «Пунайнен Карьяла». В 1930 г. вступил в партию. В 1927 г. опубликованы его первые стихи, а в 1930 г. Леа Хело уже назначен редактором «Punakantele» [13, л. 64]. Лирику поэта отличали доверительность и изысканность интонаций, с сочувствием описывая традиционный крестьянский уклад, он приветствовал ростки нового в жизни земляков [1, с. 48–108]. Однако Леа Хело был обвинен в том, что «неверно» описывал жизнь советского учителя, подчеркивал трудности сельского быта и формировал у читателя чувства безысходности и беспросветности.

Резкой критике КАПП подвергся Лаури Луото. Он вырос в Финляндии, несколько лет работал лесорубом и шахтером в Америке, вернувшись на родину, включился в рабочее движение, после поражения Финляндской революции 1918 г. эмигрировал в Россию. В 1925–1929 гг. Лаури Луото издал в Америке 4 книги, в том числе трилогию о Финляндской революции. Он первым попытался художественно осмыслить это переломное событие в жизни своего поколения. Революция предстает в его произведениях как мощная стихия, суровое испытание. Автор надеется преодолеть социальные противоречия через возвращение к традициям крестьянской жизни, к единению с природой, нравственное самосовершенствование [5, с. 75]. В вину писателю ставилось то, что он представил в своих книгах крестьянское, а не пролетарское видение революционной эпохи [18, с. 12].

Взаимная заинтересованность литераторов и управленческой элиты вызвала к жизни такую форму взаимодействия как встречи писателей с руководителями республики. В ноябре 1931 г. членов КАПП и бригаду писателей из Ленинграда приняли Председатель правительства Карельской АССР Э. Гюллинг и первый секретарь обкома ВКП(б) Г. Ровио. Они сформулировали перед литераторами задачу: представить историю Гражданской войны и ход социалистического строительства в Карелии [10].

Ленинградские и карельские писатели совершили поездку по Карелии, посетили ведущие промышленные предприятия. Через несколько месяцев вышел в свет альманах «Зеленый фронт» (1932). В очерке редактора республиканской газеты «Комсомолец Карелии» Сергея Норина (наст.

фамилия Хряпин) «Ожившие горы» рассказывается о жизни трудового коллектива Онежских разработок диабаз в вепском селе Рыбрека. Показаны бытовые неурядицы начала 1930-х гг.: низкие заработки, нехватка одежды и обуви, отсутствие жилья. Опасаясь сокращений, горняки выступают против камнекольных машин из Швеции, и даже устраивают забастовку. Однако в очерке проблемы решаются, благодаря правильным управленческим решениям, воле коммунистов и энтузиазму рабочих масс: «На шестой день люди вышли снова на гору, убежденные партийной ячейкой, умевшей не только руководить добычей серого камня, но и руководить людьми, которые иногда становились неподатливой диабаз» [15, с. 19].

Одной из первых попыток художественного осмысления истории Гражданской войны в Карелии стала повесть А. Линевского «Партизаны Северного Беломорья» (1932). Она написана на основе собранных писателем в Беломорской Карелии воспоминаний участников борьбы с интервентами. За связь с партизанами интервенты сжигали деревни, и местные жители часто отказывались помогать партизанам. Поздней осенью 1919 г. партизанский отряд беломорских рыбаков ушел на юг Карелии, подконтрольный «красным». Основное внимание Линевский уделил этому тяжелому и опасному походу. Критикой повесть была встречена настороженно, партизанский отряд в ней сочли анархистским, дезорганизованным [14. л. 65]. А.М. Линевский отбивался от оппонентов, указывая, что стремился избежать шаблонов: «Каждый отряд имел что-то свое» [14, л. 261].

Несмотря на то, что руководители ассоциаций пролетарских писателей призывали сплотиться вокруг указаний партии, создать «Магнитострой литературы», в 1932 г. ассоциации были распущены. Одновременно прекращалась деятельность других литературных организаций. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило писателям объединиться в единый Союз, чтобы теснее связать литературное творчество с актуальными задачами современности. В июне 1934 г. был создан Союз советских писателей Карелии. Членами Союза стали 8 литераторов: Я. Виртанен, Л. Луото, Х. Тихля, Э. Паррас, О. Иоганссон, Р. Руско, Ф. Ивачев, У. Руханен [13, л. 1]. Только двое из них не включены в списки членов КАПП, в начале 1930-х гг. они жили за пределами Карелии: Э. Паррас в Америке, У. Руханен в Ленинграде. Остальные члены Союза советских писателей Карелии активно работали в КАПП [19, с. 52]. До середины 1930-х гг. они определяли ход литературного процесса в республике, однако в период сталинских репрессий членство в КАПП и тесная связь с ЛАПП стали достаточным основанием для их гонений.

Список литературы:

1. Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии. Т. 2. СПб., 1997. 244 с.
2. Алто Э.Л. Советские финноязычные журналы 1920–1980. Петрозаводск, 1989. 163 с.
3. Афанасьева А.И. Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. Петрозаводск, 1983. 238 с.
4. Афанасьева А.И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск, 1989. 277 с.
5. История литературы Карелии. Т. 3. / ред. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2000. 458 с.
6. Кангаспуро М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / отв. ред. Т. Вихавайнен, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 123–160.
7. Красная Карелия. 1926. 10 июля
8. Красная Карелия. 1929. 13 июля.
9. Красная Карелия. 1931. 7 ноября.
10. Красная Карелия. 1931. 14 ноября.
11. Летопись литературной жизни Карелии / сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963. 510 с.
12. Национальный Архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3. Оп. 3. Д. 123/99.
13. НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 181/365.
14. НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1.
15. Норин С. Ожившие горы // Зеленый фронт. Л., 1932. С. 10–29.
16. Очерк истории советской литературы Карелии. / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. 373 с.
17. Писатели Карелии: библиографический словарь. Петрозаводск, 2006. 304 с.
18. Ударник слова. 1931. № 1.
19. Филимончик С. Н. Деятельность Союза советских писателей Карелии в 1930-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7. С. 49–56.
20. Шешуков С. И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов М., 1984. 349 с.
21. Юликангас М. «Равняйте ряды!» Писатели и власть в Советской Карелии в 1920–1930-х годах // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 406–473.

Одна семейная летопись или укоренение германского рода в России

Продвижение лютеранства в Россию с Северо-Запада. Род теолога Авенариуса из Германии в шведской Финляндии. Дальнейшее укоренение Авенариусов в России. Служение лютеранской церкви, затем переход к светским специальностям (писатели, инженеры, преподаватели).

Motion of Lutheranism from the North-West to Russia. The kind of theologian Avenarius moved (emigrated) from Germany in Swedish Finland. Further to take rooting of Avenarius in Russia. The church service of the Lutheran, then transition to secular specialties (writers, engineers, teachers).

Ключевые слова: Авенариусы ; Санкт-Петербург; Лютеранство

Key words: Avenarius; St. Petersburg; Lutheranism

Представители германских родов переселялись в различные страны, в том числе в Россию. На примере одной такой семьи хотелось бы показать, как происходило ее укоренение на российской почве, проследить образование «русской ветви», кроме того, установить продвижение лютеранства с Северо-Запада вглубь страны. Вначале – их повседневное служение на ниве евангелическо-лютеранской церкви, затем – приход потомков пасторов к светским профессиям и осознание себя представителями русской интеллигенции.

10 августа 2016 г. праздновалось 500-летие со дня рождения германского теолога Иоганна Хабермана, получившего после принятия лютеранства имя Авенариуса. Последующие поколения Авенариусов связали жизнь с евангелическо-лютеранской церковью, служа в саксонских и тюрингских городах. Деятельность Хаберманна-Авенариуса, а затем его потомков, неразрывно связана как с Германией, так и с Россией. Сложилась и «русская ветвь» Авенариусов, сначала служителей лютеранской церкви, в дальнейшем писателей, инженеров, врачей, работавших в России.

«Русская ветвь» Авенариусов начала складываться в северо-западных территориях. Швеция первой из Скандинавских стран ввела лютеранство. В 1554 г. шведский король Густав Ваза учредил в государстве евангелическо-лютеранскую церковь (в состав Швеции в то время входила и Финляндия).

---

* *Иванова Наталья Ивановна*, директор музея немцев Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург)

Но еще до этого времени в 1526 г. на шведском языке издали Новый Завет. Церковное управление было разделено на 2 епископства. Одно находилось в Або (сейчас фин. Турку), другое – в Выборге (фин. Выпури) [16, 126]. Связи Швеции, в том числе ее провинции Финляндии, с германскими землями были тесными. Так, переведший на финский язык Библию Агрикола, также как и братья Петри учились в Лейпциге и Виттенберге. В 1640 г. стараниями генерал-губернатора графа Браге из действующей абосской гимназии создали Университет с теологическим факультетом. Шведы знали о деятельности лютеранского проповедника Авенариуса. Одного из потомков Авенариуса пригласили в Университет Або (сейчас г. Турку или по-фински Åbo Academy, in Finnish: Turun Akatemia). На протяжении Северной войны Университет в Або не работал и возобновил свою деятельность в 1722 г. [11, с. 66].

После поражения России в войне со Швецией и заключения Столбовского мира 27 марта 1617 г. шведы стали населять территорию Озерного края (названного ими Ингерманландией) финнами из округов Выборгской Карелии – суомайсет и савакот, получивших наименование «ингерманландские финны». В Ингерманландии укореняется лютеранство, сменившее язычество финнов. В 1641 г. Ингерманландская церковь выделилась в отдельный епископат с центром в Нарве [14, 126]. Шведы пытались заставить проживавших здесь православных сменить верование. Часть из них поменяла веру, другие покинули территорию. Поначалу православие преследовалось, но в 1684 г. князь В.В. Голицын договорился со шведским посланником в Москве о свободе вероисповедания на Ижорской земле [14, 223 – 224]. На землях Ингерманландии жили помимо финнов-саамов, русских и ингерманландские финны. Кроме того, как указывает в С.Б. Горбатенко, проводилась раздача земель шведским и немецким дворянам. Это привело к появлению здесь новых лютеранских приходов [12, с. 109]. Северо-западные территории России в 1710 г. переименовали из Ингерманландии в Санкт-Петербургскую губернию. В дальнейшем в губернии появились люди других национальностей.

В Санкт-Петербургской губернии существовали Шлиссельбургское, Восточно- и Западно-Ингерманландские пробства. В 1797 г. приходы к северу от Санкт-Петербурга объединили в Шлиссельбургское пробство, куда входили деревни Лемпаала, Токсова, Хаапангас, Келтто, Ряпявя, Валкеасаари, Сиестарйоки, Вуолы, Миикулайнен, Марккова, Ярвисаари [16, 127]. Через эти общины с Северо-Запада вглубь России продвигалось лютеранство. После присоединения Выборга к России Выборгское епископство перевели в Борго (сейчас фин. Порвоо). К 1897 г. в Санкт-Петербургской губернии проживало 263653 лютеран (21% говорящих на немецком, 69% на финском, 3% на латышском, 4% на русском языке). В XIX-XX вв. наиболее многочисленными являлись приходы Новые Скворицы (Петрово, 9709 чел.), Веньйоки (Славянка, 12006 чел.) [16, с. 84; 20].

В материалах финского архива хранятся документы об Авенариусах, учившихся в Университете Або. После завершения образования Авенариусы начинали служить в приходах Северной Ингерманландии. Первым из представителей рода упоминается пастор в Кивенаппа Иоганн Матиас Авенариус (1630 – 1681). В списке священников Кивеннапа также указан служивший здесь в 1665 – 1680 гг. Георг Маттиас Авенариус, родившийся в Выпори (Виипури, рус. Выборг). Затем упоминались пасторы – в Тайпалсаари Кристиан Иоганн Авенариус (1675 – 1727) и его брат в Савитайпале Георг Матиас Авенариус (1656? – 1736), все обучавшиеся в Або. В настоящее время Кивенаппа (Первомайское) находится на границе России с Финляндией, Тайпальсаари и Савитайпале – в Финляндии. Савитайпале – село и община на Ю-В Финляндии в области Южная Карелия. Первое упоминание в источниках о самостоятельном приходе в 1540 г., до этого времени Савитайпале относилась к Тайпальсаари [18].

В церкви св. Генриха прихода Лемпаала (фин. Lempaala, сейчас пос. Лемболово), основанном в 1611 г. и старейшем в Ингерманландии, в 1685 – 1723 гг., служил капелланом, затем в 1723 – 1743 гг. пастором Маттиас Авенариус (? – 1743). Вначале приход именовался Куйвайзи (Kuivaisi) и являлся «коронным», т. е. священник назначался непосредственно монархом. Около 1700 г. в деревне Лемпаала строится часовня, в 1728 г. – деревянная церковь. (В 1764 г. было закончено строительство новой церкви св. Генриха. Численность прихода в 1865 г. составляла 5612 чел., в 1917 г. — 8183 чел. Приход включал 86 деревень, в которых проживало, в основном, финское население, кирха закрыта 13 июня 1935 г. [10, с. 123; 20]).

В приходе Рауту ((Rautu, сейчас пос. Сосново) в 1733 – 1741 гг. настоятелем был Георг Авенариус (1709 – 1787). Георг Авенариус родился 17 февраля 1709 г. в Финляндии, в Тайпалсаари (?) (Taipalsaari), где в это время его отец Кристиан (или Кристер Krister) Авенариус (1675 – 1727) служил приходским викарием. Мать – дочь пастора Швиндта Гескен Швиндт. Крестным Георга являлся викарий и выпускник университета в Або Хенрик Шуттениус (Schyttenius) (1705 – 1752). 4 октября 1729 г. Георг Авенариус окончил гимназию в Порвоо и спустя 3 года поступил в Университет Або. 14 декабря 1733 г. он был рукоположен священником в Выборге, Выборгское епископство. С 1733 г. Г. Авенариус – капеллан в Рауту [17].

Деревня Вуоле до сих пор сохранила свое наименование. Община Вуоле (другие названия Вуола, Вуолы, Волес, Вуолес, Vuole, Wuoles) образовалась в 1714 г. В период шведского владычества Вуоле входила в капеланный приход Лемпаала Куйвошского погоста (Куйвозовского). Впервые упоминается на карте А. Ростовцева в 1727 г. На «Этнографической карте Европейской России» П. Кеппена 1851 г. значится, как деревня «Wuoles». Деревянную церковь св. Иоанна построили в 1730 г. на средства графа Рагузинского. Граф Савва Лукич Рагузинский-Владиславич (1669 –

1738) состоял на русской дипломатической службе. В 1703 г. впервые посетил Москву, с 1708 г. поселился в России. С 1725 г. возглавлял русское Посольство в Китае. Владел мызой Матокса с 9 деревнями, в том числе Вуоле. Умер на мызе Матокса, похоронен в Александро-Невской лавре. В 1783 г. мызу Матокса купила жена вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана Александра Ивановна (1745—1793). В 1796 г. перешла к Александру Остерману-Толстому [18]. В начале XVIII в. приход Вуоле имел своего священника. В приходе в 1741 – 1787 гг. настоятелем, затем викарием являлся Георг Авенариус. По данным архива г. Турку у Георга Авенариуса были сын и две дочери. Он умер 1 мая 1787 г. в Вуоле. Несколько последующих поколений Авенариусов служили в Вуоле – в 1779 – 1816 гг. сын Георга сначала адъюнкт, затем пастор Александр Авенариус, в 1806 – 1826 гг. адъюнкт, пастор Георг Авенариус, в 1816 г., в 1850 – 1854 гг. настоятель Петер Густав Авенариус (? – 1854). (Население прихода в 1865 г. составляло 3472 чел., в 1917 г. — 6763 чел. Храм закрыли 15 февраля 1931 г., здание передано под клуб, не сохранилось [10, с. 55]).

Сын Георга Авенариуса Александр (1759 – 1834) родился 31 августа 1759 г. в Вуоле, где в то время служил его отец. Окончив гимназию в Выборге 8 марта 1775 г., Александр Егорович (Георгиевич) Авенариус изучал теологию в Або. Он женился на дочери пастора Анне Грисилии Штрельман (Штрольман) (Anna Grisilia Strählman) (1781 – 1841). Александр Авенариус с 1779 г. по 1816 г. являлся пастором Вуоле, в 1816 – 1817 гг. – пробстом там же, состоя в ведение государственной юстиц-коллегии от Шлиссельбургского округа [2, 453; 3, 489]. Будучи в чине статского советника, награжденного орденом св. Анны 3 ст. Александр Авенариус имел званием «придворного доктора», входил в Медицинский совет, где состоял членом физиката (врачебной управы Санкт-Петербурга) [8, 886; 9, 455]. Последним местом службы Александра Авенариуса стал приход в Восточной Ингерманландии Венъюки (Venjoki) под Царским Селом, где он был в 1819 – 1821 гг. настоятелем. Александр Авенариус являлся также советником консистории в Славянке, пробст-сеньором Ингерманландии, получил право на наследное дворянство. В Венъюки он скончался 16 ноября 1834 г. [17].

В церкви св. Михаила прихода Миккулайнен (также Никулясы), находящемся на близком расстоянии от Лемпаала, в 1741 – 1787 гг. служил Георг Кристиан Авенариус, в 1817 – 1834 гг. настоятелем являлся Александр Авенариус, в 1850 – 1854 гг. – настоятель Петер Густав Авенариус (последнее богослужение в церкви состоялось 15 февраля 1931 г., ее закрыли в 1934 г. Здание снесли [10, 98]).

В Восточной Ингерманландии также служили пасторы Авенариусы. В приходе Венъюки (фин. Venjoki, рус. Славянка) помимо Александра Авенариуса служили: в 1816 – 1819 гг. адъюнкт, пастор Петер Густав Авенариус, в 1818 – 1865 гг. адъюнкт, пастор Кристиан Вильгельм

Авенариус (1818 – 1865). Приход Венйоки основали в 1641 г. во время шведского владычества. Первую деревянную церковь, построенную в 1803 г., в 1885 г. сменила новая каменная с двойными хорами. (19 сентября 1937 г. прошло последнее богослужение, после которого церковь была закрыта. С послевоенного времени в церкви находится лаборатория Всесоюзного института растениеводства [20]).

В приходе Келтто (Колтуши) в церкви св. Георгия и.о. должности пастора исполнял, затем являлся пастором в 1810 – 1816 гг. Георг Авенариус. Точное время основания прихода неизвестно, т. к. в 1771 г. в пожаре сгорели все церковные архивы. Однако имеются сведения, что в 1628 г. приход уже существовал. В 1768 г. возвели последнюю деревянную церковь св. Георгия, средства на строительство которой выделил владелец – князь Г.А. Потёмкин [10, с. 143–144].

В приходе Новые Скворицы (дер. Петрово) в 1819 – 1821 гг. адьюнктом, капелланом, затем и.о. пастора был Петер Густав Авенариус. Приход Новая Скворица являлся «коронным», его основали в 1624 г. по приказу шведского короля Густава II Адольфа на месте прежнего погоста Тякели (Тяглино). Здесь построили деревянную церковь и пасторат. В 1834 г. по соизволению императора Николая I главный архитектор Гатчины А.М. Байков начал строительство новой каменной церкви во имя св. Екатерины на 1400 чел. [Там же, 223–224] (численность прихода в 1865 г. составляла 4821 чел., в 1917 г. – 8086 чел., с 9.12.1937 г. храм перестал действовать, а в июле 1939 г. был закрыт и превращён в клуб [10, с. 163–164; 20]).

В приходе Малые Горки (дер. Ропша) в 1819 – 1821 гг. адьюнктом, затем капелланом, и.о. пастора являлся Петер Густав Авенариус. Церковь св. Петра и Павла была построена в небольшой деревне Малые Горки в 1798 г. на пожертвования графа И.Л. Лазарева. В 1827 г. её отремонтировали на средства императрицы Александры Фёдоровны (в 1917 г. в приходе числилось 2647 чел., в 1938 г. кирха была закрыта. Здание не сохранилось).

Лютеранский приход в Царском Селе был основан в 1811 г. Через шесть лет по инициативе директора Лицея Е.Л. Энгельгардта и лицейского пастора К-Ф. Гнитхеля началось возведение храма. К-Ф. Гнитхель стал первым пастором церкви, следующим – П. Авенариус. В приходе Саари (Царское Село) в 1824 – 1850 гг. пастором церкви Воскресения Христова и законоучителем в Лицее был Петер Густав Авенариус. Император Александр I пожаловал на строительство 20 000 руб.

К февралю 1818 г. на месте казармы Гусарского полка выстроили первое деревянное здание лютеранской церкви Преображения Господня. 14 августа 1860 г. начали строительство новой кирхи по проекту архитектора А.Ф. Видова. В 1864 г. император Александр II из собственных средств пожертвовал приходу 7000 руб. на завершение работ. 17 апреля 1865 г. церковь освятили (в 1931 г. церковь закрыли, здание передали Ремонтно-

механическому заводу, использовалось под общежитие, столовую и красный уголок. Затем здесь размещались автомастерская и автошкола. В 1977 г. церковь реставрировали, передали финской общине и освятили во имя Воскресения Христова, начали проводиться богослужения на финском языке, а с 1988 г. — на русском и немецком [20]).

Сын Александра Авенариуса – Александр Александрович Авенариус (1797 – 1892) выбрал светскую специальность и стал врачом. Он окончил в 1820 г. Медико-хирургическую академию. 12 января 1823 г. был определен лекарем «к Стреляной мызе и вотчинам Его Высочества» Великого князя

Константина Павловича. Женившись в 1824 г. на дочери Лейб-медика Петра Ивановича Линдстрема Елизавете Эвелине (Elisabeth Eveline) (1803 – 1881), Авенариус жил с ней в Стрельне, затем в Петергофе. У Александра Александровича и Елизаветы Петровны было девять детей. Сыновья: Константин (1826), Александр (1831), Георгий (Егор, 1835), Николай (1838), Петр (1843), и четыре дочери: Софья (1824), Аделаида (1827), Паулина (1829), Наталья (1833) [13, с. 124].

Самым известным из них стал Петр. Петр (Peter Eugen) Александрович Авенариус родился 23 мая 1843 г. в Петергофе. Он окончил 5-ю петербургскую гимназию и поступил в Технологический институт. Но, оставив учебу в Технологическом институте, Петр Александрович уехал в Кронштадт, поступив в корпус корабельных механиков военно-морского флота. Несколько лет он ходил на военных кораблях – мониторе «Первенец» и фрегате «Александр Невский». При очередном походе фрегат «Александр Невский» в ночь с 12 на 13 сентября 1868 г., следуя Ютландским проливом, потерпел крушение, при этом погибло несколько офицеров и матросов. Вернувшись в Кронштадт, Авенариус получил звание инженера-механика, распрошлся с морскими походами и устроился на Путиловский завод. В 1871 г. Петр Александрович перешел на работу на частную Московско-Брестскую железную дорогу, открытую 19 сентября 1870 г. Желание иметь собственное дело не оставляло Петра Александровича Авенариуса, и это стала идея прокладки железной дороги к ближнему для петербуржцев курортному месту. Видя значительные перспективы железнодорожного сообщения, он решил основать собственную железную дорогу. Железная дорога была им проложена к месту нахождения источников целебных вод и грязей, особого климата, к местам купания в Финском заливе. Был открыт существующий и сейчас санаторий «Сестрорецкий курорт». П.А. Авенариус скончался 1 декабря 1909 г. в Петербурге. Его похоронили подле церкви в Дюнах, в строительстве которой он принимал участие. Эпитафия на надгробном камне гласила: «Созидателю сего храма, преобразователю глухой местности в Сестрорецкий Курорт П.А. Авенариусу» (не сохранилась) [15, с. 9–15].

Семья Авенариусов – пасторов Василия Александровича (в Славянке), Петра Александровича (в Царском Селе и в Вуоле) и главного

врача Калининской больницы Александра Александровича были тесно связаны между собой. «Листки из детских воспоминаний» писателя Василия Петровича Авенариуса (28 сентября 1839 – 9 ноября 1923) дают яркое представление о повседневной жизни и взаимоотношениях семей. Дома между собой они разговаривали по-немецки, а с «молодым поколением племянников и племянниц по-русски». Будущий известный писатель Василий Петрович Авенариус воспитывался в семье своего бездетного дяди, пастора в Славянке Василия Александровича и его жены Констанции Ивановны. Как писал автор: «Старик-дядя – лютеранский пастор по призванию садовод и пчеловод». Около пастората он рассадил фруктовый сад, «в летние дни отправляли в Санкт-Петербург фуру, а то и две с клубникой, малиной, крыжовником, смородиной красной, белой и черной, вишнями и «шпанскими морелями». «Пасторский» крыжовник и «пасторская» малина славились на всем столичном ягодном рынке... У дяди было 70-80 ульев. Ульи были новейшей конструкции, разборные, со стеклянными окошечками». В пруду за огородом Василий Александрович Авенариус разводил карасей для домашнего потребления [1, 20].

Отец Василия Петр Александрович Авенариус родился в Вуоле (автор «Листков из детских воспоминаний» упоминает как «Волес») в семье пастора. Его отец, затем старший брат были пасторами этого же прихода. Волес в конце 19 века находился на финской границе. Учился Петр Александрович на теологическом факультете дерптского Университета. У него и его жены Генриетты Андреевны урожд. Гамельман было четыре сына и четыре дочери. Служа одновременно в Царскосельском Лицее, корпусе и кирхе, он содержал приходскую школу, в которой преподавал сам, его жена и взрослые дочери. Школа размещалась в доме пастората и занимала самую большую комнату, разделенную на две половины. В одной – занимались девочки, в другой – мальчики. С раннего утра до обеда Петр Александрович исполнял пасторские обязанности и проводил уроки в церковной школе. Вечерние часы и часть ночи он посвящал «чтению и особенно письменной работе по географии». Авенариус являлся действительным членом Императорского Географического общества. Охотно играл на фортепиано. П.А. Авенариуса хорошо знал император, т.к. пастор часто крестил в Царскосельском дворце [1, с. 56]. Жизнь пасторской семьи из Царского Села была скромной: на завтрак полагался чай (кипяток с молоком) и пара сухарей, тогда как в Славянке – «настоящий кофе с сахаром и густыми деревенскими сливками» [1, с. 61]. Старший сын Петра Александровича Анатолий учился в Педагогическом институте, другой – Алексей – окончил юнкерское училище. Петр Александрович Авенариус в конце своей жизни покинул приход Царского Села и по просьбе прихожан вернулся в Вуоле. Но он не оставил преподавания Закона Божьего в Александровском лицее, переехавшего к тому времени в Петербург. Он приезжал сюда из деревни каждую неделю [1, 113].

Детский писатель Василий Петрович Авенариус родился в Царском Селе, окончил естественно-научное отделение университета. Служил при Министерстве народного просвещения, в 1899 – 1908 гг. был председателем учебного комитета Ведомств императрицы Марии. Писал для детей и юношества. Сохранились высказывания о нем прессы: «Г. Авенариус принадлежит к числу тех немногих русских писателей, которые своими сочинениями показали возможность существования у нас настоящей литературы для детства и юношества» [1, с. 229]. Скончался Василий Петрович 9 ноября 1923 г. и был похоронен в семейном захоронении Смоленского лютеранского кладбища с женой Вильгельминой Андреевной (1848 – 1920). Его брат, Михаил Петрович (7.09.1835 – 4.09.1895) стал профессором киевского Университета, членом-корреспондентом Академии наук. Другой брат, Николай Петрович (31.08.1834 – 1.06.1900, по другим данным 1903 или 3.07.1909) педагог, учитель немецкого языка и истории 2-ой петербургской гимназии, затем инспектор классов варшавского Александринско-Мариинского девичьего института, написал «Исторический очерк Белостокского института благородных девиц», «Образцы белорусского наречия разных местностей, доставленных Н.П. Авенариусом», «Наша семейная летопись».

Брат Александра Александровича Авенариуса Яков Александрович (6.04.1788 – 7.08.1859) после окончания Дерптского университета в 1809 г. стал врачом. Защитив диссертацию «De varietate coloris ossium» начал службу в русской армии. Он участвовал в Заграничных походах русской армии 1813 – 1815 гг. Затем являлся врачом цесаревича Константина Павловича. После этого становится главным врачом Почтового ведомства [17, с. 33].

В настоящее время в разных городах России (Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород), в Белоруссии (Минск), в Германии, США, Канаде, Австралии проживают потомки Авенариусов. За информацию о своих предках выражаю благодарность Д.Ю. Убоговичу. За предоставленные возможности ознакомиться с материалами архивов Финляндии благодарю господина Тайна Партанен (Taina Partanen, Kansallisarkisto/Riksarkivet/National Archives) и профессора финской истории господина Кирси Вайнио-Корхонена (Kirsi Vainio-Korhonen) университета г. Турку, Финляндия.

Список литературы:

1. Авенариус В.П. Листки из детских воспоминаний. СПб., изд. книж. маг. П.В. Луковникова, 1897.
2. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1806 г. – ч. 1. СПб., 1807.
3. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1807 г. – ч. 1. СПб., 1808.

4. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1810 г. – ч. 1. СПб., 1811.
5. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1811 г. – ч. 1. СПб., 1812.
6. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1812 г. – ч. 1. СПб., 1813.
7. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1813 г. – ч. 1. СПб., 1814.
8. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1824 г. – ч. 1. СПб., 1825.
9. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1829 г. – ч. 1. СПб., 1830.
10. Александрова Е.Л., Браудзе М.М., Высоцкая В.А., Петрова Е.А. История финской евангелическо-лютеранской церкви Ингерманландии. СПб.: Изд. Гйоль, 2012.
11. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Абоско-Бьернеборская губерния. т. 1. ч. 3. СПб., Департамент Генштаба, 1850.
12. Горбатенко С.Б. Исторические ландшафты допетровской Ингерманландии // Из истории С.-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб.: Изд. СПбГУ, 1997.
13. Гущин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 2. СПб., 2004.
14. Иванова Н.И. Логика дороги // Петербургские чтения. Научная конференция, посвященная 290-летию Санкт-Петербурга 24 – 28 мая 1993 г. Вып. 1. СПб., 1993.
15. Иванова Н.И. И Курзал у Финского залива // Литературный альманах. Вып. №4. СПб, 2017.
16. Курило О. Лютеране в России XVI-XX вв. М. Фонд «Лютеранское наследие», 2002.
17. Русский биографический словарь (под наблюдением Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова). т.1. СПб., 1896.
18. Сайт: <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/henkilo.php?id=5928>
19. Сайт: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пагузинский_Савва_Лукич
20. Сайт: <http://www.inkeri.ru/virt/vall.php>

С.А. Тамби*

Ораниенбаумские эстонцы

В настоящей статье рассказывается как о повседневности ораниенбаумских эстонцев (о проблемах коллективизации и колхозного строительства), так и о выдающихся эстонцах, родившихся или проживавших на территории Ораниенбаумского района (ныне – Ломоносовский район Ленинградской области). Хронологические рамки исследования – с начала XX века до Великой Отечественной войны. Основными методами при проведении исследования послужили метод обобщения, системный подход, историко-описательный метод, метод анализа документов, а также метод эмпирического описания. Для реконструкции

---

* **Тамби Сергей Александрович**, магистрант 2-го курса МГИМО МИД России (г. Москва)

особенностей быта ориениебаумских эстонцев использованы статьи и заметки эстонских газет, а также материалы архивов Эстонии.

The author describes both the everyday life of Oranienbaum Estonians (the problems of collectivization and collective farms construction), as well as outstanding Estonians, who were born, studied or lived in Oranienbaum district (now it is Lomonosov district of the Leningrad Oblast). The chronological framework of research is from the beginning of the XX century - to the Great Patriotic War. The main methods used in the study were the generalization method, the system approach, the historical-descriptive method, analysis of the documents, and the empirical descriptive method. Numerous articles and notes from Estonian newspapers, as well as materials from Estonian archives were used to reconstruct the features of the life of Oranienbaum Estonians.

Ключевые слова: Ориениебаум, эстонцы, раскулачивание, колхозное строительство, быт, культура

Keywords: Oranienbaum, Estonians, dekulakization, collective farms construction, everyday life, culture

Эстонцы населяли окрестности Ориениебаума уже с середины XIX в. По данным переписи П.И. Кёппена 1848 г. в Ориениебаумском уезде проживала 1000 эстонцев [12, с. 41]. Согласно переписи населения 1897 г. численность эстонцев составляла 6,2% от численности населения Петергофского уезда [2]. В 1920 г. в Ориениебаумской волости Петергофского уезда проживали 144 эстонца. По данным губернской переписи в 1927–1928 гг. в Ориениебаумском районе проживали 2150 эстонцев [14, с. 16, 54, 72]. В 1918 году в Копорье насчитывалось 500 эстонцев [15, с. 22].

1 августа 1927 г. в составе Ленинградского округа Ленинградской области был образован Ориениебаумский район, просуществовавший под таким названием до 1948 г. В него вошли город Ориениебаум и 33 сельсовета упразднённого Троицкого уезда Ленинградской губернии.

Эстонцы, окончившие 1-ую и 2-ую Ориениебаумскую школу прапорщиков, впоследствии служили как в эстонской, так и в советской армии. Юри Ристна (27.04.1893) являлся командиром батальона 7-го пехотного полка в Выру [5, с. 564]. Курс пулеметчиков этой школы прошел с июля по сентябрь 1917 г. Отто Янсоо (30.04.1896–04.05.1937), позднее ставший комендантом железнодорожного вокзала в Тамсалу, командующим 2-ой ротой Десантного батальона [21, с. 183–184]. Школьный учитель, член Рийгикогу в 1926–1934 годах Йоханнес Фукс (23.11.1890–18.06.1977) окончил эту школу в 1916 г. [10, с. 98]. Мати Крёёнстрём приводит в своей диссертации данные, согласно которым выпускники Ориениебаумской школы прапорщиков и Школы прапорщиков Северного фронта в Гатчине составили 8,4% от числа руководства вооруженными силами Эстонии в период Эстонской освободительной войны 1918–1920 гг. М. Крёёнстрём

перечисляет список из 62 фамилий эстонцев, окончивших Ориенибаумскую школу прапорщиков [11, с. 182].

Вооруженные силы Эстонии участвовали в наступлении Северо-Западной армии Н.Н. Юденича осенью 1919 года. Так, в октябре 1919 г. отряды эстонцев и Ингерманландский полк при поддержке английских и эстонских кораблей (под руководством адмирала Йохана Питки), обстреливающих позиции красных с моря, заняли Коваши, Гостилицы, вышли к фотам Красная Горка и Серая Лошадь и к деревне Петровское под Ориенибаумом. Эстонская операция по захвату «Красной Горки» и других фортов провалилась [22, с. 319-320].

Ориенибаумские эстонцы работали в 1930-ых гг. на лесопильных заводах и в колхозах. Многие местные колхозы, где трудились эстонцы, возникшие из соединения хуторов, не справлялись с задачами, которые были перед ними поставлены. Для многих хуторян массовая коллективизация и прощание с хуторской системой было трагедией. Как пишет О.Ю. Марковцева, испытания «разрывают связанно-сложившийся, *упорядоченный* социо-этно-мир, им нет места в логике бытия». Однако, испытания для этноса – это также способ развить «пытливость, живость, ясность ума» [1, с. 35]. Поэтому новоиспеченные колхозники сразу стали приспосабливаться к новой жизни. Часто получалось так, что, если колхозник первым «настучит» на соседа, указав на «лишнюю» лошадь в его хозяйстве, то того обявят кулаком, раскулачат и накажут, а «ответчик» не успеет сделать то же самое с ним (своеобразная игра «Кто первее?»). «Война доносов» всецело охватила и ориенибаумских колхозников из числа эстонцев. Доносы проверялись, значительная часть из них не подтверждалась. Месть, стремление выслужиться, старые обиды вынуждали некоторых колхозников заниматься кляузничеством начальству или в газеты.

О крупных неудачах колхозной жизни писала газета «Эдази», выходящая в Ленинграде на эстонском языке. В конце апреля 1936 г. в совхоз «Литер Б» по поддельным документам и без разрешения общего собрания колхозников поступила на работу Алиде Нинберг, которая получила удостоверение от Альберта Еглит. В поддельном удостоверении, напечатанном на бланке «Колхоза им. Ворошилова», было указано, что А. Нинберг работала в «Колхозе им. Ворошилова» с 1 мая 1935 г. и что общее собрание колхозников разрешило ей «уйти в отходничество». Однако, выяснилось, что она вовсе не работала в этом колхозе. Редакция «Эдази» попросила прокурора Ориенибаумского района расследовать эти факты и поставить редакцию в известность о принятых мерах [16, с. 1–63].

Часто в поле зрения корреспондентов газеты «Эдази» попадали случаи неправильного обращения с животными. Так, издание раскрыло вопиющий факт гибели 5 лошадей в колхозе «Извара» Центрального сельсовета Ориенибаумского района, произошедший летом 1936 г. У двух

лошадей были сломали ноги, две погибли от избиения, и ещё одна – от голода. После этого случая обращение с лошадьми не улучшилось. Во время пахоты одна лошадь поранила копыто, конюх стал лечить ее «своим методом», солью, отчего та погибла. Председатель колхоза Роберт Тамм не принимал должных мер в отношении виновных [7, с. 3].

Даже за малую провинность, допущенную при уходе за лошадьми, могли возбудить «проверку в уголовном порядке». В сентябре-октябре 1936 г. Ораниенбаумское районное управление НКВД проводило расследование в отношении конюха «Колхоза им. Ворошилова» Центрального сельсовета Ораниенбаумского района Анны Энгель. Ян Каск обвинил ее в том, что она редко кормила и поила лошадей (только «когда нужно идти на работу») и поэтому у нее «пал жеребенок». Выяснилось, что до А. Энгель конюхом работал Карл Тийрман, ухаживающий за лошадьми из рук вон плохо. Вместо 5 часов утра он приходил кормить лошадей в 7–8 часов утра. Вечером же К. Тийрман уходил домой рано, не напоив тех лошадей, которые приходят с работы поздно. К тому же он редко мыл лошадей. Когда А. Энгель была назначена конюхом отношение к животным значительно улучшилось. «Проверка в уголовном порядке» в ее отношении была прекращена. Вскоре оказалось, что кляуза Я. Каска является мстью А. Энгель за то, что ранее она разоблачила несколько кулаков, в том числе отца Я. Каска. Временно был выслан и сам Я. Каск. Прокурор Ораниенбаумского района Горшков отреагировал на «злостную клевету» Я. Каска, усмотрев в его действиях состав преступления и направил 19 сентября 1936 г. материал в Ораниенбаумский РОМ НКВД для расследования по часть 2 статьи 161 Уголовного кодекса [13, с. 1–78].

В марте 1936 г. телятница колхоза «Извара» Паулина Коппель жаловалась на тяжелые условия работы на местной машинно-тракторной фабрике, где она трудилась с 1931 г. Приходилось на собственные средства приобретать инвентарь – бочки, ведра. За неимением лошади воду и корм П. Коппель таскала на плечах. Из-за этого скот оставался иногда без сена по 2–3 дня. Заведующая машинно-тракторной фабрикой (МТФ), жена председателя колхоза София Тамм назвала П. Коппель «лодырем». Но за П. Коппель вступились колхозники и журналисты и вскоре критика, выраженная в письме прокурору Ораниенбаумского района, обрушилась и на мужа Софии Тамм – председателя колхоза «Извара» Роберта Тамма. Оказалось, что он «ездит часто в город и растратил колхозные деньги». Было подсчитано, что по документам в кассе не хватало 567 руб., ревизионная комиссия при этом бездействовала: в течение года касса колхоза не проверялась [23, с. 3]. Сообщалось также, что Р. Тамм занял у колхозников большие суммы денег (всего более 1 700 руб.) и не собирается их отдавать. Так, у колхозника Ганса Паала он занял 280 руб., после чего «выгнал его из колхоза», не отдав долг.

Весной 1936 г. было обнаружено, что «Колхоз им. Ворошилова» не подготовлен к весеннему севу, так как в колхозе не хватало семян и минеральных удобрений. Лошади пребывали в плохом состоянии (ощущалась нехватка овса и сена). Имеющееся же сено лошади не ели, так как оно было плохого качества. По вине бригадира колхоза Харальда Куусберга не была собрана зола. Х. Куусберг ещё в 1935 г. обвинялся в том, что он не отмечает рабочие дни колхозников и не контролирует, сколько каждый колхозник тратит времени на выполнение той или иной задачи. А председатель колхоза Эдуард Лооде не может повлиять на него, чтобы тот улучшил свою работу [24, с. 4].

Боролись в Ораниенбаумском районе и с кулаками, публикуя в печати разгромные статьи, изобличающие кулачество. В августе 1929 г. в «Эдази» появилась заметка, рассказывающая о кулаке деревни Новые Нисковицы Антоне Сихте, средняя годовая прибыль которого превышал 2000 руб. Антон Сихт, не имея в избытке земли, являлся по сути «подрядчиком» (он проводил работы по строительству домов, рытью колодцев, установке оконных рам, а также столярные работы), и при этом не платил налогов [9, с. 3].

Многие эстонцы, которые родились или проживали в Ораниенбаумском районе, служили в советской армии в период Великой Отечественной войны. Лейтенант Пауль-Вольдемар Ойя (род. 28.05.1915, Ораниенбаум – 20.07.1942) являлся командиром взвода 21-го полка 180-ой дивизии Красной армии. Оскар Паавел (род. 23.02.1917), житель Ораниенбаумского района, автомеханик, служил в 300-ом стрелковом полку Эстонского корпуса. Рудольф Пялин (род. 30.03.1919), проживающий в Ораниенбаумском районе, браковщик леса, нес службу в Эстонском корпусе. Георгий Роотс (25.04.1916), житель Копорской волости Ораниенбаумского района, механик в молочном товариществе, служил в 716-ом строительном батальоне Эстонского корпуса в Вологде [4, с. 316, 358, 536, 681]. Эстонец Аугуст Лембер, родившийся 25 июня 1909 г. в Ораниенбауме, был мобилизован в Красную армию в 1941 г. и служил в строительном батальоне Эстонского корпуса в Красноуральске [3, с. 701].

Эстонская полиция безопасности (территориальное структурное подразделение Главного управления имперской безопасности Третьего Рейха) проводило в 1941–1944 годах учет жителей Петергофской, Медушской, Шойкульской и Копорской волостей Ораниенбаумского района [17–20].

В Ораниенбауме и его окрестностях родились известные эстонцы. Упомянем некоторых из них. Так, 17 сентября 1885 г. в Ораниенбауме в семье садовника появился на свет известный эстонский архитектор, автор проекта Таллинского Дома искусства, один из основателей студенческой корпорации «Лийвика» Антон Лембит Соанс (17.09.1885–26.11.1966) [6]. 17 сентября 1921 г. в Копорье родился известный эстонский писатель и актер

Эдуард Ярс (17.09.1921–23.01.1992), чей отец и предки (по отцу) происходили родом из Вильяндимаа [8, 20].

Таким образом, ораниенбаумские эстонцы, пройдя множество испытаний и невзгод в XX веке, равно как и все остальные народы России и многих других стран, внесли значительный вклад в культуру, искусство и науку России и Эстонии.

Список литературы:

1. Марковцева О.Ю. Социально-этническая ткань повседневного бытия человека // Вестник ОГУ. Апрель 2016. № 4.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Губернские итоги. Т.Т. 1–89. СПб., 1903–1905
3. Eestlased Venesõjaväes. 1940–1945. Raamat 9. Tallinn, 2008.
4. Eestlased Vene sõjaväes. 1940–1945. Raamat 10. Tallinn, 2009.
5. Eestlased Vene sõjaväes. 1940–1945. Raamat 12. Tallinn, 2009.
6. Eesti kunsti ja arhitektuuri biograafiline leksikon. Tallinn, 1996.
7. «Isvaara» kolhoosis käiakse hobustega metsikult ümber // Edasi. 1936. № 96. 16.07.1936.
8. Kalender // Sirp. 2001. № 32. 31.08.2001.
9. Kulak Siht ja tema suur suguvõsa // Edasi. 1929. № 59. 06.08.1929.
10. Kurvits R., Pallas A. Eesti ajakirjanduse biograafiline leksikon 1689–1940. С. 98. URL: https://www.yti.ut.ee/sites/default/files/aki/eajakbl_dets2015_0.pdf (дата обращения: 03.11.2017)
11. Kröönström M. Eestisõjaväejuhtivkoosseis Vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2008.
12. Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements, St-Peterburg, 1867.
13. Leningradi oblast, Oranienbaumi rajoon. Эстонский национальный архив. ERAF.62.1.18. 25.11.1933-21.10.1937. С. 1–78
14. Mysaev V. The Ingrian Question as a Historical and Political Phenomenon. P. 16, 54, 72. URL: http://ligovo-spb.ru/docs/musayev_the-ingrian-question.pdf (дата обращения: 05.11.2017)
15. Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal. Tartu: Eesti Kirjastuse-Ühisuse «Postimehe» trükk. 1918. С. 22
16. Oranienbaumirajoon. Эстонский национальный архив. ERAF.62.1.9. 01.02.1936-14.09.1936. С. 1-63
17. Oranienbaumi rajooni, Koporje valla elanike nimekirjad. 1941–1944. Эстонский национальный архив. ERA.R-64.1.153
18. Oranienbaumi rajooni, Meduschi valla elanike nimekirjad. Эстонский национальный архив. 1941–1944. ERA.R-64.1.151
19. Oranienbaumi rajooni, Peterhofi valla elanike nimekirjad. Эстонский национальный архив. 1941–1944. ERA.R-64.1.150
20. Oranienbaumi rajooni, Sokuli valla elanike nimekirjad. Эстонский национальный архив. 1941. ERA.R-64.1.152
21. Pihlak J. Viljandi kihelkond ja vabaduse risti vennad. Viljandi Muuseumi aastaraamat 2008. С. 183–184
22. Vabadussõja Ajaloo Komitee (1939/1997). Eesti Vabadussõda 1918–1920. 2. Tallinn: Mats. С. 319–320

23. Võimutseja, kellest võitu ei saada // Edasi. 1936. № 55. 22.04.1936.

24. Võrdsustamine Voroschilovi kolhoosis // Edasi. 1935. № 167. 10.12.1935.

Б.Б.-А. Абдулвахабова*

Социальная адаптация чеченской семьи в постконфликтный период

Статья посвящена анализу социальной адаптации чеченской семьи в постконфликтный период. Время, когда чеченцы переживали сложный период в своей истории – окончание страшных военных действий (1994–2000 гг.), когда полностью были разрушены элементарные условия жизнедеятельности, жизнеобеспечения, сама структура чеченского общества. Подростающее поколение: дети, молодежь были лишены практически возможности социальной адаптации. Но, чеченская семья смогла успешно решить стоящие перед ней в послевоенный период сложные проблемы социальной адаптации в современном обществе.

The article is devoted to social adaptation of the Chechen family conflict. The time when the Chechens had experienced a difficult period in its history – the terrible end of hostilities for ten years (1994–2000) when completely destroyed the basic conditions of life, livelihoods, the structure of Chechen society. The younger generation: children, young people were deprived almost of the ability of social adaptation. But, the Chechen family has been able to successfully solve the challenges it faces in the postwar period, complex problems of social adaptation in modern society.

Ключевые слова: Чеченцы, Россия, война, социальная адаптация, традиции, этические нормы, менталитет.

Key words: Chechen, Russia, war, social adaptation, traditions, ethical norms, mentality.

На протяжении многих веков чеченский народ не раз прошел через страшные социальные катаклизмы. События конца XX – начало XXI века (имеются в виду две масштабные войны за одно десятилетия на территории Чечни в 1990–2000 гг.) отбросили чеченское общество в своем развитии, на несколько десятилетий назад, деградировав все общественные, социальные институты, не говоря о многочисленных людских и материальных потерях.

В прошлом, в традиционном чеченском обществе, «еще не до конца определившихся в своих функциях политических институтов, семья играла роль универсального института, сконцентрировавшего всю совокупность общественных отношений. Она выступала мощным рычагом, механизмом социализации и защиты члена общества, основным каналом подключения

---

* **Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна**, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории народов Чечни, Чеченский государственный университет.

человека к общественному целому» [6, с. 49]. Этот мощнейший институт в чеченском обществе, в ходе трагических событий был деградирован.

Две войны породили серьезные проблемы в чеченской семье. В результате боевых действий многие семьи потеряли кормильцев, женщины остались вдовами, многие с детьми на руках, а дети, потеряв родителей – сиротами. Многие семьи бежали от войны (особенно молодые) в страны ближнего и дальнего зарубежья и оказались в состоянии этнокультурной маргинальности. Эти процессы отмечают и другие исследователи: «На рубеже XX–XXI вв., пережив величайшую трагедию военных событий, чеченский народ понес невосполнимые утраты в сфере функционирования семьи – это переселение с исконных мест проживания, миграция в другие страны, рост малообеспеченных семей, сиротства детей и одиночество старых людей. При этом окультуризация светскими европейскими стереотипами привели к нивелировке и даже исчезновению многих традиционных устоев в чеченской семье» [5, с. 165].

В эти переломные моменты истории, подверглись серьезным испытаниям вековые нравственные устои чеченской семьи, социальные нормы и правила, традиционные принципы и ценности, привычный образ жизни, повседневность [1, с. 5].

Перед чеченской семьей встали серьезные проблемы социальной адаптации в послевоенный период. Здесь были налицо проблемы рождаемости, здоровья, высокая смертность, инвалидность, неполные семьи (гибель или без вести пропавший один из супругов, разводы) и т.д. В первые послевоенные годы наблюдалась устойчивая динамика роста числа инвалидов, особенно детей. Количество социально незащищенных детей составляло в первые пять лет 347 743 чел., или 76% от их общего количества. Уровень безработицы в 2005 г. составил 78,7%, а среднедушевой доход населения республики – примерно 1 400 руб., что было ниже прожиточного минимума более чем на 1000 руб. [4, с. 802]. В связи с указанными фактами перед чеченскими семьями были громадные трудности социального характера. Но, с формированием в республике легитимных властей, начинается восстановление разрушенной до основания республики. Из палаточных лагерей, пунктов временного размещения из соседних республик чеченские семьи с детьми стали возвращаться в разрушенные дома. Но не подкрепленные экономически этот процессы еще более усугубляли и без того сложное материальное положение возвращавших беженцев.

Ситуация стала меняться с проведение в республике 23 марта 2003 г. референдума, в ходе которого абсолютное большинство участников (80%) проголосовало за проекты Конституции Чеченской республики, законов о выборах президента и парламента. Все участники голосования связывали с итогами референдума надежду на мирную жизнь, восстановление

разрушенной республики, у чеченских семей появилась надежда вновь обрести мир и покой в собственных восстановленных домах [4, с. 804].

Остановка в республике стала в корне меняться в 2005 г., когда федеральные и местные власти начали кардинально решать проблемы восстановления республики.

Формировались новые социально-экономические и политические отношения Чечни в рамках российской государственности, непосредственно оказывающих влияние на социальную адаптацию чеченской семьи в этот период. От успешного решения указанных проблем зависело дальнейшее развитие, ее адаптация в новых реалиях. Были определены четкие задачи, от решения которых зависело дальнейшее не только материальное благополучие семьи: образование, здравоохранение, снижение безработицы, обеспечение общественной безопасности [4, с. 811]. За короткий период в городах республики были восстановлены многоэтажные жилые дома, появились детские сады, стали функционировать общеобразовательные школы, училища, техникумы высшие учебные заведения (Чеченский государственный университет, Грозненский нефтяной институт, Грозненский педагогический институт), начали функционировать больницы, родильные дома и т.д. Восстанавливались не только объекты социального назначения, но и объекты экономики. Строительный бум, создание рабочих мест (в 2006 г. численность занятого трудоспособного населения достигла 164,3 тыс. чел.) позволили чеченским семьям решить часть материальных проблем. Однако, поскольку чеченской семье отводится главная роль в процессе воспитании детей, их дальнейшей социализации, она столкнулась с рядом проблем социальной адаптации. В частности, военные действия породили серьезные проблемы в семейном воспитании. К примеру, появление в определенной части семей молодых людей, приверженных разным формам девиантного поведения. Они отчасти были ориентированы на нехарактерные чеченскому народу духовные ценности, коренным образом отличающиеся от традиционных. В школах Чечни появились молодые люди, приверженные различным антисоциальным молодежным движениям, таких как «готы» и «эму».

Миграционные процессы отрицательно сказываются на жизни любого народа, «во многом отрицательно сказываются они и на этнокультурной жизни нового поколения чеченцев, приводят к деградации его национальных традиций и обычаев...» [3, с. 14].

Чеченской семье, таким образом, приходилось сталкиваться с проблемами как на микроуровне, так и макроуровне. Традиционные чеченские семейные микросообщества были разрушены. Для чеченцев круг воспитателей детей был весьма широк. Первое место в воспитании детей отводилось матери, бабушке, затем отцу, деду, старшим братьям и сестрам. Участие всех в воспитании подрастающего поколения не было совершенно равноценно. В чеченской семье бытовал единственный вид наказания за

провинность – упрек, осуждающий поступок, телесных наказаний практически не было [2, с. 151–153]. Надо отметить, что именно тысячелетние этнические традиции воспитания в чеченской культуре помогли многим чеченским семьям решить эти архисложные проблемы после трагических событий конца XX – начала XXI в. Сила воздействия чеченской семьи на развитие и воспитание детей имеет огромное значение. Социальная необходимость ее участия в формировании личности ребенка играла и играет ведущую роль.

Военные события изменили не только состав и демографический баланс чеченского общества, но и внесла коррективы в традиционные системы ценностей и жизненной стратегии чеченской семьи. В сложных поствоенных условиях чеченское общество показало высокую жизнеспособность, собственный мобилизационный потенциал, который в постконфликтный период выполнил функцию самосохранения.

Сегодня, современная чеченская семья переживает те же процессы, что и российская семья.

Список литературы:

1. Абдулвахабова Б.-А., Гайсултанова А.А. Проблемы духовно-нравственного воспитания чеченской молодежи в постконфликтный период // Россия и Кавказ: история и современность глазами молодежи. Карачаевск: КГЧУ, 2010.
2. Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М.: Гелиос АРВ, 2007.
3. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный, 2011.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное изд-во», 2008.
5. Махмудова К.З. Семья и брачные стратегии чеченцев: традиции и новации // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. Ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2012.
6. Умарова З.Я., Бисултанова Л.Б. Вайнахская этика. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.

Е.А. Сорокина *

Некоторые современные реалии повседневной жизни Швеции

В центре внимания автора – повседневная жизнь современной Швеции, в ее различных проявлениях. В том числе и в связи с ростом притока мигрантов и усилением проявлений так называемого гендерного нейтралитета.

The author focuses on daily life of modern Sweden in its various manifestations. Including the growing inflow of migrants and intensification of manifestations of so-called gender neutrality.

---

* **Сорокина Елена Анатольевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: Швеция, повседневная жизнь, мигранты, гендерный нейтралитет.

Keywords: Sweden, daily life, migrants, gender neutrality.

Исследование феномена «повседневности» в контексте реалий современного мира и жизни представляется актуальной и перспективной задачей для исследователей. Обратимся к опыту Швеции как страны, в которой живут мигранты из разных стран Европы, Азии, Африки практически с середины прошлого века и их количество постоянно растет. Первоначально появление мигрантов в середине XX в. было связано с развитием промышленного производства Швеции, потребностями растущего рынка в рабочей силе, что было вызвано увеличением потребления и необходимостью удовлетворять возрастающие интересы и спрос населения страны.

Изучение шведского опыта свидетельствует, что адаптация иммигрантов или, другими словами, вхождение «новых шведов» в принимающее общество является непростым, двояко направленным процессом. С одной стороны, культурная адаптация и ассимиляция в стране проживания в определенном смысле влияет на самого иммигранта. А с другой стороны, «новые граждане» (что представляется не менее важным) оказывают определенное воздействие на социально-политическую обстановку в принимающей стране. Отмечают и то, что нередко существует взаимное и параллельное (не пересекающееся) существование этнических общин иммигрантов и шведского общества. Так есть целые компактные поселения мигрантов на окраинах больших городов или в городах-спутниках (к примеру, Фашта около Стокгольма), жители которых, как правило, не владеют шведским языком, нигде не работают, соблюдают свои религиозные нормы и традиции. Эти иммигранты имеют в качестве дохода только шведское государственное социальное пособие.

Шведские исследователи отмечают, что нередко иммигранты намеренно поселяются в этнических анклавах, где нет острой житейской необходимости изучать шведский язык и новые (для них) нормы поведения, жизни и пр. Дети таких мигрантов, как правило, обучаются в общеобразовательных школах. Но зачастую представители национальной общины выдвигают целый ряд требований к школам – к примеру, чтобы девочки-мусульманки не раздевались на занятиях по физкультуре. Или чтобы эти девочки не плавали в смешанных (совместных для мальчиков и девочек одновременно) группах. Представители этнических (в частности, мусульманских) сообществ выдвигают и требования специально приготовленной еды в школах для представителей иных (не христианской) религий и культур [2, с. 78]. И немаловажным элементом для полноценной адаптации иммигрантов является то, что местные власти сравнительно просто решают вопрос о школьной еде, соответствующей исламским традициям, об отдельных для мальчиков и девочек занятиях физкультурой в

школе. Однако есть вопросы, которые зачастую вызывает недовольство шведов – это, к примеру, создание мусульманских кладбищ, строительство мечетей и прочие аналогичные трансформации, т.к. в таких случаях зачастую радикально меняется культурно-исторический и архитектурный облик района.

Бывают и более успешные варианты адаптации мигрантов, когда они хорошо ассимилируются, активно изучают шведский язык, пытаются воспринять шведские традиции и культуру.

Понятно, что успех процессов адаптации иммигрантов зависит в первую очередь и от того насколько хорошо «новые шведы» участвуют в образовательных и культурных инициативах и насколько активно выходят на рынок труда. Те «новые граждане», которые стремятся адаптироваться в более полной мере в новой для них стране пребывания, могут осуществлять это в самых разных формах. Например, они открывают рестораны со своей национальной пищей, при условии того, что и шведский кофе и традиционные булочки тоже присутствуют в меню. Также отмечают стремление мигрантов, желающих успешно адаптироваться и жить в Швеции, перенять шведский бытовой опыт по планированию и ограничению деторождения, стремление дать своим детям образование, которое поможет найти хорошо оплачиваемую работу в будущем [1, с. 237].

Необходимо особо отметить, что социо-культурная адаптация мигрантов не предполагает полный отказ от привычных мигрантам традиций и норм. Но главным является то, что эти новые граждане начинают активно участвовать на рынке труда принимающей страны, в системе социальных отношений и в культуре этой страны. Таким образом, происходит непростой процесс постепенного включения вновь прибывших граждан в шведское общество. Нельзя, тем не менее сказать, что все хорошо удается шведским властям и что все вновь прибывшие энергично вовлекаются в этот процесс. Зачастую мигранты ищут просто легкой и сытой жизни, не считая необходимым при этом самим трудиться и включаться в шведское общество.

В Швеции существует официальный порядок, по которому шведские граждане, имеющие доходы ниже определенной границы, могут пользоваться государственной социальной помощью и получать специальные пособия. Также на такую социальную помощь могут официально рассчитывать и иммигранты, которые живут в Швеции легально, на законных основаниях.

В Швеции существуют статусы иммигранта (*invandrare*) или беженца (*flykting*), Эти статусы дают право на получение ежемесячного пособия на каждого ребенка до 18 лет, пособия на квартирную плату, пособия по безработице (если человек проработал до этого момента не менее полугода и при этом платил взносы в специальную кассу), а также предполагает право на индексированные пенсии по старости. После 3-х лет проживания в Швеции иммигранты получают право участвовать в коммунальных и

областных выборах, а после 5 лет легального пребывания могут обращаться с просьбой о получении гражданства.

Подчеркнем, что традиции и нормы принимающего шведского общества также влияют, в свою очередь, на формирование новых традиций и привычек «новых граждан». Зачастую те, кто желает лучше ассимилироваться в стране даже переименовывают свои имена на шведский лад и становятся Юханами, Карлами, Верониками вместо тех имен, которые они имели на родине. Эта часть мигрантов активно перенимает традиции и привычки принимающего шведского общества. Так, на протяжении последних лет, становится все более востребованным и обычным для мигрантов-мусульман, живущих теперь в Швеции, скажем, отмечать прощание с умершими (аналог поминок) в кафе или ресторане. В прежние годы это было бы просто невозможным. Также иммигранты активно воспринимают европейскую практику приглашения бэби-ситеров для своих детей. Причем, как правило, это бывают шведские школьники, девушки, решившие таким образом подзаработать на карманные расходы.

Понятие «новые граждане», применяемое по отношению к иммигрантам, осевшим и проживающим постоянно в Швеции, представляется шведской особенностью, отражающей общий менталитет и терпимость самих шведов.

Как показывает даже беглое знакомство с общественно-политической ситуацией в странах Евросоюза, гендерные вопросы выходят все более настойчиво на первый план и Швеция не является исключением. Важной особенностью современного шведского общества является последовательное осуществление принципа гендерного равенства и толерантности на самых разных уровнях, в бытовой повседневной жизни и культуре, нормами поведения в быту, в семье, в школе, в социальной жизни, в общественных местах. Обратим внимание на некоторые новые тенденции, происходящие в детских учебных заведениях (школах и детских садах). Стали появляться в последнее время и работать так называемые гендерно-нейтральные детские садики. (Термин взят из шведской прессы). В широком смысле понимания, как заявляют сторонники таких шагов, термин «гендерное равенство» предполагает не только равные права мужчин и женщин, но и представителей нетрадиционной сексуальной ориентации.

В некоторых шведских детских садах (число таких садиков пока невелико) начинают постепенно вводить новые нормы, достаточно неоднозначные на наш взгляд. На примере одного детского сада в центре Стокгольма отметим некоторые новшества. Так, к примеру, там в игровых помещениях есть обычные для детских садов разноцветные шарики, игрушки и картинки. Но среди обычных игрушек и предметов представлены и радужные флажки ЛГБТ-сообщества. Смысл и значение такого рода символики не скрывается. На одного воспитателя в этом муниципальном (не частном!) детском саду приходится не более 5 детей. Сами воспитатели, как

правило, люди среднего возраста, говорящие на нескольких языках, как правило, традиционной сексуальной ориентации, но возможна и нетрадиционная, как христиане, так и мусульмане. Такой подбор воспитателей отражает то, что по количеству принимаемых мигрантов Швеция лидирует в Европе. Известно, что на протяжении последних десятилетий каждый четвертый ребенок родился в семье, где хотя бы один из родителей не является коренным шведом [3, с. 471].

Первый такой гендерно-нейтральный детский сад существует в Стокгольме и признан официально ЛГБТ-сообществом. Туда водят своих детей как нетрадиционные семьи, так и самые обычные семьи, живущие поблизости. Садик не является специальным для детей из нетрадиционных семей. При поступлении в садик родители заполняют анкету. Прежде в этой анкете были графы «мама» и «папа». Сейчас, когда могут быть два папы или две мамы в одной семье, стала существовать просто графа «родители».

Важным маркером являются и такие обычные для детских садиков предметы как куклы. Но это не обычные куклы, а «гендерно-нейтральные» куклы. Это бесполое куклы, имеющие на части головы (лицом назвать сложно) нарисованные фломастером различные выражения эмоций (радость, удивление, гнев, смех и прочее). Бесспорно, это важно для культурной, эмоциональной и языковой адаптации и детей-мигрантов, в том числе. Девочки и мальчики в этом саду носят одинаковую одежду, играют в одни и те же игры, воспитатели к ним обращаются «друг», «друзья». Нет обращения «мальчик» или «девочка».

Этот садик посещают дети из самых разных семей. В том числе и дети иммигрантов из мусульманских стран, которые в последние годы приехали в Швецию. Родители таких детей далеко не всегда полностью согласны с тем, что и как происходит в этом детском саду. Однако руководство и персонал садика работает с такими родителями, объясняют им особенности свободного поведения детей в шведских садиках. И, по мнению и признанию руководства садика, именно таким образом они реализуют на практике провозглашенные принципы демократии шведского общества – дети делают то, что хотят и как хотят, и как они все чувствуют.

По мнению апологетов такого гендерно-нейтрального воспитания – нет мальчиков и девочек, нет определяющих пол физиологических особенностей, все – «друзья». Они заявляют, что такие дети имеют более широкие и разнообразные возможности выбора жизненных стратегий, начиная от выбора одежды (не обязательно мальчикам носить мальчиковую одежду, а девочкам – девчачью) и до осознания себя и своего места и роли в жизни. Также они считают, что дети свободны от норм и стереотипов, которые формируются происхождением, полом и физиологическими особенностями, религией, семьей, родителями, культурой и учителями. Одним из принципов такого гендерно-нейтрального воспитания в садиках является и то, что в стремлении отойти от гендерных стереотипов девочкам

не «навязывают» игры в кукол и прочих девчачьих забав, а мальчикам при их желании разрешают танцевать в розовом платье в балете и соответственно чувствовать себя. Объективности ради, все же надо отметить, что большого интереса во всей Швеции к таким гендерно-нейтральным дошкольным учреждениям пока не наблюдается. Однако сам факт появления такого свидетельствует о расширении и активизации самых разных общественных сил.

Хотелось бы отметить, что само явление «гендерного нейтралитета» и его распространение в обществе не является уже столь исключительно шведским явлением. В начале ноября 2017 г. появилась официальная информация о том, что и в Германии при регистрации официальных документов при заключении брака вводится новое понятие «третьего пола». Думается, что такое целенаправленное разрушение традиционных (в культурном, историческом, бытовом и социальном смысле слова) норм семьи имеет далеко идущие и, на наш взгляд, негативные последствия для современного общества и нашей ежедневной повседневной жизни.

Список литературы:

1. Плевако Н.С., Чернышева О.В. Можно ли стать шведом? М.: КРАСАНД, 2012.
2. Сорокина Е.А. Будущее в настоящем. Современная система школьного образования в Швеции // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 8. М.: Наука, 2015.
3. Сорокина Е.А. Школьное образование Швеции в современных условиях // Очерки о европейской идентичности и многокультурности. Отв. ред. М.Ю.Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2013.

Г.Р. Асатова*

Современное олимпийское движение в Узбекистане: деятельность Национального олимпийского комитета

Статья посвящена социальному явлению – олимпизму. Статья посвящена вопросу олимпийского движения в Узбекистане. На основании источников освещается деятельность Национального олимпийского комитета Узбекистана.

Present article is devoted to the social phenomenon of Olympics. Present article is explained the question of the Olympic Movement in Uzbekistan. The activity of the National Olympic Committee of Uzbekistan is also brightened by these resources.

---

* **Асатова Гульсара Рашидовна**, кандидат исторических наук, доцент, начальник учебного отдела, доцент кафедры «История Узбекистана», Узбекский государственный институт физической культуры

Ключевые слова: олимпийское движение, главные соревнования, неординарная личность, Международный Олимпийский комитет, Национальный Олимпийский комитет.

Keywords: Olympic Movement, competitions, extraordinary personality, International Olympic Committee, National Olympic Committee

Известно, физическая культура и спорт, олимпийское движение – явления исторически обусловленные. А в современных условиях ценности олимпийского движения и олимпийских идеалов весьма актуальны. Учитывая это, лидеры стран выстраивают государственную политику в этой области в соответствующую перспективу. Эти тенденции характерны и для Узбекистана.

Отметим, в современных условиях физическая культура, спорт и олимпийское движение республики, имея предпосылки высокого потенциала, отражаются в культурной, социальной, молодежной, экономической, международной и во многих других сферах жизнедеятельности.

Напомним о некоторых исторических страницах олимпийского движения в Узбекистане. Так, находясь в составе сильнейшей олимпийской державы – СССР – Уз ССР имела возможность внести свою лепту. И, далее на XXV Олимпийских играх в Барселоне (1992) 17 узбекистанских спортсменов приняли участие в составе сборной команды СНГ, ими было завоёвано 3 золотые, 2 серебряные и 1 бронзовая медали.

А с приобретением независимости началась новая страница истории олимпийского движения. 21 января 1992 г. был создан Национальный Олимпийский комитет Республики Узбекистан (НОК РУз). НОК РУз, являясь негосударственной некоммерческой организацией, осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Республики Узбекистан, Олимпийской Хартией Международного Олимпийского комитета и Уставом Национального Олимпийского комитета Узбекистана. При этом НОК РУз выполняет ряд важных функций по развитию физической культуры и спорта в республике. Например, при выполнении внутренних функций НОК РУз: развивает принципы, заложенные в Олимпийской хартии; содействует физическому и духовному воспитанию населения республики; участвует в развитии массовых занятий физической культурой и спортом, национальных видов спорта, спорта среди инвалидов; пропагандирует в Узбекистане идеи олимпизма, развивает олимпийское образование; организует конференции, семинары, курсы по обмену опытом и повышению квалификации спортивных кадров; защищает интересы спортсменов, тренеров, спортивных судей, ветеранов спорта. Весьма разнообразны и внешние функции: укрепление позиций и повышение престижа Республики Узбекистан на международной арене; представительство делегаций страны на Олимпийских, Азиатских,

Всемирных юношеских и Центральноазиатских Играх; развитие спортивного сотрудничества с Международным Олимпийским комитетом (МОК), Олимпийским Советом Азии (ОСА), национальными Олимпийскими комитетами других стран, международными спортивными объединениями; установление международных контактов и связей, заключение соглашений со спортивными объединениями стран и регионов [4, л. 175].

Полное осуществление международной деятельности НОК РУз стало возможным с признанием Международного Олимпийского комитета на 101 сессии в сентябре 1993 г.

Вскоре, в 1994 г. на Олимпиаде в норвежском Лиллехаммере, Узбекистан завоевал первую золотую медаль. И копилка олимпийских медалей пополнялась с каждой следующей олимпиадой. Так, в 1996 г. в Атланта – уже 2 награды.

Что касается деятельности НОКа Узбекистана, то заметим, не останавливаясь на достигнутом, НОК установил прочные отношения с Олимпийским Советом Азии (ОСА) [5]. ОСА – одна из пяти континентальных ассоциаций национальных олимпийских комитетов, признанных МОК, руководящий орган Олимпийского движения в странах Азии, объединяющий 45 государств. ОСА был создан с целью представления и продвижения интересов НОКов Азии, поднятия международного авторитета стран-участниц, продвижения спорта во всем азиатском регионе, а также развития моральных и физических качеств молодежи, участвующих в спортивных состязаниях. ОСА координирует спортивную деятельность в странах-членах ОСА, гарантирует регулярное проведение Азиатских игр (летних, зимних, молодежных, пляжных, в закрытых помещениях и по боевым искусствам), а также является органом, пропагандирующим высокие идеалы Олимпийского движения на Азиатском континенте. ОСА не только оказывает содействие в проведении Азиатских и региональных Игр, а также международных соревнований, но и является уполномоченным органом в разрешении проблем и споров, которые могут возникнуть у ее членов и соответствующих сторон.

Это позволило спортсменам и спортивным организациям расширить свое участие в спортивной жизни континента, успешно выступать на летних и зимних Азиатских играх, чемпионатах Азии. Столица Узбекистана стала местом проведения совещаний различных международных спортивных организаций. Например, по предложению Олимпийского совета Азии в Ташкенте проходило совещание Генеральных секретарей Национальных Олимпийских комитетов стран Азии, в котором принимали участие представители 42 стран. Проведение совещания столь высокого уровня значительно укрепило авторитет Узбекистана в международном спортивном содружестве. Это проявилось, в частности, в заинтересованности ряда стран в подписании договоров о содружестве с НОК Узбекистана. И, в частности, были подписаны договоры с НОКаи России, Казахстана, Украины,

Армении, Японии, КНР, Вьетнама, Таиланда, Китайского Тайпея, пролонгированы договоры с Китайской республикой и Монголией и т.д. [5].

Подчеркнём, успехи Узбекистана в развитии спорта среди молодежи и достижения спортсменов на мировых спортивных форумах также высоко были оценены и Ассоциацией национальных олимпийских комитетов (АНОК).

Итак, Узбекистан постепенно становится одним из важных спортивных центров мира, где всё чаще проводятся крупные международные состязания и совещания. Индикатором повышения авторитета узбекского спорта в международном спортивном движении стало проведение чемпионата мира по курашу, чемпионатов Азии по борьбе, боксу, Центральноазиатских игр, Кубков Президента Узбекистана по теннису, борьбе, курашу и т.д. [6].

На последовавших играх четырёхлетия в Сиднее (2000), в Афинах (2004), в Пекине (2008) Узбекистан увереннее заявлял о своих спортивных амбициях. Атлеты, выступая, завоёвывая медали различных достоинств, оттачивая своё мастерство, усиливали стремление добиваться большего. В этой тенденции лондонская олимпиада (2012) стала поворотным этапом для олимпийцев Узбекистана. Так, в феврале 2013 г. было принято Постановление Президента Узбекистана «О подготовке спортсменов Узбекистана к XXXI летним Олимпийским играм и XV Паралимпийским играм 2016 г. в городе Рио-де-Жанейро (Бразилия)» [1]. Вслед за этим было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об организации деятельности Фонда поддержки олимпийцев Узбекистана при Национальном олимпийском комитете Узбекистана» [2]. И, согласно данным нормативным актам определилась реализация комплекса многосторонних мер. Более того, известно, одним из немаловажных аспектов работы со спортсменами является их постоянное стимулирование. Подчеркнем, в связи с этим был утверждён и Устав «О порядке выплаты стипендий членов и тренеров сборных команд Узбекистана по видам спорта, включённых в программу Олимпийских и Паралимпийских игр». В соответствии с этим, ежемесячно поощряются спортсмены, достойно защищающие честь страны на международных аренах, а также их наставники.

Как итог этих действий – Олимпиада в Рио-2016 для Узбекистана признана успешной. При выигранных 13 наградах, впервые атлеты Узбекистана стали обладателями 4 золотых медалей. За истекший период, это поистине лучший результат Узбекистана на Олимпиадах. А вслед за олимпийцами настал черед членов Паралимпийской сборной. Они по праву заслуживают в свой адрес отдельной оды. Узбекистан на XV Паралимпиаде представляли 32 спортсмена, выигравшие 31 медаль, что, безусловно, вызвало широкий резонанс у мировой спортивной общественности.

Надо сказать, триумф пришёл не случайно, за ним, несомненно, колоссальный труд. Осуществлялись системные и целенаправленные меры по развитию физической культуры и массового спорта. Создана эффективная система подготовки спортсменов высокого класса, способных достойно представлять Узбекистан и добиваться высоких спортивных результатов на престижных международных соревнованиях.

Одновременно с этим, нельзя забывать и об организационных вопросах. А именно, международное партнёрство стало важным условием совершения деятельности Национального Олимпийского Комитета РУз. Так, НОК РУз, прежде всего, наладил тесное сотрудничество не только с МОК, но и с соответствующими ведомствами многих государств, с международными федерациями и ассоциациями по различным видам спорта. К примеру, в период с 2013 по 2016 г. Узбекистан с визитом посетили Президент МОК Томас Бах, Президент Олимпийского Совета Азии Шейх Ахмад ал-Фахд ал-Сабах, руководитель Паралимпийского комитета Азии Дато Абу Зайнал Абу Зарин. Оценили уровень развития спорта Президент международной федерации тяжёлой атлетики Томаш Аян, Президент международной федерации любительского бокса Чинг Ку Ву. Нельзя не отметить, укреплению международных связей способствовали и визиты президента международной федерации фехтования Алишера Усманова, прежнего руководителя ФИФА Йозефа Блатера. Не ограничиваясь этим, Ташкент принимал и Президента Союза тэквондо Кю Сок Ли, вице-президента международной федерации лёгкой атлетики Сергея Бубку, вице-президента технического комитета по художественной гимнастике Ирину Винер-Усманову и многих других [3].

Признано, что ныне в республике, благодаря созданным условиям, спорт превратился в общенациональное движение.

Олимпийские достижения спортсменов Узбекистана явили миру, что этот регион является не только землей великих ученых, творческих деятелей, но и страной атлетов. А их успехи, являясь национальным достоянием государства, свидетельствуют человечеству, прежде всего, о потенциале страны.

А в истории, как известно, ничто не бесследно. Пьер де Кубертен, как личность, навсегда вписал свое имя в историю, приобщив весь мир к столь мощному и масштабному общественному движению. В числе примкнувших – Узбекистан. При этом вклад Национального олимпийского комитета Республики Узбекистан за истекшие четверть века в этот аспект деятельности весьма достойный.

Список литературы:

1. Постановление Президента РУз «О подготовке спортсменов Узбекистана к XXXI летним Олимпийским играм и XV Паралимпийским играм 2016 г. в городе Рио-де-Жанейро (Бразилия)» от 25 февраля 2013 г. № ПП-1923

2. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об организации деятельности Фонда поддержки олимпийцев Узбекистана при Национальном олимпийском Комитете Узбекистана» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2013. № 14. Ст. 181

3. Спорт +. № 4 (7132). 25 января 2017 г.

4. Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. - М. - 1. Оп. 1. Д. 11.

5. ЦГА РУз. Ф. - М. - 1. Оп. 1. Д. 56.

6. ЦГА РУз. Ф. - М. - 1. Оп. 1. Д. 214.

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ

Э.А. Черноухов*

Польский врач О. Нехведович на северном Урале в 1811–1842 гг.

Польский врач Онуфрий Нехведович 30 лет (1811–1842) прослужил на горнозаводском Урале. Ему удалось продвинуть решение ряда застарелых проблем социальной сферы в Нижнетагильском округе. Сохранившиеся документы, в том числе переписка Нехведовича с Демидовыми, позволяют реконструировать особенности службы врачей в специфических условиях заводских поселков северного Урала.

Polish physician Onufriy Nekhvedovich has served for 30 years (1811–1842) in the mining Ural. He managed to promote the solution of several chronic social problems in the Nizhny Tagil District. The surviving documents, including the correspondence of Nekhvedovich with the Demidovs, allow to reconstruct the features of the doctors' service in the specific conditions of the factory settlements of the northern Ural.

Ключевые слова: врач, Нижнетагильский заводской поселок, О. Нехведович, северный Урал.

Key words: physician, Nizhny Tagil factory settlement, O. Nekhvedovich, northern Ural.

На протяжении всей первой половины XIX в. на Урале сохранялся дефицит дипломированных врачей. Его различными способами пытались разрешить и гражданские, и горные власти. Для этого активно практиковалось привлечение врачей из других регионов Российской империи и даже за границы [5].

В результате на горных заводах Урала постепенно сформировалась профессиональная корпорация врачей, весьма неоднородная по происхождению, образованию, профессиональному опыту. В ее составе были специалисты разных национальностей. По нашим подсчетам (выявлено 250 врачей), 3% из них (семь человек) составляли поляки.

Яркой особенностью общественного устройства польских земель в первой половине XIX в. был непропорционально большой процент дворянства (шляхты), беспрецедентный для Центральной Европы (в некоторых областях – до 10%). Все эти семь врачей не имели поместий и особых служебных перспектив на своей родине. Это во многом предопределило их выбор медицинского факультета (у большинства –

---

* **Черноухов Эдуард Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет.

Виленского университета) и последующее распределение. Часть этих врачей обучались как «казеннокоштные» воспитанники, обязанные по окончании обучения отработать по распределению определенное количество лет. В результате они оказались на далеком от их родины горнозаводском Урале, где прослужили долгие годы [7].

Среди них был и польский врач Онуфрий Нехведович (1789–1842). Он сам писал свое имя с буквы О, а владелец Нижнетагильского горного округа Н. Н. Демидов с А – Ануфрий. К нему по русской традиции добавляли отчество Игнатьевич.

В 1811 г. Нехведович окончил медицинский факультет Виленского университета «казеннокоштным» воспитанником и был направлен на северный Урал: в Гороблагодатский казенный горный округ. Здесь он отработал весь определенный законодательством срок до 1820 г. Со временем он был определен инспектором по медицинской части округа (эта тогда неофициальная должность, была институализирована в казенных округах Урала только по штатам 1827–1829 гг.).

Жалование Нехведовича определялось штатами «Положения для медицинского управления армии и флота» 1805 г. Они устанавливали годовые оклады старшего лекаря в 600–750 руб. асс. [1]. При этом в условиях хронического недостатка врачей горные начальники могли увеличивать его за счет сверхсметных доходов, что практиковалось и в Гороблагодатском округе.

Но содержание врачей в частных горнозаводских хозяйствах Урала в тот период было существенно выше. Поэтому в декабре 1820 г., после завершения казенной отработки, Нехведович перешел на значительно более выгодную в материальном плане службу в крупнейший в регионе Нижнетагильский округ Демидовых. Здесь он проработал до самой смерти в июне 1842 г., несколько раз продлевая контракт на новый срок.

Специфику службы Нехведовича в Нижнетагильском округе позволяет проследить его переписка с двумя владельцами: Николаем Никитичем Демидовым (1773–1828) и его сыном Павлом (1798–1840), сохранившаяся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА). С первым из них он регулярно обменивался достаточно обширными письмами: за 1821–1828 гг.: сохранилось по 16 посланий каждого из них [2, л. 1–37; 3, л. 1–28 об.]. В двух коротких записках П.Н. Демидова Нехведовичу содержатся только дежурные фразы благодарности за службу. Тот, в свою очередь, увидев другое отношение, в своих двух сохранившихся донесениях новому владельцу округа ограничивался дежурными славословиями об обширном меценатстве нижнетагильских Демидовых [4, л. 1–6 об.].

В Нижнетагильском округе Нехведович имел годовое жалование в 2,5 тыс. руб. асс., а также «натуральные надбавки»: господскую квартиру с прислугой, отоплением и освещением, экипаж для выездов. Кроме того, он

регулярно получал по 400–500 руб. асс. при традиционных ежегодных награждениях, выписывал за счет заводовладельцев необходимые медицинские журналы. Со временем на него была распространена и практика выдачи бесплатного провианта [6, с. 56]. Подобное содержание существенно превышало доходы врачей в казенных горнозаводских округах Урала (1,5–2,0 тыс. руб. по штатам 1827–1829 гг.). В то же время там была выше социальная защищенность медиков и их семей [8, с. 108–110].

«Посторонний» врач в отдаленном горнозаводском округе должен был быть готовым на сложные компромиссы. В тот период времени в заводских поселках Урала, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии. Это сопровождалось перманентной борьбой местных служительских кланов между собой и с «посторонними» специалистами. Связанные тесными родственными связями служители, а также некоторые из духовных лиц настойчиво насаждали среди местного населения представления о дипломированных врачах как людях, определенных правительством для «потрошения трупов» и «свидетельствования женщин» (так ими трактовались судебно-медицинские вскрытия тел и помощь в родовспоможении) [9].

Поэтому сам Н.Н. Демидов в письме управляющим Нижнетагильской конторы 1821 г. отмечал, что образованному человеку, «который воспитан в столице, в губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни». Для иностранцев и поляков дополнительные трудности создавал суровый климат северного Урала, где и в июне иногда приходилось протапливать печи. Сам Нехведович отмечал, что лишен здесь «жизненных удовольствий» [2, л. 4]. Поэтому «посторонние» для Нижнетагильских заводов специалисты нередко покидали службу до истечения срока контрактов.

Нехведович стал редким исключением, прослужив в округе до своей смерти. Н.Н. Демидов неоднократно подчеркивал, что ему, первому из врачей округа, удалось успешно «уживаться» с местными приказчиками с их «грубой закоснелостью» (оценка самого заводовладельца). Видимо, одной из веских причин этого стали матримониальные связи и расположение Н. Н. Демидова. В 1824 г. Нехведович женился на дочери местного заводского исправника П.А. Платонова, получив на свадьбу богатый подарок от владельца округа.

Н.Н. Демидов постоянно выражал благодарность Нехведовичу за службу («мне было бы приятно, коли все бы меня понимали, как Вы»). Его высокая оценки деятельности врача была во многом оправданна. Нехведовичу удалось добиться несомненных успехов в решении ряда застарелых проблем в развитии социальной сферы округа, прежде всего, в организации квалифицированной медицинской помощи.

При его непосредственном участии был построен лучший на горнозаводском Урале госпитальный комплекс в Нижнетагильском поселке,

а приемные покои в Нижнесалдинском и Висимоуткинском заводах преобразованы в полноценные больницы. Он убедил Н.Н. Демидова не заниматься разведением ботанического сада, а покупать необходимые лекарственные травы. Это обходилось дешевле из-за суровости местного климата.

Нехведовичу удалось наладить оспопрививание среди местного населения, существенная часть которого, по раннему письму врача, «никаких резонов не принимают, угроз не боятся, наоборот, еще дерзко бранятся и если бы не боялись начальства, то готовы бить и самого оспопрививателя» [3, л. 18–18 об.]. Переломить негативное отношение у части жителей удалось во многом благодаря утвержденным Н.Н. Демидовым денежным наградам для родителей, согласившихся привить своих детей.

В начале своей службы Нехведович обоснованно констатировал, что акушерское дело на заводах «в упущении». Для оказания квалифицированной помощи при родах началось обучение специально набранных повивальных бабок. Под контролем врача им руководил крепостной старший лекарский ученик И.А. Шамарин, получивший медицинское образование во Франции.

При активном содействии Нехведовича воспитательный дом в Нижнетагильском поселке, через 20 лет после создания, перевели в более приспособленное помещение, был увеличен его персонал. Незаконнорожденных младенцев стали активнее отдавать местным жителям, которые получали пособия от заводоуправления.

Владельцы Нижнетагильского округа высоко оценили заслуги Нехведовича. После смерти врача они определили его вдове пенсию в 500 руб. в год, а одному из сыновей – пособие для обучения в Горном институте [6, с. 56–57]. Всего Нехведович врач имел четверых детей. Его сыновья стали горными инженерами, но служили уже на Алтае: в Барнаульском округе.

Анализ тридцатилетней жизни польского врача О. Нехведовича на северном Урале позволяет скорректировать некоторые традиционные представления, лучше понять особенности службы врачей в специфических условиях заводских поселков региона. В сохранившихся документах, в том числе переписке этого специалиста с Н.Н. Демидовым, отразились многие проблемы медицинской сферы первой половины XIX в. и перспективные пути их разрешения. Рост количества и оснащения стационарных медицинских заведений, появление в них квалифицированного персонала вели к постепенному позитивному изменению менталитета местного населения. Для Нижнетагильского округа второй четверти XIX в. вполне обосновано говорить об успешном развитии процесса медиализации, как важном направлении модернизации.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 28. № 21866.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 1–37.
3. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 1–28 об.
4. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 226.
5. Черноухов Э.А. Иностранцы врачи в частных горных округах Урала в первой четверти XIX в. // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 157–161.
6. Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, УрГПУ, 2011.
7. Черноухов Э.А. Врачи-поляки на горных заводах Урала XIX в. // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 148–152.
8. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 535 с.
9. Черноухов Э. А. «Письма из Тагила» П. В. Рудановского // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 147–150.

А.П. Стоцкий*

Владислав Францевич Галле – полицмейстер Санкт-Петербурга

Статья посвящена биографии полицмейстера Санкт-Петербурга генерал-майора Владислава Францевича Галле (1862–?), приложившего много усилий для организации и деятельности российской полиции в начале XX в. Он вошел в историю полиции как основатель специальной школы для профессиональной подготовки чинов полиции, подразделений конной полиции в имперской России, создатель кинологической службы и первого в России Музея полиции.

This article is about the biography of the chief of police of St. Petersburg general-major Vladislav Frantsevich Halle (1862–?), organized by the Russian police in the beginning of XX century. He became the founder of a special schools for the training of police officers, mounted police in the Russian Empire, he created canine police service and the first in Russia Museum of the police.

Ключевые слова: санкт-петербургская полиция, полицмейстер, подготовка кадров, специальная школа, конная полиция, кинологическая служба, музей полиции.

Keywords: St. Petersburg police, police training, special school police, mounted police, canine police service, police museum.

Одним из знаковых персонажей истории российской полиции конца XIX – начала XX в. был Владислав Францевич Галле (1862–?), ставший полицмейстером Петербурга и дослужившийся до звания генерал-майора.

---

* **Стоцкий Александр Петрович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России.

При его активном участии в столичном подразделении МВД Российской империи были созданы: конная полиция, кинологическая служба, школа для профессиональной подготовки чинов полиции, первый в стране музей полиции. Галле инициировал и принял участие в создании бронезиляка как средства индивидуальной безопасности сотрудников полиции, подготовил многочисленные издания по вопросам обеспечения деятельности полиции и правопорядка в имперской столице.

Родился В.Ф. Галле в г. Санкт-Петербурге 28 октября 1862 г. В 19 лет окончил 2-ю военную гимназию, а в 1892 г. с отличием завершил Офицерскую кавалерийскую школу [12, с. 97]. В 1886 г. В. Ф. Галле начал службу в МВД в должности помощника пристава на окраине города, где на него обратил внимание градоначальник Н.В. Клейгельс, который в дальнейшем способствовал реализации его проектов по совершенствованию работы столичной полиции [11, с. 103; 13, с. 90–92].

Одним из первых проектов, который предложил В.Ф. Галле и успешно реализовал на базе Резерва Санкт-Петербургской столичной полиции, была специальная школа для чинов полиции [16, с. 18–19]. Она была создана на рубеже XIX–XX вв. В это время на службу в полицию привлекались, в основном, отставные военные [7, с. 15]. Многие из них не имели никаких представлений о том, как устанавливается и поддерживается порядок в городах [6, с. 84–85]. Руководство МВД Российской империи и Санкт-Петербурга эту проблему знало, поэтому поддержало инициативу В.Ф. Галле по устройству специальной школы по подготовке новых кадров. В здании полицейского управления Александрово-Невской части (ныне Невский пр., 91 и ул. Гончарная, 6) были оборудованы «классы для городских, околоточных надзирателей и офицеров наружной полиции, для городских речной полиции и для полицейских служителей» молельная комната, спальни, кухня и пекарня, столовая и буфет, бильярдная и пр. [8, с. 3–4].

Специальная школа стала местом профессиональной подготовки и переподготовки различных чинов полиции. Для этих целей В.Ф. Галле на протяжении нескольких лет собирал экспонаты, которые могли помочь эффективному обучению будущих служителей закона: коллекции головных уборов и форменной одежды; вооружение; фотографии и картины, процессуальные и личные документы; макеты зданий и транспортных средств, поддельные и фальшивые монеты и многое другое [3]. Именно эти экспонаты были положены в основу первого в Российской империи Музея полиции, открытого в 1900 г. [10, с. 70–71]. Все это богатство использовалось преподавателями для обучения будущих стражей порядка, в том числе и сотрудников конной полиции.

К решению о создании конной полиции В.Ф. Галле подтолкнули казаки, которые жаловались, что их используют в полицейских целях. В этой связи ротмистр Галле предложил научить стражей порядка ездить верхом. В

конную полицию были приглашены офицеры из гусарских, уланских и драгунских полков. Для конной полиции были построены манеж и казармы. Форму для этого подразделения шили по моделям, разработанным самим В.Ф. Галле. В итоге, были сформированы три отделения, в каждое из которых вошло по 50 полицейских (офицеров и нижних чинов), 10 конюхов и 1 писарь [9, с. 245–325]. Конная полиция успешно решала поставленные перед ней задачи по обеспечению охраны общественного порядка в 1905–1907 гг. [2, с. 54].

В 1903 г. В.Ф. Галле был назначен начальником Резерва столичной полиции и одновременно полицмейстером 4-го отделения Санкт-Петербурга (Васильевский остров, Петроградская сторона, Новая деревня) с присвоением ему очередного звания подполковника [14, с. 128–131].

В начале января 1905 г. по городу прокатилась волна протестов, начатая забастовкой рабочих Путиловского завода. Для наведения порядка были привлечены конная полиция и Резерв столичной полиции. Под руководством В.Ф. Галле они преградили путь протестующим на мостах, ведущих с Васильевского острова и с Петербургской стороны по направлению к Дворцовой площади и «не пропустили ни одного человека» [1, с. 301.]. В результате столкновений полицейских и протестующих в разных частях города были многочисленны жертвы с обеих сторон. Сотрудников полиции хоронили на Успенском кладбище, где с 1903 г. по просьбе Галле городская управа для захоронения стражей порядка выделила участок земли [19, с. 24; 15, с. 13].

По инициативе В.Ф. Галле были созданы новые подразделения столичной полиции – команды фотографов, велосипедистов и фонарщиков. Он активно принимал участие не только в подготовке, но в экзаменовке будущих полицейских. В январе 1911 г. совместно с варшавским обер-полицеймейстером генерал-майором П.П. Мейером и другими членами экзаменационной комиссии участвовал в приеме экзамена у 9 человек, окончивших 3-й курс в школе дрессировщиков при питомнике Российского общества разведения собак для полицейской и сторожевой службы.

Для обеспечения личной безопасности полицейских на основе борьбы джиу-джитсу В.Ф. Галле совместно с профессором атлетики И.В. Лебедевым разработал серию простых приемов, при помощи которых полицейский мог обезоружить преступника [4].

В 6 декабря 1912 г. за отличие в службе министр внутренних дел А.А. Макаров присвоил В. Ф. Галле звание генерала-майора [12, с. 97].

В течение нескольких лет В. Ф. Галле совместно с ротмистром К.К. Задарновским разрабатывал конструкцию нового бронежилета, рассчитанного на людей разного роста и разных размеров. Для снижения себестоимости защитного вооружения для полицейских В. Ф. Галле разместил заказы на их изготовление в одном из Домов трудолюбия Санкт-Петербурга (Обводный канал, 145).

15 ноября 1916 г. Галле был назначен Варшавским обер-полицмейстером [13, с. 90].

17 декабря 1916 г. в Санкт-Петербурге было совершено убийство Григория Распутина. Газета «Вечернее время» за 19 декабря сообщала, что среди лиц, направленных для расследования на место преступления был В.Ф. Галле [17, с. 1].

27 февраля 1917 г. В.Ф. Галле принимал участие в защите города от революционных беспорядков [18, с. 7–19].

После смены власти в стране Владислав Францевич (по недостоверным сведениям) эмигрировал из России в одну из европейских стран. Дальнейшая судьба Галле неизвестна. Профессиональная деятельность полицмейстера Петербурга, генерал-майора Владислава Францевича Галле сыграла важную роль в профессиональной подготовке кадров полиции, в совершенствовании профессиональной деятельности органов полиции. Лучшие традиции организации полиции и профессиональной подготовки полицейских нашли свое продолжение и в годы советской власти, и в современной России [5, с. 6–12]. В.Ф. Галле являет собой пример беззаветного служения Родине и своему делу.

Список литературы:

1. Богданович А. Три последних самодержца. Дневник. М.: «Новости». 1990. 608 с.
2. Нижник Н.С. Российская полицейстика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / под общ. ред. В.А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. С. 41–55.
3. Каталог музея Санкт-Петербургской столичной полиции, основанного в 1900 году в СПб. СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1903. 104 с.
4. Лебедев И. В. Самооборона и арест / Сост. проф. атлетики И.В. Лебедев; под ред. ген.-майора В. Ф. Галле. Пг.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 66 с.
5. Нижник Н.С. Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 сентября 2013 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2013. С. 6–12.
6. Нижник Н.С., Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. СПб.: Астерион, 2008. 515 с.
7. Нижник Н.С., Гугасари Е.С. Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1(53). С. 10–18.
8. Резерв С.-Петербургской столичной полиции. Специальная школа и музей столичной полиции. СПб.: Типография СПб. Градоначальства, 1901. 33 с.
9. Санкт-Петербургская столичная полиция и Градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 326 с.

10. Смирнова А.В. Хранитель музея – книга // Антикварное обозрение. 2008. № 2. С. 70–71.
11. Список генералам по старшинству: Исправлено по 10 июля 1916 года. Пг.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1916. 189 с.
12. Список генералам по старшинству: Составлен по 15 апреля 1914 года. Пг.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. 1012 с.
13. Стоцкий А.П. Владислав Францевич Галле: во главе полиции имперской столицы в годы революционных потрясений России // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. С. 90–92.
14. Стоцкий А.П. Владислав Францевич Галле: повседневность профессиональной деятельности полицмейстера Петербурга в годы революционных преобразований России // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: Материалы международной научной конференции. / Гл. ред. А.В.Егоров. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017. С. 128–131.
15. Стоцкий А.П. Приют отставных полицейских // На страже закона. 2014. № 10(164). С. 13.
16. Стоцкий А. Сыскная полиция Санкт-Петербурга на Офицерской // На страже закона. 2016. № 2. С. 18–19.
17. Таинственное убийство // Вечернее время. 1916. 19 декабря. С. 1.
18. Черняев Ю.В. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1991. Вып. 1. С. 7–19.
19. Этика сотрудников правоохранительных органов: Учебник / Под ред. Г. В. Дубова. М.: Щит-М, 2002. 524 с.

Х.А. Буриева*

**Материалы личного фонда известного ученого-востоковеда
Н.П. Остроумова как источник по изучению общественной жизни
Туркестана (по документам ЦГА РУз)**

Статья посвящена вопросу изучения истории повседневной жизни населения на основе творческого наследия известного ученого, краеведа, востоковеда Н.П. Остроумова. В работе выполнен обзор документальных источников, хранящихся в личном фонде ученого в ЦГА РУз и указана их значимость в плане исследования общественной и социальной жизни народов Туркестана в конце XIX – начале XX вв.

The article is devoted to the study of the history of dayli life of the population on the basis of the creative heritage of the famous scientist, ethnographer, orientalist N.P. Ostroumov. The paper reviews the documentary sources stored, which preserve,in the

---

* **Буриева Хайрия Амануллаевна**, кандидат исторических наук, доцент,
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

personal fund of the scientist at the Central State Archive of Republic of Uzbekistan and indicates their importance in terms of researching the public and social life of the peoples of Turkestan in the late XIX – and early XX centuries.

Ключевые слова: источники, личный фонд Н.П. Остроумова, ученый, общественный деятель, материалы, общественная жизнь, народы Туркестана, архивный документ, опись.

Key words: sources, personal fund of N.P. Ostroumov, scientist, public figure, materials, public life, peoples of Turkestan, archive document, inventory.

Особую роль в изучении проблем повседневности играют сведения, содержащиеся в трудах ученых, создавших свои исследования на базе первоисточники. Одним из известных ученых-востоковедов конца XIX – начала XX вв., прожившим большую часть жизни в Туркестане, посвятившим себя развитию науки и образования в крае, является известный российский ученый, краевед, востоковед Николай Петрович Остроумов (1848–1930 гг.). «Судьба Остроумова во многих отношениях примечательна. Благодаря трудолюбию, пылливому уму, любви к познанию, служебной добросовестности он, сын сельского священника, стал потомственным дворянином, действительным статским советником, кавалером многих орденов, известным деятелем науки, человеком, имя которого вошло во многие энциклопедии... Востоковедческая деятельность Н.П. Остроумова охватывает несколько направлений – археологию, этнографию, языкознание, фольклористику, источниковедение, исламоведение», – отмечает современный ученый-историк Ю.С. Флыгин [1, с. 3]. Отличительной чертой работ ученого является активное использование первоисточников, а также и личных наблюдений автора, отражение в них данных, полученных при непосредственном общении автора с местным населением, при активном участии его в общественной жизни Туркестана.

Богатый материал для изучения творческого наследия Н.П.Остроумова и его вклада в развитие общественной науки Туркестана содержится в документальных источниках, хранящихся в фондах Центрального Государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), в частности, в личном фонде ученого. В ЦГА РУз личный фонд Н.П.Остроумова называется «Л/ф Н.П.Остроумова» и нумеруется № И-1009; данный фонд включен в ряд наиболее значимых, и ввиду этого его дела отмечены знаком ОЦ – «особо ценный». Документы фонда И-1009, в количестве 191 дела, описаны одной описью № 1, состоящей из 25 страниц [2].

В частности, в делах встречаются такие документы как: статьи, письма, вырезки из газет, карты, заметки, брошюры, фрагменты из них, фотоснимки, иллюстрации, чертежи и др. Анализ цифровых данных всей

описи свидетельствует о том, что в личном фонде Н.П. Остроумова наибольшее количество материалов представлено вырезками из газет, на втором месте – письма, на третьем – статьи, на четвертом – заметки, затем следуют прочие документы, газеты и карты, оттиски и брошюры, чертежи и иллюстрации, фотоснимки.

Исследование смыслового значения наименований имеющихся в данном фонде дел дает возможность определения тематических направлений документов и их количественного соотношения. Таким образом, можно выделить следующие группы тем для всех документов, располагая их, согласно количеству, в данной последовательности:

1. Мусульманский вопрос. Религиозные обряды.
2. Народы и регионы Туркестанского края: история, этнография, культура, фольклор.
3. Письма Н.П. Остроумова чиновникам, ученым, ученикам. Письма разных лиц.
4. Туркестанские генерал-губернаторы: сведения, материалы переписок.
5. Документы по работе ученого в Учительской семинарии и кружке археологов.
6. Русское население в Туркестане.
7. Дневники Остроумова (выписки, воспоминания), фотоснимки.
8. Разные заметки, материалы, книги по краеведению, восточной и русской литературе.

Данная классификация указывает на широкий спектр направлений научно-исследовательской деятельности Николая Петровича Остроумова, где значительное количество представляют работы по изучению ислама, его распространенности в Туркестане, по выявлению особенностей образа жизни местного населения Средней Азии. Не менее интересные сведения представлены востоковедом по истории, археологии, этнографии, культуре народов Туркестана, в которых имеют место и образцы фольклора. Особую значимость представляют материалы Н.П. Остроумова, о генерал-губернаторах края и некоторых других должностных лицах, их политике, личностях, свойствах характера. Педагогическая деятельность являлась одной из основных на трудовом поприще ученого. Он сделал многое для развития системы образования, особенно, в период работы в должности директора Туркестанской учительской семинарии, а также, будучи руководителем Археологического кружка. Его работы опубликованные педагогические труды призывают быть преданными педагогической деятельности, воспитывают молодежь в духе стремления к знаниям, уважения к людям, почитания обычаев и продолжения традиций своего народа, сохранения порядка в крае и бережного отношения к природе. Записи в дневниках Николая Петровича позволяют осознать, насколько требовательным, по отношению к себе, он был. Тонкость и

наблюдательность его натуры выражена не только в его научных изысканиях, но также и в материалах фольклора, литературы, периодической печати, которую он тщательно подбирал в целях раскрытия того или иного вопроса.

В подтверждение вышесказанному в настоящей статье целесообразно представить сведения о материалах некоторых документов личного фонда Н.П.Остроумова.

Фонд И-1009, опись 1, дело 57, 48 листов – «История Туркестана» [3].

В этом деле имеются: 23 вырезки из газет, 1 статья, 1 иллюстрация, 2 газеты, 3 прочих документа.

В рукописном варианте статьи Н.П. Остроумова дана схема, составленная им самим, подписано: «Мангытская династия в Бухаре». В ней указаны имена правителей этой династии, начиная от Чингиз-хана, с указанием годов правления. В деле также есть газета «Туркестанский курьер», где отмечена статья Элеоноры Д. «В столице Тамерлана» (Самарканд) о праздновании весеннего праздника среди мусульман; из газеты «Окраина» (Ташкент) представлена статья «Этнографические брызги» (скорее всего, самого Остроумова), содержащая интересные материалы о поверьях, суевериях местных народов, например, о способах вызова дождя и др. Материалы этого документа свидетельствуют о большом интересе ученого к сведениям, касающимся многих сторон жизни народов Туркестана в различные исторические периоды.

Фонд И-1009, опись 1, дело 61, 59 листов – «О школьном образовании в Туркестане» [4].

Это дело состоит из: 2-х статей, 28-ми вырезок, 6-и газет, 8-ми заметок, 1 прочего документа. Вырезки страниц периодической печати взяты автором из следующих газет: «Русский Туркестан», «Туркестанский голос», «Туркестанские ведомости», «Самарканд», «Среднеазиатская жизнь»; также есть две газеты на арабской графике – «Садои Туркестан», «Туркестанская Туземная газета». В этих вырезках даны статьи, где поднимаются вопросы о системе образования в Туркестане.

Фонд И-1009, опись 1, дело 140, 105 листов – «Дело и.о.директора учительской семинарии за 1879 год» [8].

В данном деле содержится 51 рукописный текст Н.П. Остроумова по делам семинарии. В частности, письма начальнику г. Ташкента, в Управление начальника г. Ташкента, ответные письма от них, письма от инспекторов Народных училищ районов, а также есть объявления, приглашения на различные заседания и др. для учителей семинарии, письма из других городов. Особо ценную информацию содержит «Отчет по Учительской семинарии в г.Ташкенте за вторую половинку 1879 г.», расписанный на 48 страницах. Из Отчета очевидно, что в семинарии в указанный год было 20 ученических мест, среди учащихся 2 магометан, 17 православных, 1 место – вакансия; в семинарии работали: директор, 5

учителя, врач, эконом и писмоводитель, чертежник, учитель гимнастики; учителя были по Закону Божьему, русскому языку, математике, истории, местному языку, рисованию и черчению, гимнастике.

Фонд И-1009, опись 1, дело 125, 57 листов – «О разных предметах (страницы из дневника Остроумова за разные годы)» [7].

В дело собраны: 1 вырезка из газеты, 1 рукописная статья, 2 оттиска, 2 прочих документа. В дневнике ученого записи сделаны слишком мелким, но ровным почерком. Так, на 125–126 страницах дневника есть запись о праздновании 25-летия Ташкентской Учительской семинарии в 1904 г. В ней приводятся интересные суждения автора: « Я считаю себя обязанным составить отчет о прошедшей учебно-воспитательной деятельности семинарии за 25 летний период, на основании официальных документов, в дополнение к которым мне хотелось бы прибавить и личные мои воспоминания об этом моем детище, по праву своему, как устроитель семинарии, в которой я был директором более 20 лет... За истекший 25 летний период (1879–1904 гг.) в семинарии обучалось 394 воспитанника, в числе которых русских воспитанников было 330, а туземцев 64, что в среднем составляет по 16 воспитанника на год. Такое незначительное число обучавшихся объясняется специальной задачей – совершить новое для Туркестана, и незначительным числом казенных стипендий». Заслуживает внимания тот фактор, что в этой краткой записи автору удалось передать значительную информацию о деятельности учебного заведения.

Фонд И-1009, опись 1, дело 122, 24 листа – «Русские женщины в Туркестане (вырезки из печати)» [6].

Документ содержит 24 вырезки из газет. Собранные газетные статьи посвящены вопросам идейно-нравственного воспитания людей. Среди них имеются статьи о неверности супругов и влиянии этого фактора на положение детей. Но в деле больше собраны материалы о преданности русской женщины семье, даже если это смешанный брак, о любви ее к детям от такого брака, о воспитании мальчиков и девочек, роли женщины в семье, воспитании детей, внешнем виде русской женщины в Туркестане, правилах этикета в их одежде, различных семейных драмах. Н.П. Остроумов был опытным педагогом, преданным своему делу. Его глубоко интересовали вопросы воспитания, особенно воспитание посредством жизненного опыта, жизненных ситуаций, нравучений религиозных служителей. Например, сохранилась вырезка из газеты со статьей «Священник О. Богородицкий», опубликованной в газете «Туркестанский курьер» (№ 1, 1916 г.), в которой приведены рассуждения религиозного деятеля по поводу культуры и воспитания людей: «Мы живем далеко от театра военных действий, и война здесь особенно не чувствовалась до прибытия беженцев. ...Число браков у нас в 1915 г. значительно сократилось благодаря войне, а рождаемость почти не изменилась, мальчики преобладают; всего родилось 236 мальчиков и 230 девочек. Что же касается смертности, то в течении ноября умерло

больше, чем в течение всего прошедшего года. Число смертей до сих пор – 1 867 человек. Все это беженцы, и по преимуществу дети. Я, как священник, как православно-русский человек, говорю, что война – это наказание Божие для вразумления людей. ...Господь, именно, хотел нам показать, что вся наша внешняя культура, – это нечто, а внутри люди еще звери. Удручает меня то, что в Ташкенте слишком много развлечений. Когда надо строить здание гимназии, то заявляют, что денег нет. А вот, цирк стремительно соорудили. И так во всем. Эти развлечения отнимают хлеб у жен и детей. Ко мне являются местные женщины, с просьбами вразумить их мужей, почти весь дневной заработок тратящих на разного рода увлечения. Помимо материальной стороны, эти увеселения такого характера, большей частью, оказывают вредное, нравственное влияние на массы, и особенно на наших детей. Христианская религия никогда не была против веселья, но веселья здорового, укрепляющего дух и поддерживающего бодрость. ...Мое пожелание на 1916 год, чтобы наши дети лучше воспитывались, особенно девушки, будущие матери и воспитательницы. Я желал бы видеть наших девушек проникнутыми религиозно-нравственными чувствами и понятиями, без чего они не могут быть хорошими гражданками. А главная гражданская обязанность женщины – это материнство, и я с этим понятием умру, чтобы там ни говорили о женском образовании».

В целом, накопленный Н.П. Остроумовым богатый материал об истории Туркестанского края, особенностях мусульманской религии, образе жизни местного населения Туркестана, о развитии системы образования в крае, правителях региона и их деятельности, о воспитании молодого поколения в Туркестане и в России представляет большую ценность в исследовании прошлого народов Средней Азии, в ознакомлении с их этнографическими особенностями и религиозными взглядами народов Востока, в изучении истории региона. Большая часть таких сведений представлена как в виде научных работ автора, так и в форме писем, заметок, статей, собранных в его личном фонде, образованном в ЦГА РУз.

Список литературы:

1. Флыгин Ю.С. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Ташкент: “Turon zamin ziyο”, 2016.
2. ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1.
3. ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 57. 48 л.
4. ЦГА РУз. Ф.И-1009. Оп. 1. Д. 61. 59 л.
5. ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д.109.
6. ЦГА РУз. Ф.И-1009. Оп. 1. Д. 122. 24 л.
- 7.ЦГА РУз. Ф.И-1009. Оп. 1. Д. 125. 57 л.
8. ЦГА РУз. Ф.И-1009. Оп. 1. Д. 140. 105 л.

О вкладе русских востоковедов в развитие общественной деятельности и науки в Туркестане (по документам личных архивов)

В данной статье исследована тематика вклада российских ученых в развитие общественной жизни и науки в Туркестане в конце XIX – начале XX вв. С привлечением архивных документов приведены сведения автобиографического и библиографического характера о деятельности таких ученых-востоковедов как Н.С. Лыкошин, Н.Г. Малицкий, Б.В. Лунин в общественной жизни края и отражающие преданность их делу развития исторической, социальной наукам.

In this article, explored topic contribution of Russian scientists to the development of social life and science in Turkestan in the late XIX - early XX centuries. With the involvement of archival documents, autobiographical and bibliographic information is provided indicating the valiant work of such Oriental scholars as N.S. Lykoshin, N.G. Malitsky, B.V. Lunin in the public life of the region and reflecting their dedication to the development of historical, social sciences.

Ключевые слова: жизнь и творчество, ученый-востоковед, вклад, общество, жизнь и деятельность, наука, личный фонд, научные труды,

Key words: life and creation, scientist-orientalist, contribution, society, life and activity, science, personal fund, scientific works, history of peoples.

Современное развитие науки требует ее тесной взаимосвязанности с различными аспектами общественной жизни. В ее достижениях должны иметь место четкие ответы на многие вопросы повседневной жизни человеческого бытия.

В данной статье остановимся на документальных и биографических сведениях о жизни известных российских ученых-востоковедов, сыгравших важную роль в развитии общественной жизни и науки в Туркестане и в Узбекистане. В документальном наследии Национального Архивного Фонда Республики Узбекистан, в частности в ЦГА РУз, имеются ценные сведения об их жизни, деятельности и научных трудах.

Активную роль в деле развития народного образования, а также в разработке и проведении этнографических исследований в Туркестане в конце XIX – начале XX вв. сыграл Н.С. Лыкошин.

Лыкошин Нил Сергеевич (1860–1923 гг.) родился в селе Федорцево Псковской губернии Великолуцкого уезда в семье мелкопоместного дворянина, поручика гусарского полка. В Туркестане служил в военно-народном управлении, свободное время использовал для изучения местных

---

* **Чориев Шерзоджон Шокиржонович**, зам.декана исторического факультета, ст.преп.кафедры Источниковедения и архивоведения, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

наречий и быта местного населения. Н.С. Лыкошин публиковал в местных газетах свои статьи, занимался переводами с тюркского языка на русский язык и с русского языка на тюркский.

После революции служил в Ташкенте. Преподавал узбекский язык и этнографию в народном университете, затем в трудовой школе им. Н.Г. Полторацкого и в педагогическом училище. По поручению Центрального Исполнительного Комитета Туркестана Н.С. Лыкошин разработал декрет о введении в крае узбекского языка, привлекался к работе по выработке форм официальных сношений на узбекский язык как государственном, редактировал переводы книг для чтения узбекскому народу на родном языке.

Среди его работ особое место занимали произведения, предназначенные для широкого круга читателей, например, «Шутники наказаны», «Дуня-цветочница», Этнографические сказки, написанные доступным языком и носящие как познавательный, так и воспитательно-нравственный характер, с обязательным акцентом на традиции и особенности быта среднеазиатских народов, а также прибывших для проживания в Туркестан лиц других национальностей. Для ознакомления со спецификой его работ остановимся на этнографической сказке «Шутники наказаны», опубликованной по частям в номерах газеты «Юный Туркестанец» [1].

В этой сказке повествуется о том, как трое молодых людей обманули старушку, купили у нее корову за цену козы, посмеявшись над ней и убедив, что это не корова, а коза. На следующий день старик, супруг обманутой старухи, в чайхане, на том же базаре, этих «шутников» проучил. Он продал осла им за 5000 тенге, сказав, что тот чихает золотыми монетами, и из ушей осла сыпятся серебряные монеты. Порекомендовал при этом, чтобы они заперли осла на неделю. Через неделю эти трое мошенников встретили на базаре старика и набросились на него, так как осел подох. Старик оправдался тем, что они кормили осла не тем, чем полагается. Старик пригласил их домой в гости, предварительно сговорившись со своей старухой. Между тем старик продал им зайца, уверив их в том, что заяц понимает человека и выполняет поручения старика. Например, старик наказал зайцу, чтобы тот побежал домой и сказал старухе, чтобы она сготовила плов и накрыла на стол и, чтобы к возвращению старика с гостями домой, все было готово. А заяц побежал и передал это старухе. Вечером старик с гостями вернулся домой, и все было так, как он наказал зайцу, т.е. старуха встретила гостей и угостила ужином, а заяц тоже был рядом, дома. Трое мужчин, вновь поверили словам деда и купили у него зайца за 3000 тенге, после обнаружения очередного обмана, они пожаловались казнию на старика. Казий выслушал обе стороны и наказал троих «шутников» за то, что они посмеялись над беззащитной старухой. Далее автор пишет: «Судья сказал в заключение: “Почитайте старших, – если хотите, чтобы и вас в свое

время почитали дети и внуки». По местному обычаю, каждого из молодых посадили без седла на осла, предварительно вычернив сажей лица всадников... Вместо поводьев, каждый из них держал в руке хвост своего осла; это было удобно, потому что чернолицые юзи-кара всадник сидели... лицом к хвосту. Так были наказаны шутники. Они на этот раз не смеялись, – они сами были посмешищем; и долго после этого люди вспоминали о забавном случае с покупателями, задумавшими сбить с толку старуху и купившими у нее корову, уверив старуху, что она продает козу. Весела была их шутка, но дорого им пришлось за нее расплатиться. Народ указывал на них пальцами» [2].

Огромным авторитетом ученого, административного и общественного деятеля пользовался российский ученый-востоковед Н.Г. Маллицкий. В ЦГА РУз содержатся некоторые труды ученого, сведения биографического характера, а также переписка и фотографии.

Маллицкий Николай Гурьевич (1873–1947 гг.) родился в Оренбургской губернии. В 1895 г. уехал в Ташкент. Здесь 5 лет проработал учителем истории и географии в Ташкентской учительской семинарии и самостоятельно изучил узбекский и таджикский языки, через несколько лет он свободно читал лекции на этих языках. Он изучал город Ташкент и его окрестности, совершал самостоятельные экскурсии и походы. За 1895–1901 гг. опубликовал 53 работы, принимал участие в работе Туркестанского Отделения Географического Общества. В 1901 г. Маллицкий был назначен редактором периодического издания – газеты «Туркестанские Ведомости».

После революции стал преподавать географию в университете, ирригационном и педагогическом институтах, лесном техникуме, на высших курсах. В 1920 г. в Среднеазиатском университете Н.Г. Маллицкий был избран профессором этнографии восточного факультета, а позже стал работать на геолого-почвенном географическом факультете. Популярность ученого, как лучшего знатока Средней Азии, была так велика, что именно ему Штаб ТуркВО поручил составление «Описания физико-географических районов Средней Азии», которое он закончил в 1941 г. В 1945 г. ему была присвоена степень доктора географических наук без защиты диссертации и звание заслуженного деятеля науки.

Среди его работ особое место занимают: «Ташкент» (исторический очерк), «Ташкентские махалля и мауза», «Система наименований у коренного населения г.Ташкента», «География Таджикистана», «Краткий географический очерк Средней Азии», «Географический очерк «Заилийский Алатау», «Ходжикентские надгробные надписи», «Учебное пособие по географии Таджикистана». Одной из главных целей в своей научной деятельности Н.Г. Маллицкий определил составление «Географической энциклопедии Средней Азии», которую он создавал в течение длительного времени.

Одной из особенных сторон творчества ученого является его тяга к поэзии. Он писал стихи на широкий спектр тема, например, в 1930-е гг. написаны стихотворения – «Рассеянность поэта», «Гроза», «Оратор», «Конец Самсонова», «Саратовская песня» [6].

Известным ученым-востоковедом, историографом, внесшим значительный вклад в развитие историографической науки является Б.В. Лунин. В ЦГА РУз есть его личный фонд.

Лунин Борис Владимирович (1906–2001 гг.) родился в г. Женеве. Родители его проживали в политэмиграции вместе с его дедом по отцу – В.И. Луниным – политическим и общественным деятелем-революционером (умер в 1913 г. в ссылке). Избрание В.И. Лунина в I Государственную Думу позволило всей семье вернуться в Россию в 1906 г. Отец Б.В. Лунина был юристом, а мать – учительницей. Затем их семья проживала в Ростове-на-Дону.

В 1920–30 гг. Б.В. Лунин стал вести большую научно-организационную и исследовательскую работу в качестве члена правления и ученого секретаря Северно-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, бюро краеведения и др. организаций.

В начале войны 1941–1945 гг. он был в составе действующей армии на Южном фронте. В 1942–53 гг. работал старшим преподавателем и начальником социально-экономического цикла в военно-учебных заведениях Туркестанского военного округа; последнее его воинское звание – подполковник. Его все больше стала увлекать богатейшая история Узбекистана и Центральной Азии в целом, и с 1953 г., после демобилизации, он работал ученым секретарем, затем старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН Узбекистана, а потом ученым секретарем ее Отделения, с 1968 г. – заведовал сектором историографии Института истории. В 1956 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане», а в 1966 г. – докторскую диссертацию по теме «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении». В 1970 г. он был утвержден в звании профессора. В 1973 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки УзССР». С 1988 г. до конца своей жизни ученый работал главным научным сотрудником Института истории АН РУз.

Он известен также работами в области библиографии. Им публиковались ежегодные «Библиографические указатели литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана», указатели литературы о жизни и деятельности Фараби, Ибн Сина, Беруни, Истории кушан, Амира Темура, Темуридов и др. Среди его монографий наиболее известны: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.)»,

«Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX вв.», «История Узбекистана в источниках» и др. [9].

Под его руководством были защищены свыше десяти кандидатских и докторских диссертаций. Б.В. Лунин был избран членом Российской Академии естественных наук и Российского археологического общества. Его заслуги отмечены многими государственными наградами.

В целом следует отметить, что российские ученые-востоковеды, посвятившие свою жизнь и деятельность развитию общественной жизни и науки в Туркестане в конце XIX – XX вв., внесли ценный вклад в дело изучения истории народов Средней Азии, занимались активной деятельностью в деле управления определенных отраслей, подготовили новые поколения ученых в области общественных научных дисциплин. Документальные сведения архивных материалов свидетельствует об их самоотверженном и доблестном труде во имя развития науки и общества.

Список литература:

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.). Ф. Р-2499. Оп. 1. Д. 1.
2. Юный Туркестанец. 1919. 1 мая.
3. ЦГА РУз. Ф. Р-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
4. ЦГА РУз. Ф. Р-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
5. ЦГА РУз. Ф. Р-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
6. ЦГА РУз. Ф. Р-2231. Оп. 2. Д. 9.
7. ЦГА РУз. Ф. Р-2231. Оп. 2. Д. 38. Л. 1.
8. ЦГА РУз. Ф. Р-2231. Оп. 2. Д. 38. Л. 8, 11.
9. ЦГА РУз. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–4.

В.Г. Иофе *

Человек из народа и бурная эпоха

Материал кратко характеризует человека из народа, активно участвовавшего в бурных событиях общественно-политической борьбы в Туркестане.

Material briefly describes the man of the people, actively participated in the tumultuous events of socio-political struggle in Turkestan.

Ключевые слова: Туркестан, Туркмения, профсоюз железнодорожников, осиповский мятеж, ВВРС.

Key words: Turkestan, Turkmenistan, Union of railwaymen, osipovsky rebellion, WWRS.

---

* **Иофе Валерий Григорьевич**, магистр Международной Ассоциации «Искусство народов мира», Национальный Университет Узбекистана имени М. Улугбека (г. Ташкент)

Яркая личность часто появлялась в условиях обычной повседневной жизни, бытовых, казалось бы, забот, проблем, обычной работы. Такой личностью был Артемий Иванович Панасюк. Белорус по национальности, он родился в 1888 г., окончил сельское народное училище. Десять лет работал в сельском хозяйстве – с 12 лет. Потом, отличаясь неумным стремлением к знаниям и, одновременно, исходя из возможностей рядовому пареньку из деревни продвигаться, найти более-менее квалифицированную работу, окончил трехмесячную школу телеграфистов, трехмесячную железнодорожную школу (и позднее 10 лет работал на железных дорогах), и шестилетние коммерческо-бухгалтерские курсы. Много позже учился один год и в Туркестанском университете. Жизнь забросила его в Туркестан. Кстати, редкий довольно случай для «европейцев» – овладел туркменским языком и знал его свободно [13].

В бурные годы политического противостояния (особенно обострившегося в годы Первой мировой войны), он стал членом эсеровской партии, а после раскола партии эсеров в 1917 г. вошел в состав партии левых эсеров Туркестана. На Среднеазиатской железной дороге [5, с. 17–21] отличаясь решительным и волевым характером, принципиальностью и в то же время умением работать с людьми, строить отношения с ними и умением убеждать, Артемий Иванович Панасюк, пользовавшийся большим авторитетом среди рабочих-железнодорожников Среднеазиатской железной дороги. А после Февральской революции 1917 года стал признанным руководителем профсоюза железнодорожников и был избран председателем Учпрофсожа Среднеазиатской железной дороги (с марта 1917 – по июль 1918 г.), председателем Совета рабочих и солдатских депутатов и исполкома совдепа (с мая 1917 по 1 мая 1918 г.) Байрам Али.

После правозэсеровского переворота в Закаспийской области [12, с. 515] и создания т.н. «Независимой Республики Закаспия» во главе с Ф.А. Фунтиковым [10, с. 41–43], Панасюк – председатель президиума штаба (так называлась тогда эта должность) Закаспийского фронта с 11 октября по – 26 декабря 1918 г. [15]. Во время печально известного кровавого «осиповского» восстания [9] в Ташкенте в январе 1919 г. сыграл – находясь в Среднеазиатских железнодорожных мастерских в Ташкенте – большую роль в разгроме «осиповцев». В условиях, когда часть руководителей мастерских во главе с В.Е. Агаповым (бывший большевик, лично знавший В.И. Ленина – большая редкость тогда в Туркестане – нарком внутренних дел в Советском правительстве Туркестана от большевиков – позднее вышедший из партии большевиков и перешедший в партию левых эсеров и бывший главным Комиссаром и Председателем Центрального Совета Главных железнодорожных мастерских) и его помощником Цветковым активно поддержали К.П. Осипова, во многом благодаря Панасюку, возглавившему созданный в мастерских Центральный Военно-Революционный Совет, руководителям мятежа не удалось достичь контроля

над мастерскими. Попытка группы мятежников пробраться ночью в железнодорожные мастерские также окончилась провалом. Их не допустила в мастерские охрана, а подоспевшие бойцы партийной дружины отбили вооруженную атаку, захватили некоторых заговорщиков в плен.

19 января в Центральные железнодорожные мастерские несколько раз настойчиво звонили по телефону со станции Кауфманская (недалеко от Ташкента) и просили явиться к прямому проводу председателя Совета мастерских Агапова либо Попова (и тот, и другой входили как представители железнодорожников в состав Революционного военного совета) для переговоров с командиром какого-то отряда. В момент вызова Агапов и Попов отсутствовали. Все это вызвало подозрение. Для переговоров отправился один из членов военного Совета. Полагая, что они разговаривают с В.Е.Агаповым, звонившие – командир заградительного отряда Асеев и организаторы по работе среди крестьян (из партии правых эсеров) Баранов и Савицкий сообщили, что они выполнили задание, организовали на станции Кауфманская отряд из 350 крестьян, готовых бороться за Учредительное собрание, и просили срочно выслать оружие и подвижной состав для доставки отряда в Ташкент. Одновременно они интересовались положением дел в Ташкенте: покончено ли уже с Советской властью?

Решено было вызвать в Ташкент главарей отряда. Прибывших на паровозе заговорщиков арестовали и привели в мастерские. Им устроили очную ставку с Агаповым и Поповым. Так выяснилось, что последние являлись участниками заговора. Обоих немедленно арестовали. Были приняты меры и в отношении мятежного отряда на станции Кауфманская. Организаторов этого отряда (Асеев, Баранов и Савицкий) по постановлению регистрационно-следственного отдела военного Совета расстреляли.

Провозглашение мятежниками цели переворота – созыв Учредительного собрания, установление военной диктатуры – были встречены трудящимися города отрицательно. Поняв это, предатель К.П. Осипов заговорил о перевыборах Советов. В выпущенном им воззвании он обещал рабочим созвать новый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избранный «на основании свободного голосования всех без исключения трудящихся» [4]. Но трудящиеся Ташкента не ответили и на это воззвание [3].

20 января советские вооруженные силы перешли в решительное наступление. Гарнизон крепости начал артиллерийский обстрел зданий и позиций мятежного 2-го полка. Бой продолжался весь день, к вечеру мятежники стали повсеместно отходить. Ночью К.П.Осипов с оставшимся у него небольшим отрядом, ограбив Государственный банк, бежал из города. Ему удалось добраться до стоянок ферганских басмачей, к которым он и примкнул [6].

В приказе №1, опубликованном 25 января восстановленной в городе Советской властью, говорилось: «В ночь с 18 на 19 января контрреволюция во главе с военным комиссаром К.П. Осиповым изменнически уничтожила главных представителей краевой и местной власти. Ташкентские революционные войска, обе партийные дружины (речь идет о партийных дружинах Коммунистические партии и дружине партии левых эсеров) и рабочие быстро ликвидировали эту преступную авантюру. Изменник Осипов с небольшой бандой белогвардейцев бежал. Войска, введенные им в заблуждение... переходят к нам. Объединенное заседание оставшихся в живых членов ЦК, совкома и Ташкентского совдепа, а также членов Военно-революционного комитета избрало краевой временный революционный совет, возглавивший правительство в лице ЦИК и совкома (совета народных комиссаров)» [7].

Панасюк был председателем Временного Военно-революционного совета Туркестана [4], который получил права верховного органа Туркестанской республики [8, с. 46]. Однако позднее большевики, все более «подминавшие под себя» левых эсеров, а затем обвинявшие их в активном участии в организации мятежа (хотя в нем принимали участие только отдельные члены партии левых эсеров, а большинство выступило против осиповщины), а многие как И.П.Белов, А.И.Панасюк, Г.А.Колузаев и другие активно участвовали в борьбе против «осиповцев»), добились избрания председателем ВВРС большевика А.А. Казакова – зам. пред. ТуркЦИК. Казаков организовал затем жестокие ответные репрессии против участников мятежа и просто попадавших под подозрение в связи с ним. Панасюк все же остался членом совета, в апреле 1919 г. был пред. Революционного военного совета Туркеспублики (образован ТурЦИК 7 апреля. 1919 г.).

После вынужденного самороспуска под сильнейшим давлением Руководства Компартии Туркестана партии левых эсеров Туркестана Панасюк вступил в КПТ. Позднее, с июня 1919 по июнь 1921 г. он был заместителем наркома внутренних дел, начальником отдела управления НКВД Туркестана, с июня 1921 г. по декабрь 1922 г. – заместителем председателя Мервского окружного исполкома.

С января 1923 г. до января 1925 г. Панасюк был сотрудником Истпарта ЦК. Именно тогда написана была (с привлечением многих и личных впечатлений) одна из первых книг по истории Туркестана этого периода, которую можно считать одной из первых – если не первой – работой по изучению документов, связанных с историей «осиповского» мятежа.

Позднее он – зам. председателя Чарджуйского окружного исполкома; с февраля по декабрь 1925 г.; ревизор ЦИК Туркменской ССР в январе–октябре 1926 г.; затем он возвращается на родину и работает начальником станции Радошковици в Заславском районе Минского округа в Белоруссии с октября 1926 по 1928 годы [14].

Но отнюдь не просто, легко и безоблачно складывалась жизнь и Панасюка в этот период. Самостоятельный и энергичный характер Панасюка, наличие собственной позиции, а с другой стороны – «прошлое» как одного из лидеров левых эсеров - не раз собирали тучи над его головой...

Дважды против Панасюка заводились уголовные дела, один раз даже привлекали к суду... 2 февраля 1924 года исполбюро ЦК КПТ, рассмотрев его заявление, постановило: «предложить прокуратуре на основании существующих судебных законоположений дело в отношении Панасюка прекратить, как уже один раз оправданного по суду» [14]. А в феврале 1928 года Панасюк даже был награжден орденом Красного Знамени [13].

К сожалению, о последних годах жизни А.И.Панасюка мало сведений. Можно лишь сказать, что в 1938 г. он стал жертвой репрессий...

Список литературы:

1. Война в песках //: <http://voencomuezd.livejournal.com/411504.html> (обращение 23.10.2017)
2. ГВ в Узбекистане //: <http://voencomuezd.livejournal.com/404646.html> (обращение 23.10.2017)
3. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., Политиздат, 1986.
4. Записки коменданта Чевенгурского уезда
///file:///C:/Users/Dom/Downloads/%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-5%20-%20%D0%94%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%20%D0%A7%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%83%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%B0.html// (обращение 23.10.2017)
5. Кунавина Г.С. Формирование железнодорожного пролетариата в Туркестане. (1881-1914 гг.). Ташкент: Фан, 1967.
6. Медведев И. Золото красных путчиков // Коммерсантъ. 2004. №41. 18 октября.
7. Осиповское восстание-5 // <https://voencomuezd.livejournal.com/863762.html>. (обращение 20.10.2017)
8. Раджапова Р.Я. Народы Узбекистана накануне и в первые годы советской власти (февраль 1917-1920 гг.) // История Узбекистана (1917-1993 гг.). Ташкент: издательство «Укитувчи», 1995.
9. Скоркин К. Красная Армия Туркестана. 1917-1934. Осиповский мятеж. Что случилось в Ташкенте. Осиповское восстание // Историк-марксист. Ч. 1 //: <http://voencomuezd.livejournal.com/387807.html>; Осиповское восстание. Ч. 2: <http://voencomuezd.livejournal.com/388102.html>. Окончание: <http://voencomuezd.livejournal.com/388603.html> (обращение 20.10.2017).

10. Тимошков С.П. Борьба с английской интервенцией в Туркмении. Боевой путь 1-й революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов, июнь 1918-февраль 1921 гг. Т.: «Воениздат», 1941.

11. Тоған З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997.

12. Тримасов Л.П. Ночи без тишины. Ташкент: издательство «Ёш гвардия», 1964.

13. Центральная Азия. Панасюк Артемий Иванович // <http://procella.ru/index.php?do=person&view=8480//> (обращение 18.09.2017, 23.10.2017).

14. Центральная Азия. Туркменистан. Панасюк А.И. // <http://www.centrasia.ru/person2.php?st=1260526596> (обращение 25.09.2017)

15. Центральная Азия // <http://www.centrasia.ru/person.php?S=left&CR=5&FR=%CF;>

16. <http://www.centrasia.ru/cnt2.php?st=1326962117//> (обращение 25.09.2017).

П. Ю. Гуйван*

Тракторист, орденосец, партийный работник, партизан: к 110-летию со дня рождения М.И. Седюка

М.И. Седюк прожил короткую, но яркую жизнь. Он был шахтёром, трактористом, директором МТС, секретарём райкома, наконец, комиссаром партизанского отряда. Спустя 110 лет со дня рождения и 76 лет со дня гибели мы попытаемся ещё раз описать основные этапы биографии этого незаурядного человека. Автор (правнук Михаила Игнатьевича) использует значительный пласт документов, сохранённых женой и детьми героя-партизана. Также при работе над докладом были использованы сведения, сообщённые родственниками М.И. Седюка, в первую очередь, Вячеслава Михайловича Седюка и его жена, Алины Александровны.

M.I. Sedyuk lived a short but bright life. He was a miner, a tractor driver, a director of the MTS, a secretary of the raikoms, and finally a commissar of the partisans. After 110 years from the date of his birth and 76 years from the date of his death, we will try once again to describe the main stages of the biography of this extraordinary man. The author (great-grandson of Mikhail Ignatievich) uses a considerable layer of documents preserved by the wife and children of the hero-partisan. And, used information provided by the family by M.I. Sedyuk, and first of all, from Vyacheslav Mikhailovich Sedyuk and his wife, Alina Alexandrovna.

Ключевые слова: Кингисепп, Великая Отечественная война, партизаны, ВКП(б), оккупация.

Key words: Kingisepp, Great Patriotic War, partisans, VKP(b), occupation.

---

*Гуйван Пётр Юрьевич, независимый исследователь (г. Кингисепп, Ленинградская область)

Михаил Игнатьевич Седюк родился на Брянщине, в деревне Влазовичи, 7 ноября 1907 года. В бедной крестьянской семье было более десятка детей. С семи лет мальчик, подобно многим своим сверстникам из бедных семей, был отдан в подпаски. В четырнадцать лет Михаил подался на заработки в Донбасс [6, с. 13; 2].

В 1929 году его призвали в РККА, во 2 Петроградский полк войск ОГПУ, где он прослужил до 1931 года [6, с. 13.]. В это время он вступает сначала в комсомол, а затем и в ВКП(б). После демобилизации Михаил Игнатьевич не вернулся назад, но отправился с группой других бывших красноармейцев в Ленинградскую область. В Кингисеппском районе они основали колхоз «Красная звезда».

В 1932 году М.И. женился на Евдокии Фёдоровне Кузькиной (во втором браке Макаровой). И в том же году райком партии направил Михаила Игнатьевича на работу в Кингисеппскую МТС в качестве бригадира трактористов. Не самая лучшая бригада под руководством М.И. Седюка стала передовой.

У Седюков родилось трое детей: в 1933 г. — Муза (Муза Михайловна, Бозрикова в первом браке и Поташева во втором), в 1938 г. — Слава (Вячеслав Михайлович Седюк) и умершая в три года от пневмонии Нина (1937 - 1939 гг.).

В 1939 году Михаил Игнатьевич был избран делегатом XVIII съезда партии [12, с. 731]. В это же время его были наградили высокой наградой – орденом Ленина как «...перевыполнившего план тракторных работ и закончившего досрочно ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин» [7]. Кингисеппская МТС была награждена областным переходящим Красным Знаменем. Директор МТС был направлен в Москву за наградой. Орден Ленина ему вручил лично Михаил Иванович Калинин. Возвращаясь из поездки в столицу СССР, Михаил Игнатьевич щедро делился впечатлениями. Особенно его поразил совсем недавно открытый Московский метрополитен; он рассказывал, что «...там под землей построены дворцы, чтобы мы могли ездить».

В августе того же года М.И. Седюк вновь поехал в Москву, теперь уже в сопровождение жены. Они вместе сняты на фото-пятиминутку на ВДНХ (в то время это было небывалое новшество). Одновременно с этим карьера Михаила Игнатьевича сделала новый поворот. Директор передового МТС был направлен на партийные курсы. По окончании их, М.И. Седюк занял пост секретаря райкома ВКП(б). В новой должности Михаил Игнатьевич, в общем, был так же эффективен, как и в прежней. Этот взлёт, естественно, повлёк за собой и улучшение материального положения семьи: Седюки переехали в квартиру в доме для руководящего состава партии. Позднее Евдокия Фёдоровна вспоминала эти дни, как одни из самых счастливых в своей молодости. Она рассказывала: «Я выходила по утрам на

кухню и пила сваренная домработницей кофе. С бутербродами — с маслом, сыром».

Наступило лето 1941 года, началась Великая Отечественная война, и скоро Кингисепп превратился в прифронтовой город. Согласно постановлению Ленинградского обкома ВКП(б) на территории Ленобласти начинают формировать партизанские отряды [2, с. 48–49]. Ввиду приближения к городу немцев в Кингисеппе был создан истребительный батальон № 89 [5, с. 27; 8, с. 15; 3; 4, с. 91]. В него вошли около 100 человек партийных и комсомольских активистов, в том числе председатели колхозов, агрономы, директора предприятий и учреждений, милиционеры, сотрудники Осоавиахима и учащиеся старших классов.... А также секретари райкома ВКП(б) — Пётр Иванович Грудин и Михаил Игнатьевич Седюк. В июле 1941 года семья Михаила Игнатьевича была эвакуирована в виду приближения к Кингисеппу неприятеля. Не останавливаясь подробно на этом, отметим, что Евдокия Фёдоровна с двумя детьми была отправлена, по-видимому, в силу недоразумения, и практически без вещей (Михаил Игнатьевич настоял на точном соблюдении установленных норм, хотя Евдокия Фёдоровна потом вспоминала, что многие ехавшие с ней их явно нарушали), не в Вологодскую область, как это было запланировано, а в Буткинский район Свердловской области. Это, разумеется, вызвало сложности как юридического, так и финансового характера. Об этих сложностях неоднократно вспоминала сама Евдокия Фёдоровна, равно как и её дети [9].

Сохранилось три письма, которые Михаил Игнатьевич отправил своим близким уже во время боевых действий на территории Кингисеппского района. Они датированы, соответственно, 26 июля, 19 и 23 августа 1941 года. В них Михаил Игнатьевич старался подбодрить своих близких, объясняет финансовые вопросы, а так же выражает надежду на скорую встречу [11]. По рассказам родственников – Музы Михайловны и её двоюродного брата Феликса Михайловича Вдовина, в августе Михаил Игнатьевич несколько раз приходил по ночам в дер. Малый Луцк к своей теще, Анне Николаевне Кузькиной (умершей в 1952 г.) за молоком. Вскоре эти вылазки пришлось прекратить. Ф.М. Вдовин рассказывал: «Однажды в сентябре Михаил Игнатьевич пришёл, и говорит: «Мать, я, наверно, больше не приду. Везде следят. И больше уже не приходил...» [1]. Предосторожности были не лишними — вскоре в доме Анны Николаевны побывал немецкий агент, всю ночь ждавший, не придут ли партизаны, но не преуспевший.

22 августа истребительный батальон, в целях лучшей конспирации, маневренности и оперативности был разделён на два партизанских отряда. Командиром первого отряда был Константин Иванович Поляков, а Михаил Игнатьевич стал комиссаром. Вторым отрядом командовал Смирнов Василий Степанович, а комиссаром Пётр Иванович Грудин. На вооружении

отряда имелись винтовки, преимущественно, устаревшие, ручные гранаты, два ручных пулемёта, один пистолет-пулемёт, 1,5 т взрывчатки, толовые шашки, 1500 штук бутылок с горючей смесью. Следует понимать, что по тем временам это был «...хорошо вооруженный партизанский отряд, имеющий запас боеприпасов, обеспеченный продовольствием на несколько месяцев...» [2, с. 51].

Первый отряд остался в Криковском лесу, второй переместился ближе к границам Волосовского и Ораниенбаумского районов — в Вассакарские леса. Как отмечалось в том же докладе Политуправления: «отряд расположен в глухом лесу. Охрана надёжная...» [2, с. 51]. В общей сложности, в партизанских отрядах было 75 коммунистов и 35 комсомольцев.

Отряд К.И. Полякова из 35 человек расположился в лагере в лесу неподалеку от реки Тарайки. Были выкопаны и оборудованы две землянки, а также кухня и другие хозяйственные постройки. Создано несколько продовольственных баз, где хранилось 10 тыс. банок рыбных консервов, 1,5 тыс. шт. бульонной засыпки, 0,5 т сахара, несколько ящиков сливочного масла и другие продукты. Имелся небольшой запас теплых вещей — полушубки и валенки, что явно не хватало для всех партизан отряда. Сергей и Екатерина Абрамовы из деревни Килли снабжала партизан хлебом [8, с. 15]. Однако, в силу ряда причин (быстрое продвижение противника, разорение некоторых продбаз красноармейцами, отступающими или попавшими в окружение, либо партизанскими отрядами из других районов и т.д.) бойцам 89-го отряда не удалось полностью воспользоваться своими запасами. Планировалось, что отряд Полякова будет затруднять движение немцев по шоссе Криково — Котлы. Партизаны 89-й отряда совершали налеты на коммуникации, нападали на мелкие группы противника, выводили из строя связь. По неполным данным, за август — сентябрь 1941 г. силами отряда было подорвано два деревянных моста, уничтожено два танка, два бензовоза с горючим, три автомашины, убито более десятка немецких военнослужащих и коллаборационистов. 26–29 сентября отряд посетила группа работников политотдела 8-й армии Ленинградского, сообщив партизанам о положении в стране и в действующей армии, а также наметившим конкретные объекты боевых действий бойцов и порядок связи со штабом армии [8, с. 15].

Действия партизан вскоре обратили на себя внимание оккупантов: 3 ноября Абрамов сообщил командованию отряда, что против них направленно около 250 карателей (К.И. Поляков указывал потом, что карателей было около 140). 11 ноября лагерь партизан был обнаружен и окружен. В ожесточенном бою (К.И. Поляков вспоминал позднее, что комиссар М.И. Седюк стрелял по немцам стоя, пренебрегая опасностью) погибли шестеро партизан [8, с. 16]. Были убиты в том числе директор Кингисеппского ДК Владимир Николаевич Лаврентьев и лучший разведчик

отряда, семнадцатилетний Лев Демидович Пуховский (который уже после гибели был награжден медалью «За отвагу» (приказом командующего Ленинградским фронтом от 19 ноября), пулемётчик (лейтенант милиции) Александр Васильевич Яцук [16, с. 27; 17]. Неприятель потерял убитыми 36 человек. Наконец, партизаны прорвали кольцо, и ушли в лес. Однако положение отряда продолжало оставаться тяжелым: практически не было боеприпасов, на исходе были продукты и медикаменты. К тому же, надвигалась зима, а у партизан не было ни зимней одежды, ни лыж. С каждым днём снега становилось всё больше, затрудняя продвижение. Стычки с противником не прекращались.

В деревне Ганьково партизаны рассчитывали получить у знакомого лесника сведения о немецких гарнизонах, а также решить вопрос с продовольствием, после чего выбрать место для нового лагеря. 12 декабря отряд подошёл к деревне Извоз, на разведку был отправлен П. Келлер, немец по национальности. Разведчик не обнаружил в деревни немцев, и дал сигнал отряду выйти из леса в деревню. Встреченный у бывшего здания правления колхоза сторож подтвердил отсутствие немцев в деревни, добавив, что немецкий гарнизон разместился в деревни Волна. Около полуночи отряд прибыл в Ганьково. Двое партизан, Фёдор Васильев и Виктор Дроздов, отправились к леснику. Остальные партизаны расположились в стоящей на отшибе старой бане (её, по разным версиям, партизаны нашли сами, либо же по совету встреченного местного жителя [16, с. 27; 8, с. 17; 4. 92]. После долгих, бессонных ночей все партизаны заснули. Выставленным часовым В.М. Демидов, по-видимому, тоже. Остается не до конца ясным, как немцы узнали о появлении партизан. Возможно, правы составители путеводителя по Кингисеппскому району, утверждая, что причины случившегося по-прежнему покрыты завесой тайны [20].

Но в большинстве публикаций, посвященных кингисеппским партизанам, настаивают на том, что кто-то донёс в комендатуру. В частности, Д.И. Смольский указывает на встреченного в деревни Извоз сторожа. В других публикациях есть утверждения, что это был житель Ганькова, тот самый, который предложил партизанам ночевать в бане. Согласно воспоминаниям К.И. Полякова, это был житель деревни Извоз, назвавшийся при встрече с партизанами Ивановым, и затем позвонившим по телефону из канцелярии бывшего колхоза в комендатуру деревни Волна и сообщивший о появлении партизан [16, с. с. 27; 19, 4, с. 92, 18]. Отметим также, что бывшая во время школьного похода на рубеже 60-70 гг. в этих местах Алина Александровна Седюк вспоминает, что местный житель называл в качестве доносчика некоего местного каллобронциониста, осуждённого на длительный срок за сотрудничество с немцами, однако спустя многие годы она не сумела вспомнить ни его имени, ни имени своего гида.

В любом случае, несомненно то, что ночью баню окружили фельджандармы. Согласно показаниям К.И. Полякова, спавшие вповалку партизаны проснулись только тогда, когда немцы вошли в баню. Придя в себя, партизаны открыли огонь по противнику, немцы отступили на возвышенность, господствующую над местностью, где у них был установлен пулемёт [8, С. 17]. (Этот холм видели около 1970 года В.М. и А.А. Седюки, но впоследствии он был скрыт во время добычи песка, и в настоящее время от него не осталось и следа.) В завязавшейся перестрелке обе стороны несли потери, а когда немцы подожгли баню, партизаны были вынуждены пытаться прорваться к лесу. Именно в этот момент, наряду с другими бойцами, погиб и Михаил Игнатьевич Седюк. По воспоминаниям К.И. Полякова, один из партизан, Иван Семёнович Михайлов, побежал к центру деревни, из-за чего часть немцев погнались за ним. Это позволило оставшимся партизанам, в т.ч., К.И. Полякову, прорваться к опушке леса. Полякову удалось собрать оставшихся товарищей, но их уцелело только девять человек остальные погибли в бою (а И.С. Михайлов, схваченный немцами, был ими повешен в Ганьково, или, по другой версии, увезён в деревню Извоз и там расстрелян). После ухода немцев местные жители похоронили погибших партизан в братской могиле.

Кратце опишем дальнейшую судьбу отряда: уцелевшие партизаны решили отправиться к линии фронта. Идти по глубокому снегу без лыж было тяжело, позднее из досок попавшегося по пути сарая партизаны сделали подобие лыж. Бойцы выбивались из сил от холода и недостатка пищи. 16 января 1942 года оставшиеся семеро пытались перейти линию фронта, но им помешал огонь советской артиллерии. Укрывшиеся после этого в Ивановском болоте партизаны перерезали немецкие телефонные провода, чем вновь привлекли к себе внимание врага. 1 марта их атаковал крупный отряд карателей. В конце марта четверо уцелевших партизан вновь подверглись нападению немцев. Наконец, 26 октября 1942 года самому К. Полякову и окруженцу Ф. Романенко удалось перейти линию фронта [8, с. 27].

О судьбе партизан на большой земле долгое время ничего не было известно. Евдокия Фёдоровна несколько раз писала в Ленинградский обком ВКП(б), пытаясь что-нибудь выяснить, но, как видно из двух ответов из отдела кадров, датированных, соответственно, 4 мая и 20 июня 1942 г., даже спустя полгода со времени гибели Михаила Игнатьевича, о ней не было известно руководству [10]. Лишь в конце половине 1942 года было установлено, что комиссар Седюк погиб. В апреле 1943 г. М.И. Седюк был посмертно награждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени [20, 8, с. 18]. В своих последних письмах, обращаясь к жене и детям, Михаил Игнатьевич, при всей надежде на встречу, разумеется, допускал возможность своей гибели. Он писал в конце одного из писем, что, если они

больше не встретятся, «...не бойся, советская власть прекрасная, она всех вырастит...» [11].

В заключение, в нескольких словах об увековечении памяти кингисеппских партизан и М.И. Седюка в частности. В 1947 году состоялось перезахоронение останков погибших в Ганьково партизан. Памятник партизанам установлен на площади Николаева, при входе в Летний парк, напротив Екатерининского собора (авторы проекта: Скульпторы — Г.А. Черниенко, Г.А. Овсянников, архитектор — А.А. Драги.). Торжественное открытие памятника состоялось при большом стечении народа 9 мая 1958 года [3, с. 97].

Имя М.И. Седюка носила пионерская дружина ныне не существующей уже Каскаловской средней школы, в которой долгие годы проработали В.М. и А.А. Седюки. В Кингисеппе проходит ежегодный Региональный турнир по вольной борьбе, в настоящее время посвященный памяти Михаила Игнатьевича Седюка и воинов, павших в локальных конфликтах.

На основе вышеизложенного мы можем заключить, что Михаил Игнатьевич Седюк был довольно типичным представителем лучшей части нижнего звена партийных работников довоенного СССР. Лично честный, и искренне преданный партии, он старался всегда наилучшим образом исполнить возложенные на него обязанности. Хороший семьянин, Михаил Игнатьевич глубоко любил свою жену (Евдокия Фёдоровна сохранила эти чувства спустя много лет) и детей, вместе с ними радовался улучшению бытовых условий, следовавших за карьерным взлётом. Драматические события конца 30-х гг. благополучно миновали его. Наконец, встав на защиту Родины в 1941 году, Михаил Игнатьевич вместе с другими лучшими представителями советской элиты, сыграл некоторую роль в трагичных событиях начального периода войны. Преданный своему делу, он с готовностью отдал за него свою жизнь.

Список литературы:

1. Вдовин Ф.М. Рассказ о М.И. Седюке // Личный архив автора.
2. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1941 г. Сб. документов. Л., 1979.
3. Ефимов А.С., Комиссар Седюк // Кингисеппский колхозник. 1959. Май
4. Ефимов А. С., Пресняков С. Г., Кингисепп: историко-краеведческий очерк, Л., 1972.
5. Кингисеппская Книга памяти. Кингисепп, 1995.
6. Командировочное удостоверение от 27 мая 1939 г. // личный архив М.И. Седюка.
7. Направление от 28 февраля 1939 г. // личный архив М.И. Седюка.
8. Николаенко П.Д. В грозном 41-м (страницы истории борьбы кингисеппских партизан в начальный период войны) // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД. 2016. № 66.

9. Ответы отдела кадров Ленинградского Обкома ВКП(б) // Личный архив М.И. Седюка.
10. Ответы Ленинградского обкома ВКП(б) на запросы Е.Ф. Седюк от 4.05. и 20.06. 1942 г. // Личный архив М.И. Седюка.
- 11 Письма 26.07., 19.08. и 23.08. 1941 г. // Личный архив М.И. Седюка.
12. По древней ямбургской земле (путеводитель). Кингисепп, 2004.
13. Свидетельство о браке от 17 июня 1939 г. // Личный архив М.И. Седюка.
14. Свидетельство о рождении М.М. Седюк от 11 ноября 1933 г. (личный архив М.М. Седюк)
15. Свидетельство о смерти Н.М. Седюк от 30 августа 1939 г. (личный архив М.И. Седюка)
16. Смольский Д.И., Кингисепп и кингисеппцы в годы Великой отечественной войны, Кингисепп, Восточный берег, 1995.
17. Смольский Д.И. Никто не забыт, ничто не забыто (о партизанах, погибших в 1941г.) // За коммунизм. 1971.8 мая
18. Смольский Д.И. Памятник в Летнем саду // За коммунизм. 1967. 3 июня
19. Стенографический отчет XVIII съезда Всесоюзной Коммунистической партии (10-21 марта). М.: ОГИЗ, 1939.
20. Удостоверение к медали «Партизану Отечественной войны» // личный архив М.И. Седюка.
21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1939 года «О награждении передовиков сельского хозяйства Ленинградской области» // Памятник партизанам. // Кингисеппскому району – 85 лет. // <https://sites.google.com/site/kingiseppskijrajon/pamatnik-partizanam> (последняя проверка 31.11

А.И. Веретин*

Михаил Семенович Харченко

В статье дается краткая биография знаменитого партизана, Героя Советского Союза, Михаила Семеновича Харченко.

The article gives a brief biography of the famous partisan, Hero of the Soviet Union, Mikhail Semenovich Kharchenko.

Ключевые слова: М.С. Харченко, партизан, Великая Отечественная война, оккупация, продовольственный обоз.

Key words: M.S. Kharchenko, partisans of the Great Patriotic war, occupation, and food carts.

Михаил Семенович Харченко родился 10 февраля 1918 г. в Петрограде. В семье Михаила было пять детей, он был вторым ребенком. Семья жила очень трудно, не хватало одежды, топлива, продуктов питания,

---

* **Веретин Александр Иванович**, Президент Ассоциации специалистов пресс-служб и служб public relations Санкт-Петербурга и Ленинградской области; averetin@mail.ru

поэтому родители отправили мальчика в деревню Новая Дедовичского района Петербургской губернии к бабушке (с 1924 г. Ленинградская область, а ныне Псковская). Когда Михаилу исполнилось шесть лет, он пошел в школу в деревне Красные Горки, которая находилась в двух километрах от его дома. Попастъ в школу удавалось не всегда. Вскоре построили школу в д. Новая.

Родители тоже уехали жить в пос. Дедовичи, и постепенно все дети перебирались к родителям, и лишь Михаил остался жить у бабушки.

Он рос крепким и выносливым мальчуганом. Много времени уделял спорту, был отличным пловцом, лыжником, стрелком. Он неоднократно выступал в районных и областных соревнованиях. Его грудь украшали множество значков, врученных за успехи в спорте. Михаил был находчивым, решительным и общительным. Двери его дома не закрывались от посещения многочисленных друзей.

Он во всех мероприятиях старался быть впереди. Однажды на областных соревнованиях по лыжам Мише не повезло: он сломал лыжу. До финиша оставалось метров двести. Михаил схватил лыжи в руки и бегом пустился к финишу. Пришел первым.

С юности он проявлял смелость, решимость пожертвовать собой ради спасения других. Как-то осенью Михаил со своими товарищами проходил по берегу реки и увидел тонущую женщину. Не раздумывая, он в одежде бросился в речку и спас несчастную.

В 1933 г. Михаил закончил 7 классов школы и пошел работать на маслозавод.

В 1938 г. он был призван в ряды РККА в пограничные войска НКВД. Служил Карелии. В составе 245-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии Михаил принимал участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. стрелком-пулеметчиком.

Взял в плен финского полковника. В одном из боев был тяжело ранен. Советское правительство за проявленную храбрость наградило М.С. Харченко высокой правительственной наградой – орденом Ленина (№ 6541). Вскоре Михаил выписался из госпиталя и так окреп, что был взят инструктором в десантные войска.

Вернувшись в Дедовичи, Михаил устроился в совхоз «Красные Горки» грузчиком, а затем был назначен директором Дедовичского ДК. Но мирный труд прервала война.

27 июня Михаил вступает в истребительный батальон отряда «Грозный», командиром которого был его учитель В.П. Бундзен. Боевой опыт пригодился в трудных условиях партизанской борьбы. Земля запылала под ногами захватчиков. Под откос летели эшелоны с техникой и пополнением, с боеприпасами и продовольствием.

Мужественному и отважному пулеметчику – партизану 2-й ЛПБ Михаилу Харченко партизанское командование давало самые ответственные

задания. Оно было уверено: Харченко не подведет, найдет выход из любого затруднительного положения. Нападали первыми, неожиданность стала тактикой борьбы отряда. Партизанская жизнь выработала в характере Михаила Харченко и новую черту – умение мгновенно принимать правильное решение.

Морозный зимний день. В нескольких шагах от дороги – партизанская засада. Лютый холод пронизывает до костей, но размяться нельзя. Вражеский обоз с боеприпасами и продовольствием может показаться в любую минуту. Терпеливо лежит у своего пулемета Михаил Харченко. Все его внимание приковано к дороге. А в голове уже давно созрел план дерзкой, смелой операции. Ошеломить, не дать опомниться врагу, и задание – захват обоза – будет выполнено. Наконец, показывается первая подвода. Все ближе и ближе. Слышны уже гортанные голоса фашистов. Приближается передний воз, на котором сидит закутанный пулеметчик. Вот враги поравнялись с засадой. Прицелившись, Харченко нажимает гашетку, но пулемет, всегда послушный, сегодня молчит – отказал из-за долгого пребывания на морозе.

Уйдут! Что делать? Михаил выхватывает револьвер и выскакивает на дорогу. Не успел опомниться немецкий пулеметчик, как партизанская пуля сразила его наповал. Вскочив на воз, Харченко разворачивает немецкий пулемет, и ливень пуль обрушивается на головы охраны...

Во многих боевых операциях принимал участие Миша Харченко.

Группа разведчиков во главе с политруком Сергачевым вышла на разведку в д. Гористая. Харченко вызвался узнать, есть ли в деревне немцы. Вернувшись, он доложил: в деревне 10 немецких автомашин, 3 танка. Эти сведения были переданы в действующую армию. На следующий день деревня была взята. Следующая операция – в октябре 1941 г. Это был налет на станцию Судома. Харченко достал трофей – чистокровную немецкую овчарку.

Новое задание: не подпускать к городу Холму подкрепление немцев со стороны Поддорья. Харченко следит за дорогой на Старую Руссу. Показались подводы, а пулемет опять молчит – замерз. Харченко, используя отработанную тактику, выхватывает пистолет, выскакивает на дорогу, опережая вражеского офицера, разворачивает немецкий пулемет и начинает косить врагов.

В 1942 г. Михаил вступил в ряды КПСС.

Бой за г. Холм состоялся 18 января 1942 г. Харченко, будучи командиром пулеметного отделения в партизанском отряде «Грозный», в критический момент первым поднялся в атаку и обеспечил успех подразделению. 20 февраля 1942 г. в бою у деревни Малый Клинец задержал огнем станкового пулемета колонну гитлеровских солдат в количестве 450 чел., дав тем самым возможность партизанской группе отойти и занять оборону на удобной позиции.

А 22 февраля 1942 г. состоялся бой за поселок Дедовичи. По дорогам, что ведут в Дедовичи, скрытно двигались партизанские обозы. Приказ командования был ясен – разгромить гарнизон фашистов. В полночь заговорили партизанские автоматы и пулеметы. Налет был неожиданным. В одном нижнем белье обезумевшие от страха фашисты метались по поселку.

Замаскировавшись, Михаил Харченко с группой партизан лежал в засаде. Им было дано задание перекрыть дорогу Яски-Дедовичи, по которой немцы могли выслать подкрепление. Лавина полицаяв и немцев стремительно спешила на помощь разгромленному гарнизону. Подпустив их метров на пятьдесят, партизаны открыли шквальный пулеметный огонь. Несколько часов гремели пулеметные очереди, ухали взрывы гранат, дробно стучали автоматы. Прорваться через заслон немцам не удалось. В этой операции небольшой отряд уничтожил 76 фашистов, в отряде потерь не было.

25 февраля 1942 года у деревни Городец Михаил Харченко из станкового пулемета приостановил движущуюся на 45 подводах колонну фашистов. В бою было убито 32 вражеских солдат и офицеров, взяты трофеи.

Однажды утром отряд под командованием Харченко захватил в плен полицая. Пленный был перепуган, побелел, как холст. Полицая обыскали и нашли пропуск в Ленинград. Партизаны заволновались. Никто из них не верил, что немцы захватят Ленинград, но все знали, как тяжело ленинградцам, знали, что в осажденном городе голод.

«Нужно помочь Ленинграду» – сказал Харченко в штабе.

«А как?» – спросил А.Г. Поруценко.

«Собрать продовольствие, погрузить на самолеты и...» – предложил Харченко.

Поруценко одобритительно кивнул головой. 1 марта начался сбор продовольствия. Но самолетов не было. Тогда решили погрузить продовольствие на подводы. Тронулись ночью 5 марта 1942 г. из деревни Нивки. Кони шли медленно, утопая в сугробах. Всего двигалось 223 подводы (упряжки). Везли муку, свинину, сало, картошку. Это и была помощь сельских жителей. Разведать маршрут движения и охранять обоз было поручено отряду М. Харченко. Движение осуществлялось только ночью, по лесам и непроходимым болотам, по оккупированной немцами территории Лесной республики. Защитники Ленинграда с чувством глубокой благодарности приняли подарок колхозников и партизан. Ленинградская поэтесса Вера Инбер в благодарном послании писала:

Спасибо вам, товарищи и братья,
За все, что вы привозите ему!
Наш город заключает вас в объятья,
Вас прижимает к сердцу своему.
Подарки Ваши – мы их не забудем:

Вы жизнью рисковали их везя.
Спасибо Вам! Где есть такие люди,
Такою землю покорить нельзя.

В апреле 1942 г. был объявлен приказ командования Ленинградского фронта о награждении наиболее отличившихся в боях с захватчиками партизан и партизанок. Трем патриотам, в том числе и пулеметчику Второй Партизанской бригады Михаилу Харченко, за особо выдающиеся заслуги перед Родиной было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Золотой Звезды Героя (№ 556) и Ордена Ленина (№ 6872) (Указ Президиума Верховного Совета от 08.04.1942 года). В партизанском крае это был первый партизан, который удостоен высокого звания Герой при жизни.

... Взволнованный, он стоял в большом зале, и краска смущения залила его лицо, когда к нему подошел А.А. Жданов и, пожимая руку, с отцовской лаской сказал:

- Здравствуй, прославленный герой! Ну, расскажи, как ты воюешь?

«...Лично мною уничтожено 174 немецких солдата и офицера. Этот счет будет расти и прекратится только тогда, когда не останется на родной земле ни одного фашиста, когда гитлеровская Германия будет разгромлена. Лишь в ту минуту сложу я вместе с товарищами-партизанами оружие».

Осенью 1942 г. Харченко был назначен командиром партизанского отряда.

Январь 1943 г. (по сведению местных жителей д. Шубино это произошло 19 декабря 1942 г.) И вот наступил тот последний бой.

...Звездная зимняя ночь. Михаил Харченко с небольшим отрядом уходит в разведку. Прощаясь с друзьями, которые дают в дорогу добрые напутствия и пожелания, он весело говорит, что вернется назад в назначенное время, что все будет хорошо. Но не удалось вернуться в партизанский отряд Михаилу.

При переходе через шоссеюную дорогу группа Харченко неожиданно столкнулась с отрядом карателей. Был один выход – принять бой, хотя силы были слишком неравны. Рисковать жизнью людей, которыми он командовал, Михаил не хотел. «Отходите назад! Прикрою, – крикнул он товарищам. – Приказываю! – повторил он, когда те не двинулись с места, и уже мягко, по-отечески, добавил: – Вы должны сообщить в отряд данные разведки...»

Один против сотни фашистов. Целый час отстреливался герой от наседавших врагов, окруживших его со всех сторон. Снайперски выстрелы Михаила Харченко валили наповал карателей. Но вражеская пуля сразила и партизана... 23 января 1943 г. бесстрашный партизан погиб в неравном бою с карателями.

Долго не могли свыкнуться с мыслью о гибели Михаила Харченко товарищи по оружию. Тяжела была утрата, но дорого заплатили за это немецкие захватчики. Немало их нашло свой бесславный конец от народных

мстителей. Светлая память о боевом товарище осталась навсегда в сердцах бывших партизан.

Захоронен Герой Советского Союза М.С. Харченко на родине в поселке Дедовичи Псковской области, рядом с домом, где проживали родители. На могиле установлен обелиск. На здании дедовичской школы № 1 установлена мемориальная доска.

К славе путь не легкий и не близкий.
Сотни верст исхожены в боях.
И в саду, под скромным обелиском,
Честь, солдат, покоится твоя.

Над тобою солнца позолота,
У подножья – круглый год цветы.
И с простого, маленького фото,
Как живой, сегодня смотришь ты.

Каждый день по-своему приметен.
Люди счастье Родины куют.
Ты во имя всех живых на свете
Отдал жизнь цветущую свою.

Что не сделал – сделают другие.
Чтит героев русская земля.
И застыли, словно часовые,
У твоей могилы тополя.
Е.Изюмов

Харченко жив не только в памяти. В 1963 году был открыт музей М.С. Харченко в 104 школе. Именем Героя названа улица и школа №104 в Выборгском районе Санкт-Петербурга. Имя Михаила Харченко гордо носит техникум и улица поселка Дедовичи Псковской области.

Есть в Дедовичах Харченко могила,
Чернеет трауром на мраморе портрет.
Но светлая улыбка Михаила
Взлетает птицею на солнечный рассвет.

Сведения об авторах:

Абдрахманов Константин Алексеевич, аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории народов Чечни, Чеченский государственный университет; e-mail: birlant@list.ru

Алексеева Надежда Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет; e-mail: alekseevanv35@mail.ru

Арсланова Ангелина Ильдаровна, студентка 1 курса исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: gelya.arslanova@mail.ru

Асатова Гульсара Рашидовна, кандидат исторических наук, доцент, начальник учебного отдела, доцент кафедры «История Узбекистана», Узбекский государственный институт физической культуры; e-mail: grasat@mail.ru

Ахмедова Фатима Ахатовна, фрилансер; e-mail: fatimaahmedova@yahoo.com

Бежиташвили Георгий Александрович, академический доктор истории, профессор, Национальный университет им. Ш. Руставели, Грузия, г.Тбилиси; e-mail: bezhitashvili.g@gmail.com

Беспалёнок Елена Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Смоленский государственный университет (СмолГУ); e-mail: edbepalenok@mail.ru

Божичко Вера Викторовна, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail:

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, Тверской государственный технический университет; e-mail: bolokinal@mail.ru

Борзых Анастасия Сергеевна, аспирантка, Череповецкий государственный университет; e-mail: laigyshonok@ya.ru

Бородина Светлана Васильевна, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», член Российского военно-исторического общества; e-mail: borodinasvmuz@yandex.ru

Бочарова Алина, студентка IV курса исторического факультета, Самарский национально исследовательский университет имени академика С.П. Королева; e-mail: intelegantna@rambler.ru

Бровина Александра Александровна, кандидат исторических наук, начальник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН; e-mail: lisewitch.n@yandex.ru

Будаева Марина Николаевна, аспирант кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ); E-mail: Mara-lokteva@yandex.ru

Буриева Хайрия Амануллаевна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; e-mail: burieva73@mail.ru

Буцких Мария Вячеславовна, студентка 3 курса исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ);

Валуев Демьян Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет; e-mail: valuev.demyan@mail.ru

Ванюшина Олеся Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического отдела Тверского государственного объединенного музея (г. Тверь); e-mail: vanyushina_olesya@mail.ru.

Веретин Александр Иванович, Президент Ассоциации специалистов пресс-служб и служб public relations Санкт-Петербурга и Ленинградской области; e-mail: averetin@mail.ru

Вильданова Рамзия Камильевна, кандидат исторических наук, помощник президента, Ульяновский государственный университет; e-mail: vil-rimma@yandex.ru

Воробьев Александр Александрович, начальник центра дополнительного образования и профессиональной ориентации учащейся и студенческой молодежи Института повышения квалификации и переподготовки, кандидат исторических наук, доцент, Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова; e-mail: pax4@yandex.ru

Гавриленков Алексей Федорович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью, Смоленский государственный университет; e-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru

Геворкян Анна Игоревна, адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Н. С. Нижник); e-mail: gevorkyanna95@mail.ru

Герасимов Максим Вячеславович, студент 3 курса Исторического факультета Томского государственного университета. Науч.рук. - Шевелёв Д.Н., д-р ист.наук., доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ИФ ТГУ; e-mail: gerasim.maks@mail.ru

Головина Евгения Леонидовна, главный специалист, магистр, Центр документации новейшей истории Волгоградской области; e-mail:

Гоманенко Олеся Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный университет; e-mail: gomanenko.olesya@mail.ru

Гуйван Пётр Юрьевич, независимый исследователь (г. Кингисепп, Ленинградская область); e-mail: peter--88@mail.ru

Гусарова Екатерина Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН, библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; e-mail: ekater-ina@mail.ru

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, заведующий музеем истории Белгородский государственный национальный исследовательский университет; e-mail: hotina.olga@yandex.ru

Долгова Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, учитель истории, «Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение "Школа № 37"», Москва; e-mail: angela_dol@mail.ru

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»; e-mail: drzz@yandex.ru

Дубровская Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН; e-mail: ldubrovskaya@inbox.ru

Дукин Алексей Александрович, студент 3 курса, специальности «история», Донецкий национальный университет. Научный руководитель: к.и.н., доцент Удалова Татьяна Михайловна; e-mail:

Егоров Андрей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии, Череповецкого государственного университета; e-mail: anegorov65@mail.ru

Ерметов Аваз Абдуллаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана», Национальный Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; e-mail: avazbek.ermetov@mail.ru

Жиброва Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко; e-mail: tashazhibrova@gambler.ru

Зувев Алексей Николаевич, курсовой офицер - преподаватель специального факультета, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко; e-mail:

Иванова Наталья Ивановна, директор музея немцев Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург); e-mail: naiviv@mail.ru

Иофе Валерий Григорьевич, магистр Международной Ассоциации «Искусство народов мира», Национальный Университет Узбекистана имени М. Улугбека (г. Ташкент); e-mail: valeriy-iofe@yandex.com

Исхаков Эдуард Робертович, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников

ОВД, Уфимский юридический институт МВД России; e-mail: iskhakov1964@mail.ru

Кабакова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск; e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Кальсина Алла Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Пермь); e-mail: kalsina.alla@mail.ru

Караканова Надежда Раисовна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Ковальская Светлана Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; e-mail: skovalsk@mail.ru

Ковзель Анна Викторовна, студент, Алтайский государственный педагогический университет; e-mail:

Козлов Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Смоленского государственного университета; e-mail:

Козлова Анна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Философия», Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ); e-mail: beigul-1@yandex.ru

Колганова Ксения Геннадьевна, магистр истории, пресс-секретарь Министерства образования и науки Самарской области; e-mail:

Колобова Ангелина Алексеевна, студентка, Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) Научный руководитель: кан. ист. наук, доцент кафедры истории России, Оборский Евгений Юрьевич; e-mail: kolobova.angelina@yandex.ru

Кукаева Диана Кайровна, аспирантка III курса, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail:

Куренкова Юлия Ольговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ); e-mail: klementina57@rambler.ru

Лобачева И.Н. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Ломанов Владислав Андреевич, студент 4-го курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Науч. рук. кан. ист. наук, доцент, Е.В. Никуленкова; e-mail: vladislav.lomanov@yandex.ru

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна, младший научный сотрудник музея истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; e-mail: hotina.olga@yandex.ru

Мазырина Анастасия Александровна, аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет; e-mail: mazirina91@mail.ru

Майборода Ольга Александровна, аспирант, Череповецкий государственный университет; e-mail: olialal@yandex.ru

Максимова Ирина Васильевна, кандидат исторических наук, преподаватель первой категории, специалист по УМР, Волгоградский государственный медицинский университет; e-mail: maksirnavas@mail.ru

Мартынова Елена Петровна, доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: ep_martynova@mail.ru

Метейко Мария Александровна, студентка 3 курса исторического факультета, Донецкий национальный университет. Научный руководитель: к.и.н., доц. Удалова Татьяна Михайловна; e-mail: mariya.meteyko@mail.ru

Минникова Татьяна Николаевна, историк, член Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева. Сотрудник Тосненского историко-краеведческого музея; e-mail: minnikovatn@mail.ru

Миронова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, н.с. Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН; e-mail: lisewitch.n@yandex.ru

Мишуринская Ольга Владиславовна, научный сотрудник отдела этнографии Поволжья и Приуралья, Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург); e-mail: olmisch@bk.ru

Мокеев Антон Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета; e-mail: amokeev@yandex.ru

Муравьёва Валерия Олеговна, студентка 3 курса исторического факультета, Донецкий национальный университет. Научный руководитель: к.и.н., доц. Удалова Т.М.; e-mail:

Мусабалина Гульнара Толевгазиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский Национальный университет им. Л.Н.Гумилева (Казахстан) ; e-mail: gylnara.musabalina@yandex.kz

Мутиева Оксана Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства; e-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры; e-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Нефедьева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия, политология и социология», Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I; e-mail:

Никонов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко; e-mail:

Новиков Валерий Николаевич, кандидат педагогических наук, внештатный научный сотрудник Дома-музея им Б. В. Вильде (Ястребино, волосовский район); e-mail: novikov2382@mail.ru

Новикова Лидия Игоревна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки; e-mail: lilanv@yandex.ru>

Огуренко Егор Владимирович, студент III курса, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Науч. рук. Цеменкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии УрФУ; e-mail: y.ogurenko@gmail.com

Острога Валентина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии УО «Белорусский государственный технологический университет»; e-mail: ostroga.v@mail.ru

Пивнева Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, зав. отделом Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН; e-mail: pivnel@mail.ru

Пивоварова Лидия Николаевна, канд. ист. наук, доцент, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»; e-mail: lidia.pivovarova@yandex.ru

Подольский Сергей Игоревич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета; e-mail: octet@yandex.ru

Полоцкая Ольга Владимировна, научный сотрудник отдела фондов МБУК «Тотемское музейное объединение»; e-mail: olga-polockaya@yandex.ru

Похилюк Анатолий Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail:

Прохоров Михаил Федорович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет туризма и сервиса; e-mail - 2210. mfp@mail.ru

Рочева Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; e-mail: denisrochev@yandex.ru

Рощина Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; e-mail:

Рыков Алексей Викторович, аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет; e-mail: varvar_09@mail.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна, доктор исторических наук, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (Казахстан); e-mail: zauresh63@mail.ru

Свидовская Анастасия Сергеевна, магистрант, Алтайский государственный педагогический университет; e-mail: tk_altai@mail.ru

Сидоренко Надежда Семёновна, доктор ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГУ); E-mail: sidorenkons@rambler.ru

Сластнев Сергей Борисович, главный архивист отдела научно-справочного аппарата и учета архивных документов, Центр документации общественных организаций Свердловской области; e-mail: slastnev@yandex.ru

Сорокина Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; e-mail: 119019@mail.ru

Степанова Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова;

Степанов Станислав Вячеславович, сотрудник Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки, руководитель общественной организации «Культурно-просветительское товарищество»; e-mail: stepansv4@gmail.com

Стоцкий Александр Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России; e-mail: stotski@list.ru

Султанова Аягоз Канатовна, магистрант 2 курса специальности «История» исторического факультета, Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, sadikov_ts@enu.kz

Сычев Виталий Иванович, профессор кафедры океанологии, канд. физ.-мат. наук, доцент, Российский государственный гидрометеорологический университет; e-mail: sychev.vitaly@bk.ru

Тамби Сергей Александрович, магистрант 2-го курса МГИМО МИД России (г. Москва); e-mail: sergey.tambi@gmail.com

Тарасов Никита Константинович, адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Н. С. Нижник; e-mail: nicrosoft@mail.ru

Тарасова Алена Александровна, студентка 1-го курса Санкт-Петербургского горного университета. (Научный руководитель: С.И. Подольский)

Тимофеева Ирина Дмитриевна, студентка IV курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: irina.belacqua@yandex.ru

Томилов Игорь Сергеевич, младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН; e-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет; e-mail: 2519612@ Rambler.ru

Урожаева Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, сотрудник лаборатории исторической демографии Иркутского государственного университета; e-mail: olgoiy@yandex.ru

Федина Ксения Сергеевна, аспирант исторического факультета, Астраханский государственный университет; e-mail: ksenia2791@bk.ru

Федотова Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета; e-mail: stasi7886@mail.ru

Филимончик Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; e-mail: syrsa@yandex.ru

Фортуна Алексей Андреевич, аспирант I курса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: fortun2017@yandex.ru

Фот Алёна Гергардовна, аспирантка кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; E-mail: fotalena@mail.ru

Хисамутдинова Равиля Рахияновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Цориева Инга Тотразовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН; e-mail: tsorin@mail.ru

Черноухов Эдуард Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: echernoukhov@yandex.ru

Чернышев Константин Анатольевич, кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет; e-mail: natiche84@mail.ru

Чернышева Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет; e-mail: natiche84@mail.ru

Чориев Шерзоджон Шокиржонович, зам.декана исторического факультета, ст.преп.кафедры Источниковедения и архивоведения, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; e-mail: burieva73@mail.ru

Шаламов Владимир Александрович, доцент кафедры, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет; e-mail: wladimir13x@yandex.ru

Шаяхметова Ирина Зуфаровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент института истории и государственного управления, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»; e-mail: irina_shayakhmetova@mail.ru

Эфендиева Джамиля Абдулкеримовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный университет; e-mail: djamist@inbox.ru

Юрьев Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский филиал ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; e-mail: alejandrouriev@mail.ru

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, профессор, кандидат культурологии, доцент, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова; e-mail: mifoigra@mail.ru

Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по НИИД, Поволжский государственный университет сервиса; e-mail: yakunin@tolgas.ru

Ярмолич Федор Кузьмич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; e-mail: f.k.1985@mail.ru

ОЛАВЛЕНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>И.С. Томилов</i> Повседневная жизнь горожан Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: социальный конструкт	5
<i>А.С. Борзых</i> Направления деятельности Местного Отделения Российское Общество Красного Креста г. Вологда последней трети XIX – начале XX в.	9
<i>О.В. Ванюшина</i> Роль полицейского надзора в повседневной жизни лиц, административно высланных в Тверскую губернию в конце XIX – начале XX вв.	14
<i>А.А. Кальсина</i> Общество, власть и школа в условиях Гражданской войны в Урало-Сибирском регионе (1918–1919 гг.)	17
<i>А.В. Долгова</i> Из истории антибольшевистского движения в Чердынском уезде в 1919–1920 гг.	22
<i>А.А. Ерметов</i> Из истории формирования рабоче-крестьянской инспекции в Туркестане (1919–1923 гг.)	27
<i>Н.Р. Караканова</i> Антирелигиозные кампании как способ влияния на религиозное сознание населения Оренбургской области в 1920-е гг.	31
<i>И.В. Рочева</i> Библиотеки Коми АО (Коми АССР) как инструмент вовлечения населения в общественную жизнь в 1920-1930-е гг.	38
<i>А.В. Похилиук</i> Социальная защита семей военнослужащих в годы Блокады Ленинграда	43
<i>К.С. Федина</i> Деятельность местных органов государственной власти по восстановлению и организации обучения в период с 1945 по 1953 гг. (по материалам Астраханской области)	48
<i>А.К. Султанова</i> Далекое близкое: проблемы историографии в исследовании повседневности послевоенного Казахстана	54
<i>С.Б. Слостнев</i> Пограничный конфликт между СССР и Китайской Народной Республикой в районе острова Даманский глазами населения Свердловской области	59
<i>И.З. Шаяхметова</i> Южного Урала как антикризисная модель конца 1980-х – начала 1990-х гг. (о некоторых аспектах социального восприятия)	65
<i>А.И. Геворкян</i> Евразийский экономический союз – субъект внешнеэкономического сотрудничества и повышения качества повседневной жизни населения стран СНГ	69
<i>А. Б. Мокеев</i> Из истории Всероссийского Учредительного собрания: чем запомнились выборы в Петрограде.	73

ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>С.В. Бородина</i> Лазарет на станции Прохоровка (Помощь больным и раненым воинам Первой мировой войны в Курской губернии).....	78
<i>А.Н. Егоров</i> Проблемы повседневной жизни и общественные настроения населения Вологодской губернии в годы Первой Мировой войны.....	86
<i>А.А. Воробьев</i> Повседневная жизнь белорусских крестьян в период немецкой оккупации (1915–1918 гг.).....	91
<i>А.А. Колобова</i> Частные объявления в газетах как источник повседневной жизни ставропольчан в 1917 г.	97
<i>М.Ф. Прохоров</i> Повседневная жизнь жителей подмосковных Филей в годы гражданской войны.	102
<i>Т.Н. Минникова</i> Театр за колючей проволокой (на территории Коми края).....	107
<i>Д.К. Кукаева</i> Эвакуация Ленинградского ордена Ленина академического Малого оперного театра в город Чкалов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	113
<i>Е.В. Нефедьева</i> Ленинградцы в блокаде: трудности быта первой зимы.....	118
<i>Н.В. Чернышева, К.А. Чернышев</i> Организация продовольственного снабжения населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны.....	125
<i>Е.Л. Головина, О.А. Гоманенко</i> Отделы рабочего снабжения на Средней и Нижней Волге в годы Великой Отечественной войны.....	130
<i>Д.А. Эфендиева</i> Повседневная жизнь населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Дагестана).....	135
<i>А.А. Дукин</i> Повседневность жителей Донбасса в период оккупации, на примере промышленного горда Енакиево, Сталинской области (1941–1943 гг.).....	140
<i>Н.Ю. Степанова</i> Передачи удмуртского радио как источник по изучению повседневной жизни людей в годы Великой Отечественной войны (на примере Удмуртской АССР)	145
<i>А.В. Рыков</i> Проблемы семей военнослужащих сельской местности Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: по материалам военной цензуры.....	150
<i>А.А. Мазырина</i> Собираательство яиц дикой птицы как один из видов добывающих промыслов сибиряков в годы Великой Отечественной войны (по устным историческим источникам).....	156

А.С. Свидовская, А.В. Ковзель Кукуруза в питании жителей Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по полевым материалам 2017 г.) 159

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- Г.Т. Мусабалина* Батыры Казахского общества в XVIII–XIX вв.....165
- И.Н. Лобачева* Отношения между супругами в купеческой семье во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Тульской губернии)170
- О.В. Полоцкая* Коллективный портрет провинциального купечества на рубеже XIX – начала XX вв. (на примере города Тотьмы Вологодской губернии) 176
- Н.К. Тарасов* Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции: повседневность первого учебного заведения МВД Российской империи .182
- В. И. Сычев* Предыстория событий рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж» из переписки писателя и архивных документов. 186
- Л. И. Новикова* Повседневная жизнь Кронштадта на страницах «Кронштадтского вестника» 191
- И.В. Максимова* Царицынские трущобы и их обитатели на страницах газеты «Волжско-Донской листок» (Очерки с натуры).....197
- С.В. Степанов, В.Н. Новиков* Общественно-политическая жизнь Яблоницкой волости Ямбургского уезда в начале XX века: по материалам воспоминаний современников 203
- С. И. Подольский* Воспоминания П. Е. Луненка (1906-2000) о горном деле, гражданской войне и советском обществе 213
- Е.В. Огуренко* Повседневность провинциального архивиста на примере Свердловского областного государственного архива на рубеже 1930-х – 1940-х гг. 220
- А.А.Тарасова* Улица из Русской Атлантиды: история затопления города Мологи и других земель на Ярославской земле в конце 1930-х-1941 гг. 225
- В.В. Божичко* Районные газеты как источник сведений о повседневной жизни колхозников в 1946-1948 гг. (на материалах Рязанской области) 232
- П.С. Кабытов, К.Г. Колганова* Социальный портрет председателей Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся (1945–1970 гг.).237
- Е.А. Пивнева* Рыболовы Обского Севера в картинах повседневности244
- Е.П. Мартынова* Ямальские оленеводы: адаптационное поведение и повседневные практики в рыночной экономике 249

Н.В. Иевлев Роль православных братств как важнейших элементов духовной самоорганизации общества 253

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Т.В. Жиброва «Чтоб они на кружечном дворе не пропивались»: о проблеме пьянства на юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) 259

О.С. Мутиева Трансформация земледельческих традиций горцев Северного Кавказа под влиянием Кавказской войны 264

А.А. Фортун Социально-экономическая адаптация крестьянства Новоузенского уезда Самарской губернии в начале XX в. 269

В.А. Ломанов Экономические причины возникновения комитетов бедноты на территории Псковской губернии 276

А.Ю. Федотова Не хлебом единым: вещевая помощь населению ТАССР в голодные 1921–1923 гг. 279

А.Н. Зуев, И.И. Никонов Производственно-хозяйственная деятельность жилищно-строительных кооперативов Верхнего Поволжья в условиях НЭПа 284

И.А. Руппель Пимокатство в повседневной жизни населения Алтая в последней четверти XIX — середине XX веков 289

В.О. Муравьева Восстановление промышленного производства Донбасса для удовлетворения потребностей нацистской Германии (1941–1943 гг.) 296

РАБОТА И ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Е.В. Гусарова Духовная жизнь Зубцовского уезда Тверской губернии в конце XIX – начале XX вв. 301

Е.Ю. Дубровская Военная повседневность и досуг красноармейцев и горожан Карелии: 1918–1920 гг. 306

О.В. Козлов Музыкальная жизнь российской провинции в первые годы советской власти (на материалах Смоленской губернии) 312

А.М. Юрьев Повседневная жизнь ярославцев на станицах произведений И. Ильфа и Е. Петрова 318

М.В. Буцких, Ю.О. Куренкова Кино и театр в культурной жизни оренбуржцев в 1920-е годы 322

Ф. К. Ярмолич Социализация горожан во время досуга (на материалах Ленинграда 1950 – 1960-х гг.) 328

И.Т. Цориева «...Город гор и людей ...» (Из истории повседневности столицы Северной Осетии второй половины 1940–1950-х гг.) 333

<i>Р.Р. Хисамутдинова, А.И. Арсланова</i> Роль телевидения в повседневной жизни населения Оренбургской области (1960-1990 гг.)	339
<i>М.В. Герасимов</i> Повседневность Томска в годы перестройки: ограничение жилищного пространства и ориентация на трезвость.....	345
<i>В.Н. Якунин</i> Религиозный туризм как способ социальной адаптации населения в современной России	350
<i>Е.Д. Беспалёнок</i> Вяземская купеческая элита и ее отношение к асоциальному поведению в XVIII в.	356
<i>Н.В. Алексеева</i> Общественное мнение в системе регулирования внутриобщинных отношений на Севере России в XIX веке.....	361
<i>В.А. Шаламов</i> «С грязи – не лопнешь, с чистоты – не воскреснешь»: представление о повседневной чистоте тела у крестьян Восточной Сибири 1920-х гг.	367
<i>А.Ф. Гавриленков</i> Повседневная жизнь членов секты евангельских христиан (пашковцев) в Смоленской губернии в 1905–1917 гг.	373
<i>Д.В. Валуев</i> Из истории погребальной культуры Смоленска в 1917–1941 гг.: традиции и трансформации	378
<i>А.В. Бочарова</i> Идеологическая модернизация религиозной повседневности советского города (на примере Самары).....	383
<i>Е.В. Дроботушенко</i> К вопросу о православной повседневности населения юго-запада Читинской области на рубеже 1990–2000-х гг.....	388
<i>Т.П. Уржаева</i> Проблема алкоголизации населения Иркутской области во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.....	393
<i>Э.Р. Исхаков</i> Отношение населения к укреплению собственного здоровья: современные реалии и что влияет?	399
ДЕТИ И МОЛОДЕЖЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	
<i>О.А. Майборода</i> Домашнее воспитание в дворянских семьях городов Вологды и Череповца в первой половине XIX века.....	404
<i>В.М. Острога</i> Условия и особенности педагогической деятельности в средних учебных заведениях Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.	409
<i>И.В. Денисова, В.А. Лю-Ку-Тан</i> Повседневная жизнь воспитанников Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX века	415
<i>Г.А. Бежиташвили</i> Повседневность Тифлисского пехотного юнкерского училища в 1863–1917 гг.	420
<i>Е.Л. Яковлева</i> Татарские детские журналы начала XX века как источник фиксации повседневности	426

<i>Рощина О.С.</i> Паломнические путешествия священнослужителей с учениками школ конца XIX - начала XX века (по материалам сибирских епархиальных изданий).....	431
<i>Козлова А.А.</i> Повседневная жизнь школьников сибирской деревни накануне Великой Отечественной войны (по материалам омских газет)...	436
<i>Н.В. Кабакова</i> Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны в Омскую область.....	441
<i>М.А. Метейко</i> Повседневная жизнь подростков Донбасса в годы оккупации (1941–1943 гг.).....	446
<i>Л.А. Болокина</i> Организация и работа детских домов в Калининской области в 1943 году.....	450
<i>А.В. Трофимов</i> Повседневная жизнь уральских школьников в первое послевоенное десятилетие.....	455
<i>И.Д. Тимофеева</i> Повседневная жизнь воспитанников Выборгских школ-интернатов в конце 1950-х – начале 1960-х гг.	461
<i>З.Г. Сактаганова</i> Пьянство и алкоголизм среди молодежи в 1950-е – 1960-е гг.: городская советская повседневность Центрального Казахстана	466
<i>Н.С. Сидоренко, М.Н. Будаева</i> Повседневные практики студенческой молодежи Южного Урала в 1990-е годы (на материале Челябинской области).....	473
ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ	
<i>К.А. Абдрахманов</i> Женское предпринимательство на Южном Урале во второй половине XIX века на примере деятельности челябинской купчихи М. М. Шиховой.....	480
<i>Л.Н. Пивоварова</i> Гендерные и возрастные факторы трудовой деятельности девочек и мальчиков в крестьянской среде (на материалах Курской губернии).....	486
<i>А.Г. Фот</i> Влияние сплетен на деловую повседневность женщины духовного сословия во второй половине XIX века (на материалах Оренбургской губернии).....	492
<i>Ф.А. Ахмедова</i> Мусульманская женщина в представлениях российских исследователей начала XX века.....	497
<i>А.А. Бровина, Н.П. Миронова</i> Образ жизни женщины-ученого в Коми филиале АН СССР в 1950-х гг. (по материалам деловых дневников)	502
НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ	
<i>О.В. Мишурильская</i> Гендерные стереотипы у мордвы в процессе первичной социализации.....	506

<i>С.И. Ковальская</i> Живопись как источник по изучению повседневности казахского народа XVIII–XIX веков	511
<i>А.А. Насонов</i> Микроисторический и макроисторический подходы к изучению межконфессионального взаимодействия на юге Западной Сибири на рубеж XIX–XX вв.....	516
<i>Р.К. Вильданова</i> Мусульманские представители в общественных учреждениях г. Симбирска в последней трети XIX – начале XX вв.....	520
<i>С.Н. Филимончик</i> Карельская ассоциация пролетарских писателей (1926–1932).....	526
<i>Н. И. Иванова</i> Одна семейная летопись или укоренение германского рода в России.....	532
<i>С.А. Тамби</i> Ораниенбаумские эстонцы	540
<i>Б.Б.-А. Абдулвахабова</i> Социальная адаптация чеченской семьи в постконфликтный период.....	546
<i>Е.А. Сорокина</i> Некоторые современные реалии повседневной жизни Швеции	549
<i>Г.Р. Асатова</i> Современное олимпийское движение в Узбекистане: деятельность Национального олимпийского комитет	554
ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ	
<i>Э.А. Черноухов</i> Польский врач О. Нехведович на северном Урале в 1811–1842 гг.	560
<i>А.П. Стоцкий</i> Владислав Францевич Галле – полицмейстер Санкт-Петербурга.....	564
<i>Х.А. Буриева</i> Материалы личного фонда известного ученого-востоковеда Н.П. Остроумова как источник по изучению общественной жизни Туркестана (по документам ЦГА РУз)	568
<i>Ш.Ш. Чориев</i> О вкладе русских востоковедов в развитие общественной деятельности и науки в Туркестане (по документам личных архивов)	574
<i>В.Г. Иофе</i> Человек из народа и бурная эпоха	578
<i>П. Ю. Гуйван</i> Тракторист, орденносец, партийный работник, партизан: к 110-летию со дня рождения М.И. Седюка.....	583
<i>А.И. Веретин</i> Михаил Семенович Харченко	590
Сведения об авторах.....	596

Contents

POWER AND SOCIETY: PROBLEMS OF DAILY LIFE

- I.S. Tomilov* Daily life of citizens of Tobolsk province in the second half of the XIX – early XX centuries: social construct.....5
A.S. Borzyh
Activity directions of the Local Branch of Russian Red Cross Society of Vologda in the last third of the XIX – beginning of the XX century.....9
O.V. Vanjushina
The role of police supervision in daily life of persons administratively sent to the Tver province in the late XIX – early XX centuries.....14
A.A. Kal'sina
Society, power and school in conditions of the Civil War in the Ural-Siberian region (1918-1919).....17
A.V. Dolgova
From the history of anti-Bolshevik movement in the Cherdynsky Uyezd in 1919-1920.....22
A.A. Ermetov
From the history of formation of the workers' and peasants' inspection in Turkestan (1919-1923).....27
N.R. Karakanova
Anti-religious campaigns as a way of influencing the religious consciousness of population of the Orenburg region in the 1920s.....31
I.V. Rocheva
Libraries of Komi AO (Komi ASSR) as an instrument of involving the population in public life in the 1920s-1930s.....38
A.V. Pohiljuk
Social protection of families of the military during the Leningrad Blocade...48
K.S. Fedina
Activities of local government authorities to restore and organize education in the period from 1945 to 1953 (on the materials of the Astrakhan region).....54
A.K. Sultanova
Far close: problems of historiography in the study of daily life of post-war Kazakhstan.....59
S.B. Slastnev
Border conflict between the USSR and People's Republic of China in the region of Damansky Island from the eyes of population of the Sverdlovsk Region.65
I.Z. Shajahmetova
Alternative elections to the city government of the South Urals as an anti-crisis model of the late 1980s – early 1990s (on some aspects of social perception).....69

<i>A.I. Gevorkjan</i> The Eurasian Economic Union – a subject of foreign economic cooperation and improving the quality of daily life of the population of CIS countries.....	73
---	----

ADAPTATION PRACTICES OF POPULATION UNDER CONDITIONS OF EXTREME DAILY

<i>S.V. Borodina</i> Infirmary at the station Prokhorovka (Assistance to sick and wounded warriors of the First World War in Kursk province).....	78
<i>A.N. Egorov</i> Problems of daily life and public moods of population of the Vologda province during the First World War.....	86
<i>A.A. Vorob'ev</i> Daily life of Belarusian peasants during the German occupation (1915-1918).....	91
<i>A.A. Kolobova</i> Private ads in newspapers as a source of daily life for Stavropol citizens in 1917.....	97
<i>M.F. Prohorov</i> Daily life of the inhabitants of the Moscow-area Fili during the Civil War.....	102
<i>T.N. Minnikova</i> Theater behind barbed wire (in the Komi territory).....	107
<i>D.K. Kukaeva</i> Evacuation of the Leningrad Order of Lenin Academic Small Opera Theatre to the city of Chkalov during the Great Patriotic War of 1941-1945.....	113
<i>E.V. Nefed'eva</i> Leningradians in blockade: difficulties of everyday life of the first winter	118
<i>N.V. Chernysheva, K.A. Chernyshev</i> Organization of food supply to the population of the Kirov region during the Great Patriotic War.....	130
<i>E.L. Golovina, O.A. Gomanenko</i> Departments of labor supply in the Middle and Lower Volga during the Great Patriotic War.....	140
<i>D.A. Jefendieva</i> Daily life of population during the Great Patriotic War (on the example of Dagestan).....	143
<i>A.A. Dukin</i> Daily life of the inhabitants of Donbass during the occupation, on the example of the industrial town Yenakiyevo, Stalin region (1941-1943).....	144

<i>N.Ju. Stepanova</i>	
Udmurt radio broadcasts as a source for studying of daily life of	145
<i>A.V. Rykov</i>	
Problems of families of the military in rural areas of the Altai Territory during the Great Patriotic War: based on materials of military censorship.....	150
<i>A.A. Mazyrina</i>	
Gathering eggs of wild birds as a kind of extractive industries of Siberians in the years of Great Patriotic War (on oral historical sources).....	156
<i>A.S. Svidovskaja, A.V. Kovzel'</i>	
Corn in nutrition of inhabitants of the Altai Territory during the Great Patriotic War (according to the field materials of 2017).....	159
DIALY LIFE OF SEPARATE SOCIAL GROUPS	
<i>G.T. Musabalina</i>	
Batyr of the Kazakh society in the XVIII-XIX centuries.....	165
<i>I.N. Lobacheva</i>	
Relations between spouses in the merchant family in the second half of the XIX – early XX centuries (on the materials of Tula Province).....	170
<i>O.V. Polockaja</i>	
Collective portrait of the provincial merchants at the turn of XIX – early XX centuries (on the example of Totma town of Vologda province).....	176
<i>N.K. Tarasov</i>	
St. Petersburg Metropolitan Police Reserve: the daily routine of the first educational institution of the MIA of Russian Empire.....	182
<i>V. I. Sychev</i> Background to the events of the story of FM Dostoevsky "Eternal Husband" from the writer's correspondence and archival documents.	186
<i>L. I. Novikova</i>	
Daily life of Kronstadt on pages "The Kronstadt Herald"	191
<i>I.V. Maximov</i>	
tsaritsynskie slums and their inhabitants on pages of the newspaper "Volzhsko-Donskoi Listok" (Essays from Nature)	217
<i>S.V. Stepanov, V.N. Novikov</i> Social and political life Yablonitskoy volost Yamburgskoy Uyezd in the early twentieth century: based on materials memories of contemporaries.....	203
<i>S. I. Podolsky</i> Memories of PE Lunenk (1906-2000) about the mining, civil war and Soviet society.....	212
<i>E.V. Ogurenko</i> Daily life of the provincial archivist on example of the Sverdlovsk regional state archive on the border 1930's - 1940's.	225
<i>A.A. Tarasova</i> Street from Russian Atlantis: a history of flooding the city of Mologa and other lands on Yaroslavl land in the late 1930s-1941 years.	232

<i>V.V. Bozhichko</i> District newspapers as a source of information about everyday life of collective farmers in 1946-1948. (on materials Ryazan region).....	237
<i>P.S. Kabytov, K.G. Kolganova</i> Social portrait of chairmen Kuibyshev Regional Council of Working People's Deputies (1945-1970).....	244
<i>E.A. Peacock</i> Fishermen Ob Ob River in the pictures daily routine.....	249
<i>E.P. Martynova</i> Yamal reindeer herders: adaptive behavior and day-to-day practices in a market economy.....	253
<i>N.V. Ievlev</i> The role of Orthodox brotherhoods as the most important elements spiritual self-organization of society.....	253
CONOMIC DAILY	
<i>T.V. Zhibrov</i> "So that they do not drink on a lace yard": on the problem of drunkenness in the south of Russia in the 17th century (based on the materials of the Voronezh Uyezd).....	259
<i>O.S. Mutieva</i> Transformation of the agricultural traditions of the mountain people of the North Caucasus under the influence of the Caucasian war.....	264
<i>A.A. Fortun</i> Social and economic adaptation of the peasantry of Novouzensk Uyezd in Samara province at the beginning of the 20th century.	269
<i>V.A. Lomanov</i> Economic reasons for the emergence of committees of the poor in the territory of the Pskov province.....	276
<i>A.Yu. Fedotov</i> Not by bread alone: clothing aid to the population of the Tatarstan in the hungry 1921-1923.....	279
<i>A.N. Zuev, I.I. Nikonov</i> Production and economic activities of housing and construction cooperatives of the Upper Volga Region under the conditions of NEP	284
<i>I.A. Ruppel</i> Pimokatstvo in the daily life of the Altai population in the last quarter of the 19th - the middle of the 20th centuries.....	289
<i>I.N. Muravyova</i> Restoration of industrial production of Donbass to meet the needs of Nazi Germany (1941-1943).....	296

WORK AND LEISURE IN THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN POPULATION

<i>E.V. Gusarova</i> The spiritual life of Zubtsov district of Tver province in the late XIX - early XX centuries.....	301
<i>E.Yu. Dubrovskaya</i> Military daily life and leisure of Red Army soldiers and townspeople of Karelia: 1918-1920.....	306
<i>O.V. Kozlov</i> Musical life of the Russian province in the first years of Soviet power (based on the materials of the Smolensk province).....	312
<i>A.M. Yuryev</i> Everyday life of Yaroslavl in the stanitsa of the works of I. Iif and E. Petrov.....	318

<i>M.V. Butskikh, Yu.O. Kurenkova</i> Cinema and theater in the cultural life of Orenburgers in the 1920s.....	322
<i>F.K. Yarmolich</i> Socialization of citizens during leisure (on materials of Leningrad in the 1950s-1960s).....	328
<i>I.T. Tsoriev</i> "... City of mountains and people ..." (From the history of the daily life of the capital of North Ossetia in the second half of 1940-1950).....	333
<i>R.R. Hisamutdinov, A.I. Arslanova</i> The role of television in the everyday life of the population of the Orenburg region (1960-1990).....	339
<i>M.V. Gerasimov</i> Tomsk everyday life in the years of perestroika: limitation of living space and orientation to sobriety.....	345
<i>V.N. Yakunin</i> Religious tourism as a way of social adaptation of the population in modern Russia.....	350
<i>E.D. Bepalenok</i> Vyazemsky merchant elite and its attitude to antisocial behavior in the XVIII century.....	356
<i>N.V. Alekseeva</i> Public opinion in the system of regulation of intra-community relations in the North of Russia in the XIX century.....	361
<i>V.A. Shalamov</i> "From mud - you can not burst, you can not be resurrected from purity": the idea of the daily purity of the body among the peasants of Eastern Siberia of the 1920s.....	367
<i>A.F. Gavrilentov</i> Daily life of members of the sect of Evangelical Christians (Pashkov) in Smolensk province in 1905-1917.....	373
<i>D.V. Valuev</i> From the History of the Burial Culture of Smolensk in 1917-1941: Traditions and Transformations.....	378
<i>A.V. Bocharova</i> Ideological modernization of the religious everyday life of the Soviet city (based on the example of Samara)	383
<i>E.V. Drobotushenko</i> On the question of the Orthodox daily life of the population of the south-west of the Chita region at the turn of the 1990-2000's.....	388
<i>T.P. Urozhayeva</i> The problem of alcoholization of the population of the Irkutsk region in the second half of the 1990's - early 2000's.....	393
<i>E.R. Iskhakov</i> Attitude of the population to the strengthening of their own health: modern realities and what affects?.....	399
CHILDREN AND YOUTH IN PUBLIC LIFE. EDUCATIONAL PRACTICES OF RUSSIAN POPULATION	
<i>OA Mayboroda</i> Home education in the noble families of the cities of Vologda and Cherepovets in the first half of the XIX century.....	404
<i>V.M. Ostrog</i> Conditions and peculiarities of pedagogical activity in secondary schools of Belarus in the second half of XIX - beginning of XX centuries.....	409
<i>I.V. Denisova, V.A. Liu-Ku-Tang</i> The daily life of pupils of the Belgorod Teachers' Institute in the late XIX - early XX century.....	415
<i>G.A. Bezhitashvili</i> Daily routine of the Tiflis infantry school of the Junkers in 1863-1917.....	420

<i>E.L. Yakovleva</i> Tatar children's magazines of the early twentieth century as a source of everyday fixation	426
<i>O.S. Roshchina</i> Pilgrimage trips of clergymen with pupils of schools of the end of XIX - the beginning of the XX-th century (on materials of the Siberian diocesan editions)	431
<i>A.A. Kozlova</i> The daily life of schoolchildren of the Siberian village on the eve of the Great Patriotic War (based on the materials of Omsk newspapers).....	436
<i>N.V. Kabakov</i> Evacuation of children during the Great Patriotic War in the Omsk region	441
<i>M.A. Meteiko</i> Daily life of teenagers of Donbass during the years of occupation (1941-1943).....	446
<i>L.A. Bolokin</i> Organization and work of children's homes in the Kalinin region in 1943.....	450
<i>A.V. Trofimov</i> Daily life of Ural schoolchildren in the first post-war decade.....	455
<i>I.D. Timofeeva</i> Everyday life of students from Vyborg boarding schools in the late 1950s - early 1960s.....	461
<i>Z.G. Saktaganova</i> Drunkenness and alcoholism among young people in the 1950s - 1960s: urban Soviet daily life of Central Kazakhstan.....	466
<i>N.S. Sidorenko, M.N. Budaeva</i> Daily Practices of Students of the Southern Urals in the 1990s (based on the material of the Chelyabinsk Region).....	473
GENDER SPECIFICITY OF SOCIALIZATION AND PUBLIC ACTIVITY	
<i>K.A. Abdrakhmanov</i> Female entrepreneurship in the South Urals in the second half of the XIX century on the example of the activity of the Chelyabinsk merchant M.M. Shikhova.....	480
<i>L.N. Pivovarova</i> Gender and age factors of labor activity of girls and boys in a peasant environment (on materials of the Kursk province).....	486
<i>A.G. Fot</i> The influence of gossip on the business daily routine of a woman of the clergy in the second half of the XIX century (on materials of the Orenburg province).....	492
<i>F. Akhmedova</i> A Muslim woman in the views of Russian researchers of the early twentieth century	497
<i>A.A. Brovina, N.P. Mironova</i> Lifestyle of a female scientist in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences in the 1950s. (based on business diaries).....	502
NATIONAL CULTURES AND CONFESSIONAL ASPECT OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN EVERYDAY	
<i>O.V. Mishurin</i> Gender stereotypes of the Mordovians in the process of primary socialization.....	506
<i>S.I. Kovalsky</i> Painting as a source to study the daily routine of the Kazakh people of the 18th-19th centuries.....	511

<i>A.A. Nasonov</i> Microhistorical and macrohistorical approaches to the study of interconfessional interaction in the south of Western Siberia at the turn of the 19th and 20th centuries.	516
<i>R.K. Vildanova</i> Muslim representatives in public institutions of Simbirsk in the last third of the XIX - beginning of XX centuries.....	520
<i>S.N. Filimonchik</i> Karelian Association of Proletarian Writers (1926-1932)....	526
<i>N.I. Ivanova</i> One Family Chronicle or the Rooting of the Germanic Family in Russia.....	532
<i>S.A. Tambi</i> Oranienbaum Estonians.....	540
<i>B.B.-A. Abdulvahabova</i> Social adaptation of the Chechen family in the post-conflict period.....	546
<i>E.A. Sorokina</i> Some modern realities of everyday life in Sweden.....	549
<i>G.R. Asatova</i> Contemporary Olympic Movement in Uzbekistan: the activities of the National Olympic Committee.....	554
PERSONAL HISTORY AND PUBLIC ACTIVITY OF PEOPLE	
<i>E.A. Chernoushov</i> Polish physician O. Nechvedovich in the northern Urals in 1811-1842.....	560
<i>A.P. Stotsky</i> Vladislav Frantsevich Halle - Police Chief of St. Petersburg.....	564
<i>HA. Buriieva</i> Materials of the personal fund of the famous scientist-orientalist...	
<i>N.P. Ostroumova</i> as a source for studying the public life of Turkestan (according to the documents of the Central Administration of Civil Aviation of the Republic of Uzbekistan).....	568
<i>Sh.Sh. Choriev</i> On the contribution of Russian orientalists to the development of social activity and science in Turkestan (according to personal archives).....	574
<i>V.G. Jófe</i> Man of the people and stormy era.....	578
<i>P. Yu. Guivan</i> A tractor driver, an order-bearer, a party worker, a partisan: to the 110th anniversary of the birth of M.I. Seduk.....	583
<i>A.I. Veretin</i> Mikhail Semenovich Kharchenko.....	590
Information about the authors.....	596

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Материалы международной научной конференции,
15–17 марта 2018 г.

Под общей редакцией проф. В.А. Веремenco

Верстка, оригинал макет С. В. Степанова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
Ленинградской области
«КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО»
Лауреат Премии им. Е.Р. Дашковой
e-mail: kptloorg@gmail.com
г. Луга, пр. Кирова, д. 56
«Издательство Голубева»
Тел. 8(953)373-60-11
Подписано в печать 08.03.18
Усл. п. л. 39,6 Формат 60x84 / 16
Тир. 500 экз.